

Израиль в Европе

Г. Ф. Эбботт

ISRAEL IN EUROPE

BY

G. F. ABBOTT

KNIGHT COMMANDER OF THE HELLENIC ORDER OF THE SAVIOUR
AUTHOR OF "SONGS OF MODERN GREECE," "THE TALE OF A TOUR IN MACEDONIA"
"THROUGH INDIA WITH THE PRINCE," ETC.

LONDON

MACMILLAN AND CO., LIMITED

NEW YORK: THE MACMILLAN COMPANY

1907

Электронная книга проекта "Гутенберг" об Израиле в Европе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Израиль в Европе

Автор: Г. Ф. Эббот

Дата выхода: 29 сентября 2023 [Электронная книга №71752]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Великобритания: Macmillan and Co., Limited, 1907

Авторские права: Ричард Халс и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИЗРАИЛЬ В ЕВРОПЕ" ***

Примечание переписчика

Увеличенную версию [карты](#) в конце книги можно просмотреть, щелкнув по ней правой кнопкой мыши и выбрав опцию для просмотра отдельно или дважды нажав и / или растянув ее.

Новая оригинальная обложка, прилагаемая к этой книге, находится в общественном достоянии.

[Дополнительные примечания](#) будут найдены ближе к концу этой книги.

ИЗРАИЛЬ В ЕВРОПЕ

ИЗРАИЛЬ В ЕВРОПЕ

Г. Ф. ЭББОТТ

РЫЦАРЬ-КОМАНДОР ГРЕЧЕСКОГО ОРДЕНА СПАСИТЕЛЯ
АВТОР "ПЕСЕН СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЦИИ",

“РАССКАЗА О ПУТЕШЕСТВИИ По МАКЕДОНИИ”,
“ЧЕРЕЗ ИНДИЮ С ПРИНЦЕМ” И ДР.

ЛОНДОН
MACMILLAN AND CO., Limited
НЬЮ-ЙОРК: THE MACMILLAN COMPANY
1907

ГЛАЗГО: НАПЕЧАТАНО В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ UNIVERSITY PRESS
РОБЕРТОМ МАКЛЕХОЗ И КО. ЛТД.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цели и пределы настоящей работы достаточно объяснены во Введении. Здесь мне остается только исполнить приятную обязанность и выразить свою благодарность мистеру И. Абрахамсу из Кембриджа за его дружескую помощь в доработке корректур и выразить ему свой долг за многие ценные предложения. Однако нельзя считать, что он разделяет все мои взгляды.

Г. Ф. А.

Содержание

	СТРАНИЦА
Авторитетов	xi
Введение	xv
ГЛАВА I	
Гebraизм и эллинизм	1
ГЛАВА II	
Евреи в Римской империи	18
ГЛАВА III	
Иудаизм и язычество	28
ГЛАВА IV	
Рассеяние	34
ГЛАВА V	
Христианство и евреи	41
ГЛАВА VI	
Средние века	62
ГЛАВА VII	

Крестовые походы	83
ГЛАВА VIII	
Ростовщичество и евреи	105
ГЛАВА IX	
Евреи в Англии	115
ГЛАВА X	
Евреи в Испании	141
ГЛАВА XI	
После изгнания	167
ГЛАВА XII	
Возрождение	178
ГЛАВА XIII	
Гетто	196
ГЛАВА XIV	
Реформация и евреи	214
ГЛАВА XV	
Католическая реакция	232
ГЛАВА XVI	
В Голландии	245
ГЛАВА XVII	
В Англии после изгнания	255
ГЛАВА XVIII	
Переселение	275
ГЛАВА XIX	
Канун Эмансипации	286
ГЛАВА XX	
Палингенезия	301
ГЛАВА XXI	
В России	329
ГЛАВА XXII	
В Румынии	379
ГЛАВА XXIII	
Антисемитизм	404
ГЛАВА XXIV	
Сионизм	482
Указатель	519
КАРТА	

Приблизительной плотности еврейского населения *На конец.*

ВЛАСТИ

ОБЩЕЕ

“История евреев” Х. Греца.

“История евреев” Дина Милмана.

“Еврейская энциклопедия”.

ОСОБЫЙ

Ч. I.

“Дом Селевка” Э. Р. Бевана; “Первосвященники Израиля”.

Глава II., IV., V.

“История еврейского народа в Маккавейский и римский периоды” Дж. С. Риггса.

“Евреи под властью Рима” У. Д. Моррисона.

“История Рима” Моммзена.

“Упадок Римской империи” Гиббона.

Глава VI., VII., VIII.

“Путешествия” Бенджамина из Туделы. Перевод. Ашера.

“Еврейская жизнь в средние века” И. Абрахамса; “Маймонид”.

“Средние века” Хэллама.

“История мавританской империи в Европе” С. П. Скотта.

“Упадок Римской империи” Гиббона.

“Принципы экономики” А. Маршалла.

Глава IX.

Дж. Джейкобса “Евреи Анжуйской Англии”.

“Изгнание евреев из Англии в 1290 году” Б. Л. Абрахамса.

“История основания и проживания евреев в Англии” Дж. Э. Бланта.

“Евреи в Великобритании” М. Марголиута.

Ч. X., XI.

“История евреев в Испании” А. де Кастро.

“История евреев Испании и Португалии” Дж. Финна.

“История евреев Испании и Португалии” Э. Х. Линдо.

“Фердинанд и Изабелла” Прескотта.

Глава XII.

Кембриджская современная история: том I., “Возрождение”.

“Жизнь и понтификат Льва X” У. Роско

Глава XIII.

“Еврейская жизнь в средние века” И. Абрахамса.

“Венецианская республика” У. К. Хэзлитта.

Глава XIV.

Кембриджская современная история: Том II. “Реформация”.

Глава XV.

“История израильтян в Польше” Дж. Финна.

Кембриджская современная история: том III, “Религиозные войны”; Том IV, “Тридцатилетняя война”.

Глава XVI.

“Голландская республика” Мотли.

Глава XVII.

“История основания и проживания евреев в Англии” Дж. Э. Бланта.

“Евреи в Великобритании” М. Марголиута.

Ch. XVIII.

“Переселение евреев в Англию” Люсьена Вольфа; “Миссия Манассии бен Изразля при Оливере Кромвеле”.

“История Содружества и протектората” С. Р. Гардинера.

“Оливер Кромвель” Дж. Морли.

Ч. XIX., XX.

“Воспоминания М. Сэмюэля о Мозесе Мендельсоне”.

“Автобиография” Соломона Маймона. Перевод. Х. Кларка Мюррея.

Э. Шрайбер “Реформированный иудаизм и его пионеры”.

Кембриджская современная история: Том. VIII., “Французская революция”; Том. IX., “Наполеон”.

Британская энциклопедия: Статья “Евреи”.

Глава XXI.

“Еврейский вопрос в России” князя Сан-Донато Демидова. Перевод. Х. Гедаллы.

L. Cerf’s “Les Juifs de Russie.”

“История литературы на идише в 19 веке” Лео Винера.

“Польский еврей” Беатрис К. Баскервиль.

Глава XXII.

“Евреи в Румынии” Израэля Дэвиса.

E. Sincerus’ “Les Juifs en Roumanie: Les lois et leurs conséquences.”

“Преследование евреев Румынии” А. М. Голдсмида.

“Сэр Уильям Уайт: Его жизнь и переписка” Х. Сазерленда Эдвардса.

“Румыния и евреи”, автор “Веракса”.

Ch. XXIII.

“Еврейский вопрос” Джозефа Джейкобса.

“Аспекты еврейского вопроса”, автор “Ежеквартального обозрения”.

Anatole Leroy-Beaulieu’s “Israel parmi les Nations.”

E. Drumont’s “La France Juive.”

Британская энциклопедия: Статья “Антисемитизм”.

“Инопланетное вторжение” У. Х. Уилкинса.

“Еврей в Лондоне” К. Рассела и Х. С. Льюиса.

Глава XXIV.

“Прогресс сионизма” Х. Бентвича.

“Цели сионизма” Р. Готтейля.

“Еврейское государство” Т. Герцля.

“Еврейский вопрос”, Аноним. (Гей и Берд, 1894).

“Аспекты еврейского вопроса”, автор “Ежеквартального обозрения”.

Британская энциклопедия: Статья “Сионизм”.

В дополнение к этим основным руководствам в сносках по особым пунктам даются ссылки на конкретные авторитетные источники.

Введение

Недаром Филон, знаменитый греко-еврейский ученый из Александрии, считал жезл Аарона, который “распустился, и пустил бутоны, и распустил цветы, и дал миндаль”, эмблемой своей расы. Оторванные от выросшего стебля и от почвы, которая их вскормила, и почти двадцать веков подвергавшиеся зимним порывам невзгод и преследований, дети Израиля все еще распускаются и представляют миру вечную проблему, ныне известную как еврейский вопрос — вопрос, который не представляет большего интереса для изучающего прошлое или более сильного увлечения для размышляющего о будущем; вопрос, по сравнению с которым восточные, ирландские и все другие злободневные вопросы - всего лишь вчерашний день; вопрос, который подвергал испытанию изобретательность европейских государственных деятелей со времен рассеяния народов. об этом восточном народе над землями Запада.

“Что делать с евреем?” Вот в чем вопрос. То, как каждое поколение государственных деятелей, от законодателей древнего Рима до законодателей современной Румынии, пыталось ответить на этот вопрос, формируя надежный критерий материальных, интеллектуальных и моральных условий, царивших в каждой стране в каждый период, могло бы послужить основой для чрезвычайно интересного и поучительного, хотя и несколько унижительного, изучения европейской политической этики. Здесь я ограничусь более легким трудом. Я предлагаю в общих чертах обрисовать судьбу Израиля в Европе с древнейших времен до наших дней. Это печальная история, и ее часто рассказывают, но она достаточно важна, чтобы рассказать ее снова. Моей целью — насколько позволяет человеческая природа — не будет ни оправдывать, ни порицать, а только описать и, в какой-то мере, объяснить.

Не будет преувеличением сказать, что евреи прожили в Европе более длительный период, чем некоторые нации, которые гордятся титулом европейских. За много веков до того, как стали известны предки современных венгров и славонцев, резкие черты лица и гортанный акцент торговца-иврита были известны на рынках Греции и Италии. Уже в четвертом веке до нашей эры мы находим еврейское слово, обозначающее “задаток”, закрепившееся в греческом языке (ἀρραβών), а во втором веке - в латыни (*arrhabe*) — любопытная иллюстрация торговой деятельности евреев в Средиземноморье даже в те дни.¹ И все же, несмотря на продолжительность их пребывания среди народов Запада, большинство евреев остались во многих существенных отношениях такими же восточными, какими они были во времена

Патриархов. Более молодая раса поддалась бы влиянию окружающей среды, более слабая раса поддалась бы угнетению, менее негибкая или черствая раса могла бы победить своих завоевателей. Но евреи, когда они впервые соприкоснулись с Европой, были уже слишком взрослыми для ассимиляции, слишком сильными для истребления, слишком закоренелыми в своем своеобразном культе для пропаганды. Даже после того, как Израиль прекратил свое существование как государство, он выжил как нация, образовав единую неподвижную фигуру в постоянно движущейся панораме. Узкая местная идея древнегреческого государства была объединена с широким космополитизмом Македонской империи, а тот, в свою очередь, был поглощен более широким космополитизмом Императорского Рима. Но еврей остался верен своему собственному древнему идеалу. Монотеизм вытеснил политеизм, и космополитизм Римской империи сменился космополитизмом Римской церкви. Еврей все еще продолжал уходить корнями в прошлое. Средневековый космополитизм уступил место национализму современной Европы. И все же еврей отказался участвовать в переменах. Слишком узкий в одну эпоху, недостаточно узкий в другую, всегда заодно с самим собой и не в ладах со своими соседями, теперь, как всегда, он являет собой печальную картину человека, который чужой на земле своих отцов и чужой в стране своего усыновления.

Результатом этого отказа двигаться вместе с остальным миром стали взаимная ненависть, раздоры и преследования; каждая эпоха добавляла новый звон к ядовитому растению антииудаизма. В таком результате виноваты обе стороны — или ни одна из них. Ни у одной расы никогда не было более развито национальное и религиозное чувство или она не была более нетерпима к инакомыслию, чем евреи; ни одна раса никогда так сильно не страдала от национального и религиозного фанатизма и от нетерпимости к инакомыслию со стороны других. Еврейские колонии, образующие, как это в большинстве случаев и происходит, небольшие, эксклюзивные сообщества в неподходящем окружении, всегда были объектами предрассудков — незавидной привилегии всех меньшинств, которые упрямо отказываются соответствовать кодексу, одобренному большинством. Те же характеристики вызывали аналогичную враждебность к первобытному христианству и привели к преследованию первых мучеников. Никто не остается безнаказанным за эксцентричность. Несмотря на евангелие терпимости, постоянно проповедуемое мудрецами, а иногда и святыми, отношение человечества всегда было и остается враждебным по отношению к инакомыслию. *"Друг мой, ты мой друг"* - это принцип, который в измененной форме может быть распространен не только на тайные революционные общества. Единственное различие заключается в том, каким образом эта тираническая максима реализуется в разных странах и эпохах: юридическая недееспособность может заменить массовую резню, или изгнание может перерасти в социальный остракизм; и все же враждебность всегда присутствует, как бы сильно ни менялось ее выражение. Человек - это преследующее животное.

К евреям в Европе можно было бы применить слова, которые циничный священник Бальзака адресовал разочарованному молодому поэту: *"Вы участвуете в видении идей мира и вы не участвуете в рассмотрении вопроса о согласии мира с тем, что я уважаю, с этой луизой"*. Теперь, когда к простому внешнему несоответствию в вопросах богослужения и поведения добавляется радикальное несоответствие моральным, политическим и социальным идеалам, независимо от того, будет ли это несоответствие активно выставляться напоказ или только пассивно поддерживаться, результатом может быть не что иное, как жестокие трения. Поэтому неудивительно, что "черных дней" значительно больше, чем "красных" в еврейском

календаре- этом кратком, но наиболее ярком комментарии к трагической истории расы. Чудо в том, что гонка должна была выжить, чтобы продолжать выпуск календаря.

В то же время беспристрастное расследование доказало бы, я думаю, к удовлетворению всех непредвзятых умов, что степень, в которой евреи заслужили ненависть к инакомыслию, во все века была строго пропорциональна величине самой ненависти. Даже в настоящее время при расследовании можно было бы обнаружить, что евреи сохраняют большую часть своей традиционной отчужденности и фанатизма — большую часть того, что их критики клеймят как их *трайбализм*, — в тех странах, где они страдают наиболее жестоко. Более того, в одной и той же стране классы, наименее подверженные презрению, явному или молчаливому, со стороны своих соседей, в наименьшей степени отличаются фанатизмом. Вполне естественно, что так и должно быть. Люди никогда так фанатично не цеплялись за идеал, как тогда, когда они оторваны от реальности. Христианство сначала распространилось среди рабов и изгоев общества, и его окончательный триумф был обеспечен гонениями. Мы видим яркую иллюстрацию этого универсального принципа в современной Ирландии. Чему обязано огромное влияние католической церкви на умы крестьян, как не идеальному утешению, которое она долгое время предоставляла для их материальных страданий? Аналогично на Ближнем Востоке. Богатые христиане, чтобы спасти свои земли от конфискации, отреклись от своей религии и приняли господствующее вероучение ислама. Бедные крестьяне готовы отдать свои жизни за свою веру и верят, что всякий, кто умрет, защищая ее, воскреснет к жизни в течение сорока дней. Легко высмеивать чрезмерность духовного энтузиазма, осуждать эгоистичный деспотизм его служителей и сожалеть о слепом фанатизме его жертв. Но фанатизм, в конце концов, - это всего лишь вера, укрепленная невзгодами и омраченная угнетением.

Сама еврейская история показывает, что несчастья, которые раздувают фанатизм, также сохраняют религию. Будучи независимыми и могущественными, евреи часто забывали о благах, дарованных им их Богом, и переносили причитающиеся Ему почести на чужих богов своих соседей-идолопоклонников. Но когда Иегова в Своем гневе скрыл Свое лицо от Своего народа и наказал его неблагодарность, поставив его под чужеземное иго, благочестие евреев приобрело во время бедствия такую степень пылкости и постоянства, которой оно никогда не обладало во времена их процветания. Одно и то же явление наблюдалось во все времена. При хорошем обращении евреи в значительной степени утрачивали свою отчужденность, и стремление к национальному возрождению лелеялось лишь как романтическая мечта. Но во времена гонений стремление к искуплению и восстановлению под властью короля их собственной расы вспыхнуло ярким пламенем. Надежда на Мессианского Икупителя была факелом света и утешения на протяжении многих долгих зимних ночей. Но ярче всего она горела, когда ночь была самой темной. Если в такие времена евреи проявляли чрезмерную стойкость в исполнении пророческих обещаний, кто может винить их? Те, у кого ничего нет в настоящем, имеют наибольшее право претендовать на часть будущего.

ГЛАВА I

ИУДАИЗМ И ЭЛЛИНИЗМ

Несмотря на хорошо известное влияние, которое греческая культура и греческая мысль оказали на часть евреев при преемниках Александра Македонского, основная масса еврейской нации никогда не относилась благосклонно к эллинизму. Александр проявил себя таким же великим государственным деятелем, как и воином. Хотя он и был апостолом эллинизма, он не стремился укрепить свою Империю, насаждая единообразие культа и обычаев, как с тех пор делали близорукие деспоты, но поощрял дружеские отношения между греками и различными народами, попавшими под его скипетр. Одаренный редким воображением, он проникся чувствами таких разных рас, как египтяне и евреи. Последним он выделил пограничные земли, которые долгое время были яблоком раздора между ними и самаритянами. Он освободил их от налогов в течение непродуктивного субботнего года. Он уважал их предрассудки, почитал их религию и ценил их добросовестность. Хотя из уважения к религиозным чувствам халдеев он приказал восстановить Храм Бела в Вавилоне, он простил еврейским солдатам их отказ подчиниться его приказу как противоречащий учению их веры. Примирение было принципом империализма Александра и секретом его успеха. ♦301 год до н.э. ♦ Птолемеи, на долю которых при разделе Македонской империи в конечном итоге перешла Палестина, унаследовали просвещенную политику Александра. Первосвященник евреев был признан главой нации, и именно через него выплачивалась дань. Так обстояли дела у евреев дома.

За границей их участь была столь же завидной. Некоторые современные критики сомневались в поселении евреев в Египте до третьего века. Но недавние открытия (в частности, арамейские папирусы мистера Р. Монда) доказывают, что еврейская община существовала в Египте даже в столетия, предшествовавшие Александру. Теперь убеждения и надежда на прибыль привлекли многие тысячи из них в Александрию, Кирену и другие центры эллинистической культуры. Во всех этих местах они жили на условиях полного равенства с греческими колонистами. Недавно построенный город в устье Нила вскоре стал центром еврейского влияния и школой обучения для еврейской нации. Под мягким правлением Птолемеев евреи процветали, размножались и достигли успеха во всех сферах жизни, как общественной, так и частной. Из пяти районов Александрии они занимали почти два. Египет был тогда житницей Европы, и торговля зерном находилась в основном в руках евреев. Утонченность пришла вместе с богатством, а свобода породила терпимость. Евреи культивировали греческую письменность, и некоторые из них глубоко прониклись духом греческой философии и даже искусства. Это дружеское взаимопонимание между еврейским и греческим умом дало миру мистический союз Моисея и Платона в трудах Филона и переводе Ветхого Завета на Септуагинту, который должен был подготовить почву для прихода христианства. И все же основная масса александрийских евреев оставалась особым народом. Греки и египтяне объединили свои религии в общую форму богослужения. Но евреи по-прежнему были отделены от обеих рас непреодолимыми барьерами веры, закона и обычаев. Они по-прежнему смотрели на Иерусалим как на свою столицу, а на Александрию - просто как на место ссылки. Посреди язычества они образовали монотеистическую колонию. Их молитвенные дома были также школами левитского обучения, где усердно изучалась и разъяснялась Тора. Их единственным связующим звеном с

государством был их собственный этнарх, который действовал как верховный суверен и судья своего народа и представлял его при Дворе.

Аналогичные условия царили и в Палестине. Там также эллинский язык, нравы, пиры, игры и философия проникли под влиянием греческих колоний на побережье, и была сформирована партия еврейских эллинистов. В стране, которая когда-то звенела пророческими высказываниями Исайи и Иеремии, теперь распевались любовные стихи Сафо и цитировались остроумные сарказмы афинского Вольтера Еврипида. Но Тора, или еврейский религиозный закон, была категорически против всех нововведений, и антигреческая часть народа, называемая “Благочестивыми” (хасидами или ассирийцами), с глубоким опасением относилась к вторжению иностранной культуры. Отсюда возникла непримиримая вражда между либералами и консерваторами, которые ненавидели, предавали анафеме, а позже распинали друг друга так сердечно, как только могут делать братья. Но хасиды, несмотря на политическую несостоятельность, были всемогущи в глазах общества, и недалек тот момент, когда они должны были принять на себя верховное командование.

В 198 году до н.э. Палестина после столетней борьбы перешла под власть греко-сирийских Селевкидов, которые, в отличие от своих предшественников, начали политику насильственной ассимиляции и при поддержке эллинистической партии среди самих евреев заставили своих подданных принять их собственную цивилизацию и поклоняться своим собственным богам. Однако ни терпимость греко-египетских, ни жестокость греко-сирийских царей не смогли примирить евреев с обычаями язычников. ♦ 175-164 гг. до н.э. ♦ Антиох Епифан мог изгнать Иегову из Иерусалимского храма и возвести на трон Зевса вместо него; он мог бы воздвигнуть алтари языческим божествам в каждом городе и деревне; и он мог бы исчерпать все ресурсы деспотизма ради обращения. Робких принудили к притворному и мимолетному согласию, но основная масса нации, подстрекнутая к упрямству, предпочла изгнание или мученическую смерть отступничеству. Оскверненный храм оставался пустым, а алтари холодными, пока тлеющее недовольство возмущенного народа не вспыхнуло пламенем, и пассивное сопротивление не сменилось ожесточенным восстанием.

♦166-141 гг. до н. э.♦

Движение возглавлял героический, набожный и свирепый дом Маккавеев — ветвь семьи Хасмонеицев, — которые после долгой борьбы, отличавшиеся великолепной выносливостью, пронцательностью и невыразимой суровостью, освободили свой народ от нивелирующего эллинизма иностранных правителей, учредили *Синедрион* (Συνέδριον) и восстановили национальное поклонение Иегове во всей его первозданной чистоте и ограниченности. ♦ 163 г. до н.э. ♦ Победоносный отряд, наконец, вошел в Иерусалим “с хвалой” и пальмовыми ветвями, и арфами, и кимвалами, и виолами, и гимнами, и песнопениями”,² Симон был провозглашен первосвященником и князем Израиля, и началась новая эра. ♦141. 23 мая.♦ Восстановление Храма до сих пор отмечается евреями в их ежегодный восьмидневный праздник Посвящения (*Ханука*), когда зажигаются лампы и торжественно поется гимн в память о чуде единственного сосуда с маслом, который избежал языческой скверны и поддерживал вечный огонь в Доме Господнем до дня искупления.

Но религиозный энтузиазм, хотя и мощный меч, все же неудобный скипетр, и вскоре победоносная семья забыла, как сказали бы “Благочестивые”, о деле Божьем в погоне за самовозвеличиванием и земной славой. Консервативные элементы были объединены в

стремлении сохранить свою религиозную свободу. Но интерес к обретению политической независимости был ограничен правящей семьей. Хасмонеи, основав свою династию, стремились к завоеваниям за границей и царскому великолепию у себя дома. Один из них окружил себя телохранителями-иностранцами, а другой принял титул царя. От своего прежнего характера они сохранили только свирепость энтузиастов. Их семья была раздираема междоусобицами и запятнана кровью своих собственных членов. Эта политика мирских амбиций лишила их поддержки хасидов, которые могли терпеть кровопролитие только ради праведности. Более того, хасмонеи в их новом положении устоявшейся семьи имели больше общего со священнической аристократией, чем с бедными фанатиками, благодаря энтузиазму которых они завоевывали это положение. Поэтому они присоединились к партии эллинизаторов, и, хотя неприкрытое принятие чужеземных богов было уже невозможно, они пытались своим примером осуществить то, чего Селевкиды тщетно пытались добиться силой. Они не были полностью безуспешными. В Иерусалиме была представлена греческая архитектура. Были приняты греческие цифры. Все государственные деятели Иудеи понимали греческий язык и использовали его в дипломатических переговорах. Греческие имена не стали редкостью. Еврейские барды перестали вешать свои арфы на ивы. Больше не было необходимости в горьких стенаниях или лирическом вдохновении. Проза, скромная, но трезвая, вытеснила пламенную поэзию былых времен. Гимны уступили место истории. Евреи, наконец, со спокойной умеренностью наслаждались своими триумфами, религиозными и политическими, над своими внешними и внутренними врагами.

Но если еврейская муза молчала из-за отсутствия тем, то еврейский гений, который диктовал древние псалмы и вдохновлял древних пророков, не был мертв. Национальная приверженность традициям и строгому иудаизму проявилась в возрождении иврита как разговорного языка. Он использовался при чеканке монет, в государственных указах и в популярных песнях. Патриотизм подпитывался празднованием годовщин национальных побед над врагами иудаизма. Одним словом, толпа отказывалась следовать придворной моде. Еврей отведал плодов западной культуры и объявил их невкусными. Эллинизм был затронут и обрел низменный металл; и, несмотря на усилия его королей - их греческие храмы и греческие театры, — еврей оставался восточным. “Проклят человек, который позволяет своему сыну изучать греческую мудрость”, - таков вердикт Талмуда, и еврейский поэт много веков спустя повторяет анафему в более мягкой форме: “Не приближайся к греческой мудрости. У него нет плодов, а только цветет”.³

Но, хотя основная часть нации была согласна в своем отношении к иностранной культуре, в настоящее время наблюдается внутреннее разделение на несколько партий, отличающихся друг от друга степенью их приверженности традициям прошлого и устремлениями в будущее. Две из этих сект выдаются в высшей степени как представители еврейских настроений и как выразители двух взглядов, которые продолжали разделять еврейскую нацию на протяжении веков вплоть до наших дней. Это фарисеи и саддукеи, чьи имена впервые звучат при первых хасмонеях вождах, но чьи взгляды соответствуют взглядам эллинистических и национальных партий Селевкидского периода. Фарисеи были ответвлением партии асидеев, которая, как мы видели, вела беспощадную и успешную войну против эллинизма. После их победы самые восторженные из “Благочестивых” отошли от общественной жизни и лелеяли свое благочестие и разочарование в аскетическом уединении. Но большинство членов партии

были далеки от того, чтобы считать свою миссию выполненной или довольствоваться абстрактной преданностью. Они считали своим долгом как перед верой, так и перед отечеством принимать активное участие в политике. Сохранение иудаизма в его древней исключительности было их программой. Все общественные начинания, все национальные акты, а также все частные сделки должны были оцениваться по жестким религиозным стандартам. Закон в руках фарисеев стал прокрустовым ложем, на котором разум нации должен был быть растянут или искалечен в соответствии с требованиями национализма и толкованиями Книжников. Эта непреклонная ортодоксальность, с сопутствующими ей дисциплиной и жертвованием индивидуальностью, находилась в совершенном согласии с еврейским темпераментом, и фарисеев следует рассматривать как толкователей взглядов, дорогих огромной массе их соотечественников. С течением времени фарисейская позиция все больше и больше превращалась в теологическое кредо, облаченное в паутину церемониальных формальностей, но оживленное вдохновляющей преданностью воле Иеговы и горячей верой в конечный триумф Его Избранных.

Против этого учения восстала секта саддукеев, которые сыграли по отношению к фарисейству роль, в одном отношении аналогичную той, которую протестантизм сыграл по отношению к католицизму, а в другом - роль, которую Кавалеры сыграли по отношению к Круглоголовам. Все свои религиозные догматы они черпали из буквы Священного Писания, отвергая уроки устной традиции и "наследие книжников". Они отказывались верить в ангелов или в воскресение мертвых и отвергали фаталистическую доктрину о том, что будущее личности и государства зависит не от действий человека, а от божественной воли, установленной раз и навсегда. Они указывали, что, если бы это было так, вера в Божью справедливость была бы доведена до абсурда, поскольку святой и грешник были бы перепутаны в одном огульном приговоре. Саддукеи считали, что человек сам является хозяином своей судьбы. Фарисеи ответили на возражения своих противников относительно божественной справедливости небиблейским учением о воскресении мертвых, которое проникло в иудаизм в последние годы вавилонского пленения. Они утверждали, что если бы святой и грешник вели себя одинаково в этой жизни, равновесие было бы восстановлено в следующей. Тогда праведники вознеслись бы к вечному блаженству, а нечестивцы - к вечному позору. Этот и другие незначительные моменты легли в основу догматических различий между двумя сектами. Их различие в вопросах практической политики и социальных воззрений было характерно для их соответствующих вероучений. Саддукеи, далекие от того, чтобы ожидать спасения нации от чудесного вмешательства Божества, обратились за помощью к человеческой мудрости. Они ставили интересы государства выше интересов синагоги. Они разделяли благовоспитанный ужас аристократа перед тревожным энтузиазмом и аскетизмом. Хотя они и признавали авторитет Закона, они были умеренны в своем благочестии и не могли питаться одними опресноками. Они отдавали предпочтение эллинизму и поддерживали хасмонейских царей в их усилиях сбросить оковы церковной тирании. ♦ 40-4 гг. до н.э. ♦ Либеральные и прогрессивные и, в то же время, дегенеративные тенденции протестантов-саддукеев проявляются в их наиболее ярко выраженной форме в секте иродянцев, которые позже помогли Ироду Великому в его стремлении сделать языческую культуру популярной среди своих подданных путем возведения храмов и театров, принятия языческих обычаев богослужения и поощрения эллинских игр. Партия саддукеев включала в себя великие священнические семьи, знатных и богатых, то есть меньшинство. Их оппоненты интерпретировали чувства низшего духовенства и народа. Иудаизм, как его понимали фарисеи, был идолом, ради которого нация приняла мученическую

смерть, и национальная преданность этому идолу приобрела новый пыл в недавней борьбе с эллинизмом.

Ненависть евреев к эллинизму можно, в некотором смысле, рассматривать как продолжение той более древней враждебности, которая, по-видимому, отравляла отношения между Европой и Азией с самой зари истории. Это антипатия, которая под разными именами и обликами продолжает преобладать по сей день, проявляясь то в антисемитизме, то в антитуркизме и снова в исключении азиатских иммигрантов из англоязычных стран: печальное наследие, полученное от наших далеких предков и, вероятно, переданное отдаленным потомкам. Задолго до появления еврея на сцене европейской политики этот антагонизм проявился в наследственной вражде между эллином и варваром, которую остроумный Геродот проследил до взаимных похищений женщин жителями двух континентов и из которых, согласно его теории, Троянская война была самым важным и блестящим эпизодом.⁴ Та же самая вражда в исторические времена была подкреплена гигантскими усилиями персидского царя по покорению Европы, а в более поздний период - успехом Александра в покорении Азии. Если бы отец истории родился заново, чтобы прославить подвиги последнего героя, он, без сомнения, описал бы македонскую кампанию как часть цепи вражды, первые звенья которой он искал и нашел в романтических повествованиях о мифической доблести. Современный исследователь, улыбаясь высокомерной улыбкой простой вере своего великого предшественника в легенды и традиционные сплетни, не может не признать, что во всеобъемлющем обзоре истории Геродота было истинное понимание; но, рассматривая вещи в свете более зрелого опыта и менее не критичным взглядом, он будет склонен рассматривать эту почтенную борьбу как результат гораздо более глубокого антагонизма между соперничающими цивилизациями, конкурирующими ментальными и моральными установками — установками, которые в их самых общих чертах можно определить как восточные и западные соответственно; в их более узком аспекте, с точки зрения которые нас больше всего интересуют как еврейские, так и эллинские.

У еврея было одно общее качество с греком. Они оба ясно видели жизнь и воспринимали ее как гармоничное целое. Но каждый из них смотрел на это с противоположной точки зрения. Тщательность, последовательность и единство каждого идеала сами по себе только усугубляли его несовместимость с другим. Именно к этой несовместимости следует отнести провал эллинизма в Западной Азии в целом и среди евреев в частности. Система жизни, воспитанная на чисто интеллектуальной основе, не имела очарования для расы, по сути духовной. Холодный язык разума не донес никакого послания до сознания еврея, который, как и большинство жителей Востока, обращается только к богооткровенной религии за руководством в вопросах веры и поведения. Азиат никогда не чувствует себя счастливым, кроме как в вероучении, а эллин не предложил ему ничего лучшего, чем этический кодекс. Каким подлым и приземленным должен был казаться этот кодекс в глазах людей, привыкших к великолепным ужасам Моисеева Закона! Опять же, интеллектуальная свобода — привилегия исследовать все и испытывать все, прежде чем принимать что-либо как истину, - на которую грек испокон веков претендовал как на неотъемлемое право человека от рождения и на которой он построил свою благородную цивилизацию, была отвратительна народу, опутанному узами традиции и не доверяющему всему, что не санкционировано властью. У греков не было слова для обозначения Веры в отличие от Убеждения. Он почитал разум и презирал интуицию. То, что умственное око человека не могло ясно видеть, не стоило того, чтобы видеть, или, скорее, не существовало для него. Палестина была домом Откровений; Эллада - домом Умозрений. Одна страна дала нам

философию и платоновские диалоги; другая - Пророков и Десятисловие Моисея: первая - все аргументы, вторая - все заповеди.

Следующий разговор между двумя представителями двух миров наглядно демонстрирует их соответствующие установки. Один — Джастин Мученик, другой — таинственный персонаж - вероятно, вымышленный персонаж, - который посеял в сознании Джастина семя новой религии.

Джастин. Может ли человек достичь большего триумфа, чем доказать, что разум безраздельно властвует над всеми вещами, и, захватив разум и вознесенный им ввысь, наблюдать за ошибками других людей? Нет никакой мудрости, кроме Философии и правильного разума. Следовательно, долг каждого человека - культивировать философию и считать это величайшим и славнейшим занятием, все остальные блага - вторичной или третичной ценностью; ибо, если они связаны с философией, они достойны некоторого признания; но, если они отделены от философии, они обременительны и вульгарны.

Незнакомец. Что такое философия и в чем заключающееся в ней счастье?

Джастин. Философия - это Знание того, что есть и истинно. Счастье, получаемое из нее, является наградой за это знание.

Незнакомец. Как могут философы составить правильное представление о Боге или научить чему-либо истинному относительно него, если они его не видели и не слышали о нем?

Джастин. Бога нельзя увидеть глазами, его можно постичь только умом.

Незнакомец. Итак, обладает ли наш разум такой огромной силой, чтобы воспринимать то, что не воспринимается органами чувств? Или может ли человеческий разум когда-либо увидеть Бога, если он не украшен святым духом?

Юстин. К кому же тогда можно обратиться за учением, если в Платоне и Пифагоре нет истины?

Незнакомец. В древности были люди, старше любого из этих известных философов, святые и справедливые, возлюбленные Богом, которые говорили через божественного духа и предсказывали то, что должно было произойти. Этих людей называют Пророками. Они одни видели истину и возвещали ее людям; они никого не одобряли и не боялись; они не были рабами честолюбия; они говорили только то, что слышали и видели, будучи исполненными святого духа. Их труды все еще сохранились, и любитель мудрости может найти в них все о начале и конце вещей и все, что ему нужно знать. Они не прибегали к доказательствам, ибо были прежде всего доказательствами, заслуживающими доверия свидетелями истины. Молись превыше всего, чтобы врата света открылись для тебя.⁵

Это разнообразие взглядов проявляется на каждом этапе еврейской и эллинской жизни - политическом, социальном, религиозном и художественном. Греки очень рано переросли примитивное почитание вождя племени — веру в то, что он черпает свою власть с Небес и что по этой причине он имеет право на неограниченное повиновение со стороны человека. Даже в древнейшей из известных нам форм греческого государства - гомеровской — царь, хотя и держит в руках скипетр, “данный ему Зевсом”, на практике, если не теоретически,

контролируется мудростью сената и волей народа. Монархия постепенно переросла в олигархию, и это уступило место демократии. Эволюция не происходила до тех пор, пока жреческий характер, составлявший одно из главных требований короля к почитанию и послушанию, не утратил своего влияния на греческое сознание. В исторические времена безличный авторитет человеческого закона стоял особняком и превыше всего, совершенно отличаясь от любого религиозного долга, который был предметом неписаных традиций и обычаев. Отделение Церкви от государства в Греции было полным. Теперь среди евреев произошло обратное. Царствование оставалось наследственным и неразрывно ассоциировалось со священнодействием. Семит, так же как и монгол, не мог представить себе разделения между духовной и светской властью. Царь Израиля в древности всегда происходил из дома Давида, всегда был помазанником и всегда носил двойную корону княжеской и священнической власти. И когда после возвращения из Вавилона дом Давида исчезает из виду, его власть передается наследственному первосвященнику. Для евреев Церковь и государство, религия и мораль продолжали быть синонимичными терминами; различие между священной и светской сторонами жизни никогда не признавалось; все законы, политические и социальные, исходили из одного вдохновенного Небесами кодекса; и, в то время как Греция быстро продвигалась к охлократии, Иудея оставалась теократией.

Грек был эгоистом. Он не любил единообразия. Хотя в своей частной жизни он добровольно подчинялся множеству государственных постановлений, которые гражданин современной страны воспринял бы как назойливое вмешательство в свободы личности, все же, если судить по стандартам античности, грек никак не поддавался контролю, и со временем его позиция стала немногим лучше, чем у высокоцивилизованного анархиста. Существовали пределы, за которыми грек никогда не признал бы права своего соседа диктовать ему поведение не больше, чем его мысли. Он страдал почти болезненным страхом того, что его индивидуальность будет растворена в каком-либо социальном институте. Он предпочел бы быть бедным сам по себе, чем преуспевать за счет общения с другими. Дисциплина была наименее заметной чертой в его характере, а самоутверждение - самой сильной. Грек знал все, кроме того, как повиноваться. Еврей, с другой стороны, находил свое главное счастье в самоуничижении и покорности. Его повседневная жизнь, до мельчайших деталей, регулировалась Законом. Ему даже не было позволено быть добродетельным на свой лад. Притязания индивидуума на общество были лишь менее велики, чем притязания сообщества на индивидуума. Сила еврейства всегда заключалась в его способности к сочетанию, слабость эллинизма - в ее отсутствии.

Не менее разителен контраст, наблюдаемый между эстетическими идеалами двух рас. Многие в еврейском воображении облечены в формы, которые потеряли бы всю свою красоту и свежесть, если бы были выражены в цвете или мраморе; многое, что выглядело бы гротескно, если бы было вынесено на свет чистого разума. Его эффект полностью зависит от полумрака эмоционального внушения. Итак, грек ненавидел сумерки. У него не было терпения к расплывчатому и неясному в воображении не больше, чем в мыслях. Следовательно, художественное самовыражение было ничем для еврея; всем для грека. Иудаизм избегал изобразительного искусства; эллинизм поклонялся ему. И поскольку искусство в древности было в значительной степени служанкой религии, это разнообразие эстетического темперамента привело к непримиримому религиозному антагонизму. Еврей смотрел на изваяния язычника с отвращением, а язычник считал поклонение еврею невидимому доказательством атеизма.

Не менее отвратительным для еврея был эллинский моральный темперамент, отраженный в литературе, общественной жизни и общественном богослужении, — тот темперамент, который, не будучи полностью свободным от пессимизма, меланхолии и недовольства, все же находит свое наиболее естественное выражение в здоровом наслаждении жизнью и столь же здоровом ужасе смерти. “Я предпочел бы быть рабом бедняка на земле, чем царем среди мертвых!” - вздыхает Ахилл в Аду, и это чувство эхом передается всему его роду на протяжении веков и которое, несмотря на девятнадцать веков христианства, все еще звучит в народных песнях современной Греции. Грек видел мир таким, какой он есть, и, в целом, находил его очень хорошим. Он умеренно вкушал его удовольствия и с достоинством переносил его страдания. Он видел красоту во всем; обожая высшее и идеализируя низшее. Даже пронзительная песня скромного кузнечика была сладкой музыкой для грека. Он наслаждался красотой и красками жизни. Его вдохновляла слава человеческой формы. Он превозносил величие человека. Еврейский ум питался медитацией; эллинский черпал пищу из созерцания. Природа была единственным наставником грека как во вкусе, так и в поведении; у природы он научился канонам прекрасного, а также законам добра и зла. Следовательно, ни одна страна не произвела на свет более великих поэтов, чем Греция, и меньшего количества святых.

Как мог этот взгляд на вещи, такой здравый и в то же время такой приземленный, быть приемлемым для расы, угнетенной осознанием человеческих страданий как плода человеческого греха? “Служите Господу с радостью; приходите к нему с пением”, - призывал Псалмопевец в момент оптимистической жизнерадостности. Но это длилось всего мгновение.⁶ Истинная нота еврейства прослеживается в другом тексте: “Суета сует, - говорит Проповедник, - суета сует; все суета”. Грек понял значение печального припева, но не позволил ему угнетать себя. Для грека жизнь была радостной реальностью или, в худшем случае, интересной проблемой; для еврея - дурным сном или, в лучшем случае, непостижимой тайной. Для еврейского сознания солнце, сияющее в небе, и цветы, украшающие землю, являются в лучшем случае бледными символами Божественной Любви, залогами блаженства, которое не от мира сего. И все же Сократ осушил чашу смерти с улыбкой и шуткой, в то время как Иов наполнил бы мир проклятиями и горькими стенаниями. Смех приходил к греку так же спонтанно, как дыхание, и эти две вещи умирали вместе. Еврей не умел смеяться и никому другому не позволял этого делать. Правда в том, что грек никогда не старел, а еврей никогда не был молодым.

Еще одной яркой иллюстрацией пропасти, разделившей две расы, являются греческие игры. Они были завезены в Палестину греческими правителями и колонистами, были приняты эллинизирующим меньшинством среди самих евреев и с ужасом отвергнуты консервативным большинством. Нагота, в глазах последних, была символом бесстыдства, в то время как греки считали отказ от ложного стыда одним из первых шагов к истинной цивилизации. Фукидид упоминает спортивную привычку участвовать в скачках совершенно обнаженным как показатель прогресса, достигнутого его страной, и как одну из черт, отличающих эллина от варвара.⁷ Греки были свободны от того болезненного осознания пола, которое беспокоило переодетых азиатов. Не знали они и о той воображаемой войне между духом и плотью, которая породила отвратительные самоистязания восточных претендентов на небеса.

Особые черты еврейского мышления нашли свое высшее проявление в секте ессеев — крайнем крыле фарисейской фаланги. Строгость фарисеев была распушенностью по сравнению с болезненным аскетизмом их братьев. Последнее было направлено не на что иное, как на

безжалостное принесение человеческой природы в жертву требованиям идеальной святости. Очарованные этой мнимой святостью, ессеи пренебрегали всеми реальными удобствами и радостями жизни. Их рацион был скудным, жилища убогими, одежда грубой. Цвета и орнаменты отвергались как сатанинские ловушки. Простой акт перемещения судна или даже повиновение самым элементарным велениям природы в субботу считался осквернением святого дня. Ессеи избегали контакта с неосвященными людьми или предметами так же тщательно, как здоровые люди избегают контакта с зараженным человеком или предметом во время чумы. Они отказывались пробовать пищу, приготовленную или носить одежду, сшитую человеком, не являющимся членом секты, или использовать какие-либо орудия труда, изготовленные не чистыми руками. В результате их жизнь в основном проходила в воде. Ибо всякий, кто не был есеем, был в глазах этих святых источником осквернения. Так благочестие переросло в человеконенавистничество, а чистоплотность - в манию. Так жили эти святые мужи, отворачиваясь от земных горестей к миру идеального неба; черпая терпение в настоящем из апокалиптических обещаний будущей славы; и ожидая дня, когда несправедливые будут повержены в прах, мертвые восстанут из своих могил, а праведные будут восстановлены в вечном блаженстве под властью Искупителя — Сына Человеческого, явленного святым и праведным, потому что они презирали этот мир и ненавидели все его дела и пути во имя Господа Духов. Безбрачие, уединение, приобщение к благам, особая одежда, воздержание, дисциплина и умерщвление плоти, экстатический восторг, ханжеская гордость и предубеждение - все эти восточные черты, постепенно созревшие и впоследствии отвергнутые в их преувеличенной форме основным течением иудаизма, выделили ессеев как прототипы христианского монашества и как наиболее своеобразный класс очень своеобразного народа. Может ли что-либо быть более диаметрально противоположным гению Эллады? Несмотря на пифагорейский аскетизм и орфический мистицизм, восторженные ритуалы, символические очищения и эмоциональную экстравагантность, греческая жизнь была в основном трезвой, греческая культура интеллектуальной, а греческий разум в высшей степени нетеологичным.

Те, кому нравится связывать расовый темперамент с физическим окружением, могут найти в контрасте между двумя странами исключительно благоприятную иллюстрацию своей теории. В одном районе Греции больше разнообразия пейзажей, чем во всей Палестине. Серые скалы и зеленые долины, ревущие потоки и спокойные озера, мрачные горы и улыбающиеся виноградники, покрытые снегом вершины и выжженные солнцем равнины, ослепительный свет и глубокая тень попеременно приходят и уходят с ошеломляющей быстротой в одной стране. С другой стороны, из конца в конец равнина простирает свою спокойную, однообразную красоту навстречу вечному солнцу, и величественные пальмы из года в год поднимают головы к голубым небесам, суровые, однообразные, неизменные. Легко понять, почему одна раса должна была черпать вдохновение изнутри, а другая - извне; почему одна должна была погрузить индивидуума в сообщество, а другая пожертвовала сообществом ради индивидуума; почему одна должна была поклоняться форме, а другая - духу. Особенно легко понять неугасимую жажду грека ко всему новому и жесткую привязанность еврея к прошлому. Все в Греции говорит о прогрессе; все в Палестине говорит о постоянстве.

Результат этого фундаментального несоответствия характеров был таков, как можно было предвидеть. Сильная духовность еврея была возмущена гениальным рационализмом и чувственностью язычника; в то время как язычник, в свою очередь, был отталкиваем мрачным мистицизмом и аскетизмом еврея. История никогда не повторяется во всех деталях. Но, насколько возможно повторение, это повторилось много веков спустя, когда пуританство,

представляющее самый близкий подход к печальному и суровому еврейскому представлению о жизни, которого когда—либо достиг западный разум, объявило себя врагом романизма, главным образом потому, что последний сохранил так много языческой любви к форме и наслаждения чувственными вещами. Железнобокие Кромвеля проиллюстрировали это отношение, отправившись на битву, распевая псалмы еврейского барда. Немногим смертным, наделенным спокойным и истинно католическим гением, дано примирить соперничающие взгляды и, вместе с Мэтью Арнольдом, признать, что “это естественно, что человек должен получать удовольствие от своих чувств. Естественно также, что он должен искать убежища в своем сердце и воображении от своих страданий”.

ГЛАВА II ЕВРЕЙ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Вражда между евреями и неевреями усилилась и ожесточилась при римском правлении, и ее рост был отмечен различными актами взаимного насилия, которые в конечном итоге привели к распаду Еврейского государства и рассеянию еврейской расы по обитаемому земному шару. Уже в первой половине второго века до нашей эры мы находим, что *претор Перегрин* приказал евреям покинуть берега Италии в течение десяти дней. Это было только началом длинной серии подобных мер, все из которых свидетельствовали об отвращении, внушаемом еврейскими колонистами. ♦ 63 Год до н.э. ♦ Враждебность усилилась после разграбления Помпеем Иерусалима и его суровости по отношению к народу и священникам Палестины. Даже в Риме, гостеприимной гавани бесчисленных рас и вероисповеданий, не нашлось места для этих несчастных семитских изгнанников, и их пребывание перемежалось периодическими высылками. История умалчивает о первом поселении евреев в столице мира, хотя происхождение их общины можно правдоподобно проследить до посольства Нумения.⁸ В любом случае, ко времени похода Помпея у них уже был свой квартал в Риме, на правом берегу Тибра, и их многочисленность и сплоченность даже тогда были таковы, что современный автор без колебаний заявил, что правитель Палестины, если он непопулярен в своей провинции, может смело рассчитывать на то, что его освистают, когда он вернется домой.

♦59 год до н.э.♦

Вскоре после этой даты Цицерон выступил в защиту претора Флакка, обвиняемого в вымогательстве во время своего правления в Малой Азии. Римские евреи проявили большой интерес к этому делу, и многие из них собрались на суде, поскольку среди других обвинений, выдвинутых против бывшего претора, было обвинение в ограблении Иерусалимского храма. Когда Цицерон дошел до этого пункта обвинительного заключения, он красноречиво свидетельствовал о важности еврейского элемента в Риме, о чувствах, которые он, как и другие, питал к ним, и о своем собственном упадке духа. “Ты хорошо знаешь, ” говорит оратор, обращаясь к Обвинителю, “ как велико их множество, как велико их согласие, как могущественны они в наших публичных собраниях. Но я буду говорить вполголоса, чтобы никто, кроме судей, не услышал. Ибо нет недостатка в людях, готовых настроить этих парней против меня и всех достопочтенных людей. Но я не стану помогать им в этом”. Затем, понизив голос, Цицерон переходит к защите поведения своего клиента по отношению к “варварским

суевериям” евреев и его патриотическому неповиновению “буйной толпе, которая вторгается в наши общественные собрания”. “Если Помпей, ” говорит он, “ не прикасался к сокровищам Храма, когда брал Иерусалим, то его терпение было лишь еще одним доказательством его благоразумия: он избегал давать повод для жалоб столь подозрительному и клеветническому народу. Ему мешало не уважение к религии евреев и врагам, а забота о собственной репутации.... У каждого народа есть своя религия. У нас есть наша. Пока Иерусалим был еще непокорен и евреи жили в мире, даже тогда они проявляли фанатичное отвращение к великолепию нашего государства, достоинству нашего имени и институтам наших предков. Но теперь ненависть, которую эта раса питала к нашему правлению, была более ясно продемонстрирована силой оружия. Как мало бессмертные боги любят эту расу, было доказано ее поражением и унижением”.⁹

Время не залечило рану. Помпей уже объединил еврейское царство в римской провинции Сирия и увез последнего из хасмонейских принцев пленником в Рим. Пять лет спустя проконсул Сабиний лишил первосвященника последних остатков гражданской власти и разделил Иудею на пять административных округов. ♦57, 56, 55 гг. до н.э. ♦ В Палестине вспыхивали частые восстания, которые подавлялись с большим или меньшим трудом; последнее из них привело к разграблению проконсулом Марком Крассом значительной части богатств Храма, вскоре после того, как квестор Кассий, исполнявший обязанности губернатора после смерти Красса, продал в рабство 30 000 недовольных евреев; и такое положение вещей сохранялось до падения Римской республики.

♦47 год до н. э.

Юлий Цезарь, как и Александр, не замедлил осознать весомость еврейского фактора в сложной проблеме, возникшей из-за скопления наций, которыми он поставил перед собой задачу управлять. Численность евреев, рассеянных по всей Империи, давала право на серьезное рассмотрение их вопроса; их богатство, их активность и их единство делали их достойными примирения. Более того, Цезарь глазами истинного государственного деятеля увидел, что представители этой расы, столь способные приспосабливаться к новым климатическим и политическим условиям и в то же время столь стойко сохраняющие свои особые черты, могли бы способствовать развитию того космополитического духа, который был душой Римской империи. Эти соображения были еще более подкреплены чувством благодарности, поскольку Цезарь получил большую помощь от могущественного еврейского политика Антипатра во время своей египетской кампании. Поэтому он, подобно своему прославленному предшественнику, предоставил александрийским евреям особые привилегии, защитив их культ от нападок языческих жрецов и предоставив им возможности для торговли, в то время как в Палестине он объединил пять административных округов под властью первосвященника и вернул евреям часть территории, которой их лишил Помпей. В Риме Цезарь также проявлял большую дружбу к евреям. Римские евреи показали, что они не были равнодушны к этим проявлениям доброты. После трагической смерти своего благодетеля они превзошли всех остальных иностранцев в проявлении скорби. Среди всеобщего плача, в который каждая раса внесла свою лепту по-своему, евреи, как нам говорят, отличились тем, что много ночей просыпались и рыдали у погребального костра.¹⁰ Это спонтанное выражение скорби со стороны иностранных подданных Рима является лучшим свидетельством благородства величайшего сына Рима. Цезарь вполне мог бы претендовать на титул Отца человечества.

♦44 год до н. э.

Конец жизни Цезаря доказал также, что иудеям, находившимся под его покровительством, пришел конец. Август действительно снизошел до того, что приказал возносить молитвы о его процветании в Иерусалимском храме и даже учредил фонд для постоянных жертвоприношений. Но это был всего лишь акт вежливости, продиктованный соображениями политики. Его истинные чувства к евреям и их религии лучше иллюстрируются заявлением его биографа о том, что, относясь к устоявшимся культам с почтением, на которое, казалось, давали им право их древность и респектабельность, “он презирал других”. Среди богов, признанных недостойными императорского покровительства, были боги Египта и Иудеи. Во время своего пребывания в стране фараонов Август воздерживался от посещения храма Аписа. Не стал он более почтительным и по отношению к Иегове. Напротив, “он похвалил своего внука Кая за то, что тот, проезжая через Палестину, не остановился в Иерусалиме, чтобы поклониться в Храме”.¹¹ Противопоставление древним писателем Аписа и Иеговы, связанных, наконец, общим рабством, столь же важно, сколь и необычно.

При преемниках Августа римским евреям было на что жаловаться. Их подавление, по-видимому, теперь рассматривалось как общественный долг. Биограф Тиберия, перечисляя добродетели этого императора, среди других доказательств патриотизма включает его преследование несносной расы. После описания мер, принятых против “диких церемоний” в целом, и того, как приверженцев египетских и иудейских суеверий заставляли сжигать все свои ритуальные облачения и принадлежности, он спокойно сообщает нам, что “еврейская молодежь под предлогом принесения им военной присяги на верность была распределена по самым нездоровым провинциям, в то время как остальная часть расы или те, кто следовал их культу, были изгнаны из города под страхом вечного рабства, если они ослушаются”.¹² Возмущение, вызванное этими произвольными мерами, было вызвано тем, что “еврейская молодежь принимала военную присягу на верность”. должно быть, возбуждение среди евреев нашло выход в следующее царствование. Непосредственной причиной взрыва стал приказ Калигулы поместить его собственное изображение в Иерусалимский храм и воздать ему божественные почести по всей империи — приказ, который, каким бы естественным он ни казался римлянину, противоречил жизненному принципу еврейского монотеизма. ♦ 41 Год н.э. ♦ Результатом стало суровое и единодушное сопротивление со стороны евреев, кровопролития удалось предотвратить только благодаря своевременной смерти императорского сумасшедшего.¹³

Тем временем александрийские евреи разделяли беды своих братьев в Палестине и Риме. Их процветание вызывало зависть их греческих сограждан, и эти два элемента всегда встречались в коммерческом соперничестве, в котором они не были равны друг другу. Если древнееврейская проницательность нашла своего героя в Иакове, то Одиссей стал блестящим воплощением эллинской находчивости. Оба персонажа типичны для своих соответствующих рас. Их обоих отличают не только сильные семейные привязанности, трогательная любовь к дому за границей и страстная тяга к путешествиям дома, супружеская верность, смягчаемая случайными переходами в ее противоположность, и глубокое почтение к божественному, но и мастерство уловок и стратагем, непревзойденное ни в одной другой национальной литературе. Поэтому неудивительно, что потомки этих разносторонних героев относились друг к другу как к врагам. Враждебность усиливалась социальной и религиозной антипатией, а также милостями, которыми греческие цари Египта всегда осыпали евреев. Басни и клевета, первоначально

придуманные селевкидскими угнетателями Палестины, распространились в Египте, где их усилили местные остроловы.

При Августе и Тиберии затаенная вражда была вынуждена довольствоваться той пищей, которую мог себе позволить греческий гений сарказма и инвектив; но восшествие на престол Калигулы предоставило возможность для более практического проявления ненависти. Губернатор Александрии, находясь в немилости у нового императора и опасаясь, как бы александрийцы не воспользовались этим обстоятельством и не подали на него жалобы в Рим, стал орудием их предрассудков. Два беспринципных писаки возглавили антиеврейское движение. За оскорблениями и насмешками последовало насилие, и летом 38 года нашей эры иудейские синагоги были осквернены бюстами императора. Губернатор был вынужден лишить евреев гражданских прав, которыми они пользовались так долго, и несчастные люди, низведенные таким образом до положения преступников, были изгнаны из районов города, которые они до сих пор занимали, и вынуждены поселиться в гавани. Их жилища были разграблены, толпа осаждала беженцев в их новых жилищах, а тех, кто отваживался выйти, хватали, пытали и сжигали или распинали. Преследование продолжалось с перебоями, пока евреи не решили отправить посольство в Рим, чтобы отстаивать свое дело перед императором. Одним из послов был известный еврейский эллинист Филон. Калигула, однако, отказался прислушиваться к риторике или доводам разума; напротив, он отдал приказ о своем собственном обожествлении, которому, как мы видели, помешала только его смерть.

Преемник Калигулы Клавдий благоволил евреям Палестины ради их короля Агриппы, дипломатии которого он частично был обязан своей короной. Но их собратья в Риме подверглись очередному изгнанию за “постоянное нарушение мира по наущению Христа”.¹⁴ Всмешении христиан с евреями римским писателем нет ничего необычного или непонятного. Но если христиан преследовали как еврейскую секту — тайную и, следовательно, подозрительную, — то преследование самих евреев часто было связано с их своеобразным “суеверием”. Это, как и другие восточные товары, попало в Рим, где приобрело большую популярность и пользовалось странным очарованием, особенно среди женщин и лиц низшего сословия. Многие язычники посещали синагоги, и некоторые из тех, кто ходил насмехаться, оставались поклоняться. Гораций, писавший во времена Августа, часто упоминает иудаизм,¹⁵ подразумевая, что он распространялся и что он стал темой разговоров в модных кругах; Иосиф Флавий упоминает случай обращения знатной римлянки в царствование Тиберия;¹⁶ Персий при Калигуле и Клавдии насмехается над приглушенными молитвами и мрачными субботами евреев и римских прозелитов в иудаизм;¹⁷ в то время как Сенека при Нероне заявляет, что “до такой степени, что евреи обращаются в иудаизм”. возобладал ли культ этой самой проклятой из рас, что он уже принят во всем мире: побежденные дали законы победителям”.¹⁸ Ювенал, писавший во времена Тита и Домициана, содержит аналогичные свидетельства распространности иудаизма среди римлян, многие из которых, особенно бедняки, соблюдали еврейскую субботу и диетические законы, практиковали обрезание и вообще соблюдали еврейские обряды.¹⁹ Для римских сатириков эти отклонения от здравого смысла и хорошего вкуса были обильным источником насмешек; но серьезные патриоты относились к ним с опаской, как к пагубным для общественной морали. Следовательно, мы обычно обнаруживаем, что изгнание евреев и подавление их культа сопровождаются аналогичными шагами, предпринимаемыми против халдейских прорицателей, египетских колдунов, сирийских священников и других поставщиков обрядов, пагубных для добродетели римских мужчин и женщин.

При Нероне враждебность к евреям была временно обращена против христиан, и, в то время как последних безжалостно заставили заплатить своими жизнями за преступный эстетизм императора, первые пользовались иммунитетом от преследований, частично обеспеченным влиянием женщины при дворе. Но в то время как евреи на Западе покупали ненадежный мир и жалкую победу над христианами, их братья на Востоке готовились к одной из тех периодических битв за независимость, которые вызывают одновременно ужас и восхищение у изучающих еврейскую историю. Евреи не могли выносить вида иностранного деспота в своей стране. Его присутствие в Иерусалиме было ежедневным оскорблением Иеговы. Неудачи, которые они до сих пор терпели в своей единоборстве с хозяевами мира, не ослабили их стремления к свободе. Катастрофа, далекая от сокрушительной, казалось, придала им мужества. И ради этой Идеи они были готовы поставить под угрозу безопасность и материальный комфорт, которыми они обычно пользовались при справедливом и терпимом правлении римлян. В глазах zelотов разумная позиция высших классов, которые смирились с существующим положением дел, — позиция, разделяемая известными раввинами, такими как Йоханан, сын Закая, который восстановил иудаизм после падения Храма, — была не чем иным, как предательством национального дела. Считалось, что, если не предпринять никаких попыток обуздать “искусство обольщения Рима”, вся раса постепенно погрузится в духовную апатию. Банды непримиримых были, как и во времена Селевкидов, рассеяны по стране и подавали пример неподчинения частыми нападениями на римлян и их сторонников. Эти патриоты были связаны клятвой не щадить никого, кто преклонит колено перед ненавистным иностранцем, и они выполнили ее со всей скрупулезной жестокостью, которая характеризует клятвы энтузиастов. Погоня за личной выгодой, как это нередко бывает, сочеталась со стремлением к патриотизму, и вскоре появилось тайное революционное объединение, эмиссары которого проникли в самые пределы Храма и там расправлялись с теми, кто навлек на себя их гнев. Спорадические убийства постепенно переросли в обычный заговор, и вчерашние убийцы теперь были облагорожены названием мятежников. Голоса благоразумия и умеренности потонули в криках патриотизма; партия мира была запугана до рвения к свободе, которого она была далека от того, чтобы чувствовать, и знамя восстания было поднято.

◆66 год н. э.◆

Тем временем Александрия стала свидетелем очередного взрыва греко-еврейской вражды. Греки решили обратиться к Нерону с Петицией о лишении евреев гражданских прав, восстановленных Клавдием. Было проведено публичное собрание, чтобы выбрать послов, которые должны были доставить петицию в Рим. Несколько евреев были обнаружены в амфитеатре, где проходило собрание, и троих из них толпа протащила по улицам. Их единоверцы, охваченные негодованием, бросились к амфитеатру, угрожая предать его и собравшихся греков огню. Губернатор попытался успокоить толпу, но, будучи сам евреем-отступником, он не имел большого влияния на своих бывших братьев, которые бросились ему в зубы из-за его отступничества. Разгневанный этим, он выпустил свои легионы на еврейский квартал. Вскоре это место превратилось в ад разнообразной жестокости, в котором, как говорят, трагически погибли пятьдесят тысяч евреев.

Вернуться в Палестину. Восстание против римского владычества, начавшееся в 66 году н.э., закончилось знаменитым падением Иерусалима четыре года спустя. ◆Сентябрь 70 г. н.э. 7.◆ Отчаянное упорство защитников и ужасное варварство, опозорившее восстание, побудили победителей к безжалостному возмездию. Святого города, который когда-то был “радостью

всей земли” и обителью самого Бога, больше не существовало. Сион был опустевшим. Ее сыновья были убиты, а дочери проданы в рабство и позор. И слова Пророка, казалось, сбылись: “Ворота Ее будут стенать и оплакивать; и она, опустошенная, будет сидеть на земле”.²⁰ Те евреи, которые не были преданы смерти или изгнаны искать убежища среди своих братьев, уже рассеянных по Востоку и Западу, были сохранены, чтобы сопровождать Тита в Рим в качестве военнопленных, чтобы поставлять пищу диким зверям на арене, жертвы для мечей гладиаторов в амфитеатре и развлечение для спортивной публики столицы мира. Самым ужасным бедствием из всех было то, что Храм Сиона — святилище, в котором сосредоточились гордость и надежда всей расы, — был обречен на сожжение, а его содержимое было унесено, чтобы украсить триумф языческого победителя. Среди этих сокровищ, освященных почитанием на протяжении пятнадцати веков, были стол из дерева ситтим и семисвечный подсвечник из чистого золота, сделанные из щедрых приношений, которые сыны Израилевы приносили Моисею для служения в скинии по повелению Бога в пустыне. Это были работы мудрых сердцем людей древности, избранных для выполнения этой задачи Самим Господом и наставленных в этом Его духом. Почти четыре столетия эти трофеи Сиона служили украшением римского Храма Мира, пока не восстал мститель и, поступив с Римом так, как Рим поступил с Иерусалимом, не перевез их в Карфаген.

Эта национальная катастрофа, увековеченная на вечные времена на нетленных мраморных плитах триумфальной арки Тита, произвела неизгладимое впечатление на сознание Израиля. Это пробудило сильнейшие чувства еврейской природы и установило пропасть между евреем и неевреем, которую даже по прошествии долгих веков оказалось неспособным преодолеть. Имя завоевателя передавалось из поколения в поколение как синоним всего чудовищного и ужасного, а на его язык было наложено табу даже на эпитафии, на гробницах в еврейских катакомбах Рима сохранилось мало латинских надписей, хотя греческих предостаточно.

Здесь мы можем сделать паузу, чтобы разобраться в причинах этой упорной войны.

ГЛАВА III

ИУДАИЗМ И ЯЗЫЧЕСТВО

Помимо двух основных причин непопулярности евреев, которые уже приводились, а именно нетерпимости человека к инакомыслию и антипатии между европейцами и азиатами, существовала еще одна и более очевидная преграда для хорошего взаимопонимания между двумя элементами — один грех, который язычник не мог простить еврею: безумное высокомерие еврея — то презрение ко всем людям, родившимся вне рамок синагоги, которое национальное унижение, вместо того чтобы стереть, углубило и ожесточило. Именно этот провинциальный дух помешал распространению послания Моисея за границей, как в последующие времена распространилось послание Иисуса и послание Мухаммеда. Это был тот же самый дух, который теперь запрещал еврею чувствовать себя как дома в присутствии язычника. Иудаизму всегда не хватало магнетической привлекательности христианства и ислама, не потому, что правила жизни, которые он предписывает, менее чисты, или перспектива мира, которую он предлагает, менее привлекательна для сердца, жаждущего покоя, но потому, что, в отличие от христианства и ислама, он намеренно отталкивает, а не

приглашает посторонних. Двери Моисеева рая ревниво закрыты для пришельцев; и те, кто входил в него, никогда не были так многочисленны, как те, кто выходил из него. Когда Иегова перестал быть Богом клана, он стал Богом нации, но он не мог и не хотел становиться Богом человечества. Несмотря на периодические попытки отдельных пророков и раввинов воспарить над барьерами узкого национализма и привнести свой собственный благородный дух в учение своих предшественников и в умы своих современников, несмотря также на расширение представлений о божественном благодаря контакту с возвышенной религией Вавилона, Иегова для обычного еврея оставался по сути племенным богом. Его интересы по-прежнему были связаны с интересами избранного народа. Тщательно продуманная ограда церемоний и обычаев отделяла этот народ от всех других народов. Покидая свою родную землю, евреи уносили с собой всю духовную гордыню и все благочестивые предрассудки, которые отличали их предков. Более широкое знание мира и его обитателей не способствовало расширению их симпатий. Смешанные браки с язычниками были запрещены так же строго, как и прежде, в соответствии со старой заповедью: “И не заключай с ними браков; дочь твою не отдавай его сыну, и дочь его не бери за своего сына”.²¹ И так случилось, что, хотя они казались язычникам странной и необщительной породой людей, для них язычник продолжал оставаться нечистым животным.

Если бы не его суровый и исключительный дух, еврейский культ, возможно, вызвал бы насмешки или презрительное любопытство язычников, но вряд ли стал бы объектом систематических нападков. Евреи продолжали бы свое эксцентричное поклонение “небу и облакам”,²² не тронутые, хотя и никем не замеченные, и их Храм, со всей его жуткой “пустотой”,²³ остался бы стоять; ибо язычество было ничем иным, как терпимостью. Религия классической древности была скорее условностью, чем убеждением. Серьезные и несчастные искали утешения в философии; массы - в суевериях. Философия не выродилась в теологию, но оставила теологию поэтам, которые, не скованные доктриной, создавали или трансформировали популярные божества и легенды, очищая или извращая их в соответствии с побуждениями своего собственного воображения или требованиями своего искусства. Священники в языческом обществе значили меньше, чем поэты. Слово “ересь” в языческой Греции означало просто “свободный выбор”, а позже “философскую школу”. Термины “ортодоксальный” и “неортодоксальный” едва ли еще приобрели свое оскорбительное значение. Религиозная злоба, эта пагубная мать многочисленных страданий человечества, еще не родилась. В древности нет параллели той непрекращающейся и систематической войне вероучений, посредством которой в более поздние века люди пытались сокрушить тех, кто не соглашался с ними в вопросах метафизических гипотез. Терпимость и спекулятивная свобода никогда не были поняты лучше, чем в языческой Греции и Риме. Язычник был доволен тем, что вел свой корабль по собственному компасу — будь то в голове или в сердце, — не настаивая на том, чтобы все остальные следовали тому же компасу, иначе он утонет. Полное отсутствие догм, составляющее одновременно очарование и слабость политеизма, хотя и исключало преследования, поощряло свободный обмен религиозными традициями не только между братскими нациями, такими как греческая и итальянская, но даже между совершенно чужими и даже враждебными расами. Таким образом, в то время как латинские авторы поспешили, более или менее успешно, отождествить божества Италии с божествами Эллады, греческие путешественники на Востоке, начиная с Геродота, обычно искали и находили, или воображали, что находили, общие атрибуты между божествами Олимпа и божеств Мемфиса и Сидона. Частые сношения облегчали работу по ассимиляции, и не только отдельные атрибуты, но и

целые боги и богини попадали из одной языческой страны в другую, где им были рады. Двери Пантеона были гостеприимно открыты для всех желающих.

В этом религиозном братстве народов была одна вызывающая беспокойство единица: только одна раса упрямо и оскорбительно отказывалась присоединиться к концерту. Евреи считали, что их собственная религия была полностью истинной; религии других были полностью ложными. Они высокомерно хвастались, что только они были народом Божиим. Они верили, что находятся в союзе с Создателем Вселенной, делятся Его секретами и монополизируют Его благосклонность; ибо разве Господь не заключил торжественный и вечный завет с Авраамом? Именно их Господь избрал Своим святым и особенным народом, превыше всех народов, которые есть на лице земли: “Вы мои свидетели, говорит Господь, и мои рабы, которых Я избрал”. Это из-за них были приостановлены законы природы; что море превратилось в сушу; что с небес пролился дождь из манны, а скалы источили воду; что горы содрогнулись; что солнце и луна остановились, а стены городов рухнули плашмя при звуке трубы. Именно для них пророки и вдохновенные люди открывали оракулы и волю Божию.

Если язычник был готов простить еврейскую эксцентричность, то ни один человек не мог терпеть еврейскую нетерпимость; и негодование, которое отчужденность еврея вызвала в груди даже образованного язычника, ощутимо на страницах многих древних авторов. Только три греческих писателя положительно отзываются о евреях, самым выдающимся среди них является Страбон-географ. Он, как ни странно, с восхищением говорит о духовном поклонении Иегове в противовес чудовищному идолопоклонству Египта и антропоморфному идолопоклонству Греции. Менее любопытным, но не менее редким является признание писателем морального превосходства Моисеева закона и его благоговение перед Иерусалимским храмом. Однако либеральная позиция Страбона, не была разделена римлянами. Они решительны и единодушны в своем осуждении иудаизма — Гораций, Ювенал, Персий, Плиний и, прежде всего, Тацит. Великий историк, по-видимому, выражает общее чувство, осуждая еврейские обряды как “новые и противоречащие представлениям других смертных”. Он обвиняет последователей Моисея “в осквернении всего, что для нас свято; и, с другой стороны, в потворстве вещам, которые для нас запрещены”.²⁴ Ужас евреев перед поклонением изображениям и обожествлением предков и императоров, примером чего является яростная буря, вызванная безумным приказом Калигулы установить свою собственную статую в Храме, сильно оскорбил римлян; в то время как еврейские законы о браке, разрешавшие брату жениться на жене своего умершего брата, а дяде - на собственной племяннице, не могли не вызывать удивления. рассматривался римлянами как разрешение инцеста. Поэтому не стоит удивляться, что строгий моралист заклеил институты Моисея как “злые и отвратительные, обусловленные их распространенностью из-за самой их порочности”. Точно так же национальное движение, которое, как уже упоминалось, под великолепным руководством маккавеев привело к освобождению еврейского разума от тирании эллинизма, по Тациту, является не чем иным, как злонамеренным восстанием против похвальных усилий македонских царей улучшить нравственность своих подданных путем внедрения греческой цивилизации. Нельзя отрицать, что победа национальной партии была вызвана “изгнанием граждан, разрушением городов, массовыми убийствами братьев, жен и родителей” и другими зверствами, которым лидеры свободно потворствовали; но, безусловно, не совсем верно утверждать, что движение преследовало своей эгоистической целью восстановление власти королевской семьи, которая, будучи восстановлена, разжигала суеверия с целью “использования влияния духовенства как опоры своей собственной власти”.²⁵ Даже хорошие

стороны в характере евреев, “их непоколебимая преданность своим родным и близким и их немедленная благожелательность”, которые признает правдивый Тацит, в его глазах искажены “их враждебностью и ненавистью ко всем иностранцам”,²⁶ и для него, как и для очень многих его соотечественников и современников, евреи - “самая мерзкая раса”, а их христианская секта, во всяком случае, “враги человечества”.²⁷

Эта распространенная оценка еврея была, конечно, в значительной степени основана на незнании еврейской жизни и религии, что было бы смешно, если бы не его ужасные последствия. Уже в 169 году до нашей эры мы слышим о кровавом обвинении, которое до сих пор выдвигают против евреев их враги. Когда Антиох Епифан осквернил Иерусалимский храм, среди других басен, которые он и его сторонники распространяли, ходили слухи, что в святилище был найден грек, которого священники держали для жертвоприношений, которые, как говорили, имели привычку каждый год убивать грека и питаться его внутренностями. С другой стороны, евреи никогда не делали ничего, чтобы развеять невежество, которое делало подобные гротескные мифы правдоподобными. Если защитник еврея склонен обвинять нееврея в нетерпимости, у защитника последнего есть все основания опровергнуть это обвинение. Расу, которая избегала мест общественных увеселений как сцен безнравственности и идолопоклонства, нельзя было не считать угрюмой и асоциальной; расу, которая, особенно после разрушения Храма, запретила веселье и музыку даже на своих свадебных пиршествах, естественно, избегали бы как угрюмую и подозреваемую в предательстве, хитростях и хищничестве; расу, которая “ни ела, ни спала, ни вступала в браки с чужаками”, можно было бы ожидать, что ее представят как “наиболее склонную к похоти” и “не держащую между собой ничего противозаконного”. Внешние признаки еврейской отчужденности были очевидны самому неосторожному взгляду; внутреннюю, духовную красоту и моральную ценность иудаизма было не так-то легко распознать. Таким образом, предвзятые взгляды, порожденные языческим невежеством и подпитываемые еврейской нетерпимостью, породили такую враждебность, которая, как уже было видно, стоила ее объекту многих огорчений. Но худшее было еще впереди.

ГЛАВА IV РАССЕЯНИЕ

Уже описанная борьба за свободу и ее безжалостное подавление не были рассчитаны на то, чтобы уменьшить непопулярность еврея в Риме. При преемниках Тита мы сталкиваемся с новыми гонениями на хронику. Евреи были обложены высокими налогами, а язычники, обращенные в иудаизм, наказывались потерей имущества, изгнанием или смертной казнью — наказаниями, от которых виновного не могло спасти даже родство с императором. ♦ 94 г. н.э. ♦ В конце концов евреи, изгнанные из города эдиктом Домициана, были вынуждены жить в долине Эгерия, которую им неохотно уступили. Эта долина, когда-то зеленая священной рощей, прославленной в легенде как место, где “царь Нума устраивал ночные свидания со своей божественной госпожой”, теперь была печально известна как пустошь, покрытая малярийной грязью, отложившейся при разливе Тибра. В этой жалкой местности евреям разрешили построить свою *Просевху*, или дом для молитвы — место сбора собрания бедняков, “вся мебель

которых - корзина и пучок сена”.²⁸ Таким образом, Ювенал одной яркой линией рисует картину столь же яркого, сколь и отталкивающего положения Израиля в Риме к концу первого века нашей эры. Можно добавить, что тот же эдикт, который изгнал евреев из Рима, изгнал и философов, среди которых был Эпиктет.

Правление преемника Домициана проливает луч света на всеобщий мрак. Нерва был одним из немногих императоров, умевших сочетать абсолютную власть с личной свободой, и евреи разделили с остальными его подданными те благословения справедливости и свободы, которые побудили Тацита отметить его короткое правление как начало эпохи, в которой “каждому было позволено думать, что он хочет, и говорить, что он думает”.²⁹ ♦ Сентябрь. 96–Январь. 98. ♦ Евреям было позволено спокойно поклоняться своему Богу, и финансовая тирания, под властью которой они трудились, была ослаблена. Веротерпимость Нервы отмечена монетой, на реверсе которой изображен еврейский символ пальмы и надпись *Fiscij Dei calumnia sublata*.

Однако доброта оказывала на евреев такое же малое влияние, как и жестокость. Их религиозная и национальная антипатия к чужеземному правителю не позволяла им видеть преимущества римского управления. Воспоминание об их поражении терзало, а стремление к освобождению усиливалось жадой мести. Процветание настоящего ценилось только постольку, поскольку оно позволяло им отомстить за свои страдания в прошлом. Их подчинение рассматривалось просто как испытание и как знак приближающегося пришествия Избавителя, которому суждено восстановить Храм и возвести детей Израиля к владычеству над миром, — Мессии, которого Господь обещал Своему народу через древних пророков. Сорок лет, прошедших с момента взятия Иерусалима Титом, были для евреев Империи в целом годами сравнительного отдыха и выздоровления. Все силы, собранные за этот период, теперь были брошены в последний отчаянный рывок к свободе.

Вавилонские евреи дали сигнал к священной войне, воспротивившись планам императора Траяна по завоеванию Месопотамии. ♦ 115 г. н.э. ♦ Оттуда восстание быстро распространилось на Палестину, Египет, Кирену и Кипр. В каждой из этих стран разъяренная чернь набросилась на своих соседей, которых внезапность нападения сделала легкой добычей для ярости нападавших. Если хотя бы десятая часть ужасных историй, рассказанных Дионом Кассием, правдива, этого достаточно, чтобы объяснить ненависть, внушенную евреями в последующие времена, и смягчить, если не оправдать, последовавшее за этим ужасное возмездие. Двести двадцать тысяч греков и римлян были, по словам Диона, перебиты в Кирене. Ливия была совершенно опустошена. Двести сорок тысяч греков были убиты на Кипре. Огромное количество греческих и римских язычников и христиан погибло в Египте, и многие из жертв были распилены на части по образцу, установленному Давидом, которому впоследствии подражал мусульманский завоеватель Балканского полуострова. Добавляется даже, что мясники, не насытившись одним видом искалеченных тел, пожирали плоть, слизывали кровь, опоясывались внутренностями и заворачивались в шкуры своих жертв — мерзости, в которые верит только тот, кто знаком с взаимным обращением, применяемым жителями Ближнего Востока в наши дни.³⁰

♦ 117 год н. э.

Восстание было подавлено и временное спокойствие восстановлено преемником Траяна Адрианом, который, по-видимому, уступил требованию евреев о восстановлении Храма.

Согласие императора было встречено с диким энтузиазмом. Евреи верили, что настал день национального возрождения:

“Нет больше предсмертного звука трубы...”

Больше они не погибнут от опрометчивых рук врага;

Но трофеи будут плавать в мире зла.

Дорогая еврейская земля! прекрасный город, вдохновитель песен,

Да не осквернится более нога греков в пределах твоих

Иди вперед”.³¹

Так пел неизвестный еврейский поэт из Александрии, изливая свою злобу против греков в греческих стихах. Но мечтатели были грубо разбужены. Император не замедлил понять, что восстановление Храма будет означать увековечение еврейской проблемы. Поэтому он ограничил свою первоначальную уступку условиями, которые были неприемлемы для евреев. Их горькое разочарование и ненависть к Адриану на некоторое время были скрыты. ♦130 год н.э. ♦ Император посетил Палестину и попытался примирить евреев, приведя их в более тесный контакт с язычниками. Но, к сожалению, он использовал для достижения этой цели те самые средства, которые были рассчитаны на то, чтобы победить его. Он предложил восстановить Иерусалим по плану, который евреи расценили как преднамеренное осквернение. Он не понимал, что нация хотела не слияния с иностранцами, а жесткого отделения от них. И снова евреи скрыли свои чувства; и пока введенный в заблуждение император писал сенату на родину, восхваляя миролюбивый нрав и лояльность этого оклеветанного народа, они готовились к новому восстанию. Производилось оружие, которое прятали в подземных ходах, были созданы секретные средства связи, и едва Адриан повернулся спиной к Иерусалиму, как евреи снова “поднялись, чтобы утвердить видение”.

♦132 год н. э.

Восстание возглавил Бар-Кохба, в котором восторженная толпа узнала предсказанного Мессию и под чьими знаменами они сплотились с силами, достаточными, чтобы бросать вызов имперским легионам в течение двух лет. Иудео-христиане, отказавшиеся признать нового Мессию и принять участие в священной войне, подверглись безжалостным преследованиям, и восстание охватило от одного конца страны до другого. Однако армия Адриана под умелым командованием Юлия Севера и самого императора в конце концов одержала верх. ♦ 135 год н.э. ♦ Бар-Кохба потерпел поражение, и последние искры восстания погасли под горами трупов. Подсчитано (хотя этим цифрам вряд ли можно доверять), что не менее пятисот восьмидесяти тысяч евреев пали от меча во время войны, в дополнение к неизвестному множеству умерших от голода или сожженных заживо. Палестина была превращена в пустыню. Все крепости были разрушены, и почти тысяча городов и деревень лежали в пепле. Разрушение Еврейского государства, начатое Титом, было завершено Адрианом. Место, на котором когда-то возвышался гордый Храм, теперь было осквернено плугом, и все святые места были посвящены идолам. Самаряне разделили гибель своих светских врагов. Гора Гаризим также была осквернена святилищем Юпитера, в то время как на горе Голгофа, где за столетие до того, как было совершено ужасное преступление, храм был посвящен Богине Похоти. Языческая колония

финикийских и сирийских солдат, отслуживших свой срок, оккупировала часть Иерусалима, само название которого вскоре было забыто в названии Элии Капитолины. Иудаизм был запрещен под страхом суровых наказаний, и евреям было запрещено входить в город их отцов. Вавилонское пленение было для сынов Израилевых всего лишь отцовской розгой; но это последнее бедствие доказало их полную гибель. Отныне они обречены скитаться среди сынов человеческих, являясь знаком презрения для народов земли.

Резня прекратилась, как только перестали быть какие-либо повстанцы, которых можно было убивать. Последовал период принуждения и преследований, как называют это еврейские авторы; но страх перед дальнейшими неприятностями исчез раз и навсегда, и римляне забыли о своем гневе. Хотя Израиль был уничтожен как государство, ему было позволено жить как секте. Трон погиб, но алтарь остался. Поначалу опасность побудила евреев пойти на компромисс и лицемерить. Совет раввинов, тайно состоявшийся в Лидде, постановил, что смерти от пыток можно избежать, нарушив все заповеди, за исключением трех жизненно важных запретов: идолопоклонства, прелюбодеяния и убийства. Но царство террора и лицемерия длилось недолго. ♦ 138 Год н.э. ♦ При Антонине Пии большинство указов Адриана были отменены, и в еврейский календарь был добавлен новый “день красной буквы”. Хотя евреям по-прежнему запрещался въезд в Иерусалим, им было разрешено вернуться в Палестину. Как в Италии, так и в провинциях империи они пользовались всеми привилегиями, которые были дарованы их отцам лучшими из предшественников Антонина. Будучи допущенными к достоинствам, а иногда и к вознаграждению в муниципальной жизни на условиях равенства со своими собратьями-подданными, они были вынуждены сохранять свою социальную и религиозную независимость под юрисдикцией патриарха, резиденция которого находилась в Тверии, и который осуществлял свою власть и собирал ежегодную дань через своих представителей в каждой колонии.

♦218-222 годы н. э.♦

Безумства одних императоров оказались столь же полезными для евреев, как и мудрость других. Гелиогабал довел свое суеверное почитание Закона Моисеева до обрезания и воздержания от свинины. ♦ 222-235 гг. н.э. ♦ Сирийский император Александр Север, прозванный греками Архисинагогосом, или Главой синагоги, выразил свое эклектичное дружелюбие к иудаизму, поместив в своих личных покоях изображение Авраама рядом с изображениями Орфея и Христа и применив еврейскую моральную максиму “Не делай другим того, чего ты не хотел бы, чтобы другие делали тебе” к другим. будет выгравирован на императорском дворце и общественных зданиях. Во время этого правления еврейский патриарх обладал почти королевской властью, и указы Адриана, запрещавшие евреям входить в Иерусалим и выполнять функции судей, были отменены.

В этих обстоятельствах Израиль процветал и множился быстрыми темпами. Синагоги возникли в каждом важном городе Империи, и евреи постились и пировали без страха и часто без меры. Терпимость порождала терпимость. Религиозное рвение, которому никто не противодействовал, утратило большую часть своей горечи, и евреи постепенно примирились со своим новым положением. Их ненависть к язычникам была почти забыта в их ненависти к христианам; и, хотя они время от времени помогали последним в преследованиях, они подражали манерам первых. Дамы из семьи еврейского патриарха считали за честь, что им разрешили причесываться по римской моде и изучать греческий. Еврейские законы,

запрещавшие эллинское искусство и ограничивавшие общение с язычниками, перестали применяться. Но ничто так ясно не показывает масштабы и глубину отвращения, которое язычник внушал евреям, как тот факт, что отмена закона синагоги, запрещавшего употребление масла язычников, была расценена как настолько смелое нововведение, что вавилонские евреи сначала отказались верить этому сообщению. Хлеб, выпекаемый язычниками, по-прежнему был табуирован.

Вера в пришествие Мессии, действительно, оставалась такой же твердой, как и прежде. Но в отсутствие преследований определенное ожидание превратилось в приятно смутную надежду. Лелея свою мечту о будущем, евреи были достаточно благоразумны, чтобы не пренебрегать реалиями настоящего. Покорение земли силой оружия могло произойти в благое для Бога время; тем временем они решили добиться ее завоевания силой ума; и именно тогда они развили ту коммерческую ловкость и заложили основы того финансового превосходства, которое вызвало у них зависть язычников и которому в последующие века суждено было стоить им стольких страданий. Их мастерство и знания, их трудолюбие и бережливость обеспечили им быстрый успех. К концу III века их европейские колонии распространились от Иллирии на Востоке до Испании на Западе, до Галлии и рейнских провинций на Севере; и, по-видимому, хотя торговля, включая торговлю рабами, была их основным занятием, процветание многих из этих поселений также в некоторой степени зависело от сельского хозяйства и ремесел. Гражданские и военные службы также были обязаны их талантам, и, одним словом, эти семитские изгнанники, хотя их своеобразные обычаи безжалостно высмеивались на сцене, не могли испытывать ничего, кроме сентиментального сожаления о потере Палестины. Их положение в Римской империи в этот период было прототипом положения, которое они с тех пор занимали во всем мире: “Везде и нигде у себя дома, везде и нигде могущественные”.³²

Но затишью суждено было продлиться недолго, и на горизонте уже были видны признаки затяжной ужасной бури, которая спустя годы должна была швырнуть корабль Израиля в море.

ГЛАВА V

ХРИСТИАНСТВО И ЕВРЕИ

Во сне я увидел двух евреев, которые случайно встретились,

Одна пожилая, с суровыми глазами и глубокими бровями, увешанная венками

С живым светом любви вокруг его головы,

Другой, молодой, с милым серафическим взглядом.

Вокруг Города продолжался сатанинский танец,

Голод овладевал им, в то время как сердце его истекало кровью.

Шалом Алейхем, скорбно сказал каждый,

Нор не смотрел на собеседника прямо, а смотрел искоса.

—Израэль Зангвилл.

Христианство, долгое время презируемое и гонимое, медленными, но уверенными шагами прокладывало себе путь среди народов, пока Константин не возвысил его из веры рабов до владычества римского мира. ♦ 323 год н.э. ♦ Крест из эмблемы позора превратился в знамя победы, а великая церковь Воскресения, построенная первым христианским императором на Голгофском холме, провозгласила человечеству триумф новой религии. Но Евангелие, которое должно было привить людям всеобщий мир, милосердие и добрую волю, не принесло ничего, кроме новых причин раздора, жестокости и озлобленности. Апостолы и миссионеры склонны воображать, что религия - это все, а национальный характер - ничто, что люди формируются верованиями, которые они исповедуют, и что, если бы вы распространили на все народы одни и те же доктрины, у вас были бы у всех одинаковые наклонности. История религии, однако, убедительно демонстрирует, что не церкви формируют людей, а люди формируют церкви. Идея, пересаженная в чужую почву, чтобы укорениться и принести плоды, должна сначала приспособиться к условиям почвы. Народы Запада, приняв учение Христа, усвоили из него лишь то, что было им по душе, и удобно упустили из виду остальное. Милосердие — суть учения — было принесено в жертву страстям учеников. Отныне древняя война между евреями и язычниками должна проявляться главным образом как борьба между синагогой и Церковью, между учением Нового еврейского Пророка и древнееврейского Пророка, так прекрасно представленного современным еврейским писателем в процитированных выше строках.

Евреям сказали, что соблюдение Закона Моисея было установлено из-за ожесточения их сердец и больше не приемлемо в глазах Бога; что обрезание духа заменило обрезание плоти; что вера, а не дела - ключ к вечной жизни; что их национальные бедствия были наказанием за отвержение и распятие Иисуса; и что их единственная надежда на мир в этом мире и на спасение в следующем заключается в обращении. Вражда к евреям также не ограничивалась опровержением их доктрин и попытками убедить. Христиане всегда считали евреев ответственными за все преследования и клевету, которым подвергалась их секта. “Другие народы, - говорит Юстин своему еврейскому собеседнику в 140 году н.э., - не так сильно виноваты в этой несправедливости по отношению к нам и Христу, как вы, причина их злого предубеждения против Него и нас, которые от Него произошли. После распятия и воскресения ты разослал избранных мужей из Иерусалима по всей земле, говоря, что возникла безбожная ересь христиан”.³³ Обвинение повторяется, среди прочего, Оригеном: “Иудеи, которые в начале учения христианства распространяли порочные слухи о Слове Божьем, что, действительно, христиане приносят в жертву ребенка и вкушают его плоть, а также что они в своей любви к темным делам гасят свет и предаются беспорядочному кровосмешению”.³⁴ Здесь мы находим следующее: “Иудеи, которые в начале учения христианства распространяли порочные слухи о Слове Божьем”. страдания Христа связаны со страданиями Его последователей; преступление фарисеев связано со страданиями их потомков; и, вопреки основному принципу христианства и возвышенному примеру его автора, грехи отцов теперь должны лечь на плечи детей. Христиане, удовлетворяя свою собственную жажду мести, льстили себе мыслью, что они отомстили за обиды Христа; притесняя евреев, они были убеждены, что выполняют постановления Провидения. Таким образом, благочестивая мстительность была добавлена к другим, более старым мотивам ненависти - новое звено в насаждении антииудаизма. Если бы не существование этих других мотивов ненависти, к которым теология не имела почти никакого отношения, богословская ненависть, которой отныне подвергались евреи, была бы просто нелепой. Основатель христианства, сам еврей, явился Своему народу

как Мессия, которого они с нетерпением ожидали, и со всеми божественными пророчествами, о пришествии которого они были хорошо знакомы. Они изучили Его полномочия и, как нация, не были удовлетворены тем, что Он был тем, кем Его считали последователи. Вместо того, чтобы вспомнить, что его еврейские соотечественники, в конце концов, были наиболее компетентны, чтобы составить суждение о своем новом Учителе, как они поступали в случае с другими вдохновенными раввинами и пророками, христиане продолжили оскорблять и возмущать их за то, что они пришли к выводу, что Он не выполнил условий, требуемых их Священными Писаниями. Святой Иероним, хотя и посвятил себя изучению иврита, выразил свою ненависть к расе в резких выражениях. Августин пошел по стопам своего старшего современника, и отвращение к евреям стало догматом веры, одобренным этими ортодоксальными оракулами и претворенным в жизнь благочестивыми князьями более поздних времен.

Сначала Константин поставил религию евреев на одну доску с религиями других подвластных народов. Но его терпимость исчезла после обращения. При его правлении евреи подвергались бесчисленным ограничениям и вымогательствам; верующим было запрещено вступать в какие-либо сношения с убийцами Христа, и вся желчь, которую можно было высвободить из сектантских распрей внутри Церкви, была излита на внешнего врага. Иудаизм был заклеен как безбожная секта, и его истребление пропагандировалось как религиозный долг. Отступничество христиан от иудаизма было сурово наказано, в то время как отступничество евреев от христианства усиленно поощрялось, и синагога была лишена драгоценной привилегии преследования, которая отныне должна была стать исключительной прерогативой Церкви. Эдикт Адриана, запрещавший евреям жить в Иерусалиме, был вновь введен в действие Константином, который разрешил им скорбеть на его руинах только в годовщину разрушения Храма - за определенное вознаграждение.

♦337♦

Но настоящие гонения начались только после восшествия на престол Констанция. Затем раввины были изгнаны, браки между евреями и христианками карались смертью, как и обрезание рабынь-христианок; в то время как общины Палестины страдали от ужасных притеснений со стороны двоюродного брата императора Галла и были подстрекаемы к восстанию, которое закончилось истреблением многих тысяч людей и разрушением многих городов. 352♦ Но евреи переносили все эти бедствия со свойственным их расе терпением, пока помощь не пришла с неожиданной стороны.

В 361 году Юлиан, которого Церковь заклеила титулом Отступника, взошел на трон Константина Великого. Честолюбивым намерением Юлиана было изгнать поклонение Кресту из своей империи, реформировать язычество и восстановить его древнюю славу. Воспитанный под руководством мудрых греческих учителей, он рано проникся глубокой любовью и благоговением к верованиям и обычаям Эллады. Он остро ощущал инстинктивное отвращение эллинского духа к восточным образам мышления. Христианское вероучение вызывало у него отвращение, а пафос служения Христа не трогал его. Для Юлиана Иисус был просто “мертвым евреем”. Его философская привязанность к язычеству и презрение к “религии галилеян” усилились благодаря опыту общения с христианскими наставниками, которым его последующее образование доверил его двоюродный брат Констанций. Находясь во власти своего двоюродного брата, Джулиан был вынужден скрывать свои взгляды и внешне соблюдать правила вероучения, которое он презирал. Принудительное подчинение усилило его

негодование по отношению к христианской церкви, не ослепив, однако, красоты принципа терпимости, который она отрицала. Хотя, став императором, он благоволил тем, кто оставался верен старой религии, Юлиан не притеснял последователей новой, считая, что внутреннее превосходство язычества в конечном итоге обеспечит его триумф. Его уверенность была неуместна. Классический ритуал больше не был приемлем для серьезных людей, а неоплатонический мистицизм, пытавшийся преобразовать чувственный политеизм в духовную философию, не привлекал толпу. Христианство переняло достаточно языческих спекуляций, чтобы примирить образованных, и более чем достаточно языческих практик, чтобы удовлетворить невежд. У греческого пантеона больше не было причин для существования. Все, что могло сделать императорское поощрение, - это оживить тело, которое уже было мертво.

Но хотя успех Юлиана был эфемерным, а возрождение политеизма невозможным, все же эта попытка принесла на некоторое время языческую терпимость в мир, отвлеченный христианским сектантством и кровавыми дразгмами метафизиков и священников. По отношению к евреям Юлиан проявил особую милость. Он представил Иегову своему хору божеств и относился к Нему с особым почтением. Юлиану было достаточно того, что Иегова был богом. Его мало заботили претензии на всеобщее и исключительное почитание, выдвигаемые от Его имени некоторыми из Его почитателей. Желание императора смирить христиан в сочетании с его искренней жалостью к страдающим евреям натолкнуло его на мысль восстановить Иерусалимский храм, придать ему его древнее величие и вернуть детей Израиля в дом их отцов.

Алипию Антиохийскому, верному другу Юлиана, было поручено осуществление этого плана, и с этой целью он был отправлен в Палестину. Евреи увидели перст Божий в решимости имперского энтузиаста. Им казалось, что наступил долгожданный день искупления, и они с готовностью откликнулись на призыв. Оставив свои дома и свои занятия, они стекались в Сион отовсюду, как мужчины, так и женщины, принося с собой свои приношения для служения Храму, золото и серебро, пурпур и шелк, точно так же, как делали их предки, повинувшись призыву Господа через Моисея, и снова по возвращении из Вавилона в былые дни. Ни один фараон, любивший монументальную архитектуру, никогда не требовал от своих подданных большей дани деньгами и трудом, чем этот языческий князь сионистов, который теперь бесплатно получал от детей Израиля. Участвовать в работе означало право на вечную славу, в то время как бесчестье ожидало тех, кто уклонялся от нее. Но желающих это сделать было немного. Строительство Храма было делом любви, и никакая жертва не считалась слишком большой, никакое служение - слишком болезненным для осуществления мечты, о которой уже мечтали столькие поколения евреев и о которой еще стольким было суждено мечтать в будущем.³⁵

◆363◆

Увы! славное самоотречение целой расы было потрачено впустую, и ее надежды были разбиты вдребезги безвременной кончиной Императора. Работа была заброшена через шесть месяцев после ее начала, вскоре все следы от нее исчезли, и участок, по которому когда-то тянули плуг, окончательно превратился в пустыню. Пилигримы разошлись, обескураженные и смущенные, а их враги возрадовались. Христиане, в свою очередь, усмотрели перст Божий в том, что евреи не смогли избежать жребия, назначенного им свыше в наказание за их грехи, и продолжали помогать Провидению.

◆364–378◆

При арианском императоре Валенте евреев не трогали. ♦379–395♦ Феодосий Великий также защищал их от нападения фанатизма, и ♦395-408 гг.♦ при правлении Аркадия они смогли купить мир, подкупив фаворитов императора. ♦408-450♦ Но с восшествием на престол Феодосия Младшего ортодоксальность и нетерпимость, которые были прерваны коротким правлением ереси, были восстановлены к власти.

Последствия этой реставрации вскоре ощутили на себе евреи. Иоанн Златоуст обличал их в Антиохии, и красноречие проповедника вылилось в акты насилия со стороны жителей соседнего города Имнестар. ♦415♦ Поводом для беспорядков послужил праздник Пурим, когда евреи отпраздновали свою победу над Аманом карнавалом пьянства и непотребства, сопровождавшимся распятием чучела их врага. Веселье, по-видимому, еще больше усиливалось грубыми шутками в адрес христианства. Христиане города, которые часто напрасно жаловались на эти оргии, теперь обвинили евреев в том, что они распяли не соломенного Амана, а живого христианского юношу. Это обвинение привело к суровому наказанию гуляк.³⁶

В том же году в Александрии началось гораздо более масштабное преследование евреев. В этом городе евреи и христиане долгое время жили в условиях взаимного отвращения, что нередко приводило к взаимному возмущению. Эпизод такого рода дал Кириллу, Патриарху-диктатору и фанатику, повод для неизбирательной мести. Однажды рано утром драчливый священнослужитель повел толпу zelотов против еврейского квартала, разрушил их синагоги, разграбил их жилища и выгнал жителей из города, в котором они жили и процветали на протяжении семи столетий. Сорок тысяч из них, самая трудолюбивая и бережливая часть населения, были изгнаны, чтобы присоединиться к своим собратьям в изгнании. Префект Орест, неспособный предотвратить нападение или наказать виновных, был вынужден выразить свое неодобрение их поведению — опрометчивый поступок, за который он едва не был забит камнями до смерти монахами.

Тем временем христианские жители Антиохии вызвались отомстить за обиды своих братьев в Имнестаре, изгнав своих сограждан-евреев из синагог. Император Феодосий вынудил их вернуть здания владельцам. Но это решение было осуждено Симеоном Столпником, который, взойдя на свою колонну, отказался от всей мирской роскоши, кроме ненависти к евреям. С этой высокой кафедры отшельник обратился с посланием к императору, упрекая его в греховном потворстве врагам Неба. Благочестивый император не был застрахован от порицания со стороны столь выдающегося святого. ♦423♦ Он немедленно отменил свой эдикт и сместил префекта, который защищал интересы евреев.

♦425♦

Два года спустя Феодосий Младший отменил полуавтономную юрисдикцию еврейского патриарха Тивериадского и присвоил его доходы. Он ввел множество серьезных ограничений на проведение еврейских праздников, исключил евреев из государственных учреждений и запретил возведение новых синагог. Суровые законы Феодосия оставались в силе и при его преемниках. На евреев смотрели с презрением и отвращением во всех частях Византийской империи, их личности и их синагоги в городах, где они существовали, часто становились объектами нападений, а беспорядки, вызванные соперничеством между христианскими фракциями в цирке, часто заканчивались совместными нападениями на еврейский квартал. Тем временем Палестина, за немногими исключениями, полностью обратилась в христианство;

греческие церкви и монастыри заняли места, которые когда-то занимали иудейские синагоги, аббаты и епископы правили страной фарисеев, а Иерусалим из столицы иудаизма превратился в цитадель и святилище Креста.

Страдания еще раз зажгли надежду на Искупителя. Моисей с Крита в середине пятого века взялся исполнить древние пророчества и оправдать ожидания своих гонимых братьев. Он заручился поддержкой всех евреев острова и уверенно пообещал им, что приведет их в Святую Землю голыми, как это делал до него его великий тезка. В назначенный день Мессия направился к побережью, сопровождаемый всеми еврейскими общинами, и, заняв свое место на скале, выступавшей в море, он приказал своим приверженцам бесстрашно броситься в пучину. Каким бы невероятным это ни казалось нам, созданиям здравого смысла, многие подчинились приказу, обнаружив, что воды не желают разделяться. Некоторые погибли из-за упрямства стихии и собственного неумения плавать; других спасли от последствий чрезмерной веры греческие моряки. Моисей исчез.

♦527–565♦

Юстиниан усугубил рабское положение евреев. В его правление священные сосуды Храма, которые уже путешествовали по Востоку, были доставлены Титом в Рим, а оттуда Гензерихом Вандалом перенесены в Карфаген и попали в Константинополь. Евреи Нового Рима испытали унижение, увидев эти памятники своего ушедшего величия в свите Велизария, который, разрушив империю вандалов, увел в плен внука Гензериха, а вместе с ним и священные сосуды, которые в конце концов были переданы на хранение в иерусалимскую церковь. ♦535♦ В том же году показания евреев против христиан были признаны недопустимыми, и два года спустя Юстиниан издал закон, обременяющий евреев дорогостоящими обязанностями магистратуры, отказывая им в освобождении от них и привилегиях. Вскоре после этого евреям по закону было запрещено праздновать Песах перед христианской Пасхой.

При Юстиниане самаритянам жилось еще хуже, чем евреям. Притеснения неоднократно подталкивали их к восстанию, и каждая попытка, сопровождавшаяся зверствами против христиан, делала иго тяжелее. Одно из таких отчаянных восстаний произошло в 556 году нашей эры, когда самаритяне Кесарии воспользовались одним из неизбежных цирковых бунтов и с помощью евреев вырезали христианских жителей. Это преступление повлекло за собой суровое и неизбирательное наказание.

После смерти Юстиниана наступила передышка, которая продолжалась и при его непосредственных преемниках. Но правление Фоки стало свидетелем возобновления вражды. ♦608♦ Евреи Антиохии внезапно напали на христиан, которых они перебили и сожгли; при этом они протащили патриарха по улицам и предали смерти. Военная сила подавила бунт и отомстила виновным. Несколько лет спустя евреи воспользовались случаем, чтобы дать выход своей плохо скрываемой ненависти к грекам. Это было наступление персов на Палестину.

Некий богатый еврей из Тверии, по имени Вениамин, возглавил восстание и призвал своих соотечественников присоединиться к персам. Евреи с радостью подчинились и собрались со всех концов Палестины, обрушив свою ярость и огонь на христиан. ♦614♦ С их помощью персы взяли Иерусалим, вырезали девяносто тысяч христианских жителей и разграбили все христианские святилища, ибо их еврейские союзники не пощадили бы никого и ничего, что напоминало бы им об их национальном унижении. Из столицы ужас и опустошение

распространились по всей стране, завоеватели разрушали монастыри и убивали монахов везде, где они их находили. Однако попытка заставить христиан Тира врасплох и убить их во время празднования Пасхи провалилась. Последние, узнав о замысле, схватили евреев в городе, которые должны были действовать как тайные пособники нападавших, убили по сто человек за каждое злодеяние, совершенное их сообщниками за пределами города, и перебросили головы жертв через стены в назидание их единоверцам. Это представление произвело желаемый эффект. Осаждающие, встревоженные обрушившимся на них ливнем еврейских голов, поспешно отступили, преследуемые христианами из Тира.

В течение четырнадцати лет Палестина оставалась в руках персов и евреев. Несколько христиан в отчаянии приняли иудаизм, среди них монах с горы Синай, который сменил свое имя на Авраам, женился на еврейке и, подобно ренегату, отличился тем, что присоединился к преследованию веры, которую он предал. Но евреи, которые наивно надеялись, что их персидские союзники передадут им страну, были обречены на разочарование. Недовольство вылилось в разрыв со своими друзьями и изгнание многих евреев в Персию. Затем остальные решили отомстить вторым актом предательства. Они вступили в переговоры с императором Ираклием и, получив от него обещание простить и забыть их прошлые злодеяния, помогли ему вернуть провинцию. ♦ 628г. ♦ Персидские захватчики были отброшены, и греки снова безраздельно властвовали над Западной Азией.

Евреи приветствовали победителя и его армию с подобострастным преклонением и относились к обоим с щедростью, проистекающей из холодного расчета. Но их энтузиазм был слишком очевиден, а их зверства слишком свежи, чтобы ввести Ираклия в заблуждение. В Иерусалиме монахи горячо умоляли императора наказать предателей и одним ударом навсегда устранить опасность повторения их преступления. Ираклий возражал против нарушения веры, которое так яростно рекомендовали святые мужи; но его угрызения совести были преодолены их предложениями взять грех на себя, их небрежными доказательствами того, что истребление врагов Неба было достойным деянием, по сравнению с которым обычная честность ничего не значила, и обещанием поститься и молиться за него. Евреи подвергались преследованиям; многие из них были убиты, а другие бежали в горы или в Египет, где их приветствовали их братья. Таким образом, двойное предательство закончилось двойной катастрофой.

Страдания евреев в Византийской империи были возобновлены Львом Исаврийцем, который, по-видимому, пытался вернуть доверие духовенства, утраченное из-за его иконоборческих наклонностей, ревностным преследованием этих извечных врагов православия. В 723 году он издал указ, угрожающий страшными карами всем евреям, которые отказывались креститься. Некоторые подверглись этому испытанию, чтобы спасти свою жизнь; другие предпочли искать безопасности в добровольном изгнании или славы в самопожертвовании; многие сожгли себя до смерти в своих синагогах.

При преемниках Льва, хотя евреи по-прежнему не занимали государственных должностей, им была предоставлена полная свобода в отправлении своей религии и занятии коммерцией. Василий, однако, в середине IX века возобновил усилия Церкви по обращению неверных, и под его эгидой проводились публичные диспуты между христианскими и еврейскими богословами; убедительное красноречие первого подкреплялось обещаниями политических преимуществ обращенным. Многие евреи поспешили воспользоваться этим приходом к власти. ♦ 886 ♦ Но после смерти императора они проявили не меньшую готовность вернуться к старой вере. ♦ 900♦

После чего Лев Философ приказал предавать смерти отступников как предателей Церкви. Эта строгость, однако, была смягчена при его нефилософских преемниках.

Бенджамин из Туделы, этот бесценный путеводитель по средневековому еврейству, посетивший Константинополь примерно в середине двенадцатого века,³⁷ описывает состояние своих единоверцев следующим образом: “Им запрещено выезжать верхом, за исключением Соломона Египетского, который является царским врачом и через которого евреи находят большое облегчение в преследованиях. Ибо гонения, в которых они живут, тяжки.... Христиане ненавидят евреев, будь они хорошими или плохими, и возлагают на них тяжелое иго. Они избивают их на улицах и держат в состоянии жестокого рабства. Но евреи богаты и добры, любят милосердие и религию, и они терпеливо переносят преследования. Квартал, в котором они живут отдельно, называется Пера”.³⁸

Вкратце, история Израиля в Восточной империи - это история церковных преследований, временами смягчаемых имперской защитой, пока турецкое завоевание не лишило христиан средств угнетения. Несколько лучшие условия царили на Западе.

Евреи продолжали жить в Риме, Равенне, Неаполе, Генуе и Милане, посвятив себя мирной торговле, еще долго после того, как на Востоке начались преследования. Правда, Амвросий, епископ Милана, осуждал и высмеивал неверных, но твердость Феодосия I. ему помешала активно продемонстрировать свои теории на этот счет твердость Феодосия I. ♦ 399♦ Слабый преемник этого императора, Гонорий, запретил взимать налог с еврейского патриарха в Италии; но приказ был отменен пять лет спустя. Во всех упомянутых городах евреи образовали отдельные полуавтономные общины, их единственной жалобой было лишение их судебных и военных званий, которых они не желали, и запрет строить новые синагоги или владеть рабами-христианами. Последний закон, хотя и вызывал ожесточенное негодование евреев, был совершенно оправдан с христианской или даже справедливой точки зрения. Евреи были крупными работоторговцами и рабовладельцами, и у них было в обычае обращать своих рабов в иудаизм, чтобы избежать присутствия язычников под их крышами. Все рабы, отказавшиеся от обрезания, были, в соответствии с Талмудом, проданы снова. Следовательно, долгом Церкви было защитить этих беспомощных животных в человеческом облике от прозелитизма. С другой стороны, с точки зрения евреев, запрет был серьезным ударом по их способности к конкуренции, поскольку в ту эпоху рабский труд был если не единственным, то уж точно самым обычным видом доступной рабочей силы.

♦489♦

Завоевание Италии Теодорихом, остготом, и принципы веротерпимости, на которых, будучи христианином, еретиком и ненавистником еврейского “упрямства”, этот принц основывал свое правление, казалось, обещали увековечение процветания Израиля. Насколько просвещенным было правление Теодориха, показывает следующий инцидент. Евреи Генуи, обратившись за разрешением отремонтировать свою синагогу, получили от короля такой ответ: “Почему вы желаете того, чего должны избегать? Мы действительно даем вам разрешение, о котором вы просите; но мы осуждаем ваше желание, которое запятнано ошибкой. Однако мы не можем ни повелевать религией, ни принуждать кого-либо верить вопреки своей совести”.³⁹ Но фанатизм ортодоксальных подданных Теодориха, которым было отказано в защите от арианских завоевателей, выместился на евреях, которые внезапно оказались беззащитными перед свирепостью итальянского сброда, были оскорблены и ограблены, а их синагоги были

разграблены и сожжены, пока гражданские власти не вмешались, не остановили хаос и не вынудили агрессоров возместить убытки, причиненные их соотечественникам, заработав тем самым награду. сердечные анафемы всему католическому миру.

Так закончился пятый век. Положение евреев не ухудшилось и в шестом. ♦536♦ Насколько счастливыми и богатыми они продолжали быть в Италии под властью остготов, доказывает храброе сопротивление, которое они оказывали полководцу Юстиниана Велизария во время его завоевательного продвижения по полуострову, и особенно в Неаполе. Византийское господство над Италией прекратилось в 589 году, когда большая часть страны перешла под власть лангобардов, которые также оставили евреев в покое. Вспышки народной нетерпимости время от времени позорили итальянский полуостров, но, как правило, Израилю удавалось добиться официальной индульгенции за счет богатств, которые он накопил под заинтересованной защитой пап. ♦ 590-604♦ Григорий Великий, хотя он преследовал еретиков-манихеев на Сицилии и приказал вернуть крестьян-язычников Сардинии “*etiam cum verberibus*”, и хотя в своем стремлении искоренить рабство он возродил указ императора Констанция и убедил князей Австразии и Бургундии в необходимости запрета владения евреями рабами-христианами, все же установил принцип, согласно которому для обращения последних не следует использовать никаких других средств, кроме дружеского увещевания и денежного соблазна, и он защищал их. их от агрессивного благочестия низших епископов.

В Галлии евреи, должно быть, поселились в очень ранний период, хотя происхождение их колоний теряется в тумане незаписанного времени, и никаких достоверных свидетельств их присутствия в этой провинции не сохранилось ранее II века. Прибыли ли первые еврейские поселенцы к северу от Альп в качестве военнопленных или в качестве корабейников, они вошли в историю как римские граждане, и как таковые франкские и бургундские завоеватели относились к ним с уважением, которые позволяли им беспрепятственно заниматься сельским хозяйством, медициной и торговлей вплоть до введения христианства. Пришествие Креста здесь, как и везде, оказалось фатальным для сынов Израиля. Да и не могло быть иначе. Прошло время, Римская империя была сметена, и возник новый порядок вещей. Более молодые расы господствовали в регионах, над которыми когда-то распростер свои гордые крылья римский орел, и поклонение единому Богу, Богу евреев, свергло с престола многие божества язычества. Один еврей остался прежним. Несмотря на время и все превратности судьбы, иврит Западной Европы по-прежнему оставался верным *факсимиле* своих азиатских предков. Подобно им, он продолжал находиться в железном кольце, которое не хотел переступать и в которое неохотно допускал посторонних. Евреи повсюду держались особняком, подозрительные. Еврейские писатели восхваляют эту высокомерную и опасную изоляцию: “Несмотря на свою отделенность от Иудеи и Вавилонии, центров иудаизма, евреи Галлии жили в строгом соответствии с предписаниями своей религии. Где бы они ни селились, они строили свои синагоги и организовывали свои общины в точном соответствии с указаниями Талмуда”.⁴⁰ Такое постоянство, достойное восхищения само по себе, с практической точки зрения было чревато опасностями, которые не замедлили заявить о себе.

В 465 году Ваннский собор запретил духовенству участвовать в еврейских пирах, поскольку считалось ниже достоинства христиан вкушать яства евреев, в то время как евреи отказывались вкушать яства христиан. Это было началом активного проявления антипатии, которому суждено было сохраниться до наших дней.

В Бургундии обращение короля Сигизмунда в католическую веру положило начало эпохе притеснения всех еретиков — как ариан, так и евреев. Истинно верующим, будь то миряне или священнослужители, было запрещено принимать участие в еврейских пирах. Из Бургундии дух вражды распространился на другие страны. ♦538 и 545 гг. ♦ Третий и четвертый Соборы в Орлеане повторили вышеупомянутый запрет, и евреям было запрещено появляться за границей во время Пасхи, потому что их присутствие было “оскорблением христианства”. ♦ 554 ♦ Клерикальный фанатизм был наделен конституционными полномочиями Хильдебертом I Парижским несколько лет спустя.

Среди этих прежних гонителей иудаизма никто не отличился так высоко, как Авитус, епископ Клермонский. В нем галльские евреи нашли такого же непримиримого врага, какого их александрийские братья нашли в Кирилле. Он неоднократно пытался обратить евреев своей епархии в свою веру, и, поскольку его проповеди оказались безрезультатными, он подстрекал христиан нападать на синагоги и сровнять их с землей. Но даже этот аргумент не смог убедить упрямых неверных в истинности христианства. Поэтому добрый епископ предоставил им выбор между крещением или изгнанием, опередив таким образом короля Англии на семь веков, а короля Испании - на девять столетий. Один еврей выбрал крещение и шествовал по улицам в своих одеждах символической чистоты во время Пятидесятницы. Но другой еврей попытался истолковать чувства своих братьев, испачкав белые одежды набожного отступника прогорклым маслом. Несвоевременное помазание привело к массовой резне и насильственному крещению еще пятисот евреев, в то время как остальные бежали в Марсель. ♦576♦ Этот триумф веры в Клермоне был встречен с большим ликованием в соседних странах, и епископ Турский Григорий продемонстрировал похвальное отсутствие церковной ревности, пригласив поэта воспеть на плохой латыни успех своего коллеги.

Пять лет спустя Совет Масона принял различные акты, подчеркивающие социальную неполноценность евреев и фанатизм членов Совета. Король Хильперик также занимался принудительным обращением в свою веру, а более поздние короли из династии Меровингов Клотер II. и Дагоберт продолжали это дело с мрачной серьезностью. ♦ 615. 629♦ Первый из этих князей, повинувшись указам советов Клермона и Масона, лишил евреев таких официальных должностей, которые давали их обладателям власть над христианами, и в следующем году Парижский совет рекомендовал без разбора уволить их со всех государственных должностей. Но упадок “трутней Меровингов” принес, наконец, облегчение евреям Галлии.

В Испании, как и в Галлии, Израиль разбил свою палатку очень рано — по всей вероятности, еще до падения Римской республики. Число колонистов впоследствии было увеличено за счет пленников, увезенных из Палестины Титом и Адрианом и проданных в различных провинциях Империи, а также за счет добровольных эмигрантов; так что полуостров постепенно был усеян их синагогами; многие города стали известны как “еврейские” из-за преобладания в их населении избранного народа, и многие еврейские семьи с гордостью указывали на длинные родословные, реальные или вымышленные, некоторые датировали свое переселение разрушением Второго Храма, другие прослеживали свою родословную до Давида; и немало

даже утверждали, что происходят от поселенцев, привезенных в Испанию римлянами. не меньший персонаж, чем Навуходоносор!

Здесь их никто не трогал до обращения страны в христианство, когда начался знакомый процесс. Новая религия, уничтожив идолопоклонство, искала новое поле деятельности среди евреев. Их неверность оправдывала преследования; их богатство и слабость вызывали их. Еще во времена правления Константина Великого мы видим, как епископ Север из Магоны, на острове Менорка, сжигал их синагоги и принуждал их принять христианство, а епископ Хосиус из Кордовы запрещал христианам под страхом отлучения от церкви торговать, вступать в смешанные браки или иным образом смешиваться с зараженной расой. ♦320♦ Но участь Израиля стала невыносимой лишь спустя долгое время после того, как вестготы с Севера вторглись, опустошили и навсегда оккупировали полуостров. Первые арианские цари, преследуя католиков, предоставили полную свободу, гражданскую и политическую, израильтянам, которые впоследствии достигли большого достатка и самых важных должностей в государстве. Этот счастливый период закончился в шестом веке, когда король Реккаред отрекся от арианской ереси и был принят в лоно Церкви. Затем пришло православие, а с ним и гонения. В 589 году Совет Толедо запретил евреям владеть рабами-христианами и занимать государственные должности. Евреи попытались обойти первое ограничение, предложив большую сумму денег королю Реккареду. ♦599♦ Но он отказался от предложения и заслужил хвалебные речи папы Григория Великого, который сравнил его с царем Давидом; ибо, как Давид вылил принесенную ему воду перед Господом, так он снова принес в жертву Богу предложенное ему золото. Именно этот принцип девять столетий спустя диктовал политику Фердинанда и Изабеллы по отношению к евреям. Действительно, раннее вестготское законодательство предоставляет множество любопытных прецедентов средневекового испанского фанатизма. Со временем это обрекло всю еврейскую расу на рабство и изобрело многие принципы и методы, впоследствии принятые и усовершенствованные инквизицией.

На протяжении всего VII века несчастный народ испытывал на себе всю суровость испанской государственной мудрости, руководимой недоброжелательностью священников. Даже подкуп, последнее средство угнетенных, был пресечен правилами, которые по своей строгости показывали, что, если евреи стремились купить милосердие, их церковные угнетатели были не прочь продать этот товар. ♦612♦ При царе Сисебуте обращение с евреями было репетицией трагедии, разыгравшейся в той же стране восемьсот шестьдесят лет спустя. Их сажали в тюрьмы, грабили или сжигали, и, наконец, им был предоставлен выбор между отступничеством и экспатриацией. Самые “твердолобые” среди них предпочли потерю страны и собственности потере самоуважения. Девяносто тысяч поддались силе и спаслись кажущимся обращением. Церковь, хотя и не одобряла принудительный прозелитизм, выносила суровый приговор тем, кто открыто отказывался от вероучения, принять которое их заставило только опасение изгнания. Крещение стало маской и насмешкой. Но даже внешнее соответствие не могло долго сохраняться без поддержки внутреннего убеждения, и многие неопиты воспользовались первой возможностью сбросить ненавистный плащ. Вслед за этим Церковь, сильно возмущенная видом прозелитов, падающих обратно в трясины, из которой она их вызволила, побудила Сисенанда, одного из преемников Сисебута, силой удерживать некогда крещеных евреев от возвращения в иудаизм или от посещения других евреев, и, более того, приказать, чтобы дети первых были разлучены со своими родителями и получали образование в монастырях. Те, кто был обнаружен тайно совершающим еврейские обряды, были приговорены потерять свободу и служить фаворитам короля. Параллельно с этими бесчеловечными мерами

проводилась менее вредная, хотя и не менее глупая миссионерская кампания. Все полемические аргументы первых Отцов Церкви были теперь обновлены, но с не большим успехом, чем они имели, когда были совершенно новыми.

Однако, несмотря на эти усилия Церкви, испанская знать продолжала оказывать свою защиту преследуемому народу вплоть до восшествия на престол короля Чинтильи, который на Общем соборе вырвал у них подтверждение антиеврейских постановлений своих предшественников и, более того, провозгласил массовое изгнание всех евреев, отказавшихся принять христианство. И снова многие израильтяне были изгнаны из страны, и многие впали в лицемерие.

Можно было надеяться, что это знаковое доказательство благочестия со стороны короля сломит, наконец, непреклонную неверность расы. ♦638 ♦ Церковь также постановила, что каждый король в будущем должен при своей коронации давать торжественную клятву продолжать преследование еретиков. Но преследование предполагает совершенное согласие между гражданской властью и церковью; и, как это иногда случалось с тех пор, светская власть в Испании признала определенные пределы своей способности подчиняться духовной. Чинтилла умер в 642 году, и более поздние монархи отказались выполнять постановления Церкви, в то время как другие тщетно пытались это сделать. Евреи были слишком полезны, чтобы без них можно было обойтись. Политическая необходимость взяла верх над религиозным фанатизмом, и Испания, как и любая другая страна Европы, продолжала представлять собой странное зрелище запрещенной секты, процветающей на глазах у судей, которые неоднократно приговаривали ее к смерти. Несмотря на многочисленные трудности, с которыми сталкивались евреи, они оставались и множились на полуострове: псевдообращенные тайно практиковали иудаизм; некоторые из явных евреев опровергали аргументы своих противников в полемических трактатах; все они питали угрюмую ненависть к своим правителям и ждали возможности удовлетворить ее.

Такая возможность представилась во время арабского вторжения, и мусульманские халифы нашли в этих страдающих детях родственной расы и религии готовых и ценных союзников. Не исключено, что страх перед таким союзом между последователями Мухаммеда и Моисея усилил среди христиан Испании антиеврейские настроения, нашедшие выход в жестоких преследованиях евреев в годы, непосредственно предшествовавшие завоеванию полуострова. Если это так, то испанцы своим обращением с евреями создали ситуацию, которой они опасались. Мусульманское вторжение было подготовлено интригами евреев Испании со своими единоверцами в Африке, которые разоблачили сарацинам слабости вестготских королевств. Тарик, мусульманский завоеватель, в своем триумфальном путешествии по полуострову в 711 году ♦ после битвы при Хересе, где пал Родерик, последний из вестготских королей, повсюду пользовался поддержкой евреев. Кордова, Гранада, Малага и другие города были доверены евреям, а Толедо был предан захватчикам евреями, которые, в то время как христианские жители собрались в церкви, молясь о божественной помощи, ♦712♦ распахнули ворота перед врагом, приветствуя его как спасителя и мстителя.

Преследования снова пробудили желание искупления, которому никогда не позволяли долго оставаться дремлющим. ♦Около 720 г. ♦ Новый Мессия явился в лице сирийского еврейского реформатора по имени Серен. Так случилось, что евреи Сирии в то время почти так же жестоко страдали от рук фанатичного халифа Омара II. как у христианского императора Льва. ♦717-720гг. ♦ Поэтому, когда восстал Мессия, обещавший вернуть им независимость и истребить их

врагов, многие восточные евреи внимательно прислушались к его Евангелию. Слава Искупителя достигла Испании, и евреи этой страны также, все еще страдающие от многовековых страданий и, вероятно, разочарованные в экстравагантных надеждах, которые они возлагали на арабское завоевание, поспешили встать под его знамена. Но карьера Серена была прервана преемником Омара II. Предводитель правоверных схватил Мессию и подверг его суровому перекрестному допросу. Было ли это из-за тонкости теологических загадок, предложенных ему халифом, или из-за какого-то более ощутимого испытания на постоянство, но мужество Пророка изменило ему. Говорили даже те, кто отказался следовать за Мессией или кто, последовав за ним, разочаровался, что Сирен объявил свою миссию всего лишь практической забавой за счет своих доверчивых единоверцев. Как бы то ни было, бедняга Сирен был отдан на милость синагоги, и его позор на время рассеял мессианскую мечту.

Но менее чем через поколение в персидском городе Исфахан появился другой Реформатор мессианского типа, чтобы возродить энтузиазм и испытать веру своего народа. Это был Обайя Абу Иса бен Исхак. Он, несколько более скромный, чем его предшественник, утверждал, что был всего лишь одним — хотя и последним и самым совершенным — из ряда пяти предтеч, которые должны были подготовить путь для грядущего Искупителя. Он также дал обещание освободить детей Израиля от рабства. Он также не пропускал проповеди мимо ушей. Одной из самых поразительных непоследовательностей в еврейском характере является сочетание безграничной проницательности и подозрительности с почти такой же способностью быть обманутым. Люди, которых во все века ненавидели как мастеров обмана в прошлом, сами часто становились величайшими жертвами самозванства. Религиозная вера в них настолько сильна, что, особенно во времена страданий, ничто не кажется невероятным, что согласуется с их предрасположенностью. *Libenter homines id quod volunt credunt*. Десять тысяч евреев сплотились под знаменами Обайи. Война за независимость началась в Исфахане и какое-то время, казалось, сулила успех. Но Пророк пал в битве, и, хотя его последователи сохранили память о нем, дожив до десятого века, никто не оказался способным продолжить дело освобождения.

ГЛАВА VI СРЕДНИЕ ВЕКА

“Евреи, убитые во Франции”, “Евреи, убитые в Германии”, “Евреи, убитые в Англии”, “Евреи, убитые в Германии и Франции”, “Евреи, убитые в Испании”, снова, и снова, и снова. Эти заголовки, не говоря уже о бесчисленных изгнаниях, притеснениях и грабежах, бросаются нам в глаза, когда мы переворачиваем страницы истории Средневековой Европы, и холодные строки приобретают ужасное значение, когда мы читаем историю за историей о телесных и душевных мучениях, таких, от которых никогда не страдал и не выживал ни один другой народ. И пока мы читаем дальше и пытаемся осознать ужасные сцены, безутешный крик страдальцев звенит в наших ушах, подобно протяжному воплю, несущемуся сквозь века: “Доколе, о Господи, доколе?”

Было бы, конечно, абсурдным преувеличением утверждать, что жизнь Израиля в Средние века была сплошным ужасом резни и грабежей. Бывали периоды передышек, иногда довольно

продолжительных, в течение которых еврею разрешалось жить и толстеть. Но эти субботы отдыха небезосновательно можно сравнить с периодами, в течение которых благоразумный земледелец оставляет свою землю под паром в надежде на более богатый урожай. Это всего лишь интервалы между актами утомительной и кровавой трагедии, сценой которой является континент, а ночью - семь столетий. Но, хотя драма охватывает столь обширное пространство и время, она не лишена единства: единства сюжета. Мотивы и персонажи всегда одни и те же, каждая сцена заканчивается в строгом соответствии с предыдущим, и спектакль представляет собой шедевр скорбного однообразия. Нелегко также вручить корону превосходства какой-либо европейской нации актеров, не будучи несправедливым к их коллегам.

Драма естественным образом делится на два периода: период спонтанной, но бессистемной враждебности и период преднамеренных и организованных преследований.

В то время как Церковь была занята распространением Евангелия за границей, искоренением ереси у себя дома и установлением собственной власти, у нее было мало времени, чтобы уделять преследованию евреев; и единственным каноническим законом против них был запрет жить под одной крышей с христианами и нанимать слуг—христиан - закон, который в отсутствие строгого надзора часто оставался мертвой буквой и гораздо чаще соблюдался просто потому, что ни одна из сторон не испытывала сильного желания его нарушать. Вследствие этого евреи удивительно процветали, их синагоги росли в количестве и великолепии, а их антипатия к внешним влияниям, хотя и оставалась такой же непримиримой, как и прежде, нашла свое главное выражение в социальной изоляции, смягчаемой коммерческой эксплуатацией.

В каждой стране и в каждом городе Европы они оставались резко отделенными от своих соседей-христиан, избегая смешанных браков с ними и образуя совершенно отдельную группу людей, центром и душой которых была синагога. Синагога избирала своих должностных лиц в соответствии с традициями Храма и наставлениями Талмуда, издавая общинные постановления, которые, как и в древние времена, регулировали всю еврейскую жизнь: насаждали моногамию, запрещали бритье, устанавливали налог на мясо, ограничивали азартные игры, запрещали беспорядочные танцы евреев и еврейчиц, предписывали брачные соглашения и развод, определяли одежду и рацион питания мужчин и женщин. Государство часто взимало налоги с еврейской общины единовременной суммой, оставляя начисление взносов отдельным членам, а сбор - служащим синагоги.⁴¹ Правосудие также осуществлялось *Бет-Дином*, или еврейским религиозным трибуналом. Таким образом, несмотря на сильное внешнее вмешательство, евреи образовывали самоуправляющиеся колонии — странные оазисы в средневековом обществе. Их члены не были ни вилланами, ни фригольдерами; ни воинами, ни механиками. Феодализм волновал их так же мало, как католицизм. Они принимали не больше участия в военных упражнениях, чем в духовных обрядах своих соседей. Они не принадлежали ни к рыцарским орденам, ни к торговым и промышленным корпорациям; но они жили своей собственной жизнью, в более тесном общении по интересам и вкусам со своими братьями в Каире или Вавилоне, чем со своими соотечественниками. Например, в девятом веке Вавилон был для евреев Западной Европы тем же, чем Рим был для католиков, — оракулом Божественного знания, — и раввинским решениям, исходившим оттуда, подчинялись так же беспрекословно, как папским буллам. Средневековые евреи были так же равнодушны к красоте рыцарства, как и к его обязанностям. Звуки менестреля глухо звучали в их ушах, и бесплодные тонкости талмудической экзегезы волновали их больше, чем любовные романы. Латынь, язык Западного христианского мира, вызывал отвращение у потомков тех, кого римский разрушитель

Храма отправил в изгнание, и изучение Торы было единственной формой литературы, которой все евреи, старые и молодые, богатые и бедные, посвящали себя с целеустремленной серьезностью, достойной древних фарисеев и книжников. Даже во взаимных приветствиях они сохраняли восточную формулу “Мир тебе”, “Да будет тебе великое благословение”.

Эта зловещая изоляция была для евреев источником гордости, с которым никакая взятка не могла заставить их расстаться. Мысль о том, чтобы слиться с необрезанными, была им так же отвратительна, как и их предкам при вступлении в Ханаан. Их поэтическая литература, которая через еврейский сборник гимнов создала узы симпатии между всеми разрозненными слоями средневекового еврейства, является вечным памятником их печалей и их самовосхваления; их веры в обещания прошлого и их твердой уверенности в будущем. Все эти чувства можно рассматривать как воплощенные в той любви к идеализированному и обожествленному Сиону, которая скрашивала многие мрачные часы и которая была для евреев тем же, чем политические амбиции и устремления были для их христианских соседей. Они смотрели на себя всего лишь как на пришельцев в этой стране, а на свое пребывание среди язычников - как на дурной сон, от которого Господь в Свое время пробудит их и поведет Свой народ обратно в землю их отцов. Израиль по-прежнему был рабом Идеи и ее жертвой.

Эта социальная изоляция была символизирована и увековечена местной сегрегацией. Евреи повсюду жили вместе в особых кварталах, выделявшихся даже среди мрака и убожества средневекового города темнотой и грязью, которые странно контрастировали со случайным великолепием внутреннего убранства домов и личной чистоплотностью обитателей. В этих кварталах они жили, много семей в одном доме, ели мясо убитых и приготовленное особым образом, часто постились, когда пировали их соседи, и пировали, когда постились они; или, что еще хуже, иногда, по роковому совпадению, праздновали свое Освобождение, в то время как христиане оплакивали страдания своего Спасителя; как правило, отдыхали в тот день, когда другие работали, и работали в тот день, когда они отдыхали. Они не посещали мессу, не принимали причастий, не выказывали почтения к распятию и святым; но они жили некрещеными, неосвященными и обрезанными, поклоняясь своему собственному Богу на свой манер и на своем родном языке, совершая таинственные омовения, соблюдая новолуния и тысячи причудливых правил поведения, воздерживаясь от прикосновения к огню с вечера пятницы до вечера субботы, от употребления в пищу свинины, вина и молока или от использования посуды, к которой прикасался язычник. Их религиозная символика была чужда символике их соседей; их аллегорические свадебные обычаи, их ликование и стенания были столь же странными; их музыка столь же чудесной, сколь и их символизм; гнусавые напевы, доносившиеся утром из окон синагоги, или те, что наполняли своей странностью ночной воздух, когда похоронная процессия спешила по улице, звучали ужасно грубо, немелодично, и ничего не значили для ушей неевреев. Сами их дети были непохожи на детей язычников; не по годам развитые как в богослужении, так и в работе, они ничего не знали о жизнерадостных домовых, эльфах и феях европейского фольклора, но верили в торжественных и трезвых духов азиатской мифологии. В целом они, должно быть, казались странным и зловещим народом, для которого ростовщичество было их любимым занятием, а молитва - главным развлечением.

Так они жили, а когда умерли, их похоронили на специальных кладбищах, подчеркивая дружелюбный принцип, согласно которому между евреем и язычником не может быть союза или взаимообщения даже после смерти.

Стоит ли удивляться, что на евреев повсюду смотрели с отвращением и подозрением? Целомудрие еврейской жизни, благодатное очарование субботы, безмятежная красота еврейского дома были неизвестны, поскольку еврейские дома в средние века редко принимали гостей-неевреев. Если бы любознательный католик забрел в синагогу субботним утром, то то, что он там увидел, усилило бы его антипатию. Он находил собрание людей с покрытыми головами, собравшихся вместе в месте, в котором не было ни одного из атрибутов церкви: ни образов, ни купели, ни алтаря, ни кувшина со святой водой; скорее клубная комната, чем Дом Господень. Он видел, как некоторые из этих людей были поглощены учеными занятиями, а другие оживленно сплетничали; одни пели, другие громко болтали; многие заходили случайно в неподходящее время; все они не обращали внимания на регента, чьи трели взлетали ввысь в торжествующем диссонансе среди столпотворения языков, то переходящих в мелодраматические слезы, то истерический смех, то заглушаемые пронзительным звуком бараньего рога.

Откуда невежественному язычнику было знать, что эти вялые или запоздалые прихожане уже много молились дома и, подобно людям, которые идут на публичный банкет после того, как насладились хорошим ужином в одиночестве, не имеют аппетита к дальнейшему богослужению? Ему вся эта сцена с криками и беготней детей и непринужденной беспечностью мужчин, должно быть, показалась оргией неприличного легкомыслия. Хуже того, он мог бы застать врасплох эту паству, обсуждающую судебные процессы или цены на товары; ибо синагога была для еврея гораздо большим, чем молитвенный дом, и в ней совершались прокламации и сделки, подобные тем, которые средневековый гражданин привык видеть совершаемыми на рыночной площади. Все, чему стал свидетелем посетитель, произвело бы на него впечатление неотесанного, нехристианского и сверхъестественного; и он ушел бы пораженный и шокированный, если не с отвращением.

И все же, такова очевидная непоследовательность человеческой природы, именно к этому презируемому собранию христиане низших сословий, когда болели, часто обращались за медицинской помощью. Как в старые времена в Риме, так и в средневековой Европе еврейские обряды вызывали почитание у язычников. Тайна неизвестного завораживала их. Многие люди, которые обычно избегали еврейской общины, в трудные времена приходили в синагогу, принимали участие в ее процессиях и церемониях и приносили обетные подношения, чтобы больные друзья могли выздороветь, чтобы родственники-моряки могли благополучно добраться до гавани, чтобы женщины, лежащие в постели, могли счастливо родить и чтобы бесплодные могли радоваться потомству. Подлинное мастерство евреев в медицине поощряло народное суеверие; ибо медицина и магия были так же тесно связаны в средневековом сознании, как и до сих пор в умах менее развитых рас. Еврейских женщин боялись как колдуний, а раввины, как считалось, были в близких отношениях с силами тьмы. Считалось, что

“Неучтенные травы, и цветы, и соцветия”

Проявляют невиданные способности, когда они собраны вместе”.

И христианские рыцари обращались к ним за клочками пергамента, покрытыми еврейскими текстами, в качестве защитных амулетов для своей персоны и замков.

Точно так же и в наши дни христиане Востока обращаются к мусульманским монахам за всевозможными талисманами, а мусульмане делают подношения христианским святым.

Вероисповедания могут быть взаимоисключающими; популярной религией можно свободно торговать. Однако такой либерализм не является несовместимым с глубоким и стойким отвращением. Невежественные люди стремятся умиловить не божеств, а демонов соперничающей расы. Действие является результатом страха, и полученная помощь не подразумевает благодарности. Следовательно, средневековые евреи и язычники, подобно современным христианам и туркам, несмотря на суеверную симпатию, соседство веков, случайные связи в праздничных целях и обмен подарками, не питали друг к другу дружеских чувств. Даже подлинная личная дружба мало что могла поделать с национальной и религиозной антипатией. Евреи все еще были пришельцами и неверными, следовательно, врагами, и они часто становились жертвами оскорблений и нападений, а иногда и резни со стороны населения. Враждебность находила подходящий повод для самовыражения в дни великих церковных праздников, и особенно на Пасху. В те времена вид еврея напоминал христианам о Давнем Преступлении, и жестокое обращение с ним казалось естественным поступком благочестия. Это чувство было святым; практическое выражение его было отчасти детским, отчасти дьявольским.

В Тулузе, например, было традиционным давать еврею пощечину каждую Страстную пятницу. Граф открыл церемонию, публично отвесив президенту еврейской общины пощечину, и его подданные последовали его примеру, пока в двенадцатом веке удар не был заменен данью уважения. В Безье благочестивый распутство принял форму забрасывания камнями домов евреев с Вербного воскресенья до Пасхи. Использование другого оружия противоречило правилам игры, но ничего другого и не требовалось. Проповедь епископа была обычной преамбулой к началу военных действий, и это христианское времяпрепровождение год за годом пользовалось общественной благосклонностью, пока прелат, менее жестокий или более практичный, чем его предшественники, не отменил его по соображениям. В мае 1160 года был заключен договор, предусматривающий, что любой священник, который настроит народ против евреев, должен быть отлучен от церкви, в то время как евреи, со своей стороны, обязались платить четыре фунта серебра каждое вербное воскресенье. В другом месте старый языческий обряд умиловления растительных сил был замаскирован под религиозную кремацию соломенного “Иуды” во время Страстной недели; обычай, все еще сохранившийся во многих частях Европы. Но расовая и религиозная вражда, особенно когда она подпитывается материальными обидами, не знает сезонов. В Германии травля евреев была постоянным развлечением джентльменов, обнищавших из-за ростовщичества, а *Юденштрассе*, или еврейская улица, нередко становилась местом низменного отличия.

Однако в раннее средневековье евреи, хотя и подвергались народной ненависти, обычно были защищены от народного гнева князьями, духовными и светскими, которые поощряли их ростовщичество, делили прибыль и пользовались, не без строгих предосторожностей, их медицинскими навыками и административными способностями. Мы находим их землевладельцами, врачами и гражданскими чиновниками в Провансе и Лангедоке. В Монпелье, под крылом графа Тулузского, процветала еврейская академия, где успешно изучались медицина и раввинская литература — учреждение, которое во многом помогло созданию и продвижению медицинской профессии по всей Южной Европе, в то время как великая школа Салерно также многим обязана еврейскому таланту. Одним словом, медицинские исследования в Средние века были глубоко обязаны еврейским врачам. Они были первыми, кто отказался от древней веры в демоническое происхождение болезней и заменил экзорцизм физическими методами. Их внедрение рациональных методов в лечении пациентов

помогло произвести революцию в теории и практике медицины, освободить европейское сознание от суеверий и заслужить искреннее отвращение монахов и священников, чьи реликвии и молитвы были дискредитированы, а доходы уменьшались пропорционально успехам еврейских практикующих. Таким образом, враждебность низшего духовенства к средневековому еврею может быть частично объяснена профессиональным соперничеством.

В Испании евреи всегда были самыми многочисленными и процветающими. При сарацинских завоевателях, за немногими исключениями, — как, например, при преследованиях Ибн Тумарта, — они наслаждались миром, который редко испытывали при христианском правлении. Свобода, обычно предоставляемая им, позволила испанским евреям добиться отличия в других сферах деятельности, помимо ростовщичества. Они были фермерами, землевладельцами и работоторговцами. Последний вид торговли особенно поощрялся халифами Андалусии, которые формировали своих телохранителей из отборных рабов-славян. Они также были врачами, финансистами, гражданскими администраторами и соперничали со своими мусульманскими учителями в учености, а также в материальном великолепии и любви к показухе. Влияние мавританской культуры на духовное и интеллектуальное развитие испанских евреев было очень умело обрисовано современным еврейским писателем в следующих словах: “Более мягкое правление мусульман дало евреям необходимую паузу в борьбе за существование, а сходство семитского гения в обоих предотвратило заметную тенденцию к ограниченности и снова привело еврейский разум в свободный контакт с мировой мыслью.... Первой целью халифов после того, как победа ислама была обеспечена, было возродить греческую науку и философию. Были наняты переводчики, которые извлекли из сирийских гробниц Аристотеля и Галена. И евреи сразу же приняли участие в этом семитском возрождении”.⁴² Автор мог бы добавить, что главным образом с помощью евреев это арабское возрождение эллинской философии и науки было передано из ислама в христианский мир. Образованные евреи, знакомые с обоими языками, перевели арабские переводы Аристотеля на латынь, таким образом сделав их доступными для схоластов, которые высоко ценили эти версии не только за их верность оригиналу, но и за пояснительные комментарии, сопровождавшие текст. Фактически, первое знакомство средневековой Европы с любым из сочинений Аристотеля, кроме "Органона", произошло благодаря арабам и евреям Испании.⁴³ Таким образом, эти две семитские расы, волею судьбы, ирония которой стала очевидной только в наши дни, были первыми, кто пробудил в западных студентах жажду к эллинской литературе и снабдил их средствами для ее удовлетворения.

Первой школой, основанной евреями в Испании, была школа в Кордове (948 г.), за ней последовали школы в Толедо, Барселоне и Гранаде. Все эти учебные заведения были переполнены нетерпеливыми студентами и образовывали центры света, лучи которого сияли еще ярче среди мрака Темных веков. Там культивировались не только талмудические, библейские и каббалистические знания, но и прилежно изучалась светская философия; Аристотеля почитали как ученика Соломона! Поэзия, музыка, математика, астрономия, метафизика и медицина также были включены в учебную программу, и испанские евреи в результате этого энциклопедического образования стали людьми самой широкой и разнообразной культуры; один и тот же человек часто сочетал в себе тонкости ученого-раввина с элегантным вкусом поэта; проницательность финансиста с практическими навыками врача.

Все эти таланты воплощены в Абу-Юсуфе Хасдае из Кордовы, европейце во всех отношениях, кроме религии и имени. От своего отца Хасдай унаследовал огромное богатство и либеральные взгляды на его использование. Он изучал медицину, но особенно блистал как меценат, литератор и дипломат. Иврит, арабский и латынь были ему почти одинаково знакомы. Он оказал блестящие политические услуги халифу Абдул-Рахману III. в своих отношениях с христианскими монархами Северной Испании и другими европейскими властителями, и он был вознагражден своим хозяином должностью, которая на самом деле, хотя и не по названию, представляла полномочия министра иностранных дел, торговли и финансов, все в одном лице — возвышение, которое позволило Хасдаю “сбросить иго угнетателя со своего народа” и “сокрушить бич, ранивший его”. Судьба распорядилась так, что посланцы византийских гонителей евреев прибыли в Кордову просить помощи Запада против восточных халифов, и они отправились в Кордову. были приняты еврейским министром.

При отеческом, хотя временами и деспотическом правлении халифов еврейский персонаж частично утратил свою суровость и аскетизм — перемена, которая приятно отражена в литературе того периода. Еврейская муза перестала плакать и причитать над старыми несчастьями, а песни испано-еврейских менестрелей радуются солнечному свету или вздыхают от лирической нежности своей новой страны. Эти черты блестяще проиллюстрированы произведением кастильского поэта Иегуды Галеви, родившегося в 1086 году, и так описанного восторженным единоверцем:

“Чистый и истинный, без порока,
Были и его песней, и его душой.
Когда Творец сформировал эту душу,
Довольный Собой за Свою работу,
Он поцеловал прекрасное создание,
И славное эхо его святого поцелуя
Все еще трепещет в каждой песне поэта,
Освящен этой Божественной благодатью”.

В поэзии Галеви нет ничего скорбного. В ранней юности он пел о вине и газелиных глазах своей возлюбленной, о ее розовых губах, о ее волосах цвета воронова крыла и о ее неверности. В зрелом возрасте он изучал Талмуд, естественные науки и метафизику. Он также, как и многие другие еврейские писатели, занимался медициной; не с заметным успехом, в чем он наивно признается в письме другу: “В часы, не относящиеся ни к дню, ни к ночи, я занимаюсь тщеславной медицинской наукой, хотя и не умею лечить”. Сердце Галеви оставалось всецело преданным поэзии, и его шедевром являются "Песни Сиона", в которых он изливает все то глубокое почитание прошлого и ту горячую веру в будущую славу Израиля, которые вдохновляли еврейского гения на протяжении веков. Иегуда выражает национальные чувства в следующих трогательных строках:

“О город мира, прекрасный в гордом великолепии,

С дальнего Запада, узри, что я забочусь о тебе!

О, если бы у меня были орлиные крылья, чтобы я мог полететь к тебе,

Пока я не омочу твой прах своими текущими слезами!

Мое сердце на Востоке,

Пока я остаюсь на Западе.

Как я могу радоваться,

Или где нахожу свое удовольствие?

Как исполнить мою клятву,

О Сион! когда я буду во власти Эдома,

И согнуться под ярмом Аравии?

Воистину, благополучие Испании меня не волнует;

Дай мне только взглянуть на твой драгоценный прах,

И взгляни на то место, где когда-то стоял Храм.

И это стремление не было простым проявлением чувств. Иегуда был искренне убежден, что Израиль не может существовать как государство за пределами Святой Земли. Он призвал свой народ покинуть поля Эдома и искать свой родной дом в Сионе. Но этот крик не вызвал отклика. Евреи Испании, которым было позволено наслаждаться комфортом и роскошью существования, не испытывали желания променять реальное на дикую погоню за идеалом. Поэт, однако, доказал свою искренность, предприняв утомительное паломничество в Иерусалим. Оставив свой мирный дом, свою единственную дочь, своих друзей, своих учеников и свою учебу, он отправился в свое полное приключений путешествие по Испании, сопровождаемый добрыми пожеланиями и похвалами многочисленных поклонников. Долгое и бурное путешествие и связанные с ним тяготы не угасили энтузиазма поэта по поводу Святой Земли:

“Море бушует, душа моя ликует;

Он приближается к Храму своего Бога!”

В Александрии Галеви был встречен толпой евреев, которым его имя было известно и дорого. Они великолепно развлекали его, но не могли убедить отказаться от своей цели. Галеви снова устоял перед соблазнами безопасности и комфорта и отправился в Иерусалим, который он обнаружил во владении несимпатичных христианских князей и епископов. Его чувства разочарования и печали запечатлены в строках:

“Око Мое жаждало узреть славу Твою,

Но, как будто меня сочли недостойным,

Я мог ступить только на порог Твоего Храма.

Я также должен терпеть страдания моего народа;

Поэтому я бесцельно брожу,

Как я не смею воздавать должное ни одному другому существу”.⁴⁴

Этот пророк и певец сионизма умер на земле, которую так нежно любила его душа.

Другим великим евреем Испании был Моисей Маймонид, родившийся в Кордове в 1135 году. Он происходил из длинной линии раввинов, которые вели свое происхождение от царского дома Давида, и его можно было бы назвать талмудистом как по наследству, так и по образованию. Едва ему исполнилось тринадцать лет, как Кордова была захвачена фанатичной сектой альмохадов, которые предложили евреям и христианам города альтернативу - ислам или смерть. Древняя еврейская община была распущена, и семья Маймонидов мигрировала в Альмерию. Но и этот город, три года спустя, попал в руки тех же фанатичных мусульман, и евреи и христиане снова были изгнаны в поисках свободы вероисповедания в других местах. С тех пор семья Маймонидов скиталась туда-сюда по Испании, не в силах найти пристанище. Но эта бродячая жизнь не помешала юноше достичь больших успехов в различных областях знания, священных и мирских. Учение его отца всегда было под рукой, и его собственному быстрому и ясному интеллекту было легко усваивать уроки опыта. Аристотель, как уже было сказано, был много изучен, хотя и мало понят евреями и арабами Испании. Интеллект Маймонида имел много общего с научным складом ума греческого философа, в то время как он обладал религиозным чувством, которое греку было чуждо. В характере Маймонида два темперамента, еврейский и эллинский, рассудительный и эмоциональный, встретились в гармоничном сочетании. Истина в мыслях, так же как и в действиях, была целью, к которой он стремился, и праздные вымыслы поэзии осуждались им так же сурово, как средневековыми монахами; но он был далек от монашеского определения поэзии как “вина дьявола”. Его серьезность была свободна от фанатизма, и он мог быть суровым, но не свирепым. Беспощадный в своем презрении к тому, что считал ложью, он был наиболее снисходителен к жертвам лжи. Как и многие серьезные люди, Маймонид родился миссионером. Ни усталость тела, ни душевная боль не удерживали его от распространения того, что он считал светом, и распространению рационального иудаизма он безропотно и непоколебимо посвятил всю свою жизнь. С этой целью он овладел всеми знаниями, доступными в его время. Он изучал древнее язычество, а также современные ислам и христианство; философию, медицину, логику, математику и астрономию. Экипированный таким образом, он вышел на арену.

Его соплеменники после десяти лет скитаний по Испании вернулись в Фес, где преследования вынудили многих евреев надеть маску магометанства — форму обязательного лицемерия, примеры которого изобиловали в каждой стране. Фанатик написал брошюру, в которой осуждал этих явных ренегатов как предателей дела Израиля. Маймонид, который был одним из них, взялся оправдать их поведение. Но, защищая их благоразумие, он стремился побороть их вялость и утвердить колеблющихся; попытки, которые чуть не стоили ему жизни от рук мусульман. Глубокой ночью он и его семья поднялись на борт судна, направлявшегося в Палестину. После месяца опасного путешествия беженцы высадились в Сен-Жан-д'Акре (Акко), откуда направились в Иерусалим, находившийся затем в руках христиан, и, наконец, достигли

Египта. Там Маймонид потерял сначала отца, а затем и брата, серьезно пострадал в своем здоровье и состоянии и был вынужден зарабатывать на скромные средства к существованию медицинской практикой. Но посреди всех невзгод и занятий он продолжал свой первый великий труд над Талмудом, который появился в 1168 году под характерным названием "Свет". Эта работа, хотя и не произвела должного впечатления среди евреев Египта, постепенно принесла автору известность за рубежом. В 1175 году он уже почитался как великий раввинский авторитет, и вопросы, касающиеся религии и права, поступали к нему со всех концов Израиля. В то же время он занимался делами каирской общины, раввином которой он был назначен. В 1180 году он завершил свой Религиозный кодекс, в котором объединил иудаизм с философией. Целью книги было внести свет и ограничение в хаос библейского и талмудического учения. Кодекс приобрел широкую популярность, и его копии усердно распространялись во всех уголках еврейского мира - от Индии на Востоке до Испании на Западе. Ученость, а также характер Маймонида вызывали всеобщее уважение, и многие титулы были присвоены мудрецу его восхищавшимися единоверцами. Маймонид был провозглашен "Просветителем очей Израиля". Противодействие и клевета, невольная дань, которую зависть воздает успеху, появились в свое время; но Маймонид, который не был опьянен похвалой, не позволил запугать себя клеветой. Его репутация как врача была почти столь же велика, как и его теологическая известность; мусульманский поэт заявляет, что "искусство Галена исцеляет только тело, а искусство Маймонида - тело и душу"; Саладин, тогдашний визирь Египта, нанял его в качестве своего врача, а Ричард Львиное сердце, который во время своего крестового похода в Святую Землю услышал о Маймониде, пригласил его быть его обычным врачом, от чести, от которой мудрец отказался. Благодаря высокому уважению, которым он пользовался у мусульманских правителей Египта, Маймонид был примерно в 1187 году назначен верховным и наследственным главой всех египетских общин. Находясь на пике своего могущества и популярности, Маймонид вновь оказался подвержен опасности, которой он так чудом избежал в Марокко. Путешественник из этой страны узнал в официальном руководителе еврейской общины Египта своего псевдомусульманского друга из Феса и обвинил его в вероотступничестве. Наказание за вероотступничество, предусмотренное Законами ислама, - смерть. Маймониду, однако, удалось убедить визиря в ошибке мавританского гостя, и таким образом он смог вернуться к спокойному занятию своими общественными, медицинскими и философскими трудами. Вскоре после этого Палестина была вновь завоевана Саладином, и евреям было разрешено поселиться в Иерусалиме - благо, за которое, как предполагается, несет ответственность Маймонид.

◆1190◆

В разгар своих многочисленных обязанностей и вражды с багдадским раввином-соперником Маймонид нашел время для создания другого философского труда, "Руководства для сбивших с толку", работы, которая является венцом его интеллектуальных достижений и которая была объявлена "возможно, самым замечательным метафизическим *выступлением* в истории человеческой мысли".⁴⁵ В любом случае, это смелая попытка примирения между аристотелевской философией и иудейской религией, между рационализмом и откровением, между эллинским свободомыслием и еврейскими чувствами. В нем выдвигается вечная проблема происхождения и предназначения вещей, и она решается способом, который в то время вызывал убеждение. Эта книга действительно была руководством для сбивших с толку людей на протяжении многих поколений, и, хотя она не всегда вызывала послушание у евреев, она послужила стимулом для пытливых умов и через средневековую схоластику оказала

неизменное влияние на христианское богословие. Если метафизические спекуляции представляют какую-либо ценность для человечества, то мир в огромном долгу перед работами Маймонида. Он умер в 1204 году в возрасте семидесяти лет, преисполненный лет и почестей, и за его кончиной последовала всеобщая вспышка горя. В Египте как евреи, так и мусульмане держали трехдневный общественный траур, в Иерусалиме был объявлен общественный пост, и аналогичные заупокойные службы и посты соблюдались во многих синагогах по всему миру. Вердикт его современников гласил: “От Моисея Пророка до Моисея Маймонида равного ему не было”. Потомство не было столь единодушно в своей оценке. Его могила в Тверии была украшена эпитафией:

“Здесь лежит человек, и в то же время не человек.

Если бы ты был человеком, Ангелы небесные

Должно быть, затмил твою мать.

Эта надпись была в более поздние времена заменена следующей:

“Здесь покоится Моисей Маймонид, отлученный от церкви еретик”.⁴⁶

Две эпитафии представляют собой воплощение посмертной карьеры мудреца — характерной, хотя и вряд ли уникальной. Маймониду пришлось разделить судьбу всех сторонников компромисса, прежде чем его признали оракулом иудейской ортодоксии.⁴⁷

Положение Израиля по ту сторону Пиренеев сейчас должно привлечь наше внимание.

♦768–814♦

Карл Великий, великий основатель Франкской империи, несмотря на свой энтузиазм по поводу продвижения католической веры и вопреки постановлениям Церкви, которую он боготворил и которая впоследствии причислила его к лику святых, считал своим долгом внести свой вклад в развитие еврейских колоний во Франции и Германии. Если церковник видел в евреях врагов Христа, то государственный деятель видел в них полезных подданных, через международные связи которых можно было бы служить интересам его Империи. Среди прочих свобод он разрешил им выступать в качестве посредников в работоторговле. Освобожденные от бремени, а также от рыцарских почестей, с одной стороны, и от деградации крестьянства - с другой, евреи в этот период посвящали всю свою энергию торговле. Но Карл Великий был больше, чем имперский лавочник. Духовным потребностям своих подданных, евреев в не меньшей степени, чем христиан, он уделял столько же внимания, сколько и их материальному благополучию. Хотя его собственные познания были очень поздними и имели ограниченный рост, этот великий воин остро осознавал ценность учености и старался распространять образование, поощряя ученых людей обоих вероисповеданий нести свой свет из Италии в темные регионы Севера. Под его долгим правлением евреи процветали и распространились по многим частям Германии. В девятом веке большие еврейские колонии были обнаружены в Магдебурге, Мерсбурге и Ратисбоне, откуда они проникли в славянские земли Богемии и Польши. Но даже Карл Великий не мог полностью игнорировать пропасть, отделявшую еврея от христианина. Свидетельствуя против христианина, свидетель-еврей был обязан стоять в кольце шипов, держать Тору в правой руке и обрушивать на себя страшные проклятия, если он говорил неправду. Евреям также было

запрещено покупать или продавать священные церковные сосуды, принимать христианских заложников за долги и торговать вином и крупами.

♦814–840♦

Благоприятное положение Израиля в Западной Европе, за исключением вышеупомянутых запретов, сохранялось при преемнике Карла Великого Людовике, который, хотя и был набожным католиком, не воздерживался от дарования льгот евреям и защиты их от народных предрассудков и церковного гнета. Частично под влиянием принципов просвещенной государственной мудрости, которые он унаследовал от своего отца, и частично под влиянием иудаизма своей второй жены Юдифи, он осыпал евреев многими милостями. Труды еврейских писателей, Иосифа Флавия и Филона, усердно изучались при дворе. Евреи и еврейки были приняты и обласканы в королевских кругах, а их единоверцы пользовались большим уважением знати. Они были освобождены от варварского наказания бичом и от испытаний огнем и водой. Им было разрешено нанимать христианских рабочих и владеть христианскими рабами, разрешать свои споры в собственных судах, строить новые синагоги, распоряжаться доходами королевства и свободно вести торговлю. Ради них базарный день был перенесен с субботы на воскресенье. В обмен на все эти привилегии они должны были платить налог в казну, которая осуществляла надзор за их доходами.

Но сама эта терпимость вызывала негодование строгих католиков, которые не могли без отвращения видеть, как пренебрегают канонами Церкви и почитают ее врагов. Клерикальная партия под руководством святого Агобарда, епископа Лионского, желала низвести евреев до того положения, которое они занимали при фанатичной династии Меровингов. Возможность для выражения этих чувств представилась в результате инцидента, который часто становился непосредственной причиной кровопролития между верующими и неверующими в Османской империи. Рабыня богатого еврея из Лиона сбежала от своего хозяина и искала свободы в крещении. Евреи потребовали восстановления рабыни. Епископ отказался подчиниться. Суд поддержал евреев, клерикальная партия - епископа. Император попытался восстановить мир, созвав собор, на котором епископы и главы еврейской общины могли бы урегулировать свои разногласия путем споров. Противники встретились и “скорее рычали, чем разговаривали” друг с другом. Совет разошелся, и вражда продолжала бушевать. Епископ проповедовал своей пастве проповеди, враждебные евреям. ♦828♦ Друзья последнего интриговали при императорском дворе от их имени и убедили императора приказать святому Агобарду воздержаться от своих ораторских упражнений, а лионскому губернатору оказать помощь евреям.

Воинственный святой не обратил внимания на императорский наказ, и императору пришлось послать двух придворных, чтобы добиться соблюдения его приказов; но они потерпели неудачу. Затем епископ обратился к своим братьям-прелатам, умоляя их рассказать Людовику о его греховном поведении. Его призыв нашел сердечный отклик. В целом считалось, что этот вопрос был проверкой относительной силы Церкви и Двора, и сторонники одной были так же полны решимости отстаивать свое дело, как и приверженцы другой. Несколько прелатов встретились в Лионе и провели совещание относительно наилучшего средства смирить евреев и наставить императора на путь ортодоксальности. ♦829♦ Результатом этой встречи стало совместное письмо протеста “по поводу суеверий евреев”, адресованное Людовику. Манифест не дал никаких результатов, и в следующем году епископ Лионский присоединился к заговору

сыновей императора против их отца, потерпел поражение и заплатил за свою измену временной ссылкой в Италию, откуда, однако, вскоре вернулся при условии, по-видимому, что он оставит евреев в покое.

Эта борьба лишь продемонстрировала власть императора и решимость защищать свои материальные интересы перед лицом церковной оппозиции. ♦838♦ Людовик “Благочестивый” не отвернулся от евреев даже после скандального отступничества его любимого епископа Бодо от иудаизма — события, которое произвело огромное потрясение во франкском христианском мире, особенно потому, что это произошло сразу после визита епископа в Рим.⁴⁸ Вполне вероятно, что более тщательное изучение Святого Престола ускорило решение Бодо, хотя возмущение современников объясняло это прямым вмешательством сатаны.

♦843♦

Золотой век франко-еврейской истории продолжился при Карле Лысом, сыне Людовика и Юдифи, который числил среди своих ближайших друзей еврейского врача Седекию и другого еврея по имени Иуда. Но те же самые причины привели к аналогичным последствиям. Благосклонность, проявленная к евреям преемником Людовика, возбудила вражду благочестивых, которые нашли лидера в лице преемника Агобарда и других епископов и провели несколько соборов с целью изобретения средств для ограничения императорской власти, возвышения церковного авторитета и подавления евреев. Императору снова были адресованы письма, в которых ему рекомендовали применить к убийцам Христа меры, предложенные Константином Великим и Феодосием Младшим, принятые испанскими вестготами и королями Франции Меровингами и одобренные единодушной нетерпимостью столь многих Синодов на Востоке и Западе. Но эти новые враги евреев оказались не более успешными, чем их предшественники. ♦877г. ♦ Карл Лысый довольствовался тем, что вымогал у евреев десятую часть их заработка, в то время как его христианские подданные платили одну одиннадцатую. Благодаря своей коммерческой предприимчивости и честности “убийцы Христа” продолжали процветать при разумном обирании Карловингов, пока разделение империи на ряд небольших государств, ослабление светской и рост духовной власти не привели к переменам.

♦899–914♦

Любовь к Богу и страх перед папой побудили Карла Простого передать Церкви все земли и виноградники евреев в герцогстве Нарбонна. Босо, король Бургундии и Прованса, также подарил Церкви имущество своих еврейских подданных, и это бесцеремонное обращение с несчастным народом продолжалось при первых капетингах, их деградация шла в ногу с ростом папского влияния. Подозрения, которые теперь внушались им, были настолько глубоки, что, когда король Гуго Капет умер в 996 году, его врача-еврея обычно обвиняли в его убийстве.

♦965♦

Параллельная эволюция происходила и в Германии. Когда Оттон Великий захотел показать свое благочестие, пожертвовав недавно построенную церковь Магдебурга, он сделал это, пожертвовав на нее доходы, которые он получал от евреев. Точно так же Оттон II шестнадцать лет спустя сделал пожертвование от евреев Мерзебурга местным епископам. В начале XI века в Германии произошло событие, которое можно рассматривать как прелюдию к последующим гонениям на иудаизм. ♦1005♦ Капеллан герцога Конрада внезапно шокировал христианский

мир, отправившись в синагогу, и привел в ярость братьев, которых он оставил, выпустив непристойный пасквиль на христианство. Император Генрих распорядился опубликовать ответ, во всех отношениях достойный памфлета отступника. Через шесть лет после того, как евреи были изгнаны из Майнца, был издан указ, предписывающий клеймить евреев из различных городов, чтобы они не искали убежища в крещении, и преследование было настолько жестоким, что современный еврейский поэт увековечил его в скорбных песнях, в которых он выражает страх, что дети Израиля могут быть вынуждены забыть веру своих отцов. Но тревога была преждевременной. Хотя, как правило, торговля товарами и деньгами была единственным занятием, открытым для евреев, в некоторых немецких государствах они все еще обладали правами гражданства и им разрешалось владеть недвижимостью.

Таким образом, первый период средневековой драмы подошел к концу, поскольку начинался второй.

ГЛАВА VII КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

К концу XI века в Европе поднялась волна религиозного энтузиазма, не предвещавшая ничего хорошего неверным. Ревностный темперамент, который в более ранний период находил себе применение в искоренении язычества в Саксонии, Литве, Польше и прибалтийских провинциях, а позднее - в подавлении ереси среди водуа, катаров или альбигойцев и других, теперь должен был быть направлен в другое русло. В предыдущие века авторитет пап рос незаметными, но неуклонными шагами. Их собственная предприимчивость, дальновидность и благоразумие заложили основы их политической власти; благочестие и невежество народов, признавших их духовное господство, укрепили его. В каждую последующую эпоху римский епископ занимал более высокое положение, чем его предшественники, пока не пришел тот, кто был способен воспользоваться огромным наследием власти, завещанным ему.

Григорий VII по прозвищу Гильдебранд взошел на престол Святого Петра в 1073 году. Хотя он родился в малоизвестной деревне и имел скромное происхождение, он был человеком, наделенным от природы всеми качествами, необходимыми для того, чтобы стать успешным повелителем людей: сильный, амбициозный, обладающий идеалом, он был чужд страха и стеснения. О нем рассказывали, что, будучи мальчиком в мастерской своего отца и не разбираясь в грамоте, он случайно вырезал из маленьких кусочков дерева слова: "Его владычество будет простираться от одного моря до другого". Для его современников эта история была пророческой (мы можем считать ее, правдивой или нет, характерной чертой его карьеры). Мечтой Григория было избавить папство от светского влияния императора и основать теократическую империю. Это было руководящим принципом его политики, и, хотя его планы изменялись в зависимости от обстоятельств, его цель оставалась неизменной. Как и все великие люди, Хильдебранд знал, что там, где есть сильная воля, все дороги ведут к успеху. Первым шагом к достижению этой цели было очищение Церкви от разврата, в который она погрузилась при его порочных предшественниках, и организация ее солдат в соответствии со строгими правилами дисциплины. Это было достигнуто путем подавления симонии и навязывания безбрачия духовенству. В то же время Григорий не пренебрегал тем, что было

главной целью его жизни: превратить Европу в вассальное государство папского престола. Молнии отлучения, которыми Григорий, сын плотника Боника, размахивал с величием и беспристрастием Зевса, были свободно обрушены на его врагов на Востоке и Западе. В "Императоре Генрихе IV". Папа встретил противника, достойного его небесной артиллерии. Но, не смущенный властью Генриха и не сдерживаемый соображениями гуманности, он ввергнул христианский мир в ту затяжную борьбу между группировками гвельфов и гибеллинов, которая превращает историю Европы для многих поколений в печальную повесть об убийствах и надругательствах, закончившуюся кровавым триумфом святого Петра.

Временно смирив Генриха IV. и заставив его посреди зимы нести епитимью в собственной рубашке, железный папа обратил свое оружие против евреев. В 1078 году он обнародовал канонический закон, запрещающий ненавистным людям занимать какие-либо официальные должности в христианском мире, и особенно в Испании. Альфонсо VI, король Кастилии, два года спустя получил апостольское послание, поздравляющее его с успехами над мусульманами и предостерегающее его, что "он должен прекратить позволять евреям править христианами и осуществлять власть над ними", поскольку такое поведение, по словам его Святейшества, было "равносильно притеснению Божьей Церкви и превознесению синагоги сатаны". Желать угодить врагам Христа, - добавил он, - значит пренебрежительно относиться к самому Христу". Однако Альфонсо был слишком занят кампанией против своих собственных врагов, чтобы уделять много внимания врагам Христа - или Грегори Хильдебранда. Тем не менее, это письмо знаменует собой эпоху. То, что до сих пор было предрассудком, теперь стало законом.

В Германии также антиеврейские указы папы встречались лишь с частичным повиновением. Епископ Шпейерский Рудигер предоставил евреям своей епархии множество привилегий. Их главный раввин пользовался такой же судебной властью над своей общиной, как бургомистр над гражданами-христианами. Евреям было разрешено покупать рабов-христиан и защищаться от вторжения толпы. За все эти блага они платили три с половиной фунта золота ежегодно. Император Генрих IV, противник Грегори, подтвердил и расширил эти привилегии. Он запретил своим подданным под страхом сурового наказания принуждать евреев или их рабов креститься. В судебных спорах между евреями и христианами должны были соблюдаться еврейский закон и форма присяги; и первые были освобождены от испытаний огнем и водой. Но, несмотря на эти милости, их судьба была такова, что они поощряли мессианские ожидания. Примерно в это же время (1096 год) с уверенностью ожидали Искупителя, князя дома Давидова, который должен был привести избранный народ обратно в Святую Землю. Однако судьба уготовила им другие испытания.

Это было время, когда Восточная и западная половины человечества согласились считать обращение или, по крайней мере, истребление друг друга своей божественно назначенной задачей. Если последователи Мухаммеда считали догматом веры то, что распространение ислама любой ценой было высшим долгом каждого истинно верующего, то распространение веры в божественность Христа или уничтожение тех, кто это отрицал, не менее твердо считалось всеми добрыми христианами священной обязанностью. Столкновение между соперничающими вероучениями было неизбежно. Все, чего не хватало, - это единства со стороны христиан, равного тому, которое характеризовало мусульман. Это завершение было подготовлено Петром Отшельником и осуществлено усилиями папы Римского.

На великом соборе в Клермоне Урбан II описал благородной толпе прелатов и баронов, собравшихся со всех концов Западного христианского мира, страдания восточных христиан от рук сарацин. Со жгучим красноречием и, без сомнения, со значительным преувеличением он изобразил темные деяния “врагов Божьих”: их разрушение и осквернение христианских церквей; их убийства, пытки и насильственное обращение в христианскую веру мужчин и надругательство над христианками; и он закончил страстным призывом ко всем присутствующим поспешить на помощь Святой Земле, “порабощенной безбожниками и громко призывающей к освобождению”; обещая, в то же время, полную индульгенцию и всеобщее отпущение грехов всем, кто встанет под знамя Креста. Эффект речи понтифика на его рыцарственных, грешных и фанатичных слушателей был колоссальным. Это было первое официальное подстрекательство к той ненависти ко всему неевропейскому и нехристианскому, которая, как бы нам ни хотелось признать этот факт, в менее яростной форме все еще живет среди нас. Многие повиновались призыву с пылом, порожденным чистым благочестием; многие другие видели в этом предприятии сравнительно дешевый способ получить прощение за все свои преступления, прошлые и грядущие; в то время как другие приветствовали возможность удовлетворить свои авантюрные наклонности, приобрести богатство и известность или погасить в крови иностранцев то фанатичное рвение, которое не могло найти своего полного удовлетворения в резне соотечественников.

Среди таких иностранцев — азиатов одновременно и неверных — самыми близкими были евреи. Жестокость, как и ее противоположность, начинается дома. Было естественно, что поборники Креста начали оправдание своей священной эмблемы с истребления расы, которая так преступно использовала ее. Тень Старого Преступления снова пала на несчастных людей и омрачила их жизнь. Религиозное безумие разожгло древнюю вражду, а жадность раздула ее. Огромная и разношерстная толпа диких крестьян, которые под командованием монаха и поводами козла следовали в хвосте рыцарской армии, подстрекаемые низшим духовенством, напали на еврейские колонии, лежавшие на их пути через Центральную Европу — в Руане, на Мозеле и Рейне, в Вердене, Треве, Шпейере, Меце, Кельне, Майнце, Вормсе, Страсбурге, — убивая, грабя, насилуя и крестя без угрызений совести и ограничений.

Но евреи, как и во многих случаях до и после этого, теперь доказали практическим и ужасным образом, что они боятся смерти меньше, чем отступничества. Многие из них отвечали фанатизмом на фанатизм и лишали нападавших как славы, так и выгоды, обрекая на уничтожение свое имущество, свои семьи и самих себя. Мученичество - это жалкий, но решительный ответ на угнетение. В Треве евреи, услышав о приближении святой армии, пришли в такой ужас, что некоторые из них убили собственных детей; матроны и девицы утопились в Мозеле, чтобы избежать крещения или позора; а остальная часть общины тщетно молила жестокосердного епископа о защите. Он ответил, что ничто не могло спасти их, кроме обращения. После этого несчастные поспешили обратиться. Сцена, должно быть, была прекрасным этюдом в мрачно-нелепом жанре. Враг был снаружи, готовый наброситься на свою жертву. Последний сказал епископу: “Быстро скажи нам, чему верить”. Епископ произнес символ веры, и новообращенные повторили его за ним со всем пылом и беглостью, которые только может внушить страх смерти.

В Шпейере евреи наотрез отказались креститься, и поэтому многие из них были убиты. Те, кому удалось спастись, искали убежища во дворце епископа, который не только защищал их, но и навлек на себя осуждение своих современников, приказав казнить некоторых святых убийц.

Похожая трагедия разыгралась в Вормсе, где некоторые жертвы были временно спасены епископом, в то время как несколько человек были крещены, а остальные, мужчины и женщины, покончили с собой. В Майнце они были убиты во дворце архиепископа, где нашли убежище, и многие скорее убили друг друга, чем предали свою веру. В Кельне большинство членов общины были спасены добрыми бюргерами и их гуманным епископом Германом III. Император Генрих IV также, вернувшись из своего третьего итальянского похода, публично осудил преступления крестоносцев, возбудил дело против архиепископа Майнца, который разделил добычу евреев, и позволил выжившим новообращенным вернуться в иудаизм; ♦ 1097г. ♦ тем самым навлек на себя негодующий упрек со стороны своего собственного антипапы Климента III, от имени которого он предпринял ту экспедицию в Италию. Ибо, как бы ни был благодарен Климент Генриху, он не мог сознательно потворствовать его нечестивому вмешательству в замыслы Провидения.

♦1146♦

Подобные сцены повторялись и во время Второго крестового похода. Папа Евгений III издал Буллу, объявляющую, что все, кто присоединился к Священной войне, будут освобождены от процентов, которые они задолжали еврейским ростовщикам. Святой Бернард поддержал усилия папы по вербовке. Петр Достопочтенный, аббат Ключни, из всех сил старался разжечь короля Франции Людовика VII и других благородных крестоносцев против евреев: “Какой смысл, “ писал он королю, - отправляться на поиски врагов христианского мира в далекие страны, если евреям-богохульникам, которые гораздо хуже сарацин, позволено в самой нашей среде безнаказанно насмехаться над Христом и Причастием?... Тем не менее, я не требую, чтобы вы предавали смерти этих проклятых существ, потому что написано ‘Не убивайте их’. Бог не желает уничтожать их, но, подобно Каину, Братоубийце, они должны быть подвергнуты страшным мукам и оставаться обреченными на еще больший позор и существование, более горькое, чем смерть”. В соответствии с этой благотворительной доктриной евреи Франции были вынуждены отказаться от своих несправедливо нажитых благ ради служения делу Божьему.

Гораздо хуже обстояло дело с их судьбой в Германии. Даже частичная защита, которую граждане Рейнской области предоставляли преследуемому народу во время Первого крестового похода, теперь была отменена, и недисциплинированная толпа отдала бразды правления удовлетворению своего религиозного рвения и похоти. Святой Бернард пытался обуздать демона фанатизма, которого возбудило его собственное красноречие, увещевая энтузиастов, с большей серьезностью, чем последовательность, что “евреев нельзя преследовать, нельзя убивать”. Но его благонамеренные усилия не произвели никакого другого эффекта, кроме как обратить ярость толпы против него самого; ибо монах-соперник Рудольфа ездил взад и вперед по Рейнской области, повсюду проповедуя со слезами на глазах, что все евреи, найденные крестоносцами, должны быть убиты как “убийцы нашего дорогого Господа” — призыв, гораздо более приемлемый для жестокого стада одурманенных свиней, которым он был адресован. Преследование началось в Треве в августе 1146 года, когда крестоносцы схватили еврея, который, отказавшись спастись крещением, был убит и изувечен. Вскоре после этого еврейка в Шпейере была замучена на дыбе. Многих других подстерегли и заставили страдать за их постоянство в Вюрсбурге и других местах. Из Германии безумие перекинулось во Францию. В Карентоне, Рамеру и Салли на евреев охотились и убивали.

Для того, кто перед лицом подобных деяний стремится сохранить свою веру в человеческую природу, отрадно отметить, что немецкие епископы проявили себя в защиту несчастных жертв и, приняв притворное и временное обращение, спасли многих от мученической смерти. Император также оказал им свое покровительство. Но эта милость дорого обошлась получателям. Отныне немецкие евреи рассматривались как *протеже* императора, что постепенно стало означать крепостных императора. Все, чем они владели, включая их семьи и их самих, было имуществом императора, которое он мог покупать, продавать или закладывать по своему усмотрению. Они были назначены “камеристками” (*Servi Camerae* или *Kammerknechte*); однако это рабство имело то преимущество, что в интересах императора было защищать их от угнетения и не позволять никому обирать их, кроме него самого.

И все же, такова удивительная жизнеспособность расы, еврейский путешественник Бенджамин из Туделы, посетивший еврейство на Рейне всего через семьдесят лет после Первого и двадцать после Второго крестового похода, описывает эти колонии как богатые деньгами, культурой и надеждой; братьев, которых он там нашел, как гостеприимных, бодро живущих и ожидающих Мессию. Это ожидание никогда не было напрасным. Желание всегда само собой исполнялось. Примерно в это же время оно породило Дэвида Элроя, еще одного Искупителя, которому суждено было на некоторое время ввести в заблуждение несчастную нацию. Он появился в Малой Азии и призвал своих братьев под свое знамя. Многие отказались от всего, что у них было, чтобы откликнуться на призыв, и энтузиазм распространился от Багдада на Восток и Запад. Но Мессия был отлучен Синагогой от Церкви и убит своим собственным тестем во сне. Согласно другой версии, в 49 году Алрой, оказавшись лицом к лицу с султаном, воскликнул: “Отрубите мне голову, и я еще буду жить”. Таким образом, он пронизательно заменил быструю смерть на длительные пытки. Однако многие евреи продолжали верить в него на протяжении поколений после его смерти.

Тот же дух религиозной мании, который породил и поддерживал Крестовые походы, вдохновлял другие движения, более устойчивые по своим результатам, хотя и менее романтические по своей форме. В 1198 году трон Святого Петра занял Иннокентий III, молодой и ревностный священник, горящий высокими амбициями сделать латинизм доминирующим вероучением на Востоке и Западе, а себя самодержцем объединенного римско-католического мира. Его гений был почти равен этой титанической задаче, и за восемнадцать лет правления Иннокентий, которому благоприятствовали потрясения и междоусобицы, раздирающие всю Европу, преуспел в вознесении папства на вершину могущества, о которой только мечтали его предшественники и которой достигли немногие из его преемников. Достойный духовный потомок Григория VII, он создавал и низлагал императоров и королей по своему желанию, наказывая неповиновение принцев целыми народами или принуждая их к покорности, освобождая их подданных от присяги на верность. Он обладал абсолютной властью над совестью и разумом современного христианского мира, и его понтификат отличался, по язвительному выражению Гиббона, “двумя наиболее знаменательными победами над здравым смыслом и человечностью, установлением пресуществления и возникновением инквизиции”. ♦1200г. ♦ Именно он строгим интердиктом, наложенным на Королевство Франция, вынудил упрямого Филиппа Августа отозвать жену, от которой он отказался; ♦ 1208 г. ♦ который запретом отлучения от церкви вынудил Иоанна, короля Англии, наложить на себя руки. его корона у ног его легата в 1211 году, который, приведя в исполнение аналогичный приговор императору Отону, племяннику Иоанна, поверг этого могущественного и надменного монарха в прах. Именно под его покровительством был предпринят Пятый крестовый поход в 1203 году, и именно при его попустительстве силы, якобы

набранные для освобождения Гроба Господня от неверных, были использованы для покорения христианской империи Востока и, таким образом, для того, чтобы проложить путь для прихода турок.

Однако, несмотря на эти и многие другие триумфы, мечта Иннокентия о всемирном господстве не могла быть полностью реализована, пока в мире оставалась такая вещь, как индивидуальная совесть, а индивидуальную совесть нельзя было уничтожить без преследований. Иннокентий был слишком великим деспотом, чтобы уклониться от трудностей работы; слишком искренним католиком, чтобы проявить хоть малейшую жалость к неверующим. Тринадцатый век начался с дурных предзнаменований для инакомыслящих. Сразу же после своего восшествия на престол Иннокентий потребовал подавления альбигойцев Южной Франции, этих несчастных предшественников Реформации, потому что они, решив следовать велениям собственной совести, отказались подчиняться обычаям Церкви и выполнять приказы ее духовенства. ♦1207♦ Раймунд VI, граф Тулузы, однако, отказался считать массовое убийство своих подданных одной из своих обязанностей как суверена и был отлучен от церкви. В следующем году папа, воспользовавшись предложением убийством его легата, провозгласил нечестивую войну против еретиков. И так велика была власть папы над суеверным и беспринципным миром средневековой Европы, что тысячи вызвались выполнять чудовищные приказы понтифика. Раймунд, который единственный среди христианских князей осмелился поднять свой голос в защиту преследуемых, тем временем был лишен своих владений, нагишом притащен в Церковь, подвергнут бичеванию папским легатом и теперь был вынужден возглавить крестовый поход против собственного народа. Безобидное население было почти истреблено самыми варварскими средствами, их ересь была почти подавлена кровью, и одна из самых процветающих и цивилизованных провинций Европы была опустошена. Свирепость солдат затмевалась свирепостью монахов и священников, огромное количество которых пополняло ряды мясников. 22 июля 1209 года город Безье был взят штурмом. Аббата Арнольда спросили, как отличить еретиков от истинно верующих, и он ответил: “Убивайте всех; Бог узнает своих”. “Мы не пощадили,” сказал тот же монах в своем докладе папе, “ни достоинства, ни пола, ни возраста; почти двадцать тысяч человек погибли от меча. После той великой резни город был разграблен и сожжен, и Божья месть, казалось, обрушилась на него чудесным образом”.

Так обстояли дела у европейских еретиков внутри Церкви. Неверные чужой крови вряд ли могли ожидать лучшего обращения. Популярное представление о том, что рассеяние и страдания евреев были божественным наказанием за распятие Христа, было возведено Иннокентием в ранг догмы. Логическим следствием этого было то, что священным долгом Наместника Христа на земле было дать преступникам почувствовать всю суровость приговора. По обычаю фанатиков, Иннокентий ошибочно принимал свою нетерпимость за святой энтузиазм и, потворствуя собственной ненависти, воображал, что ненавидит только врагов Неба. Также в настоящее время считалось, что пример и учение евреев имели тенденцию извращать их соседей-христиан и поощрять протест и ересь. Уже упоминавшаяся альбигойская секта во Франции, как и гуситское реформаторское движение в Богемии два столетия спустя, объяснялась еврейским влиянием. По обеим этим причинам, из-за их собственной неверности и из-за их склонности поощрять неверность в других, евреи должны быть раздавлены.

Времена были благоприятные. В 1167 году убийство Раймунда, виконта Безье, лишило евреев их защитника. ♦ 1170г. ♦ У его преемника Рожера, который поддерживал альбигойских еретиков, были еврейские шерифы; но его пристрастие к этим двум классам врагов католицизма вызвало

гнев папы римского и привело к трагической смерти принца. В Монпелье Вильгельм VIII. и его сыновья исключили евреев из должности шерифа. ♦ 1178-1201гг. ♦ Но этих ограничений было недостаточно. Иннокентий начал методичную атаку в 1205 году, когда он написал Филиппу Августу, королю Франции, жалуюсь на ростовщические поборы евреев в этой стране, на то, что им разрешено нанимать христианских слуг и нянек, а также на тот факт, что христианам не разрешалось выступать против евреев — вещи, которые противоречили решению Третьего Латеранского собора, состоявшегося при папе Александре III. ♦ 1179♦ Более того, Иннокентий жаловался, что еврейская община Санса построила новую синагогу, которая была выше, чем соседняя христианская церковь, и мешала службе в последней громкими и дерзкое пение; что они насмехались над христианством и что они убивали христиан; и он закончил тем, что призвал Филиппа Августа подавлять врагов Христа. Аналогичное послание было адресовано Альфонсо, королю Кастилии, с угрозой немилости святого Петра, если он продолжит позволять синагоге процветать за счет Церкви. Три года спустя папское послание на тот же счет было направлено графу Неверскому, призывая его принудить евреев и обречь их на рабство, поскольку они, “подобно братоубийце Каину, обречены скитаться по земле как беглецы и бродяги, и их лица должны быть покрыты оскорблениями”. Автор далее указал, что христианским князьям позорно принимать евреев в своих городах и деревнях, использовать их в качестве ростовщиков для вымогательства денег у христиан и разрешать им отжимать вино, которое использовалось на Вечере Господней.

♦1209♦

Все вышеприведенные увещевания были систематизированы Советом Авиньона. Согласно принятым тогда статутам, евреи были официально объявлены оскверненными. Было постановлено, что “евреи и блудницы не должны сметь прикасаться руками к хлебу или фруктам, выставленным на продажу”.⁵⁰ Был обновлен и приведен в исполнение старый церковный закон, запрещавший евреям нанимать слуг-христиан. Верующих предупредили, чтобы они не получали услуг от евреев и не оказывали им услуг, но избегали их как вредителей. Всем, кто имел какие-либо дела с евреями, нарушившими эти указы, угрожало отлучение от церкви. Раймунд Тулузский, защитник альбигойских еретиков и друг евреев, и все бароны вольных городов были связаны клятвой выполнять решения Собора.

♦1211♦

Еще одно угнетение извне разжигало жажду искупления в сердцах евреев. Стремление к Сиону, вдохновленное поэзией Иегуды Галеви, побудило более трехсот раввинов Франции и Англии эмигрировать в Святую Землю, где они посетили места, освященные духами прошлого, оплакали руины их ушедшей славы и построили синагоги и школы, чтобы сохранить память и надежду на лучшие дни.

Тем временем папа римский не давал утюгу остыть. В 1215 году в Риме под его председательством был созван великий Вселенский собор, призванный завершить разгром альбигойцев, стимулировать крестовые походы против сарацин в Испании и Палестине и, в целом, способствовать установлению царства Божьего на земле. Евреи, зная по опыту, что любые меры, принятые с этой целью, не могли не нанести им ущерба, поспешили послать в Рим депутатов, чтобы отразить удар. Но их усилия оказались бесплодными. Четыре из семидесяти канонических постановлений, принятых Собором, касались их. Король Франции, герцог Бургундский, и все другие принцы были призваны оказать свою помощь в доведении

обреченного народа в их соответствующих владениях до того состояния рабства, которое было предопределено для него божественной волей, интерпретируемой теологическим фанатизмом. Приказ папы встретил всеобщее повиновение. В большинстве европейских стран евреям было запрещено занимать какие-либо общественные должности или показываться на улицах на Пасху. Они были обязаны платить десятину Церкви, которая преследовала их, и глава каждой еврейской семьи был вынужден ежегодно вносить определенную сумму на пасхальный фестиваль. Из-за больших штрафов они были вынуждены носить желтый знак отличия, который в их случае означал знак позора, а пасторы призывали христиан не позволять своим домам или лавкам оскверняться присутствием небесных врагов.

Однако, несмотря на папские указы и анафемы, личный интерес мог возобладать над религиозным фанатизмом, и монархи, которые до сих пор попустительствовали евреям, могли продолжать защищать их. На самом деле герцог Тулузский и бароны, несмотря на клятву, которую они были обязаны принести, продолжали наделять евреев общественными достоинствами, а в Испании приказы папы упорно игнорировались. Но теперь возникла сила преследования, еще более грозная, чем само папство. Панкатолический энтузиазм, вдохновлявший Иннокентия на антиеврейскую политику, был завещан двум группам апостолов, благодаря организованному рвению которых ему было суждено распространиться повсюду и, подобно ядовитому дыханию, погубить многие благородные цветы в зародыше. Век неподвижных и тучных монахов сменился веком худощавых и странствующих монахов. ♦1223 г. ♦ Через несколько лет после смерти Иннокентия были учреждены ордена Доминика и Франциска, предшественники кольев и эшафотов инквизиции. Последний орден был создан с особой целью искоренения альбигойской ереси. Но существенной частью миссии обеих организаций было искоренение инакомыслия, свободомыслия с корнем и реализация идеала духовного мира фанатиков посредством интеллектуального голода. Единообразие было их идолом, и ради этого идола они были готовы пожертвовать нравственным чувством человечества и жизнями своих собратьев. Евреи предоставили им великолепное поле для проявления их миссионерского пыла: многочисленные, упрямые, богатые и непопулярные, они предлагали добычу столь же заманчивую, сколь и безопасную. Монахи были в некотором смысле несомненной силой добра; но евреи не испытывали ничего из этой лучшей стороны их деятельности.

В 1227 году Собор в Нарбонне подтвердил канонические постановления против евреев, и многие древние указы королей Меровингов были возрождены. Евреям не только запретили брать проценты с денег, вынудили носить значок и платить налоги Церкви, но и снова запретили выходить за границу во время Пасхи. ♦ 1231 г. ♦ Вскоре после этого два других собора в Руане и Туре повторно ввели в действие и расширили антиеврейские статуты Римского собора.

Но доминиканцы были столь же хитры, сколь и ревностны. Они чувствовали, что цитадель иудаизма, которая держалась столько веков, штурмом не взять. Они прибегли к менее грубой тактике. С терпением, настойчивостью и изобретательностью, достойными их высоких амбиций, они посвятили себя изучению еврейского языка и литературы, а их учитель Раймунд де Пеньяфорте убедил королей Арагона и Кастилии основать специальные колледжи для этой цели. Пророки Ветхого Завета уже снабжали апологетов Церкви доказательствами истинности христианства.⁵¹ Теперь Талмуд должен был снабдить их новыми доказательствами ложности иудаизма. Со страниц этого замечательного сборника благородных мыслей и разнообразного абсурда они отобрали все, что могло дискредитировать мораль или интеллект их противников. В

этой кампании доминиканцам посчастливилось заручиться услугами евреев-ренегатов, которые, по обычаю ренегатов, стремились доказать свою верность вере, которую они приняли, жестокими преследованиями той, которую они покинули. Один из этих отступников, по имени Николас Донин, в 1239 году подчинился папе Григорию IX. подробное обвинение пагубной книге побудило его издать Буллы королям Англии, Испании и Франции, а также епископам этих стран, предписывающие всеобщую конфискацию Талмуда и публичное расследование обвинений, выдвинутых против его содержания. Инструкции папы, насколько нам известно, по-видимому, не произвели впечатления на первые два королевства, но во Франции правил Людовик IX, известный как Людовик Святой: в мирских делах храбрый, благородный, справедливый и гуманный правитель; но не намного опередивший свой век в делах небесных. На самом деле, он обладал всеми предрассудками обычного средневекового рыцаря, и даже больше, чем суевериями обычного средневекового монаха. Он был искренне убежден, что дорога на небеса лежит через Иерусалим. Руководствуясь этим убеждением, он возглавил два последних крестовых похода и отдал свою жизнь за дело католицизма; жертва, которая принесла ему место среди святых Церкви. Такой принц не мог без вопиющей непоследовательности игнорировать пожелания понтифика. Поэтому он приказал провести тщательный поиск подозреваемой книги по всем его владениям, изъять все экземпляры и провести публичный диспут, в ходе которого четыре раввина должны были принять вызов, брошенный Донином.

Противники встретились в стенах Суда, и блестящее собрание светских и духовных магнатов образовало аудиторию. Донин горячо осудил Талмуд как нагромождение богохульства, клеветы, суеверий, безнравственности и безумия, а раввины защищали его так горячо, как только осмеливались. Дебаты, хотя и отличались всей непристойностью и более чем свирепостью деревенского поединка на призы, по-видимому, велись по принципу, что у какой бы стороны ни были лучшие аргументы, христианин должен победить; и инквизиторский суд вынес соответствующий вердикт. Талмуд был признан виновным по всем выдвинутым против него обвинениям и приговорен к сожжению. Казнь была отложена на два года из-за взятки; но она была приведена в исполнение в 1242 году. Четырнадцать — некоторые говорят, двадцать четыре — повозок раввинских знаний и законодательных актов подпитали костер. Горе французских евреев по поводу потери их священных книг было горьким, и самые набожные из них отметили годовщину кремации как день поста.⁵²

♦1263♦

Двадцать один год спустя аналогичный турнир состоялся в Барселоне по приказу и в присутствии Джейма I., короля Арагона. Дон Хайм позаимствовал у своих северных соседей аксиому о том, что с евреями следует обращаться как с королевским имуществом. Более того, его совесть находилась на попечении Раймунда де Пеньяфорте, магистра доминиканцев, великого инквизитора, родившегося раньше своего времени. Король Джейм провел влюбчивую и далеко не безупречную юность. Поэтому в старости он был особенно восприимчив к увещаниям своего Духовника. Грехи любви должны быть искуплены актами преследования. Религиозная свобода евреев должна быть принесена в качестве искупительной жертвы. Это была логика и мораль Средневековья.

Результатом раскаяния Джейма стало богословское состязание при королевском дворе Барселоны. И снова списки сторонников христианства вел доминиканский монах еврейского

происхождения, в то время как защитником иудаизма был Нахманид, прославившийся в анналах Израиля как величайший философ, врач, богослов и полемист своего времени. Пабло Кристиани вежливо попытался доказать, что иудейские пророки предсказывали пришествие и признавали божественность Иисуса. Нахманидес с такой же вежливостью отрицал, что они делали что-либо подобное. После пяти дней изощренных взаимных обвинений Суд единогласно вынес решение в пользу христианства. Из еврейских книг были изъяты все “антихристианские” отрывки, отчет Нахманида об этой полемике был публично сожжен как богохульный, а автор, которому тогда было семьдесят лет, изгнанный из Испании, закончил свои дни в Иерусалиме. Пабло, чьи амбиции были воспламенены победой, предпринял путешествие по Пиренейскому полуострову и Провансу и, вооруженный королевским указом, заставил евреев вступать с ним в религиозные споры и оплачивать расходы на его миссионерские поездки.

Миссии к евреям стали модой того времени, и королевства Запада были наводнены странствующими диалектиками, ищущими, кого бы они могли обратить в свою веру. Евреев заставляли посещать церковь и слушать проповеди, направленные против их собственной религии. Благодаря их долгому обучению раввинским тонкостям, невежественные люди иногда оказывались более чем достойными противниками своих противников, и, если бы честная игра не противоречила законам церковной войны, они могли бы преуспеть в обращении потенциальных новообращенных. Но, хотя религиозная дискуссия была приглашена, более того, навязана Церковью, она всегда велась при четком понимании того, что христиане могут бить евреев, но что евреям ни при каких обстоятельствах нельзя позволять бить христиан. Чтобы предотвратить любое неправильное представление по этому вопросу, Фома Аквинский, справедливо прославленный как один из наименее фанатичных теологов и отличающийся среди схоластов своей терпимостью к иудаизму, серьезно предостерег своих читателей от общения с евреями, если они не уверены, что их вера противоречит разуму.

В последующие годы папы поручили работу по обращению в различных странах монахам-доминиканцам и инквизиторам, которые выполняли ее с усердием, которого никогда не проявляли, кроме людей, фанатично верящих в истинность своих доктрин, и с безжалостностью, возможной только у людей, слишком твердо убежденных в святости цели, чтобы быть щепетильными в средствах. Этим апостолам было поручено усилить силу своего красноречия, обратившись к светской власти. Тем не менее, известно, что современные миссионеры в Китае в трудные времена забывали, что апостол должен быть выше земного оружия, и “требовали канонерскую лодку, с помощью которой можно было бы обеспечить уважение к Евангелию”.⁵³

И в то время как разочарованные богословы представляли верность еврею своей религии как доказательство его антихристианских наклонностей, ученые представляли его отчужденность как доказательство его антисоциальной натуры, и они оба согласились осудить его как “врага человечества”. Этот урок, используя слова выдающегося еврейского писателя, “вдалбливался в уши масс до тех пор, пока клевета не стала частью народного вероучения. Поэты сформулировали идею для дворянства, монахи донесли ее до народа”.⁵⁴

Разжигаемая таким образом вражда против евреев часто находила возможность вылиться в акты ужаса. Во Франции, после войны, объявленной Церковью против несчастных, они потеряли королевскую защиту, которой пользовались до сих пор, и с тех пор подвергались не только

судорожному гневу населения, но и систематическим преследованиям со стороны епископов, баронов и городов. Епископ Парижа Одо в 1197 году запретил христианам иметь какие-либо отношения, социальные или коммерческие, с евреями. ♦ 1236♦ Крестоносцы, призванные к оружию Григорием IX, напали на еврейские общины Анжу, Пуату, Бордо, Ангулема и других мест, а из-за евреев, отказывавшихся креститься, святые воины затоптали многих из них, мужчин, женщин и детей, до смерти под копытами их лошадей, сожгли их синагоги, разграбили их частные жилища. Людовик Святой поощрял обращение евреев, разрешая отрывать детей крещеных отцов от их невозрожденных матерей. ♦ 1246♦ Указом Совета Безье инвалидность евреев была еще раз подтверждена, и христианам теперь было запрещено привлекать врачей-евреев, тем самым лишая евреев профессии, которую они до сих пор почти монополизировали в Европе. ♦ 1257♦ Через несколько лет после этого папа Александр IV, который только что учредил инквизицию во Франции по просьбе Людовика Святого, издал другую Буллу, в которой правитель этого королевства и другие князья снова были осуждены. призывал навязать евреям отличительную одежду и сжечь все экземпляры Талмуда. Чтобы опустить мелкие акты угнетения, фанатичная секта “Пастухов”, следуя примеру крестоносцев, устроила резню евреев на Гаронне в 1320 году.

♦1218–1250♦

В Германии страдания Израиля были не менее тяжелыми. Император Фридрих II, несмотря на свою неверность и вражду к папству, принял антиеврейские декреты папы. Он не допускал евреев к государственным должностям, он порицал эрцгерцога Австрийского за терпимость и защиту их, он навязывал использование эмблемы в своих итальянских и сицилийских владениях и угнетал их высокими налогами, с особым удовлетворением отмечая изречение о том, что евреи были крепостными императора. В смутный период, последовавший за смертью Фридриха, евреи были убиты и сожжены в большом количестве в Вайсенберге, Магдебурге и Эрфурте, в то время как в других городах год за годом происходили массовые убийства, и “поджариватель евреев” стал желанным почетным титулом. Помимо периодических массовых убийств, с конца двенадцатого по середину пятнадцатого века немецкие евреи подверглись восьми изгнаниям и конфискации своей общинной собственности: Вена (1196), Мекленбург (1225), Франкфурт (1241), Бранденбург (1243), Нюрнберг (1390), Прага (1391), Гейдельберг (1391) и Ратисбон (1476).

В Швейцарии преследования начались примерно в середине четырнадцатого века, и в последующем столетии зафиксировано несколько изгнаний. В Восточной Европе евреи страдали в России и Венгрии. Полуцивилизованные и полухристианизированные мадьяры, которые до сих пор терпимо относились к евреям, были подстрекаемы к актам притеснения со стороны западных монахов. Польша и Литва были единственными европейскими странами, где нашли убежище евреи позднего Средневековья, и, следовательно, обе эти страны приняли большое количество беглецов с западных полей резни.

Легковерие соединилось с фанатизмом. Ни одна история, рассказанная о евреях, не была слишком экстравагантной, чтобы в нее можно было поверить; ни одно обвинение, выдвинутое против них, не было слишком тривиальным для повторения, при условии, что это давало повод для преследования. Некоторые из отвратительных преступлений, которые язычники в первые века приписывали христианам в качестве оправдания их подавления, теперь были возрождены

христианами против евреев. Последних обвиняли в том, что они заманивали христианских детей в свои дома и приносили их в жертву в ритуальных или медицинских целях, в искажении таинств Церкви, в отравлении колодцев и в совершении всевозможных мерзостей, что явно делало их полное истребление общественным долгом. Достаточно любопытно, что подобные обвинения до сих пор выдвигаются против евреев христианами Восточной Европы, самими евреями против обращенных в ислам евреев в Турции и китайцами против протестантских миссионеров — “обвинения в грубой личной безнравственности, похищении детей и нанесении им увечий, которые, какими бы чудовищными и злобными они ни были, не менее, а более серьезны, потому что в них твердо верит невежественная аудитория, которой они адресованы”.⁵⁵ Для вульгарных все странное является зловещим.

Свободное распространение этих отвратительных мифов среди вульгарных масс средневековой Европы привело, как это было в древние времена и как это происходит совсем недавно, к ужасному преследованию тех, против кого они были направлены. ♦ 1171г. ♦ Евреи были безжалостно сожжены по приказу герцога Теобальта в Блуа, были вырезаны населением Лангедока и Центральной Франции, ♦ 1321 г. ♦ а в следующем году, когда разразилась чума, они были сожжены массово — мужчины, женщины и дети. Последовал период чередования преследований и терпимости, пока они не были изгнаны из Центральной Франции и, наконец, изгнаны из остальной части страны безумным королем Карлом VI., ♦ 1394-5♦ в конце четырнадцатого века.

В Германии, где бы ни находили мертвое тело христианина, вину за убийство немедленно возлагали на евреев, которым в таких случаях предлагалось креститься или умереть. Обвинение в крови настолько прочно овладело умами людей, что не было тайны, которую нельзя было бы прояснить простым упоминанием евреев. Вспышка Черной смерти в Германии также была приписана еврейской недоброжелательности. В настоящее время считается, что это бедствие зародилось в Индии и было занесено в Европу торговыми путями и армиями, или что оно возникло из-за антисанитарных условий средневековой жизни. Но средневековый мир был убежден, что это могло быть делом рук только евреев. Их сравнительная невосприимчивость к болезни, возможно, благодаря их исключительной умеренности, придавала окраску теории; признания, добытые под пытками, рассеяли все сомнения на этот счет. Обычно считалось, что евреи Испании, эти грозные профессора Черного Искусства, изобрели этот дьявольский метод уничтожения христианства; что они разослали эмиссаров с коробочками яда, приготовленного из василисков и ящериц или даже из христианских сердец, по всем еврейским общинам Европы и убедили или принудили их сеять смерть среди христиан, отравляя колодцы и источники. Главный отравитель был даже назван по имени. Вследствие этого евреи подверглись повсеместному преследованию со стороны толпы, обезумевшей от ужасной и таинственной эпидемии. ♦ 1348-1350 гг. ♦ Несмотря на энергичные усилия императора по спасению своих крепостных, более бескорыстные усилия гуманных бургомистров, шерифов и муниципальных советов, а также Буллу папы Климента VI, в которой абсурдность обвинения в отравлении была торжественно разоблачена, несчастные люди тысячами убивались и сжигались во многих частях Германии, и в конце концов они были изгнаны из Империи. Тем не менее, их услуги были настолько ценными, что они постепенно вернулись, но только для того, чтобы подчиниться новым социальным ограничениям и оскорбительным постановлениям со стороны Церкви.

Подобные сцены разыгрывались вдоль и поперек Швейцарии и Бельгии.

Только в Польше, которая долгое время была убежищем для преследуемых евреев, эта отвратительная клевета пока нашла очень ограниченный рынок сбыта. Там было постановлено, что обвинение в ритуальном убийстве, выдвинутое христианином против еврея, если обвинителю не удастся его обосновать, должно караться смертной казнью. Говорят, что такое великодушное отношение к польским евреям было отчасти вызвано любовью короля Казимира IV к еврейской любовнице. Благодаря ее влиянию дети Израиля получили множество привилегий, которые поставили их на уровень социального равенства с христианами. В то время, когда их угнетали, поносили и убивали почти в каждой западной стране, в Польше их жизни и свободы были в такой же безопасности, как и у самой знати. В то время как с местными крестьянами все еще обращались как с крепостными, евреям была предоставлена аристократическая привилегия носить рапиры. Любой еврей мог, просто отрекшись от своей религии, стать дворянином. Как управляющие поместьями, принадлежащими польским магнатам, евреи обладали даже правом применять смертную казнь к местным рабам-христианам: настолько, что во время ужасной эпидемии в Польше было убито не более десяти тысяч евреев.

ГЛАВА VIII

РОСТОВЩИЧЕСТВО И ЕВРЕИ

Другой причиной ненависти, внушаемой средневековым евреем, было ростовщичество, термин, который в то время был синонимом ростовщичества вообще.

В эпоху, привыкшую рассматривать ссуду денег под проценты как чисто экономическую операцию, норму процента как экономическое явление, подчиняющееся закону спроса и предложения, и все это как вопрос торговли, а не этики, нелегко понять теологический гнев, обрушивавшийся на ростовщиков в старые времена. Тем не менее, в Средние века торговля деньгами считалась тяжким грехом, а те, кто занимался этим занятием, для нас совершенно законны, как преступники самого низкого пошиба. Данте, у которого “десять безмолвных веков обрели голос”, выражает средневековые чувства по этому поводу, помещая Каор, город в Провансе, печально известный в XIII веке как гнездо ростовщиков, рядом с Содомом в Аду:

“E pero lo minor giron suggella,

Del segno suo e Sodomma e Caorsa.”⁵⁶

Это было очень древнее суеверие, и его происхождение можно проследить до устройства первобытного общества. На заре человеческой расы, когда члены каждого сообщества смотрели на себя как на членов одной семьи, естественно, было очень дурным тоном для тех, у кого было больше, чем им нужно, отказывать в доле своего излишка нуждающемуся брату. Это чувство, однажды укоренившись, передавалось из поколения в поколение и пережило племенную систему, в которой оно возникло. Из социального закона он превратился в религиозный догмат, и вдохновенные законодатели санкционировали его своим авторитетом. Он содержится как в Ветхом Завете, так и в Коране. Моисей сказал: “Не давай займы под ростовщичество брату твоему; под ростовщичество денег, под ростовщичество съестных

припасов, под ростовщичество всего, что дается под ростовщичество”;⁵⁷ и много веков спустя псалмопевец пел: “Господи, кто пребудет в скинии твоей? Кто будет жить на твоём святом холме?... Тот, кто не тратит свои деньги на ростовщичество”.⁵⁸ Мухаммед, следуя за Моисеем, решительно заявляет, что “Те, кто пожирает ростовщичество, восстанут не из мертвых, но как восстанет тот, кого сатана заразил прикосновением: это случится с ними, потому что они говорят: “воистину, продажа - это не что иное, как ростовщичество”. И все же Бог разрешил продажу и запретил ростовщичество. Поэтому тот, кто, когда к нему приходит предостережение от его Господа, воздерживается от ростовщичества в будущем, получит прощение за прошлое, и его дело принадлежит Богу. Но кто бы ни вернулся к ростовщичеству, они будут спутниками Геенны огненной, они будут пребывать там вечно”.⁵⁹

Философия в данном случае не смогла подняться выше теологии. Платон рассматривает ростовщичество как источник страданий, недовольства и беспорядков, ростовщики своими поборами создают опасный класс “трутней и нищих” в государстве,⁶⁰ и в своих законах запрещает “давать деньги в долг под проценты”.⁶¹ Хотя по-гречески процент означает “порождение” (τόκος), Аристотель заявил, что деньги “бесплодны”, и поэтому извлекать прибыль из их выдачи в долг означало использовать их неестественно.⁶² Традиция была продолжена. в последующие века и Плутарх в разгар своих многочисленных трудов находил время обличать ростовщиков.

Отцы Церкви придерживались взглядов, которые так хорошо сочетались с коммунистическими идеалами раннего христианства, и святой Златоуст предаёт анафеме ростовщиков как людей, которые “наживаются на несчастьях других людей, стремясь извлечь выгоду из их невзгод: под предлогом сострадания они роют яму для угнетенных”.⁶³ Средневековая церковь, что было естественно, унаследовала почтенное учение о греховности ссуды денег под проценты и спекулятивной торговли и теоретически запрещала подобные сделки. Но на практике запрет был признан невозможным; более того, во многих случаях он был вреден. Ни один капиталист не расстался бы со своими деньгами, а торговец - со своим товаром, не получив прибыли. В отсутствие кредитов и посредников торговля остановилась бы, и большое количество людей было бы обречено выбирать между греховной жизнью и добродетельной голодной смертью. Дилемма была трудной, но не слишком трудной для схоластических тонкостей, и церковные софисты посвятили много времени и изобретательности тщательным различиям, пытаясь объяснить необъяснимое и примирить непримиримое, утверждая, что арендная плата за дом или лошадь законна, но проценты с денег незаконны, и, подобно своим братьям по закону, они пытались избежать практического вреда, жертвуя интеллектуальной искренностью. Схоластическая позиция, будучи абсурдной, нашла всеобщее признание.

Однако в раннем Средневековье было мало соблазнов для совершения преступления, мало возможностей для коммерческих спекуляций, в то время как, с другой стороны, казуистика предоставляла множество способов уклонения. Церковь, как правило, довольствовалась применением закона к священнослужителям, но к мирянам она была более снисходительна. Более того, она поощряла торговцев покупать и продавать товары без изменений, несмотря на приговор святого Златоуста о том, что такие торговцы “изгоняются из храма Божьего”. И все же она, как и Мухаммед, отказывалась принять точку зрения здравого смысла о том, что “продажа - это всего лишь ростовщичество”, и, санкционируя одно, продолжала осуждать другое. Но до тех пор, пока папство было слишком слабо, чтобы преследовать, осуждение оставалось

мертвой буквой, Церковь была вынуждена потворствовать греху, победить который она была бессильна.

Между тем, по мере развития европейского общества, ростовщичество продолжало увеличиваться. И то, что сейчас считалось бы неизбежным сопровождением материальной деятельности, тогда было осуждено как симптом морального вырождения. В то же время сила Церкви росла, и ее стремление подавить то, что она считала грехом, росло вместе с ее способностями. При Григории VII, метателе молний, папство вступило на путь политических завоеваний, который достиг своего наивысшего триумфа при Иннокентии III. ♦ 1083♦ Григорий находился на троне уже десять лет, когда один из этих снарядов обрушился на ростовщиков - термин, который, следует помнить, в ту эпоху одинаково применялся ко всем ростовщикам. Война, начатая Гильдебрандом, была продолжена его преемниками с неослабевающей энергией. Декрет, изданный Латеранским генеральным собором 1139 года, лишил ростовщиков церковных утешений, отказал им в христианском погребении и обрек их на позор в этой жизни и на вечные мучения в следующей. Религиозный энтузиазм, вызванный крестовыми походами, и экономическое разорение, которым они угрожали, усилили общее предубеждение против изгоев Церкви. Многие святые воины были вынуждены прибегать к помощи ростовщических сбережений для покрытия расходов на эти кампании, и Церковь считала своим долгом позаботиться о том, чтобы ее воины не остались обездоленными и бездомными. Папа за Папой, на протяжении всего двенадцатого века, начиная с Евгения III. и далее, освобождал крестоносцев от их финансовых затруднений и Иннокентия III. зашел так далеко, что постановил, что евреи должны быть вынуждены возвращать своим должникам любые проценты, которые, возможно, уже были им выплачены.

Это предубеждение было еще более усилено и распространено религиозными орденами Святого Франциска и Святого Доминика, которые вскоре достигли определенной степени официального и неофициального влияния, рассчитанного на соблюдение их заповедей. Члены обоих орденов составили моральные кодексы, которые были приняты во всем Западном христианском мире в качестве руководств по христианской этике и руководств по христианскому поведению. Одним из главных грехов, осуждаемых в этих книгах, было ростовщичество, и учение, громыхавшее с кафедры, проповедовавшееся на рыночной площади и шепотом произносимое на исповеди, несло в себе весь вес, который придают словам людей, облеченных властью освобождать и связывать в этом мире и в мире грядущем.

И все же, несмотря на папские анафемы и общественное мнение, все шло своим чередом, и ростовщики водились даже среди арендаторов церковных и монастырских поместий, пока Григорий X. в 1274 году не издал Буллу, запрещающую сдавать земли или дома проклятому племени. Но хотя благочестивые ненавидели ростовщика, нуждающиеся не могли обойтись без его услуг. Главным следствием запрета на ростовщичество и суеверной дурной репутации, которой оно пользовалось, было то, что эта важная отрасль экономической жизни оказалась в руках наименее респектабельных членов общества. Христиане ни в коем случае не избегали ростовщичества, как показывает Данте. Но массы средневековой Европы, особенно на севере и в центре, были слишком суеверны, чтобы отважиться на запрет Церкви, слишком глупы, невежественны и бережливы, чтобы преуспеть в бизнесе, требующем ловкости, бдительности и экономии. Таким образом, денежная торговля, как и большинство других видов европейской торговли, с самого начала попала в руки евреев — единственных людей, у которых был капитал, который можно было одолжить, и не было касты, которую можно было бы потерять. Более того, в

феодалной Европе еврею больше нечего было делать. Законы и предрассудки, которые во многих странах запрещали ему владеть землей или заниматься различными ремеслами и промыслами, с одной стороны, и его собственные религиозные убеждения - с другой, сузили круг его деятельности, и поток энергии и интеллекта, направленный в одно русло, потек с пропорционально большей силой. Репутация евреев в ростовщичестве восходит к шестому веку. Но ростовщичество действительно стало их характерным занятием с начала уже описанных преследований. Затем евреи периодическими постановлениями соборов и частыми публикациями церковных эдиктов были изгнаны с рынков и, таким образом, будучи неспособными конкурировать с христианскими торговцами, были вынуждены торговать только поддержанными товарами, в то время как другие, обладавшие некоторым капиталом, но которым запрещалось вкладывать его в товары, были вынуждены вкладывать его под проценты.

Как уже было замечено, операции по ростовщичеству евреев долгое время продолжали осуществляться при попустительстве Церкви и под защитой государства, и многие князья были только рады воспользоваться искусством евреев в финансовых операциях для улучшения своих собственных финансов. В средневековых условиях финансового управления еврей был буквально незаменим для государства. Правители Европы, еще не сведущие в тайнах систематического налогообложения, нуждались в классе людей, которые ради них самих собирали бы деньги с подданных короля и хранили бы их, так сказать, в доверительном управлении королевской казны. В худшем случае евреев в средневековой стране можно было бы охарактеризовать как губки, которые впитывали богатство нации, а затем были выжаты в интересах короны. В лучшем случае они выполняли функцию облаков, которые собирают воду мелкими каплями, а затем возвращают ее обратно на землю в виде обильных ливней, причем количество осадков слишком часто ускорялось искусственными взрывчатыми веществами. В любом случае долг еврея - быть богатым.

Растущее богатство евреев, должно быть, всегда вызывало зависть и алчность их соседей. Но только после пробуждения религиозного фанатизма в результате крестовых походов и нищенствующих орденов дремлющая враждебность проявилась в массовых преследованиях. Насилие народных чувств, помимо религиозных мотивов, также не является совершенно необъяснимым или непростительным. Евреи с древнейших времен проявляли яростное презрение к неевреям. Несмотря на доктрину всеобщей любви, насаждаемую некоторыми учителями иврита, основная часть общины цеплялась за старый урок. Еврейская терпимость к чужакам, как и христианская, была славой и достоянием немногих. Иегуда Халеви или Маймонид могли проповедовать широкий гуманизм, но было бы неразумно предполагать, что их проповедь оказывала большее воздействие на их единоверцев, чем аналогичная проповедь Фомы Аквинского или Святого Бернарда на их собственных. И важно не забывать, что в повседневной жизни важны не умы немногих образованных людей, а инстинкты масс. У обычного средневекового еврея, как и у обычного средневекового христианина, благотворительность не только начиналась, но и заканчивалась дома. Племенной дух их религии делал евреев жесткими к неевреям и черствыми к их нуждам. Моисей уже сказал: “Не давай займы под ростовщичество брату твоему”, и раввинский закон усилил заповедь; но запрет сопровождался многозначительным разрешением: “Чужеземцу ты можешь давать займы под ростовщичество”, зловещим различием, которым евреи в полной мере воспользовались, хотя еврейские моралисты и раввины постоянно возражали против того, чтобы на него полагались.

Расовый и религиозный антагонизм, в который еврей оказался вовлечен с самого первого контакта с нациями, расширил пропасть. Жестокие преследования, которым он периодически подвергался с момента своего приезда в Европу, еще больше ожесточили его душу, и горький опыт научил его, что мир можно купить только золотом. У него не было ничего, кроме жадности, что он мог противопоставить фанатизму тех, под властью кого он жил, и он стремился воздвигнуть золотую стену между собой и тиранией. Он укрылся за своими шекелями и, естественно, всеми силами, честными или подлыми, старался сделать это укрытие как можно более эффективным. Даже предположив, что еврей не упустил ни одной возможности обобрать нееврея, он был более чем оправдан в этом — его вынудило к этому обращение с ним самого нееврея. Именно язычник научил еврея высшей добродетели денег как средства защиты от угнетения, изгнания и смерти; и он не имел права жаловаться на удивительную быстроту ученика в усвоении урока и “улучшении наставлений”. Его ненависть к язычникам, таким образом, в сочетании с жаждой наживы и жизнелюбием, сделала его невосприимчивым к состраданию. Язычник не заслужил особой милости от еврея, и он получил не больше, чем заслуживал. Эксплуатация неевреев, начатая как необходимость и поощряемая как средство самозащиты, таким образом, нашла прочное место среди низших слоев средневековых евреев.

Кроме того, в Средние века заимствования в коммерческих целях были редкостью. Как правило, к кредиту прибегали только в экстренных случаях, а проценты определялись потребностями заемщика. В сложившихся обстоятельствах непомерные ставки были неизбежны. Нежелание ссужать деньги в сочетании с нехваткой капитала из-за ограничения конкуренции в любом случае привело бы к повышению нормальной нормы процента до удручающей высоты,⁶⁴ подчиняясь закону спроса и предложения, который в настоящее время является одним из общих мест политической экономии. Неопределенность в отношении выздоровления подняла его еще на большую высоту. Подобно христианским банкирам в Турции не так давно, еврейские ростовщики средневековья, должно быть, ссужали свои деньги со значительным риском, иногда доходившим до неминуемой потери. Средневековый барон, гораздо больше, чем средневековый горожанин, был в значительной степени обязан еврею как в мирное, так и в военное время. Пышность и гордость рыцарства не могли поддерживаться без денег. Для зрелищности турнира, как и для более дорогостоящего великолепия кампании, прибегали к кошельку ростовщика. Но если барон оказался вынужден уговаривать и льстить еврею и соглашаться на непомерные условия, когда тот хотел получить ссуду, он отомстил за себя, когда еврей оказался в его власти. Такие возможности не были редкостью, и тогда заемщик расплачивался с процентами. Условия сделки были таковы, чтобы стимулировать алчность, но не поощрять умеренность. Заем средневековому паше был спекуляцией, которая могла привести либо к богатству, либо к нужде и смерти.

Это *априорное* рассуждение вполне подтверждается историей. Среди клиентов евреев никто не был более заметен, чем монархи христианского мира; и ухищрения, к которым прибегали эти коронованные разбойники в своих попытках примирить целесообразность с совестью, были бы в высшей степени забавными, будь они менее трагичными. ♦ 1169г. ♦ Король Франции Людовик VII, хотя и был крестоносцем, защищал евреев и пренебрегал декретом Латеранского собора, запрещавшим им нанимать слуг-христиан. Его примеру сначала последовал его сын Филипп Август, который, однако, постепенно изменил свое отношение. Хотя номинально французский король был верховным лордом Франции, на самом деле он не мог назвать своей собственностью ничего, кроме небольшого участка страны; королевские владения были окружены территориями крупных феодальных герцогов и графов. Филипп хотел превратить этот

теоретический сюзеренитет в фактическое владение, и для этого ему нужны были деньги. Богатство евреев подсказало ему кратчайший путь к осуществлению его желания. Хотя евреи были не единственными ростовщиками в королевстве, они были самыми непопулярными. Поэтому он приказал бросить нескольких из них в тюрьму и требовал за них выкуп. ♦ 1180♦ Заплатив 1500 марок, они были отпущены на свободу. Успех эксперимента побудил Филиппа попробовать действовать в более широком масштабе. ♦ 1181г. ♦ Несколько месяцев спустя ему пришла в голову счастливая мысль немедленно избавиться от своих грехов и долгов, отменив требования евреев, вынудив их отказаться от взятых ими обязательств, конфисковав их недвижимое имущество и изгнав их из своего Королевства. ♦ 1198г. ♦ Несколько лет спустя, в соответствии с принципом целесообразности, он счел целесообразным умертвить папу и обогатиться, отозвав изгнанников и запретив им покидать его владения.

Людовик IX, ставший королем и святым, пользующимся несомненной респектабельностью, вернул всем своим подданным треть денег, которые они были должны евреям, “для спасения своей собственной души и душ своих предков”, а в 1253 году он отправил из Палестины приказ об изгнании всех евреев, за исключением тех, кто хотел заняться законной торговлей и ремеслами.

Филипп Красивый, чья жестокая алчность и мстительность проявились в разгроме ордена тамплиеров, сопровождавшемся пытками и кремацией их личностей и конфискацией их сокровищ, проявил такой же тиранический и хищнический дух по отношению к евреям. ♦ 1306г. ♦ Они только что завершили свой суровый пост в День плача в память о разрушении Храма, когда королевские стражники схватили их, молодых и старых, женщин и детей, и потащили всех в тюрьму, где им сказали, что они должны покинуть страну в течение месяца, под страхом смертной казни. У них отняли все их имущество, за исключением одежды, которую они носили, и дневного запаса провизии, и пустили по течению — около ста тысяч душ, — оставив королю повозки с золотом, серебром и драгоценными камнями. Немногие приняли христианство, а тех, кто отважился задержаться после предписанного срока, постигла смерть; но большинство предпочло потерять все и покинуть страну, в которой с незапамятных времен жили их предки, чем оставаться неверными своей вере. Их общественные здания и недвижимое имущество были конфискованы, а Филипп Красивый подарил синагогу своему кучеру.

Большинство изгнанников поселились по соседству, ожидая благоприятной возможности вернуться в свои разрушенные дома. Долго ждать им не пришлось. ♦ 1315 г.♦ Финансовая необходимость победила фанатизм, и девять лет спустя преемник Филиппа, Людовик X., был рад вернуть их и помочь им в сборе причитающихся им денег при условии, что две трети собранных сумм будут переданы в королевскую казну.

В Германии императоры также снова и снова выполняли свой долг перед Церковью, аннулируя свои долги евреям. Но было бы ошибкой полагать, что благочестие было незаменимым прикрытием для грабежа. Принятый во Франции закон приговаривал евреев, обратившихся в христианство, к потере всего их имущества в пользу короля или их Верховного лорда; считалось, что обращение освободит жертв от вымогательства. Таким образом, даже интересы религии временами были подчинены алчности.

ГЛАВА IX

ЕВРЕИ В АНГЛИИ

Говорят, что первое упоминание о евреях по эту сторону Ла-Манша встречается в Церковных уставах Эгберта, архиепископа Йоркского, ближе к середине восьмого века; второе - в монашеском уставе, составленном несколько сотен лет спустя. Но они, по-видимому, не пересекали границу в сколько-нибудь значительных силах до нормандского завоевания. ♦ 1066 г. ♦ Среди иностранцев, последовавших за Вильгельмом в его новые владения, было много семей французских евреев. Их наличные деньги и готовность расстаться с ними сделали их желанными гостями короля и его баронов. Первый получал от них авансы, когда его феодальные взносы были просрочены; второй прибегал к денежному мешку еврея всякий раз, когда расходы на военную службу или расточительность их жизни делали ссуду необходимой. Также и для людей более низкого ранга, таких как тяжущиеся стороны, которые были вынуждены следовать за королевским судом из графства в графство или возвращаться в Рим, чтобы вести свои дела в папской курии, кошелек еврея был постоянным подспорьем. Не менее полезным был еврей для английского налогоплательщика. В те дни поразительной неэффективности налоги взимались нерегулярно и единовременно. Субъект, внезапно оказавшийся вынужденным выплатить крупную сумму в кратчайшие сроки, был только рад занять у еврея.

Однако, несмотря на такое общение с язычниками, высшими и низшими, евреи образовали в Англии, как и на Континенте, особый народ. В каждом городе синагога образовывала центр, вокруг которого группировалась колония. Вновь прибывшие стремились к тому же центру, и таким образом спонтанно выросли еврейские общины Лондона, Норвича, Йорка, Нортгемптона и других английских городов. Эти еврейские кварталы были собственностью короля и, как и его леса, находились вне юрисдикции общего права. Но, пока их судебные и финансовые интересы находились под королевским контролем, евреям была предоставлена полная свобода вероисповедания, им было разрешено строить синагоги и вести свои религиозные дела под руководством своего собственного Главного раввина, таким образом, они составляли самоуправляющуюся и эгоцентричную общину. Литературная деятельность евреев во время их пребывания в Англии обнаруживает удивительную отстраненность от своего окружения. Комментарии и суперкомментарии к Ветхому Завету и Талмуду, ученые трактаты о мельчайших моментах ритуалов и церемониалов, дискуссии о формулах благословения, которые подходят для каждого случая жизни: о том, как вставать утром или ложиться ночью, о еде, умывании, женитьбе, слышании грома и множестве других глубоких мелочей — таков был материал, из которого состояли их занятия. И пока норманны и саксы, кельты и датчане сливались в единый английский народ, израильтяне оставались расой, отличающейся лицом, речью, домашним хозяйством, манерами поведения, питанием тела и души.

Необычность привычек евреев, их ростовщичество, накопленное ими богатство и демонстративное выставление его напоказ с самого начала, должно быть, вызывали у англичан чувства недоверия и ревности, неприязни и презрения, подобные тем, которые в более поздний период вдохновили гениального поэта произнести, что “Ад без света, где поют плачущие”. Но в течение первого столетия своего проживания в стране они, по-видимому, не страдали от активного проявления этих чувств. Вильгельм Завоеватель благоволил к ним, и Уильям Руфус фактически раздал им вакантные епископства. ♦ 1087-1100 гг. ♦ Легкая терпимость последнего принца к иудаизму осуждается монашескими историками во многих причудливых историях,

которые, хотя и призваны пролить свет на безбожие Вильгельма, также служат иллюстрацией его чувства юмора. Однажды еврей, сына которого соблазнили принять христианство, отправился к королю и с помощью молитв и подарка в шестьдесят марок уговорил его оказать помощь в поиске заблудшего ягненка. Король сделал все возможное, чтобы выполнить свою часть контракта, но, найдя юношу упрямым, сказал отцу, что, поскольку он потерпел неудачу, он не имеет права на подарок; но поскольку он добросовестно стремился к успеху, он заслуживает вознаграждения за свои труды, и он оставил себе тридцать марок. В другой раз Вильгельм вызвал к себе нескольких христианских богословов и ученых раввинов и, сказав им, что ему не терпится принять это учение, в котором при сравнении должно быть обнаружено, что истина на его стороне, устроил им спор для собственного развлечения.

Добродушное отношение короля разделяли даже его противники. Святой Ансельм, нормандский архиепископ Кентерберийский, например, и другие выдающиеся духовные лица в своих усилиях обратить евреев не выходили за рамки аргументации; во времена опасности церкви и монастыри предоставляли убежище имуществу и семьям евреев; не предпринималось попыток испортить отношения, какими они были между двумя элементами; и есть примеры, когда евреи помогали монахам молитвами и другими способами в их попытках противостоять посягательствам архиепископов и даже когда евреи пили с язычниками.

Тем временем Континент переживал духовные испытания, которые привели к грандиозному взрыву Крестовых походов. Англия, как член католической семьи наций и во многих отношениях находящаяся под континентальным влиянием, не могла долго оставаться глухой к крику, раздававшемуся по всему христианскому миру. Неустроенное положение страны при первых трех нормандских королях и потрясения, жертвой которых она стала при четвертом, до сих пор мешали Англии адекватно откликнуться на призыв Папы римского; но религиозная лихорадка была заразной, и, достигнув Англии, она превратила любую смутную сентиментальную неприязнь к евреям, которая, возможно, существовала, в открытую и решительную враждебность, которая привела к таким актам насилия, которые уже опозорили Континент.

Чудовищное обвинение в принесении в жертву христианских детей и использовании их крови в таинственных пасхальных обрядах, или в медицине, теперь впервые прозвучало в определенной форме, которая с тех пор стала привычной; и английский город Норвич, по-видимому, имеет право на незавидную заслугу своего рождения. Однажды, в 1144 году, население этого города было в ужасе от слухов о том, что евреи похитили и убили мальчика по имени Уильям с целью получения его крови. Еврей-отступник выдвинул клевету, и местный епископ принял ее. Шериф счел доказательства недостаточными и отказался санкционировать судебное разбирательство в епископском суде. Но люди, воодушевленные духовенством, взяли закон в свои руки, и, несмотря на усилия шерифа защитить евреев, многие из последних были убиты, в то время как остальные бежали, опасаясь за свою жизнь.

◆1155–1189◆

В течение следующих тридцати четырех лет то же самое кровавое обвинение повторилось в Глостере и Бери Сент-Эдмундсе и привело к аналогичной катастрофе.⁶⁵ Но во время правления Генриха II антиеврейские настроения, за последним исключением, были жестко подавлены. Этот король, известный в истории как “величайший правитель своего времени за мудрость, добродетель и способности”, пошел по стопам Вильгельма Завоевателя и Вильгельма Руфуса и, по мнению монашеских хронистов, запятнал свой безупречный характер благосклонностью,

которую он проявлял к евреям. Он освободил их от юрисдикции церковных судов и даровал им привилегию разрешать свои споры в их собственном *Бет-Дине*, или Религиозном суде, и хоронить своих умерших за пределами городов, в которых они жили. Отныне евреи должны были рассматриваться как личное имущество короля и пользоваться защитой королевских чиновников, как это было в Германии, и на тех же условиях.

Королевские милости, конечно, никогда не предоставляются без эквивалента. Богатство евреев, будучи подвижным и сосредоточенным в немногих руках, было гораздо более доступным для короля, чем у его христианских подданных. Соответственно, их заставляли платить больше, чем последних. Когда в 1187 году Генрих взимал контрибуцию, он получил от одних только евреев почти половину всей суммы, они внесли четвертую часть своего имущества (60 000 фунтов стерлингов), в то время как христиане одну десятую (70 000 фунтов стерлингов). Но, хотя королевская казна стала богаче благодаря милосердию короля, евреи пользовались правом жить и богатеть. Англия не пострадала от такой терпимости к детям Израиля. Их наличные деньги, несмотря на высокие проценты, под которые они выдавались, послужили мощным стимулом для промышленности и архитектуры. Многие замки и соборы были обязаны своим существованием еврейскому капиталу. И не только средствами возведения, но и образцами для подражания они были обязаны евреям, которые своим примером научили грубых английских горожан превосходству каменного дома над глинобитной лачугой, о чем свидетельствуют здания в Бери Сент-Эдмундсе и Линкольне, которые до сих пор носят название «еврейских домов». Действительно, в это и последующие царствования мы слышим удивительные истории о еврейском богатстве и великолепии, например, об Аврааме филе Рабби, Юрнете из Норвича и Аароне из Линкольна, и даже о нежеланных обращенных в иудаизм. Однако оба эти благословения - материальное процветание и религиозная популярность - оказались скрытыми проклятиями для своих обладателей. Богатство еврея не могло не пробудить алчность средневековых баронов, а его инакомыслие - фанатизм средневековых священников. Более того, это противоречило бы всем законам вероятности и человеческой природе, если бы евреев гораздо дольше не трогали в стране, где повсюду витал дух крестоносцев, где народная ненависть к евреям недавно была разжигается отвратительной клеветой и королевской милостью, и где гражданская власть так часто сводилась на нет феодальным беззаконием. Последний и самый зловещий признак: евреям Законом, принятым в 1181 году, было запрещено хранить или носить оружие.

♦1189♦

Там, где есть предрассудки, нет недостатка в предлогах для преследования. Благоприятную возможность для выражения общественных чувств предоставила коронация Ричарда Львиное сердце. Ричард был первым английским королем, поднявшим крест на борьбу с неверными, и его правление было соответствующим образом начато антиеврейской демонстрацией. Королевским указом евреям было запрещено показывать свои нехристианские лица в аббатстве во время церемонии. Но некоторые из них, вооруженные богатыми подарками от своего народа королю, осмелились занять свое место вне Церкви. Улица была запружена слугами баронов и рыцарей, присутствовавших на коронации, а также разношерстной толпой, привлеченной сюда любопытством. Чужеродные лица евреев вскоре были замечены фанатичной толпой, пребывавшей в праздничном настроении, и сразу же стали признаками оскорбления и бунта. Несчастные пытались спастись бегством; народ преследовал их; и по крайней мере один из них был вынужден спасти свою жизнь крещением. Позже в тот же день

распространился слух, что король приказал устроить всеобщую резню евреев.

Предполагаемый приказ обнаружил, что многие люди были слишком готовы выполнить его. Все евреи, оказавшиеся на улице, были изрублены на куски без угрызений совести и без сопротивления, в то время как на тех, кто благоразумно остался дома, напала ревностная и жадная толпа, которая ворвалась в их дома, убила обитателей, разграбила их имущество и закончила поджогом еврейства. Буйные и алчные инстинкты населения однажды пробудились, опустошение распространилось повсюду, и Лондонский сити вскоре превратился в арену грабежа, в котором не делалось никакого завистливого различия между христианами и неверными, но беспристрастно грабили всех, кого стоило грабить. Попытки короля привлечь виновных к ответственности за эти зверства привели к тому, что выяснилось, что наказание повлечет за собой такое большое количество смертей, что, повесив троих преступников, он был вынужден воздержаться. Сам масштаб преступления спас его авторов.

Волнения не прекратились и в столице. Радостная весть о массовом убийстве евреев распространилась по провинциям и повсюду обнаруживала поле, готовое принять семена. Все главные города Англии в то время были переполнены крестоносцами, готовившимися к своему походу. Вид этих воинов пробудил воинственный и религиозный дух народа, и, когда они начали кампанию против Полумесяца, напав на местных евреев, они нашли многочисленных и восторженных сторонников среди горожан, священников и обедневших джентльменов. В самом деле, как мог кто-либо отказаться помочь в уничтожении врагов Бога, которые во многих случаях также оказывались кредиторами нападавших? В Йоркене непосредственным поводом для нападения послужил некий Джосейс, который, будучи насильственно крещен в Лондоне в день коронации Ричарда, по возвращении домой отрекся от навязанной ему веры и тем самым заслужил позор отступничества. В сопровождении нескольких своих единоверцев преследуемый человек укрылся со всеми своими сокровищами в замке. Толпа, подстрекаемая фанатичным каноником и возглавляемая кастеляном, осадила замок. Евреи прибегли к отчаянным мерам. Некоторые из них, действуя по героическому совету раввина, убили своих собственных жен и детей, сбросили трупы с зубчатых стен в толпу осаждающих, а затем приготовились предать огню замок и самих себя. Остальные капитулировали и были убиты толпой по наущению джентльмена, который был им глубоко обязан. Тогда толпа, возглавляемая окрестными землевладельцами, все из которых были должны евреям, поспешила в собор, где хранились облигации, и сожгла их на алтаре под благословение священников.

Подобные деяния были совершены в Норвиче, Бери-Сент-Эдмундсе, Линне, Линкольне, Колчестере и Стэмфорде, и во всех этих местах, как и в Лондоне, королевские офицеры оказались бессильны предотвратить или наказать. Ричард, однако, не мог позволить, чтобы его евреев вырезали или изгнали из страны. Поэтому он издал хартию, подтверждающую самым богатым из них привилегии, которыми они пользовались при его предшественниках: привилегию владеть землей, передавать по наследству денежные долги, беспрепятственно перемещаться по стране и освобождать от всех сборов. В обмен на свою защиту король потребовал более тщательного надзора за их имуществом и прибылью. Его Казначейство должно было знать, сколько у них есть и сколько они зарабатывают. Штат еврейских и христианских клерков, назначенных в различных частях страны, должен был засвидетельствовать их действия, занести их в специальный реестр и проследить, чтобы с каждого залога были сделаны три копии: одна должна была быть передана в руки магистрата, другая - какому-нибудь уважаемому частному гражданину, а третья должна была остаться у еврея. Долги, причитающиеся евреям, на самом деле были причитающимися царю и не могли

быть увеличены или аннулированы без его согласия. Споры между евреями должны были разрешаться в королевских судах, и, одним словом, за израильтянами и их денежными мешками должно было быть суровое и бдительное око.

♦1199–1216♦

Иоанн, жалкий преемник Ричарда, чье правление не принесло ничего, кроме разорения ему самому и позора его стране, считал целесообразным продолжать оказывать евреям прибыльную щедрость, начатую лучшими людьми. Угнетение евреев было монополией короны, и Иоанн совершенно ясно дал понять, что не потерпит никаких соперников. Он наделил Джейкоба Лондонского званием Главного раввина всех еврейских общин по всей Англии и называл его своим “дорогим другом”, предупредив своих подданных, что любое оскорбление, нанесенное ему, будет расценено королем как оскорбление ему самому. Он распространил на всю колонию привилегии и иммунитеты, предоставленные Ричардом немногочисленным привилегированным, и, подобно ему, сопровождал этот акт милосердия еще более строгим контролем за их делами. Евреям пришлось дорого заплатить даже за эту ограниченную и ненадежную защиту. Единственное различие между обращением с ними со стороны короля и тем, что применяли к ним его подданные, заключалось в том, что последний грабил их судорожно, а первый систематически. Это был уже не вопрос случайных взносов, таких как 60 000 фунтов стерлингов, выжатых из них Генрихом II, и тому подобных поборов, взимаемых для покрытия расходов на крестовый поход Ричарда, а постоянное и беспощадное обескровливание: налоги, пошлины на наследство и высокие проценты по всем кредитным операциям, в дополнение к конфискациям и общим штрафам или штрафам за нарушения закона, которыми король время от времени разнообразил монотонность обычного разбоя. Процедура была совершенно аморальной и в то же время совершенно законной. Королевская казна пополнялась за счет карманов людей, которые принадлежали ему так же безраздельно, как его собственные дворцы, и которых он мог продать или заложить как любую другую собственность, в зависимости от своего удобства. Даже королевские уполномоченные — евреи, уполномоченные собирать подати, — имели право арестовывать жен и детей своих единоверцев. Подсчитано, что в тот период евреи вносили около двенадцатой части всего королевского дохода.

♦1210♦

Но жестокость Джона была безгранична, как и его подлость. Не довольствуясь обычными мерами вымогательства, он внезапно приказал заключить всех евреев — мужчин, женщин и детей — в тюрьму и заставить отдать все, что у них было. Таким образом, одним махом у них были отняты плоды кропотливого накопления всей жизни, и многие оказались на грани голодной смерти. Мужчин и женщин, до вчерашнего дня богатых, днем видели просящими милостыню от двери к двери, а ночью бродящими по улицам города, как бездомных и голодных шавок. Тех, кого подозревали в том, что они являются владельцами спрятанных сокровищ, пытали до тех пор, пока они не признавались, и, по крайней мере, в случае с евреем из Бристоля, зуб в день был признан эффективным тестом на способность еврея сжимать зубы. В ужасных муках из его челюсти вытаскивали мясорубку за мясорубкой, пока жертва, потеряв несколько зубов, не заплатила требуемые с него 10 000 марок. Благодаря такой финансовой политике *ставленники* короля почувствовали на себе всю тяжесть королевской милости. Но даже это состояние крепостничества и случайных пыток было предпочтительнее той участи,

которая ожидала их в будущем. Джон, какими бы ни были его собственные стандарты гуманности, когда граждане Лондона пригрозили нападением на евреев, смело выступил в их защиту и сказал мэру и горожанам, что считает их ответственными за безопасность евреев, поклявшись кроваво отомстить, если им причинят какой-либо вред.

◆1216–1272◆

Генрих III. был таким же требовательным, как и его предшественники; но ему не хватало твердости, с помощью которой некоторые из них препятствовали своим подданным вторгаться в королевские владения. При его слабом правлении значение знати и городов возросло. Упадок королевских прерогатив и возросшая власть подданных были одинаково фатальны для евреев. Горожане ненавидели их как орудия королевской алчности и незваных гостей в обществе, за свободу которого они сами дорого заплатили королю или верховному лорду. Их освобождение от муниципальных обязанностей и независимость от муниципальной власти раздражали их соотечественников. Постоянное вмешательство королевских чиновников в дела королевских крепостных было воспринято как нарушение привилегий. Эти претензии, достаточно обоснованные, усиливались религиозной враждой и той антипатией, которую английская, возможно, больше, чем какая-либо другая, *буржуазия* всегда проявляла к иностранцам. Изоляция еврея также усилила его непопулярность, и все эти причины, воздействуя на умы горожан, приводили к частым актам агрессии. Королям, как мы видели, всегда было трудно обуздать вседозволенность народа, каждая попытка репрессий, каждая мера предосторожности только усиливали неприязнь к тем, от имени кого предпринимались эти усилия. ◆1234 г.◆ При Генрихе III. гнев горожан вспыхивал снова и снова во многих городах, особенно в Норвиче, где еврейский квартал был разграблен и сожжен, а жители чудом избежали резни, и в Оксфорде, где город и гоун присоединились к делу опустошения и мародерства.

Враждебность городов разделяла мелкая знать, которая была в тяжелых обязательствах перед еврейскими ростовщиками, но, в отличие от своих состоятельных граждан, не имела средств заставить своих арендаторов заплатить за них долги. Крупные бароны играли по отношению к евреям в пределах своих владений ту же роль, что и король, только в меньшем масштабе. Они оказывали им свое покровительство, были спящими партнерами в их ростовщических сделках и при случае заставляли их отдавать нажитое нечестным путем. Эта роль была за пределами возможностей мелкой знати. Они были так далеки от того, чтобы делиться добычей ростовщичества, что сами стали одними из его худших жертв. Континентальные экспедиции короля вынудили их заложить свои поместья евреям, от когтей которых не спасались никто, кроме земель арендаторов королевских владений; и, если держатели залога боялись лично предъявить свои требования, они передавали облигации более могущественным дворянам, которые захватывали земли своих подчиненных и иногда отказывались расставаться с ними, даже когда должники предлагали выкупить их, выплатив долг с процентами.

В дополнение к этим личным мотивам, были политические причины для разжигания антиеврейского движения; общие интересы, которые связывали все враждебные элементы вместе. И лорды, и палата общин считали, что, если бы не наличные деньги евреев, Генрих не смог бы вести свои непопулярные войны за границей или проводить антиконституционную политику внутри страны и отдавать предпочтение провансальцам и другим иностранным фаворитам, которые так сильно возмущали его английских подданных. О том, что источник

власти короля бросать вызов общественному мнению был угадан правильно, свидетельствуют огромные суммы, которые Генрих в разное время вымогал у евреев; в 1230 году под предлогом того, что они обрезали и фальсифицировали монету королевства — очень распространенное преступление в те дни⁶⁶ — их заставили внести в королевскую казну треть своего движимого имущества. Операция была повторена в 1239 году. В 1241 году с них было взыскано 20 000 марок, а два года спустя 60 000 марок — сумма, равная всему годовому доходу короны, — только с Аарона Йоркского было взыскано свыше 4000 марок. В 1250 году новое притеснение по обвинению в подлоге потребовало 30 000 марок от того же несчастного миллионера, а с 1252 по 1255 год Генрих трижды грабил евреев с такой изощренной жестокостью, что вся раса в отчаянии дважды просила разрешения уехать из Англии. Но царь ответил: “Как я могу исправить притеснения, на которые ты жалуешься? Я сам нищий. Я избалован, меня лишили всех моих доходов”, — имея в виду попытку Совета обеспечить конституционное правление путем отказа от поставок. — “Я должен получать деньги из любых рук, с любой стороны и любыми средствами”. Затем он передал их Ричарду, графу Корнуолла, чтобы тот убедил их остаться, или, по словам Мэтью Пэриса, “чтобы те, с кого один брат содрал кожу, другой мог выпотрошить”. Тот же остроумный хронист сообщает нам, что эти грабежи не вызвали жалости к жертвам у христианских подданных Генриха, “потому что доказано и очевидно, что их постоянно уличают в подделке хартий, печатей и монет”, и в другом месте он описывает евреев как “знамение для народов, подобное Каину проклятому”.

Горожане и бароны в своей антиеврейской кампании нашли могущественных союзников среди высших сановников Церкви, у которых был двойной набор претензий к Израилю: практические претензии и претензии, порожденные религиозным фанатизмом. Папа Иннокентий III в соответствии со своим агрессивным автократизмом заявил о праве заполнять вакантные бенефиции по всему католическому миру. В Англии выборы на Кентерберийский престол привели к длительной борьбе между папой и королем, которая закончилась позорной капитуляцией Иоанна. ♦ 1207 г. ♦ Кардинал Лэнгтон, кандидатура и инструмент Иннокентия, став первосвященником, объединился с недовольной знатью Иоанна, и двое, действуя согласованно, сорвали запланированное вторжение непопулярного принца во Францию в 1213 году. Тот же архиепископ издал на своем провинциальном синоде указ, обязывающий евреев носить значок и запрещающий им содержать христианских слуг или строить новые синагоги. Он также отдавал приказы своей пастве, угрожая отлучить от церкви любого, кто вступит в сношения с врагами Христа, или продаст им предметы первой необходимости. К евреям следовало относиться как к расе, находящейся за пределами человечества. Примеру Лэнгтона последовали епископы, многие из которых приложили усилия как официально, так и неофициально, чтобы пресечь общение между евреями и христианами. Крестовый поход был продолжен и после смерти Лэнгтона. В одно время архиепископ Кентерберийский требует сноса еврейских синагог, в другое время он призывает светскую власть не допустить возврата обращенных евреев к неверности; в третий раз он пишет королеве, упрекая ее в деловых сделках с евреями и угрожая королевской особе вечным проклятием. Точно так же епископы снова и снова грозят отлучением от церкви всем истинно верующим, которые должны присутствовать на еврейской свадьбе или принять еврейское гостеприимство.

Эти нападки Церкви наносили ущерб финансовым интересам короля, и во времена несовершеннолетия Генриха III они встретили энергичное противодействие со стороны его опекунов. Когда молодой король принял на себя обязанности правительства, он оказался в трудном положении: его интересы вынуждали его защищать евреев, в то время как его верность

Церкви запрещала ему игнорировать приказы ее министров. ♦ 1222 г. ♦ Он пошел на компромисс, разрешив использование значка и в ♦ 1233 г. ♦ построив дом для приема новообращенных евреев (*Domus Conversorum*), с одной стороны, в то время как, с другой, он защищал, в меру своих возможностей, преследуемых людей от последствий церковного и народного гнева.

Война, объявленная папством против евреев по религиозным принципам, была продолжена по соображениям практической необходимости. Из-за огромных денежных трат, вызванных отчасти архитектурной экстравагантностью того времени, отчасти почти столь же экстравагантным гостеприимством, отчасти требовательностью королей и пап, а отчасти плохим управлением, поместья Церкви в Англии в XII веке начали покрываться долгами, и ссуды часто выдавались под разорительные проценты.

Типичный случай сохранился для нас в современной хронике Джослина Бракелонда, норманнско-английского монаха из Бери-Сент-Эдмундса. На своей ломаной собачьей латыни добрый брат рассказывает историю бедственного положения своего монастыря: как при слабом правлении старого аббата Хьюго финансы пришли в замешательство, как дефицит следовал по пятам за дефицитом, а долг добавлялся к долгу, пока не осталось свободных денег, чтобы уберечь дом от дождя. Старый аббат приказал ризничему Уильяму отремонтировать комнату, которая пришла в упадок; но поскольку приказ не сопровождался средствами для его выполнения, брат Уильям был бы рад обратиться к еврею Бенедикту за ссудой в сорок марок. Комнату отремонтировали, дождя не было, но кредитор требовал свои деньги. Из-за отсутствия наличных сумма первоначального займа быстро росла под сложные проценты, и сорок марок были увеличены до ста фунтов. Затем еврей пришел к аббату со своими счетами и потребовал, чтобы ему вернули не только эти сто фунтов, но и еще сто фунтов, которые аббат задолжал ему по своему личному счету. Старый Хьюго, ничего не соображая, пытается заставить еврея замолчать, предоставляя ему залог на четыреста фунтов, который должен быть выплачен по истечении четырех лет. Еврей уходит довольный, только для того, чтобы снова появиться по истечении срока. Во время своего второго визита он, конечно, застал аббата таким же нищим, как и в первый, и вытянул из него залог на восемьсот восемьдесят фунтов, подлежащий выплате в течение одиннадцати лет ежегодными платежами по восемьдесят фунтов. Более того, теперь он предъявил другие требования, различные суммы, одолженные четырнадцать лет назад, так что весь долг составил тысячу двести фунтов, не считая процентов. Этот вопрос оставался нерешенным до тех пор, пока старину Хьюго не призвали в мир, где нет ни заимствований, ни ссуд под сложные проценты, а только справедливая оплата долгов.

Старый аббат Хьюго мертв, и молодой аббат Самсон унаследовал свои почести и недостатки. Первой заботой Самсона было освободить дом из когтей ненасытного Бенедикта и других еврейских и христианских гарпий, и он сделал это в манере, характерной для того времени. Примерно за четыре года он расплатился с долгами монастыря, но в то же время получил от короля разрешение отомстить евреям. Королевский подстрекатель к тому, что последовало за этим, не обращал внимания на тот факт, что сам он был больше, чем соучастником поборов ростовщика. В тот самый момент огромные суммы вымогались для королевских целей у еврейских общин, которые находились в таком же постоянном долгу перед короной, как и другие перед ними. Тем не менее, евреи были изгнаны из Вольностей Бери-Сент-Эдмундса

вооруженными людьми, и им было запрещено возвращаться туда под страхом сурового наказания; в то время как приговор об отлучении от церкви был вынесен любому, кто был бы найден укрывающим их. Таково было состояние английского монастыря к концу XII века.

Дела шли все хуже и хуже, пока в XIII веке, как нам говорят, “едва ли кто-нибудь в Англии, особенно епископ, не попал в сети ростовщиков”. Мы слышим об архиепископских зданиях и монастырях, приходящих в упадок из-за нехватки средств, и о церквях, которые не могли позволить себе священнослужителей; о епископе, добивающемся вмешательства короля, чтобы получить отсрочку по выплате своих долгов евреям, и о приоре, просящем разрешения сдать одну из его церквей в аренду в качестве общего здания на пять лет, чтобы погасить часть долга; о другом епископе, передающем в залог дощечку своего собора, и о аббате, передающем в залог кости святого покровителя своего аббатства; и мы даже читаем об архиепископе, проявляющем свое рвение в отношении евреев. за жестокое сокращение количества блюд, которые доброму настоятелю Гластонберийского монастыря могли быть поданы в его личную комнату.

В то же время древнее суеверие относительно ростовщичества укрепилось в Англии, как и на Континенте, усердными проповедями францисканских и доминиканских монахов не в меньшей степени, чем экономическим бедствием должников. Это правда, что эта практика распространялась не только на евреев. Помимо английских ростовщиков, итальянские банкиры Милана, Флоренции, Лукки, Пизы, Рима и других городов протянули свои щупальца по Европе. Во Франции их позиция была подтверждена дипломатическим соглашением с Филиппом III. В Англии итальянские ростовщики рыскали по стране, собирая налоги для папы римского и ссужая деньги за свой счет под непомерные проценты. Как евреи давали займы под королевским покровительством, так и эти лангобарды давали займы под папским покровительством. Поборы первых не подлежали никакому суду; вторые имели обыкновение, по словам хрониста, “прикрывать свое ростовщичество демонстрацией торговли” и, таким образом, вели свой бизнес в формах, не запрещенных каноническим правом, — даже если предположить, что церковные суды озаботились бы или посмели осудить агентов папы. По отношению к итальянским ростовщикам крупные бароны оказывали такую же защиту, как и евреям, и по сходным причинам; но мелкая знать и мелкопоместное дворянство, духовенство и низшие слои мирян люто ненавидели их. Один из этих ростовщиков, брат личного папского легата, был убит в Оксфорде, в то время как в Лондоне епископ Роджер торжественно предал анафеме весь класс. Генрих III. в конце концов, он был католиком и королем. Страдания его подданных побудили его изгнать кагорсинов из своего королевства, и, если бы не его хроническая безденежье, он мог бы принять аналогичные меры против евреев. Как бы то ни было, несмотря на свои религиозные убеждения, он не мог позволить себе потерять богатый доход, который все еще получал от них.

В то время как шум против еврейских ростовщиков набирал силу из-за фанатизма, бедности и политики, евреи быстро теряли средства, которые до сих пор позволяли им обеспечивать себе неадекватную защиту со стороны короля и его крупных баронов. В начале XIII века купцы Ломбардии и Южной Франции, как было показано, начали конкурировать с еврейскими ростовщиками. Но за потерей монополии, которой евреи долгое время пользовались, в Англии последовали еще большие потери. ♦ 1257-1267гг. ♦ Во время гражданских войн ряды недовольных пополнились разного рода головорезами, одних подтолкнуло к восстанию недовольство, других привлекла надежда на добычу; и политикой мятежных баронов было

позволить всем этим беспорядочным элементам напасть на друзей и сторонников короля. Королевские владения были безжалостно разорены, а затем ярость революционеров, которые насчитывали среди своих союзников как мирян, так и клерикальную чернь, была направлена против *ставленников короля*. Каждый успех народной партии над королем должным образом отмечался резней его еврейских крепостных и разрушением их жилищ. Жажда грабежа и опустошения еще больше подогревалась суевериями, и на Пасху 1263 года евреи были раздеты догола и забиты на мясорубке в Лондонском сити. Это было прологом к долгой трагедии, которая продолжалась на протяжении всего того тревожного периода. Грабеж лондонских евреев повторился, и еврейства Кентербери, Нортгемптона, Винчестера, Вустера, Линкольна и Кембриджа подверглись нападению, разграблению и уничтожению. Многие представители этой несчастной расы были истреблены, в то время как одни спаслись крещением, а другие - непомерным выкупом. Документы и облигации были сожжены, и, таким образом, евреи были лишены единственного оплота, который стоял между ними и уничтожением; настолько, что в последний год правления Генриха III их вклад в доход короны упал с 5000 фунтов стерлингов до 2000 марок.

Генрих III. умер в 1272 году, и королем был провозглашен Эдуард I. Эдуард как предполагаемый наследник отличился своим благочестием не меньше, чем доблестью и общественным духом, и на момент своего восшествия на престол он фактически сражался с неверными в Святой Земле. Его преданность Церкви настроила его против евреев как против “врагов Христа”, так и против ростовщиков. Его скрупулезное соблюдение интересов своих подданных было рассчитано на углубление этого предубеждения. Политическим идеалом Эдуарда было гармоничное сотрудничество и вклад всех классов в благосостояние государства. Еврейство в том виде, в каком оно было создано при его предшественниках, представляло собой аномалию и скандал. Ограничительные меры против евреев уже были приняты и создали прецедент для дальнейших разбирательств в том же направлении. Одной из таких мер был статут 1270 года, который запрещал евреям приобретать дома в Лондоне в дополнение к тем, которыми они уже владели, пользоваться правом собственности, каким бы оно ни было, получать арендную плату в качестве обеспечения и обязывал их возвращать христианским должникам или другим христианам земли, которые они уже захватили, при выплате основной суммы без процентов. Петиция, которую предпочли жертвы этого Акта, о предоставлении всех привилегий, сопровождавших владение землей при феодальной системе, а именно опеки над несовершеннолетними, права выдавать подопечных замуж и дарения средств к существованию, вызвала возмущенный протест епископов, которые выразили свои возмущенные чувства языком, которому не хватало ни ясности, ни силы. “Вероломным евреям” напомнили, что их пребывание в Англии было полностью обусловлено милостью короля — чувство, с которым принц Эдуард был полностью согласен. ♦ 1274г. ♦ По возвращении из Палестины он возобновил работу по административной реформе, которую начал как предполагаемый наследник.

Несмотря на статут 1270 года, он обнаружил, что евреи все еще поглощены единственным занятием, которым они занимались веками под давлением необходимости и с санкции обычаев и королевского покровительства. Религиозная чувствительность паломника, только что прибывшего из Святой Земли, действуя на основе политической озабоченности государственного деятеля, искренне желающего исполнить свой долг перед своими подданными, вынудила его к новым мерам ограничения. Более того, соображения личной заинтересованности, которые влияли на его предшественников, в значительной степени

утратили свою силу. Безжалостная алчность Иоанна и Генриха III подорвала основы еврейского процветания; еще более безжалостная жестокость баронов привела к их разорению; и в то время как благосостояние евреев уменьшалось, благосостояние их итальянских соперников росло; таким образом, евреи, нечестивый и непопулярный класс в лучшие времена, теперь также стали ненужным. Примерно в то же время Церковь возобновила кампанию против ростовщиков. ♦1274 г. ♦ Папа Григорий X декретом, принятым на Лионском соборе, призвал князей христианского мира удвоить усилия по пресечению проклятой торговли. Эдвард поспешил исполнить приказ Церкви. Операции флорентийских банкиров в Англии были подвергнуты расследованию и ограничению по его приказу, а затем он выступил против евреев.

Перед ним были открыты два пути: либо отвернуться от еврейских ростовщиков, либо заставить их отказаться от греховной практики. Он был слишком гуманен, чтобы избрать первый курс, поскольку лишение королевской защиты стало бы сигналом к немедленному нападению со стороны народа. Насколько реальной была эта опасность, можно судить по тому факту, что в 1275 году евреи были изгнаны из Кембриджа по наущению собственной матери Эдуарда. ♦ 1275г. ♦ Поэтому он выбрал последнюю альтернативу и издал общий и суровый запрет на ростовщичество, сопровождаемый разрешением евреям заниматься торговлей и промышленностью или сельским хозяйством. Евреев попросили в любой момент изменить образ жизни, который стал для них второй натурой и которому их поощряли — можно даже сказать, принуждали — следовать в Англии в течение двух столетий. Трудности запрета усугублялись невозможностью извлечь выгоду из разрешения. До тех пор, пока еврей подвергался насилию со стороны своих соседей, он вряд ли мог заниматься каким-либо занятием, связанным с владением крупногабаритными товарами. Драгоценности и облигации были единственными видами движимого имущества, которое можно было легко обезопасить от нападения. Как заметил писатель, которого вряд ли можно обвинить в чрезмерном пристрастии к евреям: “Древний дом в Линкольне, по-видимому, предполагает своим планом и устройством, что жители были готовы выдержать осаду, и люди, жившие в таких условиях, вряд ли могли отважиться заниматься обычными делами”.⁶⁷ Но были и более конкретные причины, объясняющие неспособность евреев подчиниться указу Эдуарда. Еврей не мог стать торговцем, потому что торговец должен быть членом Гильдии; как правило, никто не мог вступить в Гильдию, если не был гражданином; а закон запрещал евреям становиться гражданами. Но, даже если бы закон разрешал это, евреи не могли, не нарушая своей религии, участвовать в пирах и церемониях Гильдий. Ремесла также не были более доступны евреям; ибо большинство из них находилось в руках закрытых корпораций, в которые презираемому еврею было нелегко попасть. Более того, требовалось многолетнее ученичество, а для ученичества требовалось проживание в доме мастера. Теперь Церковь запрещала христианам под страхом отлучения от церкви принимать евреев в своих домах, и, следовательно, еврейский мальчик, даже если были преодолены предрассудки его собственных родителей и щепетильность синагоги, не мог стать учеником христианина. О сельском хозяйстве также не могло быть и речи, потому что, даже если бы землевладельцы захотели его получить, евреи, которым религия запрещала приносить присягу на верность, не могли стать вилланами. Народная ненависть к евреям делала профессию корабейника или разносчика столь же опасной. Его семитское лицо и бросающийся в глаза желтый значок, который он был вынужден носить с семилетнего возраста, сделали бы его мишенью для оскорблений и нападений на каждой дороге и на каждой ярмарке в стране.

Таким образом, еврей, прожив в Англии двести лет, обнаружил, что работает со всеми недостатками иностранца, и единственное занятие, оставшееся для него открытым, — это то, которым разрешалось заниматься иностранным купцам, а именно экспортная торговля шерстью и зерном; но для этого занятия, в лучшем случае ограниченного, требовался большой капитал, и, следовательно, после недавних страданий расы немногие могли найти в нем прибыль. По всем этим причинам альтернатива Эдуарда оставалась мертвой буквой, и, поскольку евреи не могли позволить себе умереть с голоду, ростовщичество продолжало процветать, и вторая ошибка оказалась хуже первой. Болезнь была слишком сложной, чтобы ее можно было вылечить простым средством Эдварда. Возможно, ее поощряла безнаказанность; она определенно усугублялась жестокостью. Ростовщики, вышедшие из-под официального надзора, перешли все границы вымогательства: за риск разоблачения приходилось платить. Спрос на ссуды возрастал по мере сокращения предложения, процентная ставка росла, и, поскольку сделки приходилось держать в секрете, прибегали ко всевозможным уловкам: выдавалась облигация на сумму, кратную фактически полученной сумме, а проценты часто фигурировали под эвфемизмом "подарка" или "компенсации за просрочку", или, если ростовщик сочетал торговлю товарами с торговлей деньгами, проценты выплачивались натурой. Было вопреки здравому смыслу и человеческому опыту ожидать, что королевский закон возобладает над тем, что на самом деле было неизбежной необходимостью, и последовавшие за этим злоупотребления были лишь такими, какие можно было ожидать в обществе, где заемщиков было много и они нуждались, кредиторов было мало и они были жадными, и два класса были вынуждены иметь дело друг с другом по сильнейшему из мотивов — мотиву самосохранения.

Но даже подпольное ростовщичество требовало капитала, и более бедные евреи, лишенные промышленных навыков или юридического статуса, презираемые народом, осуждаемые духовенством, беспомощные, безнадёжные и беспринципные, занимались разбоем на большой дороге, кражами со взломом, кражей монет или крещением. Предпоследний источник дохода, который, как уже отмечалось, обеспечивал одно из самых распространенных обвинений, выдвигаемых против евреев, заставил Эдварда нанести решительный и быстрый удар. Его суровость была пропорциональна масштабам зла. Обесценивание валюты из-за распространения подделок привело к тревожному росту цен на товары; иностранные торговцы покинули страну, и торговля впала в стагнацию. Большая доля вины, как правило, и не безосновательно, возлагалась на евреев. За одну ночь все евреи в стране были брошены в тюрьму, их жилища подверглись обыску, а имущество конфисковано. Эдуард, стремясь наказать только виновных, издал эдикт, в котором предостерегал своих подданных-христиан от ложных обвинений, которые легко могли быть состряпаны людьми, стремящимися удовлетворить свой религиозный фанатизм, личную злобу или алчность. Расследование привело к осуждению многих евреев и христиан. Из последних трое были приговорены к смертной казни, а остальные — к штрафам. Но к евреям не было проявлено милосердия. Двести восемьдесят из них были повешены, казнены и четвертованы только в Лондоне, а все дома, земли и имущество в огромном количестве были конфискованы. Очень немногие нашли убежище в обращении и получили часть денег, вырученных от конфискации имущества их братьев.

Такое плачевное положение вещей убедило Эдуарда в тщетности его политики. Другие причины усилили его гнев против евреев. В первый год его правления монах-доминиканец принял иудаизм, чуть позже еврей был сожжен за богохульство в Норвиче, а в 1278 году еврейка

в Ноттингеме вызвала большое волнение, оскорбив в злобных выражениях христиан на рыночной площади; и все это несмотря на заявление короля о том, что богохульство против Христа, Девы Марии или католической веры должно караться потерей жизни или конечностей и не менее суровыми наказаниями, которые Церковь берегает для отступников. ♦ 1281 г. ♦ Теперь парламент призвал к изгнанию евреев. Эдуард, несмотря на присущую ему умеренность, не мог бросить вызов общественному мнению. Прецедент его наставника, храброго и мудрого барона Симона де Монфора, также указывал в том же направлении. ♦ Около 1253 г. ♦ Последний изгнал евреев из Лестера и дал горожанам торжественное обещание, что они никогда не вернуться.⁶⁸ Этот пример не мог не оказать влияния на Эдуарда, а его собственное ментальное отношение было слишком ортодоксальным, чтобы сделать его невосприимчивым к подавляющим предрассудкам того времени. Он пытался примирить долг с человечностью, но потерпел неудачу. Ни христиане не желали принимать евреев среди себя, ни евреи не приняли бы такого приглашения. Пока они оставались в Англии, взаимная антипатия и взаимный фанатизм препятствовали объединению, и поэтому при феодальной системе единственным призванием, которым евреи могли заниматься в христианской стране, была бы греховная торговля деньгами. Поскольку евреев нельзя было улучшить, их следовало убрать.

Пока Эдуард медленно приходил к единственному неизбежному выводу, в конце 1286 года в Англию прибыла Булла папы Гонория IV, адресованная архиепископам и епископам. После длинного перечисления знакомых обвинений, выдвинутых против евреев — их послушание “злой и лживой книге, называемой Талмуд, содержащей многочисленные мерзости, ложь, ереси и злоупотребления”; их соращение братьев, уличенных в неверии, и развращение христиан; их безнравственность, преступные сношения с христианами и другие “ужасные деяния, совершенные к позору нашего Создателя и в ущерб католической вере” — Гонорий приказал епископам усилить свои “духовные и мирские наказания” против “неверующих”. проклятые и вероломные” люди. ♦ 1287 г. ♦ В результате этого мандата синод в Эксетере принимает постановления, еще больше ограничивающие свободу действий евреев в вопросах одежды и поведения. Апостольское послание ускорило принятие Эдвардом решения. Также вероятно, что король накануне своей борьбы с Шотландией и Францией считал благоразумным примирить своих английских подданных, уступив их требованию изгнать ненавистный народ.

18 июля 1290 года был издан указ, предписывающий всем евреям покинуть Англию до праздника Всех Святых, причем смертный приговор был вынесен любому, кто задержится в стране после установленной даты.

Суровость этой меры была несколько смягчена искренним стремлением короля избавить изгнанников от беспричинных оскорблений и увечий. Офицерам, ответственным за исполнение указа, было приказано обеспечить безопасное прибытие евреев на побережье и их посадку на борт. Им было разрешено забрать все имущество, находившееся в их распоряжении в то время, вместе с любыми залогами, которые не были погашены должниками-христианами до определенного дня. В качестве дополнительного стимула к уплате долгов последним было дано понять, что, если они не выплатят евреям часть суммы перед своим отъездом, они останутся должниками перед Казной на всю сумму. Нескольким евреям, лично известным и пользующимся благосклонностью при дворе, было даже разрешено продавать свою недвижимость любому христианину, который пожелал бы ее купить. Одним словом, все, что можно было сделать, чтобы облегчить страдания изгнанников, было предложено Эдвардом.

Осень прошла в спешных приготовлениях. Те, у кого были деньги под проценты, поспешили забрать их, а те, у кого было имущество, слишком громоздкое для транспортировки, поспешили расстаться с ним за то, что оно даст. Легко представить, какие огромные потери, должно быть, нанесла несчастным евреям эта принудительная ликвидация. Их товары продавались по таким ценам, какие можно было ожидать, учитывая срочность дела и знание того, что все, от чего нельзя избавиться, придется оставить. Их дома, синагоги и кладбища перешли в руки короля, который распределил их между своими фаворитами. Их облигации и закладные также были присвоены Королевским казначейством; но долги были взысканы не полностью, а оставшаяся часть после многолетней задержки была, наконец, переведена Эдуардом III.

По мере приближения рокового дня можно было видеть эмигрантов, всего шестнадцать тысяч человек, мужчин, женщин и детей, спешащих из разных частей Англии к побережью, некоторые верхом, большинство тащатся, угрюмые и усталые, по грязным дорогам, мужчины со своим скудным багажом на плечах, женщины с младенцами на руках. Так они отправились в свое последнее путешествие по английской земле, под унылым небом английского октября, вызывая скорее презрение, чем жалость у людей, среди которых они прожили более двухсот лет. Биограф короля с большим ликованием рассказывает, как “вероломная и неверующая орда была изгнана за один день из Англии в изгнание”, а английский парламент, который девять лет назад требовал изгнания неверующих, теперь выразил благодарность нации за исполнение их желания, проголосовав десятым и пятнадцатым голосом за короля. Но если англичане были рады избавиться от евреев, то евреи не жалели об уходе. Это было всего лишь то, что они уже просили позволить им сделать. Хотя они родились и выросли среди англичан, они даже не говорили на их языке. Они говорили на языке норманнов, которые привезли их в Англию для своих собственных целей и изгнали их, когда эти цели больше не выполнялись. В день своего отъезда они были такими же чужаками на этой земле, какими были их отцы в день их прибытия, целых два столетия назад. Их пребывание в Англии было всего лишь эпизодом в их долгой карьере, полной скорби и испытаний, лишь временной остановкой в утомительном паломничестве, которое началось в Сионе и должно было закончиться в Сионе.

И их последние переживания не были такими, чтобы смягчить их чувства к земле, которую они покидали. Несмотря на милостивое отношение короля, не было недостатка в возможностях выразить иначе, чем взглядами и словами, горькую ненависть, питаемую к эмигрантам. Старые хронисты передали нам случай, который можно с уверенностью рассматривать лишь как крайний образец жестоких воспоминаний, которые дети Израиля увезли с собой из Англии. В День Святого Дениса лондонские евреи отправились к морскому побережью и сели на корабль в устье Темзы. Капитан бросил якорь во время отлива, так что его судно выбросило на песок. После этого он попросил пассажиров сойти на берег, пока оно снова не окажется на плаву. Они повиновались, и он отвел их подальше, так что, когда они вернулись на берег реки, был полный прилив. Затем он бросился в воду, с помощью веревки втащил себя на борт и передал несчастных евреев Моисею за помощью. Многие из них пытались последовать за ним, но при попытке погибли, и капитан разделил их имущество со своей командой. Хронисты добавляют, что впоследствии капитану корабля и его матросам было предъявлено обвинение в убийстве и они были повешены. Подобные преступления в виде грабежей и убийств были совершены и жителями портов Чинкве, но наказание преступников принесло мало утешения жертвам.

Море оказалось таким же жестоким к евреям, как и суша. Свирепые штормы бушевали в Ла-Манше, многие корабли потерпели крушение, а многие изгнанники были ограблены и утоплены капитанами или выброшены голыми на побережье Франции. Те, кто избежал кораблекрушения и убийств, достигли берега, к которому стремились, только для того, чтобы обнаружить его таким же негостеприимным, как и тот, от которого они бежали. Декрет парламента де ла Шанделер, изданный в соответствии с пожеланиями папы римского, предписывал всем еврейским беженцам из Англии покинуть королевство к середине следующего Великого поста. Некоторые из них, благодаря своему французскому языку, возможно, избежали разоблачения и остались во Франции, разделяя уже описанное обращение со своими единоверцами; другая группа, в основном бедняки, нашла убежище во Фландрии; но большинство присоединилось к своим братьям в Испании, куда мы последуем за ними.

ГЛАВА X ЕВРЕИ В ИСПАНИИ

Как мы видели в предыдущей главе, участь испанских евреев под властью мусульман была в высшей степени завидной. Их положение в христианских частях Пиренейского полуострова было менее благополучным. Мы обнаруживаем там действие двух сил, одна из которых благоприятствует детям Израиля, а другая - прямо противоположна. Народ и Церковь были недоброжелательно настроены по отношению к ним; князья и знать защищали их. Таким образом, их история отмечена превратностями конфликта между этими двумя силами, и их окончательная судьба должна была быть определена результатом этого конфликта. То, что они будут поддержаны христианскими князьями, было только тем, чего можно было ожидать. В Испании они были облагаемы, помимо прочего, налогом на домашний очаг, налогом на коронацию, налогом на различные виды их собственной пищи и налогом на королевский обед. В Португалии, при Санчо II, они должны были платить, помимо прочего, налог на флот и были обязаны поставлять новые якоря и тросы на каждое судно, построенное для королевской морской пехоты. С другой стороны, они пользовались значительной степенью общинной автономии, разрешали свои споры в своем собственном бет-дине, или религиозном суде, и даже выносили смертные приговоры виновным по их собственным убеждениям. Несмотря на многочисленные ограничения в занятии определенными профессиями и ремеслами, им часто удавалось обойти закон, который в прежние времена не соблюдался строго, и заниматься самыми разными занятиями. Они торговали зерном, скотом, шелком, специями, древесиной и рабами. Они были ювелирами, механиками, коробейниками и ростовщиками. Торговля тканями и шерстью, как отечественными, так и зарубежными, находилась в основном в их руках; но они воздерживались от производства ткани, отчасти из-за запретительного законодательства государства, как это было на Майорке в четырнадцатом веке, а отчасти в соответствии с Талмудом, который осуждал ткачество как аморальное занятие, поскольку оно, как правило, способствовало нежелательному сближению полов. Многие представители высших классов нашли столь же или более прибыльную работу в качестве врачей, клерков казначейства и государственных чиновников.

Тогда в Испании сформировался тот высший тип еврея, который заставил даже христиан забыть о своем презрении к этой расе. Вестготское законодательство на практике игнорировалось, и евреев перестали систематически попираť. ♦ 1061-1073♦ Папа Александр II, коадъютор и непосредственный предшественник Григория Гильдебранда, в указе, направленном всем епископам Испании, проводит различие между сарацинами и евреями, причем последние описываются как заслуживающие терпимости из-за “их готовности служить”. Некоторые муниципалитеты относились к ним наравне с христианами, и как в Арагоне, так и в Кастилии евреям было разрешено выступать в качестве судей. Христианские князья обнаружили в них некоторые качества, вызывавшие их уважение к арабам, и они охотно воспользовались бы их светом. Они нанимали еврейских врачей, еврейских финансистов и еврейских учителей. ♦1085♦ Альфонсо VI. король Кастилии дипломатическим путем начал освобождение Испании, которое должно было завершиться военной доблестью его преемников. На этой начальной стадии движения, несмотря на гонения, объявленные против “врагов Христа” папой Григорием VII, кастильский король нанял проникательных и многоязычных евреев, в частности своего личного врача Исаака Ибн Шалбиба, и после завоевания Толедо он подтвердил евреям этого города все свободы, которыми они пользовались при мусульманских правителях. Тогда Альфонсо, решивший напасть на сарацинского короля Севильи, которого он использовал как орудие при взятии Толедо, счел необходимым уведомить своего бывшего союзника об изменении своей политики и объявить ему неповиновение. Эта деликатная задача была возложена на Ибн Шалбиба, которого сопровождали пятьсот христианских рыцарей. Еврейский дипломат выполнил инструкции своего господина так тщательно и так смело, что мусульманский принц в ярости забыл о неприкосновенности статуса посла и прибил несчастного посланника к виселице.

Сравнительная свобода, которой пользовались испанские евреи под покровительством королей, принесла с собой богатство. Испанские синагоги славились по всей Европе своей красотой, и частные жилища испанских евреев были не менее известны своим великолепием. Испанские евреи, как и их собратья в других странах, придавали большое значение социальным различиям и умели сочетать экстравагантность с экономией. Величественные имена и дорогие экипировки христианской знати были скопированы ими, не слишком мудро, но слишком хорошо. Их чрезмерная демонстрация богатства в домашнем убранстве и личной одежде вызывала зависть, а королевское покровительство - зависть их соседей. Эти чувства, усиленные религиозной антипатией, создали запас предрассудков, которые только и ждали подходящего случая, чтобы превратиться в активную враждебность. Те же причины, которые привели к вспышке антииудаизма в других странах, действовали и в Испании. Во-первых, дух крестоносцев, который, хотя и не привел к немедленной резне в Испании, как это произошло в Центральной Европе, дольше сохранялся благодаря неугасимой вражде испанцев к двоюродному брату еврея, сарацинскому захватчику, вторжению которого, следует помнить, евреи способствовали или, во всяком случае, приветствовали. Во-вторых, ненависть к ереси, которая, поощряемая монашескими орденами, нашла в Испании более плодородную почву, чем в любой другой христианской стране. Это влияние на Пиренейском полуострове было настолько сильным и настойчивым, что королям, благоволившим евреям, часто приходилось смягчать общественное раздражение и спасать своих *протеже* от вспышек народного фанатизма, отделяя их от христиан. Уже в одиннадцатом веке мы слышим о “еврейском барьере”, воздвигнутом в Туделе. Это разделение также одобрялось Церковью, хотя и по совершенно иным мотивам. ♦1079♦ В Койаке, в Астурии, Совет постановил, что ни один

христианин не должен проживать в одном доме с евреями или принимать их пищу. Лица, уличенные в нарушении этого канона, приговаривались, если они были дворянами, к годичному отлучению от церкви, а лица более низкой степени - к ста ударам плетью. Таким образом, нормальная изоляция Израиля поощрялась двумя державами, которые, действуя с противоположными намерениями, пришли к одному и тому же опасному результату. Но только в конце XIII века нарастающая вражда достигла апогея и проявилась в более методичных усилиях по сегрегации и унижению, обращению в другую веру или искоренению.

♦1212♦

Между тем скрытое течение предрассудков было остановлено действиями королей. Когда, например, крестоносцы из-за Пиренеев, с поличным пострадавшие от резни альбигойцев, прибыли в Испанию в качестве союзников в войне против мусульман и начали работу по истреблению неверных, напав на евреев Толедо, король Альфонсо IX. отражал удары, а неверно направленное рвение иностранных фанатиков было осуждено даже населением Кастилии.

♦1215 г. ♦ Когда, опять же, Иннокентий III. на Четвертом Латеранском соборе евреи были отмечены специальным значком, и евреям Испании, благодаря своему влиянию при Дворе, удалось избежать последствий этого указа. Король Альфонсо потворствовал их неповиновению, и тщетными были неустанные усилия преемника Иннокентия, Гонория III, добиться соблюдения еврейских ограничений. ♦ 1220г. ♦ Подобный иммунитет от позорных постановлений престола Святого Петра был обеспечен евреям Арагона благодаря усилиям врача короля Джейма I. ♦ 1248 г. ♦ Через несколько лет после этого король Фердинанд выделил еврейской общине Севильи три прихода и окружил их стеной для их защиты. Внутри этого ограждения находились биржи, рынки, бойни, синагоги и суды евреев, в то время как их кладбище располагалось на соседнем поле.

♦1252-84♦

Но как долго Суд сможет сохранять свою иудеофильскую позицию в условиях растущей враждебности по отношению к расе? Альфонсо X, прозванный Мудрым, нанимал евреев на должности камергеров и канцлеров казначейства, а также для составления своих знаменитых астрономических таблиц. ♦ 1261 г. ♦ Но тот же король был вынужден бросить подачку Церберу, постановив, что “евреи не могут расширять, возвышать или украшать свои синагоги”. Другой закон Альфонсо содержал следующее злое заявление: “Хотя евреи отрицают Христа, их по-прежнему терпят во всех христианских странах, чтобы они напоминали всем, что они принадлежат к той расе, которая распяла Иисуса”. Во время этого правления обращение христианина в иудаизм каралось смертью. Ни один еврей не должен был занимать никаких государственных должностей. Ношение значка стало обязательным, и любой, кого видели без него, если он был богат, подвергался штрафу; если беден, бичеванию. Общение между евреями и христианами было объявлено наказуемым преступлением. Евреи не должны появляться за границей в Страстную пятницу. Хотя Альфонсо сам был в руках врача-еврея, он постановил, что ни один христианин не должен принимать лекарства, приготовленные евреями. Эти ограничения, однако, были смягчены мерами по защите религии, личности и собственности евреев; и по-настоящему они активизировались гораздо позже.

♦1263♦

Два года спустя в Барселоне при содействии Джейме I. произошел знаменитый диспут между доминиканцем Пабло Кристиани и раввином Нахманидисом, который привел к изгнанию последнего и изъятию Талмуда.⁶⁹

Тем временем глупые и зловещие басни, вызвавшие преследование евреев в Англии и других местах, пользовались доверием и в Испании. Но если благочестивых приводили в ярость эти истории, то менее глупые люди находили достаточную пищу для своей злобы в более обоснованных обвинениях в жадности, постоянно выдвигаемых против еврейских ростовщиков; в то время как святое негодование других возбуждалось случайным зрелищем христианских прозелитов, ищущих в объятиях синагоги духовного успокоения, которого они не могли найти в Церкви; или зрелищем, еще менее поучительным, христианских аристократов, ищущих в объятиях еврейской невесты средства для восстановления своих потускневших гербов. Все эти жалобы, усердно лелеемые фанатичными священнослужителями и громко озвучиваемые несостоятельными должниками, достигли кульминации в жестоких нападках на “проклятый народ” в четырнадцатом веке. Еврейские колонии неоднократно подвергались разграблению и сожжению, а заключенных убивали без пощады, невзирая на пол и возраст. ♦Около 1330 г.♦ В результате одного такого нападения в королевстве Наварра погибло не менее десяти тысяч израильтян.

Но время для всеобщего преследования Израиля в Испании еще не пришло. Демон ненависти к евреям, если и был раздражен, то также был обуздан королевской милостью. ♦ 1325-1350 гг. ♦ Альфонсо XI. навлек на себя гнев благочестивых христиан, наняв еврейских министров в свою казну. При этом принце испанские евреи действительно наслаждались тем, что некоторые авторы называют их Золотым веком. Они были могущественны при дворе и не менее влиятельны среди высшей знати, многие кастильские магнаты нанимали их в качестве судебных приставов и советников. Их богатство и власть устроили клерикальный и народный фанатизм и внушили благоговейный страх алчным наклонностям безденежных идалго. ♦1350-1369 ♦ Это процветание продолжалось при преемнике Альфонсо, доне Педро, или Петре Жестоком. Сообщается, что Сэмюэль Леви, казначей короля и его жертва, оставил после себя королевское состояние в 400 000 дукатов - богатство, которое доказало его гибель.

♦1333–1379♦

Королевская милость не ограничивалась одним классом евреев, так же как полезность евреев не ограничивалась одной сферой деятельности. Генрих II Кастильский, сводный брат дона Педро, и другие иберийские монархи использовали таланты евреев в различных областях. Благодаря своей переписке со своими братьями по всей Европе и Востоку евреи были лучшими посредниками в коммерческих и политических переговорах. Их астрономические познания, а также умение составлять карты и мастерить навигационные инструменты рекомендовали их принцам, стремившимся извлечь выгоду из исследования новых земель. Еврейские лоцманы и штурманы, должно быть, пользовались большим спросом, поскольку впоследствии они помогали Васко да Гаме в его путешествиях; в то время как еврейские капиталисты и авантюристы участвовали во многих великих трансатлантических экспедициях более поздних времен. ♦ 1334 г.♦ Хайм III, последний король Мальорки, описывает Юсефа Фагина, еврея из Барселоны, как человека, который “объездил весь известный тогда мир”; в то время как более старый маршрут Бенджамина Тудельского имеет всемирную известность. ♦ 1404-1454 гг. ♦ Иоанн II из Кастилия в последующем столетии даже обратилась за помощью к евреям в

составлении национального *Кансионеро*, поскольку евреи в христианской, как и в мусульманской, Испании достигли высокого положения как трубадуры. Один из них, Сантоб де Каррион, процветавший в Кастилии в четырнадцатом веке, выпустил Испанскую книгу сентенций, которая благодаря своей очаровательной оригинальности сохранила свою популярность далеко в пятнадцатом веке. Не менее важен вклад иберийских евреев в народную драму.

Давнее отвращение евреев к языку Тита, разрушителя Храма, частично исчезло и в Испании, и многие еврейские политики использовали латынь в дипломатической переписке, которую они вели для своих христианских хозяев, в то время как испанский язык в четырнадцатом веке даже предполагал вытеснение иврита, поскольку Книгу Есфирь в некоторых частях полуострова читали на местном наречии в праздник Пурим в интересах женщин, которым священный язык больше не был понятен. Естественно, такой либерализм шокировал закоренелых пиетистов, которые делали все возможное, чтобы предотвратить профанацию Священного Писания. Но реальная помеха постепенному примирению между евреями и неевреями в Испании исходила не с еврейской стороны, как мы увидим.

♦1348♦

Весь этот солнечный свет уже был затянут облаками, предвещающими грозу. В год Черной смерти обвинение в отравлении колодцев возбудило толпу Барселоны против евреев, двадцать из которых были убиты, а их дома разграблены, массовую резню удалось предотвратить только благодаря вмешательству высших классов. Несколько дней спустя аналогичная вспышка в Сервере привела к убийству восемнадцати евреев и бегству остальных. Уничтожение угрожало всем еврейским общинам Северной Испании, и их члены, охваченные паникой, прибегли к молитвам, посту и другим мерам предосторожности более практического характера против надвигающегося нападения, которое, однако, было предотвращено знатью и папской буллой, в которой Климент VI, который, хотя и не был святым, был образованным джентльменом и правителем широких взглядов, разоблачал абсурдность обвинения в отравлении и запрещал христианам нападать на евреев под страхом отлучения.

Во время долгой гражданской войны в Кастилии между доном Педро и его братом доном Генри, наследниками Альфонсо XI, евреи имели несчастье поддержать проигравшую сторону. Они понесли тяжелые потери во многих битвах и осадах и ужасно страдали как от рук друзей, так и от врагов. Огромная община Толедо была уничтожена до неузнаваемости. По всей Кастилии некогда процветавшие общины были доведены до нищеты, и многие из их членов в полном отчаянии приняли христианство. Евреи Бургоса даже после смерти дона Педро оставались непоколебимо верны его памяти, и когда вся Испания признала правление дон-Генри, только у них хватило мужества бросить ему вызов — постоянство, которое вызвало восхищение узурпатора и обеспечило осажденным условия подчинения, одинаково почетные для обеих сторон. Мир был восстановлен, но Израилю это принесло мало утешения. Дон Генри всегда делал вид, что одной из причин его вражды к брату было пристрастие последнего к евреям. Фаворитам побежденного врага теперь пришлось бы страдать от крайней жестокости мести Генриха, если бы не финансовые трудности, в которых оказался победитель. Вместо того чтобы уничтожать, дон Генри предпочел эксплуатировать евреев. Но снисходительность короля вызвала негодование его сторонников, которые почувствовали, что у них отняли плоды их победы. В 1371 году кортесы, собравшиеся в Торо, упрекнули короля в том, что он использовал

врагов веры при дворе и позволил им распоряжаться доходами короны. Представители нации настаивали на том, что евреев следует исключить из государственных учреждений, заключить в специальные помещения, заставить носить значок и запретить демонстрировать свои богатства в одежде или экипировке, а также носить христианские имена. Король, отклонив большинство из этих требований, счел разумным уступить последним трем, а также издал указ о некоторых мерах, направленных на сдерживание алчности еврейских ростовщиков. Духовенство также, санкционировавшее узурпацию трона доном Генри, потребовало награды в виде антиеврейского законодательства. ♦1375 г. ♦ Таким образом, религиозные диспуты возобновились, и еврейские ренегаты снова стали главными действующими лицами этого жалкого фарса.

В то же время Церковь возобновила свои усилия по предотвращению смешения христиан с нечистой расой. Необходимость такого постоянного подтверждения антиеврейских предписаний показывает, что, хотя антипатия между евреем и неевреем была спонтанной, и хотя и Церковь, и синагога соперничали друг с другом в своих попытках сохранить два элемента в вечном отчуждении, тем не менее социальный инстинкт, составляющий сильнейшую черту человеческой природы, часто одерживал победу над барьерами, воздвигнутыми религиозным фанатизмом. Но человеческой природе было предоставлено мало возможностей для самоутверждения. ♦ 1388 г. ♦ Совет Паленсии принял решение, запрещающее католикам проживать в кварталах, отведенных евреям и маврам, под страхом отлучения от церкви. ♦1390 г. ♦ Два года спустя евреям Майорки запретили носить оружие. ♦ 1391 г. ♦ В следующем году, благодаря красноречию фанатичного священника Мартинеса, в Кастилии и Арагоне произошла серия массовых убийств, в ходе которых тысячи евреев были принесены в жертву священническому и народному гневу, а города Севилья, Толедо, Кордова, Каталония, Барселона, Валенсия, а также остров Майорка были окрашены в красный цвет еврейской кровью; в то время как огромное количество несчастных искали спасения в нерешительном отступничестве. Были предприняты попытки утвердить власть над этими захваченными неверными, широко известными как *Марраны*, или “Проклятые”, путем церковных привилегий и дарования муниципальных почестей; в то время как многие безденежные аристократы, стремясь восстановить свое упадочное состояние, принесли богатство себе и вечный позор своему потомству, ухаживая за прекрасными дочерьми обращенного Израиля; настолько, что многие знатные кастильские родословные по сей день можно проследить до такого союза. Но ни церковные или гражданские почести, ни социальное продвижение не были достаточно сильными, чтобы удержать “новых христиан” в вере. Были, конечно, исключения из этого правила — трюизм, который мы склонны упускать из виду, рассматривая историю евреев. Некоторые, без сомнения, честно переросшие расовые и религиозные рамки иудаизма, были достаточно рады принять христианство. Свободные от духовных убеждений, они предпочитали вероучение, которое не влекло за собой общественного осуждения. Они заслуживают не столько порицания, сколько восхищения. Однако были и другие, которые, ставя мирские выгоды или удовлетворение личных обид выше принципов, находили выгоду и удовольствие в преследовании или очернении своих бывших братьев. Но ни один из этих классов не представлял большинства. Большинство неопитов, как только у них появлялась безопасная возможность, сбрасывали удушающий плащ и проявляли свой истинный характер, в то время как другие колебались между церковью и синагогой, пытаясь служить двум господам, и тем самым усиливали враждебность священников против расы; ибо теолог не согласен с психологом в том, что притворная или фиктивная вера лучше, чем никакой вообще. Как во

времена вестготских тиранов, так и сейчас тысячи евреев и вынужденных новообращенных бежали в Африку. Многие города на побережье, от Алжира к западу, были заполнены несчастными беженцами из Испании и Майорки, которые считали африканских берберов более гуманными, чем европейских христиан.

Недавние невзгоды и ожидание еще более тяжких страданий в ближайшем будущем породили новое мессианское неистовство. Согласно Священному Писанию, пришествию Искупителя должны были предшествовать ужасные гонения. ♦1391 г. ♦ Три Мессии явились, чтобы озвучить убеждения испытать веру преследуемых людей: Авраам Гранадский, Шем-Тоб и Моисей Ботарель. Все трое были мистиками, последний к тому же самозванец.

Пятнадцатый век добавляет новые сцены в историю скорби, новые “черные дни” в еврейский календарь и новые мрачные страницы в историю Европы. В 1408 году были возрождены антиеврейские статуты Альфонсо Мудрого. Разорительные штрафы были наложены на любого христианина, который должен был даровать, или еврея, который должен был принять муниципальную или иную должность. ♦1412 г. ♦ Четыре года спустя общение евреев с христианами было ограничено, а их коммерческой и промышленной деятельности препятствовали многочисленные запреты. Им было запрещено выступать в качестве врачей, аптекарей и управляющих знатью; в качестве пекарей, мельников или виноделов. Им было запрещено продавать масло; заниматься ремеслами кузнеца, плотника, портного или сапожника и, конечно, заниматься сельским хозяйством или сбором государственных доходов. Далее было постановлено, что ни один еврей не должен носить никакого оружия или называться Доном; что нечистые на руку люди должны жить в специальных помещениях (*иудериях*), имеющих не более чем по одним воротам в каждом, и что они не должны нанимать слуг-христиан. Таким образом, уединение, которое сначала было предоставлено евреям как привилегия и защита, теперь стало применяться как средство угнетения. Более того, с них сняли их веселую одежду и заставили носить необычную одежду из грубой материи и демонстрировать ненавистный значок, за исключением тех, кто мог заплатить за разрешение снять его, особенно во время путешествий. Наконец, им было запрещено стричь волосы или брить бороды. Конфискация имущества и телесные наказания были наказаниями, налагаемыми за любое нарушение этих и других правил, целью которых было путем унижения и обеднения расы побудить ее принять христианство. Современный еврейский писатель так описывает печальные последствия этого указа: “Обитатели дворцов были загнаны в убогие уголки и темные и непритязательные хижины. Вместо шуршащих одежд мы были вынуждены носить жалкую одежду, которая вызывала к нам презрение. Нам запретили брить бороды, и мы должны были выглядеть как скорбящие. Богатые сборщики податей погрязли в нужде, ибо не знали ремесла, которым можно было бы добыть средства к существованию, а ремесленники не нашли обычая. Голод стоял у всех перед глазами. Дети умирали на коленях у своих матерей от голода и беззащитности”.⁷⁰

Посреди всех этих страданий Церковь не бездействовала. Главным из апостолов был Винсент Феррер, монах-доминиканец и неутомимый покоритель душ, впоследствии канонизированный за свои подвиги. Этот искренний, хотя и отталкивающий святой, называвший свой фанатизм религией, а свою ненависть к еретикам любовью к Богу, метался от синагоги к синагоге с распятием в руке, громовым голосом проповедуя евангелие мира и пытаясь убедить неверных к покаянию обещаниями утешения в этом мире и угрозами вечного проклятия в следующем. Феррер был больше, чем оратор. Его проповеди сопровождалась демонстрацией

драматического гения священника и тауматургических способностей святого. Впечатляющие процессии, священные гимны, знамена, распятия и нападения на евреев усиливали эффект его страстных призывов. Тысячи несчастных пали жертвой красноречия Феррера, и многие синагоги были превращены в церкви. Современное благочестие приписывало этот результат пламенным увещаниям, обращенным к евреям, и чудесам, совершенным для их блага святым Винсентом; но еретику двадцатого века, признающему эффективность увещаний и чудес, можно простить подозрение, что систематические преследования со стороны государства и стихийная ярость толпы оказали по крайней мере некоторое влияние на обращение сердец неверных.

♦1413♦

Из Кастилии проповедник и гонители отправились в Арагон. Новоизбранный король Фердинанд, который был обязан своим возвышением влиянию Феррера, выразил свою благодарность, передав свою совесть на попечение святого и королевскую власть в его распоряжение. Святой Винсент, вооруженный обоими необходимыми для успеха вещами — энтузиазмом и средствами, — путешествовал взад и вперед по стране, обличая, увещевая, угрожая и крестя; и говорят, что жертвами его рвения в двух королевствах стали более двадцати тысяч душ. Такова убедительная сила теологических рассуждений, когда им помогает грубая сила. В том же году в Тортосе началась обязательная полемика между еврейскими ренегатами и раввинами в традиционном духе.

Никогда еще не собиралось более великолепное собрание с целью утвердить евангелие божественного милосердия путем удовлетворения человеческого тщеславия. Антипапа Бенедикт XIII, облаченный в свои папские одежды, восседал на высоком троне, окруженный кардиналами и прелатами, сверкающими золотой парчой и драгоценными камнями. Тысяча испанских грандов толпились позади этой славной группы, в то время как перед ней стояла небольшая группа евреев, стремившихся защитить свою веру, не подвергая опасности свои жизни. Истина христианства была выше всяких придирок. Ложность иудаизма после пришествия Христа была столь же очевидна. Признает ли Талмуд Иисуса Мессией или нет? Это был вопрос, который обсуждался на шестидесяти восьми заседаниях в течение двадцати одного месяца.

Таким образом, уничтожение евреев шло удовлетворительным образом. Зачинщики преследований скончались один за другим. Бенедикт XIII. был низложен Констанцским собором и осужден Винсентом Феррером как “лишенный сана и фальшивый папа”. Еврей-ренегат Джеронимо исчез в своей родной безвестности. Король Фердинанд умер в 1416 году, а Святой Винсент был вознесен на небеса три года спустя. Но бедствия Израиля не прекратились. ♦ 1419 г. ♦ Папа Мартин V. действительно, удивил мир Буллой о веротерпимости, продиктованной, как хотелось бы верить, христианским милосердием; как свидетельствуют документы, добытой путем подкупа. Но ростки антииудаизма пустили слишком глубокие корни, чтобы их можно было надолго заглушить этим запоздалым эдиктом. ♦ 1442 г. ♦ Папа Евгений IV обратился с другой Буллой к епископам Кастилии и Леона, отменяя индульгенции, предоставленные евреям его предшественником, и возобновил все старые ограничения, добавив, что нечистые на руку люди должны оставаться дома в течение Страстной недели. Письма с автографами, адресованные кастильским священнослужителям, призывали их беспощадно выполнять приказы понтифика. ♦1447 г. ♦ Папа Николай V. усугубил все эти меры притеснения.

На испанских евреев теперь смотрели просто как на преступников. Набожные люди избегали любых отношений с ними. Земледельцы покидали поля и пасли стада, принадлежащие запрещенным людям; в то время как города устанавливали новые правила для их полного подавления. Король Генрих IV. Король Кастилии и Хуан II. король Арагона, пораженный ужасающей жестокостью такого обращения или, скорее, встревоженный его последствиями для королевской казны, попытался смягчить страдания евреев. Но их усилия не увенчались успехом. Кампания со стороны доминиканцев велась энергично, отступники были выслежены и наказаны, обвинения в детоубийстве были выдвинуты против евреев, и население было подстрекаемо к актам насилия, которые с годами становились все более свирепыми и частыми. В 1468 году подобное обвинение привело к резне в Сепульведе. ♦ 1469 ♦ В следующем году кортесы Оканьи настояли на том, чтобы антиеврейские указы неукоснительно исполнялись. Несмотря на слабые протесты Генриха, евреи в течение многих лет продолжали подвергаться величайшей жестокости священников и населения в эпоху, когда священники и население были самыми жестокими. Они не были членами Церкви, феодальной аристократии или коммерческих и промышленных корпораций. Хотя они жили среди христиан, они не принадлежали к ним. Они были непопулярны. Они не могли защитить себя; и ни епископы, ни бароны, ни горожане и пальцем не пошевелили бы в их защиту. Поэтому они были без остатка и угрызений совести брошены на милость клерикального и гражданского фанатизма. Марраны особенно продолжали вызывать отвращение и занятие Церкви.

Монашеский писатель из Андалусии, где "новые христиане" были самыми многочисленными, а сейчас самыми несчастными, цитируемый Прескоттом, резюмирует отношение современников к ним в следующих красноречивых строках: "Эта проклятая раса либо не желала приводить своих детей на крещение, либо, если и приводила, смывала пятно по возвращении домой. Они заправляли свое тушеное мясо и другие блюда маслом вместо свиного сала; воздерживались от свинины; соблюдали Пасху; ели мясо в Великий пост; и посылали масло для пополнения ламп в своих синагогах; со многими другими отвратительными церемониями своей религии. Они не питали никакого уважения к монашеской жизни и часто оскверняли святость религиозных домов, насилая или совращая их обитательниц. Они были чрезвычайно политическими и амбициозными людьми, занимавшими самые прибыльные муниципальные должности, и предпочитали зарабатывать на жизнь торговлей, в которой они получали непомерные прибыли, а не физическим трудом или механическим искусством. Они считали себя в руках египтян, которых было заслугой обманывать и грабить. Своими нечестивыми ухищрениями они накопили огромное богатство, и им часто удавалось заключить союз, вступив в брак со знатными христианскими семьями". Здесь мы находим все старые источники ненависти неевреев к евреям: антипатия из—за разнообразия характеров, проявляющаяся в занятиях, ежедневном питании и поведении; подкрепленная экономической завистью и граничащая с религиозным фанатизмом.

♦19 октября 1469 г.♦

Таково было состояние общественного сознания, когда недалёковидное государственное управление в лице Фердинанда, короля Арагона, сочеталось с узким благочестием в лице Изабеллы, наследницы короны Кастилии. Законным следствием такого союза не могло быть ничего, кроме преследований. Но, даже если бы монархи были просвещенными и терпимыми, сомнительно, смогли бы они остановить этот поток. В 1473 году толпа убила констебля Кастилии в Хаэне за то, что он пытался подавить ее ярость, а после восшествия на престол Изабеллы

Католички со всех сторон посыпались петиции, требующие искоренения “еврейской ереси”. Фанатики Севильи, возглавляемые доминиканским настоятелем монастыря Святого Павла, агитировали за введение инквизиции — трибунала, первоначально созданного во время понтификата Иннокентия III в начале XIII века для подавления ереси, — и их требование было поддержано папским нунцием. В 1477 году монах Филипп де Барбери, инквизитор Сицилии, прибыл в Севилью, чтобы убедить испанских монархов в многочисленных достоинствах своего средства от неверности. Перспектива грабежа манила Фердинанда, в то время как женская нежность Изабеллы подвергалась нападкам назойливости и казуистики ее духовных советников. Торквемада, узколобый доминиканец, пользующийся всеобщей дурной славой, уже отравил разум королевы своими пагубными принципами нетерпимости, когда в ранней юности выступал в роли защитника ее совести. В том впечатлительном возрасте он вырвал у своей ученицы обещание, что она посвятит свою жизнь “искоренению ереси во славу Божию и возвышению католической веры”. Теперь он снова появляется на сцене, чтобы потребовать исполнения роковой клятвы. Молодая королева, какой бы благородной и великодушной она ни была по натуре, не смогла долго противостоять единодушным увещаниям людей, чтить святость которых ее религия научила ее, и превосходство мудрости которых ее собственная скромность побудила ее принять без вопросов. Тем более она не могла устоять перед домогательствами своего любимого мужа. Все, что было хорошего или привлекательного в ней, вступило в сговор со всем, что было постыдного в ее советчиках, чтобы исказить ее суждения, заглушить голос ее сердца и заставить ее согласиться на одно из величайших преступлений всех времен.

Потребовалось совсем немного усилий, чтобы убедить папу Сикста IV. чтобы разрешить учреждение Священной канцелярии в Кастилии для выявления и наказания отступников от иудаизма, необходимая Булла была издана 1 ноября 1478 года. Но королева все еще колебалась, стоит ли применять страшное оружие, в то время как ее муж был не лишен опасений относительно абсолютной власти, на которую претендовал трибунал. В качестве последнего средства, прежде чем перейти к крайностям, монархи приказали кардиналу Мендосе, архиепископу Севильи, изложить доктрины католической веры в кратком катехизисе и заставить его духовенство распространять свет среди невежественных маррано по всей его епархии. Этот достойный и гуманный священнослужитель с радостью подчинился королевскому приказу и взялся за дело дружеского убеждения. Но без особого успеха. Христиан подстрекали к враждебным действиям слухи о еврейских заговорах против Церкви и государства, а также о еврейских преступлениях традиционного типа, таких как принесение в жертву детей и оскорбления в адрес Принимающей Стороны. Правительство, уступив общественному протесту, изгнало евреев из Севильи и Кордовы в 1478 году и возобновило суровые репрессивные меры в 1480 году. Более того, опрометчивый еврей, опубликовав едкую критику христианства в тот неподходящий момент, подлил масла в огонь и ускорил катастрофу, которую, возможно, в любом случае не смогла бы предотвратить никакая сила на земле. Народ, чья непреклонность восторжествовала над искушениями и гонениями пятнадцати веков, вряд ли мог быть склонен к катехизису доброго архиепископа; и после двухлетних бесплодных усилий Комиссия, назначенная для этой цели, вернула крайне неутешительный отчет. Поскольку срок отсрочки истек, единственной оставшейся альтернативой была инквизиция.⁷¹

17 сентября 1480 года трибунал был составлен из двух доминиканцев и двух других священнослужителей, назначенных короной, и ему было приказано без промедления начать операции в Севилье. Гражданским властям было поручено оказывать судьям помощь светской

ветвью власти; но из-за противодействия, с которым последние поначалу столкнулись со стороны пылких кастильцев, они были вынуждены на некоторое время ограничить свою деятельность теми округами Андалусии, которые зависели непосредственно от короны. Однако, каким бы ограниченным ни было поле поначалу, его оказалось более чем достаточно для достижения поставленной цели. Новый, 1481 год был открыт указом, опубликованным 2 января, призывающим всех истинных католиков помогать трибуналу в выполнении его миссии, указывая любого человека, который может быть известен как придерживающийся еретических взглядов или подозреваемый в них. Результатом стала охота на монстров, в которой люди были добычей и гончими, а сатана - их хозяином. Вскоре число жертв выросло до такой степени, что суд был вынужден сменить свое местопребывание в монастыре Святого Павла в черте Севильи на более крупный замок Триана в окрестностях. Там он обосновал свою штаб-квартиру и богохульствовал Божеству, которому, по его словам, служил, следующей надписью, выгравированной над порталом: *Восстань, Владыка; judica causam tuam; capite nobis vulpes*, “Восстань, о Господь; рассуди свое собственное дело; поймай для нас лисиц”.

День за днем продолжался сатанинский спорт, и количество “лисиц” быстро увеличивалось. Евреям даже не разрешалось пользоваться привилегией, предоставленной животному. Бегство было запрещено под страхом смертной казни, и ему препятствовала стража, выставленная у ворот города. Тем не менее, некоторым жертвам удалось бежать в Гранаду, Францию, Германию и Италию, где они обратились к Святому Престолу с жалобой на варварство Святой Канцелярии. Сикст IV. удовлетворился мягким упреком своим подчиненным за их чрезмерное рвение, за которым вскоре последовала просьба о более тщательном “очищении”, адресованная Фердинанду и Изабелле.

Пожалуй, никогда со времен падения Римской империи отвратительное ремесло доносчика не процветало так бурно, как в последующие годы в Кастилии. Фанатизм, злоба, алчность - все это было призвано внести свой вклад в хаос, и, поскольку личность обвинителя тщательно скрывалась от обвиняемого, последний мотив для самоограничения был устранен. Новое пальто или чистая рубашка в субботу утром, холодный очаг в пятницу вечером, отказ от пищи, популярной среди христиан, или пристрастие к напиткам, перенятым евреями, посещение еврейского дома — вот некоторые из доказательств иудаизма, принятых в качестве неопровержимых доказательств этим образцовым судом справедливости. Сама могила не давала убежища от его когтей. На человека, который, как было замечено, отворачивался лицом к стене, умирая, сразу же набрасывались, и его тело разделяло участь живых еретиков.

Инквизиция существовала уже три дня, когда шестеро несчастных страдали на костре. В марте последовало еще семнадцать, и по прошествии десяти месяцев число “мешков” достигло двухсот девяноста восьми только в Севилье, не считая множества изображений тех, кому посчастливилось спастись. Чума, опустошившая Севилью в тот год дурного предзнаменования, не прервала другую чуму. Инквизиция снова передвинула свои камеры и продолжила свою адскую работу в Арасене. Тем временем его филиалы вели оживленный бизнес по спасению человеческих жизней в других частях Андалусии, и об их усердии свидетельствует тот факт, которым мы обязаны историку—иезуиту Мариане, что общее количество жертв за год составило две тысячи сожженных заживо и семнадцать тысяч приговоренных к лишению собственности, гражданских прав или тюремному заключению - милосердие, которое фигурировало в балансовом отчете под всеобъемлющим эвфемизмом “примирение”. ♦1483г.♦ На третий год Томас де Торквемада был назначен Сикстом IV. Генеральный инквизитор Кастилии и Арагона,

наделенный всеми полномочиями по разработке новой конституции для Святой канцелярии. Результатом его трудов стала современная инквизиция, которая на протяжении веков после этого терзала Пиренейский полуостров и снабжала историков, романистов и драматургов неисчерпаемым запасом ужасов. Испанцы были недовольны расширением деятельности мрачного трибунала, и Педро Арбуэс, первый инквизитор, который, несмотря на народные протесты, осмелился появиться в Арагоне, был убит в кафедральном соборе Сарагосы. ♦1485 г. ♦ Но вся оппозиция вскоре была подавлена.

Год за годом в первые два воскресенья Великого поста в каждой церкви издавались и зачитывались эдикты, побуждавшие верующих под страхом вечного проклятия отречься от своих сограждан, а часто и от самых близких; ибо верность делу отменяла все другие узы. Ни дружбе, ни семейной привязанности не позволялось вмешиваться в ход фанатизма, и самые гнусные преступления против природы и морали были освящены благословениями Церкви. Маррано и их еврейские сторонники и пособники, против которых ужасная машина продолжала быть направлена почти исключительно под руководством Торквемады, были уничтожены, умножены и изувечены в среднем на шесть тысяч поджаренных или “примиренных” в год, не считая неизвестного числа детей-сирот, обреченных на голодную смерть или порок в результате конфискации их имущества.

Никто не был пощажен, но самые возвышенные были низвергнуты первыми; судьи и муниципальные чиновники, дворяне и даже священнослужители, заподозренные в иудаизме, были таинственным образом похищены из своих домов, препровождены в подземные застенки инквизиции и там, среди ужасов темноты и одиночества, некоторое время содержались в строгом неведении о конкретном преступлении, в котором их обвиняли. Когда заключенный был достаточно сбит с толку в своей одинокой, холодной и темной камере, его притащили в суд и попросили дать прямые и ясные ответы на кривые и расплывчатые вопросы. В качестве принципа судебной процедуры было принято, что каждый заключенный виновен до тех пор, пока он не докажет свою невиновность, и что лучше, если пострадают десять невинных, чем сбежит один неверный. Отрицание вины сопровождалось пытками, упорство в отрицании — новыми пытками, а признание в грехе, получение которого было важным элементом инквизиционного процесса, — приговором к смертной казни или конфискацией имущества, большая часть которого шла на покрытие расходов по суду над заключенным и наполнение карманов его судей, в то время как остальное поглощалось Королевской казной.

Таким образом, мучеников, искалеченных дыбой, истощенных лишениями и почти обезумевших от душевных страданий, привели к месту казни. Зрелище напоминало пышность римского представления и ужас каннибальского пира. Благородные кастильцы, облаченные в темные ливреи Святой Канцелярии, не побрезговали выступить в роли знаменосцев и телохранителей монашеских палачей. Блестящая толпа великолепно одетых священнослужителей добавляла великолепия процессии и, по контрасту, усиливала унижение осужденных, которые, одетые в грубые желтые одежды, уродливые из-за алого креста и изображений демонов и адского пламени, изможденные и уже полумертвые от пыток и ужаса, ковыляли к погребальному костру. Это было сложено на Кемадеро - просторной каменной платформе со статуями четырех главных пророков, установленными по четырем углам, к которым были привязаны жертвы. Полуразложившиеся тела осужденных после смерти, извлеченные из их могил, клали в кучу, поджигали топливо, и то же пламя постепенно и медленно превращало живых и мертвых в пепел.

Хаос войны и массовые убийства, вызванные внезапными вспышками народного гнева, часто превосходили эти гекатомбы по количеству жертв. Но по выдержанной и хладнокровной свирепости достоверная история ничего не содержит, а лихорадочный вымысел немногого, что может сравниться с одной из них. И все же инквизиторы были людьми — без сомнения, честными, благочестивыми и благородными людьми, большинство из них; некоторые, возможно, дружелюбные, более того, даже милосердные. К сожалению, они воображали себя чем—то большим - служителями воли Небес на земле. Именно эта фатальная уверенность в правоте своего дела превратила инквизиторов в монстров. Человек реже становился бы исчадием ада, если бы никогда не принимал себя за ангела.

Сам Торквемада, которого веками проклинали как виновного в этой ужасной трагедии, вряд ли заслуживает своей высокой репутации. В его преступлении мало оригинальности. Он не был более жестоким, а только более добросовестным, мужественным и последовательным, чем миллионы людей его поколения и вероисповедания. Когда в девятнадцатом веке мы находим кардинала Ньюмана — английского джентльмена и ученого - проповедующим, что “Щадить ересиарха - ложная и опасная жалость. Это значит подвергать опасности души тысяч, и это безжалостно по отношению к самому себе”,⁷² можем ли мы удивляться, что испанский священник действовал по этому принципу в пятнадцатом веке? Твердые убеждения, конечно, не оправдывают беспринципную и безжалостную жестокость, но они объясняют ее. При наличии такого убеждения преследование становится обязанностью, а терпимость - грехом. Если преследователь не может заслужить наше уважение, он, по крайней мере, имеет право на наше сострадание. Торквемада заслуживает нашей жалости почти так же, как и его жертвы. Драма, в которой он проявил себя, была примером того высшего вида трагедии, который не нуждается в злодее. Вера закрутила сюжет; случай предоставил актера.

Год за годом продолжалась охота. Но, несмотря на неустанные усилия Торквемады, мало кто из израильтян колебался в выборе между купелью и предложенным им костром. Немногие выбирали первое, и даже в этих случаях обращение было всего лишь способом избежать смерти. Инквизиторы приходят и уходят, но Израиль существует вечно; и надежда на лучшее будущее придавала ему неукротимое терпение в настоящем. Разочарование привело преследователей в ярость, но не смогло увеличить ряды прозелитов. Напрасно возрождались древние наветы и изобретались новые. Напрасно шпионы удвоили свою активность, а судьи напрягли свою убийственную изобретательность. Напрасно буря проклятий и насмешек бушевала вокруг детей Израиля. Торквемада и его сообщники были, наконец, вынуждены признать тот факт, что иудаизм не может быть искоренен иначе, как путем истребления евреев. И немедленно все его влияние было пущено в ход, чтобы убедить монархов изгнать нечистую и проклятую расу из страны.

Это был неожиданный удар для несчастных евреев, которые боялись изгнания даже больше, чем казни. Они стойко переносили тюремное заключение, позор, нужду и увечья в надежде, что время смягчит сердце или, по крайней мере, измотает руку, подвергавшуюся преследованиям. Но окончательное изгнание, со всеми ужасными опасностями кораблекрушения, голода, нападений пиратов и болезней, с которыми в те дни наверняка сталкивалась большая и незащищенная толпа, путешествующая в открытом море, означало бы безвозвратную гибель для всей расы. Более того, евреи любили Испанию со страстной преданностью,⁷³ о чем свидетельствует средневековая еврейская поэзия, которая проявляет часть своего самого яркого красноречия в восхвалении Андалусии. Итак, чтобы избежать эмиграции, ведущие евреи

предложили государям тридцать с небольшим, скажем, триста тысяч дукатов в качестве выкупа за свой народ.

Фердинанд и Изабелла, намеревавшиеся довести свою дорогостоящую мавританскую кампанию до успешного завершения, были не прочь выслушать предложение, обещавшее усиление их военных ресурсов. Они приняли еврейского депутата на аудиенции, и были все шансы, что переговоры придут к счастливому завершению, когда в психологический момент Торквемада, бессонный и безжалостный, ворвался в апартаменты дворца, где проводилась беседа, и, подняв распятие, которое он вытащил из-под сутаны, прогремел в адрес короля и королевы: “Иуда Искарот продал своего хозяина за тридцать сребреников. Ваши высочества хотели бы продать Его заново за тридцать тысяч; вот Он, возьмите Его и выменяйте”. С этими словами ужасный актер бросил распятие на стол и вышел из комнаты.

Эффект этой сцены на умы монархов был именно таким, какой и предвидел хитрый священник. Его внезапное и своевременное появление и столь же внезапное исчезновение отдавали чудом; его торжественное предупреждение, казалось, исходило с Небес. То же суеверное подчинение влиянию призраков, которое побудило Изабеллу более десятка лет назад санкционировать преследование евреев, теперь побудило ее отдать приказ об их изгнании. Не было и голоса протеста. Кастильцы, которые были бы горько возмущены произвольным изгнанием одного из них, с самодовольством услышали аналогичное решение, принятое противцелой нации. Ибо Израиль был обособленным народом. Они не разделяли его интересов; а он не разделял их прав.

◆1492◆

Это был март 1492 года, ни с чем не сравнимый год для Испании, Европы и всего мира в целом. В тот год произошла капитуляция Гранады и падение Мусульманской империи на Западе; победа Креста, которая была встречена с искренней благодарностью во всем христианском мире как провиденциальная компенсация за потерю Константинополя. В том же году Христофор Колумб отправился под флагом испанских монархов в то памятное путешествие, которое должно было завершиться триумфом, и у всего человечества были основания радоваться. Те же руки, которые подписали эти два славных договора, теперь поставили свои подписи под эдиктом, изгнавшим евреев с земли, на которой они прожили дольше, чем их преследователи, которую они любили так же сильно и украшали больше, чем они сами.

Пределом для их подготовки был назначен конец июля. Им было разрешено ликвидировать свое имущество и увезти вырученные средства в переводных векселях, но не в золоте или серебре, поскольку существующий закон запрещал вывоз драгоценных металлов из страны. Следствием эдикта стало то, что евреи были вынуждены продать или обменять часть своего имущества по номинальной цене, а большую часть оставить себе. Если верить современным свидетелям, дом был обменян на осла, а виноградник - на одежду. В Арагоне собственность евреев была конфискована властями в пользу их кредиторов, и люди, которых постоянно поносили за их чрезмерное богатство и ростовщичество, оказались должны больше, чем у них было!

Последние месяцы пребывания евреев в Испании священники провели в отчаянных попытках обратить их в свою веру. Но нельзя было ожидать, что те, кто с непреклонной твердостью

противостоял искушению, когда им было что терять, уступят, доведенные до нищеты. Сознание того, что они страдают за эту Идею, принесло с собой экзальтацию, которая окутала ореолом их страдания. Это несчастье также было отцовской розгой, которую нужно было переносить с мужеством; испытанием, которое нужно было переносить как испытание веры; унижением, которое содержало в себе обещание будущей славы. Бог их отцов, который в незапамятные времена вывел их из дома рабства и накормил в пустыне, не допустил бы гибели своих детей. Воды снова расступились для них, и море превратилось в сушу. Это последнее ожидание, уверенно поддерживаемое раввинами, оказалось напрасным, когда изгнанники достигли побережья. Но неудача не поколебала веру детей Израиля. Чем суровее мученичество, тем больше уверенности в блаженстве. Какими бы рассеянными и презируемыми они ни были, настанет день, когда они снова будут собраны под родительской шестерней Иеговы. Свет Сиона все еще сиял вдалеке, не померкнув.

Таким образом, бедные мирским имуществом, но богатые надеждой; беззащитные, но сильные в вере, они отправились со всех концов страны к границам: здоровые и больные, старики, склонившиеся над своими посохами, маленькие дети со стертыми ногами, ковыляющие рядом со своими отцами, и младенцы, прижимающиеся к груди своих матерей. Почтенные раввины и ученые, утонченно воспитанные девушки, молодые джентльмены, вчера гордые кавалеры, сегодня нищие без гроша в кармане и сломленные духом - все они тащили свои усталые конечности в разных направлениях: одни на север, другие на юг; одна группа на восток, а другая на запад. Многие влажные глаза следили за печальными процессиями, и многие горячие сердца испанцев растаяли от жалости, но никто не протянул странникам руки, к ним не было обращено ни слова утешения: многих сдерживал страх Божий, еще больше - страх перед Торквемадой. Время года усугубляло печаль этого зрелища. Андалусия купалась в буйной красоте испанского лета; небо над головой сияло голубизной, земля внизу была усыпана цветами, птицы беспечно щебетали на деревьях и кустах, воздух был напоен ароматом цветов апельсина; Природа, казалось, устроила карнавал радости в насмешку над страданиями и бессердечием человека.

Изгнание евреев из Англии в конце XIII века было просто детской забавой по сравнению с их изгнанием из Испании в конце XV века. Евреи, покинувшие Англию, прожили в стране всего два столетия; те, кто сейчас покинул Испанию, прожили там более двенадцати. Английские изгнанники сыграли небольшую роль в величии Англии; испанские евреи служили государству на высочайшем уровне, завоевали всемирную известность в искусстве, науке и литературе и стали для остального еврейства мира образцом того гармоничного сочетания благочестия и культуры, которое нигде, за пределами Испании, не было столь заметной чертой средневековой жизни. И по количеству, и по качеству испанское изгнание намного превзошло свой английский прототип. Число изгнанников из Англии составляло не более шестнадцати тысяч; число изгнанников из Испании оценивалось по меньшей мере в сто шестьдесят тысяч. Некоторые аккаунты даже увеличивают их в пять раз. Это было движение, по масштабам сравнимое только с исходом Израиля из Египта, с той лишь разницей, что, в то время как евреи жили в Египте как пришельцы и рабы на земле, в Испании они стали во многих отношениях испанцами. Но это преступление, дополненное аналогичным преступлением против мавров, повлекло за собой наказание. Даже принимая самую низкую оценку как наиболее близкую к правильной, трудно подсчитать цену в мастерстве, трудолюбии и интеллекте, которую Испании — несмотря на ее недавние военные достижения и растущую мощь за морями — пришлось заплатить за удовлетворение своего религиозного фанатизма; но ее можно увидеть и по сей

день. То же самое иго, которое сокрушало пришельцев и неверных, не могло не сковать коренных жителей и христиан. Свобода мысли, слова или действия была мертва. На смену интеллектуальной культуре вскоре пришло монашество, а материальному процветанию - нищенство. Между тем ценность еврейских подданных Фердинанда и Изабеллы не могла не быть осознана сразу же после их отъезда. Испанское правительство, побуждаемое испанской церковью, сказало евреям: “Креститесь или убирайтесь!” Евреи ушли, и жизнь Испании ушла вместе с ними. Величественные особняки пришли в упадок, покрытые мхом, богатые кукурузные поля и виноградники превратились в пустоши, оживленные и густонаселенные города внезапно замолчали, словно благодаря черному искусству мага. Взамен Испания лелеяла холодное утешение оттого, что служила делу мрачного и кровожадного монстра, которого в ту эпоху называли Богом.

Ничто не проливает более ясного света на дух времени, чем комментарии современных авторов о самоубийственной политике Фердинанда и Изабеллы. Испанские историки присоединяются к хору неразборчивых панегириков; испанские поэты воспевают торжество Веры. Иностранные зрители, осуждая суровость используемых методов, не находят ничего, кроме похвалы мотивам. Все они приветствуют этот поступок как принесение мирских интересов в жертву духовным. Это правда, что казна Фердинанда была богаче за счет конфискованного имущества евреев. Но, хотя жажду грабежа можно рассматривать как главную движущую силу его собственной политики, это не было основным мотивом доминиканцев и не имело никакого отношения к поведению Изабеллы. Эта любезная принцесса обнажила свою душу в исповеди: “Из любви к Христу и его незамужней материя причинила великие страдания и опустошила города и округа, провинции и королевства”. Изгнание евреев, как и *аутодафе*, было преступлением, совершенным главным образом *ради любви к Богу*.

ГЛАВА XI ПОСЛЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ

Двенадцать тысяч испанских беглецов нашли убежище в Наварре, где после нескольких лет мира они снова оказались перед альтернативой крещения или изгнания. Большинство из них, измученные горем и разочарованием, приняли христианство, и некоторые из этих новообращенных вернулись в Испанию.

Восемьдесят тысяч изгнанников переправились в Португалию и купили разрешение пробыть в этом королевстве восемь месяцев, готовясь к своему отъезду в Африку. Король Иоанн II. даже потворствовал постоянному поселению некоторых из них в стране. Но терпимость короля не разделялась его подданными. ♦ 1481♦ Иоанна уже осаждали жалобами на то, что еврейским кавалерам разрешалось шествовать по улицам верхом на богато убранных лошадях и мулах, одетых в прекрасные плащи и бархатные дублеты, с позолоченными мечами на боку. При его преемнике народная ненависть получила удовлетворение, в котором ей до сих пор было отказано. Король Эммануил, либеральный, но глубоко влюбленный принц, был вынужден уступить желаниям своей суеверной нареченной — дочери Фердинанда и Изабеллы, - которая поставила изгнание евреев условием своего принятия его сватовства; и он приказал несчастному народу покинуть его владения. ♦ 1495♦ Но, как будто мера бедствий Израиля еще

не была полной, тот же король, снова поддавшись давлению любви, приказал разлучить всех еврейских детей в возрасте четырнадцати лет и младше со своими родителями, чтобы оставить их в Португалии и воспитать в католической вере. Сцены агонии, последовавшие за этим дьявольским указом, были бы невыносимо отвратительными, если бы не их появление непосредственно после *аутодафе*. Многие еврейские матери, обезумев от горя и отчаяния, собственными руками убивали своих любимых, а затем покончили с собой. Современный писатель завершает свое описание этих ужасных событий характерным комментарием: “Со стороны короля Эммануила было большой ошибкой думать об обращении в христианство любого еврея, достаточно взрослого, чтобы произносить имя Моисей”. По мнению писателя, возрастное ограничение должно было составлять три года.

Многие евреи, боясь столкнуться с опасностями неизвестности, укрылись от бури под покровом обращения и либо остались в Португалии, либо вернулись в Испанию, чтобы присоединиться к оставшимся там псевдообращенным, и на протяжении веков после этого обеспечивали собакам инквизиции полезным занятием. Государство, конечно, помогало Церкви в ее смертоносной работе, поскольку инакомыслие в религии близко к инакомыслию в политике, а внутренние разногласия несовместимы с энергичной экспансией за рубеж.

♦1498♦

Тем временем преемник Торквемады, Деза, превзошел великого инквизитора в свирепости и энергии. Одного из его сообщников, по имени Лусеро, даже его собственные соратники прозвали Тенебреро из-за мрачного и жестокого нрава, который подтолкнул жителей Кордовы к восстанию. ♦1506♦ Сразу после того, как кардинал Хименес стал великим инквизитом, и, имея перед глазами судьбу своего предшественника, оказался менее жестоким. Но то, что инквизиция потеряла в разгар беззакония, было с лихвой компенсировано распространением ее деятельности на новую область — побежденных мусульман, которым также было разрешено выбирать между крещением и изгнанием; в то время как с мореско, или обращенными мавританцами, обращались так же, как с еврейскими марранами.

Существовало не менее тридцати четырех путей, по которым “лисы” могли спуститься на землю. Одним из них было употребление в пищу горьких трав и салата-латука во время Пасхи. Фактически каждый христианин был шпионом и осведомителем, иногда непреднамеренно, чаще с намеренным рвением. Родословные строго проверялись, и те, в чьих жилах текла еврейская кровь, подвергались жестоким преследованиям или, по крайней мере, обращались с ними как с социальными изгоями. Ни нравственное совершенство, ни даже высокое положение в Церкви, сопровождаемое искренней преданностью, не принимались как искупление греха рождения. Обнаруженные еретики наказывались тюремным заключением, изгнанием, разорительными штрафами и пожаром. И все же пагубная секта, слишком умная, чтобы поддаться теологическим рассуждениям или выдать недостаток своей убежденности, выжила и процветала тайно — обширное масонство пассивных неверующих, распространяющее свои извилистые подземные ходы во всех направлениях под самыми основами Святой Канцелярии. Ни наказания, налагаемые государством, ни еще более ужасные пытки Церкви не смогли противостоять вероломному упорству вечного народа. Преследования, которые побуждают храбрых к героизму, делают лицемерами робких; и эти Марраны, вынужденные противопоставлять свою хитрость хитрости Святой Канцелярии, развили в себе все неприятные качества тех, кто ведет двойную жизнь, кто живет ежедневной ложью. Они были вынуждены

лгать либо своему Богу, либо самим себе. Они выбрали последнее. Они подражали своим соседям-христианам в поведении и диалекте, участвовали в религиозных обрядах и таинствах, которые они ненавидели, ели пищу, которая вызывала у них тошноту, целовали реликвии, которые внушали им отвращение, и окропляли себя святой водой, которая заставляла их внутренне чувствовать себя оскверненными. Но печальная и убогая комедия не всегда могла поддерживаться. Голос совести иногда оказывался слишком сильным даже для инстинкта самосохранения, и многие маррано заканчивали свою жалкую жизнь благородным мученичеством. И снова сила крови, иногда во втором или третьем поколении, проявляла себя, и ребенок или внук новообращенного, хотя он мог быть священником или монахом, возвращался к вере своих отцов.

Псевдо-новообращенным Португалии жилось не лучше. В 1506 году они были убиты, а их женщины в большом количестве были обесчещены в Лиссабоне и на открытой местности. ♦Около 1524 г. ♦ В разгар этих бедствий они услышали о Давиде Рувимени, который восстал на Востоке, чтобы исполнить древние пророчества и осуществить всегда ожидаемое и вечно откладываемое освобождение Израиля. Давид прибыл в Европу, объявив себя братом еврейского принца, правящего в Аравии, посланного просить папу о помощи в священной войне против мусульман. Климент VII, понтифик, слишком посредственный, чтобы преуспеть в добродетели или фанатизме, но при этом искусный дипломат, принял посланника на аудиенции и обращался с ним с большим почетом. Римляне и другие евреи с энтузиазмом приветствовали Давида, и в конце концов король Португалии пригласил его ко двору, куда он отплыл на корабле под еврейским флагом. В Лиссабоне Давид встретил великолепный прием со стороны короля и бурные аплодисменты со стороны марранов, которые увидели в нем обещанного Искупителя и будущего царя Израиля. Но вскоре после этого он был изгнан из Португалии из-за обращения в иудаизм молодого провидца-маррано по имени Диого Пиреш.

Этот "новохристианин", воодушевленный миссией Давида, подвергся обрезанию и получил таинственные и чудесные послания с небес. Он принял имя Соломон Молчо и бежал в Турцию, где был встречен с распростертыми объятиями своими единоверцами в Салониках и Адрианополе, распространял свои каббалистические галлюцинации по Восточной и Центральной Европе, ♦ 1530 г. ♦ проповедовал удовольствия мученичества, посетил Рим, повинувшись божественному видению, и выставил себя в высшей степени смешным, предсказав Вечному городу разнообразные бедствия. После безуспешной попытки привлечь на свою сторону короля Португалии и Карла V. Соломон отправился в Венецию, чтобы заручиться благосклонностью этой Республики, и там он чудом избежал действия отравленного напитка, который ему дал брат-еврей. Тем временем некоторые из его предсказаний, как ни странно, сбылись. Рим был разграблен императорскими войсками и опустошен наводнением, Лиссабон был разрушен землетрясениями, а яркая комета возвестила о приближающемся конце света. После этого Соломон вернулся в Рим, где папа почтил его как истинного, хотя и скорбного пророка. Но, находясь в Риме, он еще раз чудом избежал — на этот раз из когтей инквизиции — и был похищен дружественным папой римским глубокой ночью только для того, чтобы попасть в их руки в следующем году в Мантуе. ♦ 1532г. ♦ Там, наконец, бедный самообманывшийся Мессия получил мученический венец, которого он так страстно желал. Он был сожжен заживо. Последователи Соломона долго отказывались верить, что он мертв; лелея надежды на его чудесное спасение и повторное появление. Но он был мертв всерьез.

Дэвиду Рубени было отказано даже в этой последней чести. Император Карл передал его Святой канцелярии Испании, в подвалах которой он томился три года и в конце концов был убит при невыясненных обстоятельствах. Безжалостный и нескритичный мир заклеил Соломона как дурака, а Давида - как негодяя. Ничто так не подводит, как неудача. Если неудачливого патриота называют авантюристом, а неудачливого финансиста - мошенником, то неудачливый Мессия должен смириться с клеймом самозванца.

Вскоре после этого инквизиция была учреждена в Португалии по наущению Игнатия Лойолы, а в начале семнадцатого века в Лиссабоне произошло событие, которое дало ей новый повод для преследования. Францисканский монах благородного происхождения по имени Диого заявил, что, читая Библию, он пришел к выводу, что истинной религией является иудаизм, а не христианство. Диого был брошен в темницу; но, поскольку он свободно признал свою вину, казалось, не было повода для пыток. Однако монахи редко руководствовались логикой мирян. Диого был предан дыбе, чтобы выдать своих сообщников. ♦1603♦ После двух лет пыток, сопровождавшихся богословскими дискуссиями, он был сожжен на костре в присутствии большого стечения народа, включая регента. Пример Диого придавал смелости португальским криптоевреям и заставил многих открыто осудить христианство, невзирая на последствия. Мученическая смерть Диого была отмечена молодым еврейским поэтом, который, однако, избежал короны, которой заслуживал его энтузиазм, сбежав в Амстердам. Постоянство Диого побудило другого молодого поэта-маррано вернуться к иудаизму. Это возрождение рвения к старой вере подтолкнуло Святую Канцелярию к большей активности со своей стороны. В свое время сто пятьдесят маррано были арестованы, подвергнуты пыткам и им угрожали кремацией. Однако множество жертв ставило правительство в неловкое положение. Более того, Суд был в больших денежных обязательствах перед маррано, и последние приложили все свои силы и деньги, чтобы добиться освобождения своих братьев. Они сделали предложение Филиппу III. не только в виде подарка из причитающихся им сумм, но, кроме того, 1 200 000 крузадо (120 000 фунтов стерлингов), и они также потратили 150 000 крузадо среди королевских советников, чтобы убедить их в справедливости своего дела. Филипп III. не остался глух к мольбе о пощаде, подкрепленной таким мощным набором аргументов, и он убедил папу Климента VIII. помиловать заключенных. ♦1604 г.♦ Инквизиция была неохотно вынуждена довольствоваться видимостью казни. Пленников, одетых как кающихся, привели на *аутодафе* в Лиссабоне, где они публично выразили лицемерное раскаяние в своем грехе и были вознаграждены потерей всех гражданских прав.

♦1609♦

Пять лет спустя мореско, или новообращенные мавританцы, были окончательно изгнаны Филиппом III, в то время как марраны терпели и приносили жертвы для мрачного алтаря Святой Канцелярии. Гранада, Кордова, Лиссабон и другие города Испании и Португалии продолжали освещаться траурными огнями *авто-да-фе*. Еще в 1652 году мы видим, как выдающийся португальский дипломат еврейского происхождения Эмануэль Фернандо де Вилья-Реаль по возвращении из Парижа, где он исполнял обязанности консула португальского двора, был схвачен, подвергнут пыткам и сожжен на костре. ♦ 1655г. ♦ Три года спустя пятьдесят семь криптоевреев были в один день приговорены в Куэнке; большинство к телесным наказаниям и потере имущества, десять - к смерти на костре. В том же году еще двенадцать негодяев были зажарены в Гранаде, а в 1660 году шестьдесят маррано в Севилье были приведены на *аутодафе*, где четверо из них были задушены и сожжены, а трое сожжены заживо, в то время

как чучела бежавших были торжественно кремированы. Среди последних была картина Антонио Энрикеса де Гомеса, популярного солдата и драматурга, современника Кальдерона и автора двадцати двух комедий, которые заслужили большие аплодисменты в Мадриде. Оригинал картины, к счастью, улетел во Францию, где и умер пять лет спустя в возрасте шестидесяти.

Еще один крупный контингент испанских эмигрантов направился в порты Санта-Мария и Кадис и был доставлен испанским флотом к берберийскому побережью. Они высадились в Эрсилле, христианской колонии, по пути в Марокко. Но задолго до того, как они достигли места назначения, племена пустыни напали на них, отобрали у них те небольшие деньги, которые они ухитрились спрятать при себе перед отъездом из Испании, убили многих мужчин, изнасиловали многих женщин; а оставшиеся в живых, после невыразимых лишений и почти голодая, вернулись в Эрсилью и искали успокоения в крещении.

Многие испанские евреи нашли убежище в Турции. Говорят, Баязид II, услышав об их изгнании из Испании, воскликнул: “Неужели они называют этого Фердинанда политиком, который таким образом обедняет свое королевство и обогащает наше?” Речь турецкого монарха может быть апокрифической. Для турка пятнадцатого века она звучит слишком современно и западно. Вероятно, на Баязида повлияли религиозные, а не экономические соображения. Мусульмане считают евреев “Народом Книги”, и у них с ними гораздо больше общего, чем с христианами. Обе секты верят в единого Бога и отвергают доктрину Троицы как политеистическую; они обе практикуют обрезание; они обе предаются церемониальным омовениям и подобным формам внешнего символизма. Следовательно, всегда существовала определенная степень симпатии между последователями мусульманского и Моисеева закона. Также вероятно, что султан был рад подчеркнуть мусульманскую доброжелательность, укрывая жертв христианского варварства.

Но, каковы бы ни были мотивы султана, его поступок несомненен и в высшей степени свидетельствует о его человечности. Он приветствовал иммигрантов в своих владениях, где они процветали так же долго, как и в Османской империи. В золотой век Османской империи евреи Леванта затмевали своих греческих собратьев-подданных богатством и соперничали со своими турецкими хозяевами в показном мастерстве. ♦1566 г. ♦ Все врачи Константинополя были евреями. Еврей стал герцогом Наксоса и владыкой других островов Эгейского моря, в то время как другой еврей был направлен чрезвычайным посланником в Венецию. ♦1574♦ Так велико было еврейское влияние на султанов Солимана и Селима II. что христианские послы были вынуждены скрывать свое унижение, добиваться расположения и просить посредничества у евреев Стамбула. В сложившихся обстоятельствах свет Сиона, который так ярко сиял сквозь тучи невзгод, был затемнен сиянием процветания.

Но гармоничной кривой бедствий Израиля не суждено было сломаться. Османлы, которые несколько поколений назад наполнили Европу славой и ужасом своего оружия, начали приходить в упадок, как только перестали побеждать. Будучи по сути кочевой расой, турки сочли оседлый образ жизни пагубным для своей жизненной силы. Султаны погрузились в мягкие развлечения гарема, оставив женщин и евнухов править империей, а янычар - защищать ее. У евреев были причины оплакивать падение своих владык. Ярмо тирании начало тяжким бременем ложиться на их шеи. Их богатство привлекало алчность пашей, а их бессилие поощряло это. За жадностью последовал фанатизм, и евреи, среди других форм угнетения,

которым они подвергались, были отделены от истинно верующих черным тюбаном — знаком, который до сих пор можно увидеть в Турции, как пережиток необходимости, которой больше не существует.

В тот век тьмы и скорби надежда на Мессию вспыхнула снова. В середине семнадцатого века обещанный Искупитель появился среди турецких евреев в лице Саббатая Зеби, родившегося в Смирне в 1626 году. Детство Саббатая прошло в уединении и молитве; его ранняя юность была посвящена каббалистическому мистицизму, умерщвлению плоти и самоотречению, что было тем легче, что Саббатай был одним из тех счастливых или несчастных смертных, которые от рождения слепы к искушениям плоти и к ее радостям. Его странная жизнь и еще более странные идеи вскоре привлекли всеобщее внимание. Одни называли молодого человека сумасшедшим, другие - вдохновенным. Он считал себя мессией и явил себя таковым в 1648 году, который, как предсказывали мистики, должен был увидеть первый рассвет Искупления. Синагога отлучила Саббатая от церкви за его самонадеянность. Но многие верили в красивого и эксцентричного юношу. Вера Саббатая в свою собственную мессианскую миссию и преданность его учеников были подтверждены преследованиями. Изгнанный из Смирны, пророк отправился в Стамбул и Салоники, набирая сторонников, и позаботился о том, чтобы 1666 год, который был определен как год мессианской эры, застал его в Иерусалиме. Этот город как в силу своих традиций, так и из-за положения его еврейских жителей — обнищавших из-за вымогательства и подавленных угнетением — представлял собой среду, в высшей степени благоприятную для проявления чудес. Оттуда Саббатай с триумфом отправился в Алеппо и, наконец, вернулся в свой родной город, где его новая слава заставила Синагогу забыть о его прежнем осуждении и позоре. В Смирне энтузиазм последователей Саббатая достиг апогея безумия. Слава Мессии и безумие его учеников распространились в самые отдаленные уголки земли — Венецию, Ливорно, Авиньон, Амстердам, Лондон. Ортодоксальные раввины Праги и Гамбурга подозревались в том, что они были тайными приверженцами Смирнского пророка, и отлучали друг друга от церкви так горячо, как если бы они были христианскими сектантами. Во всех этих центрах иудаизма верили, что наступило Царство Небесное, и эту веру разделяли христиане тысячелетия, а западные евреи предавались экстравагантному возбуждению, едва ли совместимому с элементарным здравомыслием. В Гамбурге синагога была превращена в театр корибантической экзальтации, где можно было увидеть величественных испанских кавалеров и седобородых деловых людей, торжественно скачущих со свитком Закона в руках. Не менее примечательным было поведение верующих на Востоке. В Персии евреи отказались обрабатывать свои поля или платить дань, поскольку, по их словам, пришел Мессия. Со всех этих мест почтение и сокровища хлынули ко двору Саббатая, который теперь повсеместно провозглашался Царем царей и подписывался сам или позволял это делать своим писцам: “Я, Господь, твой Бог, Саббатай Зеби”.

Но правление Мессии было кратким, а его конец бесславным. Саббатай решил отправиться в Константинополь, чтобы провозгласить свое пришествие из самой столицы Востока. Это не было неожиданностью. В Дарданелльском проливе турецкие офицеры арестовали его и, скованного, доставили в Стамбул. Пристань была переполнена множеством верующих и других людей, всем не терпелось увидеть человека, который наполнил мир такой необычной эпидемией. Среди последней категории зрителей был паша, который приветствовал Искупителя сильной пощечиной. Обращение, которому впоследствии подвергли бедного Саббатая, соответствовало этому приему. Он был брошен в тюрьму, и только нежелание великого визиря создать нового мученика спасло его от смерти. Наконец, его вызвали к султану.

После короткой аудиенции Мессия вышел из присутствия падишаха мусульманином в тюрбане, и звали его Мехмед Эфенди.

Но даже эта катастрофа не смогла разрушить чары, которые личность Саббата наложил на умы людей. Массы цеплялись за надежду, которую он питал веками после своей смерти. Некоторые из его приверженцев, включая его жену, последовали его примеру и приняли ислам. Секта этих иудейских мусульман под названием *Данмехов*, или новообращенных, все еще существует в Салониках и других городах Османской империи, и среди них преобладает вера в то, что Саббатай на самом деле не умер. Они образуют обособленное тело, связанное узами кровного родства, ненавидимое своими бывшими братьями по вере как секта отступников и подозреваемое своими новыми братьями как секта лицемеров.

Дальнейший распад Османской империи, который принес унижение завоевателям и разжег желание национальной реабилитации среди их христианских подданных, однако, принес евреям мир и коммерческое процветание. ♦1717 г.♦ Леди Мэри Уортли Монтегю в своем отчете о политике и нравах турок в восемнадцатом веке дает яркое описание еврейской колонии Адрианополь.

“Я заметила, ” говорит она, “ что большинство богатых торговцев - евреи. Эти люди обладают невероятной властью в этой стране. У них много привилегий, превышающих все права коренных турок, и они сформировали здесь очень комфортное содружество, где их судят по их собственным законам. Они прибрали к рукам всю торговлю империи, отчасти благодаря прочному союзу между собой, отчасти из-за праздного нрава и отсутствия у турок трудолюбия. У каждого басса есть свой еврей, который является его *поверенным в делах*; он посвящен во все его секреты и ведет все его дела. Не заключаются сделки, не получают взятки, не продаются товары, но то, что проходит через его руки. Они врачи, распорядители и переводчики всех великих людей. Вы можете судить, насколько это выгодно для людей, которые никогда не упускают возможности воспользоваться малейшими преимуществами. Они открыли секрет того, как стать настолько необходимыми, что уверены в защите Двора, какое бы министерство ни находилось у власти. Даже английские, французские и итальянские купцы, сознающие их уловки, вынуждены, однако, доверять свои дела их переговорам, поскольку ни один торговый процесс не решается без их участия, а самые ничтожные из них слишком важны, чтобы их можно было игнорировать, поскольку все они заботятся о своих интересах с такой же энергией, с какой они заботились бы о самых значительных своих членах. Они, многие из них, очень богаты”.

В настоящий момент евреи, благодаря глубокой некомпетентности и лени турок, непопулярности, разобщенности и беспорядкам христианских *райхов*, а также их собственным превосходным способностям и согласию, процветают во многих частях владений султана, все еще сохраняя речь своих испанских гонителей.

Несколько беженцев из Испании нашли свой путь во Францию и Англию, в то время как некоторые из тех, кто впоследствии подвергся преследованиям в Португалии, перебрались в Голландию. Но большое количество испанских евреев отплыло в Италию.

ГЛАВА XII

ВОЗРОЖДЕНИЕ

В то время как папы и императоры вели ожесточенную войну друг против друга за наследие римских цезарей, демократический дух итальянского народа рос в безопасной безвестности, черпая новую энергию во вражде между этими двумя великими врагами свободы. Поражение императора спасло Италию от политического рабства, а победа папы пришла слишком поздно, чтобы поставить под угрозу интеллектуальную свободу. Люди, заявившие о праве поступать так, как им заблагорассудится, были *тем более* готовы отстаивать свое право думать то, что им заблагорассудится. Таким образом, свободная мысль, которая была подавлена римскими папами в далеких землях Севера, процветала под самой сенью трона Святого Петра. Естественно, что так и должно было быть. Те, кто сидит ближе всего к сцене, меньше всего подвержены обману с помощью сценических приемов. Итальянцы были слишком близко к Святому Престолу, чтобы впечатлиться его трюками или ужаснуться его театральному грохоту. Они видели Григория VII. неграмотным тосканским юношей, игравшим в мастерской своего отца, и они знали Иннокентия III. как простого синьора Лотарио, сына графа Сеньи. Никто не является полубогом для своих прихожан.

Следовательно, высокие притязания пап нигде не пользовались меньшим уважением, чем в их ближайшем окружении. Духовные автократы, чьи анафемы заставляли иностранных государей и народы трепетать от суеверного ужаса, находили много суровых критиков среди своих соотечественников. Итальянский хронист Салимбене (1221-1288), хотя сам и был монахом, в своей яркой и разнообразной картине жизни XIII века без колебаний комментирует жадность, расточительство, обжорство, ересь и другие грехи многих современных пап, кардиналов и епископов. Еще более показательна позиция автора "Божественной комедии". Там вершат суд, и те, кто обрек других на вечные муки, сами обречены на подобную участь суровым флорентийским поэтом, выразителем Средневековья. Селестин V., который, поддавшись низменному страху, отрекся от престола Святого Петра в 1294 году, приговорен Данте скитаться по аду обнаженным, с лицом, залитым кровью и слезами, и окруженным осами и шершнями; один из печального племени триммеров — "Несчастливых, которые никогда не жили"; грешников, самые бестелесные тени которых "неприятны как Богу, так и Его врагам".⁷⁴ Папа Анастасий приговорен к еще худшему положению, как еретик. Николай III. обнаруживается, что он стоит пятками кверху, ожидая, когда его сменит в этой неудобной позе Бонифаций VIII, "глава новых фарисеев", за которым, в свою очередь, последует Климент V., "беззаконный пастырь", который, помимо многих других грехов бездействия и совершения, способствовал Филиппу Красивому в подавлении тамплиеров и разделил с ним вину, если у него обманом отняли плоды этого чудовищного преступления. На столь же печальную вечность обречены папы и кардиналы, "над которыми абсолютное господство поддерживает алчность"; монахи Кельна; и "Веселые монахи" (*Fрати Godenti*), известные вещами похуже веселья.

Великие религиозные потрясения Средневековья, которые помогли ужесточить папскую власть над умами европейцев, также не произвели каких-либо пагубных последствий в Италии. Совсем наоборот. Самое серьезное из этих движений, Крестовые походы, оказалось весьма полезным для итальянских республик. Кампании, которые лишили другие страны людей и денег, открыли новые источники прибыли и власти Венеции и Генуе, Флоренции, Милану и Пизе; они оживили их морскую торговлю и расширили их знания о чужих землях. В то время как короли и рыцари

Северной и Центральной Европы мечтали о военной славе, о победе на Кресте и о завоеваниях для самих себя, итальянские государства осознали более весомые, хотя и менее великолепные блага обширной торговли и еще более обширного кредита. Когда Баязид по прозвищу Молния в конце четырнадцатого века пригрозил перенести войну в сердце святого христианского мира и похвастался, что его лошадь будет есть овес на алтаре Святого Петра в Риме, не римляне возмутились нечестивой наглостью неверного. Они не были тронуты и тогда, когда король Венгрии Сигизмунд, охваченный паникой, послал епископа и двух рыцарей с письмами к королю Франции Карлу VI, старшему сыну Церкви, умоляя его отвратить угрожавшее ей зло. Итальянцы со спокойным безразличием наблюдали, как молодой граф де Невер, наследник герцога Бургундского и кузен французского монарха, в сопровождении четырех других принцев ведет свое блестящее войско рыцарей и оруженосцев против “врагов Божьих”. Именно бургундские вилланы и горожане Фландрии оплатили расходы, связанные с разорительной кампанией, предпринятой для спасения Рима от турок. И если верить честному, но легковверному Фруассару, итальянцы, столь далекие от сочувствия цели экспедиции, на самом деле помогали неверным информацией и советами. Хронист сообщает, что Баязид, услышав, что христианские войска переправились через Дунай, сказал: “Теперь мои желания исполнены. Прошло уже четыре месяца с тех пор, как я услышал об экспедиции от моего хорошего друга герцога Миланского, который посоветовал мне с осторожностью подбирать своих людей.

♦28 сентября 1396 г.♦

Более того, когда рыцари Креста встретились с рыцарями Полумесяца на роковом поле Никополя и оставили на нем цвет своего рыцарства, итальянцы были единственным народом, у которого не было причин оплакивать катастрофу. Все бесполезные пленники были преданы смерти; но молодой граф де Невер и еще двадцать принцев и баронов Франции были удержаны Баязидом для получения выкупа. После долгого и мучительного плена выжившие получили свободу за 200 000 флоринов. Но в то время как эта огромная сумма и расходы на переговоры и посольства, а также средства для возвращения пленников домой способом, приличествующим их высокому положению, были старательно увеличены за счет чрезвычайных налогов, взимаемых герцогом Бургундским со всех подвластных ему городов, и в особенности с городов Фландрии — Гента, Брюгге, Мехлина и Антверпена, — генуэзские купцы проявили свой предприимчивый гений, равно как и свое процветание, быстро предоставив султану гарантии на сумму, в пять раз превышающую оговоренную. Наконец, когда французские лорды по прибытии в Венецию обнаружили, что едва ли в состоянии оплатить расходы на свое пребывание в “одном из самых дорогих городов мира для иностранцев”, как резонно заметил сэр Джон, венецианцы отнеслись к ним без особой любезности. Король Венгрии, хотя доходы его королевства были “опустошены в этом и следующем годах”, вызвался помочь князьям, “предложив на продажу правителям Венеции ренту, которую он получал с этого города, которая составляла 7000 дукатов в год”; но венецианцы, услышав об этом предложении, “холодно ответили, что они рассмотрят этот вопрос”, и после двухнедельного размышления ответили, “как мне сказал один из тех, кто это слышал”, что “если король Венгрии будет склонен продать все свое королевство, венецианцы охотно совершат покупку”. и выплатить деньги; но что касается такой мелочи, как 7000 дукатов годового дохода, которой он обладал в Венеции, то она имела настолько малую ценность, что они не могли назначить на нее цену ни для покупки, ни для продажи, и что они не стали бы беспокоиться о такой мелочи”.

Повествование ярко, хотя и несколько неприятно, подчеркивает контраст между итальянцами и их соседями за Альпами: их богатство, их гордость, их стремление извлекать выгоду из энтузиазма других людей и их полное отсутствие интереса к вопросам, которые так глубоко волновали остальной средневековый христианский мир. Сыны Италии были слишком поглощены делами этого мира, чтобы приносить какие-либо жертвы ради будущего. Уже чувственное блаженство было всем блаженством, которое они знали или о котором мечтали. Не отвлеченные небесными химерами, они с радостью променяли бы все мечты о вечности на один день наслаждения земными реалиями. Но если их мирское процветание и практическая мудрость сделали итальянцев эгоистичными, они также сделали их терпимыми. Для них предрассудки феодализма были столь же невыгодны, как и его идеализм.

Евреи пожали плоды итальянской терпимости. По одному из тех замечательных парадоксов, которыми история любит удивлять изучающих, люди, которые распяли Христа, люди, которых считали виновными в страданиях Его учеников от рук язычников, люди, которых проклинали как постоянный источник ереси, с самого начала жили и процветали в том самом городе, который был свидетелем самых ужасных из этих страданий и который рано провозгласил себя столицей христианского мира и Высшим Судом православия. В то время как их собратья во Франции, Германии и Англии претерпевали мученическую смерть, евреи Рима наслаждались сравнительным, если не непрерывным, миром. Ярость крестовых походов, окрасивших воды Рейна и Мозеля еврейской кровью, не имела аналогов на берегах Тибра. Клевета, поднявшая бурю против евреев в Норвиче, не вызвала отклика в Риме. Буллы, обрекшие “проклятый народ” на гонения в тех далеких королевствах, остались без внимания в том самом месте, где они были вставлены в рамку и подписаны. Папы, которые осуждали и запрещали “нечистую и вероломную расу” за границей, за немногими исключениями, лелеяли, защищали и доверяли отдельным ее представителям у себя дома.

♦1162–1165♦

Папа Александр III, великий антагонист германского императора Фридриха Барбароссы и Генриха II. в Англии у него был еврей-министр финансов, или казначей семьи, и по возвращении в Рим, после добровольного изгнания во Францию, его встретила ликующая процессия еврейских раввинов. Римские евреи не облагались каким-либо особым налогом, и их показания против христиан не считались недействительными. Еще большей свободой пользовались евреи Южной Италии и Сицилии, где их было в основном предостаточно. Нормандские короли подтвердили им древнюю привилегию суда по их собственным законам. ♦ 1198-1250гг. ♦ На Сицилии при Фридрихе II были еврейские администраторы и еврейские землевладельцы. Любимый министр короля Сицилии Рожера часто посещал еврейские синагоги и вносил свой вклад в расходы еврейской общины. Вообще говоря, до конца XV века неприязнь, существовавшая к евреям в Италии, полностью проистекала из их собственной отчужденности и эксцентричности и никоим образом не поощрялась священниками или понтификами. Ничто так красноречиво не свидетельствует об общем процветании итальянских евреев в те дни, как умолчание истории о какой-либо религиозной деятельности среди них.

Помимо отсутствия церковного фанатизма, были и другие причины, объясняющие обычную невосприимчивость евреев к преследованиям в средневековой Италии. У итальянцев не было причин завидовать коммерческому успеху еврея. В Италии сыны Израиля нашли серьезных конкурентов в лице местных христиан. Финансовый гений флорентийца и венецианца был более

чем равен финансовому гению еврея. Итальянцы, таким образом, не исключили евреев из своих муниципальных и промышленных организаций, но, сделав вход в свои Гильдии менее трудным для нехристиан, позволили последним заниматься различными профессиями в других местах, закрытых для них. Святой Престол также не был достаточно силен, чтобы запретить ростовщичество в Италии и разжечь суеверную антипатию к ростовщикам, как это было в других странах. Среди итальянцев интересы рынка значили больше, чем интересы Церкви, и канонические запреты легко сводились на нет ради удобства. Более того, разделение полуострова на ряд государств, политически разделенных и часто враждебных друг другу, но географически связанных, позволило евреям искать убежища в одном месте от преследований в другом и, как только буря утихла, вернуться в свои дома.

По всем этим причинам мы находим отношения между евреями и христианами в Италии более сердечными, чем в любой другой части средневековой Европы. Иностранное происхождение и зарубежные связи еврея, далекие от того, чтобы быть источником предрассудков, оказались привлекательными для образованного итальянца. Легко представить себе этих старых схоластов с их живым любопытством и неутолимой жадностью знаний — в эпоху, когда книги были редкостью, путешествия опасными, а все, что было далеко в пространстве или времени, представляло собой пустыню, смутно известную или совершенно неизвестную, — жадно хватающихся за любую возможность расширить свой умственный горизонт и обогатить свои интеллектуальные запасы. Шанс такого рода представился еврейским раввинам, врачам и ученым, и итальянцы им не пренебрегли. Дружба между учеными евреями и христианскими богословами не была редкостью.⁷⁵ В десятом веке мы слышим о еврейском враче Донноло, находившемся в близких отношениях с господином аббатом Нилусом. Одним из плодов такой дружбы была косвенная передача на Запад нескольких лучей эллинского света задолго до начала эпохи Возрождения, посредством переводов арабских версий греческих классиков на иврит и с иврита на латынь. Наиболее выдающейся из этих литературных связей между последователями нового и древнееврейского пророка была нежная привязанность, которая к концу XIII века связала Эммануила, “гейне средневековья”, с Данте, поэтом старого католицизма, воплощением всего истинного, чистого и по-настоящему благородного в средневековом христианстве. Эти два друга, должно быть, представляли собой пару, на редкость несовместимую. Данте, величественный, суровый и мрачный, излагающий самые мрачные концепции легким и изящным языком Италии; Эммануил, остроумный и едкий, изливающий свои игривые сарказмы торжественным языком еврейских пророков. Контраст почти намеренно ярко подчеркнут в работах двух друзей. Они оба написали “Визиты в страну мертвых”. Данте — трагедия; “Эммануил” — сатирическая комедия, почти пародия. Но в одном отношении еврей показывает себя выше христианина. Его рай включает в себя великие оттенки языческого мира.

И все же было бы ошибкой воображать, что еврей даже в те безмятежные дни итальянской свободы был полностью освобожден от наказания, которое преследует инакомыслие. Какими бы ни были чувства культурных и вдумчивых людей, для населения Италии еврей был яростным еретиком. Уже в 1016 году мы слышим о резне евреев в Риме из-за землетрясения, которое произвело в городе большой хаос. Катастрофа произошла в Страстную пятницу, и было установлено, что в момент ее возникновения евреи совершали богослужение в своей синагоге. Совпадение для средневекового сознания было равносильно убедительному доказательству

причины и следствия. Римский сброд, под влиянием паники и суеверий, совершил ужасную месть предполагаемым виновникам несчастья, и папа Бенедикт VIII санкционировал преступление, которое он, вероятно, был не в состоянии предотвратить. Иннокентий III доказал свою последовательность, притесняя "врагов Христа" в Италии так же скрупулезно, как и везде, и евреи также были изгнаны из Болоньи в 1171 году. В 1278 году, когда Данте был не по годам развитым двенадцатилетним юношей, уже посвятившим себя мистическому поклонению Беатриче; когда Фома Аквинский, терпимый к иудаизму, умер всего четыре года назад; и через два года после рождения великого художника Джотто, которому мы обязаны единственным портретом Данте, избежавшим многовекового потопа, — в тот период, когда розовое утро Возрождения слабо золотило восточный небосвод, мы обнаруживаем, что евреи вынуждены посещать христианские службы и подчиняться проповедям, направленным против их собственного народа. религия. Но, за редким исключением, никакие кровавые преследования не запятнали полотно итальянской истории. В следующем столетии синагоги, простые, изможденные и нескладные, все еще можно было увидеть в непосредственной близости от великолепных христианских церквей в Риме, и прихожане, которые толпились в последних по воскресеньям, еще не поняли, что их долг - наказывать своих соседей за поклонение их богу в субботу. Но открытие было не за горами.

В 1321 году евреям Рима было предъявлено обвинение в оскорблении распятия, когда его проносили по улицам в процессии. Говорят, что обвинительницей была сестра Иоанна XXII, папы римского, среди основных претензий которого на любовь к золоту занимало высокое место. Несколько священников подтвердили это обвинение, и папа решил изгнать евреев из римского государства. Подробности этого происшествия неизвестны, но реальность опасности, которой подвергались евреи, подтверждается чрезвычайным постом, введенным в том году. Пока в синагогах возносились горячие молитвы, были отправлены гонцы к папе в Авиньон и к королю Роберту Неаполитанскому, его покровителю, который также был большим другом евреев, с мольбами отменить это решение. Король Роберт успешно отстаивал их интересы, поскольку, как говорят, его красноречие было подкреплено двадцатью тысячами дукатов, подаренных римскими евреями сестре папы римского.

В середине того же столетия мы обнаруживаем, что евреи Рима были вынуждены вносить взносы на покрытие расходов на популярные развлечения в римском цирке — форму развлечения, которая была мерзостью для Повелителя евреев, — по 12 золотых монет в год; само по себе это мелочь, но она указывает на направление, в котором тек ток. Но пришла новая сила, чтобы на время остановить этот поток.

Мы находимся в самом сердце четырнадцатого века. Данте умер в 1321 году, и его погребение было пышно совершено в Равенне. Гробница, которая закрылась над останками Данте в тот июльский день, получила больше, чем представителя средневековой веры. В ней была похоронена сама средневековая Вера. Католицизм и все, что он значил для Данте, уже ушли в прошлое. "Одна Церковь и одна Империя для всех людей", идола Средневековья, должны были быть свергнуты идеалом "Церкви и Империи для каждой расы людей", который постепенно должен был перерасти в "Отсутствие Церкви и Империи ни для одного человека". Последнего из католиков унесли в могилу, когда на сцене появляется первый из гуманистов. Осуждения Данте пап и кардиналов были упреками брата; обвинения Петрарки - нападка врага. Данте, осуждая отдельных церковников, искренне почитает Церковь, которую опозорили их злоупотребления. Для него Папский двор может быть домом лицемерия, рассадником стыда,

колыбелью преступлений, и он не будет иметь с этим ничего общего; но это не заставляет его подвергать сомнению духовный авторитет этого Двора. Его героем по—прежнему остается Грегори Гильдебранд, *делла феде кристиана иль санто атлета*- святой атлет христианской веры.⁷⁶ Для Петрарки Папский двор - это все, и даже больше. Это мать человеческого рабства и источник человеческих страданий — “западный Вавилон”, как он называет его в одном из своих сонетов. Это наполняет его невыразимым отвращением. Петрарка умер в 1374 году, но новый дух, выразителем которого он был, не умер вместе с ним. Это передалось его ученику Боккаччо, в руках которого острое оружие негодования сменилось более острым оружием насмешки. Популярны рассказы Боккаччо распространяют дурную славу монастырей и обительщин и ненависть к их обитательницам повсюду. Отныне презрение будет уделом Церкви, которая внушала его предшественникам простой ужас. Поджо, Пульчи, Франко и другие пошли по стопам мастера, и хотя они не могли соперничать с Боккаччо в остроумии, они превзошли его в ярости.

Реальная важность этих нападений заключается в том обстоятельстве, что они были направлены не против отдельных лиц, а против учреждений. Война велась не столько против тела, сколько против души католицизма. Это правда, что итальянское христианство очень рано избавилось от некоторой восточной строгости культа, и большая часть его первоначального колорита была смягчена или подправлена в соответствии с западным вкусом. После двенадцати веков римской практики от Евангелия, проповедуемого на берегах Галилейского моря, действительно, мало что осталось. Самопожертвование пророка было заменено потаканием своим желаниям священника, простота и смирение святого - пурпуровым великолепием церковного князя, а дух Слова долгое время был заглушен ряжеными и пышными представлениями римского ритуала. Но все же оставалось больше, чем латинский темперамент, находящийся под влиянием языческого возрождения, мог невозмутимо вынести. Молодой итальянский ум был сыт по горло кредо воздержания, самоотречения и самопожертвования; он жаждал наслаждений. Литании и агонии Церкви вызывали у нее отвращение; ее самоуничижение и само-мистификация вызывали у нее отвращение. Классическая любовь к форме должна была снова вытеснить христианское почитание духа. Вергилия перестали считать языческим пророком христианства. Ученые перестали просматривать его страницы в поисках предсказаний пришествия Иисуса и начали упиваться очарованием его язычества. В прежнем поколении Данте находил в поэте из Мантуи призрачного проводника в Ад, Чистилище и Рай католицизма; новая школа видела в нем сладкозвучного менестреля чувственных радостей: певца красоты стад и цветов, жужжания пчел, трелей птиц, журчания ручьев, любви пастухов и пастушатниц. Муза Феокрита пробудилась от своего тысячелетнего зачарованного сна и принесла с собой здравомыслие и свет, которые должны были изгнать призраков и туманы средневекового ада. Италия праздновала воскрешение Пана.

Самоуничижение было заменено самоуважением, а воздержание - воздержанностью. Достоинство личности, давно утраченное в средневековом поклонении авторитету, было восстановлено; прославление человека сменилось прославлением Царства Божьего на земле. Красота обнаженного человеческого тела была вновь признана, и ее культ возродился. Плодовитость, а не целомудрие, стала идеальной добродетелью. И то, что поэты описывали теплой, страстной мелодией, художники более позднего времени изобразили не менее теплыми и страстными красками. Неземная любовь Данте к Беатриче была бы потрясена Мадонной Рафаэля: Мадонной-матерью; больше не Мадонной-девой.

Новый культ не ограничивался только мирскими поэтами, художниками и учеными. Богословы Римской церкви также были увлечены им. Рационализм вторгся в Ватикан, был обласкан священниками и провозглашен с кафедры. В проповедях, произносимых перед Папой Римским и его кардиналами, догмы христианства смешивались с доктринами древней философии, а еврейское богословие отождествлялось с языческой мифологией. Самопожертвование Христа сравнивалось с самопожертвованием Сократа и других великих и добрых людей древности, которые отдали свои жизни ради истины и блага человечества. Папские документы были составлены с использованием языческой фразеологии; Отец и Сын фигурировали как Юпитер и Аполлон, а Святая Дева - как Диана или даже как Венера с младенцем Купидоном; в то время как благочестивые католики торжественно обращались к божествам Олимпа со священными гимнами. Этим и другим причудам всерьез потворствовали, в какой-то мере весьма гротескные, но от этого не менее поучительные. Лишенный своей абсурдной экстравагантности и живописной неуместности, этот энтузиазм по отношению к язычеству можно рассматривать и как плод, и как причину по существу здорового роста. Итальянцы пятнадцатого века преуспели там, где Юлиан Отступник потерпел неудачу в четвертом; и к этому успеху можно отнести все последующее развитие европейской культуры.

Как произошла эта революция, было подробно объяснено историками: как, отчасти под влиянием Петрарки и Боккаччо, дворяне и князья-торговцы итальянских республик взяли новое образование под свое щедрое покровительство; как юные итальянские ученики отправились в Константинополь изучать язык и литературу древней Греции у ног людей, для которых этот язык был живым родным языком; как греческих учителей поощряли привозить свои сокровища в Италию; как их принимала публика, столь же жаждущая постичь тайны греческой грамматики, сколь современная публика стремится постичь тайны греческого языка. детективная история; и о том, как ручей постепенно разлился в мощное наводнение, последовавшее за падением города Константина в 1453 году. Но все это было лишь периодом вынашивания ребенка. Современная Европа действительно родилась в тот день, когда никому не известный голландский торговец свечами поведал миру о чудесном изобретении, которое должно было заменить перо писца и донести факел знания из кельи монаха и из кабинета богатого торговца до толпы на улице.

По совпадению, кажушемся странным, столетие, открывшее тюремные ворота для христиан, осудило еврея на новое заключение. Эпоха возрождения образования и печатного станка - это также эпоха яростных преследований Израиля в Италии. Обязательное присутствие евреев на богослужении теперь стало осуществляться одновременно более жестким и глупым образом. Чиновники, стоявшие у входа в церковь, осматривали уши евреев, чтобы вата не остановила внутренний поток истины. Другим должностным лицам внутри церкви было поручено не давать несчастной пастве укрыться во сне. Булла Бенедикта XIII, изданная в Валенсии в 1415 году, предписывает читать евреям не менее трех публичных проповедей в год и предписывает аргументы, которые следует использовать для их обращения: доказательства мессиианского характера Христа, почерпнутые из Пророков и Талмуда, разоблачение ошибок и тщеславия последней книги и демонстрация того факта, что разрушение Храма и беды евреев вызваны черствостью их сердец.

В 1442 году папа Евгений IV, побуждаемый сыном еврея-отступника, постановил, что евреи Рима должны держать свои двери и окна закрытыми в течение Пасхальной недели. К 1443 году скромная годовая сумма в 12 золотых монет, первоначально вносимая евреями на спортивные состязания в римском цирке, выросла до 1130 монет. Римляне больше не довольствовались вымогательством денег, но теперь они настаивали на личном участии евреев в ненавистных забавах арены. Потомки Тита и римлян, которые смотрели на дикое зрелище еврейских пленников, растерзанных дикими зверями или вынужденных убивать друг друга на потеху победителям, возродили вкус своих далеких предков к спортивному убийству. Карнавал пятнадцатого века в Риме открылся пешим забегом, который был во всех отношениях достоин своего языческого прототипа первого века. Восемь евреев были вынуждены появиться полуголыми и, подстрекаемые ударами и бранью, пройти весь длинный путь. Некоторые добирались до цели в изнеможении, другие падали замертво по пути. В тот же день светские и религиозные вожди еврейской общины были вынуждены пройти во главе процессии римских сенаторов через поле для гольфа под шквал проклятий и насмешек со стороны толпы; в то время как эксцентричность еврея и предрассудки нееврея нашли такой же простор для демонстрации на сцене. В римских карнавальных пьесах и фарсах еврей был типичным персонажем, который неизменно вызывал презрительное веселье публики.

И все же, даже в середине пятнадцатого века мы обнаруживаем, что папы, вопреки своим собственным указам, нанимали врачей-евреев. Также не кажется, что участь еврея стала невыносимой в течение некоторого времени после этого. Сикст IV, чья нетерпимость к евреям Испании была описана в предыдущей главе, умер в 1484 году, и ему наследовал Иннокентий VIII, человек многих суеверий и многодетный, но слабый и неэффективный понтифик, самым интересным годом правления которого для нас является год его смерти, 1492. В тот год, когда эпоха Возрождения достигла своего зенита, еврейское население Италии увеличилось за счет притока большого числа беженцев из Испании. Одна группа из них высадилась в Генуе; и душераздирающее зрелище они представляли, по словам очевидца, когда выбрались из корпусов судов и, пошатываясь, направились к причалу: сонм призраков, изможденных голодом и болезнями; мужчины с впалыми щеками и глубоко запавшими глазами; матери, едва держащиеся на ногах, баюкающие своих изголодавшихся младенцев своими костлявыми руками. На этом молу незадачливым изгнанникам, дрожавшим под порывами морского ветра, было позволено ненадолго задержаться, чтобы переоборудовать свои суда и набраться сил для дальнейших испытаний. Закон республики запрещал путешествующим евреям оставаться в стране дольше трех дней.

Генуэзские монахи поспешили сколотить духовный капитал на безысходном положении странников: умирающих от голода детей крестили в обмен на кусочек хлеба. Те, кто пережил нужду, болезни и обращение и, наконец, покинул генуэзский мол, были обречены на новые страдания. Их собственные единоверцы отказались принять их в Риме, опасаясь конкуренции, и попытались добиться запрета на въезд от преемника Иннокентия взяткой в тысячу дукатов. Однако папа, хотя и не отличался нежностью сердца, был настолько потрясен вопиющим варварством братьев-изгнанников, что издал указ об изгнании последних из города. Римские евреи, чтобы добиться отмены эдикта, были обязаны заплатить две тысячи дукатов и в придачу принять беженцев.

Другой контингент добрался до Неаполя в столь же ужасных условиях. Их путешествие из Испании было долгим мученичеством. Очень многие, особенно молодые и хорошо

воспитанные, умерли от голода и отвратительной атмосферы узких и переполненных судов. Другие были убиты капитанами кораблей ради своей собственности или были вынуждены продать своих детей, чтобы покрыть расходы на переезд. Те, кто избежал ужасов моря и добрался до двух упомянутых гаваней, принесли с собой заразную болезнь, вызванную перенесенными лишениями. Зараза скрывалась в Генуе и Неаполе всю зиму; но когда наступила весна, она вылилась в страшную чуму, которая распространилась со страшной быстротой, унесла более двадцати тысяч душ в последнем городе за один год, а затем распространила свои опустошающие руки на весь полуостров.

Не может быть никаких сомнений в том, что люди, которых в других местах сделали козлами отпущения за эпидемии, к происхождению которых они не имели никакого отношения, подверглись бы жестоким преследованиям за посещение, которое, несомненно, могло быть связано с их деятельностью. Но так случилось, что внимание итальянцев в этом году, да и в течение многих последующих лет, было поглощено другими бедствиями.

О смерти Иннокентия, Александра VI. был возведен на трон Святого Петра, который он укрепил своим собственным политическим гением, украсил своей великолепной щедростью по отношению к художественному гению других и опозорил своей чудовищной порочностью. ♦ 1494♦ Во время правления Александра Италия стала свидетелем вторжения Карла VIII во Францию, события, положившего начало периоду смуты и превратившего страну в поле битвы иностранных принцев. Только Рим избежал последствий этого потопа. Папа, встревоженный приближением короля, предложил условия мира, которые французский монарх в конце концов принял. Независимость была обеспечена ценой достоинства, и Александр VI. смог безопасно управлять кораблем во время штормов, бушевавших над остальной частью полуострова. Он умер в 1503 году, о чем сожалели немногие, а большинство его современников ненавидели его. Pius III. правил несколько месяцев, и ему, в свою очередь, наследовал Юлий II, который проявил себя одним из самых энергичных, воинственных и светских государственных деятелей, когда-либо державших в руках скипетр Святого Петра. Он умер в 1513 году, и на его место был избран Джованни де Медичи под именем Лео X. Родившийся в 1475 году, через год после Ариосто, Джованни был вторым сыном Лоренцо де Медичи, главы итальянских платоников того времени. В доме своего отца и среди друзей отца юный Джованни гораздо больше слышал о языческой поэзии и философии, чем о христианском богословии. Но в то время как его современник Ариосто, воспитанный в сходной школе мысли, осуждал алчность римского двора и высмеивал папские притязания на светскую власть, со смехом отвергая легендарный дар Константина Великого папе Сильвестру царства Луны, Джованни посвятил свою жизнь служению Церкви, в доктрины которой он не верил, и ее защите от ересей, которые он не испытывал отвращения. Соответственно, его понтификат отличался элегантным легкомыслием образованного джентльмена гораздо больше, чем благочестием священнослужителя. Художественный вкус Лео и гениальное чутье на смешное были одними из его главных добродетелей; любовь к охоте - его величайшим пороком. Воздержанный в своем собственном рационе, он получал удовольствие от того, что обеспечивал других и смеялся над их ненасытностью. Но главное право Лео на благодарную память потомков заключается в его щедрой поддержке искусства и литературы. Он умер в 1521 году.

Большинство этих понтификов, утонченных, умных и нерелигиозных, сражаясь с реформаторами, сражались с врагами своей собственной власти, а не с врагами Христа. Противостоя духу бунтарства, который вызвала к жизни распущенность одних из них, и зрелости литературной культуры других, они, похоже, игнорировали вечных еретиков, евреев. Под их правлением Израиль наслаждался одной из тех суббот отдыха, которые неизменно предшествовали новому царству террора. Когда академическая вражда расколола ученый мир Падуанского университета на две фракции, вместо того чтобы, по моде того времени, разрешить спорный философский вопрос на острие рапиры, он был передан на рассмотрение еврея, великого ученого Элиаса дель Медиго. Этот достойный человек, облаченный в профессорскую мантию, обратился к студентам Падуи и Флоренции, и его решение было принято как окончательное. Наконец, пропасть между евреем и неевреем в Италии была преодолена общей философской верой.

Итальянцы того периода в своих страстных поисках истины часто сбивались с пути истинного. Многие из них, устав нащупывать свой путь во тьме схоластической пустыни, опрометчиво бежали за любым блуждающим огоньком, обещающим свет и покой. Среди этих отклонений от здравого смысла было увлечение еврейским мистицизмом каббалы, который нашел много восприимчивых последователей среди *литераторов* Падуи и Флоренции и привел к тесным и сердечным отношениям между представителями двух вероучений. Всеведущий юноша, граф Джованни Пико де Мирандола, который был посвящен в тайны каббалы евреем, утверждал, что эти мистерии дают самое убедительное доказательство божественности Христа, и, что еще более примечательно, он даже обратил в свою веру папу Сикста IV. к его образу мыслей. Пико де Мирандола вывесил в Риме плакат со списком из девятисот тезисов и пригласил всех европейских ученых приехать в город за свой счет, чтобы они могли убедиться в непогрешимости каббалы, в то время как папа приложил большие усилия к переводу каббалистических трудов на латынь для просвещения изучающих богословие. Иннокентий VIII. был слишком старомоден, чтобы одобрять новую нелепость; и, хотя он преследовал ведьм и магов в Германии и проповедовал неудавшиеся крестовые походы против еретиков Запада и неверных Востока, он запретил читать бессмыслицу Пико. Но это увлечение охватило Льва X. и первых реформаторов, и не только теологов, но также деловых людей и военачальников, попавших в его плен. Государственные деятели и солдаты посвящали себя изучению иврита в трогательной вере в то, что они наконец-то нашли волшебный ключ к вселенской мудрости.

Напротив, многие еврейские каббалисты, занимавшие высокие места в синагоге, находили в этих теософских галлюцинациях доказательство божественного происхождения христианства и открыто принимали его. Но помимо мистицизма, гений Возрождения переступил железный круг иудаизма. Очарование эллинизма, которое в старые времена привлекало александрийских евреев, снова взяло верх над ненавистью евреев к языческой культуре. Еврейская молодежь с удовольствием посещала итальянские университеты; философия Аристотеля, изящная латиноамериканизм Цицерона и тонкая критика Квинтилиана были встречены ими с большим одобрением; и, хотя к живописи и скульптуре по-прежнему относились с подозрением, мы находим, что итальянские раввины, подобно своим коллегам-христианам, черпают иллюстрации из языческой мифологии для своих проповедей и даже в полной синагоге отдают риторические почести “этой святой богине Диане”.

Таким образом, многие интеллектуальные силы сблизили еврея и язычника. Даже теологи поддались смягчающему влиянию нового духа. Слишком просвещенные, чтобы преследовать,

недостаточно серьезные, чтобы обращать в свою веру, они вступали в дружеские и остроумные споры с евреями по поводу их религии. ♦ 1523-1534 ♦ Папа Климент VII. даже задумал план перевода Ветхого Завета на латынь, который должен был быть осуществлен в сотрудничестве еврейских и христианских ученых. Под таким иллюзорным покровительством начался век, который должен был открыть для евреев самую черную главу в их черной истории.

ГЛАВА XIII ГЕТТО

До сих пор жизнь Израиля в Италии была жизнью, чередующейся с солнечным светом и тенью. Отныне она должна быть полностью в тени. Шестнадцатый век - это век гетто и его отвратительной деградации. Итальянским евреям было суждено ощутить на себе последствия католической реакции, спровоцированной нападками реформаторов, и хотя эта реакция началась последней, дольше всего она длилась в Италии.

В 1540 году Игнатий Лойола провозгласил свое евангелие послушания, нетерпимости и интеллектуального самоубийства, а также доктрину о том, что ни одно деяние не является нечестивым или аморальным, совершенное на службе католической церкви, — более поразительной или зловещей доктрины глупым сынам человеческим никогда не проповедовалось. В то же время инквизиция, поставив истребление мавров и евреев в Испании на прочную деловую основу, искала новое применение своей энергии и своим способностям. Опыт более старого учреждения, объединенный таким образом с пылом молодежи, представлял собой такое сочетание сил, противостоять которому не мог никто, кроме самых изобретательных еретиков. Прошло незадолго до того, как евреи Италии узнали об этом возрождении энтузиазма по отношению к Вере.

♦1540♦

В тот же самый неблагоприятный год Святая канцелярия начала преследование неаполитанских маррано, находившихся тогда под властью Испании. Этим псевдохристианам было приказано носить значок или покинуть страну. Справедливо предположив, что значок был лишь прелюдией к худшим вещам, они предпочли отправиться в изгнание. Некоторые из них направились в Анкону и Феррару, но большинство отправилось в Турцию. Многие были захвачены пиратами во время их путешествия и увезены в Марсель, где французский король Генрих II, хотя в остальном принц с безупречно мракобесными наклонностями, принял их любезно; но, поскольку он не осмелился оставить их у себя, он отправил их в Турцию. ♦1550♦ Десять лет спустя доминиканцы натравили генуэзцев на небольшую еврейскую общину в республике, и евреи были изгнаны. Это были всего лишь два эпизода в более поздней истории итальянских евреев, интересных главным образом как свидетельствующие о той перемене чувств, которая привела к трагедии гетто.

Как мы видели, у детей Израиля всегда была естественная тенденция стремиться к одному и тому же — привычка, зародившаяся в еврействе Англии, в *Юденштадте* Германии, в *Иудериях* Испании и в еврейских кварталах большинства средневековых стран. Но мы также видели, что

при сносных условиях евреи не испытывали непреодолимого отвращения к пребыванию среди язычников и что, когда с ними обращались как с человеческими существами, они развивали определенную степень общности чувств и интересов со своими собратьями. Далее, мы заметили, что это постепенное примирение частично блокировалось усилиями синагоги, но гораздо более успешно усилиями Церкви; и мы обнаружили, что в некоторых странах евреи требуют от князей, которые благоволили к ним и обирали их, сегрегации как привилегии и средства самозащиты.

Во времена папы Григория VII. епископ Шпейера, чтобы спасти евреев от насилия толпы, выделил им особый квартал, который они могли бы укрепить и защищать. В середине XIII века король Кастилии Фердинанд даровал аналогичную привилегию севильским евреям. Столетие спустя в городе Кельне евреи платили ежегодную пошлину в размере двадцати марок офицеру, в задачу которого входило запираť ворота их особого квартала на закате и отпирать их на рассвете. Феодальное беззаконие того времени делало такие меры предосторожности необходимыми не только для евреев, но и для всех смертных, которые были недостаточно сильны, чтобы обеспечить уважение к своей личности и собственности; настолько, что евреи Праги, жившие за пределами еврейского квартала, решили по собственному согласию присоединиться к своим собратьям в *Юденштадте* для большей безопасности. ♦1473♦ Принудительное сосредоточение евреев в отдельных кварталах, правда, не было чем-то необычным даже в те дни. Ограничения такого рода, по-видимому, действовали на Сицилии еще в четырнадцатом веке, а в некоторых немецких государствах даже в тринадцатом и двенадцатом веках, в то время как "еврейский барьер" в Туделе датируется одиннадцатым веком. Однако такие случаи носили спорадический и исключительный характер. Именно в просвещенный век, с которым мы сейчас имеем дело, и в самой просвещенной стране Европы изоляция Израиля начинает жестко и повсеместно применяться как средство принуждения. Стены еврейского квартала больше не являются оплотом против нападения, а преградой для побега.

Название, как и само учреждение в его новой и оскорбительной форме, имеет венецианское происхождение. Термин происходит от *Гетто* — старого, обнесенного стеной чугунолитейного цеха, на территории которого в городе Святого Марка в 1516 году было создано первое еврейское *гетто*. Евреи сделали Венецию своим домом в очень ранние времена; но их последующая колония датируется началом тринадцатого века. Именно тогда еврейские купцы с севера и востока начали стекаться в город, которому предстояло стать, отчасти с их помощью, торговой столицей Италии. Их отношения к христианским жителям не были ни враждебными, ни сердечными. Простые люди ненавидели их, но правительство было последовательным в защите их личности и интересов. Случай, произошедший в пятнадцатом веке, служит иллюстрацией положения евреев в Венецианской республике.

На Страстной неделе 1475 года в Тренте утонул христианский ребенок, и его тело застряло в решетке рядом с домом еврея. Священники сразу же увидели в несчастном случае признаки ритуального убийства и, выставив тело на всеобщее обозрение, настроили население против предполагаемых убийц. Все евреи города, мужчины и женщины, молодые и старые, богатые и бедные, были брошены в тюрьму по приказу епископа. Крещеный еврей выступил обвинителем, и заключенные, подвергнутые пыткам, признались, что они убили маленького Симона и пили его кровь в ночь на Пасху. Говорили, что орудием преступления снабдила еврейка. За исключением четырех евреев, принявших христианство, остальные были изгнаны из Трента.

Кардинал Адриан, писавший полвека спустя, описывает Трентские скалы как место, “куда евреи из-за убийства Симона не осмеливаются даже приближаться”.⁷⁷

Тем временем труп ребенка был забальзамирован и разрекламирован монахами как чудотворная реликвия. Тысячи паломников направлялись к святыне и, такова сила веры, клялись, что видели останки, сияющие неземным светом. Чудо принесло пользу монахам, и все же они, руководствуясь не столько логикой, сколько благодарностью, осудили тех, кого считали непосредственной причиной этого. Слава, или позор, об инциденте распространилась повсюду. В Великобритании считается, что это дало начало "балладе о дочери еврея"; в других странах это привело к преследованию евреев. Но дож и сенат Венеции, услышав жалобы евреев на грозящую им опасность, приказали подесте Падуи взять их под свою защиту, отвергли обвинение в убийстве как наглую выдумку, и, когда папа Сикст IV. когда его попросили добавить маленького Симона к списку других юных мучеников, убитых евреями, он не только решительно отказался это сделать, но и разослал энциклику по всем городам Италии, запрещая им чтить Симона как святого.

Спустя долгое время после того, как христианская ересь была осуждена венецианским законодательством и авторитет инквизиции, с некоторыми важными ограничениями, признан, евреям было позволено процветать в Республике. Даже Священной Канцелярии не разрешалось приставать к ним. Терпимость была необходима для благосостояния торгового содружества, и государственные деятели Венеции, в соответствии со старой итальянской традицией, отказались приносить интересы государства — высшую цель правительства — в жертву теологическому фанатизму. Венецианское правосудие в те дни, возможно, выбрало бы своим девизом божественную заповедь, данную Израилю накануне его освобождения из дома рабства: “Один закон да будет для того, кто родился на родине, и для чужеземца, который поселится среди вас”. Венеция, соответственно, была пристанищем иностранцев всех рас и религий: город многих цветов и наречий; гудящий пчелиный улей торговцев и путешественников, ученых и шейлоков, всем им был оказан радушный прием, пока они соблюдали законы страны. Среди этих разнообразных элементов гармоничной путаницы ни один не бросался в глаза так сильно, как еврей.

Испания, как мы видели, придерживалась противоположного принципа, и в конце XV века огромное количество еврейских беженцев из этой страны присоединились к своим братьям в Венеции, где им было разрешено поселиться на определенных условиях, согласованных правительством Республики и Даниэлем Родригесом, еврейским консулом Венеции в Далмации. Но по мере того, как терпимость начала приходить в упадок, жизнь венецианских евреев стала для них горькой из-за множества суровых законодательных актов, которые препятствовали их передвижению и сдерживали их развитие; таких как закон, который обязывал их проживать в Местре, закон, который запрещал им содержать школы или преподавать что-либо под страхом штрафа в 50 дукатов и шести месяцев тюремного заключения, и многочисленные другие ограничения, кульминацией которых стало их заключение в гетто.

Между тем преследования и нарастание страданий вернули к жизни старую мессианскую утопию. Согласно одному из расчетов, Искупителя ожидали в 1503 году, а конец света должен был наступить вскоре после падения Рима. Каббалистический мистицизм поощрял эти ожидания, и в 1502 году некий Ашер из Истрии, недалеко от Венеции, принял облик Предтечи.

Подобно Иоанну Крестителю, Ашер проповедовал покаяние и раскаяние, обещая, что Мессия явится через шесть месяцев. Он приобрел много преданных учеников как в Италии, так и в Германии, и его предсказания вызвали много поста, молитв и милосердия, а также значительную экзальтацию и расточительность. Внезапная смерть пророка положила конец этой мечте; но тридцать лет спустя она возродилась среди испытанных маррано Испании и Португалии.⁷⁸

Однако, несмотря на все недостатки, венецианские евреи смогли выстоять. Их остроумие, обостренное гнетом, недостаточно суровым, чтобы притупить его, подсказывало им различные способы обойти законы и избежать последствий. Их ненависть к неевреям-угнетателям находила свое удовлетворение в том, чтобы превзойти их в гонке за богатством. Отстраненные от большинства других сфер деятельности, они сосредоточили все ресурсы своего плодородного гения на приобретении золота. Эти обстоятельства едва ли способствовали установлению сердечных отношений между ними и христианами.

Во время войны с Турцией все левантийские купцы в Венеции, большинство из которых были евреями, были, в соответствии с варварской практикой того времени, заключены в тюрьму, а их товары конфискованы. 18 октября 1571 года народный энтузиазм, возбужденный известием о победе Лепанто над турками, среди других демонстраций, таких как приветствия, освобождение должников из тюрем, закрытие магазинов, взаимные объятия, благодарственные службы, колокольный звон и тому подобное, выразился также в протесте против евреев, которых по какой—то оккультной причине внезапно обвинили в развязывании войны. ♦Декабрь 1571 г. ♦ Этот протест привел к изданию Сенатом указа об изгнании, который, однако, был выполнен лишь частично, ♦1573 г. ♦ и два года спустя был отозван усилиями Якопо Соранцо, венецианского агента в Константинополе, который объяснил дожу и Совету Десяти вред, который еврейские колонии в Турции смогли нанести своим католическим врагам на Западе.

♦1574♦

В следующем году еврейский дипломат Соломон Ашкенази прибыл в Венецию в качестве Чрезвычайного посланника, назначенного великим сеньором для заключения мира с Республикой. Не без труда удалось преодолеть предрассудки венецианского правительства и принять еврея. Но, получив признание, к Соломону стали относиться с уважением, подобающим его посольскому характеру, и власти Двора, который он представлял. Радости венецианских евреев по поводу уважения, оказанного их выдающемуся единоверцу, не было предела.

Рим последовал примеру Венеции. Реакция католиков на Реформацию привела к радикальному изменению отношения пап к своим еврейским подданным. Гуманизм был изгнан из Ватикана, а вместе с ним и широкий дух терпимости, который обеспечил евреям Рима исключительное процветание. Древние канонические постановления, которые приводили в запустение отдаленные владения папства, но до сих пор оставались бездействующими в его столице, теперь приведены в исполнение. Еврейские ренегаты вновь подняли старый протест против Талмуда, как источника всех грехов и упрямства евреев, и Суд инквизиции приговорил его к сожжению. ♦1553 г. ♦ Юлий III. подписал указ об уничтожении книги, распространению которой помогал Лев X. В дома римских евреев вторглись мирмидонцы из Святой Канцелярии, и все копии этого и других еврейских произведений, найденных там, были конфискованы и публично

сожжены изощренной злобой в День еврейского Нового года. Подобные костры полыхали в Ферраре, Мантуе, Венеции, Падуе и даже на острове Крит.

♦1555–1559♦

При фанатичном папе Павле IV дела пошли еще хуже. Самый первый месяц его правления ознаменовался Буллой, предписывающей каждой синагоге во всех государствах Церкви вносить по десять дукатов на содержание Дома оглашенных, в котором евреи должны были получать образование в христианской вере. Несколько недель спустя вторая Булла запрещала евреям нанимать слуг-христиан или сиделок, владеть недвижимостью, заниматься медицинской практикой, торговать чем-либо, кроме старой одежды, или иметь какие-либо сношения с христианами. Синагоги были разрушены, за исключением одной; и было объявлено, что все евреи, которые не трудились на благо общества, должны покинуть Рим к установленному сроку. Смысл этого загадочного предложения стал ясен жертвам, когда вскоре после этого их заставили ремонтировать стены города. Эдикт об изгнании, правда, был немедленно отменен вмешательством кардинала Фернезе; но жестокости их обращения было достаточно самой по себе, чтобы отправить несчастных в изгнание. ♦1555♦ Многие евреи покинули Рим, а те, кто остался, были заперты в гетто.⁷⁹

До этой даты большинство римских евреев добровольно проживали в особом квартале на левом берегу Тибра, известном как *еврейский сераль* или *Еврейский собор*; но они не были изолированы от христиан; ибо многие из последних, даже представители знати, имели свои роскошные дворцы посреди еврейских домов, и многие величественные римские церкви возвышали свои гордые колокольни поблизости от синагоги. Теперь все это было изменено. Дворцы христианской знати и места христианского богослужения были удалены или отгорожены от жилищ нечистых, и они были окружены высокими мрачными стенами, с портиками и воротами, охраняемыми стражниками, которые закрывали их в полночь и открывали ранним утром, за исключением субботы и Дня Господня или других христианских праздников, когда ворота оставались закрытыми весь день, чтобы ни один неверующий не мог выйти и осквернить христианское празднество своим неосвященным присутствием. В будние дни колокол, созывавший верующих к вечерне, был для еврея, дорожившего своей жизнью, сигналом к возвращению в свою тюрьму. Все заключенные этой тюрьмы, как мужчины, так и женщины, покидая ее пределы, были обязаны носить особую одежду: мужчины - желтую шляпу, женщины - желтую вуаль или большой круглый значок того же цвета на груди. Благодаря этому знаку отличия ни один еврей или еврейка не могли ступить за ворота гетто, не столкнувшись с оскорблениями и возмущением со стороны толпы. Желтый значок был излюбленным предметом насмешек уличных мальчишек и насмешек их старших; так что тюрьма часто становилась убежищем для евреев.

Тем временем португальские марраны, нашедшие убежище в Анконе под защитой папы Климента VII и продолжавшие жить там без всяких притеснений при Павле III. и Юлий III подвергались еще более жестоким преследованиям, чем их еврейские братья в Риме. Через месяц после создания гетто в последнем городе Павел IV издал секретный приказ. что все марраны Анконы должны быть брошены в хранилища Святой Канцелярии, а их имущество конфисковано. Некоторые из заключенных раскаялись и были сосланы на Мальту; остальные были сожжены на костре. Те немногие, кому удалось избежать палачей инквизиции, нашли убежище во владениях герцогов Урбино и Феррары, в то время как из изгнанников на Мальте

некоторые бежали в Турцию; и все эти беженцы объединились в плане мести папе, попытавшись наложить запрет на торговлю в его морском порту Анконе. Но их усилия потерпели неудачу из-за противоречивых интересов различных еврейских общин Италии и Леванта, и раввины, собравшиеся с этой целью в Константинополе, не смогли прийти к единогласному решению.

◆1558◆

Вскоре после этого инквизиция вынудила герцога Урбино изгнать беженцев из своих владений, и они, едва спасшись от военно-морской полиции папы римского, бежали в Турцию. В том же году герцог Феррарский также был вынужден отказаться от своей защиты со стороны Маррано. На протяжении всего правления Павла IV. преследование евреев и криптоевреев, оставшихся в Папской области, было яростным, крещеные ренегаты всегда были гончими в погоне. Павел IV. умер в 1559 году, и его тело провожали до могилы проклятия римлян. Его статуя была снесена, и еврей оскорбил изображение тирана, водрузив ему на голову свою собственную желтую шляпу, в то время как толпа приветствовала этот акт криками горькой радости. Здания Святой канцелярии были сожжены, а население грубо обошлось с доминиканцами.

Но участь евреев не улучшилась окончательно с исчезновением их заклятого врага. Пия IV. попросили облегчить их бремя, и он издал благоприятную Буллу. Тем евреям, которые жили за пределами города, разрешалось обходиться без значка, приобретать землю определенной стоимости и торговать другими предметами, помимо старой одежды. ◆ 1566-1572гг. ◆ Но даже эти незначительные уступки были отменены Пием V, соперничавшим с Павлом IV. в своем добросовестном преследовании ереси и неверия. На третий месяц после его восшествия на престол Святого Петра все старые ограничения были вновь введены в отношении евреев Папской области и были распространены на их братьев по всему католическому миру. Нарушение этих указов сурово каралось и служило предлогом для грабежа. ◆ 1569г. ◆ Наконец, Пий V, глухой к советам своих самых мудрых советников и к интересам своего собственного государства, издал Буллу, изгоняющую всех евреев из своих владений, за исключением Рима и Анконы. Как обычно, несколько человек обратились в христианство, но большинство предпочло уйти в спешке, оставив после себя все имущество, которое они не смогли реализовать, и все долги, которые они не смогли взыскать в кратчайшие сроки. Изгнанники были рассеяны по соседним штатам Урбино, Ферраре, Мантуе и Милану.

◆1572–1585◆

Григорий XIII, преемник Пия V., продолжил антиеврейскую программу своих предшественников. Он обновил канонический закон, который запрещал евреям врачам ухаживать за пациентами-христианами, наказывая нарушителей с обеих сторон. Евреи, подозревавшиеся в общении с еретиками, в укрывательстве беженцев из Испании или в иной помощи врагам и жертвам Церкви, предстали перед инквизицией и были приговорены к потере имущества, рабству на галерах или смерти. Талмуд и другие еврейские писания снова были изъяты и сожжены. Грегори также поощрял иезуитов в их работе по обращению, и папская булла 1584 года вынудила евреев слушать проповеди в церкви Святого Ангела, недалеко от гетто, и платить проповедникам, нанятым для их извращения. Многие несчастные, поддавшись страху или искушению, приняли христианство; еще больше покинули Рим.

◆1585–1592◆

Сикст V, движимый более широким и гуманным духом и более просвещенной жадью золота, чем кто-либо из его предшественников или современников, отменил эти жестокие указы, ♦ 1586г.♦ снес барьеры, ограничивавшие судебный и финансовый статус евреев, запретил доблестным мальтийским рыцарям обращать в рабство евреев, которых они встречали в открытом море во время своих путешествий в Левант и обратно, предоставил евреям совершенную свободу совести, проживания и торговли в своих владениях, а взамен неограниченной алчности бывших Папы ввели фиксированный подушный налог в размере двенадцати джулиев для всех мужчин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти. Эта революция побудила многих евреев вернуться в Рим. Сикст увенчал свою щедрость тем, что разрешил печатать Талмуд и другие книги на иврите, предварительно подвергнув их цензуре.

♦1592–1605♦

Но облегчение было лишь временным. При Клименте VIII, в остальном превосходном человеке и способном государственном деятеле, царство нетерпимости возродилось. ♦1593♦ Он изгнал евреев из государств Церкви, за исключением Рима и Анконы, и запретил использование книг на иврите. ♦ 1597♦ Несколько лет спустя он приказал изгнать их из Миланского округа, и они едва избежали аналогичного приговора в Ферраре, которая после провала линии Эсте недавно была присоединена к владениям папы.

В семнадцатом веке мы слышим о новых папских буллах, запрещающих итальянским евреям заниматься всеми почетными профессиями и ограничивающих их коммерческую деятельность торговлей поношенной одеждой.

Именно в этот черный период еврейской истории в Рим приехал английский джентльмен. Он был путешественником, у которого был взгляд на другие вещи, помимо живописных руин, и сердце, в котором было место и для других людей, кроме тех, кого случай сделал его соотечественниками и единоверцами. Его звали Джон Эвелин. Среди вещей, которые он увидел в Риме, был еврейский квартал, и он записывает свои впечатления следующими словами под датой 7 января 1645 года:

“Евреям на Понте Систо была прочитана проповедь, которые вынуждены сидеть до отбоя; но в их лицах столько злобы, они плеваются, мычат, кашляют и двигаются, что почти невозможно услышать хоть слово от проповедника. Обращение происходит очень редко”.⁸⁰

Снова под датой 15 января 1645 года:

“Я отправился в гетто, где евреи живут как бы в пригороде сами по себе; один мой знакомый еврей пригласил меня посмотреть на обрезание. Я проходил мимо Пьяцца Иудея, где начинается их Сераль; поскольку они окружены стенами, их запирают каждую ночь. В этом месте до сих пор сохранилась часть величественного сооружения, которое, как сказал мне мой еврей, было их дворцом для посла их нации, когда их страна была подвластна римлянам. Когда меня провели через синагогу в частный дом, я обнаружил в комнате множество людей: мало-помалу вошел старик, который приготовил и разложил по порядку водолазные инструменты, принесенные маленьким ребенком около 7 лет в коробке. Все это мужчина положил в серебряную подставку; нож был очень похож на короткую бритву, которую можно было вставить в рукоятку. Затем они воскурили в кадилнице немного ладана, который благоухал по всему

Риму все время, пока совершалась церемония. В тазу лежал маленький колпачок из белой бумаги, похожий на капюшон капютина, не больше пальца.... Во время исполнения церемонии вся компания распевала еврейский гимн варварским тоном, размахивая руками взад и вперед, - церемония, которую они соблюдают во всех своих богослужениях. Все евреи в Риме носят желтые шляпы, живут только за счет брокерства и ростовщичества, они очень бедны и презренны по сравнению с теми, кем они являются на других территориях князей, где им это разрешено”.

И снова под датой 6 мая 1645 года:

“Евреи в Риме носили красные шляпы до появления Карты Львов. Будучи близоруким, недавно отдал честь одному из них, приняв его за кардинала, когда тот проходил мимо его кареты; на что был дан приказ использовать только желтый цвет”.

В следующем году Эвелин посетила еврейский квартал в Венеции:

“На следующий день меня отвели в гетту, где евреи живут вместе, как в племени или приходе, где я присутствовал на свадьбе. Невеста была одета в белое, восседала в высоком кресле и накрыта белой вуалью; затем два старых раввина соединили их вместе, один из них держал в руке бокал с вином, который в разгар церемонии, делая вид, что подает женщине, он уронил, разбивание которого должно было означать хрупкость нашей натуры и то, что мы должны ожидать бедствий и невзгод среди всех удовольствий. В этот день у нас был прекрасный пир, и нас привели в комнату невесты, где кровать была убрана цветами, а покрывало усыпано салфетками. На этой церемонии мы увидели очень красивых португальских еврейок, с которыми у нас состоялся небольшой разговор”.⁸¹

Эти две маленькие картинки, которые, подобно портретам на ящиках с древнеегипетскими мумиями, сохраняют для нас в неизменной свежести черты мертвого прошлого, показывают, что даже мрак и грязь гетто не были достаточно сильны, чтобы убить привязанность еврея к своим традициям и его любовь к символизму или осквернить поэзию его внутренней жизни. Но прежде чем мы перейдем к этой части предмета, мы должны упомянуть еще об одном деспотическом законе, принятом в Риме в то время, когда столетие, которому суждено было стать свидетелем падения древних династий, гибели деспотизма и пробуждения народной души, уже далеко зашло вперед. Этот эдикт восемнадцатого века, состоящий из сорока четырех статей, кодифицирует все запреты, которые были установлены в предыдущие века: он является эпилогом к отвратительной трагедии. Одна из статей гласит: “Евреям и христианам запрещается играть, есть, пить, вступать в половую связь или обмениваться друг с другом конфиденциальными сведениями даже самого незначительного характера. Подобное не допускается ни во дворцах, ни в домах, ни на виноградниках, ни на улицах, ни в тавернах, ни в магазинах, ни в каком другом месте.... Евреи, совершившие правонарушение в этом вопросе, понесут наказание в виде штрафа в размере 10скуди и тюремного заключения; христиане - аналогичный штраф и телесные наказания”.⁸²

Таким образом, дети Израиля жили обособленно в этих узких кварталах, быстро размножаясь, в то время как отведенное им пространство оставалось прежним; многие семьи собирались вместе в одном доме, часто в одной комнате; и дышали воздухом того, что при сложившихся обстоятельствах быстро превратилось в настоящие тесноты. Внешний мир постепенно перерос средневековые условия жизни; улицы стали прямыми, широкими и воздушными; свет проникал

во дворы, которые нависающие верхние этажи когда-то обрекали на вечную темноту; но гетто не знало ни одного из этих благ. Год за годом жизнь в гетто становилась все более убогой, а заключенные все более равнодушными к требованиям современной моды и общепринятых приличий. Заключение привело к деградации; фатальный дар плодовитости, культивируемый как религиозный долг, способствовал этому, и вскоре римское гетто стало синонимом его грязи и нищеты. Когда-то на пространстве менее квадратного километра роилось до десяти тысяч душ. К проклятию перенаселенности добавился ежегодный разлив Тибра, который превратил узкие кривые улочки в болотистые переулки, наполнил подвалы зловонной грязью и превратил весь квартал в унылое обиталище преждевременно состарившихся мужчин, низкорослых детей преклонного возраста и отвратительных развалин женского естества: место, где Бедность и чума шли рука об руку и где человек был вовлечен в вечную борьбу со Смертью.

Уединение гетто расширило пропасть между двумя мирами. Если язычник запрещал еврею присваивать титул или следовать призванию джентльмена-христианина, то еврейский общинный закон запрещал ему носить одежду джентльмена-христианина. Разнообразие в одежде было лишь внешним проявлением более глубокого разнообразия характеров, разделявшего эти два элемента. Невежество язычников стало более глубоким, а предрассудки евреев - более непримиримыми, чем когда-либо прежде. Гетто было институтом, рядом с которым монашество могло показаться идеалом общительности. Молодой монах, войдя в обители своего монастыря, унес с собой неизгладимые впечатления семейной жизни и нежные воспоминания детства. Обитатель гетто, насколько это касалось внешнего мира, был рожден монахом. Каждый в стенах гетто был братом, каждый за его воротами - врагом. В младенчестве внешний мир был неизвестным, несуществующим миром. Позже дитя гетто привыкло слышать, как тех, кто находится за его пределами, называют идолопоклонниками; чудовищами, чьей нечистоты следует избегать, чьей жестокости следует опасаться, чью алчность нужно побеждать хитростью — защитой и вредительством слабых. Эти уроки были проиллюстрированы рассказами о нападениях и оскорблениях, жертвами которых постоянно становились его родители и родственники, особенно по христианским праздникам. Еще позже личный опыт придал плоть и кровь рассказам о детстве, рассказанным с чужих слов.

Но это внешнее убожество искупалось чистотой и очищающим влиянием домашней жизни. Дом был единственным местом на земле, где преследуемый еврей чувствовал себя мужчиной. Переступив порог своего дома, он сбросил вместе с одеянием стыда всякий страх и подобострастие. Везде, где его отвергали, как собаку, под собственной крышей его чтили как хозяина и священника. Субботний светильник изгнал тени и горести рабства из сердца еврея. Религиозная и социальная жизнь гетто воспитала в нем гордость и спасла его человечность. Ставший из-за фамильярности бессердечным к поношению со стороны неевреев, еврей оставался болезненно чувствительным к мнению своего собственного народа. Преследования извне привели к более тесному единению внутри. Как это часто бывает в трудных ситуациях, личные интересы были принесены в жертву общественному благу. Взаимность в духовных вопросах не меньше, чем в мирских — сила объединения — принцип социального братства, всегда присущий евреям, перерос в страсть, не имеющую аналогов в истории с первых дней христианства.

Различные общинные постановления (*такканот*) укрепляли это чувство взаимной лояльности. Например, ни одному еврею не разрешалось соревноваться с братом-евреем в аренде дома у христианина или заменять арендатора без согласия последнего. Ряд таких законов, многие из

которых относятся к гораздо более раннему периоду, были повторно приняты конгрессом итальянских раввинов накануне создания Римского гетто. Таким образом, евреи фактически получили бессрочную аренду своих домов; их общее право на дом (*jus casaca*) было активом, который можно было продать, завещать или даровать в качестве приданого дочери. Папы не замедлили принять к сведению это постановление. Климент VIII. узаконил соглашение, так что, пока арендная плата выплачивалась регулярно, выселение было практически невозможно. Но один из его преемников довел принцип еврейской взаимности до логического завершения и обратил его против самих евреев, возложив на общину ответственность за аренду всех домов в гетто, как пустых, так и сдаваемых внаем. Такая же взаимность интересов признавалась и в вопросах, касающихся души. Каждый член братства был ответственен за грехи остальных, и исповедь отдельного человека была исповедью всего сообщества.

Израиль, отрезанный от мира, создал мир для себя. Никогда иудаизм не достигал более высокой степени религиозного единообразия, никогда духовные узы, связывавшие воедино разрозненных членов великой семьи, не становились теснее, чем в этот период их самого тяжелого горя. Исчез язык, страна, государство; у евреев не осталось ничего, кроме религии. Считалось, что, если допустить исчезновение учения Закона, это будет означать исчезновение расы. Религия была национализирована, чтобы спасти нацию. Строгая дисциплина синагоги и отсутствие социальной радости всегда поощряли набожность. Гетто превратило это в кодекс. “Шулхан арух” Джозефа Каро, или “Приготовленный стол”, справочник законов и обычаев, составленный в середине шестнадцатого века, превратил изменчивые черты еврейской жизни в жесткую маску, которую она продолжала носить по всей Европе до начала девятнадцатого века. Но глубоко под ледяной поверхностью ритуала — коркой мертвых и оупляющих правил и запретов — тек живой и поддерживающий поток веры, становящийся все сильнее и яростнее из-за своего заточения. Отверженные человечества, в разгар своей деградации — презируемые и во многих отношениях омерзительные — сохранили драгоценное наследие и свою гордость за него нетронутыми. Этому сохранению способствовали многочисленные посты и пиршества. Таким образом, община постилась по субботам во второй половине дня в память о смерти Моисея или по воскресеньям в память о разрушении Храма.

В День Искупления они с благоговением слушали трогательные слова, в которых благородный древнееврейский бард выразил горе своего народа:

“Разрушен и осквернен Сион лжи,
Лишенный великолепия и славы,
Ее древняя слава полностью померкла,
Осталось только одно бессмертное сокровище;
Все еще наш, о Господь,
Твое Святое Слово”.⁸³

Праздник Кушей год за годом разжигал в них благодарность за чудесное сохранение в пустыне. Праздник Посвящения напомнил им об их освобождении от эллинского ига. В канун Пасхи был прочитан седе́р, самая древняя домашняя служба, и затем за праздничным столом собрались

тени одаренных людей древности, которые воспевали славу Израиля, и храбрых людей, которые пострадали за веру Израиля. Затем в тысячный раз, со слезами и смехом, под аккомпанемент песен и вина, была пересказана история об уходе их предков из Египта. В конце трапезы дверь была открыта, и на столе остался кубок с вином. Это было сделано в честь приема Илии, предвестника ожидаемого Мессии. В этом и подобных домашних обрядах ежегодно возрождалась память о прошлом, и, хотя его величие делало убогое настоящее еще более убогим, оно также поддерживало надежду на искупление. Ковер-самолет веры, эта бесценная семейная реликвия Израиля, перенес обитателей гетто из их зловонного окружения далеко-далеко в сияющие царства Сиона. Мессианская утопия никогда не была более реальной для евреев, чем в это время. Из любимой мечты она превратилась в горячее желание. Было твердо решено, что Искупитель вскоре придет во всей Своей славе и могуществе, соберет Свой народ с четырех концов земли, уничтожит их врагов, восстановит Иерусалимский храм и заставит народы признать Величие Бога евреев. Мы уже видели одного из таких Мессий семнадцатого века, Саббата Зеби из Смирны. Это была не единственная попытка, в которой стремления человечества признали свое осуществление. Эти мессианские явления, что бы еще о них ни думали, являются самыми трогательными иллюстрациями той бессмертной надежды, которая служила еврею единственным утешением во времена беспримерных страданий и из которой он черпал свою несокрушимую силу духа. Если бы не эта надежда, еврейская нация уже давно перестала бы вызывать у мыслителей удивление своей жизнеспособностью. Вера в Бога, которая, в конце концов, означает веру в самого себя, — вот талисман, который позволил еврею, как и греку, триумфально пройти через испытания, которые сокрушили бы большинство других рас. Тот же самый взрыв, который тушит небольшой пожар, раздувает большой, разжигая еще более сильное пламя.

ГЛАВА XIV

РЕФОРМАЦИЯ И ЕВРЕИ

Любовь к свободе, породившая Ренессанс, была также источником другого детища — Реформации. Первая увидела свет на латыни, вторая - в Тевтонской Европе. Защита прав человека была их общей целью: но в то время как Ренессанс стремился достичь этой цели через освобождение человеческого разума, Реформация пыталась достичь ее через освобождение человеческой совести. Интеллект, наследие эллинизма, был оружием одного: другой черпал свою силу из еврейского источника Интуиции. Папство было врагом обоих. Отдельные папы поддерживали движение старейшин и таким образом невольно готовили пример и союзника для других. Пока Николай I, Пий II и Лев X развлекались с младенцем-великаном в Италии, его брат по ту сторону Альп тренировался и вооружался для битвы.

Восстание против самодержавия римского двора было начато в середине четырнадцатого века Уиклифом и продолжено Гуссом. Распущенность понтификов и кардиналов, священников и монахов в пятнадцатом и шестнадцатом веках укрепляла дух мятежников и пополняла их ряды свежими рекрутами; и немецкие князья, которые долгое время были недовольны оковами, наложенными на них папским и императорским вмешательством, взяли реформаторов под свою

защиту, таким образом обеспечив ту светскую сторону, без которой никогда не обходилась ни одна священная война.

В книге “Эразмус” — “Слава священства и позор” — два движения нашли общего защитника и выразителя. В нем Эпоха Возрождения пересекла Альпы, и в его знаменитом Восхвалении Безумия латинская враждебность к интеллектуальной тирании Церкви соединяется с тевтонской враждебностью к ее духовной тирании. Обеты и бдения, самоуничтожение, епитимьи и уныние католицизма подвергаются нападкам не менее беспощадно, чем мирскость, безнравственность и лицемерие его служителей. Но если Эразм отмечает встречу, он также отмечает расставание путей.

Рядом с Эразмом стоит Лютер. Он также сочетал интеллектуальные достижения с духовными целями. Но одна фигура стоит на пути Возрождения, а другая - на пути Реформации. Эразм, высмеивая в изящной сатире современные суеверия, злоупотребления грязных священников и бесчинства веселых монахов, боится разрыва со Святым Престолом. Как бы ему ни хотелось видеть католицизм примиренным со здравым смыслом, он с ужасом отшатывается перед колыями и эшафотами Святой Канцелярии. Он мог согласиться с Лютером по многим пунктам и все же написать: “Даже если бы Лютер высказал все в самой непринужденной манере, у меня не было желания умирать за Истину”. “Пусть другие изображают мученичество”, - говорит он в другом месте: “Что касается меня, то я недостоин такой чести”. Мартин Лютер был сделан из более сурового материала и проще. Хотя он объединил усилия с апостолами культуры, он был полон решимости пойти гораздо дальше, чем они, в одном направлении, но не так далеко в другом. Союз между Литературой и Реформой, между двумя братьями Разумом и Совестью, между Южными и Северными Идеалами не мог длиться долго. Свободный и жизнерадостный элемент темперамента Лютера и его литературные вкусы предотвратили определенный разрыв в его время. Но при его преемниках разница между двумя сторонами стала слишком большой для сотрудничества. Разум и смех двинулись в одну сторону. Совесть и уныние - в другую.

Мы уже видели, что сыны изгнанного Израиля получили лишь скудное утешение от триумфа старшего отпрыска Свободы. Теперь мы перейдем к тому, чтобы показать, что принесла им победа другого.

Мартин Лютер в своей застольной беседе дает полное и яркое описание немецких евреев своего времени. Он говорит нам, что их следы можно найти по всей Германии. В Саксонии о них говорят многие названия мест: Зиман, Дамен, Ресен, Сигрец, Швиц, Прата, Таблон.⁸⁴ Во Франкфурте-на-Мэне их чрезвычайно много: “В их распоряжении целая улица, на которой каждый дом заполнен ими. Они вынуждены носить маленькие желтые кольца на пальто, чтобы их знали; у них нет собственных домов или угодий, только мебель; и, действительно, они могут давать деньги взаймы только под залог домов или угодий в грейт-хасарде”.⁸⁵ “Им не разрешается держать скот или торговать им; их основные занятия - брокерские операции и ростовщичество”.⁸⁶

Но это не исчерпывает список притеснений:

“Богатый еврей, находясь на смертном одре, приказал перевезти его останки в Ратисбон. Его друзья, зная, что даже труп еврея не может быть перевезен без уплаты большой пошлины, придумали способ упаковать тушу в бочку с вином, которую затем переправили обычным

способом. Возчики, не зная, что лежит внутри, постучали по бочке и радостно удалились, пока не обнаружили, что пили жидовский рассол. Как у них обстояли дела, вы можете себе представить”.⁸⁷

Вымогательство было не единственной опасностью, с которой приходилось сталкиваться путешествуя еврею: “Два еврейских раввина по имени Шамария и Якоб приехали ко мне в Виттенберг, желая получить от меня охранные грамоты, которые я им выдал, и они были очень довольны”.⁸⁸

Непопулярность евреев в Германии в то время частично объяснялась их стойкой приверженностью Идее, их отчужденностью и отличием в образе мышления и образе жизни от своих соседей:

“Они сидят, как на тачке, без страны, народа и правительства; и все же они ждут с искренней уверенностью; они подбадривают себя и говорят: ‘Скоро у нас будет лучше’.... Они не едят ничего, что убивают христиане и к чему прикасаются; они не пьют вина; у них много суеверий; они усердно омывают плоть, тогда как их нельзя очистить с помощью плоти. Они не пьют молока, потому что Бог сказал: ”Не вари козленка в молоке его матери”.⁸⁹

Отчасти из-за их алчности и враждебности к неевреям: “Это пагубная раса, угнетающая всех людей своим ростовщичеством и разбоем. Если они дают принцу или магистрату тысячу флоринов, они вымогают двадцать тысяч у подданных в качестве оплаты. Мы всегда должны быть настороже против них. Они думают воздать должное Богу, причиняя вред христианам, и все же мы нанимаем их врачей; это искушение Бога”.⁹⁰

Отчасти из-за их высокомерия:

“У них есть надменные молитвы, в которых они восхваляют и взывают к Богу, как будто они одни были его народом, проклиная и осуждая все другие народы, полагаясь на 23-й псалом: ‘Господь - пастырь мой, я ни в чем не буду испытывать недостатка’. Как будто этот псалом был написан исключительно о них”.⁹¹

Насколько эти неприятные качества были причиной, а насколько следствием антипатии нееврея к еврею, - это вопрос, на который предубеждения обеих сторон не затрудняются ответить. Скромный и беспристрастный ученик предпочитает зафиксировать факт и проигнорировать вопрос. Но довольно странно видеть, что непоколебимая вера еврея в Верного Пастыря характеризуется как оскорбление хороших манер.

Мы видели, что преследование евреев в средневековой Германии, начиная с ужасной резни в Рейнской области (1096 г.) и заканчивая их изгнанием из Ратисбона (1476 г.), имело своей непосредственной причиной ненависть, которую питала к ним католическая церковь. Оргии крестоносцев были продиктованы главным образом благочестивой мстительностью; яростные усилия монахов-доминиканцев и инквизиции по обращению евреев были вызваны желанием спасти их от ереси и помешать им заражать других своим примером. Все ереси, от альбигойской до гуситской, вплоть до движения, кульминацией которого стало отделение Лютера от римской церкви, рассматривались Церковью как уходящие своими корнями в еврейское учение и практику. Поклонение Деве Марии, Святым и реликвиям, которые оскорбляли евреев в римском культе, также были особыми объектами протестантского отвращения. Они оба пострадали за совесть; инакомыслие, преступление иудаизма, было

славой протестантизма; Рим, светский враг одного, был также заклятым врагом другого; и они оба были клеймены Римом общим эпитетом еретиков. Следовательно, мы могли бы разумно ожидать, что Лютер и его братья-реформаторы отнеслись бы к евреям с симпатией. Но история не подтверждает этот *априорный* вывод.

Протестантизм с самого начала оказался таким же враждебным по отношению к евреям, как и католицизм. Было высказано предположение, что враждебность Лютера была вызвана тем фактом, что энтузиазм по поводу реформ и упрощения доктрины и богослужения породил тенденцию к еврейскому унитаризму, лидеры которого были клеймены как *полуюдеи*. Возможно, было бы ближе к истине сказать, что враждебность к евреям была настолько старой и глубокой и проистекала из стольких источников, что даже общность интересов и вражда не могли ее уничтожить. Мы уже видели, как евреи и христиане заблудились в одном и том же лабиринте каббалистического мистицизма; но это безумное партнерство не улучшило отношений между двумя сектами. Привязанность реформаторов к еврейской Библии также не вызвала симпатии к расе, плодом гения которой была эта Библия. Еврея ненавидели в конкретном плане настолько же, насколько им восхищались абстрактно. Возможно, на него также повлияла обманутая надежда Лютера обратить евреев в протестантизм. Но, каково бы ни было происхождение этих чувств, сторонники протестантизма и их последователи, начиная с шестнадцатого века, заняли крайне недружелюбную позицию по отношению к Израилю. С точки зрения Лютера, это развитие событий также не является совершенно непонятным.

Лютер, восставший против Церкви, был одним человеком; Лютер, основатель Церкви, - другим. Участвуя в своей дуэли с Римом, Мартин Лютер стремился заручиться благосклонностью и помощью гуманистов своего времени. Он прилагал все усилия, чтобы представить дело Реформ как дело Разума. Он описывал своих друзей как друзей либеральной культуры, а своих врагов - как врагов света. Он предложил теологическую дискуссию и заявил, что готов руководствоваться в толковании Священных Писаний чистым разумом. Но когда борьба закончилась и битва была выиграна, деспотический характер и непреклонный догматизм религиозного лидера оттолкнули многих его литературных союзников, в том числе Эразма; в то время как те же причины также оттолкнули многих из его религиозных сторонников. Действительно, поведение Лютера в час его успеха, казалось, придавало окраску утверждению его противников, что, будь он папой римским вместо Льва X, он защитил бы Церковь от гораздо более грозного противника, чем виттенбергский монах. В конце концов, бунтарь часто оказывается всего лишь тираном, лишившимся власти.

По отношению к евреям поведение Лютера было таким же, как и по отношению к его собратьям-христианам и товарищам-повстанцам. Сначала он взялся защищать их от всех освященных веками предрассудков средневековья. Он в резких выражениях осудил нехристианский дух "глупых теологов" и их дерзость по отношению к евреям, а в 1523 году опубликовал работу под поразительным названием "Иисус родился евреем", в которой заявляет: "Эти глупцы, паписты, епископы, софисты, монахи, раньше так обращались с евреями, что каждый добрый христианин предпочел бы быть евреем. И если бы я был евреем и видел, как такая глупость и такие болваны царят в христианской церкви, я бы предпочел быть свиньей, чем христианином. Они обращались с евреями так, как будто те были собаками, а не людьми, и как будто они не годились ни на что, кроме как на то, чтобы их поносили. Они являются кровными родственниками нашего Господа; следовательно, если мы уважаем плоть и кровь, евреи

принадлежат Христу больше, чем мы. Поэтому я умоляю, мои дорогие паписты, если вам надоест поносить меня как еретика, начните поносить меня как еврея.

Поэтому я советую нам обращаться с ними по-доброму, но теперь мы изгоняем их силой, обращаясь с ними лживо или позорно, говоря, что у них должна быть христианская кровь, чтобы смыть еврейское пятно, и я не знаю, что за чушь. Также мы запрещаем им работать среди нас, жить с нами и вступать в общественные отношения, заставляя их, если они хотят остаться с нами, быть ростовщиками”.⁹²

Таковы были чувства Лютера-бунтаря. Лютер-победитель не сохранил от них ничего, кроме энергии, с которой они выражены. Хотя при подготовке своего немецкого перевода Библии Лютер прибегал к помощи еврейских раввинов, он относился к ним с не меньшим отвращением, чем к папистам, с которыми он их часто сравнивает. Его яростное отступничество проявилось в 1544 году, когда он опубликовал брошюру под наводящим на размышления названием "О евреях и их лжи". В этой работе апостол эмансипации передает бразды правления еврею - ненависть, полностью равная той, которую проявляют католические враги иудаизма. Приведенные выше цитаты из Застольной беседы Лютера показали, что он разделял антипатию, питаемую его современниками к еврейскому народу. Еще несколько цитат из той же книги покажут, что он превзошел их в своей враждебности к еврейскому вероучению.

На Мартина Лютера глубокое впечатление произвело древнее величие еврейской расы: “Это была могущественная нация”.⁹³ “Что мы за бедный, несчастный народ — что такое Рим по сравнению с Иерусалимом?”⁹⁴ “Евреи по сравнению со всеми другими нациями имели великие привилегии; у них были главные обетования, высочайшее поклонение Богу и поклонение, более угодное человеческой природе, чем служение Богу в вере в Новом Завете.... Среди евреев были выдающиеся люди, такие как Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, Давид, Даниил, Самуил, Павел. Кто может не скорбеть о том, что столь великая и славная нация должна быть столь прискорбно уничтожена?”

Мартин Лютер столь же глубоко осознает наш долг перед евреями: “В Латинской церкви не было выдающихся людей и учителей, кроме Августина; а в Церквях Востока не было никого, кроме Афанасия, а он не был ничем особенным; следовательно, мы - веточки, привитые к нужному дереву. Пророки называют евреев, особенно из рода Авраама, честной подменой, из которой вышел сам Христос”.⁹⁵ Он также не закрывает глаза на их страдания— “Евреи - самые несчастные люди на земле. Они преследуются повсюду и рассеяны по всем странам, не имея определенного места отдыха”⁹⁶— или к их героической вере в будущее.⁹⁷

Но эти благородные чувства восхищения, благодарности и жалости кажутся всего лишь преходящими эмоциями; богослов внутри него слишком силен для этого человека. Возвышенная уверенность еврея не является добродетелью в глазах Лютера. Это злое заблуждение: “Так ожесточились они; но пусть они твердо знают, что нет другого Господа или Бога, но только тот, кто уже восседает одесную Бога Отца”.⁹⁸ Их приверженность обрядам своей религии является для Лютера еще одним доказательством их порочности: “Такие суеверия происходят от Божьего гнева. Те, кто лишен веры, имеют законы без конца, как мы видим у папистов и турок. Но им служат по праву, ибо, видя, что они отказались принять Христа и его Евангелие, вместо свободы они получили рабство”.⁹⁹ Их бедствия, далекие от того, чтобы

внушать Лютеру сострадание, дают ему новый аргумент для осуждения: “Слава Храма была так велика, что весь мир должен был поклоняться там. Но Бог, по особой мудрости, разрушил этот Храм, чтобы в конце концов евреи были приведены в замешательство и больше не хвастались этим”.¹⁰⁰ И еще: “Либо Бог, должно быть, несправедлив, либо вы, евреи, нечестивы и безбожны; ибо вы были в нищете и страшном изгнании гораздо дольше, чем вы были в земле Ханаанской. У вас не было Храма Соломона более трехсот лет, в то время как за вами охотились вдоль и поперек более полутора тысяч лет. В Вавилоне вы имели большее влияние, чем в Иерусалиме, ибо Даниил был более великим и могущественным князем в Вавилоне, чем Давид или Соломон в Иерусалиме.... Более полутора тысяч лет вы были расой, отвергнутой Богом, без правительства, без законов, без пророков, без храма. Этот аргумент вы не можете разрешить; он повергает вас на землю подобно удару грома; вы не можете указать никакой другой причины вашего состояния, кроме ваших грехов”.¹⁰¹

Разрушение Иерусалима, рассеяние и гонения на расу являются ясным свидетельством Божьего гнева: “Но евреи настолько ожесточены, что ничего не слушают: хотя они и побеждены свидетельствами, они не уступают ни пяди”¹⁰²— настолько они “упрямые, надменные и самонадеянные”:¹⁰³ Поистине, высокомерная и жестокая раса людей, хвастающаяся, подобно папистам, “что они одни являются народом Божиим и не допустят никого, кроме тех, кто принадлежит к их Церкви”.¹⁰⁴ К Лютер, по мнению Тацита, евреи - враги человечества: “И действительно, они ненавидят нас, христиан, как смерть. Им неприятно видеть нас. Если бы я был хозяином страны, я бы не позволил им заниматься ростовщичеством”.¹⁰⁵

Предполагаемое мастерство евреев в черном искусстве является еще одним тяжким преступлением в глазах Лютера: “Среди евреев есть колдуны, которым доставляет удовольствие мучить христиан, ибо они держат нас как собак. Герцог Альберт Саксонский хорошо наказал одного из этих негодяев. Еврей предложил продать ему талисман, покрытый странными знаками, который, по его словам, эффективно защищал владельца от любого удара мечом или кинжалом. Герцог ответил: ‘Я испытаю твои чары на тебе самом, еврей’, - и, надев талисман парню на шею, он выхватил свой меч и пронзил его насквозь. ”Ты чувствуешь, еврей! - сказал он, - что было бы со мной, если бы я купил твой талисман?”¹⁰⁶ В этой истории есть несколько моментов, представляющих интерес для изучающего средневековое христианство, и не наименее интересным из них является одобрение поступка герцога самим Лютером.

Лютер, поборник духовной свободы, не мог простить евреям расхождения с ним в толковании Священного Писания: “Евреи читают наши книги и по этому поводу выдвигают против нас возражения; это нация, которая презирает и богохульствует так же, как это делают юристы, паписты и их противники, извлекая из наших писаний знания о нашем деле и используя их как оружие против нас”.¹⁰⁷ Однако ту самую тактику, которую Лютер так простодушно осуждает у евреев, юристов и папистов, он сам перенял первым. . В своих попытках обратить евреев он, как и другие до него, черпает все свои аргументы из еврейской Библии: “Я убежден, что если бы евреи услышали нашу проповедь и то, как мы обращаемся с Ветхим Заветом, многих из них можно было бы привлечь на свою сторону, но из-за споров они становились все более упрямыми, надменными и самонадеянными”.¹⁰⁸ И в другом месте: “Я изучил основные отрывки Священного Писания, которые составляют основание, на котором евреи выступают против нас; например, где Бог сказал Аврааму: “Я заключу завет мой между мною и Тобою”. , и с потомством

твоим после тебя, в их поколениях, для вечного завета...."Здесь евреи хвастаются, как это делают паписты в отрывке: "Ты - Петр". Я бы охотно лишил евреев этого хвастовства, отвергнув Закон Моисея, чтобы они не могли мне перечить. У нас есть против них пророк Иеремия, где он говорит: "Вот, наступает время, речет Господь, когда Я заключу новый завет с домом Израиля и с домом Иуды, не такой, как завет, который Я заключил с их отцами"...."¹⁰⁹ В другом случае он пытается опровергнуть иудеев, цитируя пророчество Иеремии, касающееся Христа: "Вот, наступают дни, речет Господь, когда Я воздвигну Давиду праведную ветвь, и Царь будет царствовать и процветать... и вот имя, которым он будет наречен, Господь, наша Праведность'. Этот аргумент евреи не в состоянии разрешить; и все же, если они отрицают, что это предложение сказано о Христе, они должны показать нам другого Царя, потомка Давида, который должен править до тех пор, пока существуют солнце и луна, как возвещают обещания пророков".¹¹⁰

Лютер в этих отрывках и подобных им повторяет все избитые аргументы, с помощью которых христиане с самых ранних времен пытались убедить евреев в пришествии Мессии. Он настаивает на том, что "Закон Моисея действовал лишь некоторое время, поэтому его следует отменить"; что "обрезание должно было продолжаться лишь некоторое время, пока не пришел Мессия; когда он пришел, заповедь подошла к концу", замененная "обрезанием сердца";¹¹¹ что Авраама оправдала вера, а не дела,¹¹² и так далее. Но евреи ответили на аргументы Лютера так же, как их отцы отвечали на аргументы Юстина Мученика, Тертуллиана и других древних авторитетов, а также на аргументы монахов-доминиканцев: "Завет об обрезании, данный до времен Моисея и заключенный между Богом и Авраамом и его семенем Исааком в его поколении, говорят они, должен и будет вечным заветом, который они не допустят, чтобы у них отняли".¹¹³

Красноречие Лютера или, возможно, его способность защищать их иногда брали верх над евреями. Он рассказывает нам, что два раввина, Шамария и Якоб, которые пришли к нему в Виттенберг просить о безопасном прохождении, "пораженные в самое сердце, заставленные замолчать и убежденные, отказались от своих заблуждений, обратились в христианство, а на следующий день в присутствии всего университета в Виттенберге приняли крещение в христианство".¹¹⁴ Долгие страдания народа и постоянно откладываемое осуществление надежды на искупление иногда вызывали тоску и отчаяние: "В 1537 году, когда я был во Франкфурте, великий раввин сказал мне: "Мой отец очень много читал". он долго ждал пришествия Мессии, но, наконец, потерял сознание и с надеждой сказал: "Поскольку наш Мессия не приходил уже полторы тысячи лет, то, несомненно, это должен быть Иисус Христос"."¹¹⁵ И еще: "Один еврей пришел ко мне в Виттенберг и сказал: он желает креститься и стать христианином, но что он сначала поедет в Рим, чтобы повидаться с главой христианского мира. Я сам, Филипп Меланхтон и другие богословы старались отговорить его от этого намерения, опасаясь, что, став свидетелем оскорблений и мошенничеств в Риме, он может испугаться христианского мира. Но еврей отправился в Рим, и когда он достаточно насмотрелся на творимые там мерзости, он снова вернулся к нам, желая креститься, и сказал: 'Теперь я охотно буду поклоняться Богу христиан, ибо он - терпеливый Бог. Если он может выносить такое зло и подлость, какие творятся в Риме, он может страдать и сносить все пороки и подлости мира".¹¹⁶

Но все крещенные не являются новообращенными. Мартин Лютер был слишком проницателен, чтобы не заметить различия. Как бы он поступил с такими лицемерами, он рассказывает нам с

очаровательной откровенностью: “Если бы еврей, не обращенный в душе, попросил у меня крещения, я бы отвел его на мост, привязал камень к его шее и швырнул в реку; ибо эти негодяи имеют обыкновение высмеивать нашу религию. И все же, в конце концов, вода и Божественное Слово являются сутью крещения, еврей или любой другой человек был бы тем не менее крещен истинно, если бы его собственные чувства и намерения не были результатом веры”.¹¹⁷

Однако даже такие случаи псевдообращения были редкостью. Евреи, как секта, отнюдь не поддаваясь усилиям христиан заставить их принять христианство, питали надежды на то, что христиане примут иудаизм. Приверженность протестантов изучению древнееврейского языка и необычайная популярность, которую каббалистический мистицизм приобрел среди ранних реформаторов благодаря книгам Рейхлина, способствовали развитию этой идеи. Но Лютер уверяет их, что “их надежда тщетна. Они должны принять нашу религию и религию распятого Христа и преодолеть все свои возражения, особенно против изменения субботы, которое их очень раздражает, но это было предписано апостолами в честь воскресения Господа”.¹¹⁸

Напрасно Лютер изменил свою позицию и, оставив свои нападки на религиозные предрассудки евреев, обратил свою артиллерию против их расовой гордости и попытался доказать, что их хваленая чистота крови была мифом:

“В течение 70 лет, пока они были пленниками в Вавилоне, они были настолько сбиты с толку и смешались друг с другом, что даже тогда едва ли знали, из какого племени происходил каждый. Как должно быть теперь, когда на них так долго охотились и гнали язычники, чьи солдаты не щадили ни своих жен, ни дочерей, так что теперь все они, так сказать, незаконнорожденные, и никто из них не знает, из какого он племени?”¹¹⁹ Лютер не знал, что чувство национальной принадлежности гораздо больше зависит от общности интересов и устремлений, воспоминаний о прошлом и надежд на будущее, чем от какого-либо физиологического сходства крови.

Тем не менее, несмотря на свои случайные успехи, сам Лютер осознавал тщетность своих усилий. Он с грустью признает невозможность примирения еврея и нееврея: “На паперти Кельнской церкви стоит статуя декана, который в одной руке держит кошку, а в другой мышь. Этот декан был евреем, но принял крещение и стал христианином. Он приказал установить эту статую после своей смерти, чтобы показать, что еврей и христианин согласны так же мало, как кошка и мышь. И воистину, они ненавидят нас, христиан, как смерть”.¹²⁰

Все эти чувства, сопровождаемые предложениями об угнетении несчастных людей, были воплощены Лютером в его опубликованных брошюрах.¹²¹ Безмерная враждебность реформатора имеет к обычной терпимости многих пап такое же отношение, какое ментальный горизонт провинциального монаха имеет к более широкому видению монарха великой империи.

Если добродушный и жизнерадостный Лютер питал столь жестокие чувства к евреям, нетрудно понять отношение его угрюмых и более ограниченных преемников, вооруженных его примером. Хорошо сказано: “мнение великого человека - ценное достояние и разорительное наследство”. Обвинения Израиля со стороны первых Отцов Церкви продолжали диктовать христианскую

нетерпимость на протяжении веков, и их авторитет цитировался в поддержку преследований и массовых убийств, запятнавших средневековую Европу. Высказывания Лютера оказали аналогичное влияние на протестантский мир, как в его время, так и в последующие, вплоть до наших дней. Протестантская Германия подхватила историю о преследованиях в шестнадцатом веке там, где католическая Германия остановилась в пятнадцатом. Евреям была предоставлена альтернатива крещения и изгнания в Берлине, они были изгнаны из Баварии в 1553 году, из Бранденбурга в 1573 году, и трагедия угнетения продолжалась на протяжении последующих столетий. Насколько энергично продолжал процветать антииудаизм в Германии, видно из следующего случая.

Примерно в 1612 году еврейский ювелир с дюжиной друзей в поисках жилья подали петицию в сенат Гамбурга, предлагая девять тысяч марок за право проживания в городе в течение двенадцати лет, обещая платить ежегодный налог в размере четырехсот марок и заявляя, что готовы подчиниться любым условиям. Но протестантский Гамбург отказался прислушаться даже к аргументу, который так часто побеждал папистский фанатизм. В Гамбурге уже жили португальские евреи, переодетые христианами. Они, вдохновленные примером своих братьев в Амстердаме, недавно сбросили маску и тем самым усилили негодование граждан-лютеран против всей расы. Сенат, действительно, осознавая коммерческую ценность евреев, отказался уступить народному требованию об их изгнании. Духовенство подняло свой голос против лаодикийской тепловатости правительства, и последнее, стремясь избежать упреков в недостатке христианского рвения, с одной стороны, и, с другой, материальных потерь, которые повлекло бы за собой изгнание евреев, обратилось к теологическим факультетам Франкфурта-на-Одере и Йены за оправданием их терпимости. Эти августейшие органы одобрили политику сената, но рекомендовали евреям Гамбурга принять христианство. Сенат приветствовал одобрение, проигнорировал рекомендацию и предоставил евреям право на проживание с оплатой в тысячу марок в год и при соблюдении определенных ограничений. Например, им было запрещено иметь синагоги и совершать еврейские обряды или обрезание, хотя им разрешалось иметь собственное кладбище. По мере того как колония росла в численности, богатстве и коммерческом значении, она отваживалась нарушать многие из этих запретов. Полагаясь на свою силу, евреи Гамбурга тихо построили синагогу примерно в 1626 году.

Однако это скромное и ненавязчивое здание произвело фурор, несоизмеримый с его внутренними достоинствами. ♦1627♦ Император Фердинанд II написал возмущенное письмо в сенат, жалуюсь на то, что евреям должна быть предоставлена свобода вероисповедания, в которой было отказано римским католикам. Этот снаряд, выпущенный из папистского квартала, поджег лютеранский пороховой склад. Добрые священники Гамбурга снова возвысили свой голос и с той логикой среднего класса, которая отличает протестантский полемизм, указали, что, если евреям была предоставлена свобода вероисповедания, такая же свобода должна быть предоставлена католикам — чудовищный абсурд, конечно. Лютеранское духовенство было усилено гамбургскими врачами, которые питали к своим братьям-евреям привязанность, вошедшую в поговорку между людьми профессии. Сенат, вынужденный принять во внимание этот шум, призвал евреев дать отчет о себе. Они, руководствуясь софистикой преследования и уверенностью в богатстве, ответили, что у них нет синагоги, а только дом для молитвы, пригрозив всем скопом покинуть Гамбург, если им запретят свободно исповедовать свою религию. Сенат был вынужден не обращать внимания на софизм и обратить серьезное внимание на угрозу; в результате не была терпима не только эта синагога, но были построены еще две.¹²²

Враждебность лютеран росла по мере роста благосостояния евреев. Джон Миллер, настоятель церкви Святого Петра, инквизитор во всем, кроме названия, проповедовал крестовый поход с кафедры и в прессе. Унижение евреев постепенно превратилось у Миллера в манию. Он не мог выносить ни их пиршеств, ни их постов. Их ликование раздражало его, а их стенания сводили с ума. Их неверие наполнило его ужасом, а их упрямство - отчаянием. ♦ 1644 ♦ Наконец Миллер излил свои чувства в памфлете, замечательном своей благочестивой непристойностью. Три теологических факультета одобрили учение Миллера и заявили, что разрешение врачам-евреям оказывать помощь пациентам-христианам противоречит здравой религии. Но крестовый поход не привел ни к какому другому результату, кроме как показать, насколько верно дух Лютера продолжал вдохновлять немецкий протестантизм в его отношениях с людьми, которых Реформатор так яростно осуждал при своей жизни.

Положение евреев в других частях Германии было намного хуже, чем в торговом городе Гамбурге. Его по-прежнему презирали, угнетали, поносили и за ним охотились более яростно, чем за любым парией. Осталось мало еврейских общин. Во Франкфурте-на-Майне евреям разрешалось жить на условиях, обычно предоставляемых заключенным. Им было запрещено покидать свое гетто, за исключением срочных дел. Им было запрещено гулять вдвоем по соседству с ратушей, особенно во время христианских праздников и свадеб. Находясь в самом гетто, им было запрещено разговаривать вслух или принимать незнакомцев без ведома магистратов. Им было запрещено покупать продукты на рынке одновременно с христианами. Испытывая трудности в гонке за деньгами, они все же были обременены налогами. Их лица были отмечены значками, а дома - гротескными щитами квазигерморального характера. Даже это жалкое существование не было им обеспечено, поскольку городской совет оставил за собой право изгнать любого еврея по своему усмотрению. Как обычно, евреи ухитрились получить хитростью то, что было удержано силой. Они покупали индульгенцию, и законы часто оставались просто памятниками христианской нетерпимости. Но в то время как магистраты извлекали выгоду из их милосердного попустительства, гильдии, нашедшие в евреях грозных соперников, стремились добиться их изгнания. Кампанией руководил смелый и полный энтузиазма кондитер.

Операции начались в определенный сентябрьский день 1614 года. Евреи молились, когда за воротами гетто послышался сильный шум. Завязалась свободная драка, христиане во главе с героическим кондитером атаковали, евреи защищались. Многие пали с обеих сторон, пока победа не склонилась на сторону армии кондитера, и вражеские кварталы не были отданы на разграбление, разрушение и осквернение, которые продолжались всю ночь. 1380 Евреев, укрывшихся на кладбище, некоторое время держали в напряжении относительно их судьбы, но, наконец, им позволили покинуть город, не обременяя себя каким-либо имуществом вообще. Происходящее больше напоминало бы средневековье, если бы не тот факт, что, несмотря на неумолимые предупреждения кондитера, теперь нашлись христиане, достаточно гуманные, чтобы накормить и приютить несчастных изгнанников. Кондитер и его партия безнаказанно правили Франкфуртом целый год.

Тем временем нечто подобное происходило и в Вормсе. Там также евреев ненавидели как конкурентов и презирали как неверных; но антиеврейским движением в этом городе руководил ученый юрист, а не честный, хотя и глупый кондитер. Вследствие этого военные действия приняли иной характер. Вместо открытого штурма законник предпочел осаду. Он закрыл для евреев торговые точки города и не позволил им добывать даже молоко для своих детей. За

этими деликатными приготовлениями последовал ультиматум, адресованный евреям, в котором им предписывалось покинуть город со всем имуществом в течение часа. ♦ 1615г. ♦ Негодяи ушли, оставив свои синагоги и кладбища на растерзание населению. Архиепископ Майнца и граф Дармштадта разрешили беглецам поселиться в деревнях по соседству, где они встретились с некоторыми из своих братьев по несчастью из Франкфурта.

Вскоре после этого Вормсский совет, возмущенный своим унижением, предложил курфюрсту Пфальца вступить во владение городом. Принц принял приглашение, и через несколько месяцев евреям было разрешено вернуться. Вскоре после этого евреи Франкфурта также были вновь допущены электоратом Майнца и Дармштадта под звуки труб. Героический кондитер был повешен и четвертован, его дом стерт с лица земли, а семья изгнана. Император вынудил город выплатить евреям крупную компенсацию за их потери и страдания, и они выразили свою радость, постановив, что канун их возвращения следует отмечать как пост, а сам день - как праздник. Однако социальное положение евреев как во Франкфурте, так и в Вормсе оставалось прежним. В обоих городах они продолжали жить на широкую ногу. Только ограниченному числу семей было разрешено проживать и только ограниченному числу лиц вступать в брак.

♦1620–1648♦

Ужасная Тридцатилетняя война причинила меньше страданий евреям протестантской Германии, чем христианам. В то время как протестанты и католики, движимые духом нетерпимости и жаждой власти, яростно убивали друг друга и опустошали территории друг друга, евреи сколотили свое состояние на беспристрастных спекуляциях добычей обеих сторон. Их возможности, должно быть, были значительными, поскольку именно во время этой войны английский и другие европейские языки обогатились немецким словом “грабить”.

ГЛАВА XV РЕАКЦИЯ КАТОЛИКОВ

Но если Реформация принесла с собой враждебность протестантов и новые невзгоды отверженным человечества, она также стала причиной новых преследований со стороны католицизма. Даже в то время, как папы в Риме терпели евреев или лелеяли их, их агенты за границей, странствующие монахи и все те воины ортодоксии, благодаря фанатичному рвению которых была возвращена и поддерживалась структура папского превосходства, прилагали все усилия, чтобы яростно противостоять распространяющейся эпидемии восстаний. В их глазах евреи были самыми непримиримыми врагами Христа и вечными подстрекателями инакомыслия и ереси. Поэтому именно против евреев они направляли свои самые смертоносные стрелы. Преобладало убеждение, что первым шагом к завоеванию иудаизма было кремирование еврейских книг, которых после изобретения печатного станка стало больше. Эту новую атаку на иудаизм, как и многие другие атаки в прошлом, возглавлял еврей—ренегат по имени Джон Пфефферкорн, мясник по профессии, также осужденный за кражу со взломом и в остальном неограниченный негодяй. 123 ♦ 1509♦ Этот джентльмен, действуя заодно с доминиканцами Кельна, добился от императора Максимилиана разрешения конфисковать все еврейские произведения, противоречащие христианской вере, — очень всеобъемлющий приговор,

который был бы приведен в исполнение, если бы не усилия, предпринятые Джоном Рейхлином в защиту литературы и здравого смысла. Отец немецкого гуманизма. Этот великий ученый восстановил иврит и способствовал изучению греческого языка в Германии. Его привлекал еврейский мистицизм, и у него было много друзей среди евреев. В 1490 году, находясь с визитом в Италии, он познакомился с Пико де Мирандолой, каббалистические доктрины которого он воспринял и изложил в своем труде "De Verbo Mirifico". В 1492 году он был нанят с миссией к императору в Линце, и именно там он познакомился с Якобом Лоунсом, еврейским врачом императора, под руководством которого он начал читать на иврите. Хотя Рейхлин был добрым католиком, он был человеком широких взглядов, и его склонность к каббалистической теософии и эзотерической мудрости раввинов, не делая его поклонником евреев как народа, побудила его защищать их книги. Призванный Максимилианом высказать свое мнение о предложении Пфефферкорна, Рейхлин сделал это таким образом, что, спасая еврейские труды от пожара, защитник подвергся предельной строгости разочарованных доминиканцев, из когтей которых, однако, после жестокой борьбы он был спасен восторженной помощью своих братьев-гуманистов.

Вспышка лютеранского восстания на некоторое время парализовала силы католицизма. Но прошло совсем немного времени, прежде чем папство оправилось от охватившей его паники. Вторая половина шестнадцатого и первая половина семнадцатого веков — сто лет между возникновением Ордена Иисуса и Вестфальским миром — представляют собой период беспрецедентной активности по обращению мира в единую истинную веру. ♦ 1540-1648 гг. ♦ Католические монархи находились в зените своего могущества и фанатизма, и как их совесть, так и их мечи находились под абсолютным контролем папы; ибо от триумфа догматизма зависело осуществление их собственных мечтаний о деспотизме внутри страны и завоеваниях за рубежом. С другой стороны, протестантизм был полон мрачной решимости победить или умереть. Если одна половина Западного христианского мира была страстно привязана к традициям, ставшим дорогими благодаря близости веков, то другая половина была не менее страстно привлечена новизной перспективы, которая только что открыла свои прелести их взору. Результатом этого антагонизма стала самая точная имитация ада на земле, которую когда-либо видел современный мир. Европа, охваченная восстанием и опустошенная варварскими репрессиями, представляла собой сцену, которой, к счастью, трудно было бы найти параллель даже в анналах цивилизованного человечества. В то время как инквизиция наслаждалась человеческими гекатомбами в Испании, испанский генерал Альва опустошал еретическую Голландию, а испанская армада готовилась напасть на еретическую Англию. С течением времени религиозные мотивы отступали все дальше и дальше; но резня, начатая во славу Божью, продолжалась из любви к власти; и те, кого раньше сжигали как еретиков, теперь были убиты как недовольные. Титаническая вражда достигла кульминации в Тридцатилетней войне, в ходе которой не менее десяти миллионов христиан были убиты во имя Христа.

Вестфальский мирный договор на мгновение остановил поток крови, но не залечил рану. Открытому насилию способствовали терпеливые интриги, и монахи продолжили предприятие, в котором монархи потерпели неудачу. Между тем, как будто легионов Святого Доминика, Святого Франциска и других монашеских орденов было недостаточно для разрушительной работы, к ним добавилось, как мы видели, более грозное Общество Иисуса. К этому времени испанская инквизиция также выполнила свою особую миссию по уничтожению мореско и Маррано и вступила в союз с легионом Лойолы; эти две организации вместе составляли обоюдоострый меч в руках католической реакции.

Обычно считается, что между Мартином Лютером и Игнатием Лойолой зияет очень широкая пропасть. Как бы то ни было, есть один момент, в котором сходятся два апостола, — ненависть к Израилю. Ученики Лойолы постепенно проникали во все сферы Европы, и во все сферы они приносили с собой тот гибкий и извилистый дух, которому было суждено доминировать в европейской истории на протяжении веков и наделить европейские языки новым словом зловещего значения. В них Израиль нашел врага, могущественного, как Судьба, и, подобно Судьбе, присутствующего повсюду, повсюду невидимого и неумолимого. Таким образом, те евреи, которые избежали рвения зарождающегося протестантизма, были обречены стать жертвой рвения возрожденного католицизма.

Как в Италии, так и в Центральной Европе правление папы Павла IV. знаменует возрождение католического мракобесия. В 1557 году инквизиция была введена во Франции при Генрихе II. — принце, который мог быть распутным, не будучи геом, и который искупал свою мрачную безнравственность таким неподдельным ужасом перед ересью и культурой, что при его восшествии на престол и гугеноты, и ученые сочли целесообразным покинуть Париж. В 1559 году — через четыре года после создания гетто в Риме — все книги на иврите были конфискованы в Праге по наущению крещеного еврея по имени Ашер. Пожар, который вскоре после этого вспыхнул в еврейском квартале, предоставил католикам Праги возможность продемонстрировать свое благочестие. Они грабили дома евреев и даже бросали в огонь их женщин и детей. В то же время император Фердинанд I. приказал изгнать евреев из Праги и остальной Богемии, наложил множество ограничений на евреев Австрии и изгнал их из Нижней Австрии. ♦ 1569г. ♦ Десять лет спустя евреи Авиньона и Венассена, которые, помимо Марселя, были единственными общинами, оставшимися во Франции после изгнания в 1395 году, и которые, пользуясь благосклонностью просвещенных пап Льва X, Климента VII и Павла III, приобрели большое богатство, получили приказ покинуть страну, и, подобно беженцам из Испании и Италии, они искали и уничтожали евреев. нашел убежище во владениях султана.

♦1620–1648♦

Во время Тридцатилетней войны католический император Фердинанд II защищал евреев, запретив грабить их казну никому, кроме него самого. Известно, что только чешские евреи, уплатив определенную сумму, обязались вносить сорок тысяч гульденов в год на военные расходы. В Вене, ныне штаб-квартире католицизма, евреям также разрешалось толстеть. ♦ 1624г. ♦ Император разрешил им построить синагогу и выбросить значок; но граждане-христиане протестовали, требуя их изгнания. Столкнувшись с таким противодействием, Суд действовал с завидным тактом. Христианам он сказал: “Вы увидите, как евреи будут изгнаны, если заплатите двадцать тысяч флоринов”, а евреям прошептал: “Вам не нужно бояться, если вы заплатите больше”. Судя по результату, евреи, должно быть, превзошли христиан.

♦1630♦

Вскоре после этого в Праге внутренняя вражда между соперничающими фракциями еврейской общины привела к вмешательству властей, и император приказал, чтобы евреи каждое воскресное утро слушали проповеди об их обращении. Отсутствующие были оштрафованы на талер за голову и на более высокую сумму при повторении нарушения. За невнимательность и сонливость во время представления также был наложен штраф. Однако евреи не страдали на протяжении стольких веков, не научившись тому, как притупить остроту преследований.

Коррупцированные придворные нанесли поражение политике набожного императора, и евреям было позволено оставаться в духовной тьме и в мире.

◆1648◆

Несмотря на это жестокое обращение, евреи Праги доблестно сражались, защищая город от шведов, и в знак признания их верности и доблести получили от императора Фердинанда III императорский штандарт, который до сих пор можно увидеть в старой синагоге города.

Тем временем иезуиты продолжали свою беспокойную, хотя и бесшумную кампанию. Даже единственное традиционное убежище Израиля в Европе было отравлено их проповедями. В Польше евреи веками процветали и пользовались своего рода автономией. Короли защищали их, а дворянство, само по себе бережливое и экстравагантное, находило трезвых, трудолюбивых и сообразительных евреев бесценными в качестве судебных исполнителей и финансовых советников. Под крылом принцев и знати евреи приобрели большое влияние. Именно этому влиянию иезуиты приписывали рост ереси в этой стране, и именно это влияние они теперь решили использовать как средство для своей гибели. Реки горечи, вытекавшие из стигийского источника иезуитизма, нашли поле, готовое к удобрению. Немецкие торговцы и ремесленники, обосновавшиеся в различных частях Польши, уже столкнулись в лице евреев с грозными соперниками. Коммерческая зависть усиливалась благочестивыми предрассудками, которые эти иммигранты привезли вместе со своими гильдиями из Отечества; и эти чувства часто побуждали их объединяться с духовенством. ◆1496-1505гг. ◆ Под совместным давлением двух классов преемники Казимира Великого лишили евреев их привилегий и поместили в специальные кварталы или даже изгнали их из определенных городов. Период терпимости наступил при Сигизмунде I. ◆1507-1548 гг. ◆ Благоволению этого государя к евреям способствовала польская знать, которая, люто ненавидя немцев, была рада поддержать своих соперников — склонность, для удовлетворения которой у них было достаточно средств, поскольку исполнение антиеврейских законов находилось в значительной степени в их собственных руках. Благодаря дружбе дворянства Польша продолжала предоставлять убежище преследуемым детям Израиля.

◆1575–1586◆

Стефан Батори, избранный на польский престол через три года после смерти Сигизмунда Августа, последнего коренного короля Польши, проявлял большую благосклонность к евреям. Он защитил расу в Литве от последствий обвинения в крови и даровал ей множество льгот, к отвращению своих христианских подданных, которые в Польше, как и везде, завидовали евреям за их процветание и ненавидели их за ростовщичество и высокомерие. ◆1587-1632◆ Это процветание продолжалось даже при Сигизмунде III, ревностном католике, воспитанном иезуитами. Он подтвердил евреям их древние привилегии, но ввел меру, указывающую на его религиозную предвзятость и чреватую катастрофическими возможностями. ◆1592 ◆ Он постановил, что для строительства новой синагоги должно быть получено разрешение Церкви. Примерно в это время Реформация в Германии в значительной степени утратила свою силу; но в Польше, благодаря немецким иммигрантам, она начала вызывать сильное духовное волнение и пользоваться благосклонностью знати. Некоторые польские сектанты впали в крайность унитаризма и были заклеены как *полуиудеи*.

Ко всем этим источникам опасности для евреев — ненависти к ним со стороны местных жителей из—за их ростовщических поборов, со стороны немцев из-за их коммерческих способностей, со стороны иезуитов из-за их неверности и иудейских наклонностей некоторых инакомыслящих - добавился еще один, который оказался непосредственной причиной преследований.

На берегах нижнего Днепра и северного берега Черного моря постепенно возникло несколько колоний или поселений, образованных частично беглыми рабами и каторжниками в поисках свободы, а частично авантюристами из многих стран и классов в поисках удачи. Это были предки казацкой расы. Их жизнь была такой, какую обещали их предшественники. Независимые и праздные, они знали только одно занятие — разбой. Занятие этим ремеслом приводило их к частым столкновениям со своими татарскими соседями и давало им единственное развлечение — войну. Короли Польши, думая использовать этих закоренелых и безрассудных разбойников для защиты своих восточных границ, даровали им полуавтономную конституцию под управлением свободно избранного *гетмана* или атамана. К сожалению, казаки по большей части были членами Восточной Церкви, и поэтому их ненавидели иезуиты, которые, разгромив польских еретиков, обратили свое внимание на этих раскольников. Король Сигизмунд III. Крестовый поход начался с подавления колонистов высокими налогами.

Теперь эти колонии находились под контролем нескольких знатных польских семей, которые продали аренду податей своим еврейским судебным исполнителям. Последним предстояло сыграть ту роль, для которой тысячелетнее обучение так хорошо подготовило их, — роль губки. Благодаря этому устройству еврейские общины быстро возникали и распространялись на Украине и в Малороссии, и им была доверена одиозная привилегия собирать и даже изобретать налоги. Насколько тяжким было это бремя, можно понять из следующего примера: казаки были обязаны платить пошлину за каждого новорожденного младенца и за каждую свадьбу. В качестве гарантии от уклонения от уплаты налогов евреи-сборщики налогов хранили ключи от церквей, и при каждом венчании или крещении священник был обязан обращаться к ним за допуском в свою собственную церковь. Эти сборщики налогов также не были щепетильны или снисходительны в пользовании своими привилегиями. Рабы для всех остальных, они стремились играть роль деспотов над теми, кого судьба поставила под их власть. В своей жажде наживы и власти они охотно помогали дворянам в грабежах, а иезуитам - в истязаниях казаков. Таким образом, положение евреев на Украине и в Малороссии стало крайне опасным, и негодование, вызванное их поведением, вскоре вылилось в акты мести. И месть, когда она обрушивалась на евреев, не ограничивалась личностями, которые ее заслуживали. “Все израильтяне ручаются друг за друга” - таков был раввинский девиз солидарности. Теперь казакам предстояло придать новое значение этой максиме. Там, где отдельные подразделения совершали правонарушения, наказывались целые общины.

Во время кратковременного восстания казаков в 1638 году были убиты двести евреев и разрушено несколько синагог. Евреи, не предупрежденные этим предзнаменованием, продолжали провоцировать более суровые наказания с безрассудством, которое отчасти проистекало из веры в близкое пришествие Мессии. Мистики определили 1648 год как эпоху триумфа и всеобщего суверенитета Израиля.¹²⁴ Ожидаемая дата наступила, но она принесла с собой не искупление, а возмездие. В том году вспыхнуло восстание, возглавляемое казаком, у которого еврей обманом лишил жены и имущества, и у которого не было причин любить расу. Хмельницкий, заявляя своим соотечественникам, что “поляки отдали их в рабство проклятому

племени евреев”, высказывал их неправоту с убежденностью, усугубленной личными страданиями.

После своей первой победы дикие казаки напали на евреев, многие из которых были убиты, в то время как другие спаслись, приняв православную веру. Четыре еврейские общины, стремясь избежать смерти, отдали себя и свое имущество татарам, которые приняли дар и продали дарителей в рабство в Турцию, где они были выкуплены своими братьями. Восстание продолжалось с такой свирепостью и безжалостностью, каких можно было ожидать, учитывая характер повстанцев и масштаб причиненных им обид, за которые они должны были отомстить. Долгое время угнетаемые папистами и евреями, они, убивая их, не только удовлетворяли свою личную неприязнь, но и чувствовали, что наказывают врагов своей Церкви. В этой несколько избитой работе они проявили значительную оригинальность и разнообразие жестокости. У каждого партизанского вождя было свое любимое орудие пытки; одно из них - лассо, с помощью которого ловили женщин врага и тащили на позор.

Вскоре после первой победы отряд казаков хитростью захватил крепость, где укрылись шесть тысяч евреев, и предал их всех пыткам и смерти. Другой отряд напал на город, в котором проживало шестьсот польских дворян и две тысячи евреев. Два класса, связанные общей опасностью, оказывали упорное сопротивление, пока хитрым казакам не удалось разделить их. Они заверили знать, что их единственной целью было наказать евреев, пообещав уйти, если последние будут им выданы. Евреев убедили сдать оружие; казаков впустили в город, отобрали у евреев все их имущество, а затем поставили перед ними выбор между крещением или смертью. Три четверти всей общины были замучены и казнены. Затем казаки обратили свой гнев против польской знати, которую они легко одолели и перебили.

В то же время третья группа повстанцев совершала аналогичную месть евреям Малороссии, где погибло много тысяч человек, и хаос распространился так же широко, как и восстание, пока вся страна, от Южной Украины до Лемберга, не была отмечена следами резни — здесь лужами еврейской и польской крови, там грудями еврейских и польских тел. ♦ 1649 Август. ♦ Наконец был заключен мир при условии, что ни один папист или еврей не должен проживать в казацких провинциях.

Тем временем тысячи еврейских беглецов, спасших свои жизни крещением, женщин, подвергшихся насилию со стороны казаков, и детей, чьи родители были убиты, хлынули в Польшу, где король Иоанн Казимир разрешил им вернуться в иудаизм, поскольку, будучи сам католиком, он, естественно, считал греческое крещение хуже, чем бесполезным.

После нескольких месяцев перерыва война между казаками и поляками вспыхнула заново, и теперь она была перенесена на польскую территорию. И снова первыми жертвами были евреи, но массовое убийство было неизбежно ограничено сравнительно небольшим количеством людей, которых оставалось убивать. ♦ 1651 ноябрь. ♦ Это второе восстание закончилось поражением казаков, и одним из условий мира было то, что евреям должно быть разрешено снова поселиться и возобновить свое финансовое притеснение на Украине. Однако казаки чувствовали себя связанными договором только до тех пор, пока не могли его нарушить. Как только представилась возможность, они снова подняли знамя восстания, и Хмельницкий с помощью русских разнес победу и опустошение повсюду. ♦ 1654-1655 ♦ Евреи, которые были вне досягаемости казаков, пали жертвой ярости своих русских союзников, и таким образом община Вильны была полностью уничтожена.

Затем к врагам Польши был добавлен Карл X. шведский, дед Карла XII; “великий и могучий человек, лев Севера в свое время”. ♦ 1656 г. ♦ Битва при Варшаве, длившаяся три дня, завершилась блестящей победой этого “властного, сурового, наносящего быстрые удары человека, мечтавшего о новой готской империи”. В этой битве рыцарство Польши было сломлено, и Ян Казимир, самый блестящий кавалер из всех, был почти уничтожен. Еврейские общины, которые были спасены казаками и русскими, были разорены шведами. Но даже это новое бедствие не исчерпало меру их бед. Те, кто избежал резни от рук казаков, русских и шведов, теперь подвергались ненависти польского генерала Чарницкого, который напал на них на том основании, что они действовали в сговоре со шведскими захватчиками. И в то время как Польша была превращена в огромное поле битвы, на котором народы перерезали друг другу горло, все относились к евреям как к общим врагам. За эти десять лет международных убийств было убито не менее четверти миллиона польских евреев.

Унижение Польши привело евреев к длительному разорению. Беглецы, оказавшиеся на грани голодной смерти, были рассеяны по Европе в поисках убежища — от Амстердама и Рейна на севере и западе до Италии, Венгрии и Турции на юге и востоке. Повсюду их встречали братья, которые кормили и одевали их, и многие средства, предназначенные для содержания евреев в Палестине, направлялись на помощь этим беспомощным странникам.

В разгар своих страданий польские евреи слышали о Смирнском Мессии. Один из апостолов Саббатая Зеби, Якоб Лейбович Франк по имени, основал любопытную секту, которая, помимо всего прочего, верила в своего рода Троицу, отменила Закон и вела ожесточенную войну против ортодоксальных раввинов. В середине восемнадцатого века эти франкистские раскольники возродили одно из древних разоблачений Талмуда и попытались побудить польское правительство конфисковать все раввинские труды. Но в конце концов, как Саббатай и его ближайшие последователи в Турции были поглощены исламом, так и ученики Фрэнка были поглощены католицизмом.

В то время как евреи Польши погружались в нищету или бежали в изгнание, их братья в Австрии также испытывали ненависть иезуитов. По наущению последнего императрица Маргарита потребовала их изгнания из Вены. ♦ 1669г. ♦ Император Леопольд I. сначала был против этой меры, потому что он получал ежегодный доход в размере 50 000 флоринов от австрийских евреев. Но императрица настаивала, ее фанатизм получил новый импульс после чудом спасшегося бегства, которое она пережила во время несчастного случая на балу. Приписывая свое спасение чудесному вмешательству Божества, она стремилась выразить свою благодарность жертвоприношением евреев, которых ее отец-исповедник учил ее считать врагами Небес. Благочестие императрицы оказалось слишком сильным для алчности ее супруга. В конце концов Леопольд уступил, и евреям было приказано покинуть Вену. Тщетно они пытались вознести молитвы и получить подарки. Напрасно они переворачивали каждый камень как дома, так и за границей. Их дары были приняты императором и императрицей, но указ остался без изменения, поскольку влияние иезуитов было непобедимым. ♦ 1670г. ♦ Евреям пришлось уехать и искать новые дома в Моравии, Богемии и Польше. Их квартал был куплен магистратами Вены для императора и получил название Леопольдштадт. Их синагогу сравнивали с землей. На его месте была построена церковь, посвященная святому покровителю

императора; и это славное событие было увековечено золотой табличкой, на которой еврейский молитвенный дом был назван “склепом”.

Деградация Израиля теперь была полной. Преследования, жестокие и, несмотря на все изменения, не имеющие аналогов в истории, наконец-то достигли своей деморализующей цели. Евреи, к которым относились как к париям по всей Южной и Центральной Европе, потеряли всякое чувство самоуважения. Повсюду отвергаемые и обесчещенные, они день ото дня становились все более и более достойными презрения: неряшливые в одежде и диалекте, лишенные всякого чувства красоты или честности, вероломные и совершенно сломленные духом. “Зевс отнимает у человека половину его мужественности, когда его настигает день рабства”, - говорит мудрый старый поэт. Теперь евреи представили печальное доказательство истинности этого изречения. Среди других даров рабства они приобрели раболепную трусость. В них осталось так мало мужественности, что они, некогда поражавшие Рим своей непреклонной доблестью, не осмелились защищаться даже от нападений уличного мальчишки; и исполнилось ужасное предсказание пророка: “Ты будешь говорить смиренно с земли, и из праха восстанет слово твое”.

Рассеяние польских беженцев по Европе привело к подчинению иудаизма во всех странах софистическому и бездушному учению польского талмудизма. Польские раввины с длинными волосами принесли в каждую страну свою узость и ненависть к светским наукам, так что в то время, когда средневековые уходило из христианского мира, они восстановили его в Израиле.

С шестнадцатого века евреи полностью попали под власть синагоги. Оставив всякую надежду на то, что им будет позволено участвовать в жизни язычников, они все более и более сурово удалялись за старый ров, которым окружили себя их предки. Трайбализм был для них единственной альтернативой полному вымиранию, и они ухватились за него, несмотря ни на что. Они становились фанатичными, доверяли образование своих детей только польским раввинам, цеплялись за свой незаконнорожденный германо-ивритский жаргон (еврейско-немецкий или “идиш”) и даже при написании европейского языка использовали ивритские иероглифы. Еврейская литература того периода отражает социальное и интеллектуальное состояние расы. Когда в ней не рассматриваются темы библейской экзегезы, она состоит из грубых популярных песен и историй, взятых из талмудических и каббалистических источников или из немецкого и восточного фольклора. Но эта киммерийская тьма таила в себе обещание рассвета. Свет восемнадцатого века рано или поздно должен был рассеять туман фанатизма и положить конец еврейскому средневековью. Ибо, хотя еврей разделяет общие последствия, к которым приводит затянувшееся преследование, все же в нем есть сила стойкости, которая является его особым достоянием и которая спасает его от постоянного погружения в трясину деградации и позора. Эту силу он черпает отчасти из своей религии, отчасти из своей истории. Его религия придает ему стойкость; его история учит его надежде.

ГЛАВА XVI В ГОЛЛАНДИИ

Голландия была в то время единственной европейской страной, в которой человеку было позволено поклоняться своему Создателю в соответствии с велениями своей совести. Коммерческая деятельность в Европе всегда сопровождалась свободой спекуляции, и там, где процветают эти две формы национальной энергии, чахнет религиозный фанатизм. Голландцы, как и итальянцы, и даже в более высокой степени, с самых ранних времен проявляли дух неподчинения папской власти. Указы Святого Престола часто наталкивались на упорное сопротивление, в котором искренне участвовали нищие и принцы, прелаты и горожане. Долгая вражда между гвельфами и гибеллинами, разжигаемая чрезмерным честолюбием Грегори Гильдебранда, привела к тому, что и народ, и духовенство Голландии оказались на стороне врагов папы римского. И не только декреты, но и доктрины Рима часто не могли добиться повиновения у этой непокорной дочери Церкви, которая с самого начала внимательно прислушивалась к нашептываниям о неверии. Голландцы приветствовали все ереси, возникшие в Европе с начала двенадцатого по начало шестнадцатого века — от Танчелина до Лютера. Уиклифф нашел множество сочувствующих в Нидерландах, а жертвы Святого Престола — страстных мстителей. Многие голландцы, принимавшие участие в крестовом походе против Гуса и его последователей в Богемии, вернулись домой, пораженные жестокостью тех, под знаменами кого они сражались. Скептицизм рос с ростом церковной развращенности, а преследования — с ростом церковного авторитета, так что ни в одном другом регионе, даже за исключением Испании, адская изобретательность инквизиции не подвергалась более суровому преследованию, чем в Голландии. Именно здесь произносились самые длительные анафемы и подвергались самым отвратительным пыткам. Ежегодные поступления от запрещенных, ободренных, сорванных шкур и сожженных исчислялись тысячами. Но в конце концов тирания породила отчаяние, а отчаяние — восстание. Народ и знать объединились ради общего дела. Если горожане ненавидели священников за их дух преследования, то бароны ненавидели их не менее искренне за богатство и власть, которые они ухитрились узурпировать. А затем было изобретено печатное устройство, чтобы подготовить почву для великого дня Реформации, в который был подписан смертный приговор средневековому католицизму.

Только в Голландии восстание не переросло в новый вид деспотизма. В то время как кастильские идалго, движимые жадностью славы и золота, несли в новый мир крест и жестокость старого, завоевывая королевства для Карла и Филиппа, души для Христа и богатства для себя; в то время как даже в Англии один монарх преследовал папство, другой — пуританство, а третий — и то, и другое, граждане Нидерландов закладывали основы менее великолепного, но гораздо более прочного процветания. Как в Венецианской, так и в Голландской республике честность и интеллект личности ценились выше ортодоксальности, а обширная торговля считалась более ценной для государства, чем жесткая вера — позиция, которая принесла голландцам репутацию мирской слабости и плотского своекорыстия среди наших суровых поборников святости и вдохновила их братьев-протестантов из парламента Баребона осудить их как врагов Христа. Короче говоря, голландцы никогда не подчинялись самоубийственной необходимости уничтожить свободу у себя дома, чтобы достичь величия за границей, и они также не подписывались под безумной доктриной, которая в той или иной форме овладевала Европой на протяжении стольких веков: долг хорошего человека превратить этот мир в ад, чтобы унаследовать рай в следующем.

Соответственно, именно в Голландии евреи Испании и Португалии, спасаясь от холокостов Святой Канцелярии, нашли безопасную гавань. Пока Нидерланды находились под властью Испании, эти эмигранты неоднократно изгонялись из различных голландских городов из-за страха граждан увидеть инквизицию, которая была введена в стране Карлом V. в 1522 году. Но освобождение от иноземного ига должно было изменить все это — не без борьбы. В 1591 году еврейский консул султана Марокко предложил горожанам Мидделбурга разрешить португальским маррано поселиться в их городе. Проницательные горожане с радостью приветствовали бы этих коммерческих союзников, но они были вынуждены уступить предрассудкам протестантского духовенства, вполне естественно озлобленного их долгой борьбой за свободу. Противостояние, однако, было недолгим. Голландцы увидели в евреях родственных душ. Они разделяли их непримиримую ненависть к испанскому тирану и католицизму, так же как разделяли их склонность к торговле. При Вильгельме Оранском мечта о веротерпимости стала политической реальностью, и в 1593 году первый отряд португальских псевдохристиан высадился в Амстердаме.

Но, хотя пламя *Кемадеро* осталось далеко позади, страх, который столетия жестокого обращения вселили в сердца евреев, остался с ними. Секретность, с которой эти преследуемые беженцы поначалу считали необходимым встречаться и совершать богослужения, возбудила подозрения у их соседей-христиан, которые, не без оснований придя к выводу, что за столькими предосторожностями скрывается зловещий замысел, проинформировали власти. ♦1596♦ Во время Искупительного поста евреи во время молитвы были застигнуты врасплох вооруженными людьми. Появление этих мирмидонцев пробудило воспоминания об инквизиции в сердцах верующих, которые бежали, тем самым усилив подозрение. И пока евреи пытались спастись от мнимых папистов, голландские офицеры обыскивали еврейский молитвенный дом в поисках распятий и облатек. Последовало объяснение, заключенные были освобождены, и прихожане вернулись к своим богослужениям. После этого инцидента, который дал понять голландцам, что Марраны не были папистскими заговорщиками, а всего лишь безобидными лицемерами, последним разрешили остаться с определенными ограничениями, и синагога была открыта в 1598 году при большом энтузиазме.

Хорошие новости привлекли в Голландию еще больше беженцев из Испании и Португалии. Преследуемые криптоевреи полуострова начали смотреть на Амстердам как на новый Иерусалим, или, скорее, как на новый мир — настолько непривычным было обращение, с которым они столкнулись там, по сравнению с тем, к которому они привыкли в любой другой христианской стране. Поэтому в Амстердам они продолжали бежать от дыб и кольев инквизиции — мужчины, женщины и даже монахи — во все возрастающем количестве, так что в 1608 году пришлось построить новую синагогу. Шесть лет спустя они нашли место для захоронения в окрестностях города. Община чрезвычайно радовалась приобретению этого кладбища, хотя с каждого тела, доставленного туда, они должны были платить налог в каждую церковь, мимо которой проходила похоронная процессия на своем пути. Несмотря на то, что к этим изгнанникам с полуострова относились терпимо, простые люди все еще не доверяли им как переодетым католическим шпионам, и только в 1615 году они были официально признаны поселенцами и торговцами. Вскоре в Амстердаме была открыта типография на иврите, и постепенно простая терпимость переросла в теплый прием. Примерно в это же время к общине присоединились иммигранты, изгнанные из Германии разрушительными последствиями Тридцатилетней войны. Эти немецкие евреи составляли толпу колонии; их культурные собратья презирали их как неотесанных и, в свою очередь, презирали их как фальшивых евреев. Отсюда

возник раскол, и немецкая секция основала свою собственную синагогу. Но общность вероисповедания и едва уловимое кровное родство, усиленные необходимостью выступить единым фронтом перед враждебным миром, преодолели классовые предрассудки, и в 1639 году было достигнуто примирение. Амстердам быстро стал резиденцией процветающей и сплоченной еврейской общины и оплотом энергичного и бескомпромиссного иудаизма. Колония состояла из мужчин и женщин, каждый из которых пострадал за веру. Поэтому было естественно, что они стремились сохранить всеми доступными им средствами сокровище, сохраненное такой огромной ценой крови и слез. Вера, к сожалению, недалеко от фанатизма, и жертвы тирании слишком склонны становиться ее служителями. Амстердамские евреи прошли долгий и суровый курс обучения в самой выдающейся школе жестокости и фанатизма, и неудивительно, что они окончили ее с отличием. Раввины пользовались огромной властью над душами и кошельками своих учеников; они налагали большие штрафы на членов синагоги, которые вызывали их неудовольствие; и в своей стремительности подавить свободу мысли они соперничали с сатрапами Церкви. Печальной иллюстрацией еврейской нетерпимости служит история несчастного Уриэля Акосты.

Он был дворянином из Порту, одним из тех маррано, чьи отцы были научены любить Христа пытками и которые купили право проживания на своей родине крещением. Хотя Уриэля воспитывали как набожного католика и предназначали для карьеры священнослужителя, механические формальности католицизма вызвали у него отвращение, и он вернулся к старой вере; таким образом, вырвавшись из сетей Церкви, он попал в сети синагоги. ♦ 1617 ♦ По прибытии в Амстердам идеалист был грубо разбужен и осознал низость реальности. Он обнаружил, что реальный иудаизм сильно отличается от той картины, которую нарисовало о нем его живое воображение, и был, к несчастью для себя, слишком честен, чтобы скрыть свое разочарование. Независимость характера, которая побудила Уриэля отказаться от общественного положения, дома и состояния ради совести, также заставила его не соглашаться с благочестивыми костюмами еврейских священников. Долгое соперничество между индивидом и институтом закончилось бесславной победой последнего. Восстание Уриэля Акосты сопровождалось отлучением от церкви и социальным ostracism. Образно говоря, он исчез во многих смыслах этого слова. Все его друзья и родственники избегали его как прокаженного, или, скорее, игнорировали его, как будто он перестал существовать. Это была смерть при жизни.

Один в городе, на языке которого он не мог говорить, побитый камнями теми, ради кого он пожертвовал всем, отвергнутый даже самыми близкими, Уриэль был вынужден опубликовать книгу, которая стоила ему тюремного заключения и штрафа; поскольку раввины осудили ее голландским властям как враждебную не только иудаизму, но и христианству. Это расширило пропасть между ним и его братьями. Так тянулись пятнадцать лет страданий и одиночества, пока, не в силах больше выносить свою ужасную изоляцию, этот бедный изгой из народа отверженных не попытался вернуть расположение синагоги и общества своих собратьев притворным раскаянием. ♦ 1633г. ♦ На этом закончилась вторая часть трилогии. Третья началась, когда симулированное обращение Уриэля было раскрыто. Открытие привело к новым преследованиям и бесчисленным оскорблениям. Он снова подвергся ostracism со стороны своих родственников, у него отняли невесту и отлучили от церкви в синагоге.

Прошло семь лет страданий, и жертва, наконец, измученная борьбой, к которой его чувствительная натура была неравноспособна, преждевременно состарившаяся и жаждущая

покая, еще раз предложила подписать отречение. Помилование было даровано, но не без ужасных наказаний и новых унижений. Кающегося заставляли читать вслух его признание в грехе; он подвергался публичному наказанию — тридцати девяти ударам плетью - и был обязан лечь ничком поперек порога синагоги, чтобы все прихожане могли переступить через него и растоптать. Этот позор довел Уриэля до отчаяния, попытки убийства и самоубийства.

Все это произошло в 1640 году. В следующем году Джон Эвелин, которого мы видели в Венеции, посетил общину — вероятно, ту самую синагогу, — которая была свидетелем страданий бедняги Уриэля, и он следующим образом заносит свои впечатления в Дневник:

“19 августа. На следующий день я вернулся в Амстердам, где посетил еврейскую синагогу, поскольку была суббота; церемонии, украшения, светильники, закон и свитки дали мне повод для удивления и расспросов. Женщины были изолированы от мужчин, их рассадили наверху, на галереях, и их головы были закутаны льняной тканью фантастическим и несколько необычным образом.

“У них есть отдельное кладбище, полное гробниц с надписями на иврите, некоторые из них очень величественные. В одном из них, заглядывая в узкую щель, я заметил, что дайверы хоронят щелоком книги о трупе, потому что, кажется, когда умирает какой-нибудь ученый раввин, они хоронят некоторые из его книг вместе с ним. С помощью палки я разгреб несколько листьев, исписанных еврейскими иероглифами, но сильно поврежденных”.

“Август. 28. Я познакомился с бургундским евреем, который женился на вероотступнице из Кента. Я задавал ему разные вопросы; он сказал мне, среди прочего, что конец света никогда не наступит, что наши души переселяются и что даже самые святые люди после смерти вселяются в тела братьев, и так он истолковал изгнание и спасительную жизнь Небукоднезера; что все евреи должны воскреснуть и быть приведены в Иерусалим.... Он показал мне несколько книг их благочестия, которые он перевел на английский для наставления своей жены; он сказал мне, что, когда придет Мессия, все корабли, барки и плавсредства Голландии силой неких странных вихрей будут сняты с якоря и в одно мгновение перенесены во все пустынные порты и гавани по всему миру, где бы они ни находились, чтобы передать свое дыхание и племена Святому Городу; с другими подобными вещами. Он был веселым пьяницей”. Это была эпоха мессианских мечтаний. Угнетение разожгло жажду освобождения, и евреи по всей Европе с нетерпением ожидали пришествия Икупителя: ожидание, которое в умах необразованных и полных энтузиазма людей принимало странные формы. Но даже тогда были евреи, затронутые не только мессианскими химерами.

В голландской синагоге, которую Эвелин посетил в ту субботу августа 1641 года, он, возможно, видел мальчика - задумчивого маленького еврея с широко раскрытыми глазами лет девяти. Эвелин устремил бы свой умный взгляд на лицо этого ребенка, если бы у него была хоть какая-то возможность догадаться, что миниатюрное еврейское тело перед ним облекает душу, которой суждено открыть новые двери света в христианскую Европу. Мальчиком был Барух Спиноза, родившийся 24 ноября 1632 года в семье родителей, которые ради своей веры отказались от богатства и счастливого дома в солнечной Испании и искали свободы на туманных берегах Северного моря. Раввинские знания были первым предметом изучения молодого Спинозы; средневековая еврейская мудрость, в значительной степени состоящая из мессианских и каббалистических туманов, была его следующим занятием; за ней последовала профанная философия Декарта: в целом необычная смесь ментальной пищи, но вся ассимилированная и

преобразованная мозгом молодого Баруха; множество разнообразных наставников, но все они ведут изначальный разум одним и тем же путем — не совсем своим. Учеба воспитывала независимое мышление, а независимое мышление выражалось в независимых действиях. Барух перестал часто бывать в синагоге; ибо синагога перестала снабжать его пищей, которой жаждала его душа. ♦ 1656 г. ♦ Раввины предложили взятку в размере 1000 флоринов в год, но она была решительно отвергнута; последовало отлучение от церкви и многочисленные и ежеминутные проклятия, не без попытки покушения; но они были безмятежно проигнорированы. Барух не был Уриилом. Вместо ответа он перевел себя как Бенедиктус, и это имя не было неправильным, ибо вскоре он стал известен как один из добрейших людей, а также как один из самых глубоких и смелых мыслителей, которых видел наш современный мир.

Когда две богини предстали перед Спинозой, как они предстают перед каждым из нас хоть раз в жизни: одна пухленькая, гордая и убедительно красивая, другая скромная на вид, благоговейная и без украшений; и они предложили молодому еврею из Амстердама важный выбор путей, он недолго колебался в своем выборе. Повернувшись спиной к миру и оставаясь глух к его песням сирен успеха, он решил зарабатывать на скромные средства к существованию изготовлением линз. Слишком честный, чтобы принять цену синагоги за лицемерие, он был слишком горд даже для того, чтобы принять дары бескорыстной дружбы и восхищения, и слишком дорожил своей свободой, чтобы согласиться даже на профессорскую кафедру философии. Подобно своему великому современнику и соотечественнику Рембрандту, Спиноза был неспособен подчиниться велениям мира или приспособиться к его стандартам. Публика не вдохновляла его, и ее аплодисменты оставили его глубоко равнодушным. Он презирал улыбки так же, как и хмурые взгляды Фортуны, и спокойно шел своим путем, не боясь обмолвок, не поддаваясь искушениям: настоящий Сократ в образе человека, добровольно и всецело посвятивший себя смиренному служению Истине. В медитации он находил отраду для своего сердца и, шлифуя стекла для оптических инструментов на своем уединенном чердаке, изобретал другие вспомогательные средства для человеческого глаза. Спокойная выкуренная трубка табака, дружеская беседа с домовладельцем или соседями по квартире и их детьми, а когда хотелось более бурного времяпрепровождения, единоборство двух пауков или проделки глупой мухи, запутавшейся в их сетях, доставляли жизнерадостному аскету массу развлечений. В этих последних случаях, по словам его биографа, “он иногда разражался смехом”. ♦ 1677г. ♦ Прожив свою собственную жизнь, Спиноза умер так, как умирают те, кого любят олимпийцы: в расцвете мужественности и интеллектуальной энергии, оставив после себя память о безупречном характере своим друзьям и плоды могущественного гения всему миру. Ибо богиня, которой он посвятил всю свою жизнь, не пренебрегла этой жертвой.

Каждый человек, рождающийся в этот мир, является либо греком, либо евреем. Спиноза был и тем, и другим. Его учение можно описать как перепросмотр мировой мысли. Эллинский рационализм и еврейский мистицизм нашли в его творчестве органичное соединение. Короче говоря, урок, который еврейский мудрец преподавал западному уму, как и все великие уроки, был очень простым: человек не является центром творения; что вселенная больше земли; и что человек занимает чрезвычайно малое место даже на этом маленьком атоме планеты. Старая Европа постепенно приходила к подозрению, что одна книга не содержит всей Божьей истины под своей обложкой - что она не является окончательным проявлением воли Бога. Теперь, к большому своему удивлению и негодованию, ей предстояло услышать, что человеческая раса не полностью завладела вниманием Провидения. Это был достаточно элементарный урок; но он стал откровением даже для таких умов, как Лессинг и Гете. Это был также полезный урок; но

он был слишком новым, чтобы быть признанным таковым. Человек - существо тщеславное; Тракта́т научил бы его смирению. Поэтому Синагога предала это анафеме, Синодальная мудрость осудила это, Генеральные штаты запретили это, Католическая церковь внесла это в Список: все они проклинали это; никто из них этого не понимал. Потомки восприняли это. Сегодня тот, кто хочет быть мыслителем, должен быть Спинозистом по ментальному складу, если не по доктрине. [125](#)

ГЛАВА XVII В АНГЛИИ ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ

Изгнание евреев из Англии Эдуардом I в 1290 году было не таким тщательным, как принято считать. Небольшая часть общины осталась здесь или вернулась под видом лангобардов. Эти остатки, согласно еврейской традиции, были окончательно изгнаны в 1358 году; но есть документально подтвержденная петиция в Добрый парламент, которая показывает, что даже после этой даты некоторые из них продолжали вести замаскированное существование в Англии. Тот же вывод следует сделать из того факта, что Дом для новообращенных евреев, построенный Генрихом III. в тринадцатом веке, просуществовал до семнадцатого. Однако, в широком смысле, изгнание Эдуарда очистило Англию от евреев. Но, хотя и устранило объекты христианской ненависти, это не уменьшило саму ненависть. Хотя “нечистая и вероломная” раса, по сути, исчезла с глаз людей, легенда об их порочности и человеконенавистничестве сохранилась в традиции и была освящена литературой. В середине следующего столетия мы находим поэта Гауэра, представляющего еврея словами:

“Я еврей, и по моему закону

Я ни к кому не стану относиться скверно

Чтобы поддержать его в слове “Не диди”. [126](#)

Несколько лет спустя Чосер в своем Рассказе о настоятельницах увековечил монашеский вымысел об убийстве детей, который уже сослужил йомену службу в оправдании преследования евреев. Дитя Чосера, судя по тому, что место его убийства находится в Азии, кажется старшим членом большой семьи убитых Невинных, представителей которой можно встретить почти в каждой европейской стране.

“История настоятельницы Хири бигиннет:

“Было это в Азии, в одном городе грет,

Среди христиан есть ювелирка,

Поддерживаемый лордом этого графства,

За незаконный ростовщичество и наживу виланье,

Ненавистный Крису и его компании;

И потому, что люди стрейта, возможно, райд или венде,

Потому что это было бесплатно и открыто в эйтер-энде”.

В дальнем конце этого еврейского квартала находилась небольшая школа для детей-христиан, которые обучались в ней ”учению свич манер, как там привыкли мужчины“, то есть ”петь и исправлять”. Среди этих юных учеников был сын вдовы, ”маленький священник, семи лет от роду”, которого его мать научила преклонять колени и молиться перед образом Богородицы. День за днем по дороге в школу и из школы, проходя через Еврейство, этот Невинный человек весело распевал “Alma Redemptoris”:

“Светны так высоко оценили свою герту

О Кристес мудер, которая, по ее словам, прейе,

Он не может поскупиться на пение вэе”.

Но

“Наш первый фу, змей Сатанас,

У которого в еврейском герте свое осиное гнездо”,

был сильно раздосадован набожностью ребенка и взбудоражил обитателей Еврейского дома такими словами:

“О еврейский народ, аллах!

Это для того, чтобы сказать что-то честное,

Чтобы мальчик ходил как он , чтобы

В твоём отчаянии и ожесточении от этого предложения,

В чем опять состоит ваше преподобие?

Евреи поняли намек и сговорились изгнать этого Невинного человека из мира. Они наняли отдел по расследованию убийств, и, когда мальчик проходил мимо, этот проклятый еврей схватил его, перерезал горло и бросил в яму.

Бедная вдова напрасно прождала своего маленького ребенка всю ночь, и как только рассвело, она поспешила в школу и другие места, разыскивая его, пока не услышала, что в последний раз его видели в Еврействе. Наполовину обезумев от тоски и страха, она продолжала свои поиски среди проклятых евреев, то обращаясь за помощью к матери Христа, то умоляя каждого встреченного ею еврея сказать ей, прошел ли ее ребенок тем путем. Они все ответили "нет"!

Но Иисус, который любит слышать, как уста Невинности поют ему хвалу, направил ее к яме, и там, как ни удивительно, она услышала, как ее ребенок с перерезанным от уха до уха горлом громко распевает “Alma Redemptoris”.

“Так громко, что все вокруг загудело”.

Христиане, охваченные благоговейным страхом, послали за Ректором. Мальчика вытащили из ямы под жалобные причитания, “постоянно распевая свою песню”, и процессией понесли в аббатство, а его мать лежала у носилок в обмороке. Евреи были наказаны за свое преступление “мучениями и позорной смертью”; сначала их запрягли дикие лошади, а затем повесили.

Тем временем этого Невинного отнесли в могилу, и когда его окропили святой водой, он заговорил и запел: “O Alma Redemptoris mater!” Настоятель, “который был святым человеком, какими являются монахи, или должен был быть”, начал заклинять ребенка святой Троицей рассказать ему, что было причиной его пения: “сит, что твоя глотка перерезана, моему семейству?” Ребенок отвечает: “Моя глотка перерезана до самого носа’, и я должен был умереть давным-давно. Но Иисус Христос желает, чтобы его слава длилась вечно и о нем помнили. Так что мне разрешено петь ”О Альма” громко и ясно”.

Он рассказывает, как мать Христа свит, которую он всегда любил, пришла к нему и, положив зернышко ему на язык, велела спеть этот гимн. После этого святой монах, вытащив мальчику язык, удалил зерно, и тотчас же мальчик тихо испустил дух. “Милое тело мученика” было положено в гробницу из прозрачного мрамора.

Рассказ настоятельницы заканчивается обращением к молодому Хью Линкольнскому: “слейн также с проклятыми евреями, что примечательно”, и просьбой, чтобы он помолился за нас, “грешных, непостоянных”. Аминь.

Епископ Перси в своих "Реликвиях древней поэзии" сохранил шотландскую балладу о дочери еврея, в которой рассказывается об инциденте, очень похожем на сказку Чосера, хотя, по-видимому, в ее основе лежит предполагаемое убийство в Тренте в 1475 году мальчика по имени Саймон.¹²⁷ Имя жертвы, согласно легенде, дошедшей до Англии, вполне могло быть изменено на знакомое Хью. Шотландская версия выглядит следующим образом:

“Дождь оmyвает дун через Мирри-ленд-тун,

Почему это происходит в Па:

Так поступают парни из Мирри-ленд тун,

Куан, в котором они играют в ба.

Чем выйти и наказать еврейского дочерей,

Сказал, не хотите ли кончить и поужинать?

"Я не хочу кончать, я не могу кончить",

Без моей пьесы - это моя пьеса”.

Однако дочь еврея соблазняет мальчика яблоком “рид энд уайт” и вонзает ему в сердце маленький перочинный нож, который затем со смехом выкладывает его на туалетную доску, одевает как свинью, кладет в “свинцовую лепешку” и бросает в грязный колодец. Леди Хелен, мать мальчика, скучает по нему вечером и бежит в “Еврейский замок”, зовя своего “милого сэра Хью”. Он отвечает со дна колодца.

И вот одно столетие религиозно передавало следующему свои вымыслы и предрассудки.

Тем не менее, еврея так же трудно не пускать, как саму Природу: *Изгнать фурку, чтобы она не возвращалась*. В 1410 году мы слышим о еврейском враче по имени Элиас Сабо, который приехал из Болоньи с разрешением поселиться и практиковать в любой части королевства. Есть также основания полагать, что еврейский остаток, оставшийся в Англии после изгнания Эдуарда, был сильно усилен иммиграцией беженцев из Испании в конце пятнадцатого века. Правление королевы Елизаветы также отличалось притоком многих иностранцев — торговцев, шахтеров, 128 и врачей - и весьма вероятно, что среди них были евреи. Но насколько опасным было такое предприятие, видно из следующего эпизода. В 1581 году некий Джохим Гаунц, или Гонсе, приехал с предложением предоставить английскому правительству некоторую новую информацию, касающуюся методов выплавки и производства медных и свинцовых руд, и провел эксперименты в горнодобывающих районах Камберленда. Около девяти лет предприимчивый незнакомец жил в Лондоне без помех, потому что ничего не подозревал. Но в один злополучный день, в сентябре 1589 года, он отправился в Бристоль и там познакомился с преподобным Ричардом Кроули, священнослужителем, интересовавшимся ивритом. Обнаружив, что Гаунц знает этот язык, мистер Кроули завязал с ним знакомство, и в ходе одной из их ученых бесед Гаунц выдал свой иудаизм. Это открытие привело к его аресту. Подвергнутый перекрестному допросу местными магистратами, он смело признался, что был богемским евреем, рожденным и воспитанным некрещеным и абсолютно неспособным принять утверждения христианства о божественном происхождении. Он предстал перед Тайным советом в Уайтхолле, где все его следы затеряны.

Но непопулярность расы в елизаветинской Англии, помимо случая с Гонсом, убедительно подтверждается елизаветинской драмой. Несколько авторов время от времени предпринимали попытки обелить театрального еврея; но эти попытки, в лучшем случае несколько сомнительные, определенно не увенчались успехом. То, что общее мнение о евреях оставалось каким угодно, но не благоприятным, подразумевается случайными упоминаниями в различных пьесах и явно подтверждается описанием еврейского характера в "Мальтийском еврее" Марло и в "Венецианском купце" Шекспира. Барабас Марлоу и Шейлок Шекспира оба являются копиями еврея, каким его представляло средневековое воображение: сказочно богатый стяжатель, невыразимо нежный к своему народу, невероятно жестокий к христианам. Это портрет, нарисованный предрассудками и окрашенный невежеством. Два великих драматурга взяли на вооружение популярный образ непрофессионала и вдохнули в него дух жизни. В результате получается ужасное чудовище, одушевленное гением.

Барабаса в первой сцене пьесы "обнаруживают в его конторе с грудой золота перед ним". Это богатство - плод обширной торговли с восточными землями. Каждый ветер, который дует, приносит с собой мальтийского еврея

“аргументы

Нагруженный богатствами, с огромным запасом

Из персидских шелков, золота и восточного жемчуга.

Во всем этом процветании Барабас видит исполнение древнего благословения, дарованного Иеговой сынам Израиля; доказательство и залог неизменной милости Господа к Своему избранному народу:

“Таким образом, мы добываем наше состояние по суше и по морю,

И таким образом мы обогащаемся со всех сторон:

Это благословения, обещанные евреям,

И в этом было счастье старого Абрама:

Что еще могут сделать Небеса для земного человека

Чем таким образом изливать обилие себе на колени,

Разрывая ради них недра земли,

Делая моря своими слугами и ветры

Чтобы привести в действие их вещество успешными взрывами?”

Он не завидует христианину в его бесплодной вере и не видит никакой добродетели в бедности:

“Они говорят, что мы разрозненная нация:

Я не могу сказать, но мы вскарабкались наверх

Гораздо больше богатства, чем у тех, кто хвастается верой”.

Он упоминает богатых евреев в разных странах, “гораздо более богатых, чем любой христианин”, и богатство этой расы утешает его в ее политическом унижении:

“Дайте нам мирное правление, поставьте христианских королей,

Которые так сильно жаждут власти”.

Таким образом, этот практический идеалист ведет монолог, одухотворяя реальность грязной наживы, материализуя духовные пророчества и, несмотря на национальный позор, сохраняя в неприкосновенности свою расовую гордость — живого еврея. Не лишен он и человеческих привязанностей:

“У меня нет ни подопечных, ни большого количества детей,

Только одна единственная дочь, которой я так дорожу

Как Агамемнон поступил со своим Ифигеном:

И все, что у меня есть, принадлежит ей.

Вокруг этих двух предметов, “его девушки и его золота”, сосредотачиваются все эмоции Барабаса, и он счастлив.

Но, увы! Фортуна непостоянна. В тот самый момент, когда Барабас поздравляет себя с процветанием, беда у порога. Турецкий флот прибыл в гавань, чтобы потребовать от мальтийских рыцарей “дань за десять лет, которая остается невыплаченной”. В этой чрезвычайной ситуации рыцари спешно совещаются между собой и, конечно же, решают,

что евреи должны оплатить долги своих христианских хозяев. Козлов отпущения вызывают в сенат, и один из Рыцарей объявляет им решение, которое откровенно говорит Барабасу:

“Ты купец и состоятельный человек

И мы ищем твои деньги, Барабас.

Барабас. Как, мой господин? мои деньги?

Фернезе, губернатор Мальты: Твой и остальных”.

Напрасно евреи ссылаются на бедность. Им говорят, что они должны вносить свою долю в благосостояние страны, на которой им разрешено наживать свое богатство. И их доля не будет такой же, как у верующих. Христиане, позволяя им жить в своей стране, совершают грех против своего Бога, и нынешнее бедствие является наказанием за это:

“Ибо благодаря нашему терпению к вашим ненавистным жизням,

Которые остаются проклятыми в глазах Небес,

Эти налоги и невзгоды постигли нас,

И поэтому мы полны решимости:

“Во-первых, вся дань турок должна быть взимаема с евреев, и каждый из них должен платить половину своего имущества.

Во-вторых, тот, кто отказывается платить, сразу станет христианином.

“Наконец, тот, кто отрицает это, абсолютно потеряет все, что у него есть”.

Насколько по-настоящему средневековой выглядит вся эта сцена!

Остальные евреи соглашаются уступить половину своих владений. Барабас упрекает их в трусости и решительно отказывается подчиниться. Но его отказ от половины приводит только к конфискации всего его имущества. В обмен на эту жертву Барабасу радостно сообщают, что ему позволят жить на Мальте и, “если он сможет”, сколотить еще одно состояние. На иврите утверждается: “Как я могу размножиться? из ничего не создается ничто”. Но христианин возражает: “Сначала из ничего ты приходишь к малому богатству, от малого к большому, от большего к большинству”.

Но зачем нам нужны аргументы?

“Если твое первое проклятие тяжким грузом падет на твою голову,

И сделаю тебя бедным и презираемым всем миром,

Это не наша вина, а твой неотъемлемый грех.

Таким образом, бедному миллионеру проповедуют из его имущества. Что, если он сам по себе ни в чем не виноват? Он принадлежит к проклятой расе и должен понести наказание за

коллективные грехи своих предков. Все, чего он добивается своими энергичными протестами, - это безутешной пилы:

“Избыток богатства - причина алчности,

А алчность, о, это чудовищный грех”.

У него отнимают все, что у него было, - его имущество, его деньги, его корабли, его припасы; а его особняк превращают в женский монастырь. Ему не остается ничего, кроме своей жизни, и он остается оплакивать свое несчастье и проклинать его виновников сколько душе угодно. Он продолжает делать это в следующих выражениях:

“Язвы Египетские и проклятие Небес,

Бесплодие Земли и ненависть всех людей

Нанеси им удар, ты, великий *Двигатель-Примус*!

И вот я стою на коленях, ударяясь о землю,

Я обрекаю их души на вечные муки

И экстремальные пытки огненной пучины,

Которые таким образом обошлись со мной в моем бедственном положении”.

Его братья, слишком робкие, чтобы поддержать Барабаса в его борьбе, теперь собираются вокруг него и стараются утешить его в его горе. Но Барабаса это утешает не больше, чем Иова при подобных обстоятельствах. Действительно, он сравнивает свою участь с участью Иова и находит ее неизмеримо более тяжелой:

“У него было семь тысяч овец,

Три тысячи верблюдов и двести упряжек

Рабочих волов и пятсот

Ослицы; но для каждой из них,

Если бы они были оценены безразлично,

У меня дома и в моем аргоси было

И другие корабли, пришедшие из Египта последними,

Столько, сколько хватило бы на покупку его зверей и его самого,

И все же сохранили достаточно, чтобы жить”.

Ради чего ему еще жить? Он сравнивает себя с генералом

“ Что в поле среди своих врагов

Видит, как убивают его солдат, как он сам обезоружен,

И не знает способов его выздоровления:

Да, позволь мне пожалеть об этом внезапном шансе”.

Однако Барабас лжет. Он не настолько обездолен, как пытается заставить нас поверить. Он намекает, что его гений предвидел возможность такого несчастного случая и предусмотрел его. Пока он оплакивает свои страдания в одиночестве, входит его прелестная дочь Эбигейл, только что изгнанная монахинями из своего дома, и оплакивает несчастья своего отца. Он пытается успокоить ее:

“Молчи, дочь, терпение порождает легкость,

И время может дать нам повод

Который внезапно не может выполнить поворот.

Кроме того, девочка моя, считай, что я не всех так уж люблю

Как небрежно отказываться от столь многого

Без обеспечения себя и меня:

Десять тысяч портяг, не считая крупных жемчужин,

Богатые драгоценные камни, и камней бесконечное множество,

Опасаясь худшего из всего этого до того, как оно рухнет,

Я тщательно спрятался”.

Но она говорит ему, что его домом завладели монахини, и поэтому он не может добраться до своего спрятанного сокровища. Услышав об этом страшном бедствии, бедный Барабас восклицает:

“Мое золото! мое золото и все мое богатство пропали!”

обвиняет Небеса и звезды в их чрезмерной жестокости. Но мужество и хитрость не покидают его даже тогда. Он доходит до апогея своего несчастья и велит своей дочери пойти к настоятельнице женского монастыря и, притворившись, что она хочет обратиться, получить доступ к сокровищу. Эбигейл, после долгих колебаний, соглашается сыграть роль лицемерки, и она играет ее с непревзойденным мастерством и успехом. “Отчаявшаяся дочь несчастного еврея” идет к пресвятой богородице и заявляет, что, опасаясь, что страдания ее отца происходят от греха или недостатка веры, она желает провести свою жизнь в покаянии. Она принята в сестричество как послушница. Барабас обрушивается на нее с наигранным гневом, в то время как тайно дает ей последние инструкции относительно сокровища и расстается с ней при условии, что в полночь она присоединится к нему с сокровищем.

Раздосадованный и терзаемый воспоминаниями о своем потерянном богатстве, несчастный Барабас бродит долгой ночью, бессонный и бездомный, преследуя, подобно призраку ушедшего скряги, место, где спрятаны его сокровища, и умоляя Бога Израиля направить руку Абигейл. Наконец она появляется в окне наверху и роняет сумки. После чего еврей разражается радостным экстазом:

“О моя девочка!

Мое золото, мое состояние, мое счастье.

О девушка! О золото! О красота! О мое блаженство!”

Два молодых джентльмена-христианина, Матиас и Лодовик, влюблены в дочь еврея. Барабас, в горечи своей души, решает убить обоих юношей: Лодовика как сына губернатора, который лишил его состояния, Матиаса просто как христианина. Преследуя этот темный замысел, он использует свою любимую дочь. Он обещает ее руку каждому из молодых людей по очереди; он настраивает одного против другого; и он поручает своей дочери принять их обоих и развлекать их “со всей любезностью, которую она может себе позволить”. “Используй их так, как если бы они были филистерами, - говорит он ей, - лицемери, клянись, протестуй, клянись в любви” каждому. Никакие соображения девичьей скромности не должны сдерживать ее, ибо ни тот, ни другой юноша не “от семени Авраамова”. Она повинуется, не зная истинных намерений своего отца. Происходит фиктивная помолвка с Лодовиком. Эбигейл доверяет юноше, ибо “нет греха в том, чтобы обмануть христианина” — один из них

“Которые никогда не вкусили Пасхи,

И ты не увидишь земли Ханаанской

Равно как и наши Мессии, которые еще не пришли.

Ибо они сами считают это принципом,

Еретикам нельзя верить;

Но еретиками являются все, кто не евреи”.

Как только введенный в заблуждение Лодовик уходит, на сцене появляется его соперник, с которым обращаются точно так же. Но Барабас рассчитывает без своей дочери. Эбигейл, хотя и равнодушна к Лодовику, отвечает Матиасу взаимностью. Кроме того, двойная роль, которую она вынуждена играть ради своего отца, отвратительна ее натуре.

Тем временем Барабас с помощью грязной лжи и поддельных писем устраивает смертельный поединок между двумя соперниками. Эбигейл, узнав о смерти своего возлюбленного и злодействе своего отца, возмущенная тем, что ее сделали орудием его преступления, возмущенная и уставшая от жизни, решает вернуться в монастырь и всерьез принять постриг.

Барабас взбешен этим последним ударом. Он проклинает свою дочь за ее дезертирство, усыновляет своим наследником негодяя-раба-мусульманина, который все это время был его сообщником, и использует его, чтобы отравить всех монахинь, включая его собственную дочь.

Барабас радуется успеху своего заговора. Услышав звон колоколов на похоронах своих жертв, он впадает в дьявольское ликование:

“В погребальном звоне христианина нет музыки.

Как сладко звенят колокола теперь, когда монахини мертвы!”

Но радость его недолговечна. Перед смертью Эбигейл призналась в том, что невольно приняла участие в заговоре, приведшем к взаимному убийству двух молодых джентльменов. Монах, получивший признание Абигейл, обвиняет Барабаса в преступлении. Испуганный еврей пытается спасти свою жизнь, притворяясь обращенным. Он обещает покаяться:

“Поститься, молиться и носить рубашку из шерсти,

И на коленях ползу в Иерусалим”,

и пожертвовать огромную сумму монастырю монахов. Монах с радостью принимает предложение, и еврей заманивает его в свой дом, где душит. Но раб-мусульманин в момент веселья и любовной экспансивности выдает свои собственные секреты и секреты своего господина своим благосклонным товарищам, которые немедленно сообщают об этом губернатору. Барабаса и раба арестовывают и приговаривают к смертной казни. Первый накачивает себя наркотиками и, под впечатлением, что он мертв, выбрасывается за городские стены. Оправившись от сквозняка, он решает отомстить за свои обиды, сдав город туркам. Губернатор и мальтийские рыцари взяты в плен, а еврей назначен губернатором. Но, зная, что он никогда не будет в безопасности в месте и среди людей, у которых было так много причин ненавидеть его, он покупает мир и еще больше богатства вторым предательством. Он предлагает пригласить турецкого генерала и его товарищей на банкет и убить их, в то время как их солдат заманивают в монастырь и взрывают. Христиане принимают предложение, и Барабас радуется своей хитрости:

“А что, разве это не

Царственный вид торговли - покупать города

Предательством и продать их обманом?

Но хотя христиане ненавидят турок, евреев они ненавидят еще сильнее. Они сообщают обреченному генералу о плане Барабаса, и последнего буквально заставляют упасть в яму, которую он вырыл для турка. В ярости и отчаянии негодяй признается во всех своих грехах, хвастаясь хитростями, с помощью которых он намеревался навлечь смятение на них всех, как на “проклятых христианских собак, так и на неверных турок”, и, вдоволь наругавшись, умирает. Рыцари требуют от турок возмещения ущерба за разграбление города, и таким образом пьеса заканчивается триумфом Креста.

Еврей, как уже было замечено, не становится главным злодеем пьесы до тех пор, пока из него не сделают жертву. Но предполагается, что зрители должны проклинать его злодейство и смеяться над его страданиями. Автор очень заботится о том, чтобы обезоружить жалость, рисуя еврея в самых черных и нелепых тонах, которые он может найти на своей палитре. Он наделяет его колоссальным носом и всеми преступлениями под солнцем. Жестокость Барабаса по отношению к бедным сравнима только с его дерзостью по отношению к сильным мира сего. Его заставляют сказать, что он “ради наживы продал бы свою душу”. Его презрение и ненависть к христианам подчеркиваются с подчеркнутым акцентом:

- у нас так принято

Что, когда мы говорим с такими язычниками, как вы,

Мы поднимаемся в воздух, чтобы очиститься;

Ибо нам принадлежит это обетование”.

Он наставляет своего раба- мусульманина:

“Сначала освободись от этих привязанностей,

Сострадание, любовь, тщетная надежда и бессердечный страх,

Не тронься ничем, смотри, чтобы тебе никого не пожалеть,

Но про себя улыбайся, когда христиане стонут”.

Он хвастается, что сам всегда действовал в соответствии с этими предписаниями:

“Что касается меня, то я гуляю по ночам,

И убивать больных людей, стонущих под стенами:

Иногда я хожу и отравляю колодцы:

И время от времени, чтобы лелеять христианских воров,

Я довольствуюсь тем, что теряю часть своих корон,

Чтобы я мог, прогуливаясь по своей галерее,

Смотри, как они будут привязаны к моей двери.

Он дает зловещий отчет о своей прошлой жизни:

“Будучи молодым, я изучал физику и начал

Сначала попрактиковаться в итальянском;

Там я обогатил жрецов погребениями,

И всегда держал оружие пономарей наготове

С рытьем могил и звоном по покойникам”.

После предательской карьеры военного инженера он стал ростовщиком:

“И с вымогательством, мошенничеством, конфискацией,

И уловки, присущие брокерству,

За год я наполнил тюрьмы банкротами,

И с малолетними сиротами насаждали больницы,

И каждая луна кого-то сводила с ума,

И время от времени кто-нибудь вешается от горя,

Прижимая к груди длинный большой свиток

Как я с интересом мучил его”.

И когда турок рассказал о некоторых своих собственных подвигах на поприще убийств, обмана и пыток христиан, еврей увидел в нем брата:

“Мы оба злодеи:

Оба обрезаны, мы ненавидим христиан обоих”.

Таким образом, все антиеврейские предрассудки средневековья воплотились в Барабасе, которого, чтобы список не был неполным, также обвиняют в блуде и в том, что он распял ребенка. Его дочь со всем ее обаянием и прелестью, кажется, создана отчасти как прикрытие гротескной личности еврея, отчасти как средство уязвить его единственное слабое место в его антихристианской броне - его привязанность к ней.

У Венецианского купца есть брат-близнец в балладе о Гернутусе, венецианском еврее, сохранившейся в реликвиях Перси:

“Не так давно в Венис - тауне

Жил жестокий еврей,

Которые жили все на ростовщичестве,

Как рассказывают итальянские писатели”.

Обе истории, по-видимому, взяты из итальянского романа Джованни Фиорентино, написанного около 1378 года и впервые напечатанного в Милане в 1554 году.

Шейлок Шекспира отлит по той же форме, что и Барабас Марлоу. Он ненавидит христианина и его манеры, его маски, веселье и щегольство. Он не будет обедать с ним, чтобы тот “не почувствовал запаха свинины, не поел из жилища, в которое ваш пророк Назорей загнал дьяволов. Я буду покупать с тобой, продавать с тобой, разговаривать с тобой, ходить с тобой и так далее; но я не буду есть с тобой, пить с тобой и молиться с тобой”. Его алчность усиливает его суеверную ненависть к язычнику:

“Я ненавижу его за то, что он христианин;

Но больше для этого, в низкой простоте,

Он дает деньги займы бесплатно и приносит доход

Скорость использования”.

Презрение христианина выводит еврея из себя еще больше:

“Если я смогу поймать его один раз за бедро,

Я утолю старую обиду, которую питаю к нему.

Он ненавидит нашу священную нацию и ругается
От меня, моих сделок и моей заслуженной бережливости,
Что он называет интересом. Будь проклято мое племя
Если я прощу его!”

Но, ненавидя христианина в глубине души, он внешне заискивает перед ним, ожидая возможности удовлетворить свою жажду мести. Это вскоре представилось. Антонио, честный и гордый венецианский купец, предлагает внести залог за друга, который хочет занять у еврея три тысячи дукатов под залог Антонио. Даже ведя переговоры о займе, христианин поносит еврея как “злую душу, негодяя с улыбающейся щекой”, побеленную могилу. Теперь Шейлок напоминает ему обо всех оскорблениях и инвективах, которыми он осыпал его во время Обмена Репликами:

“Ты называешь меня неверующим, собакой-перерезателем горла,
И плюнь на мой еврейский габердин,
и все же ты просишь моей помощи”. Христианин отвечает:

“Я хотел бы снова назвать тебя так,
Снова плюнуть на тебя, отвергнуть и тебя тоже”.

и просит его одолжить деньги, как врагу. Еврей притворяется, что простил и забыл; но он ловит Антонио на слове и в шутку требует неустойку “за равный фунт твоей прекрасной плоти, которая будет отрезана и съедена в той части твоего тела, которая мне понравится”. Узы скреплены, и это доказывает, что узы роковые. Корабли Антонио терпят крушение в море, и по истечении срока он оказывается не в состоянии расплатиться с евреем.

У Шейлока, как и у Барабаса, есть единственная дочь Джессика, которой он дорожит и которой доверяет больше всех людей. Вся любовь, которую он может выделить из своих дукатов, расточается на эту дочь. Прекрасной, как Эбигейл, Джессике не хватает сыновней преданности и милой грации, которые делают дочь Барабаса таким очаровательным контрастом с ее отцом. Джессике “стыдно быть дочерью своего отца”. Она ненавидит его, и для нее ее собственный дом “это ад”. Влюбленная в юношу-христианина, она вступает с ним в бесстыдную интригу, чтобы обмануть и ограбить своего отца, и, переодевшись мальчиком, убегает со своим возлюбленным, прихватив некоторое количество золота и драгоценностей из отцовского запаса. Открытие дезертирства его дочери повергает Шейлока, как и Барабаса, в отчаяние. До сих пор он никогда не чувствовал проклятия своего народа.

Находясь в таком настроении, он слышит о потерях Антонио и чрезвычайно радуется этому. Известие о неудаче его врага действует как бальзам от его собственных домашних неурядиц. Его старая обида на христианина, ожесточенная его недавним несчастьем, лишает его милосердия. Он вспоминает унижения и увечья, которым подвергся от рук Антонио, и все потому, что тот был евреем, и клянется понести полное наказание: обладать плотью христианина. Антонио сажают в тюрьму, и он умоляет Шейлока о пощаде, но тот мрачно

отвечает: “Я получу свой залог. Ты называл меня собакой, прежде чем у тебя была на то причина; но поскольку я собака, берегись моих клыков. Я сохраню свою связь”.

Венецианское законодательство было строгим в отношении коммерческих сделок. Процветание Республики зависело от ее репутации справедливого и беспристрастного государства, и даже дож не мог вмешаться в ход правосудия. Начинается судебный процесс. Антонио появляется в суде, и Шейлок требует справедливости. Его не смягчат ни молитвы друзей жертвы, ни мольбы герцога. Он даже не примет деньги, умноженные втрое; но он настаивает на выплате долга и расторжении своего обязательства. Так обстоит дело, когда Порция, невеста друга Антонио, появляется на сцене в образе молодого и образованного судьи. Сначала она пытается склонить сердце еврея; но, обнаружив, что он непреклонен, она признает, что в Венеции нет власти, способной изменить законно установленное требование: “Залог аннулируется, и по закону еврей может потребовать фунт мяса”.

Антонио приказывают обнажить грудь, и Шейлок радостно готовится привести в исполнение свой жестокий замысел; сцена достигает своего апогея драматизма, когда все внезапно поворачивается лицом к еврею. Молодой судья останавливает его руку с этими ужасными словами:

“Эти узы не дают тебе здесь ни капли крови.

Возьми ты свой фунт мяса;

Но, разрезая его, если ты прольешь

Одна капля христианской крови, твои земли и имущество

Подлежат, по законам Венеции, конфискации

Государству Венеция”.

Шейлок едва оправился от этого удара грома и выразил готовность принять предложенные ему деньги, когда судья прерывает его: “Еврей получит всю справедливость — ничего, кроме наказания” — всего лишь фунт мяса, ни малейших угрызений совести больше или меньше. Если нет, “ты умрешь, а все твоё имущество конфискуют”.

Шейлок теперь довольствуется тем, что принимает только принципала. Но судья снова говорит: “Поскольку еврей отказался от денег в открытом судебном заседании, он получит только правосудие и свой залог — ничего, кроме конфискации”, на уже названных условиях.

Шейлок предлагает вообще отказаться от своего иска. Но нет! судья снова говорит:

“Закон имеет над тобой еще одну власть.

Это прописано в законах Венеции—

Если это будет доказано против иностранца

Это путем прямых или косвенных попыток

Он посягает на жизнь любого гражданина,
Партия "добивается того , чего она добивается "
Конфискует одну половину его имущества; другая половина
Поступает в тайную казну государства;
И жизнь преступника зависит от милосердия
Только от герцога", - подхватывают все остальные голоса.
В каком затруднительном положении, говорю я, ты находишься.
Поэтому ложитесь и молитесь герцога о пощаде.

Антонио ходатайствует от имени своего врага и позволяет ему сохранить за собой пользование половиной его имущества при условии, что он станет христианином и завещает свое имущество своему зятю-христианину и своей дочери. Еврей волей-неволей принимает эти условия, покидает Суд удрученным, и ожидается, что каждый порядочный мужчина и женщина будут радоваться его поражению.

Таков еврей в глазах Шекспира, или, скорее, в глазах публики, которую Шекспир хотел развлечь. И все же, несмотря на стремление поэта передать чувства своей аудитории, его собственная человечность и сочувственное воображение проявляются в трогательном обращении, вложенном в уста жертвы: “Разве у еврея нет глаз? разве у еврея нет рук, органов, размеров, чувств, привязанностей, страстей? Питался той же пищей, был ранен тем же оружием, подвержен тем же болезням, исцелялся теми же средствами, согревался и охлаждался той же зимой и летом, как христианин? если вы уколете нас, разве у нас не пойдет кровь? если вы пощекочете нас, разве мы не рассмеемся? если вы отравите нас, разве мы не умрем? а если вы причините нам зло, разве мы не отомстим? Если мы похожи на вас во всем остальном, то будем похожи и в этом ”.

Но мало кто из современников Шекспира, если вообще кто-либо, разделял его собственное широкое чувство справедливости. В народе еврея считали квинтэссенцией всего мерзкого, мрачного и жадного в человеческом облике. В нем англичанин елизаветинской эпохи увидел все качества, которые он ненавидел: алчность, лживость и жестокость. Более того, еврей по-прежнему отождествлялся с типичным ростовщиком, и к ростовщичеству в Англии продолжали относиться со всем суеверным ужасом средневековья. ♦1546 г.♦ Так продолжалось до правления Генриха VIII. неохотно был принят закон, устанавливающий процент на уровне 10 процентов. Но предубеждение против одалживания денег с целью получения прибыли было настолько сильным, что в следующее правление закон пришлось отменить. При Эдуарде VI все ссуды под проценты снова были объявлены незаконными. Законом, который противоречил своей собственной цели и, в свою очередь, был отменен во время правления королевы Елизаветы, когда, вопреки закону, процентная ставка составляла 14 процентов. Второй Закон, принятый в 1571 году, хотя и яростно осуждающий ростовщичество в современном смысле этого термина, разрешает взимать проценты в размере 10 процентов. Эта норма оставалась в силе при Якове I.

Бэкон записал для нас мнения и настроения своих современников по этому вопросу. В своем эссе "Мятежи и смуты", написанном где-то между 1607 и 1612 годами, он говорит: "Прежде всего, необходимо использовать хорошую политику, чтобы Сокровища и Деньги в Государстве не были собраны в нескольких руках. Ибо в противном случае государство может иметь большие Запасы и все же голодать.... Это достигается, главным образом, путем подавления или, по крайней мере, сохранения строгости в отношении Пожирающих Промыслов *ростовщичества* и т.д." В этом отрывке Бэкон возражает против ростовщичества по экономическим соображениям. В другом месте он выдвигает возражения совершенно иного характера. В "Очерке богатства", опубликованном в 1625 году, он говорит: "Ростовщичество - самое верное средство Гейне, хотя и одно из худших; Как то, с помощью чего Человек ест свой Хлеб; *In sudore vultus alieni*; и, кроме того, пашет на мороженом". Озорная метафора Аристотеля все еще цитировалась в качестве аргумента против ростовщичества. Это упоминается Бэконом среди множества "остроумных выпадов против ростовщичества", ¹²⁹ распространенных в его время, и это воплощено Шекспиром во фразе о том, что ростовщики "принимают породу за чистый металл". ¹³⁰

В то время этот вопрос привлекал всеобщее внимание. В 1621 году в парламент был внесен законопроект о борьбе с ростовщичеством, а два года спустя второй законопроект с тем же эффектом был принят Палатой общин. Бэкон воспользовался случаем для публикации своего "очерка ростовщичества", который появился в 1623 году. В письме госсекретарю Конвею он заявляет, что его целью при написании этого письма было предложить средства, с помощью которых "заточить зубы ростовщичеству и в то же время заставить его хорошенько помолотиться на мельнице его Величества, без недовольства или возмущения". В согласии с этой точкой зрения, Бэкон описывает ростовщичество действительно как зло, но как неизбежное зло: "Поскольку должны быть заимствования и ссуды, а люди настолько черствы сердцем, что не дают займы добровольно, ростовщичество должно быть разрешено". Он продолжает взвешивать преимущества и недостатки этой практики и приходит к выводу, что она должна быть признана и контролироваться государством, поскольку "Лучше смягчить ростовщичество декларацией, чем допустить его разгул при попустительстве". Пропаганда Бэкона не пропала даром. ♦ 1624 г. ♦ В следующем году законодательный орган вновь санкционировал ростовщичество, а процент был снижен до 8 процентов. Но эта мера не уничтожила глубоко укоренившуюся ненависть к ростовщикам и не ослабила популярное представление о том, что ростовщичество было характерным признаком еврея. Бэкон в том же эссе сообщает нам, что среди его современников были люди, которые рекомендовали "ростовщикам носить оранжево-коричневые шляпы, потому что они исповедуют иудаизм".

Однако отвращение к еврею вызывалось скорее отталкивающей абстракцией, чем конкретным индивидуумом. Еврей во плоти был практически неизвестным существом для обычных англичан того времени. Если его ненавидели как упря-к-кровососа, он был не более реален, чем упырь. Но едва ушло из жизни поколение, освистывавшее Барабаса и Шейлока на сцене, как еврей вновь появился как человеческая реальность на земле, которую его отцы покинули более трех столетий назад.

Тем временем в Англии произошли большие перемены. Протест против власти, как в интеллектуальной, так и в духовной форме, пересек Ла-Манш и был встречен отзывчивыми душами на наших берегах. Когда Эразм приехал в Англию в 1498 году, он нашел здесь больше, чем привез с собой. Гроцин выучил греческий в Италии, а Колет вернулся из этой страны,

презирая “безбожные изощрения” теологии. В этих ученых и подобных им Эразм нашел родственные души, сердечных союзников в борьбе за свет. Колет очаровал его своим платоническим красноречием, а сэр Томас Мор - мягкостью своего характера. И группа этих трех благородных людей — Колет, Эразм и многие Другие, — все стремившиеся к реформам и очищению ума и души, посеяли семя, из которого должно было взойти растение, о котором даже они мало мечтали. Характерный компромисс между новым и старым при Генрихе VIII перерос в более чистый протестантизм Елизаветы и Якова I. И, хотя у Шекспира мы все еще видим мир, по сути католический по тону и идеям, этот мир быстро угасает. Еще несколько лет, и протестантизм, в его самом воинственном и мрачном проявлении, изгнал последние остатки средневекового католицизма и веселья из Веселой Англии. Короля Карла больше нет, и Оливер Кромвель унаследовал реалии, если не помпезность, королевской власти.

ГЛАВА XVIII ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

В последователях Кромвеля было много такого, что благоприятствовало их отношению к Израилю. Их история, их теология, их характер, их мораль и их идеалы были настолько древнееврейскими, насколько вообще могло быть что-либо, что не родилось в Азии. Пуритане, как всегда делали евреи, хвастались, что они сами были единственной чистой Церковью, и ненавидели всех остальных как идолопоклонников. Они верили, как всегда верили евреи, что они - любимцы Небес, избранные Всемогущим, чтобы свидетельствовать о Его единстве, сражаться в Его битвах и истреблять Его врагов: “Уничтожьте амаликитян, корень и ветвь, бедро и ляжку”, - таково было бремя пуританских проповедников. Они мечтали о теократии, как всегда мечтали евреи; о государстве, в котором гражданское общество должно быть подчинено религиозной власти. Духовное высокомерие еврея встретило свою вторую половину в духовном высокомерии пуританина. Если еврей считал, что за него Иегова говорил на горе Синай, пуританин был в равной степени уверен, что за него Бог пострадал на Голгофе. Если еврей применял к себе пророчества Ветхого Завета, то пуританин с таким же рвением присваивал исполнение Нового. Они оба ходили, задрав головы к небу, но твердо ступая по твердой земле. Ежедневное размышление о вечных интересах не лишало ни одного из них возможности успешно преследовать мирские цели. Духовные одновременно и практичные, они видели в материальном процветании доказательство божественного одобрения. Веря, что “бережливость - это благословение”, они стремились пожинать плоды бережливости чрезмерным благочестием. И, устанавливая свое собственное правление, они не сомневались, что продвигают Царство Божье.

Сходство можно проследить до мельчайших деталей. Отвращение пуританина к изящным искусствам, церковному убранству и священническому щегольству было не менее искренним, чем у еврея. Одинаково сильной была ненависть обеих сект к общественным развлечениям. Во времена правления пуритан театры были закрыты, маски преданы анафеме, майские деревья снесены; всякая красота была объявлена грехом, всякое удовольствие наказывалось как преступление. Тем не менее, в тот же период (около 1660 г.) раввин Венеции выразил свой ужас по поводу создания венецианскими евреями театров, в которых мужчины, женщины и дети

избранного народа помогали в фривольных представлениях, и выразил сожаление по поводу своей неспособности подавить безбожные собрания. И евреи, и пуритане в семнадцатом веке были готовы подписаться под словами талмудического мудреца первого века: “Я благодарю тебя, о Господь, мой Бог и Бог моих отцов, что ты поместил мою долю среди тех, кто сидит в Доме обучения и Молитвенном Доме, и не вверил мою судьбу тем, кто часто посещает театры и зрелища. Ибо я тружусь, и они трудятся; я жду, и они ждут; я унаследую рай, они - бездну разрушения”.¹³¹

Наконец, и пуритане, и евреи жестоко страдали из-за инакомыслия, и они оба заставляли других страдать так же жестоко по одной и той же причине. Героическая стойкость обеих сект, подвергшихся бедствиям, была опозорена их яростной нетерпимостью, когда они были у власти.

Это близкое сходство в темпераменте и идеях находило выражение во многих отношениях, более или менее чудесных, более или менее забавных. Это породило то пристрастие к Ветхому Завету, которое было ответственно за большинство особенностей и грехов пуритан. День Господень в их устах превратился в субботу; их детей крестили грубыми именами древнееврейских патриархов и пророков; их повседневные разговоры были смесью святости и семитизма. Иврит почитался как примитивный язык человечества, и считалось, что ребенок, воспитанный в одиночестве, естественным образом заговорит на иврите в возрасте четырех лет. Мало того, что их представления по социальным и моральным вопросам были заимствованы из кодекса Моисея, но даже в судебных вопросах этот кодекс настоятельно рекомендовали в качестве замены английской юриспруденции, и крайние пуритане, мигрировавшие в Америку, фактически приняли закон Моисея в Массачусетсе, устраивали еврейские маскарады на острове Род и называли членов Конституционного комитета Нью-Хейвена “Семью столпами, высеченными для Дома Мудрости”. Последнее, но самое важное из всего, Железнобокие Кромвеля нашли в Ветхом Завете прецедент и санкцию для действий, которые совершенно противоречат учению Моисея. новое.

При сложившихся обстоятельствах неудивительно, что, в то время как преследование папистов и приверженцев епископальной церкви было в Англии наивысшим, общественное отношение к евреям должно было претерпеть заметные изменения к лучшему. Члены этой расы уже обосновались в Лондоне, хотя и тайно. 5 января 1649 года двое жителей Амстердама представили Фэрфаксу и армии петицию об отмене изгнания евреев при Эдуарде I. и они, должно быть, сочли общественное мнение не неподготовленным к их просьбе. Примерно в это время вопрос о реабилитации евреев стал предметом серьезного обсуждения в определенных кругах. Эдвард Николас, бывший секретарь парламента, отстаивал это с пылом и библейской эрудицией, заявляя о своей вере в то, что невзгоды, которые Англия переживала на протяжении целого поколения, были наказанием за изгнание народа Божьего. Газета, опубликованная 6 мая 1652 года, содержит отчет о посещении синагоги в Ливорно дружелюбным моряком, заканчивающийся призывом: “Будут ли они терпимы папой римским и герцогом Флорентийским, турками, варварами и другими, и будут ли в Англии по-прежнему действовать законы против них?”¹³² ♦ 1652 ♦ Когда доктор Джон Оуэн разработал свой план создания национальной Церкви и представил его парламенту, майор Батлер и некоторые другие раскритиковали его как недостаточно либеральный. Они не только осудили вмешательство государства в духовные и доктринальные вопросы, но и спросили: “Разве это не обязанность властей - разрешить евреям, обращения которых мы ожидаем, жить свободно и мирно среди

нас?” Роджер Уильямс был решительно на той же стороне, как и Уолли, доблестный майор, прославившийся в Нэйсби, как по религиозным, так и по практическим соображениям.

В результате этой агитации в пользу Израиля были публично проведены четыре конференции для обсуждения этого вопроса. Последнее из них произошло в среду, 12 декабря 1655 года, в Уайтхолле, под председательством Протектора. Это было великое событие, и оно произвело глубокую сенсацию по всей стране. Все высшие представители Церкви и государства участвовали в совещании и обсуждали вопрос о том, следует ли разрешить евреям снова поселиться и торговать в Англии.

Автором предложения был Манассия Бен Израэль, раввин Амстердама, сын лиссабонского маррано, пострадавшего от рук инквизиции. Манассия был истинным патриотом: не знал ничего, кроме раввинистических и каббалистических знаний, свободно говорил и плодовитый писатель; при этом твердо верил в приближающееся пришествие Мессии и в свою собственную божественную миссию способствовать этому пришествию. Действительно, у него был семейный интерес в этом деле, поскольку он женился на потомке Дома Давида и лелеял надежду, что, в соответствии с древними пророчествами, царь Израиля может быть среди его собственных отпрысков. Манассия, полагая, что установление Пуританского содружества и свободы совести в Англии, а также огромное внимание, уделяемое европейским миром в то время вопросам библейских пророчеств, предоставляло возможность для реадмиссии его единоверцев, уже обратился к английским пуританам и миллениаристам и предпринял несколько попыток добиться слушаний в парламенте; но ему это не удавалось до тех пор, пока Кромвель не стал главой дел. Манассия в своем обращении к Английскому Содружеству очень подробно и с большим историческим знанием остановился на лояльности, проявленной еврейским народом в странах, где к нему хорошо относились. Среди других примеров он привел героическую верность евреев Бургоса павшему королю Кастилии Дону Педро.¹³³ Но его главный аргумент заключался в том, что с допуском евреев в Англию исполнятся библейские пророчества о мессианской эре, а именно о том, что она не наступит до тех пор, пока израильтяне не будут рассеяны по всем народам земли, и, таким образом, сама эра станет материальнее. Это был аргумент, хорошо рассчитанный на то, чтобы понравиться аудитории, жаждущей Тысячелетия и Пятой Монархии Апокалипсиса и ужасно стремящейся проложить путь к Искупителю.

Сам Кромвель — будь то под влиянием мессианских ожиданий, желания привлечь евреев к христианству добротой, широкими принципами религиозной терпимости или менее арийским мотивом использования евреев как средства получения разведанных о международных делах и извлечения выгоды из их богатства и коммерческих способностей — искренне поддерживал предложение Манассии и поддерживал его с большим красноречием. Но этому не суждено было сбыться. Хотя конференция решила, что юридических препятствий для поселения евреев в Англии не существует, общественное мнение, и особенно религиозные чувства, еще не созрели для столь революционной меры. Несмотря на просвещенный пример таких лидеров, как Кромвель и Мильтон, большинство считало иначе. Свобода совести? они сказали. Да, но в определенных пределах. Итак, после долгого и утомительного спора, в ходе которого обе стороны торжественно цитировали пророчества и законы, взвешивали и отвергали их, предубеждение возобладало над разумом и христианским милосердием; и Манассия Бен Израэль был вынужден уйти — не совсем с пустыми руками; ибо Кромвель вознаграждал его за труды на благо дела ежегодным пособием в сто фунтов, которым, однако, раввин не дождался

того, чтобы насладиться. Он умер по дороге в Амстердам; подобно Моисею, ему было отказано в удовольствии лицезреть плоды своего усердия. Ибо, хотя публичный и всеобщий прием его единоверцев был признан неосуществимым, было понятно, что отдельные представители этой расы могли поселиться в стране с частного разрешения Кромвеля. Многие воспользовались этой привилегией, несмотря на сильное сопротивление со стороны христианских торговцев города, и вскоре в Лондоне появились скромная синагога и еврейское кладбище — почти через четыреста лет после их конфискации Эдуардом I. ♦ 1657 г. ♦ Это возвращение до сих пор отмечается английскими евреями как День повторного поселения, а его годовщина является одним из немногих “дней красных букв” в их календаре. Не забыт и человек, который практически обеспечил себе это благо. Память Манассии заслуженно высоко чтится среди евреев, и английская еврейская община в 1904 году отметила 300-летие со дня его рождения.

♦1660♦

Когда через несколько лет после поселения Содружество было свергнуто Реставрацией, еврейская община пережила своего защитника. Карл II, слишком нуждающийся, чтобы презирать евреев, но недостаточно фанатичный, чтобы преследовать их, последовал политике терпимости своего великого предшественника и, хотя и из совершенно иных побуждений, предоставил им беспрепятственное, хотя и не признанное законом, проживание в своих владениях. Мистер Пепис посетил их синагогу в Лондоне 13 октября 1663 года и, похоже, был сильно поражен, позабавлен и шокирован тем, что он там увидел:

“После обеда мы с женой, по указанию мистера Роулинсона, идем в еврейскую синагогу: где мужчины и мальчики в своих одеяниях, а женщины за прилавком вне поля зрения; и кое-что встает, что, я полагаю, является их законом, в давке, которой все входящие кланяются; и при надевании своих одеяний они что-то говорят, на что другие, слышащие священника, восклицают “Аминь”, а присутствующие целуют его покрывало. Вся их служба проходит в певческой манере и на иврите. И вскоре их Законы, которые они вынимают из пресса, несут несколько человек, всего четверо или пятеро, по несколько нош, и они действительно сменяют друг друга; и независимо от того, желает ли каждый нести это, таким образом, они носили это по комнате, пока пели подобную службу. И в конце у них была молитва за короля, в которой они произносили его имя по-португальски; но молитва, как и все остальные, на иврите.

“ Но, господи! видеть беспорядок, смех, забавы и отсутствие внимания, но беспорядок во всем их служении, больше похожих на животных, чем на людей, знающих истинного Бога, заставило бы человека отказаться от того, чтобы когда-либо видеть их больше; и действительно, я никогда не видел так много и не мог себе представить, что во всем мире была какая-либо религия, исполненная так нелепо, как эта ”.

Таково было впечатление, которое еврейская община производила на этого проникательного наблюдателя поверхностных вещей.

Вывод, который следует сделать из этих бодрых комментариев, состоит в том, что еврей был далек от того, чтобы изжить свою непопулярность. Хотя доктрина терпимости, за которую боролся Кромвель и страдал Мильтон, все еще проповедовалась такими богословами, как Тейлор, и излагалась такими философами, как Локк, английская общественность была далека от признания права каждого человека думать, действовать и поклоняться так, как ему казалось

правильным. Так трудно даже самому слабому лучу света пробиться сквозь пелену предрассудков.

Мистеру Пепису мы также обязаны любопытным намеком на то, с какой энергией среди нас в то время лелеяли Мессианскую утопию. Слава Саббатая Зеби достигла Англии, и Пророк Смирны нашел приверженцев даже в Лондонском сити. Мы находимся в 1666 году, накануне мистической эры, зафиксированной энтузиастами как год, когда должно было произойти восстановление Израиля на Святой Земле. Под датой 19 февраля мистер Пепис делает следующую запись в своем Дневнике; “Мне достоверно сообщили то, что я уже слышал один или два раза от еврея в городе, который от имени остальных предлагает любому человеку 10 фунтов стерлингов в обмен на 100 фунтов стерлингов, если некий человек, находящийся сейчас в Смирне, в течение этих двух лет будет принадлежать всем принцам Востока, и особенно Великому сеньору, как Королю мира, таким же образом, как мы здесь королю Англии, и что этот человек - истинный Мессия. Один назвал своего друга, получившего по этому поводу десять золотых монет, и сказал, что еврей распорядился 1100 фунтами стерлингов таким образом, что очень странно; и, конечно, этот 1666 год будет годом великих действий; но каковы будут последствия этого, одному Богу известно!”

◆1689◆

Но Мессия не пришел; и двадцать четыре года спустя, при Вильгельме и Марии, была предпринята попытка обчистить непопулярную расу в Лондоне. В Палате общин было предложено взыскать с евреев 100 000 фунтов стерлингов, и это предложение показалось Палате заманчивым. Но евреи подали петицию, ссылаясь на свою неспособность подчиниться и заявляя, что они скорее покинули бы королевство, чем подчинились такому обращению. Их протест был поддержан государственными деятелями, которые, какими бы ни были их личные чувства к евреям, возражали против этой меры как противоречащей духу британской конституции; и после некоторого обсуждения проект был отклонен, хотя и не из-за предрассудков, которые сделали такое предложение возможным.

Трезвый протестантизм ни в малейшей степени не разделял пуританского предпочтения еврейским идеалам. Если рассматривать the Spectator как зеркало общественного мнения по этому вопросу, то в правление королевы Анны английские протестанты возражали против “множества церемоний в еврейской религии, таких как Омовения, одевание, мясопродукция, Очищения и тому подобное”. Аддисон утверждает, что причиной этих тщательных обрядов, приводимых евреями, было их стремление создать как можно больше поводов для проявления своей любви к Богу, делая при любых обстоятельствах жизни что-то, чтобы доставить Ему удовольствие. Однако это объяснение не кажется убедительным критику, который продолжает отмечать, что апологеты римско-католической церкви используют аналогичные аргументы в защиту своих собственных обрядов, и заключает: “Но, несмотря на правдоподобную причину, по которой и еврей, и католик оправдывают свои соответствующие суеверия, несомненно, в них есть что-то очень пагубное для человечества и разрушительное для религии”.¹³⁴ Соответственно, статут королевы Анны поощрял обращение в христианство, заставляя еврейских родителей содержать своих детей-отступников.

Аддисон в другом месте признает преимущества, коммерческие и другие, которыми мир обязан рассеянию евреев по народам земли; но он оригинально замечает: “Они подобны колышкам и гвоздям в великом Здании, которые, хотя и мало ценятся сами по себе, абсолютно необходимы

для сохранения целостности всего Остова”.¹³⁵ На него производит впечатление множество евреев, несмотря на истребления и преследования, которым они подвергались на протяжении стольких веков, не меньше, чем их распространение по всему миру и твердая приверженность своим принципам. религия; и он пытается объяснить эти замечательные явления несколькими размышлениями, которые заслуживают того, чтобы их процитировать, не только из-за внутреннего здравого смысла некоторых из них, но и ради той картины, которую они представляют о еврейской нации в первые дни восемнадцатого века, какой она представлялась высококультурному нееврею, и об отношении высококультурного нееврея к нации:

“Я могу, - говорит Наблюдатель, - в первую очередь приписать их численность только их постоянной занятости, их Воздержанию, их освобождению от войн и, прежде всего, их частым бракам; ибо они смотрят на Безбрачие как на проклятое Состояние и обычно женятся до двадцати лет, надеясь, что от них снизойдет Мессия”.

Их разброс объясняется следующим образом:

“Они всегда были охвачены Восстаниями и Смутами, пока имели в виду Храм и Святой Город, по этой причине их часто изгоняли из их старых Жилищ в Земле Обетованной. Их так же часто изгоняли из большинства других Мест, где они поселились.... Кроме того, весь Народ сейчас представляет собой Расу таких Торговцев, которые являются Странниками по Профессии и, в то же время, в большинстве, если не во всех Местах, не способны иметь ни Земель, ни Должностей, которые могли бы побудить их сделать любую часть Мира своим Домом. Это Рассеяние, вероятно, утратило бы свою Религию, если бы не было обеспечено Прочностью ее Конституции: ибо они должны жить все вместе и, как правило, в одном Помещении; вступать в браки между собой и не есть мяса, которое не было бы убито или приготовлено ими самими. Это лишает их возможности вести застольные беседы и заниматься самыми приятными делами в Жизни; и, как следствие, лишает их наиболее вероятных средств Обращения.

Если, наконец, мы рассмотрим, какая Провиденциальная причина может быть установлена для этих трех Особенностей, мы обнаружим, что их Численность, Рассеяние и приверженность их Религии снабжали каждую Эпоху и каждую нацию Мира сильнейшими аргументами в пользу христианской веры, не только потому, что именно эти Особенности предсказаны о них, но и потому, что они сами являются Хранилищами этих и всех других Пророчеств, которые приводят к их собственной путанице. Их число дает нам достаточное количество Свидетелей, подтверждающих Истинность Старой Библии. Их Рассеяние распространяет этих Свидетелей по всем частям Света. Приверженность их Религии делает их Показания неоспоримыми. Если бы все евреи были обращены в христианство, мы, несомненно, сочли бы все Пророчества Ветхого Завета, относящиеся к Пришествию и Истории нашего Благословенного Спасителя, выдуманными христианами, и рассматривали бы их вместе с Пророчествами Сивилл, сделанными через много лет после Событий, которые они якобы предсказывали”.

Эта хладнокровная привычка извлекать из страданий ближних уверенность в нашем собственном спасении все еще культивируется многими добрыми христианами. Это удобная доктрина, хотя и не особенно лестная для Провидения.

◆1723◆

Но если развитие разума идет медленно, это несомненно. Через несколько лет после публикации эссе Аддисона евреи, уже обосновавшиеся в Англии, были признаны британскими

подданными. ♦1725 ♦ Два года спустя математик-еврей был избран членом Королевского общества, а вскоре после этого еврей стал секретарем и библиотекарем Общества. Судьи также воздержались от вызова свидетелей-евреев в субботу. ♦1753 г.♦ За уступкой 1723 года тридцать лет спустя последовало право натурализации. Но даже тогда, хотя Палата общин приняла законопроект, лорды и епископы одобрили его, а король Георг II. ратифицировал его, это вызвало такой громкий протест торговцев и теологов, что дар пришлось отозвать. “Больше никаких евреев, никаких деревянных башмаков” - таков был элегантный рефрен, которым британская публика воспевала свои чувства по этому поводу, и чучело просвещенного дьякона, защищавшего Закон, было публично сожжено в Бристоле. Англия, которая в Средние века была вынуждена преследовать и изгонять евреев по примеру Континента, снова оказалась под влиянием континентального отношения к этой расе. К счастью, теперь это влияние было другого рода.

ГЛАВА XIX

КАНУН ЭМАНСИПАЦИИ

Примерно в середине восемнадцатого века на Европейском континенте возник новый дух; или, скорее, дух Возрождения, подавленный в Италии, вновь заявил о себе в Центральной Европе в более развитой форме. Тысяча семьсот лет прошло с тех пор, как небесный хор спел на Вифлеемской равнине славный гимн “Мир на земле, благоволение к людям”. И послание, которое было стерто кровью, в то время как мифу и словам поклонялись, снова было услышано в совершенно другой версии. Те, кто произносил это, были не ангелами, а мирскими людьми; аудитория состояла не из группы грубых азиатских пастухов, а из самой изысканной европейской публики; и язык, на котором это было произнесено, был не простым палестинским арамейским, а сложным инструментом современной науки. Еще раз человек, совершенно новым путем, пришел к одной великой истине, единственно верной заповеди: “Любите друг друга, о вы, создания сегодняшнего дня. Терпите ошибки и безумства друг друга. Жизнь слишком коротка для ненависти; человеческая кровь слишком драгоценна, чтобы тратить ее впустую на взаимное уничтожение”.

Это была эпоха Вольтера, Дидро и Жан-Жака Руссо во Франции; Лессинга и Мендельсона в Германии. Доктрина всеобщего милосердия и счастья, которая, подобно своему древнему прототипу, позже была насаждена на острие меча и проиллюстрирована насилием, убийствами, пожарами и голодом, пока что нашла свое главное выражение в поэтических представлениях о свободе и философских теориях равенства, провозглашенных сангвиническими энциклопедистами. Это был период возвышенных устремлений, которые еще не были омрачены посредственными достижениями; и евреи, которые до сих пор пассивно или активно участвовали в каждом этапе прогресса Европы, также должны были участвовать в этом развитии. В отличие от более ранних пробуждений пятнадцатого и шестнадцатого веков, этот призыв к терпимости не угас на границах христианского мира. Пришло время задать вопрос: “Христос ли Христос и Иуда ли Христос и Иуда ли человек?” Израилю было суждено получить из рук Разума то, чего Совесть оказалась неспособной дать. И в этом более широком

пробуждении объединились как германцы, так и латиняне. Французские философы служили делу терпимости, уча, что все религии ложны; немецкие - уча, что все они истинны.

Но, прежде чем этот триумф мог быть достигнут, евреям пришлось победить многих могущественных врагов. Среди них были два самых известных человека столетия.

◆1740–86◆

Фридрих Великий, король Пруссии и горячий друг философии, в своей политике по отношению к детям Израиля выглядит каким угодно, только не великим или философским. При его правлении запретительные законы средневековья были возрождены способом, который по тщательности превзошел средневековое законодательство, хотя средневековое варварство не могло служить оправданием. Лишь ограниченному числу евреев было разрешено проживать во владениях Фридриха. В соответствии с “Общей привилегией” 1750 года они были разделены на две категории. В первую были включены торговцы и служащие синагоги. У них было наследственное право проживания, ограниченное одним ребенком в каждой семье. Право на второго ребенка было куплено ими за 70 000 талеров. Ко второму подразделению относились лица с независимым достатком, которых терпели индивидуально; но их право на проживание истекло вместе с ними. Брачные правила были настолько суровыми, что обрекали бедных евреев на безбрачие; в то время как все евреи, как богатые, так и бедные, были лишены возможности заниматься свободными профессиями, и все они были обобраны налогами, разорительными одновременно и смехотворными.

Вольтер, заклятый враг феодализма, все же защищал феодальное отношение к евреям. Его вражда к расе проистекала не только из капризного дурного настроения. У него был зуб на евреев из-за некоторых денежных потерь, понесенных, как он жаловался, в результате банкротства еврейского капиталиста по имени Медина. Историю, рассказанную самим неподражаемым рассказчиком, стоит повторить: “Медина сказал мне, что он не виноват в своем банкротстве: что ему не повезло, что он никогда не был сыном Велиала. Он тронул меня, я обняла его, мы вместе вознесли хвалу Богу, и я потеряла свои деньги. Я никогда не ненавидел еврейскую нацию; я никого не ненавижу”.¹³⁶

◆1750–51◆

Но это было еще не все. Находясь в Берлине, Вольтер вел затяжную войну против еврейского ювелира. Это было состязание двух великих скряг, каждый из которых искренне стремился превзойти другого. По словам хорошего, хотя и чересчур категоричного судьи, “нигде в Анналах юриспруденции нет дела более отвратительного или более глубоко замешанного на лжи и бреде”, чем этот судебный процесс Вольтера-Хирша.¹³⁷ Он возник в результате незаконной торговли акциями. Вольтер поручил еврею Хиршу отправиться в Дрезден и приобрести несколько векселей саксонского казначейства— которые подлежали оплате золотом только настоящим прусским держателям, предоставив ему в качестве оплаты чек на Париж, срок погашения которого истекал через несколько недель, и получив от него некоторое количество драгоценностей в залог до тех пор, пока векселя не будут доставлены. Хирш поехал в Дрезден, но не прислал никаких счетов. Вольтер, подозревая нечестную игру, приостановил выплату парижского векселя и приказал Хиршу немедленно вернуться. По прибытии еврея была предпринята попытка урегулирования. Вольтер попросил у него чек и предложил вернуть бриллианты вместе с денежной суммой, покрывающей часть дорожных расходов еврея.

Осмотрев бриллианты, Хирш заявил, что некоторые из них были заменены, и отказался их принять. Это было всего лишь *любовное дело*, и по сей день остается загадкой, кто из двух тяжущихся сторон был более неискренен.

Дело закончилось приговором, который вынудил Хирша восстановить парижский проект, а Вольтера купить драгоценности по цене, установленной присяжными экспертами. Хирш мог подать апелляцию, если бы смог доказать, что бриллианты были подделаны. Тем временем он был оштрафован на десять талеров за ложное опровержение своей подписи. Вольтер истерически визжал, пытаясь убедить мир и самого себя в том, что он одержал победу. Но мир, во всяком случае, отказывался верить. Скандал стал темой разговоров и комментариев во всем цивилизованном мире. Собственный взгляд Фредерика на это дело заключался в том, что его друг Вольтер пытался “обчистить карманы евреев”, но вместо этого обчистил его собственный карман на сумму около 150 фунтов стерлингов, и, более того, он стал посмешищем Европы в бесчисленных памфлетах и пасквилях - одной из них была французская комедия "Tantale en Procès", приписываемая некоторыми самому Фредерику; плохая постановка, в которой автор высмеивает — в меру своих способностей — несчастного философа. Этот инцидент не был рассчитан на то, чтобы смягчить характер Вольтера или усилить его привязанность к еврейскому народу. Тщеславный и мстительный, мудрец, при всей своей гениальности и многих приятных качествах, никогда не забывал обид и не прощал поражений.

С другой стороны, евреи могли похвастаться немалым количеством союзников. Среди защитников человечности в самом благородном смысле этого слова никто не был более серьезным, чем Готхольд Эфраим Лессинг, принц современных критиков. Его чистая и возвышенная натура нашла свое родство в Мозесе Мендельсоне, еврейском философе, родившемся в течение того же года. ♦ 1728-179 гг. ♦ Дружба, которая связывала этих двух детей разных рас и вероисповеданий, была практическим доказательством собственной доктрины Лессинга о том, что добродетель интернациональна и что интеллектуальная близость не признает богословских границ. ♦ 1779 ♦ Эта доктрина, уже проповедовавшаяся в самой красноречивой прозе, нашла художественное воплощение и всеобщую аудиторию в Натане дер Вайзе — первом появлении еврея на европейской сцене как человека, причем человека самого высокого порядка. Мудрый Натан был не кто иной, как Мозес Мендельсон, едва ли менее замечательная личность, чем сам Лессинг. Много лет назад Мендельсон покинул свой родной город Дессау и отправился в Берлин в поисках будущего. Одиноким юноша без гроша в кармане, робкий, увечный и отталкивающе уродливый, он с огромным трудом был допущен в столицу Пруссии, украшением которой ему предстояло стать. Долгие годы после своего прибытия в Берлин одаренный и обездоленный юноша трудился и ждал с терпеливым оптимизмом человека, сознающего свои силы, пока невольный мир не был вынужден признать красоту и героизм души, которые скрывались под этой самой бесперспективной внешностью; и еврейский нищий юноша, выросший в неуклюжего, заикающегося и незначительного на вид человека, постепенно превратился в идола салона — эквивалента святыни восемнадцатого века, — в котором каждый выдающийся и культурный иностранный посетитель, независимо от религии или национальности, считал за честь получить разрешение на поклонение. Несмотря на верность культу своих отцов-евреев, Мендельсон был глубоко проникнут эллинской мыслью и чувством прекрасного. Его знаменитый диалог "Федон, или Бессмертие души" мог бы быть написан Платоном, живи Платон в восемнадцатом веке; настолько, что восторженный пастор и физиономист из Цюриха, очарованный шедевром Мендельсона, заявил, что видит дух Сократа не только в каждой строке книги, но и в каждой черточке лица автора. Подобно современному

френологу, Лафатер стремился заполучить модель головы Мендельсона в качестве рекламы своей науки; но, будучи вдобавок благочестивым евангелическим служителем, он также лелеял надежду привлечь Мендельсона к христианской вере. В обоих этих объектах своих амбиций благонамеренный физиономист был прискорбно разочарован.

Величайшим делом жизни Мендельсона является частичное примирение, которому он способствовал своими произведениями между двумя мирами, которые так долго недооценивали друг друга и не доверяли друг другу. Его перевод Пятикнижия на чистый немецкий язык открыл для евреев Германии новую эру литературной деятельности. Заменяв варварский идиш современным немецким языком в их образовании, книга установила интеллектуальную связь между ними и их соотечественниками-христианами. Лессинг сделал еврея известным нееврею; Мендельсон сделал нееврея известным еврею. И даже враждебность Фридриха, магистра легионов, насмешки Вольтера, мастера смеха, и фанатизм протестантской общественности и синагоги не возобладали над объединенными усилиями двух апостолов. В 1763 году Мендельсон получил премию Берлинской академии за эссе на философскую тему, обойдя не меньшего конкурента, чем Кант. В том же году Фредерик, который тремя годами ранее, разгневанный каким-то плохо завуалированным пренебрежением к его стихам со стороны еврейского критика, не смог наказать его только из-за страха насмешек французов, был вынужден почтить Мендельсона, предоставив ему статус Защищенного еврея.

Среди молодых современников Мендельсона трое являются выдающимися представителями новой еврейской культуры: Герц, Бен Давид и Маймон. Герц был любимым учеником Канта и проявил себя как популярный представитель философии своего учителя. Бен Давид был математиком и изучал философию Канта. По последнему предмету он читал лекции в Венском университете, а затем в Берлине. Маймон был польским евреем, унаследовавшим неугомонность тела от своих отцов и неугомонность ума от трудов своего великого тезки Маймонида. Он бродил по безграничной и безрадостной пустыне Отрицания, пытался утолить свою жажду миражом Каббалы или забыться в мистицизме "Благочестивых", и, наконец, в возрасте двадцати пяти лет, бросив дом и семью с готовностью, характерной для прирожденного бродяги, он прибыл в Берлин, немытый, неопрятный и не знающий ни одного языка, кроме своего родного жаргона германо-польского иврита. Однако некоторое время спустя он прославился публикацией автобиографии — произведения, достойного стоять рядом с "Исповедями" Руссо по крайней мере в одном отношении: его беспощадная и почти дикая откровенность. В его искренности сомневался Джордж Элиот, а также другие критики. Но и Шиллер, и Гете были впечатлены этим произведением, и Маймон был польщен знакомством с последним поэтом.

Постепенно в столице Пруссии сформировался широкий круг интеллектуальных евреев и еврейниц, которые резко контрастировали с гордой и глупой знатью, с одной стороны, и с невзрачной и глупой *буржуазией* - с другой. Между этими двумя холодными зонами распространился еврейский класс мужчин и женщин, богатых деньгами и мозгами, культивирующих французскую литературу, остроумие и неверность. Дом Мендельсона поначалу был центром этого круга, а после его смерти его сменил дом Герца, чей собственный блеск затмил блеск его жены. В ее салоне можно было встретить больше знаменитостей, чем при Дворе. Мирабо был очарован обаянием одаренной еврейки, и мало-помалу даже жены выдающихся людей начали признавать привлекательность прекрасной Генриетты. В то же время еврейская леди в Вене открыла другой литературный салон, и он пользовался таким же

успехом в обществе. Это лишь несколько примеров той духовной эмансипации, которая ускорила политическую эмансипацию Израиля в Европе. Это правда, что опьянение свободой породило определенную долю легкомыслия, безнравственности и слепого подражания языческому пороку; ибо многие евреи и еврейки, однажды вырвавшись из синагоги, впали в распутство. Но там, где много спелых фруктов, всегда должны быть и гнилые.

Кампания по устранению еврейских недостатков, начатая двумя друзьями, была продолжена другими. В 1781 году Кристиан Вильгельм Дом, выдающийся немецкий писатель и ученик Мендельсона, выступил в защиту этого дела в красноречивом трактате, в котором он не только рассмотрел жалкую историю евреев в Европе и защитил их от почтенной клеветы семнадцати столетий, но и обсудил практические меры по улучшению их участи. Заявление было прочитано тысячами, и, хотя многие его опровергли, еще большее количество людей одобрило его. Однако самый первый ощутимый эффект оно произвело не в Берлине, а в Вене. Новый дух проник в самые отдаленные уголки немецкого мира. Австрия, долгое время считавшаяся у евреев домом рабства, установила эпоху терпимости при философствующем монархе Иосифе II., который вскоре после появления работы Дома отменил многие из податей, уплачиваемых детьми Израиля, разрешил им заниматься всеми искусствами и науками, ремеслами, принял их в университеты и академии, основал и финансировал еврейские школы, и, следуя своему тщетному плану обеспечить внутреннюю гармонию путем германизации различных рас своей Империи, он сделал изучение немецкого языка обязательным для всех еврейских граждан. взрослые. ♦1782 г.♦ Правление терпимости, это правда, закончилось вместе с жизнью доброго монарха; но, тем не менее, оно является вехой на пути к цивилизации.

Тем временем и в Германии новое Евангелие с трудом прокладывало себе путь на фронт. Смерть Фридриха Великого устранила огромное препятствие на пути защитников еврейского дела. При его преемнике Фридрихе Вильгельме II была назначена комиссия для расследования жалоб прусских евреев и предложения средств правовой защиты; и евреев попросили выбрать из своей среды “честных людей”, с которыми можно было бы обсудить этот вопрос. ♦ 1787г. ♦ Еврейские депутаты изложили комиссии все свои жалобы; и подушный налог, взимаемый с каждого еврея, который пересекал или повторно пересекал границы города или провинции, был отменен в Пруссии. Но евреи справедливо заявили, что эта уступка намного ниже их надежд и нужд. Немецкое общественное мнение все еще испытывало отвращение к еврейской эмансипации, и его предрассудки разделяли даже такие люди, как Гете и Фихте, оба из которых, хотя и представляли противоположные политические идеалы и презирали христианство, все же были согласны с ортодоксальной оценкой евреев - и это несмотря на восхищение, которое первый испытывал к “божественным урокам” Натана дер Вайзе. Таким образом, хотя доброе семя было посеяно в немецкой земле, цветок увидел солнечный свет не в Германии.

Несмотря на недружелюбные высказывания Вольтера в отношении евреев, общий смысл его учения был, конечно, в пользу веротерпимости, и именно на французском берегу Рейна интеллектуальная мечта Лессинга должна была найти свое первое воплощение в практической политике. ♦1748 г.♦ Монтескье, охваченный праведным негодованием при виде страдающих маррано в Португалии, уже протестовал против варварского обращения с евреями в своем "Духе Луи", клеймя его несправедливостью и демонстрируя вред, который оно нанесло различным народам. страны. И он не спорил напрасно. С середины шестнадцатого века во Франции существовали еврейские общины, состоящие из беженцев из Испании и Португалии. Но их терпели только как псевдохристиан. Притворство было абсолютно необходимо для

самосохранения, и эти лицемеры вопреки своей воле были вынуждены заключать свои браки в церкви и иным образом соблюдать обряды, которые они ненавидели. К этим иммигрантам постепенно добавились новоприбывшие из Германии и Польши, которых португальские евреи презирали и преследовали самым отвратительным образом. Междоусобица между этими двумя классами беженцев привела в Бордо короля Людовика XV. возможность вмешаться в дела общины. ♦ 1760 г. ♦ Португальская секция приняла резолюцию, клеветующую на своих бедных единоверцев и пытающуюся добиться их исключения как закоренелых попрошаек и бродяг. Резолюция сообщества была представлена королю, и каждый камень был перевернут, чтобы получить его ратификацию незаконного статута. Поистине, нет тирана лучше раба. Вскоре после Людовика XV. издал приказ о высылке всех заклеянных евреев из Бордо в течение двух недель; но в хаосе, царившем в то время во французской администрации, между этим вопросом и исполнением королевских указов пролегла пропасть, которую, к счастью для несчастных изгоев, так и не удалось преодолеть. ♦ 1776 г. ♦ Тем временем протест против рабского положения, на которое Израиль был обречен веками, набирал силу, и, как его первый результат, евреи Парижа получили юридическое подтверждение права проживания в столице Франции.

Гораздо хуже было положение еврея в Эльзасе — районного немца во всем, кроме политической лояльности. В этой провинции угнетение носило тот тупой, хронический характер, который порождает деградацию, не доводя своих жертв до жестокого отчаяния. На евреев в Эльзасе просто смотрели как на низших животных. Они жили в ревниво охраняемых гетто, выход из которых приходилось покупать у местных чиновников. Право на проживание находилось в руках феодальной знати; там преобладали те же ограничения в отношении числа жителей и браков, и практиковались те же поборы, что и в Германии. Евреи должны были платить дань королю, епископу и верховному лорду за защиту, помимо налогов, взимаемых баронами, в чьих владениях они проживали, и нерегулярных подарков, выжимаемых из них сателлитами баронов. И хотя денег требовали на каждом шагу, большинство путей, по которым поступали деньги, были закрыты для евреев, торговля скотом и ювелирными изделиями были единственными промыслами, которыми им разрешалось заниматься открыто. Прибыль, получаемая от этих занятий, конечно, дополнялась тайным и, следовательно, чрезмерным ростовщичеством. Это последнее занятие подвергало еврея ненависти простых деревенских жителей и шантажу со стороны коварных осведомителей. Недовольство, разжигаемое духовенством и местными магистратами, вылилось в петицию Людовику XVI, умоляющую его Величество изгнать проклятую расу из Эльзаса. Но было уже слишком поздно. Движение в пользу терпимости добилось слишком большого прогресса. Было начато расследование, и главарь антиеврейской агитации — легальный мошенник, радующийся во имя Ада, — был осужден за шантаж и изгнан из провинции вместо евреев. ♦ 1780 г. ♦ В то же время последние представили королю меморандум, составленный Домом, и добились значительного облегчения бремени, под которым они стонали, ограничений, затруднявших их коммерческую деятельность, и миссионерского рвения католических священников, которое угрожало религии их детей. Наконец, они были освобождены от отвратительного подушного налога в 1784 году, в год, когда во Французском театре состоялся триумф "Свадьбы Фигаро" Бомарше — удара рапирой в спятившего гиганта феодализма, не менее смертоносного оттого, что был нанесен под взрывы смеха; за ним последовало падение Бастилии и многое другое. В том же году была назначена Королевская комиссия для пересмотра законов, касающихся евреев, и устранения их инвалидности.

Революция не остановила поток терпимости. В 1789 году в Париже собралось Национальное собрание: совет из тысячи двухсот духовных и светских отцов, патриотически поклявшихся сформулировать новое вероучение — цель, которую, несмотря на пандемонистские споры и перекличку, хаотический беспорядок мыслей и действий, им удалось достичь в том памятном документе, Декларации прав человека. Национальное, или, как оно теперь себя называет, Учредительное собрание - это “место всех предзнаменований”, куда направляются все смертные, попавшие в беду и сомневающиеся. Петиции сыплются со всех сторон, и среди них есть одна от евреев, особенно от угнетенных евреев Эльзаса. Они также выходят вперед, чтобы заявить о своей доле в новом Элизиуме, заявить о своих правах как мужчин. Мирабо, который уже возвышается высоко над своими братьями-советниками и на которого смотрят как на единственного провидца среди многих ораторов — единственную живую силу среди мимолетных теней, - поддерживает еврейские притязания. Тремя годами ранее он опубликовал работу О Мендельсоне и политической реформе евреев. Теперь он ставит перед собой задачу разрушить остатки древнего предрассудка, который все еще лелеют некоторые клерикальные друзья человечества.

Задача была не из легких. Кроме Мирабо, аббата Грегуара и Клермон-Тоннера, во Франции почти не было известных политиков, которые заботились бы о евреях. Декларация прав человека, хотя и отменяла религиозные ограничения протестантов, ничего не предусматривала для евреев. Даже французская общественность 1789 года еще не вполне созрела для такой революционной меры, как предоставление евреям того равенства гражданства, которое она провозгласила правом каждого человека по рождению. Статут от 28 января 1790 года предоставил избирательные права евреям юга Франции, которые всегда занимали привилегированное положение; но это исключение в пользу немногих только подчеркнуло инвалидность многих. К основной массе народа, особенно в Эльзасе, продолжали относиться как к изгоям, пока более продвинутая часть парижской общественности под руководством адвоката Годара не обратилась к жителям столицы за мнением по этому вопросу. ♦ 25 Февраля 1790 г. ♦ Пятьдесят три из шестидесяти округов проголосовали в пользу евреев, и Коммуна дала практическое выражение чувствам большинства в форме обращения, представленного перед Собранием. Но только через девятнадцать месяцев было принято определенное решение, отчасти благодаря красноречивой защите Талейрана, который указал Ассамблее, что единственная разница между обычными французами и французскими евреями заключается в их религии. Во всех остальных отношениях они были соотечественниками и братьями. Следовательно, если бы религии было позволено вмешиваться в их избирательные права, это было бы отрицанием принципов Революции — вопиющим нарушением всех тех законов гуманности и гражданского равенства, за которые боролся французский народ. ♦ Сентябрь 1791 г. 27♦ В конце концов эти аргументы возобладали, и французские евреи были формально предоставлены избирательные права. Впервые после разрушения Храма дети Израиля, которые до сих пор жили как чужаки в чужих королевствах, которых ненавидели, травили и за которыми охотились с места на место, без страны, без дома, без гражданских или политических прав, стали гражданами. Отныне имя Джуиф, ставшее ненавистным из-за ужасов веков, должно быть забыто и заменено новым названием Израэлит.

Буря, бушевавшая в течение следующих трех лет, оставила французских евреев сравнительно невредимыми. Израиль давно принял близко к сердцу урок, воплощенный в восточной пословице: “Склоненную голову пощадит меч”. Правда, в некоторых районах враги всякой религии также пытались подавить еврейское “суеверие”; но в целом евреи перенесли это

испытание лучше, чем можно было ожидать. Конституция 1795 года подтвердила постановления Национального собрания.

Голландия, как мы видели, долгое время была домом для преследуемых сынов Израиля. Но полные права гражданства были предоставлены им только в 1796 году, когда более тесные отношения с Францией позволили евангелию свободы, равенства и братства завершить дело терпимости, начатое просвещенной коммерческой политикой. Этот подарок, однако, не был одобрен главами сообщества. Ревнивая синагога, которая в предыдущем столетии до смерти преследовала беднягу Уриэля Акосту и отлучила от церкви Спинозу, все еще была полна решимости сохранить свою властную власть над своими членами. Опасались, что новые обязанности и права, сопровождавшие дар, сделают евреев менее зависимыми от своих религиозных пасторов. Раввины, поддерживаемые португальским элементом, который составлял аристократию общины и, как и все аристократии, питал отвращение к инновациям, оказывали упорное сопротивление эмансипации. Они разослали циркулярное послание, в котором заявляли, что евреи отказываются от своих гражданских прав как противоречащих заповедям Священного Писания. Они поддержали все возражения, выдвинутые врагами еврейской эмансипации, а именно, что евреи, в силу своих традиций прошлого и своего ожидания Мессии, были и всегда будут чужаками на этой земле, и они помешали своей пастве принять приглашение проголосовать на выборах в Национальное собрание. С другой стороны, Либеральная партия, возглавляемая евреями немецкого происхождения, стремилась ослабить власть раввинов. Две секции горячо запрещали друг друга, и дистанция между ними становилась все шире по мере того, как либералы продвигались все дальше и дальше по пути реформ. Эта разница во взглядах привела к расколу между любителями нового и рабами старого.

В Англии предрассудки были все еще настолько сильны, что уже в 1783 году мы обнаруживаем, что евреи были лишены права пользоваться ирландским законом о натурализации, принятым в том году. И все же в некоторых трудах, подводящих итог столетию, появляется слабое отражение учения Лессинга. Ричард Камберленд, друг Берка и Рейнольдса, Гаррика и Голдсмита, которого последний автор шутливо восхвалял как “Теренса Английского, покорителя сердец”, написал в сотрудничестве с Берджессом "Исход", длинную эпопею, состоящую из восьми скучных книг, в которой два барда воспевают освобождение Израиля из Египта и их путешествие через пустыню. Произведение начинается, в стиле эпоса, с православного обращения к Музе в течение одного затаившего дыхание периода:

“ Израиля, могущественной силой Иеговы

Из долгого плена выкуплен, с потерей

И полное свержение египетского воинства,

В какое время избранный слуга Господа

Из Гесема в землю обетованную вели

Через разделенное море идут выкупленные племена,

Пой, небесная Муза, и поддерживай эти смертные силы,

Который, если бы не твоя поддерживающая помощь, должен был бы затонуть

Под тяжестью столь обширных аргументов,

Сцены столь величественны, сюжет столь возвышен”.

Она заканчивается прощальной речью Моисея перед смертью:

“Мое служение завершено; в твоих руках,

Благословен Господь, о Иисус Навин! Я поставил

Книга жизни, и в твоих руках она истекает.

Он остановился, и тотчас рука смерти

Надавил на его сердце и остановил его жизненный пульс;

Веки его опустились на их незрячие шары:

Один глубокий вздох отпустил его уходящую душу;

Оно вознеслось К небесам; его тело опустилось на землю,

И архангел Божий охранял его останки”.

Очаровательным контрастом к этой зловещей рапсодии выступает нежная оратория Голдсмита "Пленение". В ней рассказывается о сынах Израиля в изгнании, которые трудятся и плачут на берегах Евфрата, но их сердца с тоской устремлены к полям Шарона, равнинам Кедрона, поросшим кедрами холмам Ливана и Сиону. “Оскорбленные, закованные в цепи, и весь мир - их враг”, пленники питают свою веру в Бога своих отцов:

“Наш Бог - это все, чем мы хвалимся внизу,

К нему мы обращаем наши взоры;

И каждый добавлял горя

Это поднимет наше почтение”.

Так поет хор Пророков в Изгнании. И все же, даже посреди своих бед, они видят повод для гордости и самовосхваления: они - единственные поклонники истинного Бога; остальной мир поклоняется праздным идолам:

“Разве не сегодня же утром начались эти пиршества,

Где поверженное Заблуждение приветствует восходящее солнце?

Разве наши повелители-тираны в этот день не предписывают

Ради суеверных обрядов и мирского веселья?

И должны ли мы скорбеть? должна ли трусливая Добродетель улететь,

Когда хваленая Глупость высоко поднимает голову?

Нет! лучше давайте торжествовать еще больше,

И по мере того, как наше состояние падает, наш дух воспаряет”.

Вера имеет свою награду. Пока пленники оплакивают свою судьбу, освобождение близко. Взошла звезда Кира; гордый Вавилон пал, и исполнилось пророчество о восстановлении Израиля.

Но как бы ни было сильно сочувствие судьбе и духу Израиля в обеих этих работах, ни одну из них нельзя законно рассматривать как имеющую непосредственное отношение к еврейскому вопросу. Традиция Шейлока все еще сильна в Англии, за неимением Лессинга. Не такие тяжеловесные поэты, как Камберленд и Берджесс, и не такие сладкоречивые певцы, как кроткий Голдсмит, ниспровергнут конвенцию, освященную гением Шекспира.

ГЛАВА XX ПАЛИНГЕНЕЗИЯ

Французская революция закончилась. На какое-то время вулканические силы, которые долго стонали в подземном рабстве, разрушили свою тюрьму, вырвались на дневной свет и принесли смерть и опустошение на лицо земли. Но их задача выполнена. Немезида получила причитающееся и расторгла свои узы, и Титаны вернулись в свою тартарскую обитель до тех пор, пока их услуги не понадобятся снова. Сентиментальный человек, без сомнения, найдет много поводов для сожаления о беспощадной ярости мстителей. Их рука с элементарной беспристрастностью низвергла все, что стояло высоко, — и добро, и зло, и безразличие. Но философ может, в целом, увидеть причину для радости. Во всяком случае, он это сделает, если окажется евреем. Ибо среди руин тирании он узнает ржавые цепи, которые веками сковывали конечности Израиля. Они ушли, что бы там ни уцелело. Что бы ни говорили об остальных, они были злом. Еврей не видит ничего, кроме руки Божьей в опустошении, произведенном другим. Для него Силы Тьмы разрушили свою тюрьму; для него гордецы земли были повержены; для него мечты о свободе, о которых мечтали поэты и мыслители Франции, превратились в реальность деспотизма. Какая разница? Кир был деспотом, и все же избавителем Израиля; Александр был другим; и Наполеону, несомненно, суждено было стать третьим. Воистину, странны пути Господни, но милость Его к Израилю пребывает вовеки.

Надежды евреев не были обмануты. Работа по предоставлению гражданских прав, начатая такими философами, как Монтескье, и продолженная патриотами, такими как Мирабо, была завершена Наполеоном. Хотя Наполеон глубоко осознавал неприятный факт, что ростовщичество и вымогательство были излюбленными занятиями евреев с незапамятных времен, он не позволял себе быть пристрастным к средневековому взгляду на этот вопрос. Подобно Александру Македонскому, Цезарю, Карлу Великому и Кромвелю, он видел преимущество в том, чтобы заручиться поддержкой такой многочисленной, такой богатой и такой разрозненной нации, как израильтяне, и, по крайней мере, одним из его мотивов, несомненно, было примирение евреев Старой Пруссии, Польши и Южной России в надежде

воспользоваться их сочувствием и помощью в борьбе, в которую он тогда был вовлечен. Лишая отдельных евреев, печально известных своей жадностью, их гражданских прав и ограничивая деятельность евреев северо-востока Франции, временно отказывая им в праве конфисковывать имущество их должников, император решил выслушать еврейскую сторону вопроса. ♦Июль 1806 г.♦ По его приказу в Париже было созвано собрание еврейских знаменитостей из французского и немецкого департаментов, а также из Италии. Делегатам было задано двенадцать вопросов, касающихся отношения евреев к неевреям, авторитета раввинов, ростовщичества и воинской повинности; и, получив удовлетворительные ответы, Наполеон поразил собрание заявлением, которое ни одно еврейское ухо никогда не надеялось услышать в Европе. *Синедрион*, или Национальный совет Израиля, после семнадцатисотлетнего перерыва был созван еще раз. Еврейское государство пережило языческую Римскую империю, Священную Римскую империю, феодализм и Французскую монархию. Время и сейсмические потрясения, разрушившие эти могучие структуры, когда-то считавшиеся вечными, оказали уважение скромным институтам изгоев человечества. Конституции других наций были созданы на земле и подчинялись законам, управляющим земными делами; конституция евреев хранилась в небесных архивах и, следовательно, была бессмертна. ♦1807, 9 февраля. ♦ И вот, по слову Наполеона, семьдесят один делегат от французского и итальянского еврейства был собран вместе в Париже, избранный синагогами двух стран в соответствии с древними формами и обычаями Израиля.

♦2 марта 1807 г.♦

Результатом *обсуждений* Синедриона стала хартия, которая определяла отношения между евреями и неевреями во Франции. Сохраняя основные черты иудаизма, раввины мудро уступили многим требованиям страны, которая так великодушно приняла их. Девять ответов, содержащихся в документе, образуют рациональный компромисс между правами Бога и правами Кесаря: многоженство запрещено; развод разрешен в соответствии с гражданским законодательством страны; синагога допускает, хотя и не санкционирует, смешанные браки с иноверцами; французским евреям предлагается относиться к французскому народу как к братьям; акты справедливости и милосердия рекомендуются по отношению ко всем верующим в Творца, без различия вероисповедания; евреев, родившихся во Франции, призывают смотреть на страну как на свое отечество, давать образование своим детям на ее языке, приобретать в ней недвижимость, жить в отказываясь от занятий, ненавистных их соседям, и всячески стараться заслужить уважение и благосклонность последних; ростовщичество по отношению к чужаку запрещено, как по отношению к брату; и проценты, взимаемые с займов, ни в коем случае не должны превышать установленную законом норму. Таким образом, был дан эффективный ответ на все юридические аргументы, выдвигавшиеся противниками еврейской эмансипации, и врачи и вожди нации предприняли честную попытку снять с детей Израиля хотя бы часть той ненависти, под гнетом которой они так долго трудились.

♦17 Марта 1808 г.♦

Когда *Синедрион* завершил свою работу, император отменил исключительные меры 1806 года и признал Консистоориальную организацию, которая на столетие закрепила статус Израиля во Франции. Каждые две тысячи евреев должны были сформировать общину при синагоге и попечительском совете с центром в Париже. Наполеон, это правда, предоставляя эту либеральную хартию, был вынужден уступить антиеврейским предрассудкам народа Эльзаса и

других частей Восточной Франции, где евреев ненавидели больше, чем когда-либо, поскольку бедствия Правления террора и бедствия, вызванные кампаниями Наполеона, обнищанием крестьян, отдали их на милость ростовщика. В соответствии с пожеланиями жителей этих районов Наполеон предпринял некоторые шаги, крайне пагубные для еврейских интересов. Он постановил, например, что ссуды несовершеннолетним, женщинам, солдатам и домашней прислуге, а также ссуды, полученные на сельскохозяйственные орудия, должны быть аннулированы; что евреям больше не должен быть разрешен въезд в Эльзас; что каждый еврей должен служить в армии; и что ни один еврей не должен заниматься торговлей без разрешения префекта. Срок действия этого указа был ограничен десятью годами. Но, несмотря на такие местные неудобства и вызванное ими возмущение, заслуженная благодарность Израиля была выражена во многих еврейских гимнах, сложенных в честь Избавителя, которого Господь воздвиг для Своего народа.

Через несколько лет даже эти постановления были отменены, и евреям было предоставлено полное равенство, гражданское и политическое. С 1814 по 1831 год французское законодательство, несмотря на определенные колебания, вызванные кратковременной реставрацией Бурбонов, обогатилось различными актами, все из которых имели тенденцию поднимать израильтян до положения, достойного их страны, и были созданы школы для обучения раввинов, которые с последнего времени и до недавнего времени считались государственными служащими и получали зарплату от государства. 138 ♦ 1833 ♦ Два года спустя французское правительство дало знаковое доказательство своей заинтересованности в благополучии еврейской части французского народа, приостановив отношения со швейцарским кантоном, который отказал в правосудии еврею. Француз-израильтянин из-за своей религии. Ибо в Швейцарии, когда французское господство закончилось, старые предрассудки снова ожили, и только в 1874 году швейцарским евреям было предоставлено политическое равенство.

♦1805♦

Тем временем войска Наполеона продолжали даже за пределами Франции работу, начатую философами предыдущего поколения. Инквизиция была раздавлена в каждой католической стране под пятой императора, в то время как в Германии завоевания Наполеона принесли евреям облегчение, которое ушло вместе с французскими легионами, чтобы постепенно вернуться в последующие годы. Это был один из самых горьких примеров иронии, представленных историей. Французский автократ дал немецким евреям свободу, а люди, которым евреи ценой своей жизни помогли сбросить иго французского автократа, отняли у них ее. Во Франкфурте, где гетто было упразднено в 1811 году, сразу же после вывода французского гарнизона поднялся шум с требованием его восстановления. Также и в других “вольных городах”, где Израилю были предоставлены права равенства, пока над ними нависал страх перед Наполеоном, древняя ненависть возродилась сразу же после его падения, и старое состояние рабства было восстановлено. Даже в Пруссии, где закон теоретически признавал равенство евреев, на самом деле рабство было их уделом: им были запрещены многие профессии и производства, им был закрыт путь к академическим отличиям, а евреи, достигшие офицерского звания во время Освободительной войны, были вынуждены уйти в отставку. Эти ограничения не были устранены даже тогда, когда немецкий сейм, который Актом, подписанным в Вене 8 июня 1815 года, должен был управлять делами Германской конфедерации, установил принцип религиозной свободы среди христиан и обязался рассмотреть меры по улучшению участи евреев.

Эта реакция была частично вызвана преувеличенным национальным чувством и ненавистью ко всему иностранному, вызванными присутствием французских легионов в стране и усиленными жертвами и успехом борьбы за независимость. Национальное сознание нашло союзника в христианском восстании против французской религии Разума. Энтузиазм по поводу веры, которую ниспровергли французы, придавал изюминку энтузиазму по поводу отечества, которое захватили французы. “Христианский германизм” стал не только патриотическим девизом, но и настоящим культом нового и ревнивого бога, которому все нехристианское и ненемецкое, включая евреев, должно быть принесено в жертву. ♦ 1819♦ “Нер, нер!” (*Hierosolyma est perdita*) стало боевым кличем травителей евреев во многих немецких городах, и преследование распространилось даже на Данию, где евреи были поставлены в равные условия с 1814 года. ♦1828-30 ♦ Прусское правительство предложило план улучшения социального и политического положения евреев, но от этой меры пришлось отказаться из-за противодействия, которое она встретила со стороны представителей прусского народа. ♦ 1840г. ♦ Это возвращение к средневековой нетерпимости однажды приняло в Пруссии средневековую форму кровавого обвинения; но обвинение послужило лишь доказательству невиновности евреев и глупой доверчивости их противников. Тем не менее, это стало яркой иллюстрацией регресса общественного сознания. Ибо предрассудок, даже когда его основа оказалась ложной, продолжал существовать в более или менее скрытом состоянии среди низших интеллектуальных слоев общества — как это свойственно предрассудкам в течение долгих столетий после того, как они исчезли с поверхности, — и во время революции 1848 года на Верхнем Рейне это привело ко всеобщему преследованию евреев, которые искали убежища на соседней территории Швейцарии. Но реакция была временной, и революционное движение оказалось, в основном, благоприятным для дела еврейской эмансипации.

Хотя пруссаки, движимые патриотизмом, сплотились вокруг своего короля и единодушно поддержали его в стремлении избавить страну от французского господства, уроки Французской революции не оставили их равнодушными. Для прусских патриотов свобода личности была столь же ценна, как и национальная независимость. Это чувство было настолько сильным, что Фридрих Вильгельм III. он был вынужден пообещать, что в конце борьбы вознаградит жертвы своих подданных, предоставив им представительную форму правления. Но мало кто из монархов когда-либо расставался с властью, кроме как по принуждению. Когда Освободительная война закончилась и независимость страны была обеспечена, король забыл о своих обещаниях. Отсюда возник между принцем и его народом ожесточенный конфликт, который продолжился и при его преемнике. Фридрих Вильгельм IV как наследный принц проявлял живое сочувствие народному требованию Конституции; но со скипетром он унаследовал абсолютистские принципы своих предков и стремился поддержать авторитет трона с помощью религии. Немецкие либералы, однако, переросли средневековое представление о том, что короли правят милостью Божьей. Они утверждали, что воля народа должна быть высшим законом государства, и смеялись над устаревшими претензиями Суверена. Судьба немецких евреев, естественно, была связана с судьбой немецкого либерализма.

1846 год был в основном отмечен агитацией, которая преобладала в Пруссии и во всей Северной Германии в пользу религиозной терпимости и свободы совести; и освобождение евреев было одним из требований, предъявленных королю Пруссии прусскими сословиями, особенно прусскими землями в Кельне, Познани и Берлине, в связи с различными мерами по домашнему и социальному улучшению, такими как, например, реформа уголовного правосудия,

публикация процедуры судебных процессов и сословных дебатов, а также расширение представительства городов и сельских общин. ♦1847 г. ♦ В следующих в этом году вопрос об эмансипации евреев снова был внесен в Палату представителей Пруссии и нашел только двух противников, одним из которых был Бисмарк, который затем заявил, что он “не враг евреям, и если они мои враги”, сказал он, “я прощаю их. При некоторых обстоятельствах они мне даже нравятся. Я охотно предоставляю им все права, только не права важной официальной власти в христианском государстве. Для меня слова ‘Милостью Божьей’ - не просто пустые звуки, и я называю это христианским государством, которое ставит целью своего преподавания истины христианства. Если бы я увидел еврея представителем священного Величества короля, я почувствовал бы себя глубоко униженным”.

Однако Национальный парламент, собравшийся во Франкфурте-на-Майне в 1848 году под эгидой либералов, среди других шагов, предпринятых им для обеспечения народной свободы, устранил все религиозные ограничения. Прусская конституция 1850 года подражала этому примеру; и установление новогорезимав в 1871 году распахнуло двери для евреев по всей Германской империи. В рейхстаге сейчас находится много выдающихся представителей еврейской веры.

В Австрии здание терпимости воздвиг Иосиф II. был свергнут его преемниками, Леопольдом II. и Франциском I., которые восстановили большинство устаревших ограничений и постановлений в отношении евреев и снова заключили их в специальные помещения. Эта варварская политика продолжалась далеко в девятнадцатом веке. Во многих частях страны евреям было запрещено владеть землей или даже сдавать ее в аренду, за исключением той, на которой стояли их дома, или мигрировать из одной провинции в другую без специального разрешения. В австрийской Польше, или Галиции, евреев особенно ненавидели. Там, как и везде в Польше, они образовали огромное множество, поселившись в главных городах и деревнях. Большая часть их доходов поступала от продажи опьяняющих напитков, к которым поляки, как и все северные народы, были неумеренно пристрастны. Со времен Иосифа II. Евреям неоднократно запрещалось торговать алкоголем. Но эти законы игнорировались. Землевладельцы обладали исключительными правами на винокурение, и с момента первого прихода евреев в Польшу они передали эти права последним. Достаточно прискорбно, что некоторые евреи, отчаявшись найти другие средства к существованию, позволили себе стать посредниками в этом деморализующем потоке людей, и, таким образом, самая умеренная раса Европы подвергла себя враждебности и презрению тех, кто притворялся, что видел, как пресекались невозддержанные наклонности народа и его последующее обнищание.

Положение евреев было несравненно лучше в тех частях империи, где правление Габсбургов было менее тяжелым. В Венгрии и Трансильвании они долгое время пользовались свободой владения землей под защитой мадьярской знати. У них была привычка нанимать судебных приставов-евреев, и они не считали ниже своего достоинства даже подчиняться приказам еврейских офицеров в войне за независимость, в которой евреи принимали важное участие. ♦ 1848г. ♦ После подавления восстания имперское правительство заставило последних заплатить за их патриотический пыл; но когда настал день раздачи призов, они добились своей награды. Согласно Австрийской конституции 1860 года, которая получила свои последние штрихи восемь лет спустя, евреи получили полную свободу. В настоящее время несколько евреев

заседают в Законодательном органе, и раса процветает не только в Вене, Будапеште и других крупных городах, но даже в австрийской части Польши.

Приход к власти толерантной и либеральной администрации изгнал призраков прошлого из Галисии. Даже самые ортодоксальные последователи синагоги быстро забывают свои древние обиды и предрассудки. В старину еврейских мальчиков при рождении родители заключали в пару корсетов, которые с каждым годом затягивались все туже и туже, чтобы грудь ребенка оставалась слишком узкой для военной службы — суицидальная тренировка, пагубные последствия которой и по сей день видны в виде заболеваний грудной клетки и чахотки среди галицийских евреев. Но от этой практики уже давно отказались. Более гуманные условия в армии и распространение образования среди австро-польских евреев примирили их со службой, и теперь половина галицийского контингента австро-венгерской армии состоит из еврейских новобранцев. Империя обрела верных защитников, а евреи получили дисциплинарное и патриотическое воспитание.

В Италии Папская область была последним пристанищем Средневековья. Святая канцелярия исчезла из Пармы, Тосканы и Сицилии в восемнадцатом веке, но в Риме она продолжала процветать; и там, где властвовала инквизиция, Израилю не было покоя. ♦ 1809 ♦ Римские евреи, освобожденные Наполеоном, были снова обращены в рабство после его падения. Затем царство тьмы было восстановлено под двойной короной догматизма и деспотизма. Светская власть навязывала доктрины духовного, а духовным злоупотребляли, чтобы освятить постановления мирского. Как могла участь неверного еврея быть иной, чем она была? Римское гетто продолжало оставаться обителью нищеты и скорби еще в девятнадцатом веке. Даже в 1847 году были изданы указы, запрещающие заключенным покидать свою клетку, евреев по-прежнему заставляли слушать проповеди в церкви, и все, что мог сделать фанатизм, делалось для их обращения.

Это правда, что папа Пий IX начал свое правление проявлением терпимости, до тех пор не имевшей аналогов в анналах папства. В 1846 году была объявлена всеобщая амнистия, по которой тысячи заключенных и изгнанников были помилованы за преступления, которых они никогда не совершали или за которые они никогда не были осуждены по закону; два года спустя евреи были освобождены от необходимости слушать проповеди; и, казалось, наконец-то над Римом забрезжил рассвет. Но этот период либерализма оказался столь же преходящим, сколь и беспрецедентным. Вскоре началась реакция, и влияние иезуитов и мракобесия было восстановлено. В 1856 году папа римский издал энциклику, осуждающую сомнамбулизм и ясновидение и призывающую всех епископов пресекать антихристианскую практику. Девять лет спустя он предал анафеме масонов — смертельных врагов инквизиции. Короче говоря, понтификат Пия IX, несмотря на его многообещающее начало, в основном отличается двумя новыми победами над разумом: открытием Непорочного зачатия и изобретением папской непогрешимости.

♦1858♦

При таких условиях неудивительно, что Церковь без колебаний разрешила кормилице тайно крестить своего еврейского подопечного, а затем, на том основании, что ребенок был христианином, вырвать его из рук родителей и воспитать монахом и гонителем своего собственного народа. Мракобесие и угнетение исчезли из Рима только с приходом власти папы. Для евреев, как и для христиан Рима, свет пришел вслед за итальянским единством. Среди

других средневековых варварств, прекратившихся в тот день, когда итальянская армия вошла в Рим, были инквизиция и рабство евреев. Израиль также пережил светскую власть. В Ватикане теперь предоставлены все возможности для изучения раввинской и талмудической литературы, когда-то приговоренной к сожжению. Зловонные трущобы гетто стерты с лица земли, и не осталось ничего, что напоминало бы о мрачных днях, кроме серой старой синагоги и, совсем рядом, Тибра, бормочущего печальные истории о мире, который ушел в прошлое.

◆1808◆

В Испании также инквизиция, подавленная Наполеоном, возродилась после его падения; но только как тень своей прежней сущности. ◆ 1826 г. ◆ Ее последними жертвами были квакер и еврей, первого повесили, второго поджарили. Но даже Испании приходилось следовать течению времени. ◆1837г. ◆ Евреи, безжалостно изгнанные из страны, когда на полуострове правил католицизм, были вновь приняты, как только католицизм превратился в простое название. В 1881 году испанское правительство фактически пригласило евреев, бежавших из России, поселиться в его владениях. Севилья, где Святая Канцелярия ввела человеческие жертвоприношения в 1480 году, теперь может похвастаться еврейской синагогой. Израиль пережил и испанскую инквизицию.

◆1821◆

В Португалии, когда в начале девятнадцатого века была провозглашена свобода совести, в синагогах Лиссабона и Порту появились странные личности из внутренних районов страны. Они были потомками древних *Маррано*. В течение трех столетий они ускользали от хорьков Святой Канцелярии и, будучи внешне христианами, в душе оставались евреями, ожидая, как может ждать только еврей, благословенного дня освобождения. Теперь они вышли и пришли, чтобы участвовать вместе со своими братьями в поклонении своему Богу по образцу своих отцов.

Таким образом, доброе семя, посеянное в Западной Европе в предыдущем столетии, принесло свои плоды. Англия не могла долго оставаться в стороне от хода событий. Но, медлительная, как обычно, и не склонная к поспешным экспериментам, она размышляла, пока другие выполняли. Кроме того, она была избавлена от извержения вулкана на Континенте, которое, уничтожив многое из того, что было почитаемым и ценным, расчистило почву для появления новых вещей.

Есть все основания полагать, что взгляд обычного англичанина на евреев в первой половине девятнадцатого века ни в чем не отличался от взгляда обычного американца того же периода, описанного Оливером Уэнделлом Холмсом. 139 Обычный англичанин, как и его заокеанский кузен, вырос, унаследовав традиционную протестантскую идею о том, что евреи были расой, находящейся под проклятием за свое упорство в отрицании Евангелия. Великая историческая церковь Христианского мира была представлена ему такой, какой ее изобразил Баньян. В рассадниках старомодной английской ортодоксии в мире существовала одна религия — единая религия и множество отвратительных, буквально проклятых навязываний, в которые верили бесчисленные миллионы, которые были обречены на гибель за такую веру. Евреи были верующими в одну из этих ложных религий. Когда-то это было правдой, но теперь стало пагубной и отвратительной ложью. Основное применение евреев, по-видимому, заключалось в том, чтобы давать деньги взаймы и исполнять предсказания древних пророков их расы. Несомненно, отдельные сыновья Авраама, которых обычный англичанин находил на грязных

улицах Восточного Лондона, были склонны представлять собой неприятные образцы расы и подтверждать преобладающее мнение о ней.

Первое недвусмысленное указание на изменение отношения к евреям появляется в романе сэра Вальтера Скотта "Айвенго". Скотт в этой работе выражает чувство терпимости, которое постепенно росло в стране. Это было в 1819 году, в самый тяжелый период болезни романиста, когда мистер Скене из Рубислава, его друг, "сидя у его постели и пытаясь развлечь его, как мог", заговорил о евреях, какими он знал их много лет назад в Германии, "все еще запертых на ночь в своем собственном квартале за большими воротами", и предположил, что группа евреев была бы интересной фигурой в романе.¹⁴⁰ Предложение не упало на каменистую почву. Скотт ухватился за художественные возможности этого предмета, и в результате получилась группа евреев, которую мы имеем в "Айвенго". Хотя автор, представляя персонажей, кажется, был невиновен в какой-либо преднамеренной пропаганде, его обращение с ними является достаточным доказательством его собственной симпатии и, без сомнения, послужило разжиганию симпатии у многих тысяч читателей.

Не то чтобы эта работа была попыткой какого-либо революционного ниспровержения предвзятых идей. Разница между Исааком Йоркским и Натаном Мудрым такая же, как разница между Скоттом и Лессингом и их соответствующими странами. Британский писатель не пытается убедить нас в том, что человек, которого мы ненавидели несколько поколений назад как воплощение всего дьявольского и к которому мы до сих пор относимся с большим подозрением, на самом деле ангел. Независимо от того, не было ли необходимости в восстании против елизаветинской традиции, или Скотт не был способен справиться с этой задачей, его портрет еврея не слишком резко отходит от условностей, санкционированных его великими предшественниками. Его Исаак - не преображенный Барабас или Шейлок, а всего лишь преобразованный. Хотя во многих отношениях еврей Скотта превосходит и то, и другое, он обладает всеми типичными атрибутами своих предков: богатством, алчностью, трусостью, ненасытностью, хитростью, привязанностью к своим родным и близким, ненавистью ко всем неевреям. Но если и у Барабаса, и у Шейлока мы находим любовь к дукатам превыше любви к дочери, то у Исаака все наоборот. С исключительной неохотой он расстаётся со своими шекелями, чтобы спасти свою жизнь. Выкуп - это крайняя мера, к которой прибегают только в экстренных случаях, например, когда капитану судна приходится выбрасывать свой товар в море. Но, услышав, что его похититель, Фрон де Бюф, отдал свою дочь в служанки сэру Брайану де Буагильберу, Исаак бросается в ноги рыцарю, умоляя его забрать все, что у него есть, и выдать девушку. На что удивленный норманн восклицает: "Я думал, ваша раса не любила ничего, кроме своих денежных мешков".

"Не думайте о нас так подло", - отвечает еврей. "Какими бы евреями мы ни были, загнанная лиса, замученная дикая кошка любит своих детенышей — презираемая и гонимая раса Авраама любит своих детей".

Услышав, что судьба его дочери бесповоротна, Айзек меняет свое отношение. Оскорбленная привязанность делает из еврея героя, и ради своего ребенка он отваживается подвергнуться пыткам, чтобы избежать которых он только что пообещал расстаться даже с тысячей фунтов серебром:

"Делай все, что в твоих силах", - кричит он. "Моя дочь - моя плоть и кровь, она мне в тысячу раз дороже, чем те конечности, которым угрожает твоя жестокость".

Подчеркивая хорошие качества еврея, автор заботится о том, чтобы оправдать плохие. Исаак ограблен и отвергнут в такой же степени, как Барабас или Шейлок. Но в манере Скотта представлять эти факты есть важнейшее отличие. Он описывает Исаака скорее как жертву, чем как злодея, как объект сострадания, а не насмешек. “Собака еврея”, “неверующий еврей”, “неверующий пес” - это обычные обращения средневекового христианина к еврею; точно так же, как это обычные обращения современного турка к христианину *урайя*. Евреи - “нация упрямых неверующих”, христианин “презирает общение с евреем”, его близость, более того, само его присутствие считается оскверняющим — чувства, которые намного превосходят по горечи те, которые турок питает к христианину. При таких обстоятельствах появляется Исаак: седовласый и седобородый еврей, “с острыми и правильными чертами лица, орлиным носом и пронзительными черными глазами”, одетый в “высокую квадратную желтую шапку особого фасона, присвоенную его народу, чтобы отличать их от христиан”. Одетый таким образом, “его представляют без особых церемоний, и, продвигаясь вперед со страхом и нерешительностью, со многими поклонами глубокого смирения”, он занимает свое место в нижнем конце стола, “где, однако, никто не предлагает уступить ему место”. “Слуги настоятеля перекрестились с выражением благочестивого ужаса”, опасаясь осквернения со стороны “этого сына отверженного народа”, “отверженного в современном обществе, как и его народ среди других народов, тщетно ищущего гостеприимства или места для отдыха”.

Едва Исаак занял свое место, как к нему с грубой откровенностью обращаются как к существу, чье призвание - “грызть внутренности нашей знати ростовщицеством и обманывать женщин и мальчиков одеждой и игрушками”. При таком обращении еврей понимает, что “есть только один путь к благосклонности христианина” — деньги. Отсюда его алчность. Более того, впечатление малодушного и жестокого скряги, которое, возможно, могло бы сложиться из приведенного выше описания, смягчается автором, который спешит заявить, что любые низкие и неприятные черты, которые могут быть в характере еврея, обусловлены “предрассудками легковерной черни и преследованиями со стороны жадной и хищнической знати”.

Скотт пытается вызвать сочувствие читателя к своему еврею, подробно останавливаясь на этих причинах моральной деградации: “за исключением, возможно, летучих рыб, не существовало ни одной расы на земле, в воздухе или в воде, которая была бы объектом такого неустанного, всеобщего и безжалостного преследования, как евреи того периода”. “Упрямство и алчность евреев, которые, таким образом, в определенной мере противопоставлялись фанатизму и тирании тех, под властью кого они жили, казалось, возрастали пропорционально преследованиям, которым они подвергались”. “На таких условиях они жили; и их характер, подвергшийся соответствующему влиянию, был бдительным, подозрительным и робким — и в то же время упрямым, неподатливым и искусным избегать опасностей, которым они подвергались”. Таким образом, мы приходим к выводу, что пороки еврея выросли благодаря его обращению, а его добродетели, несмотря на это. Ибо Исаак не совсем невосприимчив к благодарности и жалости. Он щедро вознаграждает христианина, который спасает ему жизнь, и он сам спасает жизнь христианина, принимая его в свой дом и позволяя своей дочери лечить его.

Но Скотт для отца - нечто большее, чем просто дочь. ¹⁴¹ В то время как Исаак в лучшем случае является исправившимся Барабасом или Шейлоком, Ребекка - жемчужина истории. Автор исчерпывает свои традиционные краски, описывая ее красоту, и свой словарный запас, воспевая дифирамбы ее персонажу. “Ее фигура была изысканно симметричной”, “блеск ее глаз,

великолепные дуги бровей, правильной формы орлиный нос, белые, как жемчуг, зубы и пышность ее соболиных локонов“ создавали фигуру, которая "могла бы сравниться с самыми гордыми красавицами Англии". Она действительно “сама Невеста из Песнопений”, как замечает принц Джон; “Роза Сарона и Ландыш”, как подсказывает горячее воображение приора. Неизмеримо превосходя Эбигейл по красоте и Джессику по добродетели, она равна Порции по мудрости — совершенной героине романтических романов. Кроме того, в Ребекке есть сила тихого самопожертвования, которая возвышает ее почти до уровня святой. В целом, это самый благородный пример женственности, какой только можно найти в литературе, богатой благородными женщинами. Подводя итог, в отличие от творений Марлоу и Шекспира, в "Еврее" Скотта много трагического и мало, если вообще что-либо, комического.

Было бы, однако, ошибкой предполагать, что Скотт был выразителем единодушия публики. Его "Айвенго" появился в 1819 году. Четыре года спустя мы встречаем писателя, который вместе со Скоттом разделит аплодисменты эпохи, придав еврею совершенно другой облик. "Бронзовый век", написанный в 1823 году, продолжает традицию венецианского купца. Для Байрона еврей - просто символ безжалостной и беспринципной алчности. Ссылаясь на Королевскую биржу, “новые симптомы — сокрушительные акции”,

“Где Мидас мог бы снова исполнить свое желание”

В настоящей бумаге или воображаемом золоте,

Там, где играет Фортуна, в то время как на кону стоят слухи,

И мир трепещет, ожидая, что брокеры обанкротятся”,

поэт морализирует за счет еврея, которому он приписывает нашу собственную жадность и безрассудство в спекуляциях:

“Но давайте не будем отказываться от правды,

Была ли когда-нибудь христианская земля так богата евреями?

Те расстались со своими зубами перед добрым королем Иоанном,

А теперь, вы, короли! будьте любезны, нарисуйте свой собственный.

Увы! времена изменились со времен “доброго короля Джона”. Теперь евреи, далекие от того, чтобы быть жертвами царских щипцов,

“Все государства, все вещи, все суверены, которыми они управляют,

И позаимствовать фразу "от Инда до полюса".

И филантропический Израиль соизволяет истощить

Ее небольшой процент из истощенной Испании.

Без семени Авраама Россия не сможет идти вперед;

Арка завоевателя воздвигнута из золота, а не из стали.

И это еще не все. Каким бы печальным ни было положение вещей, поскольку Испания-преследовательница превратилась в просительницу, худшее из бедствий заключается в том, что эти новые тираны бедной Испании и бедной России - обособленный народ; народ без страны; народ паразитов:

“Два еврея, избранный народ, могут командовать

В каждом царстве свое Писание-земля обетованная.

Что для них земное счастье?

Конгресс формирует свой "Новый Иерусалим".

На берегу Шейлока они предстают передо мной заново,

Вырезать из сердец народов их ”фунт плоти”.

Но негодование нашего современного Иеремии не совсем бескорыстно. В другом месте он признается с откровенностью, достойной его пророческого характера,

- В дни моей молодости мне таким образом одалживали наличные,

Которую мне было очень трудно оплатить”.¹⁴²

И не только Байрон, но и благочестие все еще было враждебно еврею. Сэмюэл Тейлор Кольридж, чья философия в период своего второго детства искала утешения в колыбели теологии — нередкое явление — высказывает некоторые чрезвычайно причудливые суждения по этому поводу. 13 апреля 1830 года он заявляет, что евреи, считающие, что миссия Израиля состоит в том, чтобы быть “светом среди народов”, глубоко ошибаются. Доктрина о единстве Бога “была сохранена, и славно проповедовалась только христианством”. Ни один народ, ни древний, ни современный, никогда не учился этой великой истине у евреев. “Но от христиан они научились этому в разной степени и до сих пор учатся этому. Религия евреев - это, действительно, свет; но это как свет светлячка, который не дает тепла и не освещает ничего, кроме самого себя”.¹⁴³ Здесь мы находим Кольриджа в девятнадцатом веке, который вновь жаловался на еврейскую отчужденность — на провинциальный и не миссионерский характер иудаизма, - что было одной из причин ненависти римлян к расе в первом веке. И это не единственный случай возрождения, представленный позицией Кольриджа.

Лютер тремя столетиями ранее сказал: “Я убежден, что если бы евреи услышали нашу проповедь и то, как мы обращаемся с Ветхим Заветом, многих из них можно было бы привлечь на свою сторону”.¹⁴⁴ Теперь Кольридж говорит: “Если бы эссе Ренферда были переведены — если бы евреи были ознакомлены с реальной аргументацией — я полагаю, что через год здесь была бы христианская синагога”.¹⁴⁵ Однако он несколько опережает Лютера, поскольку он не настаивает на том, чтобы евреи отказались от обрезания и “их отличительные обычаи и национальный тип”, но выступает за их принятие в лоно христианства “как потомков Авраама”. Он также опережает Лютера в прощении евреям их притязаний на то, чтобы считаться высшим орденом; ибо он находит, что это притязание также поддерживалось ранними христианами еврейской крови, о чем свидетельствуют как поведение святого Петра, так и протесты святого Павла. Он также ссылается на практику абиссинцев — другого народа, заявляющего о своем происхождении от Авраама и сохраняющего Закон Моисея, — и спрашивает: “Почему мы

ожидаем, что евреи откажутся от своих национальных обычаев и различий?” Кольридж был бы удовлетворен их отказом от завета дел и принятием "обещанного исполнения во Христе”. Но что действительно отличает миссионерское рвение Кольриджа от рвения великого Реформатора, так это его требование, чтобы к евреям относились “по-доброму”. Трудно представить, чтобы Кольридж в преклонном возрасте вывел еврея на Лондонский мост, повесил ему на шею камень и швырнул в реку. ¹⁴⁶

Однако, хотя три столетия гуманизма не были полностью потрачены впустую, философ теоретически так же враждебен бедному еврею, как и сам Лютер: “Евреи низших сословий, “ говорит он нам, ” самые низшие представители человечества; в них нет принципа честности; вечно хватать деньги и добывать их - их единственное и исключительное занятие”. Этот предвзятый взгляд на расу не смягчился у Кольриджа его глубоким восхищением ее литературой, так же как и у Лютера. Последний был восторженным поклонником Псалмов — книги, сыгравшей в жизни людей большую роль, чем любая другая, — как и Кольридж: “Мистер Кольридж, как и многие старшие богословы христианской церкви, испытывал глубокое почтение к моральной и евангельской части Книги Псалмов. Он сказал мне, что после того, как с глубочайшим вниманием изучил каждую страницу Библии, он не обнаружил, что ни одна другая часть Священного Писания не соответствует так близко его сокровенным желаниям и потребностям ”. ¹⁴⁷ Но привязанность Кольриджа к древнееврейской литературе усилила, если уж на то пошло, его презрение к современному еврею. Он называл Исайю “своим идеалом еврейского пророка” и использовал этот идеал как средство подчеркнуть свое презрение к действительности: “Два образа, наиболее далекие друг от друга, которые можно охватить одним термином, это, я думаю, Исайя — ‘Слушайте, о небеса, и внимайте, о земля!’ - и Леви с Холиуэлл-стрит — ‘Старая одежда!’ — как вы заметите, оба евреи. *Имманентное квантовое противоречие!*” ¹⁴⁸ Философ не устаивает себя размышлений о возможных причинах этого прискорбного несоответствия.

Опять же, Кольридж, как и Лютер, получал удовольствие от тайного обращения. Он был в дружеских отношениях с несколькими учеными евреями и, находя их людьми метафизического склада ума, любил, по своему обыкновению, проповедовать им “серьезно и в то же время безнадежно” текст Канта о “объекте” и “субъекте” и других вещах, весомых, хотя и непонятных. В свое время он был вовлечен в подрыв веры четырех разных жертв своего рвения и дружбы, а может быть, и своего чувства юмора: еврея, сведенборгианца, римско-католика и новоиерусалимца. “Он сказал, что добился наибольшего успеха с учеником Сведенборга, которого можно считать обращенным, что он сбил с толку еврея и привел в дурное расположение духа католика; но на Нового иерусалимца он произвел не больше впечатления, чем если бы тот спорил с человеком на Луне”. ¹⁴⁹

Даже добродушный Элиа был не прочь развлечь и развить старую банальность о том, что евреи и неевреи никогда не могут смешиваться. Хотя он заявляет, что абстрактно не испытывает неуважения к евреям, он признает, что не хотел бы иметь привычки к фамильярному общению с кем-либо из них. Столетия обид, презрения и ненависти, с одной стороны, и скрытой мести, лицемерия и ненависти, с другой, между нашими и их отцами, по его мнению, должны повлиять на кровь детей. Он не может поверить, что несколько прекрасных слов, таких как “искренность”, “либеральность”, “свет девятнадцатого века”, могут заделать брешь в столь смертельном разладе. Короче говоря, он откровенно признается, что ему не нравится сближение евреев и

христиан, которое становилось модным, утверждая, что “дух синагоги по сути своей является разделяющим”.¹⁵⁰

И все же, вопреки байроническому гневу, элианскому юмору и теологии Кольриджа, требование справедливости с каждым днем набирало силу. В 1830 году мистер Роберт Грант, член парламента Инвернесса, протрубил призыв к битве, предложив допустить евреев в Палату общин. Законопроект был принят в первом чтении 18 голосами, но проиграл во втором 63. Первоначальный успех предложения свидетельствовал о прогрессе общественного мнения; его окончательное отклонение показало, что есть возможности для дальнейшего прогресса. Действительно, победа света над тьмой не могла быть одержана без серьезного конфликта: предрассудки восемнадцати столетий должны были быть разрушены один за другим, прежде чем триумф мог быть обеспечен. Насколько мощными были эти укрепления, можно легко увидеть, взглянув на каталог любой крупной публичной библиотеки под соответствующим заголовком. Там любопытный взгляд современного англичанина обнаруживает огромное количество брошюр, написанных на протяжении многих лет и охватывающих всю область расовой и теологической нетерпимости. Но противоположная фаланга, хотя пока и уступает в численности, тоже демонстрирует храбрость. В январе 1831 года Маколей выступил со страниц "Эдинбург Ревью" в поддержку благого дела:

“Английские евреи, как нам говорят, не англичане. Это отдельный народ, живущий локально на этом острове, но живущий морально и политически в общении со своими братьями, которые разбросаны по всему миру. Английский еврей смотрит на голландского или португальского еврея как на своего соотечественника, а на английского христианина - как на чужака. Говорят, что недостаток патриотических чувств делает еврея непригодным для выполнения политических функций”.

Эту доисторическую банальность и другие доводы современников Маколей ставит перед собой целью опровергнуть; и, что бы ни думали о внутренней ценности его оружия, принцип, за который он сражался, больше не нуждается в подтверждении.

Боевые действия продолжались с ожесточением с обеих сторон. Евреи, воодушевленные частичным успехом мистера Гранта, продолжали подавать петиции в Палату общин о политическом равенстве, и их петиции находили неизменного сторонника в лице лорда Джона Рассела, который год за годом вносил законопроект по этому вопросу. Но силы врага доблестно держались. Что еврей должен представлять христианский электорат, и, кто знает? даже контроль над судьбами Британской империи по-прежнему оставался предложением, которое шокировало великое множество добрых душ; в то время как другие высмеивали его как абсурдное. А. У. Кинглейк высказывается о последнем классе противников в своем Eothen. Грек из Леванта выразил автору свое удивление тем, что человеку с положением Ротшильда отказывают в политическом признании. Английский путешественник хмурится при этой идее и цитирует ее просто как иллюстрацию чудовищного материализма греков. “Ротшильд (покойный ростовщик) никогда не был премьер-министром Англии! Я серьезно пытался пролить свет на таинственные причины, которые не позволили достойному израильтянину войти в кабинет министров”. Если бы Кинглейк был наделен даром предвидеть грядущее, как он был наделен даром описывать текущие события, он, вероятно, никогда бы не написал ту красноречивую страницу, на которой приводится приведенный выше отрывок. Но в его время в его поведении не было ничего абсурдного. До 1828 года не более чем двенадцати еврейским брокерам

разрешалось вести бизнес в Лондонском сити, и вакансии заполнялись за огромные деньги. Даже крещеные евреи были лишены свободы в Городе, и поэтому ни один еврей не мог держать магазин или заниматься какой-либо розничной торговлей до 1832 года.

Борьба за предоставление евреям избирательных прав была лишь одной операцией в кампании, в которой был замешан весь английский мир, и от результата которой зависели гораздо более важные вопросы, чем судьба небольшой общины английских евреев. Это была борьба между силами прошлого и силами будущего. Среди тех, кто участвовал в этой борьбе, был человек, в котором встретились две эпохи. Он унаследовал традиции старой Англии, и ему было суждено способствовать развитию новой. Его жизнь была свидетелем гибели одного мира и рождения другого. Его карьера является воплощением английской истории девятнадцатого века.

В 1833 году Гладстон, которому тогда было двадцать четыре года, проголосовал за принуждение ирландцев, выступил против приема инакомыслящих в университеты и допуска евреев в парламент. Он был последователен. Ирландская реформа, отмена тестовых актов и облегчение положения евреев были тремя куплетами одной песни, суть которой заключалась в том, что “Пусть каждое завтра застает нас дальше, чем сегодня”. В 1847 году Гладстон, которому тогда было тридцать восемь лет, “удивил своего отца, а также большое количество своих политических сторонников, проголосовав за отмену еврейских ограничений”.¹⁵¹ Его дезертирство, что было естественно, вызвало огромное возмущение в лагере. Ибо разве всего восемь коротких лет назад его не называли “растущей надеждой суровых и негибких тори”? Но возмущение, каким бы естественным оно ни было, было неоправданным. Гладстон снова был последователен. С момента его первого голосования произошло несколько важных событий. Как раскольники, так и римско-католики были реабилитированы. Другими словами, партия Тори отказалась от своей первой линии обороны — англиканства и отказалась от своей второй — протестантизма: была ли какая-либо причина, кроме слепого фанатизма, для их упорной защиты третьей? Гладстон не мог видеть ни одного. Отныне допуск евреев был продиктован не только справедливостью, но и чистой логикой. Более того, евреям в 1833 году было разрешено практиковать в адвокатуре; в 1835 году им было передано управление делами; в 1845 году для них были открыты должности олдермена и лорд-мэра; в 1846 году парламентским актом было установлено право еврейских благотворительных организаций владеть землей, а еврейские школы и синагоги были поставлены на те же условия, что и у инакомыслящих. В том же году был отменен статут королевы Анны, поощрявший обращение в другую веру; исключения евреев из Закона о натурализации Ирландии 1783 года; и устаревший статут *об иудаизме*, предписывавший евреям особую одежду. После дарования гражданских привилегий лишение политических прав было абсурдным. Гладстон не мог понять, почему люди не желают признавать номинальное равенство евреев после того, как признали их практическое равенство. Но хотя предрассудки исчезли, их призрак все еще преследовал умы англичан. Люди цеплялись за тень, как и будут цепляться, когда исчезнет сущность. Те ораторы в прессе и с кафедр, чье призвание состоит в том, чтобы излагать взгляды вчерашнего дня, все еще стремились придать внятное выражение и тело несуществующему делу. Софизмы, в отсутствие доводов, год за годом раздавались для массового потребления, и позиция была достаточно иррациональной, чтобы найти много защитников. Но отныне результат был предрешен заранее. Даже глупость не является неуязвимой. Предубеждение, основанное на нереальности, не могло долго противостоять элементам здравого смысла.

Однако призраки умирают тяжело. Барону Лайонелу де Ротшильду, хотя он пять раз избирался от Лондонского сити, не разрешили голосовать. Другой еврей, олдермен Саломонс, избранный от Гринвича в 1851 году, отважился занять свое место, выступить и проголосовать в Палате представителей, хотя при повторении клятвы он опустил слова “об истинной вере христианина”. Эксперимент стоил ему штрафа в 500 фунтов стерлингов и исключения из парламента. Между тем, законопроект о допуске евреев продолжал ежегодно вноситься, регулярно приниматься Палатой общин и так же регулярно отклоняться лордами. Комедия закончилась только в 1858 году, когда был принят Закон, разрешающий евреям опускать в клятве заключительные слова, против которых они сознательно возражали. Сразу после того, как барон де Ротшильд занял свое место в Палате общин, в *еврейский календарь*.

Закон о фабриках 1870 года разрешает евреям работать по воскресеньям в определенных случаях, при условии, что они соблюдают свою собственную субботу; а Закон об экзаменах в университетах, принятый в следующем году, сразу после того, как еврей стал старшим преподавателем в Кембридже, позволяет им получать высшее образование в английских учебных заведениях без какого-либо нарушения их религиозных принципов. В настоящее время Палата общин состоит из дюжины членов-евреев, и едва ли найдется какой-либо пост или достоинство, за которые английский еврей не мог бы конкурировать на равных с английским христианином. Единственный остаток древнего рабства можно найти в англо-еврейской молитве за короля, в которой Всевышнего в необычной форме просят вложить сострадание в сердце его Величества и в сердца его советников и знати, “чтобы они были добры к нам и ко всему Израилю”.

Терпимость вновь привела к результатам, которых история научила нас ожидать. Как в Александрии при Птолемах, в Испании при сарацинских халифах и ранних христианских князьях, так и в Италии при папах эпохи Возрождения евреи отбросили свою отчужденность и участвовали в интеллектуальной жизни язычников, так и теперь они поспешили присоединиться к работе цивилизации. Когда оковы были сняты с конечностей Израйля, освободилось не только тело народа. Разрушение стен гетто было символом разрушения тех других стен предрассудков, которые веками удерживали еврейские колонии в качестве многочисленных пятен древней Азии, неуместно вписанных в мозаику современной Европы. Середина восемнадцатого века, знаменующая весну еврейской свободы, также знаменует весну еврейского либерализма. Это Возрождение еврейской истории; новое рождение еврейской души. Еврей обрел новую форму гордости: гордость за реальное величие своего прошлого. Он еще раз осознал более благородные элементы своего вероучения и своей литературы. И с этим самосознанием пришло также осознание чего-то внешнего и превосходящего “я”. Моисей Мендельсон сделал для евреев Европы то, что гуманисты сделали для христиан. Познакомив его с языком, литературой и жизнью окружающих его язычников, он открыл для своего народа новый интеллектуальный мир, более широкий и справедливый, чем тот, в котором он был заключен преследованиями Темных веков; и это тоже в тот момент, когда тени смерти, казалось, безвозвратно сомкнулись вокруг тела и разума Израйля. Это освобождение, каким бы чудесным и неожиданным оно ни было, не вызвало трепета религиозных эмоций, оно не вызвало излияний благочестивой благодарности и восхваления, подобных тем, которыми в древности приветствовалось возвращение из вавилонского плена и, опять же, восстановление Закона Маккавеями. Радость нации проявлялась по-другому, может быть, нечестиво и неприятно тем, кто смотрит на национальность как на самоцель и ставит интересы секты выше интересов человека; но вполне здраво.

Православие, конечно, продолжало хоронить мертвые останки прошлого, осуждать изучение языческой литературы и науки как грех и повторять слова, которыми люди давних времен выражали свои чувства на языке, на котором больше не говорят. Это было неизбежно. Столь же неизбежным было и другое явление: религиозное возрождение, возникшее одновременно с интеллектуальным пробуждением. Еврейская раса включает в себя множество типов. Как в древности мы обнаруживаем, что эллинизм и мессианизм процветали бок о бок, как в предыдущем столетии синхронно появились Спиноза и Саббатай Зеби, так и сейчас, в то время как Мозес Мендельсон писал платоновские диалоги в Берлине, другой представительный еврей, Израэль Баалшем, мистифицировал себя и своих братьев благочестивой истерией в Молдавии.¹⁵² Но более продвинутые классы определенно заявили о себе за трезвую культуру. Концентрация, которая была навязана иудаизму в качестве средства самозащиты, особенно после изгнания из Испании и последующего угнетения в шестнадцатом и семнадцатом веках, теперь в значительной степени была прекращена, а затем последовал период инакомыслия, пропорциональный предыдущему принудительному подчинению. Существовало огромное расхождение во мнениях относительно продолжительности реформы. Но одним из результатов движения в целом стало более или менее тщательное очищение иудаизма от пятен рабства. Торжественное ребячество Талмуда и тяжеловесная фриivolность раввинской традиции, гротескный ритуализм и вся нехудожественная неумелость веры и практики, которыми иудаизм был покрыт за века варварства, были отправлены на свалку антикварных диковинок, и все, что было свежего и по-настоящему живого в еврейской расе, искало новых средств выражения новых мыслей: современные эмоции были переведены в современные способы высказывания и действия. Мессианская мечта стала рассматриваться как ночное видение, которому суждено исчезнуть в свете свободы, и его место занял идеал духовного и расового братства евреев, основанный на их общем происхождении и истории, но совместимый с патриотической привязанностью к различным странам, которые они приняли.

Ничто так не характеризует общую здоровость эмансипации еврейского сознания, как новый тип еврея-рenegата, который она породила. В средние века еврей, отрекшийся от веры своих отцов, часто считал своим священным долгом оправдать свое отступничество преследованием своих бывших братьев. Когда исчезли условия, породившие этот вульгарный тип рenegата, начали появляться отступники другого рода — люди, которые, хотя и не желали посвящать секте то, что предназначалось для человечества, или, возможно, не могли пожертвовать своей индивидуальностью ради устаревшей преданности, все же никогда не переставали лелеять тех, кого они покинули. В них связь чувств переживала узы религии, и эти люди своим отступничеством сделали для своего народа больше, чем другие своей лояльностью. Генрих Гейне, родившийся в 1799 году, был крещен в возрасте двадцати пяти лет, отчасти движимый желанием обрести ту полноту свободы, в которой в те дни все еще было отказано нехристианам в Германии, но также и гораздо более глубокими мотивами: “Раньше я не особенно любил Моисея, - сказал он в книге “После жизни“, - возможно, потому, что во мне преобладал эллинский дух, и я не мог простить законодателю евреев его ненависть ко всему искусству”. Случай с Бенджамином Дизраэли в этой стране был аналогичным, хотя и не совсем похожим. Среди более поздних примеров можно упомянуть великого русско-еврейского композитора Рубинштейна, который, хотя и был крещен в младенчестве, никогда не пытался скрыть свое еврейское происхождение, но всегда говорил об этом с гордостью - и это в стране, где человеку по-прежнему лучше родиться собакой, чем евреем. Многие из этих бывших евреев пытались и отчасти преуспели в том, чтобы вызвать у неевреев чувство уважения к еврейскому народу как к

нации аристократов. И, действительно, в каком-то смысле это утверждение не совсем безосновательно.

С момента отмены религиозных препятствий евреи стали играть еще более заметную роль в развитии европейского сознания во всех его аспектах. Израиль, не теряя времени, с блеском использовал горько усвоенные уроки опыта. Многовековые преследования уничтожили расу слабаков. Выжил только сильнейший. Эти люди, сильные силой долготерпения, уверенные в себе той уверенностью, которая проистекает из сознания благородно перенесенных испытаний и триумфов, одержанных вопреки невероятным обстоятельствам, разносторонние благодаря своей борьбе за существование среди стольких многочисленных и разнообразных форм цивилизации и стимулируемые современным энтузиазмом к прогрессу, были обречены на успех. Западные евреи после полутора тысяч лет обучения в лучшей из школ — школе невзгод — вышли полностью оснащенными дарованиями, моральными и интеллектуальными, которые позволили им, как только представился шанс, завоевать ведущее место среди передовых народов мира. Наука и искусство, литература, государственное управление, философия, юриспруденция, медицина и музыка - все они в неоплатном долгу перед еврейским интеллектом. В Германии вряд ли найдется университет, который не мог бы похвастаться профессором еврейского происхождения, если не всегда религиозного. Экономическая мысль и экономическая практика обязаны своими самыми смелыми достижениями еврейским спекуляциям. Социализм — эта последняя попытка политической философии примирить противоречивые интересы общества и составляющих его членов — в значительной степени является продуктом еврейского гения. Было бы трудно перечислить людей, ибо имя им легион.¹⁵³ Но нескольких будет достаточно: Ласаль и Карл Маркс в экономике, Ласкер в политике, Гейне и Ауэрбах в литературе, Мендельсон, Рубенштейн и Иоахим в музыке, Якоби в математике, Траубе в медицине; в психологии Лазарус и Штайнталь, в классической науке и сравнительной филологии Бенфей и Барнейс - некоторые еврейские деятели, прославившие себя. Не только кошелек, но и пресса Европы в значительной степени находится в руках евреев. Люди, которые контролируют ход войны, внесли больший вклад, чем положено, в искусство и науку, которые поддерживают и украшают мир. И все это в течение одного короткого полувека и перед лицом самого неблагоприятного влияния законодательства, религиозных чувств и общественного отвращения. История не может найти параллели со столь славной революцией. Мифология дает картину, которая точно символизирует это. Гесиод не был пророком, но ни одно пророчество никогда не получало более точного исполнения, чем поэтическая концепция, изложенная в следующих строках, встречающихся в еврейской палингенезии:

“Хаос породил Эреб и черную Ночь;

Но из Ночи вышел Воздух и День”.

ГЛАВА XXI В РОССИИ

Единственная великая держава в Европе, которая отказалась следовать новому духу, - это Россия. В середине шестнадцатого века царь Иван IV, прозванный Грозным, выразил чувства своего народа по отношению к евреям в своих переговорах с Сигизмундом Августом, королем Польши. Последний монарх включил в мирный договор пункт, предусматривающий, что евреям Литвы должно быть разрешено продолжать свободно торговать с Российской империей. Иван ответил: "Нам не нужны эти люди, которые принесли нам яд для наших тел и душ; они продавали нам смертоносные травы и хулили нашего Господа и Спасителя". Эта речь позволяет с грустью взглянуть на интеллектуальное состояние людей, над которыми Иван имел свою ужасную власть. И нечему удивляться. Книгопечатание было популярно более века в остальной Европе, прежде чем печатный станок попал в Московскую империю, где он вызвал у местных жителей не меньшее удивление и страх, чем первый вид мушкета у жителей Зулуленда, и был немедленно предан огню священниками как сатанинское изобретение. Положение не улучшилось в последующие века. До конца семнадцатого века Россия оставалась почти такой же совершенно чуждой развитию западного мира и его народов, как Тибет в наши дни. Венеция или Амстердам представлялись современному воображению неизмеримо большими, чем обширные владения Белого царя. Британские торговцы время от времени привозили из порта Архангельск, вместе со своими грузами мехов, странные истории о заснеженных равнинах и лишенных солнца лесах этих отдаленных регионов и об их диких обитателях: об их своеобразных обычаях, бедности, убожестве и суевериях. И эти рассказы, подтвержденные еще более редкими свидетельствами дипломатических посланников, которые в своих книгах о путешествиях рассказывали о принцах, утопающих в грязном великолепии, о голодающих крестьянах и хищных волках и медведях, вызвали в умах западных людей то удивление, смешанное с недоверием, которое обычно сопровождает рассказы путешественников о неведомых землях.

Этот дом первобытного варварства внезапно привлек внимание цивилизованного мира благодаря гению одного человека. Петр Великий, грубый и жестокий, но высокоодаренный варвар, задумал колоссальный план наведения моста через пропасть, отделявшую его империю от Западной Европы, и единым шагом достичь той точки развития культуры, к которой другие медленно и мучительно приближались в течение многих веков. Это была концепция великого инженера, и для ее воплощения требовались великие рабочие. Поэтому неудивительно, что работа, когда были устранены разум и воля первоначального дизайнера, безразлично продвигалась вперед, если временами она оставалась неподвижной, если в других случаях она была частично разрушена. Следует также иметь в виду, что мечта Петра о европейской России далеко не разделялась русским народом. Старая русская партия, которая понимала чувства нации, не сочувствовала амбициям императора по созданию новой России по западному образцу. Они хотели оставаться азиатскими. И эта партия нашла лидера в лице собственного сына Петра Алексея, который заплатил за свою нелояльность жизнью. Идея, за которую Алексис и его друзья понесли смерть, все еще жива. Оппозиция западным реформам и приверженность восточным образам мышления и поведения продолжают оказывать мощное влияние на российскую политику. Европа и Азия все еще борются за превосходство в разнородной массе, составляющей эту гибридную Империю, и есть те, кто верит, что, хотя Россия изображает из себя европейку, в душе она азиатская держава; и что придет время, когда

тонкие узы, связывающие ее с Западом, будут разорваны большей силой ее восточного родства. Верен ли этот взгляд или нет, покажет будущее. Наше дело - в прошлом.

История Российской империи с семнадцатого по двадцатый век - это в значительной степени история отдельных императоров, и ее скачкообразный характер попеременного прогресса и регресса ярко иллюстрируется отношением этих императоров к своим еврейским подданным. Петр Великий приветствовал их, его дочь Елизавета изгнала их, Екатерина II вновь приняла их, Александр I. благоволил к ним. Ни один демократический провидец никогда не был воодушевлен более возвышенным стремлением к счастью человечества, чем этот благородный автократ. Указом 1804 года все евреи, занимавшиеся сельским хозяйством, мануфактурами и ремеслами, или те, кто получил образование в русских школах, были освобождены от действия исключительных законов, направленных против их расы; в то время как особые привилегии были предоставлены тем, кто мог продемонстрировать владение русским, немецким или польским языком. Другие указы, изданные в 1809 году, гарантировали евреям полную свободу торговли. Эти уступки, свидетельствуя о терпимой мудрости императора, показывают суровость условий, в которых эта раса обычно трудилась. После раздела Польши Российская империя получила огромное пополнение своего еврейского населения, и цари, за немногими исключениями, продолжали по отношению к ней бесчеловечную политику, уже принятую при преемниках Казимира Великого. Евреи были заперты в гетто, и было предпринято все возможное, чтобы сдержать их рост и воспрепятствовать их активности. Среди других форм угнетения российские императоры ввели в отношении своих еврейских подданных систему, аналогичную той, которую ранее применяли турецкие султаны к христианским *райям*: печально известную систему "детской дани". Мальчиков нежного возраста отрывали от родителей и воспитывали в вере в своего учителя для защиты владений своего учителя. Александр I. решил снять это тяжелое иго и, как уже было видно, предпринял некоторые начальные шаги в этом направлении. Но, к сожалению, последние годы жизни возвышенного идеалиста стали свидетелями возвращения к деспотизму и, следовательно, серии заговоров, которые, в свою очередь, замедлили продвижение свободы и ожесточили сердца ее врагов.

♦1825♦

Суровый сын Александра, Николай I., был фаларисом девятнадцатого века. Его правление началось с повстанческого движения, провал которого ускорил торжество азиатских идеалов в российской политике. Николай, проникнутый сильной антипатией ко всему западному и убежденный, что величие России за границей зависит от тирании внутри страны, поставил перед собой задачу отменить то немногое, что сделали его предшественники на пути реформ. ♦ 1830 и 1848 гг. ♦ Поляки и венгры восприняли его безжалостную суровость таким образом, который, хотя и наполнил Европу ужасом, не вызвал особого желания вмешиваться. В совершенном соответствии с характером и принципами Николая находилось его обращение с евреями, которые при нем потеряли все привилегии для бедных, дарованные им его отцом, и были не только снова приговорены к старым горестям рабства, но и специальным указом, опубликованным в начале сентября 1828 года, они были впервые подвергнуты воинской повинности.

При Александре II, царе-освободителе, некоторые из этих репрессивных мер были смягчены, и трем евреям было разрешено поселиться на каждой железнодорожной станции. Но улучшение, каким бы ограниченным оно ни было, длилось недолго. Как и некоторые из его предков,

Александр II колебался между двумя антагонистическими силами, которые борются за господство в России: партией прогресса и свободы и партией реакции и деспотизма. Сам лишенный инициативы и целеустремленности, этот любезный правитель шел то направо, то налево. Катастрофы Крымской войны уже показали, что абсолютизм потерпел неудачу в том единственном, что оправдывало его существование, — в военной эффективности. Если Россия не смогла добиться внешнего превосходства, она должна, по крайней мере, обеспечить внутреннее процветание. ♦ 1855 г. ♦ Победу одержала партия прогресса, а вместе с ней и император Николай, который, однако, не дожидаясь того, чтобы раскаяться, но оставил эту задачу своему сыну. Еще в 1856 году Александр II разработал план Конституции; но разработка проекта была отложена из-за более насущных потребностей. Однако 1861-1864 годы были свидетелями освобождения крепостных, отмены ужасных телесных наказаний кнутом, учреждения земств, или провинциальных собраний, и других реформаторских мер, которые пробудили надежды и энтузиазм русского народа. *Свободная Россия*— Свободная Россия — была у каждого на устах. Для съезжавшихся масс Империи наступила новая эра. ♦ 1863 г. ♦ Польское восстание переключило этот энтузиазм с внутренних реформ на защиту Отечества от его исконного врага, которому, как подозревалось, помогали некоторые иностранные державы.

Военный успех за границей предполагает объединение внутри страны, а объединение часто означает принесение в жертву личности, ее интересов и прав. Это распространенное историческое явление получило теперь свежую иллюстрацию. Победа отняла все блага, дарованные поражением. Поляки были сокрушены, а вместе с ними и зарождающаяся свобода русских. Народ и пресса, призывая к полному уничтожению предполагаемого врага своей страны, невольно пропагандировали свою собственную гибель — уничтожив Польшу, они уничтожили последнюю надежду на счастье своей страны. Поскольку поражение поляков решило исход борьбы в пользу деспотизма, все планы конституционной реформы были отброшены, и правление Александра II завершилось так же, как и правление Александра I: трусливым отречением от принципов, отличавших его начало. Это отступничество вызвало горькое разочарование в сердцах всех русских друзей свободы и подтолкнуло наиболее отчаявшихся из них к объявлению войны, кульминацией которой стало убийство несчастного монарха. ♦ Март 1881 г. 13♦ Преступление нигилистов, однако, разрушило свою собственную цель и разрушило дело, которому оно должно было служить. В самый момент своей смерти царь фактически обдумывал план создания какой-либо формы представительного правления, который должен был начаться с созыва Соборного собрания знати. Это намерение умерло вместе с ним. Отныне отношения между правительством и управляемыми более чем когда—либо отмечены взаимным недоверием. 154 Убийство гуманного императора отнюдь не ослабило, а укрепило позиции поборников автократии и нетерпимости, и этих поборников усилили сторонники национализма или панславизма - движения, которое, как и нигилизм, черпает свои теории из современных тевтонских спекуляций, но применяет их примитивным способом, чисто русским.

Русское национальное самосознание появилось недавно. Оно возникло в начале девятнадцатого века под влиянием вторжения Наполеона. Ненависть к иностранному захватчику породила патриотизм, а ликование от победы привело его к преждевременной зрелости. Польские восстания 1830 и 1863 годов способствовали его развитию, которое также было ускорено распространением образования и ростом прессы. Крайние приверженцы националистической идеи, отныне правящие круги Империи, были проникнуты убеждением, что сохранение русской нации требует насильственной ассимиляции или, в противном случае, полного уничтожения всего, что не является русским. Под пагубным влиянием этого

убеждения была начата систематическая кампания по русификации всех чуждых рас, которые были включены в состав Империи в течение предыдущего столетия. После полного порабощения поляков, осуществленного Муравьевым способом, который принес ему титул “Варшавского палача—, настала очередь жителей прибалтийских провинций, которые, частично немцы по крови, давно усвоили немецкий язык, немецкую культуру и немецкие идеалы и которые с момента их завоевания русскими в восемнадцатом веке предоставили Империи некоторых из ее лучших государственных деятелей, воинов и ученых. Стремление панславян к ассимиляции усилилось из-за страха перед немецкой экспансией. Пруссия своей блестящей войной против Австрии в 1866 году заложила основы того национального здания, которое было завершено еще более блестящей войной против Франции в 1870 году, реализовав таким образом национальную мечту о единстве Германии. Русские опасались, что поглощение германизированных провинций Прибалтики станет следующим шагом пангерманских амбиций. Движимая этими мотивами, Россия приступила к объединению этих регионов в 1867 году. Александр II, несмотря на свои личные симпатии и публичные заверения уроженцев прибалтийских провинций, был увлечен панславистским течением, которое получило дополнительную силу в результате национального конфликта с Турцией в 1877 году.

◆1881–1894◆

При Александре III. период частичных реформ, благодаря усердию М.М. Победоносцева, Каткова и графа Игнатьева, а также нерешительности их либеральных противников, сменился периодом реакции во всех направлениях. В административных вопросах Александр III, несмотря на советы такого непоколебимого сторонника божественного происхождения королевской власти, как германский император Вильгельм I., вернулся к методам своего собственного деда, Николая I.: была восстановлена цензура прессы, сельские коммуны были переданы под абсолютную власть полиции, порка была восстановлена как инструмент “воспитания” крестьян; и само упоминание имени царя-освободителя стало уголовно наказуемым преступлением. В то же время продолжалась работа по русификации, и параллельно с политикой расового единообразия велся крестовый поход за религиозное соответствие. ◆1880-1890 ◆ Панславизм искоренял национальные институты и язык прибалтийских провинций; православие искореняло их еретические и раскольничьи доктрины. Священный Синод в 1893 году, вдохновленный имперским прокурором М. Победоносцевым, который, хотя и был мирянином, обладал абсолютным контролем над Русской церковью и был прозван своими оппонентами “папой—мирянином”, потребовал подавления протестантов, римско-католиков, мусульман, буддистов и других инакомыслящих по всей Империи. Тринадцать лет правления Александра III - одна из самых мрачных страниц в истории, не отличающаяся яркостью.

◆1894◆

После смерти царя последовала относительная терпимость, и большие надежды возлагались на известную либеральность его преемника Николая II. Но этим надеждам так и не суждено было сбыться. Напротив, мракобесие продолжало господствовать безраздельно, и в последние годы панславистская и панартодоксальная программа энергично проводилась на Кавказе, в Польше и Финляндии, а также среди буддистов Забайкальского края. Во всех этих провинциях национальные институты подвергались нападкам с безжалостной яростью и жестокой тщательностью, достойной инквизиции в ее худшие дни. Армянская церковь была разграблена,¹⁵⁵ а русские епископы подверглись насилию со стороны населения, языка

которого они не понимали. Татары, некогда лояльные и довольные жизнью, были вынуждены обратиться к турецкому султану и западным державам с просьбой об освобождении от тирании царя. В своей петиции эти российские мусульмане описывают, как подавлялись их религиозные суды, как их детей заставляли ходить в русские школы, как во время службы в армии их заставляли есть пищу, запрещенную законами ислама, и как их заставляли соблюдать христианские праздники и отказаться от своей веры. ¹⁵⁶ Но ни в одной части Империи так систематически не повторялся процесс, который при Александре III привел к русификации прибалтийских провинций, как в Финляндии. Ничего более бесчеловечного или более безумного, чем обращение России с этой страной, не было известно в Европе со времен отмены Людовиком XIV Нантского эдикта. Конституция Финляндии, которую Александр I при аннексии страны в 1809 году торжественно поклялся уважать, была отменена; ее пресса была подавлена; ее университет деградировал; ее религия попрана; ее лучшие люди были изгнаны; ♦ 1899-1903 гг. ♦ и все средства были использованы в патриотических усилиях низвести эту высококультурную, но неславянскую и неправославную северную провинцию до уровня остальной Империи; в результате наиболее лояльная и процветающая часть подданных царя превратилась в самую нелояльную часть населения. и несчастный. Таким образом, немцы, эстонцы, поляки, финны, черкесы, грузины, армяне, монголы, татары — все испытали на себе гнев русских за национальное и религиозное единообразие; и то же самое испытывали даже раскольники русской крови, такие как старообрядцы и духоборы, не говоря уже о польских и литовских униатах, чьи церкви были конфискованы и переоборудованы для других целей, духовенство которых было подавлено, и которые вынуждены под суровыми наказаниями совершать богослужения, венчаться и хоронить своих детей по православным обрядам. Церковь. ¹⁵⁷

Тирания - это растение, которое может процветать только во тьме. Поэтому прессе затыкают рот, публичные собрания строго запрещены, и как Церковь, так и государство усердно препятствуют просвещению масс. Начальных школ недостаточно и неэффективно, в то время как частная инициатива строго запрещена, чтобы восполнить недостатки государственного обучения. Правительство не обеспечивает людей и не позволит им обеспечивать себя. Известно, что московские власти запрещали даже владельцам фабрик содержать начальные школы для улучшения здоровья своих рабочих. Когда таково положение вещей в крупнейшем промышленном центре Империи, нетрудно представить себе условия, господствующие в отдаленных сельских районах с их унылым сельскохозяйственным населением. ¹⁵⁸ Отсюда вытекает необходимость нанимать иностранцев во всех сферах коммерческой и промышленной жизни. Успех иностранца, однако, вызывает зависть туземца, и российские экономисты склонны приписывать преобладанию первого то убожество русских масс, которое происходит главным образом из-за их недостаточного образования. При таких обстоятельствах неудивительно обнаружить, что евреи страдают так же жестоко, как и в Средние века. Враждебность народа, все еще варварского во всех отношениях, всегда приводила к разрушению добрых намерений лучших царей и усугубляла ужасы, порождаемые деспотическим характером худших. Если отношение к Израилю в различных странах можно рассматривать как показатель их соответствующего прогресса на пути к цивилизации, то Россия должна быть объявлена стоящей в этот час там, где стояла Англия в тринадцатом веке.

В 1881 году яростная вспышка антиеврейских настроений, поощряемая националистическими газетами, с одной стороны, и нигилистами - с другой, привела к большому кровопролитию и уничтожению еврейской собственности и жизни в южных и западных губерниях России,

особенно в русской Польше. Взрыв произошел по многим причинам. В течение прошедших лет, действительно, с момента отмены крепостного права, крестьянство, особенно на Юге России, деградировало как в материальном, так и в моральном плане. Современный наблюдатель так описывает положение вещей накануне этого события: “Неурожаи в течение ряда лет, непосредственно предшествовавших 1881 году, и сопровождавшие их опустошительные действия, вызванные опасной и широко распространенной чумой крупного рогатого скота, довершили страдания, к которым неуклонно приводили праздность и расточительность; а отмена ограничений, разделение семей и скопление большого числа представителей самых невежественных классов среди странных сцен городской и лагерной жизни выбили их из колеи и подорвали их нравственность”. Описав влияние этих условий на отношения между крестьянином и землевладельцем, автор переходит к объяснению некоторых причин неприязни крестьян к евреям. “Помимо землевладельцев, на юге и западе есть еще один класс, который считает крестьянина обманутым. Евреи, которым правительственные ограничения не позволяют стать земледельцами и которые лишены возможности работать на любом обычном промышленном предприятии из-за того, что суббота ограничивает их трудовую деятельность четвертью с половиной днями в течение христианской недели, по необходимости обратили свое внимание почти исключительно на торговлю. Непредусмотрительность земледельца и его недостаток капитала сделали помощь ростовщика и посредника для него абсолютной необходимостью, и это требование, естественно, было удовлетворено присутствием еврея, чья трезвость, бережливость, энергия и коммерческие инстинкты делают его особенно пригодным для этой профессии. Чем более расточительно крестьянство, тем больше непосредственные прибыли евреев, и в то время как первые неуклонно беднеют, многие из последних приобрели сравнительное богатство. Поэтому нет ничего удивительного в неприязни, возникшей по отношению к евреям, и эта неприязнь сопровождалась убеждением, что, должно быть, существует особая несправедливость в превосходстве материального благосостояния расы, которую правительство посредством уголовного законодательства подчеркнуто определило как низшую по сравнению с христианами. Религиозный фанатизм почти неизвестен в России, и индифферентизм скорее является правилом среди крестьянства, которое живет в дружбе как с мусульманами, так и с католиками и лютеранами; но требуется сильная рука, чтобы удержать полумодернизированный и бедный народ от нападения и грабежа на своих более богатых и незащищенных соседей. Правительство не проявило такой решительности в защите евреев, и политические агитаторы нетерпеливо раздували пламя вражды против чуждой расы и с удовольствием наблюдали за распространением беспорядков, которые либо привели бы к столкновению между народом и властями, либо открыли бы глаза массам на слабость последних и на их собственную силу”. 159

Против евреев снова было выдвинуто почтенное обвинение в ритуальном убийстве, и в течение нескольких недель все провинции от Балтийского до Черного моря превратились в театр поджогов, грабежей и резни, каких Европа не видела со времен трагедии "Черной смерти" в четырнадцатом веке. Цивилизованный мир содрогнулся от этого ужасающего зрелища, но местные власти, как гражданские, так и военные, по большей части смотрели на это самодовольно. Крестьянство, утолив свою жажду мести, грабежа, насилия и выпивки, разграбив еврейские дома, питейные заведения и публичные дома, продолжило воплощать свои претензии к евреям в следующей серии требований:

1. “Евреи, члены городских советов и провинциальных собраний, заместители директоров городских банков, члены различных учреждений и комитетов, должны добровольно отказаться

от своих нынешних должностей, сбросив покров гордыни и бахвальства; как лица, не обладающие гражданской честностью, они непригодны для занятия таких должностей.

2. “Евреям следует внушить своим женам и дочерям, что они не должны наряжаться в шелк, бархат, золото и т.д., Поскольку такая одежда не соответствует ни их образованию, ни положению, которое они занимают в обществе.

3. “Чтобы евреи уволили со службы всех русских служанок, которые, прожив в еврейских домах, непременно становятся проститутками, забывают свою религию и которые намеренно развращаются евреями.

4. “Незамедлительно изгнать всех евреев, проживающих в других местах, у которых нет никакой недвижимости в городе.

5. “Закрывать все питейные заведения.

6. “Запретить евреям оскорблять христиан и, вообще, издеваться над ними.

7. “Запретить евреям покупать на рынках предметы первой необходимости с намерением продать их русским.

8. “Внушить оптовым торговцам спиртными напитками не подмешивать в водку никаких посторонних элементов, которые иногда наносят вред здоровью.

9. “Не торговать в субботу до полудня, а на Рождество и Пасху не торговать в течение трех дней и не работать в наши праздники.

10. “Запретить евреям покупать пшеницу для торговых целей в радиусе тридцати верст от города Переяслава и, следовательно, убрать все существующие запасы зерна и муки.

11. “Запретить евреям скупать неубранную пшеницу; также арендовать землю у частных лиц.

12. “Городской совет просят не сдавать в аренду земли на ярмарках и базарных площадях, а евреев - не сдавать их в аренду с целью возделывания”. [160](#)

Лучшего доказательства средневекового характера мышления русского крестьянина и желать нельзя, чем то, которое представлено в приведенном выше документе. Даже такой искренний апологет этого крестьянина, как мистер Голдвин Смит, вынужден заметить, что эти требования “своей гротескной смесью реальных и воображаемых обид напоминают нам требования, предъявляемые невежественными, но страдающими крестьянами средневековья”. Их требование заставить евреев “сбросить покров гордыни и бахвальства” имеет точную параллель с жалобами испанских фанатиков, предъявленными дону Генри в 1371 году. [161](#)

Но чувство, нашедшее столь ужасное выражение, ни в коем случае не ограничивалось низшими и неграмотными классами общества. Само преступление было приписано преднамеренной политике графа Игнатьева. Одна высокородная и образованная русская леди через несколько месяцев после массовых убийств на очень беглом английском описала общее отношение своих соотечественников к евреям следующим образом: “Ну, нам не нравятся евреи, это факт; и неприязнь взаимна. Но причина, по которой они нам не нравятся, заключается не в их умозрительном монотеизме, а в их практическом язычестве. Для нас они то же, чем реликвии амореев и хананеев были для евреев в древние времена — униженный и

деморализованный элемент, чуждый нашей национальной жизни, и источник неопишемого зла для нашего народа. Мы возражаем не против еврея как отрицателя христианства; мы возражаем против еврея как злейшего врага христианской эмансипации, вампира наших сельских общин, искусителя нашей молодежи и центра деморализующих, развращающих сил, которые подрывают нашу цивилизацию”.¹⁶²

Осуждение еврея современной русской женщиной как по тону, так и по существу является значительным, хотя, конечно, совершенно бессознательным, отголоском более грубого заявления Ивана Грозного, сделанного более трех столетий назад.¹⁶³ Единственное различие заключается в форме — религиозное возражение сведено к минимуму, а социальное подчеркнуто в соответствии с западными способами выражения; но в основе своей эти два высказывания идентичны.

Министр внутренних дел менее эмоциональным языком объяснил вспышку болезни причинами чисто экономического характера. “За последние двадцать лет, - сказал он, - евреи не только постепенно захватили в свои руки торговлю и промышленность, но также приобрели по купчим и арендным актам значительные земельные владения, и, благодаря своей численности и солидарности, они, за немногими исключениями, направили все свои усилия не на повышение производительности страны, а на разграбление коренного населения, главным образом беднейших классов, чем вызвали протест последних, который, к сожалению, выразился в насильственной форме”.¹⁶⁴

Вице-консул Вагстафф в официальном донесении, отдавая евреям должное за их выдающийся ум, бережливость и деловые качества, перечисляет жалобы, выдвинутые против них русскими, а именно, что “евреи являются главными содержателями питейных заведений и домов с дурной славой, получателями краденого, незаконными ростовщиками. Как государственные подрядчики, они часто вступают в сговор с недобросовестными чиновниками, обманывая государство в огромных размерах. Они используют свою религию в коммерческих целях, ‘бойкотируют’ чужаков, играют на руку друг другу при продаже земли и таким образом разоряют крестьянство. Часто урожай крестьянина, запутавшегося в своих трудах, попадает в их руки, когда он находится в поле, на их собственных условиях. Сами они не выращивают сельскохозяйственную продукцию, но пожинают плоды чужого труда и неуклонно богатеют, в то время как собственники постепенно разоряются. По отношению к России их сравнивают с паразитами, которые поселились на растении, недостаточно сильном, чтобы сбросить их, и которое постепенно теряет свою жизнеспособность”.¹⁶⁵

Другой свидетель описывает постепенное подчинение обедневшего крестьянина еврею-ростовщику и добавляет: “Два главных фактора в отношениях евреев с русским крестьянином - это *водка* (местный джин) и несколько рублей в крайнем случае, и с помощью этих сил он порабощает его и использует в своих целях. Многие крупные объекты недвижимости, принадлежащие влиятельным и потомственным русским дворянам, сдаются в аренду евреям, потому что владельцы обнаруживают, что они платят более высокую арендную плату, чем русские арендаторы”. Однако в заключение он размышляет: “Настоящий источник зла кроется в умственном и моральном состоянии масс, и именно там должно быть применено лекарство”.¹⁶⁶

Таковы предполагаемые причины преследования российских евреев. Во-первых, что касается "продуктивности", пренебрежение которой выдвигается в качестве уголовного обвинения против еврея. Это старая жалоба. Андалузский монах прошлого обрушивался с бранью на евреев Испании за то, что "они предпочитали зарабатывать на жизнь торговлей, а не физическим трудом или механическими искусствами".¹⁶⁷ Современная экономическая наука учит нас, что страна может обойтись как без распределителей, так и без производителей богатства. Однако хорошо известно, что продуктивность - любимая идея российских экономистов. Последние два министра финансов почти четверть века развивали производство с безрассудной энергией, которая многими непредвзятыми исследователями расценивается как фатальная. Делается все, чтобы стимулировать производство и экспорт, в результате чего почва истощается, а запасы зерна, на которые русский фермер когда-то полагался во время голода, исчезают из страны.¹⁶⁸ Как и все чрезмерные меры без должного учета местных условий, лихорадка продуктивности не является безусловным благом, и пренебрежение к ней не будет расценено беспристрастным сторонним наблюдателем как преступление перед евреем, особенно если он вспомнит, что еврей не свободен в выборе своей профессии. Ибо, даже если бы закон разрешал и еврей захотел посвятить себя сельскому хозяйству, ему помешала бы сделать это русская система деревенских коммун — вторжение в которые со стороны нехристиан вызвало бы негодование ни у кого более ожесточенное, чем у самого русского крестьянина. Таким образом, видно, что еврей ни в коем случае не мог стать "производителем", но был непреодолимо вынужден обратиться к ремеслам, розничной торговле и ростовщичеству.

Что касается еврейского вымогательства. Освобождение крепостных открыло просторы для ростовщичества, перед соблазном эксплуатации которого было бы невозможно устоять даже капиталистам, чьи возможности для инвестиций менее ограничены, чем у русского еврея. Эта реформа, хотя и была несомненно полезной в долгосрочной перспективе, тем временем неизбежно должна была нарушить социальную структуру, особенно в Малороссии, и породить те бедствия, которые обычно сопровождают радикальные перемены, произведенные в стране, неподготовленной к ним. Указом 1864 года было создано переходное состояние. Старое было объявлено устаревшим; новое еще не родилось. Разорив многих знатных землевладельцев, отмена крепостного права привела к появлению огромного пролетариата вольноотпущенников, бедных физическим мастерством и капиталом, и еще более бедных ресурсами. Оба этих класса, сбитые с толку непривычными условиями, грубо навязанными им, бросились к еврею за ссудами так же естественно, как мотылек бросается на свечу, и, подобно мотыльку, пострадали при этом. У еврея не было причин относиться снисходительно ни к одному из заемщиков; но, как и следовало ожидать, крестьянин пострадал гораздо больше из них двоих. Он был менее подготовлен к борьбе. Веками он жил в условиях ограничений, которые, хотя и сдерживали его мужественность, давали ему некоторые привилегии, а также больше, чем все наказания детства. Если ведущие нити лишали крестьянина свободы действий, они также лишали его свободы разорять себя. Эти нити были внезапно сняты. Крестьянин, все еще младенец в душе, был облечен всеми обязанностями взрослого человека. Те самые качества, которые позволяли ему переносить свое рабство, теперь доказывали его непригодность для свободы. Его полное отсутствие инициативы, предприимчивости, уверенности в себе и самоограничений, а также его жалкая покорность воле судьбы - все это характерно для крепостного - хорошо выражается одним словом *ничево*, самым распространенным и всеобъемлющим выражением в словаре мужика. Это означает "неважно" и в точности соответствует *малешу* египетских

феллахов — еще одному крестьянству, погрязшему в невежестве и фаталистической покорности судьбе в результате столетий крепостного права.

В дополнение к этим недостаткам русский крестьянин является конституционным прокрастинатором. Он никогда не делает сегодня того, что, как ему кажется, он может всеми правдами и неправдами отложить на завтра. Двумя самыми драгоценными благами его недавно обретенной свободы, по его мнению, были вольности, которые позволяли ему откладывать свою работу так долго, как ему хотелось, и пить столько, сколько ему хотелось. При старой системе “владелец порол своих крепостных, если они слишком часто напивались, и он держал их карманы такими пустыми, а цену на водку, монополистом которой он был, такой высокой, что у них было сравнительно мало возможностей удовлетворить свою страсть к спиртному. Это было очень хорошо, пока это продолжалось, но теперь, когда контроль отменен, реакция еще сильнее”.¹⁶⁹ Это исчерпывающий ответ на обвинение, выдвинутое против еврея как сторонника невождности.

Что касается обвинения в сговоре с правительственными чиновниками, то оно может быть легко предъявлено. Оба виновных, конечно, заслуживают наказания. Но едва ли справедливо, что один должен быть только оштрафован, уволен или заключен в тюрьму, а другой убит или умерщвлен голодом вместе с остальной частью своего народа. Что касается “бойкота” чужаков и игры на руку друг другу, разве не естественно, что люди, принадлежащие к секте, которую презируют их соседи, предпочитают помогать своим товарищам по несчастью, а не их преследователям? Нет более крепкой связи между человеком и нечеловеком, чем узы общего клейма.

Обвинения в аморальных занятиях и порочных привычках могут быть преувеличены, а могут и не быть. Но, даже признавая, что еврей - это все, чем считает его его русский враг, достаточным ответом на инвективы последнего является старая поговорка: “В каждой стране есть те евреи, которых она заслуживает”. Не прибегая к очевидному возражению — которое в случае русского крестьянина было бы особенно уместно — что, если бы не было спроса на средства для безнравственности, предоставляемые евреями, еврей не считал бы нужным их предоставлять, мы можем настаивать на самоочевидной истине, что юридические недостатки, преграждая путь к честной и достойной карьере, толкают своих жертв к осуществлению самого низкого из призваний. Борьба за существование в таких банальских условиях вырождается в жестокую войну, в которой нет места угрызаниям совести. Отверженному нечего терять репутацию. И чем более беспринципным становится соперничество, тем больше растет необходимость угнетения в странах, где государственные деятели еще не нашли менее грубых средств. Это порочный круг, из которого, кажется, нет выхода.

Соответственно, недисциплинированная ярость населения в 1881 году была дополнена систематическими и тщательно продуманными преследованиями со стороны правительства. Вместо того чтобы пытаться поднять русские массы до уровня умственной и моральной силы, достаточного для того, чтобы они могли конкурировать с евреями, царские министры посвятили свою изобретательность изобретению новых средств для низведения еврея до уровня русских масс. Инвалидность ненавистной расы возросла. Еврейская собственность на открытой местности была конфискована, а владельцы изгнаны в гетто. Было постановлено, что отныне ни одному еврею не должно быть разрешено жить в деревне или приобретать в ней собственность. Вся Российская империя была, что касается евреев, разделена на три отдельные части.

Основная масса представителей еврейской расы была ограничена пятнадцатью провинциями, известными как “Черта еврейской оседлости”. Тем евреям, которые в течение десяти лет принадлежали к купеческой гильдии первого класса, выпускникам университетов и квалифицированным ремесленникам, разрешалось свободно передвигаться и селиться в любой части Европейской России по их выбору, за исключением Московского и Таврического департаментов, в которых ни одному еврею-рабочему не разрешалось проживать. Третья секция включала Сибирь, и она была закрыта для всех евреев, кроме каторжников. Результатом этих законодательных актов стало то, что несколько городов в пределах “черты оседлости” были переполнены еврейскими жителями, согнанными вместе и вынужденными вести жесткую конкуренцию за существование друг с другом. В то же время были приняты законы, запрещающие прием еврейской молодежи в средние школы и университеты, и евреям было запрещено выступать в качестве государственных или муниципальных служащих, учителей или заниматься адвокатской практикой без специальной лицензии министра юстиции. Эти и многие другие ограничительные меры были приняты с очевидной целью спасти русского крестьянина от когтей еврейской гарпии. Совместным эффектом преследований и законодательства для евреев были страдания. Но эти преступления оказались не выгодными для тех самых крестьян, от имени которых они были открыто совершены, а наоборот. В каждой деревне и поселении отъезд еврейских торговцев и ремесленников немедленно ознаменовался ростом цен на товары, за которым вскоре последовал коммерческий и промышленный застой.

Однако тот справедливый патриот, который уже цитировался, невольно признает, что забота о моральном и материальном благополучии народа не была единственным или главным мотивом политики российского правительства. Ссылаясь на запрет евреям содержать публичные дома, она говорит: “То, что наше возражение направлено исключительно против евреев-антинародников, а не против евреев, которые становятся русскими во всем, кроме своего происхождения, подтверждается решением Комиссии в пользу разрешения евреям-караимам продавать выпивку так же свободно, как и любым другим их российским соотечественникам. Только евреям-талмудистам запрещена эта привилегия”.¹⁷⁰ Обычному человеку трудно понять, как вера в Библию оправдывает занятие, которое в противном случае осуждается как вредное для тела и души, или каким таинственным образом Талмуд влияет на качество спиртных напитков. Обычному человеку будет легче сделать из этих фактов вывод о том, что реальной целью правительства было подавление евреев, а подавление евреев-алкоголиков было лишь средством для достижения этой цели.

В отношении русского народа к евреям в настоящий момент мы узнаем все черты, знакомые по истории еврейского народа в прошлом. Социальный нонконформизм и отчужденность привели к антииудаизму в древности. К этому мотиву преследования с приходом христианства добавились религиозная вражда и экономическое соперничество средневековья. Девятнадцатому веку было суждено усилить структуру ненависти путем добавления нового направления — национализма. Все эти причины, как мы видели, объединились, чтобы превратить еврея в объект ненависти, по-разному замаскированный. В Древнем Риме нетерпимость к инакомыслию оправдывалась под предлогом уважения к общественной морали; в католической и протестантской Европе жестокость и алчность прикрывались маской религиозного рвения; в современной Европе мы видим ограниченную нетерпимость и зависть, пытающихся облагородить себя титулом патриотизма. Каждая эпоха унаследовала страсти прошлого и увеличила это печальное наследие добавлением новых предрассудков. В России современная культура немного отличается от средневековой, подобно тому, как воды реки в ее

устье растекаются по поверхности океана, изменяя его цвет, но не затрагивая его глубины. Следовательно, еврея все еще преследуют за его ересь, а также за его ростовщичество, исключительность и иностранное происхождение.

Российские официальные лица и английские апологеты российского антисемитизма не признают, что преследование российских евреев носит религиозный характер, хотя и признают, что религия тоже играет свою роль. Они утверждают, что это по существу экономическое и социальное явление, “и что главной причиной всегда было несчастливое отношение бродячей и паразитической расы, сохраняющей свою племенную исключительность, к расам, среди которых она проживает и продуктами которых питается”.¹⁷¹ Эта точка зрения естественна для современного наблюдателя Запада; но она не совсем верна, поскольку подразумевает современные и западные условия и настроения в стране, которая лишь в малой степени является современной и Западной. Покойный мистер Леки писал: “Преследование в России стоит в некоторой степени особняком от других форм антисемитского движения из-за его беспрецедентных масштабов и жестокости”. В той же степени она стоит особняком из-за своего происхождения. Ненависть к евреям в России - это совершенно подлинное выживание. В Западной Европе это в значительной степени искусственное возрождение. Российские евреи никогда не были освобождены от рабства, потому что русские христиане, за немногими исключениями, никогда не были освобождены от невежества и фанатизма. Другими словами, современный термин “антисемитизм”, со всей его квазинаучной коннотацией, вряд ли может быть применен к российской разновидности эпидемии. Но каковы бы ни были причины, результат один и тот же. Для убитого еврея сравнительно безразлично, будет ли он убит как паразит или из любви к Христу. Студент также должен быть очень необычно устроен, если может черпать утешение в том факте, что принципы терпимости, ставшие для нас дорогими благодаря опыту и жертвам двух тысячелетий, нарушаются столь возмутительным образом не по религиозным, а по “экономическим и социальным” мотивам.

Но, хотя источник антипатии русских к евреям может быть предметом споров, нет сомнений в искренности и глубине этого чувства. Авторитетный специалист по еврейскому вопросу, писавший в 1882 году, выразил мнение, что катастрофы этого и предыдущего годов были неизбежны и что, “если евреи не будут изгнаны из стран, в которых они произошли, мы, безусловно, можем ожидать их повторения в гораздо большем масштабе”.¹⁷² Это ожидание было оправдано последующими событиями. В 1891 и 1892 годах за новыми антиеврейскими беспорядками, поощряемыми властями, последовали новые ограничительные акты.

Многие евреи, которым удалось обосноваться в городах за пределами “черты оседлости”, были изгнаны обратно в нее, а другие в пределах “черты оседлости” были вынуждены покинуть деревни и поселки, в которых они проживали годами, и, оставив свою собственность и деловые связи, поселиться в перенаселенных крупных городах. Гонения достигли своего апогея зимой 1891-92 годов, когда тысячи мужчин, женщин и маленьких детей были бессердечно изгнаны из Москвы, в то время года, когда даже солдатам не разрешалось проводить учения на открытом воздухе из-за холода. Эти и другие меры невыносимой жестокости изгнали, как и предполагалось, около четверти миллиона евреев из Империи; и тогда народы Запада, встревоженные наплывом обездоленных беженцев, подняли яростный протест против варварства царя.

Однако царь, по словам одного из его собственных слуг и апологетов, “остался глух к протестам, например, лорда-мэра Лондона” и заявил, что “он оставит без внимания любые подобные иностранные протесты, требующие изменения методов, которые были намеренно приняты”. Фактически, все меры репрессий и ограничений, которые невежественные иностранцы неверно представляли как “варварское изгнание евреев из России”, имели своей добродетельной целью предотвращение столкновения между евреями и крестьянами, избавление последних от того, в чем их невозможно было убедить, что это не еврейская тирания, и, одним словом, обеспечение хорошего порядка и поддержание стабильности в обществе.¹⁷³ Интересно услышать русскую версию этого вопроса. К сожалению, эвфемизм не является опровержением.

В 1896 году еврейский вопрос был вновь поднят, и евреи, как и другие страждущие, осмелились надеяться на улучшение своей участи благодаря известному рвению Николая II к реформам. Многого также ожидали от “великодушных и отзывчивых инстинктов молодой императрицы”. Но эти ожидания не оправдались, и в настоящее время страна, в которой раса наиболее многочисленна¹⁷⁴, также является страной, в которой она страдает наиболее тяжело. Обращение с евреями в России можно резюмировать одним предложением: преднамеренное умерщвление голодом тела и души. Еврея, как уже было замечено, ненавидят не только как неславянина и неправославного, но и как паразита, который истощает организм, в котором он живет. Считается, что изоляция, заставляющая его питаться самим собой, убьет его. Следовательно, евреям разрешается проживать только в определенных кварталах определенных городов в определенных районах, и им запрещается переезжать с места на место без специального разрешения или такой специальной формы паспорта, которая выдается проституткам. Перенаселенность порождает бедность, болезни и всю грязную деградацию жизни в гетто. Слабое представление о том, что означает такая жизнь, можно составить из недавней петиции в Российский комитет министров, подписанной многими тысячами российских евреев: “Не менее 20 процентов.” все население еврейской черты оседлости, - говорят просители, - доведено до такого жалкого состояния, что их приходится содержать из благотворительных источников. В крупных еврейских общинах, таких как Вильно, Бердичев и Одесса, число еврейских бедняков составляет от 25 до 33 процентов. Наряду с этой широко распространенной нищетой во всех еврейских общинах существует огромный рабочий и ремесленный пролетариат, который сегодня не знает, на что он может существовать завтра. Простое оружие, которым обладает рабочий и ремесленник в своих отношениях со своим работодателем, — право оставить свою работу и искать лучшие условия трудоустройства в другом месте — стало непригодным для использования из-за ограничения свободы передвижения и запрета проживать где-либо, кроме немногих городов черты оседлости. Если они не хотят умереть с голоду или просить милостыню, еврейские рабочие должны безоговорочно подчиняться условиям, предписанным фабрикантами. Еврейские капиталисты также серьезно пострадали от обременительного действия специальных постановлений, которые из-за ограничений майских законов отняли у них всякую свободу действий и лишили их возможности реализовывать свои продукты на рынках за пределами черты оседлости....”¹⁷⁵

Кроме того, евреи ограничены самыми неблагоприятными занятиями. Их исключают из средних школ и университетов христиан, и им запрещено содержать собственные светские школы. Единственное учение, доступное обычному русскому еврею, - это раввинское учение. Центром

этого образования является талмудическая школа Валозина, известная среди евреев как “Колледж древа жизни”, основанная в 1803 году учеником Элайджи Вильны, известного ученого-ивритолога, и поддерживаемая на пожертвования, собираемые со всех концов российской “черты оседлости”. Это учебное заведение обеспечивает духовной и телесной пищей — как очень примитивной по качеству, так и скудной по количеству — около четырехсот голодных студентов, которые проводят три четверти своего времени, изучая записи прошлого, а другую четверть - осуждая настоящее, о котором они ничего не знают. Невежество порождает фанатизм, а авторитет синагоги, который при других обстоятельствах мог бы быть использован как инструмент примирения, превращается в источник горечи. Семя раздора между евреями и язычниками, посеянное угнетением, взращивается невежественными раввинами, которые считают жажду светских знаний более греховной, чем жажду алкоголя; и ядовитому растению помогают расти молодые евреи, которые, ухитрившись получить за границей образование, в котором им отказано дома, усиливают справедливую вражду своего народа к христианским угнетателям. Неприязнь еще больше усиливается из-за еврейских новобранцев, которые по истечении срока службы возвращаются к своим семьям, раздраженные трудностями и оскорблениями, которые они испытали в рядах, поскольку с солдатом-евреем в российской армии обращаются точно так же, как с новобранцем-христианином в турецкой жандармерии. В обоих случаях не может быть и речи не только о продвижении по службе,¹⁷⁶ но и о том, что неверные становятся жертвами безмерных оскорблений, злого умысла и увечий от рук своих коллег и начальства. Как раса, они считаются нечистыми и недружелюбными. Они составляют небольшое меньшинство. Они бессильны защитить себя, и офицеры не возьмут их под свою защиту. Чем менее заслуженно нанесено оскорбление, тем больше жертва будет стремиться восстановить свою самооценку путем мести. Стоит ли тогда удивляться тому, что российские евреи выделяются среди своих собратьев по рабству своим горячим участием в любом повстанческом движении, которое дает малейшую надежду на облегчение участи и месть? Превратить население, которое в равной степени по инстинкту и интересам является самым консервативным и миролюбивым в мире, в народ анархистов - это, действительно, наивысший триумф, которого до сих пор добивалась российская государственная мудрость.

Ненависть к евреям разделяет враг русских, поляк, и по сходным причинам — экономическое превосходство и чрезмерное пристрастие к ростовщичеству и торговле спиртным. В 1863 году революционное правительство Польши попыталось заручиться симпатиями евреев к борьбе против общего угнетателя, признав им гражданское равенство. Эксперимент увенчался блестящим успехом. Правосудие превратило евреев Польши в польских патриотов. Но примирение не пережило революцию. После этого короткого периода свободы древний предрассудок возродился, и теперь, хотя юридически евреи Польши все еще являются польскими гражданами, католики Польши, поощряемые своими православными тиранами из России, соперничают с ними в своем яростном презрении к расе, которая так хорошо помогла их общему отечеству в час нужды. Насколько сильно это чувство, можно увидеть из следующего рассказа английского очевидца:

“Еврею в Варшаве выказывается такая немилость и презрение, свидетелем которых вряд ли приятно быть. Однако иностранец из Великобритании, который обычно живет вдали от каких-либо личных контактов с этим огромным еврейским населением, не совсем в состоянии судить об этой глубоко укоренившейся антисемитской злобе. Она пронизывает все классы польского общества и находит выражение различными способами. Молодой человек, который любезно выполняет для меня мелкие маркетинговые операции, в обмен на терпимое отношение с моей

стороны к мелочам, интересовался судьбой яйца, которое, как я объявил, превысило возрастной предел кулинарной полезности.

“Не выбрасывай это, - взмолился он. - Дай это мне”.

-Зачем тебе это нужно?

- “О, это годится для того, чтобы наброситься на еврея”.¹⁷⁷

Одно исключение из взаимной антипатии, которая разделяет польского еврея и его соотечественника-нееврея, предлагает высший класс евреев Варшавы. В то время как массы нации, отрезанные от всех, кроме торговых, связей со своими соседями-христианами, живут, сбившись в кучу, в отдельных кварталах, питаются традициями прошлого и соблюдая в одежде, рационе питания и поведении предписания Талмуда во всей их древней строгости, небольшое меньшинство их культурных собратьев перешагнуло узкие рамки ортодоксального иудаизма и отождествило себя во всем, кроме вероисповедания, с поляками, чьи национальные устремления оно разделяет и с которыми оно даже не гнушается время от времени вступать в смешанные браки. Но это примирение ограничено тем бесконечно малым классом, который, благодаря своему богатству, свободен от преследований и по темпераменту, чувствам и идеям принадлежит скорее к наиболее продвинутой части западных евреев, чем к еврейству Восточной Европы. Кроме того, это примирение, которому яростно сопротивляются российские власти, которые, натравливая поляков на евреев, поощряют евреев цепляться за свою исключительность и сопротивляться всем польским национальным устремлениям как чуждым для них.

И все же, несмотря на все недостатки и как бы в тихой насмешке над ними, российские евреи ухитряются не только существовать, но и, в какой-то степени, процветать. Их мастерство, их трезвость, их трудолюбие, их неукротимое терпение, их взаимность и их хитрость — все, чему способствовали многовековые преследования, - позволяют им выстоять в борьбе и обойти многие предписания, которые призваны привести к их исчезновению. Они часто получают молчаливое разрешение жить в различных торговых местах за пределами “черты оседлости” и во многих деревнях, в которых у них нет законного права проживания. Профессии, запрещенные законом, преследуются при попустительстве коррумпированных чиновников, и презируемым изгоям часто удается сколотить большие состояния в качестве торговцев или подрядчиков, занимаясь медициной или адвокатурой, или зарабатывая респектабельные средства к существованию в качестве профессоров и писателей, и даже в качестве государственных служащих!

Даже культуре не позволено угаснуть. Национальный энтузиазм, подогреваемый преследованиями и отказом в политическом самовыражении, находит выход в литературе. Несмотря на государство, Церковь и синагогу, темноту русского гетто освещают одаренные писатели в прозе и стихах, такие как Перес, Абрамович, Спектор, Гольдфаден и другие, которые наделили униженный идишский жаргон русских евреев достоинством собственного гения и создали литературу, популярную как по форме, так и по настроению — литературу, которая с удивительной яркостью и точностью отражает юмор и печаль русской жизни и под другим обликом продолжает просветительские идеи Мендельсона. миссия. В дополнение к этим оригинальным работам, в каждом отделе иностранной литературы и науки ведется обширная деятельность, включая переводы со многих европейских языков, и активно работает

периодическая пресса, которая распространяет продукты западной мысли среди масс гетто. Так что русский еврей имеет доступ, используя свой собственный идиш, не только к произведениям местного творчества, но и к самым популярным иностранным книгам, великим и иным: от "Фауста" Гете и "Гамлета" Шекспира до "Приключений Шерлока Холмса" сэра А. Конан Дойла. Параллельно с этими усилиями по развитию элемента идиша продолжается движение в защиту элемента иврита, в то время как высшие классы польских евреев активно продвигают польскую культуру среди своих более бедных братьев, говорящих на идише. Все эти движения, независимо от того, проводятся ли они параллельно или по взаимно антагонистическим линиям, являются несомненным доказательством одной вещи — жизнеспособности российского еврейства.

Однако этот успех, принося утешение страждущим, разжигает отвращение преследователей и побуждает правительство к периодическому возобновлению мер принуждения. Общеизвестно, что при справедливых условиях русский еврей, благодаря своему превосходному уму, разносторонности, настойчивости и воздержанности, за несколько лет превзошел бы русского христианина во всех сферах деятельности. Следовательно, в интересах и решимости русского христианина сокрушить его. Эта решимость цинично признается русскими самого высокого ранга. Покойный господин Де Плеве, министр внутренних дел, на аудиенции, предоставленной депутации евреев в апреле 1904 года, с поразительной откровенностью признался, что варварское обращение с их расой было продиктовано не чем иным, как ее превосходством над русскими. "Вы - высшая раса", - сказал министр. "Следовательно, если бы вам был предоставлен свободный доступ в высшие школы, вы достигли бы, хотя и достойными и честными средствами, слишком большой власти. Дело не только в том, что меньшинство должно подавлять большинство". Затем он сообщил своим слушателям, что возлагает на евреев ответственность за революционную агитацию в Империи и за убийства имперских чиновников, завершив предупреждением и угрозой и отпустив их с заверением: "Вам не нужно рассчитывать на получение равных прав с христианским населением". 178

Вечная вражда обрела еще одно трагическое и характерное выражение в больших масштабах весной 1903 года. Это был день Пасхи. Добрые христиане Кишинева, столицы Бессарабии, были в церкви, где услышали радостную весть о воскресении своего Господа, присоединились к триумфальному гимну, а затем приветствовали друг друга поцелуем братской любви и приветствием: "Христос воскрес!" "Воистину, Он воскрес!" Сразу после этого они обрушились на своих сограждан, чьи предки распяли Христа девятнадцать столетий назад. Еврейская колония была разграблена, многие евреи были убиты без различия пола и возраста, а их жилища, как и магазины, были разграблены. Было замечено, как солдаты помогали бунтовщикам в разрушительных работах и забирали свою долю добычи.

Как и предыдущие, это безобразие вызвало глубокое возмущение во многих частях цивилизованного мира. Протесты прошли во Франции, Соединенных Штатах Америки и Австралии. В Мельбурне состоялся многолюдный митинг под председательством лорда-мэра, и англиканский епископ города внес резолюцию, которая была принята единогласно, выразив "отвращение собрания к безжалостным надругательствам, совершенным над кишиневскими евреями, включая беспомощных женщин и детей", и надежду, "что российское правительство примет эффективные меры для предотвращения повторения преступлений, которые пятнают

человечество в целом”. Католический архиепископ Мельбурна предложил передать резолюцию лорду-мэру Лондона. Аналогичные резолюции были приняты на встречах, состоявшихся в Сиднее.¹⁷⁹ В Лондоне массовые собрания проводились в Майл-Энде и Гайд-парке, где тысячи евреев со своими женщинами и детьми собрались, чтобы выразить свой ужас от резни своих русских братьев на своих различных языках — русском, немецком, идиш, французском, итальянском и английском. Все выступавшие согласились с тем, что эти безобразия были спровоцированы или поощрены российским правительством. Участники второго заседания выразили свои чувства в следующих выражениях:

“Собрание выражает: (1) Свое глубокое сочувствие всем пострадавшим в результате беспорядков в Кишиневе и свои соболезнования родственникам жертв. (2) Его восхищение всеми теми, кто, без различия национальности или вероисповедания, рисковал своей жизнью, защищая беспомощное еврейское население. (3) Свое возмущение и отвращение поведением российского правительства, которое, стремясь запугать революционные силы народа, не предприняло шагов для предотвращения трусливой резни невинных мужчин, женщин и детей. (4) Его вера в то, что только развитие мощного рабочего движения в России может предотвратить повторение подобных зверств. Эта встреча также посылает братскую поддержку всем, кто работает над свержением нынешнего режима и приходом социализма в Россию”.¹⁸⁰

Убежденность в том, что массовое убийство было вызвано прямым вдохновением российского правительства, разделяли не только евреи. Доктор Барт, лидер немецких радикалов, опубликовал в берлинском еженедельнике *Die Nation* неподписанную статью, якобы написанную русским, занимающим высокое положение, в которой автор говорит:

“М. Плеве, министр внутренних дел, несет прямую ответственность за кишиневскую резню. Он покровительствует М. Хрущевану, редактору антисемитской газеты “Бессарабец”, и даже выделил ему субсидию в размере 25 000 рублей на ведение второго антисемитского органа в Санкт-Петербурге под названием “Знамя”. М. Плеве хотел увеличить субсидию, но вмешался М. Витте, министр финансов. М. Хрущеван тогда, благодаря М. Покровительству Плеве позволило получать деньги из Национального банка без обеспечения”.

После утверждения, что генерал фон Раабен, губернатор Бессарабии, ничего не сделал, чтобы предотвратить или остановить беспорядки, в то время как М. Острагофф, вице-губернатор, фактически в то же время был спонсором “Бессарабца”, а также цензором, автор продолжает: “М. Плеве желает отвлечь христиан от их собственных обид, поэтому он проводит кампанию травли евреев. Царь был возмущен, когда услышал о резне. Он хотел послать адъютанта для доклада по этому вопросу, но М. Плеве сумел отговорить его Величество и послал вместо него М. Копучина, одного из своих приближенных, который составил мягкий отчет, который М. Плеве дополнительно подправил, прежде чем представить царю”.

Подводя итог, писатель говорит: “Кишиневская резня не имеет ничего общего с революционными тенденциями. Это просто результат систематической травли евреев, организованной М. Плеве, положение которого все еще непоколебимо и который держит царя под каблуком, воздействуя на его чувства и убеждая его, что страна пронизана революцией и анархией. Никакие перемены невозможны до тех пор, пока г-н Плеве не перестанет прислушиваться к царю. Вероятны дальнейшие антисемитские беспорядки”.¹⁸¹

Американский дипломат подтверждает заявление о том, что М. Де Плеве действительно был ответственен за массовое убийство, ¹⁸² в то время как русский князь утверждает, что зачинщики массового убийства, такие как молдаванин Хрущеван, редактор “Бессарабца”, “находились под личной защитой министра”. ¹⁸³

Несмотря на усилия российского правительства представить жестокое возмущение исключительно как спонтанный взрыв народного гнева, вызванный “национальной, религиозной и экономической ненавистью”, ¹⁸⁴ определенные факты, которые стали известны во время инсценировки судебного процесса, состоявшегося ближе к концу того же года на месте массового убийства, по-видимому, доказывают, что, хотя такая ненависть действительно существовала, искра, подожгшая мину, не была народного происхождения. Страсти народа были тщательно разожжены брошюрой, озаглавленной “Кто виноват?—, написанной антисемитским агитатором по фамилии Пронин, который состоял в отношениях с владельцем “Нового времени”, красноречивым выразителем панславизма. Но это было еще не все. Хотя специальные представители Министерства юстиции и Министерства внутренних дел внимательно следили за ходом судебного разбирательства; хотя Суд приложил все усилия, чтобы предотвратить представление нежелательных доказательств; и хотя, в истинно средневековой манере, была предпринята попытка возложить вину за преступление на плечи жертв — рассказами о нападении еврея на христианку, об осквернении церквей и убийстве священников, — все же представленные доказательства, даже при таких условиях, без оправдания населения, имеют тенденцию свидетельствовать о преднамеренном попустительстве, не говоря уже о том, что преступление было совершено преступником. соучастие правительства.

Бывший мэр города-христианин и другой уважаемый гражданин Кишинева заявили, что, по их мнению, презрительное и нетерпимое отношение христианского населения к евреям обусловлено особым законодательством, которому подчиняются последние. Экс-мэр далее заявил, что на протяжении всех беспорядков полиция и военные власти отказывались вмешиваться от имени жертв. Управляющий имуществом монастырей в Бессарабии и два других свидетеля показали, что они неоднократно обращались в полицию с просьбой защитить евреев, но тщетно. Еврей, чей сын был зарезан у него на глазах, показал, что он упал к ногам полицейского и, приведя его к тому месту, где в лужах крови лежали тела его сына и еще одного мужчины, со слезами на глазах умолял его защитить выживших. Офицер и пальцем не пошевелил в их защиту. Несколько полицейских также признались, что, запросив приказов у своего начальства, они получили ответ: “Пусть евреи сами себе помогают; мы не можем им помочь”. Генерал Бекман заявил, что в начале беспорядков в его распоряжении были силы, достаточные для подавления беспорядков, но он не получал приказа действовать. “Только тогда, - сказал он, - когда губернатор забеспокоился о безопасности христианского населения, он принял меры, чтобы умерить ярость толпы”. ¹⁸⁵ Миф о еврейской провокации также был развеян полицейским, который заявил, что, когда произошла вспышка, на площади, на которой, как утверждалось, имели место беспорядки, не было ни одного еврея. В заключение: “врачами и другими лицами были представлены доказательства нанесения увечий телам убитых евреев, а два священника Православной церкви засвидетельствовали, что сообщение о том, что евреи осквернили церковь и убили священника, было абсолютно безосновательным”. ¹⁸⁶

И каково наказание за это массовое убийство безобидного и беззащитного населения?

Двое мужчин, признанных виновными в убийстве, были приговорены к семи и пяти годам каторжных работ соответственно.

Двадцать два других приговорены к лишению свободы на сроки от одного до двух лет и от одного до шести месяцев.

Все сорок восемь гражданских исков о возмещении ущерба, предъявленных обвиняемому, были отклонены.¹⁸⁷

Даже Ричард Крестоносец преуспел лучше в 1189 году.

Одним светлым пятном в этой мрачной картине является действие Восточной Церкви. Священники и монахи Бессарабии не только оправдали евреев за все провоцирования резни, но даже отец Иоанн Кронштадтский публично осудил подлое преступление своих единоверцев.

Единственным реальным результатом судебного процесса и разоблачений, сделанных в ходе него, было усиление гнева фанатичного русского и молдавского населения, как городского, так и сельской местности, которое угрожало репрессиями в обмен на наказание нескольких своих братьев-мясников. Страх перед такими репрессиями вынудил многие тысячи беднейших евреев Бессарабии мигрировать в районы Российской и австрийской Польши, которые и без того были ужасно перенаселены, в то время как те, кто располагал необходимыми средствами, решили эмигрировать из царских владений и искать пристанища на Западе. Пока суд еще продолжался, в город прибыла депутация бессарабских евреев. Их целью было провести переговоры с главами еврейской общины от имени своих единоверцев в различных сельских районах Бессарабии с целью покинуть страну, которая столь кровавым образом заявила о своем нежелании давать им приют. Было предложено, чтобы несколько еврейских семей эмигрировали в Аргентинскую Республику и присоединились к своим собратьям, уже поселившимся в этой и других частях Америки бароном Хиршем в разное время, особенно после массового исхода 1892 года. Делегаты утверждали, что четыре тысячи душ стремились покончить со своими делами и покинуть негостеприимную страну.¹⁸⁸

Бегство под предлогом резни признается одной из причин, побудивших российские власти попустительствовать массовым убийствам и заявлять о своей неспособности предотвратить их повторение: “Российская политика в настоящее время, ” с гордостью заявляет видный русский антисемит, - по-видимому, преследует одну цель — начать свободную эмиграцию евреев из России. Но общее число еврейских эмигрантов за последние двадцать лет составило всего около миллиона”.¹⁸⁹ Очевидно, что одной лишь массовой резни, к сожалению, недостаточно.

Как в 1881 и 1891 годах, так и в 1903 году царские министры поспешили дополнить массовые убийства мерами административного принуждения. Они решили запретить евреям, до тех пор, пока не будет осуществлен пересмотр законов, касающихся их, посредством нового законодательства, приобретать землю или недвижимость или пользоваться их узупруктом, как внутри, так и за пределами правительств, расположенных в пределах жилой “черты”. Это решение Комитета министров было представлено царю и получило его одобрение. Однако евреям было разрешено селиться и приобретать недвижимость в местах в пределах “черты

оседлости”, которые вследствие их промышленного развития приобрели характер городов.¹⁹⁰ Несколько месяцев позже, в тот момент, когда судебный процесс над Кишиневым подходил к концу, генерал-губернатор Варшавы издал императивные инструкции всем помощникам губернаторов в провинции Висла, предписывая им ввести в действие Закон 1891 года, который запрещает евреям покупать или сдавать в аренду недвижимое имущество в сельской местности.¹⁹¹

Эта вспышка ненависти к евреям не ограничивалась Бессарабией. Вскоре после Кишиневской резни до этой страны дошли сообщения о новых безобразиях, которые были восприняты из-за симптомов антисемитизма, проявляемых жителями западных провинций Империи. Эти дурные предчувствия также не были опровергнуты событиями. В середине сентября 1903 года травля евреев вновь произошла в Гомеле, могилевском городке в пределах еврейской “черты оседлости”. Мелкая ссора между евреем и христианином на базаре дала единоверцам последнего повод разгромить еврейский квартал. Несколько человек были убиты с обеих сторон; но единственные доступные подробности являются официальными, что в России не является синонимом достоверности.¹⁹²

Обвинение, наиболее часто выдвигаемое русским народом против евреев, заключается, как было показано, в их отвращении к производительному труду и их исключительной привязанности к торговле товарами и деньгами. Российское правительство несколько лет назад попыталось устранить проблему, предоставив евреям возможности для ведения сельского хозяйства. В семи из пятнадцати провинций, открытых для евреев, были предприняты усилия по созданию еврейских сельскохозяйственных поселений. Но, похоже, они не увенчались заметным успехом. К концу 1903 года расследование, начатое по этому делу, дало противоречивые ответы. Три из семи отчетов, составленных губернаторами провинций, в целом обескураживают. Указывается, что еврейский крестьянин уклоняется от тяжелой работы по возделыванию земли и только помогает собирать урожай. В одной провинции, как утверждается в официальном документе, шестьдесят процентов. Евреи уже покинули поселения и обратились к более подходящим занятиям торговли и промышленности. В другом сообщении проводится неблагоприятное сравнение между евреем и христианином-земледельцем и повторяется мнение, что первый мало интересуется обработкой почвы, предпочитая менее трудоемкие занятия. Все три сообщения сходятся в том, что эксперимент по превращению иврита в земледельца потерпел полный провал. С другой стороны, мы находим четвертого губернатора, утверждающего, что в его провинции единственная разница между христианином и евреем-земледельцем заключается в их соответствующих религиях. Пятый, признавая практическую безуспешность еврея, объясняет это малыми размерами его фермы, что вынуждает его отказаться от сельского хозяйства как от нерентабельного, и добавляет, что при благоприятных условиях результаты не были разочаровывающими. Губернатор Херсона утверждает, что, хотя поначалу евреи не проявляли особого желания возвращаться на землю, после пересмотра и улучшения первоначальных условий поселения стали более популярными; так что в 1898 году семьдесят три процента. из еврейского населения девятнадцать процентов занимались исключительно сельским хозяйством. разнообразили монотонность ведения сельского хозяйства за счет сочетания торговли, в то время как только восемь процентов. были полностью заняты торговлей или промышленностью. Этот орган выражает убежденность в том,

что со временем еврей превратится в успешного земледельца, при условии, что ему будет позволено конкурировать на справедливых условиях с фермерами-христианами. [193](#)

Беспристрастное изучение этих противоречивых мнений, по-видимому, приводит к выводу, что еврей по натуре и двухтысячелетнему образованию слишком хороший торговец, чтобы стать хорошим земледельцем. Он слишком остроумен, слишком предприимчив, слишком амбициозен, чтобы находить адекватное удовлетворение в медленном и уединенном возделывании земли. В этом отношении современный еврей похож на современного грека. Тяжелая работа в поле отталкивает его. Скука деревенской жизни угнетает его. “Нет прибыли там, где нет удовольствия”. Именно в суете рыночной площади, где человек встречается с человеком, где остроумие противостоит остроумию, а интеллект оттачивается на точильном камне соперничества, его беспокойная душа находит свое высшее удовлетворение и наиболее подходящее занятие. Он прирожденный горожанин и прирожденный путешественник. У него нет ни капли флегматичной выносливости уроженца земли. Хотя он может преуспеть в большинстве занятий, очевидно, есть одна вещь, недоступная его разносторонности. Он не умеет копать.

Русский крестьянин в нормальных условиях — полная противоположность всему этому: ленивый, невоздержанный, расточительный, неразумный и неамбициозный, он живет исключительно настоящим, не огорченный сожалениями о прошлом, не озабоченный планами на будущее и пребывающий в блаженном неведении о существовании какого-либо мира за пределами того, что видят его глаза, - очень похожий на уроженца земли, каким его знала Англия в славные дни Чивэла и Уота Тайлера. Для такой расы даже менее грозный и иностранный конкурент, чем неверующий еврей, показался бы чудовищем беззакония. И все же существует множество свидетельств того, что не инстинктивная антипатия русского крестьянина в первую очередь ответственна за страдания еврея. Русский еврей, из-за его отличия от русского христианина по расе, религии, темпераменту и образу жизни, последний относится к нему с презрением и предубеждением. Однако эти чувства - не единственные причины преследований. Раньше, как мы видели, евреев упрекали в чрезмерном пристрастии к торговле спиртными напитками, посредством чего, как утверждалось, они разрушали здоровье, кошелек и нравственность крестьян. Это обвинение, каким бы ценным оно ни было когда-то, больше не может быть выдвинуто против евреев; ибо российское правительство, с тех пор как оно установило монополию на спиртные напитки, стало исключительным содержанием трактиров в Империи. Обвинение в ростовщичестве все еще сохраняется. Но можно легко доказать, что во многих районах ростовщиком является могущественный русский землевладелец, а не еврей. Как справедливо заметил выдающийся российский либерал, “ростовщик обязательно должен быть богатым человеком — бедняк вроде еврейского колониста, поселившегося среди “малороссийского” крестьянства, возможно, жаждет кредита; он определенно не в состоянии его дать”. [194](#)

Согласно тому же источнику, в “Малороссии” большинство сельских евреев - либо лавочники и розничные торговцы, либо сапожники, портные, кузнецы и тому подобное. Они составляют коммерческий и промышленный элемент сельского населения, и их изгнание означает экономическое бедствие для русского земледельца, который, следовательно, будучи предоставлен самому себе, не прочь простить еврею Старое Преступление и забыть свое собственное предубеждение против иностранца и последователя ненавистной веры. Но он не предоставлен самому себе. Скрытая антипатия крестьянина побуждается к насилию

националистическими агитаторами и правительственными чиновниками, которые сотрудничают в попытке задушить чужака и революционного еврея с помощью жестокости низших классов; им помогают ремесленники и механики, которые путем преследования иностранца и неверных стремятся уничтожить успешного конкурента. Все вспышки антиеврейской ненависти, начиная с 1881 года и по сей день, были организованы полицейскими властями в соответствии с хорошо продуманным планом, известным как *погром*. Процедура заключается в преднамеренном подстрекательстве посредством устных и печатных прокламаций отбросов общества против классов или сект сообщества, несносных правительству, а затем, когда работа выполнена, подавлении бунта варварскими методами, которые так типичны для российской администрации. Тот же процесс применяется и для взаимного уничтожения других людей, кроме евреев. Это процесс, основанный на максиме *разделяй и властвуй*— последнем ресурсе некомпетентного правителя. [195](#)

◆1904–05◆

Бедствия, постигшие русское оружие на Дальнем Востоке, недовольство, вызванное им внутри страны, и опасность революционного переворота среди всех угнетенных элементов Империи побудили царское правительство пересмотреть свое отношение к страдающим подданным Царя. Австрийский журнал "Пестер Ллойд" отважился дать несколько хороших советов на этот счет: "Во время наполеоновских войн правители пленили своих подданных, обещая им свободу и конституции. Тот, кто желает добра России, должен посоветовать ей последовать этому примеру". В соответствии с той политикой запоздалого примирения, которую диктовали обстоятельства, некоторым российским либералам, изгнанным за отстаивание интересов народа, было разрешено вернуться из ссылки, в Финляндию и Польшу были назначены новые генерал-губернаторы с инструкциями проводить более мягкую политику, чем их предшественникам, был издан указ, предписывающий финскому парламенту собраться, его собственность была возвращена Армянской церкви, и были предприняты другие шаги, показывающие, что, по крайней мере, было желание уменьшить источники общего недовольства, признав необходимостью то, в чем до сих пор отказывало правосудие.

Евреи, естественно, не могли быть забыты. Помимо опасности, которую, как и другие бедствующие и недовольные подданные, они представляют для Российского государства, были и менее негативные причины для их умиловления. Российское правительство стремилось пополнить казну, опустошенную злополучной войной. Еврейские финансисты Запада представляют собой великую державу, и известно, что эта держава питает глубокую и неизменную враждебность к России. Еврейскими капиталистами во всем мире движет сильное желание отомстить за обиды своих единоверцев, и у них есть средства для удовлетворения этого желания. В очередной раз богатство еврея оказалось достаточно мощным, чтобы притупить крайние предрассудки. Царские министры пытались умиротворить еврейских финансистов, сделав несколько незначительных уступок их преследуемым собратьям. М. Де Плеве в мае 1904 года, действуя в прямом противоречии с мнениями, выраженными в апреле, представил в Совет Империи законопроект об отмене закона, согласно которому евреям запрещалось проживать в радиусе пятидесяти верст от западной границы. Это правда, что утверждение о том, что Законопроект был продиктован еврейским банкиром в качестве неперемennого условия получения кредита, вызвало сильное возмущение и было отвергнуто в официальных кругах. Русские, в доказательство спонтанного характера предложения, заявили, что министр задолго до того, как возникла необходимость в займах, стремился облегчить

положение евреев. Это заявление было частично подтверждено выдающимся джентльменом—евреем, который также утверждает, исходя из личных сведений, что г-н Де Плеве в течение некоторого времени в прошлом пытался облегчить участь российских евреев, предоставив им все свободы, кроме эмансипации.¹⁹⁶ Было добавлено, что процесс, естественно, был постепенным из-за социальных условий России, что уже в мае 1903 года Совет Империи принял Законопроект М. Де Плеве, разрешающий евреям проживать в 103 новых местах, и что осенью было добавлено еще 65. В то же время была назначена Комиссия для изучения законов, касающихся евреев, особенно тех, кто занят производительным трудом. Эти утверждения, конечно, могут быть буквально верны. Но до тех пор, пока не будет доказано, что апрельские высказывания г-на Де Плеве являются подделкой, допустимо сомневаться в их точности в том, что касается доброй воли министра по отношению к евреям.

Г-н Де Плеве был в таком же Состоянии, в каком г-н Победоносцев был в Церкви. Министр внутренних дел, как и имперский прокурор Священного Синода, в течение последних двух десятилетий или более представлял партию реакции и руководил ею. Их последователи-панслависты описывали этих двух людей как два столпа патриотического здания русской национальной жизни, которое воздвигнуто на руинах других национальностей. Их оппоненты называли их двумя демонами-покровителями деспотизма и догматизма в их самых отталкивающих проявлениях. Поэтому неудивительно, что 28 июля 1904 года цивилизованный мир услышал, что имя г-на Де Плеве внесено в список русских жертв того безжалостного духа мести, культ которого способствует их собственная безжалостность. Он умер без оплакиваний, как и жил нелюбимым, ибо у тирана нет друзей. Но то, что он как личность был воплощенным дьяволом, каким изображали его враги, - теория невероятная сама по себе и опровергнутая теми, кто вступал с ним в контакт. В самом худшем случае он мог быть честолюбивым человеком, который, следуя избранному им курсу, “стремился завоевать расположение реакционной фракции, которая в настоящее время контролирует царя, и таким образом проложить себе путь к высшей власти”.¹⁹⁷ Но менее строгая оценка, возможно, была бы ближе к истине. Г-н Де Плеве был защитником идеала. Он искренне верил, что в самодержавии заключается спасение России. Хотя он был окружен опасностями и предупрежден судьбой своего бывшего хозяина Александра II, своего предшественника Сипягина, своего орудия в угнетении Финляндии Бобрикова и многих своих коллег и подчиненных, он непоколебимо продолжал идти по пути, который сам для себя наметил. Человек, который рискует собственной жизнью ради достижения определенной цели, не тот человек, чтобы с нежностью относиться к тем, кто пытается помешать ему. Целью г-на Де Плеве было заставить замолчать оппозицию принципам самодержавия. Он преследовал эту цель с непоколебимой твердостью сильного человека и сокрушал препятствия с безжалостной добросовестностью человека, абсолютно убежденного в правоте своего дела. Для такого человека политическая добродетель означает основательность в сочетании с полным отсутствием щепетильности и полным пренебрежением ко всем моральным ограничениям на службе государству и стремлении к его благополучию. Он был вовлечен в игру, ставкой в которой было величие или смерть. Он проиграл.

Но хотя бесстрастный ученик не может испытывать ничего, кроме жалости к храброму человеку, погибающему при исполнении того, что он считал своим долгом, он также может сочувствовать тем, кто приветствовал смерть своего заклятого врага с диким восторгом. Они видели в г-не де Плеве трагического персонажа, навлекающего на себя месть неумолимого Ате, а всего лишь безжалостного министра, угнетателя тех, кто отличался от него своими политическими идеалами, палача людей, единственным преступлением которых была их верность вере своих

отцов и традициям своей расы. Как заявил в суде адвокат Коробчевский в защиту убийцы: “Бомба, убившая покойного министра внутренних дел, была начинена не динамитом, а жгучими слезами матерей, сестер, жен и дочерей людей, которых он отправил на виселицу или на медленную смерть в тюрьме или в Сибири”.

Среди пострадавших от политики г-на Де Плеве ни у кого не было больших причин ненавидеть его, чем у евреев. Он не без основания считал их самыми энергичными противниками своих автократических замыслов, и его антипатия к ним по этой причине усиливалась тем, что он справедливо оценивал их способности. Отсюда исключительная строгость в его обращении с ними. Г-н Де Плеве обычно ссылался на революционную активность еврейской молодежи как на оправдание своих собственных мер принуждения. То, что евреи должны быть готовы присоединиться или даже возглавить любую попытку свергнуть социальную и политическую систему, от которой они так тяжело страдают, вполне естественно. Столь же естественно, что человек, для которого эта система была всем, попытался подавить их. Кишиневскую резню, как мы видели, повсеместно приписывали М. Де Плеве, и когда распространилась весть о его убийстве, мало кто превзошел евреев в их ликовании. Еврейская ежедневная газета "Форвард" из Нью-Йорка немедленно организовала митинг под эгидой Объединенных русских революционеров. Демонстранты до отказа заполнили один из самых больших залов Нью-Йорка и при каждом упоминании убийцы месье Де Плеве, Сазонова, разражались неистовыми аплодисментами. Его восхваляли как достойного защитника благородного дела; его жертву называли захваченным Порт-Артуром русского деспотизма, и только вмешательство полиции сдерживало энтузиазм. [198](#)

Но, даже принимая во внимание спонтанность и бескорыстность уступок, на которые российское правительство заявило о своей готовности пойти евреям, они затронули бы лишь ограниченное их число. План М. Де Плеве в лучшем случае состоял в том, чтобы добиться примирения расы путем поглощения их лучшего класса и нерешительного применения некоторых смягчающих мер к жалобам более бедных, таких как расширение территории, в пределах которой они ограничены, и разрешение эмигрировать. [199](#) Эксперимент по ассимиляции, частью которого был эксперимент по прибалтийские провинции, Польша и Финляндия, поставленные в качестве образца, были не из тех, которые вызывали похвалу у евреев. Но даже если бы это удалось, подавляющее большинство расы продолжало бы жить в своем обычном состоянии рабства. То же замечание применимо к схеме исправления положения, разработанной и принятой несколько недель спустя на ведомственной конференции под председательством М. Де Витте. Связь министра финансов с этим шагом придала окраску подозрению, что это недавно пробудившееся благожелательное отношение к евреям не было чуждым стремлению России получить новые денежные средства с помощью еврейских банкиров за границей. Как бы то ни было, принятые меры, по-видимому, не оказали какого-либо заметного влияния на положение российских евреев. То облегчение, которого несчастный народ не мог получить от сострадания царя, они не смогли получить даже от его страхов.

4 августа 1904 года в Островезе, в правительстве Радомы, вспыхнули антисемитские беспорядки, где, согласно частным заявлениям, были убиты двадцать евреев; по данным российских властей, один был серьезно ранен и скончался на следующий день, в то время как двадцать два человека получили легкие ранения. Тот же официальный отчет приписывает беспорядки тому факту, что еврейский мальчик ударил христианина — удар, как говорят, был

преувеличен до уровня убийства, и толпа решила отомстить евреям. Также в Парчеффе, в правительстве Седльце, на следующий день было заявлено, что погибли сотни евреев. Официальная версия происхождения гласила, что “полиция разогнала, не применяя силы, толпу евреев, собравшихся, чтобы спрятать крещеного еврея. В завязавшейся драке были ранены двадцать человек”.²⁰⁰ 4 и 5 сентября произошли антисемитские беспорядки в городе Смела, в провинции Киев. Вот официальное сообщение: “Еврейский лавочник ударил крестьянку, которую он подозревал в краже какой-то ткани. Немедленно собралась толпа, которая разграбила сто домов и сто пятьдесят лавок, принадлежащих евреям. В тот вечер группа из шестидесяти евреев напала на христианских жителей и избила их. Когда евреи начали стрелять по последнему, была вызвана полиция, которая применила свои револьверы, ранив двух человек. На следующий вечер несколько сотен железнодорожников, несмотря на запрет властей, отправились поездом в Смелу с соседней станции Бобринская. Беспорядки возобновились, и были вызваны войска. Солдаты применили свое оружие, и пять человек были серьезно ранены, в то время как большое количество получили легкие ранения. Было произведено много арестов”.²⁰¹ Читая эти официальные заявления, нужно постоянно иметь в виду желание российского правительства свести к минимуму несчастье или проступок, которые они не смеют отрицать. Несколькими днями позже, 11 сентября, по случаю еврейского Нового года, еще одно антиеврейское восстание произошло в Сосновице, городке на границе с Сибирью. Несколько мальчиков забросали камнями нескольких евреев, участвовавших в своей ежегодной церемонии, слегка ранив ребенка. Это породило слух, что евреи убили ребенка. Вечером множество рабочих прошли маршем по улицам, разбивая оконные стекла еврейских жилых домов и синагоги. Несколько евреев были ранены камнями или ножами. Врачи боялись оказывать помощь раненым из-за отношения толпы.²⁰²

С момента последнего упомянутого события не прошло и месяца, как в Могилеве произошло новое безобразие. Ниже приводится краткое описание произошедшего, сделанное высококвалифицированным наблюдателем, который подкрепляет свои заявления ссылками на многочисленных свидетелей: Политическая демонстрация в городе Могилеве состоялась ровно за неделю до антиеврейских беспорядков. В России считается преступлением, когда даже четверо мужчин собираются вместе в отдельной комнате без ведома и разрешения полиции, и, следовательно, это чудовищное злодеяние, когда толпа собирается на улицах с политической целью. И все же именно это произошло 15 октября в Могилеве. Местные еврейские рабочие собрались в знак протеста против жестокости полиции, которая без единого предупреждения расстреливала безобидных и безоружных еврейских рабочих женщин и мужчин; и против несправедливого осуждения на двенадцать лет каторги их товарищей в Якутске; и они выразили свое желание, чтобы война прекратилась. Несколько полицейских выступили против рабочих и попытались разогнать их, но сами были рассеяны толпой. Затем подавляющие силы полиции двинулись против недовольных, но, к их отвращению, никого не нашли. На это префект могилевской полиции постановил, что во время мобилизации, которая должна была состояться через несколько дней, от синагоги Цукермана до железнодорожной станции евреев следует избивать до тех пор, пока на мостовой не останется камня на камне.

22 октября было объявлено о мобилизации резервистов. Согласно закону, водочные магазины должны были быть закрыты по этому случаю, и еврейское население убедительно просило власти настаивать на этой мере предосторожности во избежание беспорядков. Но магазины были открыты. К еврейским солдатам запаса, собравшимся по приказу военных властей, префект полиции обратился со следующими примечательными словами в присутствии

огромной толпы: “Вы, презренные евреи! Вы все иностранные демократы! Вы должны целовать руки и ноги христианам! Вас еще слишком мало били! Тебя нужно снова выпороть!”

“Мы можем напасть на евреев и разграбить их магазины, - говорили ребята. “наказания не будет. Полиция разрешает это; ура!” Последующее поведение полиции полностью подтвердило это ожидание. В три часа дня банда мелких местных торговцев, а не резервистов, которые неуклонно собирались с утра, и теперь их возглавляли подростки, пронеслась по городу, крича: “Бейте евреев!” - и избивая всех проходящих евреев дубинками и камнями. Однако в тот день дело не пошло дальше нападения на отдельных лиц и разбития окон. Но, тем не менее, несколько человек были тяжело ранены и изуродованы в присутствии полиции, которая смотрела на это одобрительно.

На следующее утро, в воскресенье, 23 октября, охваченные паникой евреи отправили депутацию к префекту полиции с просьбой о помощи и закрытии закусочных. Префект проконсультировался с губернатором, а затем сказал заявителям, что он уполномочен действовать по своему усмотрению. Этот ответ был истолкован как обещание, что таверны не будут открыты. Но незадолго до полудня на улицах были расклеены объявления, подписанные самим префектом полиции, информирующие общественность о том, что сообщения о том, что накануне в городе произошли беспорядки, в ходе которых несколько человек были тяжело ранены, вводят в заблуждение. То, что произошло на самом деле, было “обычной, незначительной уличной дракой”. Это означало, что уже совершенные акты насилия были всего лишь цветами, а плоды еще только предстояли.

И они пришли через несколько минут. С ударом двенадцати все коньячные лавки были открыты, и уже в час дня началась кровавая битва. Все было организовано заранее. Всего было разграблено и опустошено около ста домов и двадцати пяти магазинов. Толпа численностью около 150 человек занималась своим делом: грабила ювелирные магазины, мародерствовала с товарами, била окна и двери частных домов, которые арендовали евреи, и жестоко обращалась с людьми. Местом своих грабежей они выбрали самые бедные кварталы города, но продвинулись и к центру города. Несчастные евреи умоляли полицию вмешаться и спасти их, но получили такой ответ: “Убирайтесь к своим демократам! Позвольте им помочь вам”. “Это научит вас побеждать полицию”. “Вас еще недостаточно избили; когда вам перережут глотки, мы увидим”.

Те немногие евреи, которые осмелились защищаться, были арестованы и избиты полицией, которая отказалась даже пальцем тронуть хулиганов. Один из свидетелей говорит: “Никто из участников беспорядков не был арестован, но полиция сказала им: “Ребята, хватит. Теперь вы можете идти в другое место”.

Почему, можно спросить, полиция вела себя так жестоко и, можно добавить, так вероломно по отношению к евреям? Мотивы хорошо известны, поскольку сам префект полиции признал их. Среди свидетелей, которых автор приводит в доказательство этого заявления, есть один, чьи слова заслуживают внимания:

“Префект полиции послал за мной 24 октября и сказал: ‘Вас, евреев, избивают по трем причинам. Во-первых, вы тайком уезжаете в Америку, и нашим русским приходится проливать свою кровь вместо вас. Во-вторых, вы не преданы самодержавию и кричите: “Долой самодержавие!” И в-третьих, вам не нравится полиция, и вы избиваете ее сотрудников”.

В разгар беспорядков депутация от еврейской общины обратилась к губернатору Клингенбергу с почтительной просьбой защитить евреев от бунтовщиков. И высший представитель царя ответил: “Подобные вещи происходят повсюду. Я не могу приставить солдата охранять каждого еврея”. А что касается полиции, то губернатор публично похвалил их образцовое поведение и назначил им денежное вознаграждение! И все же полиция была морально обязана спасать евреев. На самом деле, обязана вдвойне, поскольку, помимо своего долга перед царем, они были подкуплены евреями, чтобы защитить их. Подкуплены, чтобы выполнить свой долг!

Обвинения, выдвинутые против евреев и сделанные специально для иностранного потребления, сводятся главным образом к следующему: они продают водку солдатам запаса по непомерным ценам и таким образом разжигают ненависть к этим людям, которые, естественно, мстят за себя, грабя еврейские магазины и дома. Они уклоняются от военной службы, и тогда православным русским приходится служить вместо евреев-дезертиров. Это, конечно, озлобляет новобранцев-христиан и объясняет их поведение. Эти обвинения серьезны и, конечно, объяснили бы все, кроме поведения полиции, — если бы они были правдой. Но они ложны, и не только ложны, но и невозможны, как знает каждый русский.

Во-первых, на евреев нападали не резервисты, а местные бездельники и хулиганы. Во-вторых, евреи не могли ни повышать цены на алкоголь, ни продавать его вообще, потому что водку продает только имперское правительство, обладающее монополией на нее. В-третьих, христиане не должны служить в армии вместо евреев. Последние обязаны обеспечить определенное количество резервов, и для всех них, кто покидает еврейскую общину, необходимо найти единоверцев. Точно так же русские должны занять место беглых русских, а не евреев.

Наконец, остается обвинение в дезертирстве. Это правда? Да, совершенно верно; но тогда это справедливо как для христиан, так и для евреев, потому что война была очень непопулярна. Интересная часть истории заключается в том, что христиане уклонялись от своего долга гораздо более широко и успешно, чем евреи. Это можно доказать цифрами, и вряд ли кто-то будет оспаривать приведенные ниже данные. До того, как резервы были отозваны вообще, общее количество евреев в маньчжурской армии составляло примерно тридцать тысяч человек. По всей вероятности, оно превышало это число, поскольку основная часть из них служила в сибирских полках. Однако было бы также умеренно изложить суть дела. Теперь, после мобилизации резервистов (в районах, где в значительной степени представлен еврейский элемент, таких как Вильно, Одесса, Варшава, Киев), в действующей русской армии насчитывалось не менее пятидесяти тысяч солдат еврейского вероисповедания. И это огромный процент. Действительно, этот процент евреев настолько ненормально велик, что, если бы другие национальности, признающие власть царя, предоставили пропорциональное количество солдат, армия Куропаткина насчитывала бы примерно миллион!

И людям, которые таким образом проливают свою кровь более свободно, чем русские христиане, было бы простительно, если бы они массово дезертировали, потому что евреи не пользуются ни одной из привилегий, предоставленных русским, и поэтому их нельзя было бы винить, если бы они отказались смотреть на Московию как на свое отечество. Но, несмотря на несправедливость, проявленную к ним царским правительством, они великодушно отдали свои жизни царю. А агенты царя в ответ подстрекали хулиганов всей Южной и Западной России

грабить, сжигать и уничтожать еврейскую собственность, а также избивать и убивать еврейских мужчин и женщин.²⁰³

Этот опыт и предчувствие массовых убийств в более крупных масштабах побудили евреев сформировать великое революционное объединение для организованного сопротивления организованным силам их врагов. Тайное общество, уже известное как *Бунд*, возникло в Литве, откуда распространилось на Польшу и другие части Российской империи. Его целями являются воспитание еврейского национального чувства и защита еврейских интересов. Но защита, которую этот орган мог предоставить жертвам преднамеренного преследования, неизбежно была ограниченной. Если это и спасало их от случайной резни, то не могло защитить от хронического голода. Следовательно, исход, особенно из Могилевской губернии, продолжался: эмигрантами были, по большей части, еврейские молодые люди обоего пола, которые, не имея никаких средств к существованию, покинули города и деревни. Некоторые деревни даже совсем опустели. В самом городе Могилеве, где нет никаких фабрик или промышленных или коммерческих предприятий, за исключением магазинов, принадлежащих евреям, бизнес был полностью приостановлен.²⁰⁴ В течение следующих пяти месяцев только в Нью-Йорк прибыло не менее 75 160 русских евреев.²⁰⁵

Как эта готовность покинуть очаг и родину, чтобы искать новую жизнь под неведомыми небесами в самых отдаленных уголках земли, возвращает нас через века к бегству Израиля из Египта! Для российских евреев, стонущих в рабстве, царская империя - чужая земля; его религия - чужая религия. Покидая Россию, они оставляют рассадник идолопоклонства, такого же свирепого, безжалостного, безбожного, как идолопоклонство Египта, Вавилона, Сирии или Рима. Для них русский бог, который может санкционировать такое преследование, является настоящим Молохом. Он не может претендовать на родство с Иеговой. Они обязаны ради самих себя вырваться из дома рабства, а ради своего Бога продолжать свидетельствовать о Его единстве. Поэтому они, подобно своим далеким предкам, стремятся к свободе вероисповедания путем эмиграции. К ним относятся как к чужакам в их родной стране, и они отрекаются от нее с таким же небольшим сожалением, как если бы они не родились и не выросли в ней. Конечно, и в Польше, и в России есть настоящие евреи, которые с радостью соответствовали бы всем, кроме религии. Такие евреи сожалеют об отчуждении еврея от нееврея и верят, что участь первых может быть улучшена только путем устранения юридических ограничений, которые увековечивают это отчуждение. По их словам, если бы евреям было позволено свободно смешиваться с другими жителями Империи, они со временем утратили бы все те характеристики, которые выделяют их как отдельный народ, и стали бы патриотически настроенными подданными царя. Но российское правительство в своем преследовании расы не делает завистливых различий между этими "ассимиляторами" и их более суровыми собратьями. Еврей, который осмеливается советовать ассимиляцию, отталкивает своих друзей, не примиряя своих хозяев. Своей неизбирательной суровостью русское самодержавие подпитывает старый дух упорного сопротивления, угрюмого негодования и негибкого высокомерия.

Это также подпитывает, как и следовало ожидать, старую мечту об Искуплении и национальной реабилитации. Русское гетто в наши дни является цитаделью еврейской ортодоксии и местом вербовки сионистского движения, о котором мы будем говорить в дальнейшем. Естественно,

что так и должно быть. Еврей в Царской империи практически не находит возможностей для развития. Как мы видели, он лишен права владеть недвижимостью, заниматься свободными профессиями, заниматься многими ремеслами. Он чужак на земле своего рождения, изгой среди своих соотечественников. Хроническое презрение и угнетение снимаются только периодической резней. Ему запрещено быть гражданином, он не может быть патриотом. У него нет жизни в настоящем. Следовательно, он живет будущим. Он бескомпромиссный идеалист. Те же условия, которые лишают его всякого стимула к национальной ассимиляции, также поощряют егореигиозный и социальный сепаратизм. Нетерпимость его соседей-христиан отражается на его собственном фанатизме. Если политически он живет надеждами, то религиозно он живет традициями. Среди всех своих бедствий еврей из русского гетто опирается на ожидание того, что настоящая история его расы еще впереди. Он верит, что руины Храма однажды станут фундаментом нового величия. Ожидая исполнения древних пророчеств, он цепляется за племенные различия, за церемониальные законы и за все те правила бездействия и исполнения, которые имеют тенденцию увековечивать его самоизоляцию. На Западе евреи, как патриотически настроенные граждане различных государств, преуспели благодаря щедрым уступкам, вполне совместимым с истинной верностью своим традициям, в попытке примирить старую еврейскую жизнь с современными политическими условиями. В России евреи лишены такой возможности. Но они по-прежнему любят свою землю. В этом ирония судьбы и надежда.

Таков удел Израиля в России. Вряд ли лучше на западном берегу Прута - в другой европейской стране, которая в трех днях пути от Лондона продолжает жить в средневековье.

ГЛАВА XXII В РУМЫНИИ

Ни в одной части Европы средневековое предубеждение против еврейской расы не распространено так свирепо, как в Румынии; ибо ни в одной другой части Европы, кроме России, средневековые социальные условия, образ мыслей и поведения не распространены так широко. В Румынии пока почти нет среднего класса. В этой стране промышленность неизвестна, торговля скудна, а механиков мало. Теоретически это современное правовое государство, на самом деле это страна, населенная двумя крайними кастами: мелкими крестьянскими собственниками или батраками и знатью. Земледелец тяжело трудится в сельской местности, а дворянин бездельничает в столице. На самом деле, хотя и не по названию, мы находим в Румынии современную Англию Фруассара в меньшей степени, чем в великолепии и порабощении феодализма. Из пяти с половиной миллионов населения пять миллионов составляют крестьяне, и они, в значительной степени лишенные гражданских прав и возможностей для самосовершенствования, живут почти в такой же крайней нищете и в таком же грубом невежестве, [206](#), как и пять веков назад, представленные всего тридцатью членами в Нижней палате национального парламента и ни одним в Сенате, в то время как остальные одиннадцать двенадцатых Нижней палаты и весь Сенат избираются четвертьмиллионной аристократией, которая также обеспечивает всех должностных лиц. Единственное порождение девятнадцатого века, которое нашло искреннюю оценку в Румынии, - это национализм, и

именно под этим современным прикрытием средневековый фанатизм любит выставять напоказ свои ужасы на берегах Дуная.

В Молдавии, северной части королевства, о евреях впервые услышали в пятнадцатом веке, хотя они не стали бросаться в глаза до восемнадцатого. Именно в деревне этой провинции около 1700 года родился Израэль Баалшем, основатель еврейской секты диссидентов, известной, или, скорее, неизвестной, как “Новые хасиды”. Миссия Баалшема, когда он был лишен тех вульгарных атрибутов сверхъестественного, без которых человек, кажется, не способен подняться к более высоким вещам, была благородной. В столетие, предшествовавшее его приходу, иудаизм выродился в школу казуистики; простота затерялась в лабиринтесофистических изощренностях, совесть была задушена горой формализма, а вера утонула в океане раввинской бессмыслицы.²⁰⁷ Ни в одной части Европы упадок не был более полным, чем в этих регионах. Раввины Польши с длинными волосами распространили свое смертоносное господство на Молдавию и своими торжественными ребяческими речами увековечили духовное бесплодие этих районов. Таково, во всяком случае, впечатление, производимое на ум современного исследователя, чей рационализм может притупить его внимание к скрытой духовности раввинов и, возможно, слишком ясно раскрыть ему их софистику. Но, в любом случае, софистика может понравиться только народу, достигшему продвинутой стадии интеллектуального маразма. Молдавские евреи все еще находились в интеллектуальном младенчестве. Их душа жаждала эмоций, а не логики. Раввины были простыми священниками, евреи Молдавии нуждались в пророке. Израэль Баалшем прибыл вовремя, чтобы удовлетворить спрос и разорвать сеть талмудизма.

Ангел возвестил о его рождении и предсказал его родителям, что их сын просветит Израиль. После добродетельной, хотя и несколько эксцентричной жизни, посвященной сначала молитвам и стенаниям в диком уединении Карпатских гор, затем истерическому восторгу и чудесам в людских убежищах, Баалшем завещал свое учение и свой энтузиазм верным ученикам, которые пронесли это наследие по Молдавии, Галиции и русской “черте оседлости”. Главной догмой учения Баалшема является универсальность Бога, Его реальное и живое присутствие в каждой части творения, пронизывающее, вдохновляющее и оживляющее все. Каждое существо, каждая вещь, каждая мысль, каждое действие - это проявление или образ Божественной силы и любви. Все вещи святы или содержат в себе зародыши святости. Это знание - плод веры, а не обучения. Это откровение. Практическими результатами этого эфирного учения являются любовь, милосердие и жизнерадостный оптимизм. Ибо как можно осмеливаться ненавидеть, презирать или осуждать что-либо как злое, глупое, нечистое или уродливое, если это носитель Добра, Мудрости, Чистоты и Красоты? Истинно любящий Творца должен быть также любящим Его творения. Цель нашей жизни — единение с Богом, слияние со Светом, более или менее тусклыми отражениями которого являются все вещи. Из этого изложения его учения будет видно, что Израэль Баалшем был типичным мистиком. Он принадлежит к той же семье провидцев, что и неоплатоники, как святая Тереза и святой Иоанн Креста, как Джон Баньян и Джордж Фокс, как мусульманские суфии и многие другие вдохновленные раскольники, которые, хотя и разбросаны по многим странам, многим векам и многим вероисповеданиям, имеют три общие кардинальные характеристики: протест против формализма, жажду видения или откровения и сильное желание раствориться в Едином.

Это Евангелие Любви, впервые проповеданное “в диких ущельях Валахии и унылых степях Украины”, нашло много слушателей. Раввины — сторонники книжной мудрости — осудили

доктрину прямого вдохновения. “Благочестивые” ответили обвинениями раввинов. Соревнование привело к отлучению от церкви, кремации книг и преследованиям, что только способствовало дальнейшему распространению нового учения. Однако после смерти основателя и первых апостолов возникли внутренние разногласия, которые привели к разделению “Благочестивых” на секты. За распадом последовали дегенерация, лицемерие и коррупция, любовь была забыта в погоне за сектантскими и эгоистичными амбициями, и сегодня хасиды, хотя и насчитывают в Румынии, Польше и Юго-западной России около полумиллиона приверженцев, презируются православными как толпа фанатиков, спасенных подлинной верой, но вводимых в заблуждение и эксплуатируемых лидерами, которые уже не являются святыми.²⁰⁸

Евреи Молдавии, уже многочисленные во времена Израэля Баалшема, получили новое пополнение к концу восемнадцатого века. Затем большое количество еврейских беженцев въехало в страну из Австрии, Польши и России, так что в начале девятнадцатого века их можно найти разбросанными по всей провинции в качестве деревенских трактирщиков и местных торговцев или в качестве странствующих торговцев, посещающих сельские районы и покупающих или ссужающих деньги под урожай. В крупных городах они также основали важные колонии — как, например, в Яссах, где они составляют более трети населения, и в Галаце, где они занимают целые улицы своими магазинами. Во всех этих центрах они живут торговлей или как ремесленники — жестянщики, стекольщики, сапожники, шляпники, портные, мясники, пекари и тому подобное. Южная провинция Валахия усеяна небольшими колониями как испанских, так и польских евреев, в то время как есть семьи, обосновавшиеся в основном в Бухаресте, чьи предки жили в стране с незапамятных времен. Подобно своим братьям из Молдавии, валахские евреи также занимаются торговлей, ремеслами и финансами, формируя таким образом тот трудолюбивый и интеллигентный средний класс, которого не хватает христианскому населению. Эти евреи веками жили в условиях относительного мира со своими соседями; богатые среди них обучали своих детей в школах, которые посещали дети местной знати. Но этим дружеским отношениям не суждено было продлиться долго.

Как и во многих других странах, в Румынии религия, успех и отчужденность еврея породили против него множество врагов среди христиан. Здесь, как и везде, евреев часто обвиняли в детоубийстве в восемнадцатом веке. Но, находясь под турецким владычеством, христиане были вынуждены подавлять враждебность, которую они были не в силах удовлетворить. Только в начале девятнадцатого века, когда вмешательство России ослабило контроль султана над дунайскими провинциями, а националистический дух подлил масла в огонь застарелой ненависти, в Молдавии появились первые симптомы антииудаизма. В 1804 году принц Муруси издал указ, запрещающий евреям владеть землей, за исключением той, что прикреплена к постоянным дворам. Процесс ограничений, однажды начавшись, продвигался устойчивыми и быстрыми шагами, сопровождаясь периодическими нападками на непопулярную расу. Тот факт, что евреи собрали нити торговли в свои руки, был заявлен как причина для их уничтожения. Но за этот факт никто не мог быть привлечен к ответственности, если только это не были сами румыны. Будучи по сути земледельческим народом, коренные христиане презируют торговлю, которая, следовательно, в Молдавии всегда оставалась за евреями, точно так же, как в Валахии она в значительной степени монополизирована греками и армянами. В 1840 году открытие Черного моря для международной торговли привлекло в страну гораздо больше евреев, и неприязнь к ним росла пропорционально увеличению их числа. В 1867 году румынский политик Братиано воспользовался широко распространенными предрассудками в

целях предвыборной агитации, и активное преследование Израиля вступило в свою самую острую стадию. Религиозный фанатизм в некоторой степени и расовое соперничество в большей степени придавали окраску враждебности, которая проистекала главным образом из экономической ревности. Ростовщичество, этот правдоподобный призрак давно опровергнутой логики, было выдвинуто в качестве дополнительного оправдания нетерпимости.

Аналогичные причины привели к аналогичным условиям в западной соседке Румынии, Сербии. При османском правлении участь еврея в этой стране мало отличалась от участи его товарища-христианина по рабству. Мусульманская теократия не признает никаких прав, кроме прав истинно верующих. И евреи, и христиане, поскольку они отказываются принять последнее дополнение к богооткровенному Слову Божьему, находятся вне рамок гражданства. Но, в целом, евреи, благодаря своему миролюбивому нраву и отсутствию политических устремлений, а также более близкому сходству между моисеевыми и мусульманскими формами богослужения, меньше, чем христианские *раи*, страдали от турецкого гнета. Освобождение провинции, спасая христианина от позора, обрекало еврея на еще худшую участь. При турке еврей, по крайней мере, была предоставлена благоприятная привилегия покупать и продавать, тогда как при христианине ему было отказано даже в этом утешении. В Сербии, благодаря любопытному устроению конституционного законодательства, прямо противоположного тому, которое существовало среди нас до 1858 года, евреи, хотя и были лишены самых элементарных гражданских прав, теоретически имели право занимать высшие должности в государстве. Согласно сербским законам, еврей мог быть премьер-министром, но не бакалейщиком. Он мог издавать законы для других, но не мог апеллировать к ним для собственной защиты. Это гильбертово положение вещей привлекло внимание друзей Израиля за границей, и в течение многих лет сменявшие друг друга представители Великобритании и других западных держав в Белграде, подстрекаемые еврейскими благотворительными ассоциациями, пытались побудить сербов предоставить евреям предметы первой необходимости, а также предметы роскоши для существования. В 1875 году сербы, больше не в силах сопротивляться давлению Европы, продолжили демонстрировать свою либеральность, избрав еврея в Скупщину. Но европейские державы не поддались на обман этой искусной демонстрации обмана. Наше собственное министерство иностранных дел, помимо шагов, предпринятых непосредственно в Белграде, предприняло попытку заручиться мощным влиянием князя Бисмарка и князя Горчакова в интересах сербских израильтян. Попытка, конечно, не увенчалась успехом. Канцлера Германии евреи совершенно не волновали, а его российского коллегу - меньше чем ничего.²⁰⁹

Между тем аналогичные увещевания выдвигались и были получены аналогичные результаты в Бухаресте, пока Конгресс в Берлине в 1878 году не предоставил поборникам евреев и справедливости возможность навязать румынам советы о терпимости, к которым они до сих пор отказывались прислушиваться.²¹⁰ Среди этих поборников не было никого более стойкого, чем лорд Биконсфилд. Это был единственный вопрос, по которому Лидер тори превзошел самого продвинутого из вигов. Даже Гладстон в самый радикальный период своей карьеры высказывался о Дизраэли в еврейском вопросе “гораздо более чем рационально, он был фанатиком”.²¹¹ Несмотря на крещение в возрасте двенадцати лет, Дизраэли оставался подлинным и преданным сыном Израиля. Хотя как британский государственный деятель определенной школы он выступал против кампании Гладстона в защиту восточных христиан в 1876 году, как еврей он всей душой трудился на благо восточных евреев. Он также был последователен. С помощью М. Уоддингтона, французского делегата на Берлинском конгрессе, и своей собственной дипломатической ловкости Дизраэли удалось расположить к себе принца

Бисмарка, а через него и преодолеть добросовестные сомнения доброго императора Вильгельма относительно уместности обращения с восточными евреями, как если бы они были христианами. И вот так получилось, что в соответствии со статьей 44 Берлинского мирного договора признание независимости Румынии было поставлено в зависимость от отмены всех религиозных ограничений в дунайских княжествах.

То, что последовало дальше, могло бы послужить Аристофану ценным материалом. На условия Договора румыны дали поразительный ответ, что “такого понятия, как румынский еврей, не существует”. Это спокойное отрицание существования более четверти миллиона человеческих существ не удовлетворило подписавших Договор сторон. Вслед за этим румыны возвысили свой голос и с поразительным отсутствием чувства нелепости протестовали против “беззакония” принуждения евреев к правам румынского гражданства, торжественно заявляя, что русское или даже турецкое иго предпочтительнее этого тяжкого условия. Главные причины, выдвинутые румынскими политиками в оправдание своей позиции в 1878 году, и с тех пор повторяемые даже в этой стране апологетами румынского фанатизма, были основаны на национальной сентиментальности. Было подчеркнуто, что признание политического равенства любого лица, не являющегося чистокровным румыном, противоречит румынским традициям; что сохранение чистоты своей расы всегда было главной заботой румын; и что случайность рождения на румынской земле не дает права на статус румынского гражданства.

Теперь, помимо фактов о том, что предки многих румынских евреев жили в стране веками и что многие из их потомков доблестно сражались за свободу Румынии, “чистота расы”, о которой так любят рассуждать румынские патриоты, является таким же чистым мифом, как любой другой, который можно найти в собрании легенд, которые до сих пор считаются историей на Балканском полуострове. Во-первых, само происхождение румын окружено более плотным облаком тумана, чем то, которое обычно окружает происхождение наций. То, что их язык родствен латыни, является не более несомненным доказательством римского происхождения, на которое они претендуют, чем параллельное родство испанского, португальского и французского языков с языком древнего Рима является доказательством латинского происхождения современных испанцев, португальцев и французов. Но, даже допуская, что Рим является, по выражению недавнего румынского министра, “центром новой расы”, первоначальное ядро римских колонистов претерпело в течение веков такие матримониальные превращения, которые, должно быть, привели к тому, что кровь потеряла значительную часть своей первоначальной “чистоты”. Римские поселенцы обнаружили, что страна уже заселена инопланетной расой. Овидий, сосланный Августом в Томи на берегу Черного моря — недалеко от современного города Кустендже, — описывает этот район как населенный дикарями. ♦8-17 гг. н.э. ♦ Все его письма из страны за время десятилетнего изгнания представляют собой один долгий плач о своей тяжелой судьбе. Он снова и снова останавливается на горечи судьбы, которая бросила его среди людей, не понимающих латыни, он выражает опасение, что постепенно забудет свой собственный язык, и вся его переписка представляет собой чередование стенаний об ужасах варварской войны и тяготах варварской жизни.

К концу первого века Траян завоевал Дакию, современную Валахию, и, следуя старой римской политике, завоеватели попытались утвердить свою власть в стране путем поселения латинских колонистов и введения латинского языка. ♦250 г. н.э. ♦ Однако латинизация Дакии была прервана вторжением готов, воинственной орды, привлеченной перспективой пожать там, где мирные крестьяне Дакии сеяли под защитой римских орлов. Они не встретили сопротивления в

недавно и несовершенно заселенной провинции; и это отсутствие сопротивления является лучшим доказательством ненадежного характера римского правления и малочисленности римских поселенцев. Двадцать лет спустя император Аврелиан, убедившись в невозможности удержать страну, передал ее готам и вандалам. После эвакуации Дакии большинство римских подданных переправились через Дунай и поселились в регионе, простирающемся от южного берега реки, а затем была образована новая Дакия, которая соответствует современной Болгарии. Древняя страна с тем же названием на северном берегу Дуная, правда, сохранила большое количество своих жителей, но сам факт их согласия служить готскому повелителю, когда у них была возможность остаться под властью Рима, показывает, насколько слабым должен был быть среди них римский элемент. Это население постепенно смешалось с доминирующим племенем готов, и образовалось независимое государство, населенное смешанной расой, которая, что достаточно характерно, претендовала на славу скандинавского происхождения или происхождения от древних местных "диких гетов", которых Овидий обессмертил в своих понтийских посланиях. Интерес способствовал мирным отношениям и даже союзу с Римской империей, и, таким образом, римский язык продолжал звучать на северном берегу Дуная.

Прошло еще сто лет, и новая орда варваров, еще более свирепых и чудовищных, свергла власть готов, которые в ужасе умоляли императора Валента разрешить им переправиться через реку и поселиться во Фракии. ♦375 год н.э. ♦ Валент, надеясь обеспечить стабильность своей империи, заручившись услугами новых и выносливых подданных, удовлетворил просьбу готов, хотя и не без колебаний и опасений. Варвары переправились через Дунай и оказались вынуждены расстаться со своим оружием и своими детьми. Это суровое требование, хотя, возможно, оно было оправдано в качестве меры предосторожности, вызвало возмущение иммигрантов, которые пытались силой прорваться вопреки римским легионам. Последние отвечали насилием на насилие, пока до них не дошел императорский приказ перевезти новоприбывших через реку. Переход был бурным, и многие утонули, но выжило достаточное количество людей, чтобы разгромить имперские войска и превратить Восточную Империю в поле резни, грабежа и разорения.²¹²

Таковы титулы, на которых современные румыны всегда основывали свои претензии на римское происхождение. Во-первых, следует отметить, что термин "румын" включает не только жителей Валахии, древней Дакии, некоторое время оккупированной римскими легионами, но и жителей Молдавии, над которыми римляне никогда не имели власти. Во-вторых, сколько исконных римлян осталось даже в Дакии после двойной эвакуации и завоевания провинции? Положение не улучшилось и после четвертого века. Румыния - это магистраль, по которой в течение последних полутора тысяч лет волна за волной текли на юг готы, гунны, авары, славяне и болгары; и это должно быть поистине экстраординарное наводнение, не оставляющее после себя аллювиальных отложений. Если к этим наводнениям добавить греческий элемент, который, хотя и не был очень многочисленным, оказывал мощное влияние на страну во время османского владычества, то для поддержания доктрины чистоты потребовалась бы исключительно крепкая вера.

На самом деле, количество иностранной крови в Румынии наглядно подтверждается чертами характера современного румынского крестьянина и самим румынским языком. Этот язык,

помимо большой примеси славянских слов и идиом, которые профессора Бухареста искренне пытались устранить, фонетически очень тесно связан со славянскими диалектами по соседству и до двух поколений назад действительно писался славянскими буквами. Примерно в 1848 году — *в году мира* континентального национализма — был введен латинский алфавит, но, несмотря на напряженные усилия педантов-патриотов, даже этот алфавит пришлось модифицировать, чтобы он соответствовал фонетическим требованиям нелатинских голосов,²¹³ и подвиг был совершен, достаточно неуклюже, за счет обилия акцентов и других аксессуаров, более или менее живописных и сбивающих с толку. Сами фамилии румынцев, если их искусственно не привести в соответствие с современными академическими представлениями, обнаруживают нелатинское происхождение. Представители крестьянства часто являются славянами, в то время как представители знати нередко являются греками. И все же пуристы изгнали славянский элемент из словаря румынского языка, составленного под эгидой Румынской академии двумя коренными латинистами. Возьмем, опять же, румынские народные предания. Любой, кто уделил этому предмету хотя бы поверхностное внимание, может с первого взгляда увидеть глубокий отпечаток славянской мысли и обычаев в легендах и суевериях румынского крестьянства. И все же, таковы возвышенные последствия расового фанатизма, когда несколько лет назад в Бухаресте был учрежден конкурс на лучшее сравнительное исследование национального фольклора, работа, за которую был присужден приз, не содержала ни единого намека на фольклор соседних славянских стран.

Конечно, эти факты, хотя они и игнорируются румынами и их защитниками, не мешают румыну быть румыном, как бы сильно они ни мешали ему быть римлянином; более того, было бы неохотно отказывать уроженцам Молдо-Валахии в удовольствии созерцать длинный ряд благородных латинских предков, каким бы воображаемым оно ни было, если бы они не использовали это безобидное удовлетворение своего тщеславия в качестве предлога для лишения других уроженцев Молдо-Валахии самих средств к существованию. Более того, можно вполне обоснованно спросить, каким образом предоставление евреям избирательных прав повредило бы “чистоте” румынской расы? Евреев в других странах часто обвиняют, и не безосновательно, в отвращении к смешанным бракам с язычниками. Действительно, сами румыны, кажется, чувствуют силу этого возражения, поскольку они пытаются парировать его аргументом о том, что, если евреев допустить к работе румынского парламента, они сформируют компактную партию обструкционистов — почему, не выясняется. Более вероятный результат такого допуска недавно был предложен одним из тех самых евреев, который, хотя и был румыном на протяжении многих поколений, хотя и получил образование в румынских школах и проникся румынскими традициями, был вынужден покинуть свою страну, потому что эта страна — “единственная страна, которую я знал и, видит Бог, любил сердцем и душой, считала меня “иностранцем” и как таковая лишила меня возможности зарабатывать на жизнь”. Этот изгнанник заявляет: “Если бы Берлинский мирный договор соблюдался и евреям была предоставлена эмансипация, они, будучи все грамотными и горожанами, принадлежали бы, согласно положениям закона о выборах, либо к первой, либо ко второй коллегии выборщиков и, следовательно, либо разделили бы привилегии нынешнего привилегированного класса, численность которого в точности равна численности проживающих евреев, и разделили бы его власть, либо вынудили бы этот привилегированный класс отказаться от своих привилегий и изменить законы таким образом, чтобы дать огромной массе людей право голоса в управлении их общественными делами”.²¹⁴

Когда бухарестские диалектики поняли, что их изобретательность не производит впечатления на тупые умы западных государственных деятелей, они изменили свою тактику. Была назначена комиссия из депутатов для расследования вопроса об инвалидности евреев и представления доклада по нему. Отчет комиссаров начинался с тонкого различия между “румынскими евреями” и “коренными евреями”, заявляя, что существовала только последняя разновидность, и добавляя, что эти евреи, хотя и родились в стране, на самом деле были иностранцами. Как таковые, они могли бы получить натурализацию, если бы подали заявление об этом индивидуально; но это благо могло быть предоставлено только специальным законом, принимаемым для каждого конкретного случая. Этот пересмотр был осуществлен путем простого изменения статьи 7 Конституции Румынии, которая до сих пор ограничивала право на натурализацию “иностранцами христианских вероисповеданий”, на статью, охватывающую всех “иностранцев” одинаково, без различия вероисповедания, которые прожили в стране десять лет.

Этой щедрой уступкой румыны заявили, и их апологеты невинно поддержали это утверждение, что они сделали все, чего от них можно было ожидать. Иллюзорный и лицемерный характер концессии был очевиден всем, и друзья евреев быстро и решительно указали на это западным кабинетам министров. Но западные кабинеты министров к этому времени начали думать, что они сделали достаточно для Израиля. Некоторые державы, такие как Германия, стремились примирить Румынию, чтобы получить железнодорожную концессию. Другие страны, такие как Англия, в равной степени стремились обеспечить себе коммерческие преимущества, в то время как все они, как один, искренне устали от утомительного и неоплачиваемого крестового похода во имя справедливости. ♦1880 г.♦ Лорд Солсбери, уполномочивая британского представителя сообщить правительству Бухареста радостную новость о том, что отныне они могут рассматривать свою страну как суверенное государство, робко выразил надежду от имени Англии и Франции, что в обмен на снисходительность держав Румыния, либерально применяя пересмотренную статью Конституции, приведет ситуацию “в точное соответствие с духом Берлинского мирного договора”. Таким образом, Восток еще раз преуспел в освященном веками методе завоевания по чистой инерции и путем разделения западных держав из-за их отдельных интересов; а евреям было предоставлено плавать или основываться в соответствии с волей Судьбы. Они не всплывали.

Румыны, изменив букву своей Конституции, согласно которой евреи больше не были исключены из избирательного права как нехристиане, но как неруманийцы, номинально поставили их в один ряд с другими иностранцами — англичанами, французами, немцами и итальянцами — и, сделав это, они выразили глубокое удивление тем, что евреи, единственные среди иностранцев, продолжали требовать гражданских и политических прав. И все же причину их упрямства искать недалеко. Подданные Англии, Франции, Германии и Италии вполне довольны своим статусом, поскольку они ничего не выиграли бы, зарегистрировавшись в качестве граждан Румынии. Их национальность дает им достаточную защиту от несправедливости, в то время как несчастные евреи, в защиту которых тщетно взывали Франция и Англия, если они не граждане Румынии, то не являются гражданами ни одного города. У них нет правительства, к которому они могли бы обратиться в трудную минуту. Более того, с самого начала существовали опасения, что громоздкий механизм индивидуальной натурализации будет приводиться в действие как можно реже, и опыт более чем подтвердил эти опасения. В течение двадцати четырех лет, прошедших между Берлинским мирным договором и 1902 годом, очень немногим живым евреям было предоставлено это право. Ибо посмертная натурализация шестисот

человек, павших в битвах за свободу Румынии, и натурализация еще двухсот, признанная в то же время, была исключительным актом щедрости, не создавшим прецедента. С 1878 по 1888 год из 4000 заявок было удовлетворено только тридцать, а с той даты еще пятьдесят, в результате чего общее число достигло восьмидесяти.²¹⁵

В течение того же периода ограничения, при которых несчастная раса вынуждена была продолжать трудиться, стали почти невероятными по своей тяжести и затмили те обиды, которые так безуспешно пытался устранить Берлинский мирный договор. Эти обиды уже приравнивались к угнетению. Евреи были обязаны служить в армии, как их соотечественники-христиане, и платить те же налоги; и все же, хотя они были обременены теми же обязанностями, им было отказано в равных правах. Их заставили помогать в обороне страны, которую им запрещалось называть своей, и вносить вклад в расходы правительства, действия которого они не имели права контролировать. Но, во всяком случае, им была предоставлена привилегия зарабатывать себе на жизнь. С тех пор вся тяжесть румынского законодательства и народного фанатизма была направлена на достижение одной цели — уничтожение еврейской расы в королевстве.

В качестве примера такого систематического преследования можно упомянуть закон 1885 года, исключаящий евреев из торговли спиртными напитками, который был открыт для них с 1849 года. Этот произвольный акт был оправдан аргументом, что евреи поощряли порок пьянства среди крестьян. Но закон ни на каплю не уменьшил потребление спиртных напитков. Румынский крестьянин по-прежнему пьет столько же, сколько пил раньше. И тот факт, что его напиток теперь поступает из христианского, а не еврейского источника, похоже, никак не влияет на его действие. Истина заключается в том, что румынский крестьянин — один из самых страдающих от жажды в мире, занимающий третье место по шкале всеобщей жадности. Бутылка бренди — его спутник в радости и неизменный утешитель в горе. На свадьбах, как и на похоронах, бренди — почетный гость. В праздничные дни это усиливает веселье, а в будние дни скрашивает монотонность работы. К бутылке бренди, как к непогрешимому советчику, румынский крестьянин до сих пор обращается во времена налогообложения или любого другого домашнего бедствия.

Среди таких бедствий самым большим и частым является голод; ибо, хотя Румыния является, после России, главной страной-экспортером зерна в Европе, румынский земледелец, как и его русский сосед, и по сходным причинам, является одной из самых любимых жертв голода. “Иногда случается, ” говорит королева Румынии, “ что за один год почва дает огромный урожай, а в следующем году из-за неурожая у нас начинается голод.... Никому, кроме тех, кто видел это собственными глазами, трудно представить, что означает неурожай в чисто сельскохозяйственном государстве. Это ужасно. Голод в его самом ужасном проявлении подстерегает повсюду.... Представьте себе поля, похожие на пустые гумна; умирающий от голода скот, чьи кости прорываются сквозь плоть, который копошится на бесплодной земле и падает замертво от полного истощения; мужчин, женщин и детей, у которых не осталось даже горсти еды, чтобы обеспечить свой скудный рацион ”мамалыга“. В такие времена ”таверны слишком часто посещают; это один из способов обмануть пустой желудок”.²¹⁶

Конечно, нельзя отрицать, и этот факт подтверждается всеми теми, кто изучал вопрос о реформе трезвости в любой части мира, что предложение имеет тенденцию стимулировать спрос. Но никто никогда не утверждал, что это создает его. Также не было

продемонстрировано, что умеренности способствует исключение одной части населения из сферы торговли, открытой для всех остальных.

Были приняты другие законы, запрещающие еврею давать деньги в займы христианину, а христианину разоряться из-за еврея. Тщетность подобных постановлений, повсюду очевидная, нигде не доказана так ясно, как в Румынии. *Бояре*, обнищавшие из-за расточительности, характерной для новоиспеченного и полуцивилизованного дворянина, все еще ходят к ростовщику. Но главная цель достигнута — представить еврея как развращающего богатых и разоряющего бедных. Возможно, со стороны румынских законодателей было бы разумнее попытаться реформировать свой народ вместо того, чтобы преследовать тех, кто просто потворствует его порокам и эксплуатирует его безумства. Искорените спрос, и предложение прекратится само по себе, - это средство, которое в Бухаресте еще не поняли. Все еще примитивные в своем менталитете, румынские политики действуют по принципу, высмеянному восточной пословицей: они бьются о седло, когда виноват зверь.

Насколько беды румына связаны с евреями, можно показать из факта, установленного статистикой, что количество евреев в Балканских государствах, хотя ситуация сильно отличается в других частях мира, обратно пропорционально высокому уровню жизни населения в целом. В Сербии евреев едва насчитывается сотня (00.20), и поэтому они находятся в Греции (00.34). В последней стране раса была бы еще более редкой, если бы многие проникательные и предприимчивые греки не испытывали искушения эмигрировать в другие страны. В Болгарии евреи также составляют незначительное меньшинство (00.76).²¹⁷ В греческом королевстве они пользуются полной свободой вероисповедания и всеми правами и привилегиями греческих граждан. В Болгарском княжестве к ним также относятся наравне с христианами. Почему только в Румынии они исчисляются сотнями тысяч и подвергаются угнетению? Ответ очевиден. Евреев стало много в Румынии, где деградирующее положение народа предлагает линию наименьшего сопротивления; и правители этих стран, опасаясь, что, если они не защитят своих соотечественников от конкуренции высшей расы, богатство и влияние последней могут возрасти до опасных размеров, преследуют их и ставят в затруднительное положение с помощью запретительного законодательства.

Однако плодovitость еврея, по-видимому, является доказательством против любой степени преследования. Несмотря на все ограничения, евреи в Румынии, как и их предки в Египте, “множились в изобилии, и земля наполнилась ими”. Таким образом, румынские законодатели были обязаны, в соответствии со своей собственной политикой, “поступать с ними мудро”. И теперь последовало буквальное повторение первой главы Книги Исход. Король Карл, по-видимому, руководствовался теми же страхами, что и те, которые диктовали политику фараона: “чтобы они не размножились и не случилось так, что, когда начнется какая-нибудь война, они также присоединятся к нашим врагам и будут сражаться против нас, и таким образом мы вытесним их из страны”. Тысячелетний опыт не преподавал никаких уроков румынским государственным деятелям, и еврейские инвалиды не отставали от увеличения числа жертв. В настоящее время евреи отстранены не только от государственной службы, но и от ученых профессий. Им не разрешается ни владеть землей, ни даже обрабатывать ее в качестве наемных работников. Простое проживание в сельской местности является наказуемым преступлением, и когда еврей, изгнанный с открытой местности, находит убежище в городе, большинство путей к честной жизни для него старательно закрываются. Ему разрешается заниматься только самыми низшими ремеслами. Более того, даже в качестве подмастерьев-

ремесленников евреям не разрешается превышать пропорцию от одного до двух христиан. Образование для них полностью запрещено. В дополнение к этим и подобным ограничениям, которые обрекают Израиль на вечную нищету и невежество, к этим несчастным румынам, которые не могут похвастаться “латинской” родословной, их “римские” соотечественники относятся как к париям. Они подвергаются оскорблениям и травле со стороны высших и низших, без малейших средств к исправлению положения; их социальный, а также политический статус буквально более низок, чем у цыган; и это даст достаточно ясное представление тем, кто знаком с чувствами отвращения и ужаса, которые этот несчастный изгой внушает румынскому крестьянину. Одним словом, румынских евреев можно охарактеризовать только как рабов на их родной земле.

В средние века синагога, так же как и Церковь, устраивала различные ужасные представления, рассчитанные на то, чтобы вселить ужас в сердца грешников. Одна из разновидностей ритуала запрета, книги и свечи также была принята судами в качестве средства получения показаний от свидетелей, не желающих этого. Австрийские газеты летом 1902 года опубликовали подробные отчеты о судебной пытке такого рода, известной как “Более иудейское таинство”, возрожденной современными румынами в случаях, когда евреи участвуют в судебных разбирательствах с христианами. Без малейшего уважения к его религиозной восприимчивости румынского еврея заставляют пройти через всю ритуальную торжественность притворных похорон: ему подстригают ногти, заворачивают в саван, кладут в гроб, а затем выставляют, как труп, в синагоге. Раввин на глазах у собрания возмущенных единоверцев и презрительных неверующих произносит ужасное, всеобъемлющее и исчерпывающее проклятие еврейскому истцу и его потомству, если он не будет говорить правду. Труп повторяет проклятия вслед за раввином, ибо, если он откажется проклинать себя и свою семью, он проиграет дело.²¹⁸

Наконец, измученные преследованиями и потерявшие всякую надежду на помощь, евреи Румынии начали эмигрировать в значительном количестве. В 1900 году произошел массовый исход; но этот поток был временно остановлен приходом к власти М. Карпа, от хорошо известной щедрости которого потенциальные изгнанники ожидали облегчения своих страданий. Они были разочарованы. Кабинет М. Карпа просуществовал недолго, а его преемник, вместо того чтобы облегчить, скорее усугубил печали Израиля. Эмиграция возобновилась и продолжалась во все возрастающих масштабах. Теперь евреи десятками тысяч начали покидать страну, направляясь в Англию и Америку, при содействии богатых единоверцев за границей.²¹⁹

Приток этой толпы нуждающихся беженцев в Австрию не был рассчитан на то, чтобы доставить удовольствие жителям этой империи. Были приняты меры, чтобы помешать кому-либо из них искать постоянное пристанище во владениях Габсбургов, и полиции было мягко, но твердо поручено ускорить отправление непрошенных гостей в их путешествие. Когда средств, щедро выделенных на эти цели, стало недостаточно для удовлетворения потребностей путешественников, австрийские власти поспешили отправить их обратно, а австрийские газеты начали осуждать правительство, из-за тирании которого эти обездоленные израильтяне были вынуждены покинуть свою родную страну. Этот протест вызвал у румынского правительства одно из его обычных проявлений. Те, кто без колебаний отрицал само существование “румынских евреев”, могли без труда заявить, что “Нет абсолютно никаких оснований для злонамеренного заявления, опубликованного некоторыми иностранными газетами относительно массовой эмиграции евреев из Румынии”. Заявление было основано “на

извращении нового трудового законодательства Румынии”, и правительство Румынии выступило с осуждением публикации подобных статей, “поскольку они могли вызвать, как это было много лет назад, нездоровое возбуждение в умах людей”.²²⁰

Но поскольку факты были более убедительными, чем официальные опровержения, массовый исход становился все более тревожным, потому что силы, которым он был обязан своим происхождением, продолжали действовать. “Еврейская колонизационная ассоциация” теперь пришла на помощь неимущим изгнанникам и попыталась спасти их от дополнительных страданий, не позволив тем, кто не был обеспечен необходимыми деньгами на проезд или не был физически здоров, покинуть свои дома.²²¹ Эти мудрые меры в определенной степени сдерживали беспорядочную экспатриацию, но, как можно было предвидеть, не смогли остановить ее полностью. Массовый исход продолжался, и возмущение против Румынии ширилось, поскольку теперь страны, в которые хлынул нежелательный поток, были вынуждены из личных интересов сделать то, что они до сих пор тщетно пытались осуществить из чувства филантропии.

Америка, излюбленное пристанище искателей удачи любого цвета кожи и климата, взяла на себя задачу представителя. Покойный г-н Хэй, государственный секретарь, в сентябре 1902 года через представителей Соединенных Штатов в странах, принимавших участие в Берлинском конгрессе, напомнил правительствам этих стран о статье 44 Договора, подписанного ими в 1878 году, призывая их сообщить Румынии о ее вопиющем и упорном невыполнении условий, на которых она получила свою независимость. Воздав должное интеллектуальным и моральным качествам еврея, основанным на истории и опыте, американский министр от имени своей страны выразил протест против “обращения, которому подвергаются евреи Румынии, не только потому, что у нее есть безупречные основания протестовать против нанесенного ей в результате ущерба, но и во имя человечества”. В заключение он энергично воззвал к “принципам международного права и вечной справедливости” и предложил оказать моральную поддержку Соединенным Штатам любым усилиям, направленным на обеспечение соблюдения Берлинского мирного договора.²²²

Этот мощный импичмент, исходящий от далекой партии, никоим образом не связанной с делами Континентальной Европы, возможно, и вызвал переполох в более близких и непосредственно заинтересованных странах; но он не смог пробудить в этих странах должного осознания своих интересов, не говоря уже об обязанностях. Единственным кварталом, в котором обращение Америки к человечеству нашло отклик, была Англия. Ряд представительных людей, таких как покойный архиепископ Кентерберийский, нынешний епископ Лондона, лорд Кельвин, маркиз Рипон, покойный мистер Леки, сэр Чарльз Дилке, магистр Баллиола, и другие, публично выразили свое глубокое сочувствие жертвам преследований. Мистер Чемберлен также воспользовался возможностью заявить, что, как доказывает история, евреи, “с необычайным упорством сохраняя свои национальные особенности и догматы своей религии, были одними из самых лояльных подданных государств, в которых они нашли пристанище, и неблагоразумие преследования в таком случае едва ли не больше, чем его жестокость”.²²³ Другие англичане также присоединились к осуждению Румынии не столько из жалости к жертвам угнетения, сколько из страха, что, если румынское правительство не будет вынуждено изменить свою политику, Англия не будет вынуждена изменить свою политику. придется столкнуться с очередным нашествием “нежелательных” еврейских иммигрантов.

Аналогичным образом, единственным правительством, которое добровольно поддержало ноту г-на Хэя, была Великобритания, и на общей основе этих двух представлений державы, подписавшие Берлинский мирный договор, “обменялись мнениями”. Итоги этого обмена можно подвести слишком легко. Историк будущего, вероятно, извлечет из этого несколько интересных уроков, касающихся европейской политики и этики начала двадцатого века. Они заключаются в следующем:

Германия, под председательством которой было разработано положение, касающееся евреев Румынии, предпочла не считать себя обязанной настаивать на выполнении этого условия. Либеральная часть немецкой прессы восприняла американскую ноту с искренней, но безрезультатной оценкой; в то время как из консервативного большинства одни называли ее наивной, а другие сделали вид, что рассматривают ее как попытку Америки вмешаться в европейские дела или даже как уловку в предвыборной кампании, имеющую единственной целью повышение политического престижа президента Рузвельта! Немецкое правительство, хотя и было более вежливым, чем немецкая пресса, оказалось столь же холодным. Как мы уже видели, это правительство было последним, кто присоединился к усилиям по улучшению участи румынских евреев, и первым, кто заявил, что удовлетворен обманчивым пересмотром статьи 7 Конституции Румынии. Такое отношение, если рассматривать его в сочетании с тем фактом, что в Румынии правит Гогенцоллерн, и с местом этого королевства в нынешних политических раскладах Континента, позволяет нам понять, если не приветствовать, то, как Германия восприняла ноту мистера Хэя.

Австро-Венгрия, близость которой к Румынии указывала на нее как на Державу, заинтересованную в первую очередь и имеющую право действовать, отказалась предпринимать какие-либо шаги поодиночке или коллективно. Сдержанность Австрии, как и Германии, и даже в большей степени, была продиктована политическими соображениями, поскольку Румыния была практически единственным государством на Балканах, где влияние Австро-Венгрии и Тройственного союза все еще что-то значит. Кроме того, венский кабинет министров не мог прилично присоединиться к защите еврейской эмансипации, поскольку именно Австрия в мае 1887 года заключила с Румынией договор, по которому около семидесяти тысяч еврейских жителей последнего королевства, которые, согласно распространенной в мусульманских странах практике, пользовались австрийской защитой, пока Румыния находилась подвластью Османской Империи, были лишены статуса австрийских подданных, не получив взамен никакого другого статуса.

Италию удерживали от поддержки Американской ноты отношения Румынии с Тройственным союзом, а также популярность “римской” идеи на земле, которую румыны с удовольствием считают “колыбелью своей расы”.

Россия, чье обращение со своими собственными еврейскими подданными превратило бы призыв к “человечности и вечной справедливости” от имени евреев в другой стране в печальную насмешку, благопристойно воздержалась от поддержки американской ноты. Это правда, что российская пресса подражала тевтонской, высмеивая действия Америки как предлог для получения доступа к советам европейского ареопага и осуждая их как дерзость! Но царское правительство, проявив лучший вкус, выбралось из неловкого положения, обосновав свой отказ тем, что претензии, изложенные в депеше мистера Хэя, были настолько давними, что

вряд ли стоило беспокоиться о них. По мнению российских министров, евреи, должно быть, уже основательно привыкли к голодной смерти.

Франция, при всех благих намерениях в мире, ничего не могла сделать без согласия России и поэтому удовлетворилась выражением скромной надежды на то, что румынское правительство само решит выполнить свои обязательства, видя, что настоящим страдальцем является сама Румыния, и указав на отсутствие средств для обеспечения такого выполнения.²²⁴

Короче говоря, европейские державы сочли, что они выполнили свой долг, выразив свое платоническое согласие с той частью американской ноты, в которой говорилось об обязательствах человечества и цивилизации в целом. Но на более конкретную апелляцию к Берлинскому мирному договору они вообще отказались обращать какое-либо внимание. И мы не можем удивляться их отказу. Апелляция была не очень радостной, поскольку каждая сторона этого контракта по очереди добросовестно нарушала его. Россия, вопреки его положениям, укрепила Батум; Турция даже не попыталась провести реформы в европейских провинциях Империи, предусмотренные Договором; Великобритания ничего не сделала для армян. Почему же тогда бедная Румыния должна в одиночку выполнять свою долю соглашения, которое и так безнаказанно игнорируется всеми остальными заинтересованными сторонами?

Такой ответ был бы, конечно, слишком откровенным и рациональным для дипломатии. Вместо этого румынское правительство снова прибегло к более правильному, хотя и несколько избитому способу официального опровержения истины. Румынский министр в Лондоне заявил, что “идея о существовании каких-либо преследований была абсолютно ошибочной”. Евреи были иностранцами, и “ограничения, налагаемые на иностранцев, были абсолютно необходимы для защиты его соотечественников, которые мечом купили свою независимость и имели право управлять своими экономическими делами в соответствии со своими требованиями и т.д.”.²²⁵ Что представляет собой румынская концепция такого права, было очень красноречиво объяснено опытной румынской королевой. Нарисовав жалкую и, хотя и преувеличенную, в основном достоверную картину экономических невзгод Румынии, Ее Величество заявляет, что при таких условиях цивилизованный мир не должен “требовать от нее укрывательства и поддержки других, когда она сама остро нуждается в помощи”. Эти “другие” - “иностранцы”, то есть румынские евреи; их исход представлен как добровольная эмиграция “иностранного населения” из-за инстинкта, который побуждает крысу покидать тонущий корабль, и их отъезд приветствуется, потому что они, будучи торговцами, лишают страну ее богатств. Эта интересная экономическая доктрина излагается Ее Величеством следующим образом: “Это факт, что никакие деньги никогда не ввозились в Румынию через кого-либо, занимающегося торговлей. Все, что может быть у такого человека, отправляется за границу, сначала для покупки его инвентаря и снаряжения, а затем за припасами для продолжения его бизнеса, даже такие изделия, как пуговицы и самые обычные виды тесьмы, производятся здесь только в самых малых масштабах”.²²⁶ И здесь еврейский апологет более убедителен, чем его румынский обвинитель. Признавая, что в целом заявления королевы верны, он спрашивает: “Но почему это так? По той причине, что правящий класс запрещает “иностранцам” приобретать земли в стране и с помощью этого и других законов препятствует притоку иностранного капитала”.²²⁷

Протесты проходят, недовольства остаются. Действия мистера Хэй и лорд Лэнсдаун, отнюдь не улучшив, на самом деле усугубили положение людей, от имени которых это было сделано.

Румынские политики со свойственной им проницательностью поняли, что непосредственной причиной жалобы была эмиграция евреев в Соединенные Штаты, Англию и Канаду, и, вполне естественно, пришли к выводу, что единственное, что необходимо, - это устранить основание для жалобы, прекратив эмиграцию. Всем местным властям был разослан телеграфный приказ, запрещающий выдачу паспортов евреям. Те, кто уже достиг границы, были насильно возвращены, а сотни других, продавших все, что у них было, чтобы собрать средства, необходимые для путешествия, были вынуждены вернуться домой и погибнуть.²²⁸ Таким образом, акт, задуманный как благословение, обернулся абсолютным проклятием, и современная Румыния благодаря этой новой мере превзошла по жестокости даже средневековую Испанию. Ибо испанские монархи, ослепленные религиозным фанатизмом, все же предоставили евреям альтернативу обращения в христианство или изгнания. Их румынские подражатели, одержимые расовым фанатизмом, не крестят евреев и не осмеливаются изгнать их; но, подобно древнему фараону, они фактически приказывают им остаться и быть рабами.

ГЛАВА XXIII АНТИСЕМИТИЗМ

Мы проследили за судьбой еврейского народа с момента его первого контакта с народами Запада до последней четверти девятнадцатого века. Мы видели, что этот контакт с самого начала был отмечен взаимной антипатией, временами ослабевавшей, в других случаях усиливавшейся, но всегда присутствовавшей. Некоторые еврейские авторы пытались показать, что ненависть неевреев к евреям в средние века была искусственным порождением, полностью обусловленным усилиями католической церкви; что она исходила сверху и что массы христианского мира, когда их не подстрекали классы, были наиболее дружелюбно расположены к Израилю. Эту точку зрения вряд ли можно назвать обоснованной. Немыслимо, чтобы Церковь или какая-либо другая власть могла бы так преуспеть в разжигании пожаров, свидетелями которых мы были, если бы топливо не было готово к разжиганию. Это также точка зрения, противоречащая зафиксированным фактам. Мы видели, как в раннем Средневековье народные предрассудки спонтанно проявлялись в оскорблениях и обид, которыми осыпали евреев и которые с трудом сдерживались князьями и прелатами Европы. Во времена Крестовых походов также не святой Бернард разжигал ярость толпы против евреев Рейна, а неизвестный монах. Увещевания святого были проигнорированы, но разглагольствования фанатика нашли горячую аудиторию просто потому, что они были в согласии с народными чувствами. В тот же период епископы и бургомистры тщетно пытались спасти пострадавших.

Опять же, преследование испанских евреев в пятнадцатом веке никогда не достигло бы тех масштабов, которых оно достигло, если бы не глубоко укоренившаяся враждебность, которую питала к ним основная масса испанского народа. Кастилия была тогда родиной рыцарства и благотворительности. Претензии папы римского на вмешательство в дела королевства встретили презрительное противодействие со стороны кастильской знати. Три столетия назад арагонский монарх отдал свою жизнь, защищая преследуемых еретиков Прованса. Менее чем за два столетия до этого Арагон был одной из немногих стран, отказавшихся выполнить совместную просьбу Филиппа Красивого и папы римского Климента V. о преследовании

рыцарей-тамплиеров. В то время, когда в Испании была учреждена инквизиция, и Кастилия, и Арагон приветствовали возрождение культуры. При Фердинанде и Изабелле, а также в последующие царствования кастильцы и арагонцы яростно сопротивлялись учреждению, столь противоречащему дорогим для них принципам свободы. В Испании опасность разногласий также не была настолько велика, чтобы оправдывать обращение к столь ужасному инструменту согласия. У испанцев меньше, чем у любого другого народа, было причин жертвовать свободой совести ради политических завоеваний. Следовательно, крайне маловероятно, что Святая канцелярия когда-либо смогла бы прочно обосноваться в Испании, если бы не тот факт, что ее путь был проложен народным предубеждением против евреев и мавров, а ее успех обеспечен преследованием этих рас. Хотя испанцы люто ненавидели инквизицию, еще люто они ненавидели семитов, а из них двоих еврея сильнее, чем мавра.

Мы также видели, что ни Возрождение, ни Реформация, оба движения, прямо или косвенно враждебные Церкви, не принесли никакого облегчения участи евреев. В каждой стране ненависть к евреям существовала как продукт влияния, отличного от церковного. Кое-где, при исключительно благоприятных условиях, евреев, возможно, терпели; их не любили. Это негативное отношение могло в любой момент перерасти в активную враждебность. Все, что сделала Церковь, - это обратила это чувство во внимание, усилила и освятила его. Наконец, мы видели, что эмансипация евреев произошла только в конце восемнадцатого и середине девятнадцатого века — периоде уже не протеста против Церкви, а восстания против всех предрассудков всех веков. Только после того, как было принято евангелие человечества в его самом широком смысле, светский шум против еврейской части человечества был подавлен; и даже тогда не без труда. Но, хотя растение антииудаизма было срезано под корень, корень остался, и ему было суждено в наши дни пустить новый росток.

Писатели проявили большую изобретательность, определяя происхождение и природу современного антисемитизма. Некоторые рассматривают это как возрождение средневекового религиозного фанатизма; другие - как последнее проявление старой борьбы между Европой и Азией; третья школа, отвергающая обе эти теории, интерпретирует это как чисто политический вопрос, вытекающий из социальных и экономических условий, созданных эмансипацией евреев; в то время как четвертая секта попыталась показать, что современное возрождение является “плодом большой этнографической и политической ошибки”. Те, кто видит в антисемитизме не что иное, как возрождение средневековой религиозной вражды, игнорируют конфликт между евреями и язычниками до возникновения Средневековой Церкви или даже до возникновения христианства. Те, кто объясняет это чисто расовой борьбой, забывают о крестовых походах, инквизиции и суеверном ужасе перед ростовщичеством. Те, кто интерпретирует это просто как вопрос современной европейской политики, игнорируют оба этих периода истории. Наконец, что бы ни говорили о грубых этнографических теориях и туманных националистических верованиях, было бы слишком большой честью полагать, что они являются истинными причинами антисемитизма. Люди не убивают своих собратьев просто ради абстрактной гипотезы, хотя священники могут. Все эти вещи не делают ничего, кроме как дают название и лозунг движению, рожденному гораздо менее неземными родителями. В наши дни политическая деятельность, использующая антисемитизм в качестве инструмента, сделала лишь то, что в прошлом делала клерикальная деятельность. Оно воспользовалось силой, не созданной им самим. Факт в том, что каждое человеческое действие является результатом разнообразных мотивов. Сложность мотивов не уменьшается от множества действующих лиц. Существует сильное искушение упростить дело, выделив один из этих мотивов и

проигнорировав остальные. Но, хотя истина всегда проста, простота не обязательно всегда должна быть правдой. Под солнцем могут быть новые вещи. Антисемитизм, однако, не входит в их число. Его корни уходят глубоко в прошлое.

Таким образом, рассматриваемый в свете двухтысячелетнего зарегистрированного опыта, современный антисемитизм не является ни религиозным, ни расовым, ни экономическим по своему происхождению и характеру. Это все три и нечто большее. Мы находим в нем все мотивы, которые приводили к преследованию евреев в прошлом. В древности борьба была вызвана главным образом расовым антагонизмом, в Средние века главным образом религиозным антагонизмом, в девятнадцатом веке мы могли бы ожидать, что она примет преимущественно националистический облик. Но, как в древности религиозная антипатия смешивалась с расовой ненавистью, как в средние века экономическое соперничество усиливало религиозный фанатизм, так и в наше время религиозные, расовые и экономические причины способствовали движению в различной степени в зависимости от особых условий, материальных и моральных, преобладающих в каждой стране, где антисемитизм нашел отклик. Если бы можно было объединить все эти причины в один общий принцип, он был бы таким: у каждой эпохи есть свой модный культ, который на время затмевает все остальные культы, дает название эпохе, объясняет ее достижения и смягчает ее преступления. Каждая эпоха находила в евреях бескомпромиссного инакомыслящего и жертвенную жертву. Культom *par excellence* девятнадцатого века является национализм.

Что это за ужасный национализм? Это возврат к примитивному типу патриотизма — ограниченному чувству, которое заставляет людей рассматривать всех тех, кто живет в одном месте, или кто говорит на одном языке, или кто предположительно происходит от общего предка, как братьев; всех остальных — как иностранцев и потенциальных врагов. Это чувство в его самой грубой форме является чисто семейным чувством в худшем смысле этого слова. Это перерастает в большую преданность племени, затем расе, а это, в свою очередь, перерастает в широкий патриотизм, который проявляется то как империализм, то как католицизм.

Существует еще третья форма патриотизма — самая чистая и благородная из всех: верность общим интеллектуальным идеалам. Греки достигли этой возвышенной концепции, и афинский оратор, перечисляя притязания своей страны на восхищение человечества, с справедливой гордостью останавливается на этом продукте своей цивилизации. Афины, по его словам, “сделали имя эллинов названием не расы, а ума, так что эллинами следует называть тех, кто разделяет нашу культуру, а не нашу природу”.²²⁹ Однако Исократ, делая это заявление, высказал скорее свою мечту, чем чувство, распространенное среди его соотечественников. Македонская империя стремилась превратить эту философскую мечту в политический факт. Александр и его преемники заселили Азию греческими театрами, греческими школами, греческими гимназиями, и Восток был покрыт налетом псевдоэллинской цивилизации. Но их успех был лишь частичным, поверхностным и эфемерным. Интеллектуальное единство не могло углубиться и поэтому длилось недолго. Барьеры — социальные, религиозные и расовые, — отделявшие эллина от варвара, оказались непреодолимыми; и идеал исократова о национальности, основанной на общности интеллектуальных целей, оставался идеалом. Эллинизм требовал такой степени умственного развития, которой человечество еще никогда не достигало. Отсюда его несостоятельность как политической связи. Это было не так с империализмом и католицизмом. Они оба апеллировали к более элементарным и,

следовательно, менее редким качествам человека. Отсюда их успех. Рим добился большего, чем Греция, потому что она стремилась к меньшему.

Римская империя представляла собой первую, а Римская церковь - вторую разновидность этого широкого патриотизма. *Римский цивис* был титулом, который объединял в общей верности итальянцев и греков, евреев и египтян, испанцев, бриттов и галлов. Католический Рим унаследовал имперское чувство языческого Рима, но облек его в религиозную форму. Диктатура цезарей была разделена между христианским императором и папой римским: первый унаследовал их политическую власть, второй - духовную и нравственную. Карл Великий обладал властью римского императора, а его папский современник - властью Верховного понтифика. Затем наступил упадок карловингской системы; и постепенно папство построило духовную империю на *остатках* светской. Все католики были подданными этой империи. В Средние века Европа представляла собой картину удивительного единообразия в чувствах, идеалах, обычаях, политических и социальных институтах. Все страны, подобно множеству монет, выпущенных одним монетным двором, казалось, были отлиты по одной и той же форме, с одинаковым изображением и украшены одной и той же легендой. Национальное самосознание в Средние века практически отсутствовало, а если и существовало, то в более поздние века оно было затемнено религиозным чувством. Как в современном исламе мы находим арабов, персов, индийцев, малайцев, китайцев, сирийцев, египтян, берберов, мавров, турок, албанцев — народы, сильно отличающиеся по происхождению и языку, — объединенных узами общей веры, так и в средневековом христианском мире мы находим английских, шотландских, французских, итальянских, немецких и испанских рыцарей, образующих одно огромное братство. Читатель Фруассара не может не заметить общности чувств и удивительной непринужденности, с которой джентльмены из всех этих стран чувствовали себя как дома в странах друг друга. Сам хронист, по своему стилю и ментальному настрою, являет собой яркий пример такого космополитизма. Средневековыми христианами, как и современными мусульманами, человеческая раса была разделена на две половины: истинно верующих и других. Всеобщее признание латыни как средства общения было еще одним признаком и узами братства среди христиан средневековой Европы, подобно тому как использование арабского как священного языка является признаком и узами братства среди мусульман наших дней.

Это чувство международного патриотизма, нашедшее свое наивысшее развитие и выражение в Крестовых походах, начало угасать, как только католическая вера начала приходить в упадок. Последовал распад как Церкви, так и государства. Верность единому идеалу и единой власти постепенно вытеснялась местным, а затем и расовым патриотизмом. Различные политические образования пришли на смену Единству средневековой Европы, народные языки вытеснили латинский язык с его позиций единственного средства выражения мысли, а старые космополитические университеты Парижа и Болоньи были заменены национальными институтами. Начиная с пятнадцатого века, национализм неуклонно рос, но в восемнадцатом его рост был в некоторой степени сдержан гуманизмом. Великие мыслители той эпохи превозносили свободу и совершенство личности как высшую цель культуры, описывая исключительную привязанность к своей стране и расе как характеристику сравнительно варварского состояния общества: пережиток культа предков аборигенов. Национализм, соответственно, достиг своего расцвета только в девятнадцатом веке. Затем стремление к миру было затмлено великолепием военных подвигов Франции, и доктрина всеобщей свободы была забыта в стремлении Наполеона к всеобщему господству. Эти усилия вызвали в каждой стране, на которую Наполеон напал, страстный протест, вылившийся в успешное восстание. Но триумф

был одержан огромной ценой. Каждая нация в меру своего представления о том, что причитается самой себе, не обращала внимания на то, что причитается другим. Принципы братства людей и всеобщей терпимости были отвергнуты, узкая расовая зависть, которую философы предыдущего столетия изгнали из сферы культуры, была восстановлена, и национализм — высокомерный, невозддержанный и нетерпимый - возник на руинах гуманизма. Эта эволюция, или революция, внесла новый элемент в социальные проблемы и породила новый набор идей.

В течение последних ста лет этнографическая теория доминировала в цивилизованном мире и определяла его судьбы, как это делала теологическая догма в средние века. Сознательно или нет, идея расы направляет политику наций, вдохновляет их поэзию и окрашивает их философию теми же предрассудками, что раньше были у религии. Арийский и неарийский стали терминами, передающими все, кроме одиозного оттенка христианина и неверного; и вместо духовного мы приняли научную мифологию. Вымысел о нашем арийском происхождении внушил нам благожелательную веру в наше умственное превосходство над монголами и в наше моральное превосходство над семитами. Оспаривать этот принцип - значит совершать святотатство. Но даже в недрах этой воображаемой арийской общины существуют расколы: так называемые кельтские, германские, латинские, англосаксонские и славянские секты разделены друг против друга призрачными барьерами этнографических спекуляций так же отчаянно, как в прежние времена христианский мир был разделен метафизическими выдумками ариан, манихеев, несториан и других. Во имя расы сейчас совершается столько же великих подвигов и столько же великих безумств, сколько когда-то совершалось во имя Бога. Поклонение расе, как и поклонение Кресту раньше, породило новые крестовые походы, которые сравнивались со старыми по степени, в которой они нарушали мир и будоражили умы людей, а также по неистовству страстей, которые они возбуждали. Национализм больше, чем какая-либо другая причина, способствовал дискредитации принципов свободы, равенства и братства, доказал, что мечта восемнадцатого века о мире во всем мире невозможна, и показал огромную пропасть, которая все еще зияет между чаяниями нескольких мыслителей и инстинктами масс.

Хотя символ веры того времени был общим для всех европейских стран, он впервые нашел внятное изложение в Германии и дал начало различным академическим доктринам, которые пытались объяснить генезис и эволюцию национализма в научных или псевдонаучных терминах. Но имена не меняют фактов. Этнографические спекуляции в данном случае интересны главным образом тем, что предоставили правдоподобное объяснение росту антисемитизма. Те, кто способен видеть сквозь новые обличья и обнаруживать, какие старые вещи они скрывают, знают, что антисемитизм - это немногим больше, чем новое разнообразное проявление ненависти к евреям. Лишенное академической атрибутики, движение предстает во всей своей почтенной вульгарности — убеленная сединами мерзость, давно отлученная от церкви совестью цивилизованного человечества.

Это реакционное движение зародилось в Восточной Германии и Австрии. В этих странах евреев очень много, [230](#) очень богатых и очень влиятельных. Обе страны известны как рассадники расового фанатизма. В Германии национализм зародился в результате независимости, обеспеченной Тридцатилетней войной в семнадцатом веке, был возвращен патриотическими

проповедниками и поэтами восемнадцатого века, получил поддержку в войнах за освобождение от правления Наполеона и получил образование у Гегеля и его учеников. Евреи в Германии, как и везде, являются единственным элементом, который отказывается плавиться в горниле национализма. Их международные связи помогают им преодолевать национальные барьеры. Их собственное расовое сознание, культивируемое теми же авторами, по крайней мере, столь же сильно, как и у немцев; но оно не совпадает ни с одной географической единицей. Поэтому их считают космополитическим племенем — “везде и нигде у себя дома”. Они отличаются не только как раса, но и как секта, и как класс. Соответственно, реакция против терпимости включает в свои ряды клерикалов и христианских социалистов, аристократов, а также националистов, то есть врагов инакомыслия и врагов богатства, а также врагов пришельцев и врагов выскочек. А термин “еврей” используется в религиозном или расовом смысле в зависимости от говорящего. И в Германии, и в Австрии мы видели, что философское учение о социальной свободе очень медленно применялось к практической политике и что, даже когда оно было принято, оно было подвержено реакции. Когда освобождение евреев было, наконец, осуществлено, евреи благодаря своему гению заняли гораздо большее место в сфере национальной жизни, чем считалось пропорциональным их численности. И это неоправданное превосходство, ставшее еще более очевидным благодаря большей сплоченности еврейской социальной системы по сравнению с немецкой, было еще более усилено специализацией. Евреи, чье воспитание в Европе на протяжении веков, отчасти из-за их собственных расовых инстинктов и раввинского учения, но главным образом из-за условий, навязанных им извне, было особого рода, продемонстрировали эти особенности своим выбором сфер деятельности. Они воздержались от производственной деятельности и сосредоточили свои усилия на интеллектуальной, финансовой и распределительной отраслях стран, гражданами которых они стали. Евреи наводнили университеты, академии, медицинских работников, государственную службу и коллегия адвокатов. Говорят, что многие судьи и почти половина практикующих юристов Германии - евреи. Евреи выступили как писатели, журналисты и художники. Прежде всего, евреи, благодаря наследственной способности к накоплению, воспитанной в них в течение длительного периода, когда торговля деньгами была единственным доступным для них занятием, утвердились как финансисты. Невозможно переехать куда-либо в Берлине или Вене, не увидев название Израиля, написанное большими золотыми буквами не только над магазинами, но и над всем обликом немецкой жизни. Успех пробудил зависть, а экономические трудности — по совершенно другим причинам — стимулировали ее. Что, если конкуренция была честной? Что, если евреи отличались своим миролюбием и патриотизмом? Что, если они поставляли наименьшую долю преступников и нищих? Что, если бы свобода Германии была частично куплена еврейской кровью, а единство Германии достигнуто с помощью еврейских мозгов и еврейских денег?

Землевладельческое дворянство, более богатое предками, чем деньгами или умом, имело все основания завидовать богатству еврея и много причин не любить показную демонстрацию евреем этого богатства. Они не могли уважать в еврее одаренного *пришельца*. Они видели в нем вульгарного *парвеню*- того, кто своим “подрывным мефистофелевским даром, мозгами” разрушает ограды вероисповедания и касты и вторгается в высшие и наиболее привилегированные круги, действуя таким образом как платежеспособный элемент общества. Если он мудр, гордый аристократ с ограниченными возможностями компенсирует свою бедность гордостью и великодушно презирает роскошь, которую он не может приобрести. Если, как это чаще случается, он глуп, он вступает в тщеславное соперничество с выскочкой, и в

результате получается заложенное поместье — заложенное, скорее всего, его сопернику. В любом случае, он не может испытывать особой любви к богатому и умному нарушителю. Враждебность аристократии разделяют средние классы, и по аналогичным причинам. Немецкий профессионал, и особенно его жена, воспринимают сравнительную роскошь своего коллеги-еврея как личное оскорбление. Чрезмерная власть денег в современном обществе и, как следствие, уменьшение уважения, которое когда-то уделялось крови или учености, естественно, позволяют еврейскому банкиру преуспеть там, где бедный барон терпит неудачу; а еврейский профессор или доктор, хотя многие из этих последних достаточно бедны, затмить своего христианского конкурента. Эта чрезмерная власть денег обусловлена причинами гораздо более глубокими, чем предоставление избирательных прав евреям. Это нормальный результат современного развития Германии. Влияние знати в значительной степени зависело от их земельных владений; и когда возникла промышленность, конкурирующая с сельским хозяйством, значение земли неизбежно снизилось. В то же время промышленность и торговля, с расширением Германии, начали все больше и больше отвлекать внимание интеллигенции от пути академических отличий — когда-то единственного пути к почестям, открытого амбициозному бюргеру, — к пути материального процветания. Хрематическое предпринимательство ввело новый социальный стандарт, и аристократия богатства пришла на смену старой аристократии происхождения и эрудиции. Эта социальная революция, через которую прошла и должна пройти каждая страна мира, была без колебаний приписана еврею, которого, таким образом, обвинили в создании условий, которые на самом деле он только эксплуатировал.

Если от аристократических и культурных классов мы обратимся к сельскому населению, то обнаружим сходные причины, приводящие к сходным результатам. В сельских районах Германии возражают против того, что евреи не обрабатывают землю сами, а подстерегают разорившегося фермера: “Повсюду, “ говорит авторитетный источник, - крестьянин-собственник ненавидел евреев”, - и он продолжает описывать крестьянскую трагедию, следствием которой стала эта ненависть. Землю пришлось заложить, чтобы оплатить семейные требования; владелец обратился к вездесущему и назойливому ростовщику; ростовщик, чье дело заключалось в том, чтобы торговать по нужде заемщика, воспользовался бедственным положением последнего и вымогал столько, сколько мог. “Еврей толстел по мере того, как нееврей худел. Несколько неурожаев, мор крупного рогатого скота или картофельная болезнь, и несчастный крестьянин, цепляющийся с неразумной, неистовой любовью преданного животного к своей среде обитания, в немой агонии видел, как его ферму продают, как избавляются от скота и как акры, которые он трудился с утра до вечера, чтобы выкупить, и поливал в поте лица своего упрямого, уступают евреем-нарушителем тому, кто больше заплатит”.²³¹ В сельских районах Австрии утверждается, что присутствие еврея является синонимом нищеты; его отсутствие при сравнительном процветании. В Венгрии покойный М. Элизе Реклю, известный автор “Новой географии Мира”, сообщает нам: “Богатый магнат разоряется, и почти всегда обремененную собственность приобретает еврей”, а другой свидетель добавляет: “Еврей не менее активно наживает на пороках и потребностях крестьян, чем на потребностях дворян”. Особенно в Галиции нам говорят, что земля быстро переходит в руки евреев, и что многие бывшие собственники теперь вынуждены работать в качестве рабочих. поденщик на своей собственной ферме в пользу еврейского хозяина. Все это абсурдно преувеличенная версия фактов, которые сами по себе достаточно печальны. Евреев в целом ни в коем случае нельзя назвать богатым сообществом, и от предполагаемой эксплуатации

выигрывают немногие, а не многие. И если, как это имеет место, положение дел в сельскохозяйственных штатах плохое, кто виноват? Везде, где наступает аграрная депрессия, наверняка найдется достаточно ростовщиков и слишком много шейлоков. Не похоже, чтобы христианские ростовщики когда-либо были более мягкосердечными, чем их еврейские *собратья*. Зачем же тогда приписывать еврею, как еврею, то, что является обычным и неизбежным атрибутом его профессии? Разорение заемщика не оправдывает расправу над кредитором. Филантропы получили бы больше работы, если бы вместо того, чтобы оплакивать в скорбных обличительных речах беды разорившегося крестьянина и проклинать жестокость его угнетателя, объединились для создания сельскохозяйственных банков, где фермер мог бы получать деньги под менее непомерные проценты. Эта мера и подобные ей, а не резня и старческие стенания, были бы средством, соответствующим как природе зла, так и требованиям цивилизации и справедливости. Пока что-то в этом роде не сделано, требовать, чтобы торговцы деньгами, в не меньшей степени, чем торговцы кукурузой, хлопком или сыром, работали из альтруистических побуждений, хуже, чем бесполезно. Но ничего рационального никогда не предпринимается. Вместо этого повсюду дворяне, разоренные собственной непредусмотрительностью и расточительностью, крестьяне из-за своей деревенской некомпетентности и оба - из-за требований расточительного милитаризма, жалуются на вымогательство еврейских ростовщиков. Было неизбежно, что монстр ненависти к евреям старого света, который никогда по-настоящему не умирал, снова поднял свою седую голову. Присутствовали все элементы антиеврейского движения. Единственное, чего не хватало, так это возможностей. Восполнение дефицита не заставило себя долго ждать.

Франко-германская война и достижение единства Германии раздули пламя патриотизма. Как во времена Наполеона Первого, так и во времена Наполеона III великая национальная опасность породила сильное чувство сопричастности между различными представителями немецкой расы; великий национальный триумф пробудил энтузиазм по отношению к Империи, который поддерживался ценой личной свободы. Деспотизм процветал на буйстве национализма. Немцы были отброшены от конституционных и демократических идеалов 1848 года к ультрамонархическому раболепию, которое позволило дедушке нынешнего кайзера несколько лет спустя, по наущению Бисмарка, открыто заявить о смехотворных старых притязаниях на божественное право. Таким образом, почва была подготовлена для любой анти-инопланетной и антилиберальной агитации. Появились и другие причины, ускорившие движение. Война повлекла за собой огромные денежные и личные жертвы. Экстраординарный успех, вместо того чтобы удовлетворить, подстегнул немецкие амбиции. Он пробудил чрезмерный финансовый оптимизм и уверенность в себе. Германия, опьяненная военной победой, все еще жаждала расширения иного рода. Экономика была брошена на произвол судьбы, и лихорадка диких спекуляций охватила все классы общества. Компании были ликвидированы и поглотили избыточный капитал великих, а также сбережения скромных. Оптимистичные ожидания были характерны для того времени. Берлин соперничал бы с Парижем в элегантности и с Лондоном в пригородном комфорте, и каждый из его жителей был бы миллионером!

Затем произошел ужасный крах. Пузырь лопнул, и великолепные мечты наяву были развеяны несчастьем. Череда неурожаев и быстрое усиление конкуренции за кукурузу в Америке, приведшее к обнищанию сельскохозяйственного класса, усугубили общую депрессию. Разочарованная публика хотела найти жертву, на которой можно было бы излить свой гнев. Те, кто продвигал компании, должны были страдать из-за глупости тех, кто был разорен их неудачей. Очень многие из первых, продавшись в нужный момент, достигли богатства.

Недовольная публика, вполне естественно, заметив эти огромные состояния посреди всеобщего крушения, пришла к поспешному выводу, что немногие обогатились, ограбив многих. Последовали “Разоблачения”, и среди замешанных в этом финансистов оказалось много евреев. Именно тогда, чтобы набить еврейские карманы, герои Германии проливали кровь на поле боя, а бюргеры Германии проливали кровь у себя дома! Таким образом, националистический идеал Германии для немцев состоял в том, чтобы привести к созданию Германии для израильтян! Все эти испытания были перенесены все эти победы достигнуты для того, чтобы отдать Отечество чуждой и неверующей расе — расе, с которой ни интеллект, ни сердце Германии не имеют ни малейшего родства или симпатии! Это был крик боли, сменивший гимны самовосхваления, и те националисты, которые выражали эти чувства, забыли, что сам их национализм был в значительной степени создан и поощрялся еврейскими мыслителями. Они также забыли, что это был еврейский государственный деятель Ласкер, который ценой всех личных и партийных интересов и своей популярности единственный имел мужество разоблачить в Прусской палате в 1873 году зло экстравагантных спекуляций и призвать как общественность, так и правительство свернуть, пока еще было время, с пути к гибели, по которому они шли. Но хорошо было сказано: “Кто будет думать о благодарности, когда требуется козел отпущения?”

Народному возмущению был дан ход в памфлете малоизвестного немецкого журналиста по имени Вильгельм Марр, который воспользовался возможностью достичь славы и богатства, обильно изливая свой антиеврейский яд. В этой работе евреи подвергались анафеме не только как кровососущие пиявки, но и как враги германской расы, а также как формирующие особый и эгоцентричный социализм в немецкой национальной жизни. Корифея умело поддерживала толпа, доселе безмолвствовавшая. Противники промышленного и религиозного либерализма, высокопоставленные лица, литераторы и высшие духовные лица присоединились к хору, и в еврейский календарь был добавлен еще один “черный день” (30 июля 1878 года). В лице Адольфа Штекера, христианского социалиста и придворного проповедника, а также убежденного консерватора в прусском сейме, новый крестовый поход обрел своего Петра Отшельника. Он был первым человеком с положением, который проповедовал с кафедры и заявлял в прессе, что еврейское влияние в государстве губительно для христианской части общества, что семитское преобладание фатально для тевтонской расы. Как будто печатные станки Германии только и ждали сигнала, целая библиотека антисемитской литературы была быстро произведена и так же быстро израсходована. Некоторые из самых популярных журналов открыли свои колонки, посвященные кампании, еврейские журналисты противостояли насилию насилием, и ежедневная вражда приобрела все большие масштабы, пока к концу 1879 года не распространилась по всей империи.

“Неправильно, что меньшинство властвует над большинством”, - кричали некоторые. Другие обвиняли евреев, свободно и без приведения каких-либо доказательств, в создании масонства и в том, что они всегда ставили интересы своих братьев выше интересов страны. То, что между евреями существовало какое-то систематическое сотрудничество, кажется вероятным. Также вероятно, что была определенная доля правды в обвинении в “тайном манипулировании прессой” с целью выгораживания даже евреев, недостойных защиты. Но за это немцы должны были благодарить только самих себя. Нападая на евреев как на племя, они стимулировали племенные чувства среди них. Социальная изоляция, на которую они обрекали еврея, усиливала его дар взаимности. Для немецких христиан еврей, каким бы патриотичным и безупречным он ни был как гражданин, как мужчина является евреем — чужаком, неверным,

выскачкой, паразитом. Говорят, что его гений был чисто утилитарным, его религия внешне представляла собой соблюдение пустых форм, по сути - поклонение золотому тельцу, а мирской успех был его высшим моральным идеалом. Немецкие профессора анализировали еврейский ум и находили его семитским, немецкие теологи искали еврейскую душу и не могли ее найти. Оба класса, ни в чем другом не соглашаясь, единодушно осуждали еврея как злое существо, странно лишенное духовных качеств, — существо, все существование которого, лишенное какой бы то ни было веры, вращается между его кассовой книгой и книгой Закона. Возможно, самым замечательным следствием из всех стал рост антисемитской школы толкования Ветхого Завета.

Итак, таковы были жалобы ортодоксов: недостаток религиозного чувства у еврея. Вольнодумцы осуждали его за переизбыток этого самого чувства. Штекер с елейным изяществом сказал: “Вероучение евреев находится на чистой странице между Ветхим и Новым Заветом”. Дюринг решительно возражал против “упорства, с которым унаследованный религиозный взгляд на вещи укоренился в еврейском сознании”. Эти обвинения, какими бы взаимоисключающими они ни были, были с радостью поддержаны теми, кому нужна была только какая-нибудь теория, чтобы оправдать свою злобу. Собственные слабости еврея — его высокомерие и любовь к показухе — служили тем минимальным оправданием, которое когда-либо считалось достаточным для преследования. Евреи, говорили их обвинители, держат в своих руках золотой ключ, который открывает все двери, и дерзко размахивают им перед своими менее удачливыми соседями. Они убили древнюю простоту и бережливость немецкой жизни своей показной роскошью и развратили немецкий идеализм своей чрезмерной погоней за материальным комфортом. Немецкий идеализм был убит национализмом и милитаризмом. Но, конечно, нельзя ожидать, что немецкий патриот увидит это. Что, однако, удивляет, так это то, что тем, кто осуждает евреев как пропагандистов материализма, похоже, не приходит в голову, что у них есть лекарство в их собственных руках. Пусть они перестанут поклоняться маммоне, и служители маммоны будут дискредитированы. Как бы то ни было, они обвиняют евреев в том, что они наслаждаются теми самыми вещами, которых они сами жаждут. В Германии, как и везде, христианским панегирист-кам простой жизни и возвышенных мыслей, возможно, больше понравился бы еврейский миллионер, если бы они меньше походили на него.

Принц Бисмарк в достижении своей великой политической цели - объединенной Германии - заручился поддержкой либеральной партии, которая, со своей стороны, не отказалась помочь человеку, который, какой бы антилиберальной ни была его внутренняя политика, был, в основном, выразителем чаяний немецкой нации. Таким образом, в 1866 году возникла Национал-либеральная партия. Однако их позиция была ложной, поскольку их поддержка Бисмарка и их либеральные тенденции долгое время не могли примириться. Но, пока существовал альянс, либералы сыграли важную роль во введении многих законодательных мер в направлении прогресса, включая определенные реформы в банковской сфере и торговле. Эти нововведения оскорбили несколько слоев населения, а тот факт, что один из лидеров Национал-либеральной партии Ласкер и очень многие ее члены были евреями, стал блестящей возможностью для реакционных элементов.²³² Консерваторы ухватились за возможность дискредитировать отвратительные реформы, описав их как намеренно предназначенные для служения интересам евреев. Принц Бисмарк, теперь враждебно настроенный по отношению к партии, от которой он больше не имел пользы, перенес вес своего политического и личного влияния на их противников и попытался привлечь крайних консерваторов и католиков, а также рабочий класс, усилив антиеврейскую агитацию. Органы этих трех партий были полны

обличительных речей против евреев, и в октябре 1879 года в Берлине и Дрездене было основано первое антиеврейское общество с целью “объединить всех немцев-неевреев всех убеждений, всех партий, всех положений в одну общую лигу, которая, отбросив все отдельные интересы, все политические разногласия, будет стремиться со всей серьезностью и усердием к одной цели, а именно, спасти наше немецкое отечество от полной иудаизации и сделать проживание в нем приемлемым для потомков аборигенов”.²³³ В соответствии с этой патриотической программой общество окрестило себя “Антисемитской лигой”, отчасти потому, что в этом слове звучала ученость, а отчасти для того, чтобы было ясно, что раса, а не только религия, евреев вызвала враждебность.²³⁴ Принц Бисмарк на вопрос об этом движении, как говорят, ответил: “Как государственный министр, я осуждаю это; но как пруссак, как немец, как христианин, как мужчина, я не могу не одобрять это”. Эта речь, если сравнить ее с высказываниями оратора тридцатилетней давности,²³⁵ дает достаточно болезненное свидетельство того, какой большой шаг сделала назад немецкая государственная мудрость.

Таким образом, педантизм школ объединился с предрассудками улиц, социальные и политические интересы в сочетании с национальным тщеславием, экономической завистью, научной софистикой и религиозным фанатизмом, породив движение, столь совершенно несовместимое с современными, и особенно с немецкими, идеями.

В 1880 и 1881 годах военные действия продолжались с систематической энергией и нарастающим насилием. *Юденхетце*, под менее вульгарным названием, превратилось в свирепую эпидемию. И католическое, и лютеранское духовенство, смертельно враждебные во всем остальном, объединили силы против общего врага и соперничали друг с другом в своих попытках завоевать расположение христианских социалистов. Социал-демократы были единственной партией, осудившей антисемитскую агитацию и взявшей под свою защиту преследуемых людей; такая позиция вызвала искреннее отвращение ультраконсерваторов. Однако г-н Марр, великий антиеврейский памфлетист, посвятил целый шедевр демонстрации того факта, что социал-демократы, которых он изящно называл “красными мышами”, во всех отношениях были предпочтительнее еврейских “золотых крыс”. Но движение, тем не менее, продолжало прогрессировать. Проводились собрания, на которых “семиты” подвергались яростным нападениям. Члены “Немецкой” лиги приняли торжественные резолюции воздерживаться от любых сношений, социальных или коммерческих, с врагами тевтонской расы, а герр Штекер и его последователи, в своем рвении к “укреплению христианского германского духа”, представили петицию в прусские палаты, в которой молились:

“Что иммиграция иностранных евреев в Германию может иметь некоторые ограничения.

“Чтобы евреи были отстранены от всех высших постов власти и чтобы в судах было введено определенное ограничение их власти.

“Что христианские школы, хотя и используются еврейскими учеными, должны оставаться исконно христианскими, и что еврейских учителей следует нанимать только там, где природа преподаваемого предмета делает это желательным.

“Чтобы немедленно была подготовлена перепись или отчет о еврейском населении”.²³⁶

Антисемитские лиги, хотя и осуждали насилие в своих манифестах, на практике были слишком готовы поощрять самые низменные страсти и предрассудки бедных и невежественных масс, так что, хотя антисемитизм и приводил к бурным сценам в прусском сейме, он вылился в еще более

бурные беспорядки за его пределами. Памфлеты и дуэли были в порядке вещей среди высших классов, кровавые столкновения между еврейскими и немецкими толпами - среди низших. Либералы протестовали, наследный принц Фридрих пытался спасти евреев от этого подлого преследования, и движение было публично осуждено многими выдающимися немцами, такими как Вирхов и Моммзен, как подрыв принципов гуманизма, провозглашенных немецкой философией, как богохульство против немецких идеалов и как пятно на немецкой цивилизации. Но травля евреев не была прекращена до тех пор, пока многие тысячи евреев не были вынуждены покинуть свою страну - страну, которой они дали Мендельсона философа и Мендельсона композитора, Гейне и Берне, Оффенбаха и Ауэрбаха, Энсе, Эвальда, Якоби и множество других великих людей, включая Ласкера, который несколько лет назад сделал все возможное, чтобы предотвратить финансовую катастрофу, от которой теперь пострадали его единоверцы.

Немец, игравший активную роль в истории своей страны с 1848 года и далее, без колебаний приписывает “позорные оргии еврейской гонки, начавшиеся в большом масштабе в Берлине в новогоднюю ночь 1880-81 годов” непосредственному вдохновителю принца Бисмарка. “Очевидно, ” пишет он вскоре после этих событий, “ в этих безобразных порывах и беспорядках было больше метода, чем можно предположить.... Немецкие граждане еврейского происхождения или моисеевой веры в своем подавляющем большинстве принадлежат к либеральному и радикальному лагерю. Некоторые из них добились самого почетного положения в прогрессивных партиях, к которым они примкнули. Великий государственный деятель, идеалом которого является его собственная Диктатура под прикрытием личного правления короля, видя в этих популярных лидерах семитской крови камни преткновения на своем пути, не стеснялся кокетничать с организаторами и одобрителями Охоты на евреев. Был заключен тайный союз, по старому римскому обычаю, между отъявленными приверженцами цезаризма и некоторыми темными лидерами введенного в заблуждение сброда. Придворный проповедник Штекер выступал в качестве посредника и духовного главы крестового похода. Тот же самый человек сейчас является в немецком парламенте главным представителем этой помеси княжеского абсолютизма и декларируемой филантропической заботы о массах”.²³⁷

Вскоре, однако, стало очевидным расхождение между лидерами националистов и лидерами религиозных и экономических сил. В то время как антисемиты, строго говоря, так называемые, требовали возрождения древних недостатков, которые обрекали евреев на политическое рабство и социальный остракизм, христианские социалисты не были готовы зайти так далеко. Такая умеренность отчасти объяснялась тем фактом, что антисемиты проявляли признаки желания включить христианство в свое осуждение иудаизма как семитского вероучения — тенденция, которая, конечно, не могла вызвать сочувствия у ортодоксальных богословов и придворных проповедников. Раскол был временно прекращен в 1886 году, но три года спустя он был возобновлен. Однако это расхождение во взглядах не повлияло на рядовых антиеврейских агитаторов. Их мало интересовали интеллектуальные теории, но они откровенно руководствовались слепыми и неразумными инстинктами своих средневековых предков. И снова население нашло союзников среди безденежных и беспринципных, которые давали ему пищу для его доверчивости, и среди католического духовенства, которое разжигало его фанатизм. Средневековое обвинение в ритуальном убийстве вновь возродилось, и это привело к разрушению еврейских домов и сожжению еврейских синагог.

Отставка принца Бисмарка в 1890 году и отказ от его антилиберальной программы не изменили положения. Консерваторы пытались завоевать популярность, выступая в качестве поборников национального единства и христианской веры, а также осуждая евреев как врагов того и другого. ♦ 1892г. ♦ Это изменение отношения привело к примирению с националистическими антисемитами, чья яростная программа была полностью принята. И теперь две объединенные секции бросили все свои силы против евреев. Христианство и глупость, респектабельность и санкюлотизм были собраны в одну компактную фалангу, как в былые времена. Осенью 1893 года в немецкий парламент был внесен законопроект, требующий, чтобы Талмуд был подвергнут официальной экспертизе, и было серьезно предложено, чтобы старая Комиссия, назначенная для этой цели императором Максимилианом по наущению Пфефферкорна в начале шестнадцатого века, пробудилась от своего векового сна. Но этот союз был слишком гротескным, чтобы быть эффективным. Более здравомыслящая часть консерваторов была шокирована беспринципной тактикой и чрезмерной яростью своих союзников, и, хотя низшие слои их сторонников в стране не были обеспокоены такой деликатностью, все же крайне антисемитская партия потеряла из-за собственной экстравагантности большую часть своего влияния среди образованных людей. Герр Штекер был исключен из Суда, а вскоре после этого и из рядов Консервативной партии. Католики также были пристыжены и порвали все связи со скандальными демагогами, и, таким образом, антисемитская смута, хотя и остававшаяся элементом разногласий в рейхстаге, перестала быть элементом опасности — на данный момент. Но, если пароксизм прошел, болезнь не излечивается. Действительно, отдельные антисемиты все еще проявляют такую степень рвения, которая сделала бы честь самому герру Марру в разгар его безумия. Лидером этих преданных ненавистников к евреям является граф Пюклер, чьи речи продаются на улицах Берлина и читаются многими немцами с глубоким одобрением. Все, что нужно, - это некоторое поощрение свыше, и тогда мы, возможно, снова увидим, как многие добровольно воплощают видения пророка в кровавые деяния.

Из Германии антисемитизм распространился на соседние государства. В Австро-Венгерской империи политики и публицисты подхватили бешенство и незамедлительно распространили его. Уже в 1880 году была предпринята попытка создать в Венгрии антисемитскую лигу по немецкому образцу, и, хотя более здоровая и просвещенная часть нации не хотела забывать либеральные традиции прошлого и заслуги, оказанные евреями в борьбе за независимость Венгрии, мракобесные элементы среди народа и аристократии, в Церкви и официальных классах - вульгарные высшие и низшие — были не прочь прислушаться к диктату фанатизма и суеверий. Возможность заявить о скрытом предубеждении представилась в 1881 году, когда католический профессор иврита серьезно обвинил евреев в том, что они тайно считают уничтожение язычников религиозным догматом; ритуальное убийство христиан является лишь одним из методов выполнения этого морального обязательства. Несмотря на разоблачение и открытое отрицание, высказывания достойного профессора настолько хорошо соответствовали предвзятым идеям, что доисторическая фантастика нашла многих страстных верующих. ♦ 1882 г. ♦ Исчезновение христианской девушки из венгерской деревни в следующем году укрепило веру и привело к жестоким нападениям на евреев в Буда-Пеше, Зале и других местах, беспорядки были подавлены только объявлением военного положения. Эта мера, что было естественно, была превращена в инструмент нападения на Либеральное правительство, и без того непопулярное, как укрывающее врагов человечества. По факту предполагаемого убийства было возбуждено расследование, многие евреи были арестованы, и были сфабрикованы улики. Но в

ходе последовавшего судебного разбирательства с заговора были сняты все его позорные облачения лжесвидетельства, подлога и запугивания, и заключенные были оправданы.

В то время как в Венгрии антисемиты прикрывали себя презрением и насмешками, в Австрии движение достигло серьезных масштабов. Кампания, начавшаяся с отдельных брошюр, последовала за развитием немецкого антисемитизма. В Австрии, как и в Германии, либерализм был подорван худшей формой расовой нетерпимости, известной как христианский социализм, который был и остается ничем иным, как старым духом клерикальной реакции, маскирующимся под личину антисемитских предрассудков и псевдодемократической демагогии.²³⁸ В Австрии, как и в Германии, операции проводились двумя группами людей — расовыми и религиозными врагами евреев. Эти две организации встретились на общей почве несогласия с приобретением евреями земли. Собственно антисемитам не нравилось видеть, как земля переходит в руки неавстрийцев, а христианские социалисты возражали против ее попадания в руки неверных финансистов. Агитация постепенно налаживалась, и в 1882 году в Вене были сформированы две лиги. Австрийский, как и немецкий, антисемитизм был немедленно использован в партийных целях. Многие политики, хотя сами и были свободны от антисемитских предрассудков, были готовы встать на защиту дела, которое обещало увеличить их собственные силы или ослабить их противников. Поэтому они громогласно проповедовали доктрину, которую презирали, возбуждали страсти, которых не разделяли, и отстаивали принципы, следовать которым, по всей вероятности, они бы воздержались. Таким образом, радикальные националисты заручились поддержкой антисемитских лиг, с одной стороны, и Либерального правительства — с другой. Националисты, будучи менее неискренними в своих предрассудках, одержали победу, которую они заслуживали, и коалиция между ними и христианскими социалистами получила дополнительную силу благодаря антиклерикальной политике Либеральной партии, которая вынудила многих католиков, до сих пор стоявших в стороне, присоединиться к рядам антисемитов. ♦1892г.♦ Отныне агитация велась под эгидой Римской церкви. Клерикальная пресса распространяла семена ненависти в кафе, а священники обрушивались с кафедры на евреев. Позорное обвинение в ритуальном убийстве не было забыто, и Верхняя палата парламента Венгрии в 1894 году отклонила Либеральный законопроект, который ставил иудаизм на одну ступень с другими конфессиями.

Либералам удалось оскорбить как радикальных националистов, так и клерикалов. Они оскорбили первых, защищая права евреев, а вторых — борясь с тиранией Церкви. Союз между этими двумя врагами либерализма был в 1895 году благословлен папой римским, который надеялся одержать верх над радикалами или, по крайней мере, контролировать их, укрепив узы, объединявшие их с клерикалами. Ватикан, разочаровавшийся в давно лелеемой надежде восстановить свою светскую власть с помощью католических монархов, был вынужден обратиться за помощью к демократии. Таким образом, духовный трибунал, который всегда занимал свою позицию на высокой платформе подчинения власти, преследуя светские цели, без колебаний санкционировал сторонников насилия и бунта. Антиеврейская агитация, освященная наместником Христа, опередила всех. Антисемиты получили подавляющее большинство в муниципальном совете Вены, несмотря на противодействие со стороны императора, который дважды распускал совет, но каждый раз встречался с еще большим антисемитским триумфом; а на парламентских выборах 1897 года союзные силы радикального национализма и клерикализма обеспечили себе прочные позиции в австрийском рейхсрате. Это был период расцвета антисемитской популярности в Австрии. Но здесь, как и в Германии, неприличная и противоестественная коалиция между оголтелым национализмом и

респектабельным клерикализмом не могла длиться долго, а пока она длилась, могла вызывать лишь небольшое уважение. Три года спустя Всеобщие выборы показали снижение общественного доверия к союзникам, и многие радикальные националисты покинули ряды, чтобы сформировать независимую антиклерикальную партию, в то время как, с другой стороны, Ватикан счел целесообразным отозвать свою санкцию у христианских социалистов.

Однако австро-венгерский антисемитизм, хотя и значительно ослабленный, не умер, и было бы слишком оптимистичным взглядом на человеческую природу и человеческий интеллект надеяться, что предрассудки, страсти и софизмы, которые привели к рецидиву ненависти к евреям, не заявят о себе снова. На самом деле, есть достаточно признаков, подтверждающих этот пессимистичный прогноз. 21 октября 1904 года сейм Нижней Австрии стал свидетелем сцены, которую зритель назвал “беспрецедентной по вульгарности и демагогической наглости даже в этой стране сумасшедшего парламентаризма”. Антисемитская и христианско-социалистическая партии, которые по-прежнему имеют подавляющее большинство как в сейме, так и в муниципальном совете Вены, организовали факельное шествие в честь шестидесятилетия доктора Люгера, бургомистра Вены-антисемита. Премьер-министр дал указание полиции запретить демонстрацию. Вслед за этим возмущенные поклонники великого героя христианского социализма внесли ходатайство, в котором обвинили премьер-министра в том, что он поддался давлению евреев и терроризму социал-демократов, защитников евреев, и в том, что “тем самым он продемонстрировал позорную трусость”. Предложение было внесено под громкие возгласы в честь доктора Люгера, который, в ответ на заявления своих последователей о том, что причиной позиции правительства была “зависть, вызванная в высших кругах популярностью бургомистра”, скромно заверил Палату, что “он не завидовал императору и отверг предположение, что он завидовал почету и привязанности, которые окружали особу монарха”. В конце заседания доктора Люгера с энтузиазмом приветствовали на улицах, в то время как депутат-социал-демократ был оскорблен и оплеван.²³⁹ Этот демагог, который громкостью своего голоса, характером своего остроумия и степенью своей власти над венской толпой живо напоминает Клеона Аристофана, год спустя открыто и безнаказанно предупредил австрийских евреев, что кишиневская трагедия может повториться в Вене. Еще совсем недавно двадцать тысяч христианских социалистов, клерикалов и антисемитов, возглавляемых и подстрекаемых доктором Люгером, устроили бурную демонстрацию у здания венгерской делегации в знак протеста против политики “иудео-мадьяр”.²⁴⁰ Через неделю после этой вспышки доктор Люгер в компании с герром Шнайдером, депутатом-воинствующим антисемитом, посетил Бухарест, где его чествовали все слои румынского общества, начиная с короля: прославление этого заклятого врага Венгрии. евреи настолько значимы, насколько это естественно в стране, где ненависть к евреям достигла своего апогея. Очевидно, что австрийский антисемитизм совсем не мертв.

Ответ австрийских евреев антисемитам характерен для движения. До сих пор они довольствовались тем, что политически отождествляли себя со своими соотечественниками-христианами. Но сохраняющаяся антипатия со стороны последних в последнее время вынудила их занять чисто еврейскую позицию. По инициативе еврейских представителей Галиции в рейхсрате и в галицийском сейме евреи этой провинции решили создать еврейскую организацию для защиты политических прав и экономических интересов своей общины.²⁴¹ Таким образом, современные ненавистники евреев своими собственными усилиями поощряют тот самый трайбализм, который они осуждают, точно так же, как их средневековые предки

заставляли евреев заниматься ростовщичеством в качестве профессии, а затем осуждали их за это.

Во Франции власть евреев с момента установления Третьей республики неуклонно росла, и их число в некоторой степени увеличилось за счет прибытия братьев, изгнанных антисемитизмом из Германии. Тем не менее, еще в 1881 году один писатель счел оправданным заявить, что “всплеск определенных чувств против евреев очевиден почти во всех крупных государствах мира, за единственным исключением, возможно, Франции”.²⁴² Однако этому сравнительному иммунитету от всеобщего бреда не суждено было продлиться намного дольше. Национализм, клерикализм и экономическая зависть во Франции, как и везде, действовали, и демагоги, готовые использовать эти силы, были не лишними.

Эрнест Ренан в 1882 году направил несколько своих тонко заостренных иронических стрел на “современного израильтянина, с которым наши крупные торговые города Европы познакомились за последние пятьдесят лет.... Как беспечно он относится к раю, который человечество приняло по его слову; с какой легкостью он приспосабливается ко всем веяниям современной цивилизации; как быстро он освобождается от всех династических и феодальных предрассудков; и как он может наслаждаться миром, который он не создавал, собирать плоды с поля, которое он не возделывал, вытеснить болвана, который его преследует, или стать необходимым дураку, который его презирает. Можно подумать, что это за него сражались Хлодвиг и его франки, что род Капетингов развернул свою тысячелетнюю политику, что Филипп Август победил при Бувине, а Конде - при Рокруа!... Тот, кто перевернул мир своей верой в царство Божье, верит теперь только в богатство”.²⁴³ Неудивительно, что Ренан, первосвященник идеализма, чувствует себя обиженным материализмом современного представителя его любимой семитской расы. Однако удивительно, что еврей, которого так часто преследовали за его упорную приверженность своим традициям и за его оторванность от своего окружения, должен подвергаться критике Ренана за легкость, с которой “он приспосабливается ко всем складкам современной цивилизации”. Прав либо Ренан, либо антисемиты. Одна и та же группа людей не может быть одновременно упрямой и сговорчивой. Однако это особая привилегия еврея - быть осужденным одной половиной мира за обладание определенным качеством, а другой половиной - за его отсутствие. Последовательность никогда не была характерной чертой ненавистников к евреям, и, возможно, неразумно ожидать ее от людей, увлеченных таким увлекательным занятием, как отлучение от церкви своих собратьев.

Конечно, сам Ренан, несмотря на его сладкозвучные насмешки, был полной противоположностью ненавистнику евреев. У национализма не было большего врага, а у либерализма - более горячего защитника, чем Ренан. Он не устал утверждать, что этнографические факты имеют лишь научное значение и лишены всякого политического значения.²⁴⁴ Что касается евреев, он с энтузиазмом провозглашал заслуги, оказанные ими делу цивилизации и прогресса в прошлом, и решительно выражал свою убежденность в том, что им суждено оказать столь же блестящие услуги в будущем: “Каждый еврей, - сказал он, - по сути своей либерал, в то время как враги иудаизма, при ближайшем рассмотрении, оказываются, в общем, врагами современного духа. Это, - добавил он, - особенно относится к французским евреям, такими, какими их сделала Революция; но я убежден, что каждая страна, которая повторит эксперимент, откажется от государственной религии, секуляризирует гражданскую жизнь и установит равенство всех граждан перед законом, придет к тому же результату и найдет в еврейском вероучении таких же отличных патриотов, как и в других

вероучениях”. “Задача девятнадцатого века, - заявил он в другой раз, - состоит в том, чтобы снести все гетто, и я не поздравляю тех, кто в других местах стремится их восстановить”.²⁴⁵

Но в тот самый момент, когда Ренан высказывал эти благородные чувства, в его собственной стране готовилась агитация, в точности подобная той, которая “в других местах пыталась восстановить гетто”.

Дремлющее предубеждение против евреев во Франции впервые было разбужено панамскими скандалами, и сразу же после этого в Париже был создан профсоюз с целью освобождения страны от финансовой тирании евреев и других нехристиан и иностранцев. Ватикан, всегда настороже, увидел в этом движении возможность укрепить интересы духовенства в государстве, которое так печально пренебрегло своей традиционной ролью защитника Папы Римского и из старшей дочери Церкви превратилось в ее злейшего врага. Поэтому Папа даровал союзу свое благословение. ♦ 1882 г. ♦ Но учреждение после короткой карьеры закончилось банкротством, от которого его не смогли спасти даже папские молитвы. Однако, подобно духу Юлия Цезаря, профсоюз даже после своего роспуска продолжал преследовать своих соперников. Его провал, приписываемый проискам евреев, вдохнул новую жизнь в антисемитскую агитацию. Публицисты истолковывали народные чувства и тешили национальную любовь, описывая в мрачных тонах пагубное влияние еврейской плутократии на жизнь Франции и связывая с этим влиянием несомненную безнравственность французского общества.²⁴⁶ Поражение этого блестящего и слабого авантюриста Буланже, вызванное, как это было, главным образом усилиями еврейского журналиста немецкого происхождения и связей, навлекло на евреев, и особенно на евреев-иностранцев, гнев генерального прокурора Франции. Сторонники Буланже. В Париже была основана антисемитская лига с филиалами в провинциях. Роялисты и националисты, воины Церкви и воины армии, отчаянные защитники проигранных дел, которым больше нечего было терять, и фанатики новых дел, у которых еще было все, чтобы победить, - все сплотились под знаменем антисемитизма, который приобрел дополнительную популярность и славу благодаря союзу Франции с Россией, преследовавшей Израиль. ♦ 1892г. ♦ Вскоре после этого в Париже появился антисемитский журнал, колонки которого были заполнены скандалами, раздуваемыми с поистине инквизиторским усердием, и нападками на еврейские организации. офицеры. Антиеврейские настроения с каждым днем становились все ожесточеннее, термин “джуиф” стал восприниматься как синоним различных злодеяний, а положение еврейских офицеров во французской армии стало невыносимым, пока брожение не достигло кульминации в аресте и осуждении капитана Дрейфуса. ♦ 1894 г. ♦

Все предрассудки и страсти прошлого и все противоречивые интересы настоящего теперь поднялись в бурю, почти не имевшую аналогов в истории современной Европы. Самые популярные газеты соперничали друг с другом в потворстве самым низким чувствам и самым невежественным предрассудкам самых вульгарных слоев французской нации. От одного конца Франции до другого не было слышно ничего, кроме проклятий еврейскому предателю. Современный француз не был не готов простить еврею его предполагаемую вражду к христианству, но какой патриот мог бы простить ему его предполагаемое предательство французской армии? Ненависть к расе, красноречиво выраженная в парламенте и прессе, нашла еще более энергичное выражение в виде динамита в 1895 году, когда была предпринята попытка взорвать банк Ротшильдов в Париже. Тем временем друзья капитана работали с неутомимой серьезностью, терпением и умением доказать его невиновность. Последовал ряд разоблачений; общественность, возглавляемая покойным месье Золя, полковником Пиккаром

и другими защитниками справедливости, начала испытывать сомнения по этому поводу, и требования пересмотра судебного процесса становились с каждым днем все громче. К этому времени дело Дрейфуса было втянуто в безумный водоворот партийной политики, и это объясняет масштабы и глубину волнений, которые едва ли можно понять, если рассматривать их применительно к сравнительно небольшому числу французских евреев.²⁴⁷ Быть или не быть пересмотру, вот в чем заключался вопрос, и от ответа соперничающие партии зависели их репутации и их политические идеалы. Либералы защищали Дрейфуса не столько потому, что верили в его невиновность, сколько потому, что на него напали клерикалы. Клерикалы, с другой стороны, осуждали дрейфусаров как врагов своей страны и ее армии — христианская вера тактично оставалась на заднем плане — выдающийся академик написал книгу о национализме, в которой он проанализировал гений и характер Золя и доказал, к своему собственному удовлетворению и к удовлетворению тысяч читателей, что Золя не был французом.

Но посреди всего этого шума, бунта, очернения и нападок требование пересмотра продолжало настойчиво набирать силу, и либералы, представляющие самый здравомыслящий элемент в Республике, в конце концов одержали верх. ♦1898г.♦ Новый судебный процесс в Ренне выявил подлоги и лжесвидетельства, благодаря которым был вынесен приговор еврейскому капитану. Тем не менее, приговор не был отменен. Вердикт нового военного трибунала был попыткой сохранить явку в суд, признав заключенного виновным, и спасти правосудие, порекомендовав ему помилование. Дрейфус был восстановлен в своей семье, но не в своей чести. Однако общественное мнение как во Франции, так и за рубежом предвосхитило вердикт суда, оправдав заключенного в совершении преступления и вызвав в нем жалость к жертве подлого заговора. Национализм, клерикализм, роялизм и все легионы антисемитизма получили жестокий удар в результате триумфа дрейфусаров; но, хотя их звезда уже не была в зените, она еще не закатилась. Агитация за полную отмену приговора капитану Дрейфусу продолжалась, и требование нового пересмотра дела было расценено националистами как новое развитие “антинациональной” политики либералов и как заговор с их стороны с целью нанести новое унижение Армии, вынудив ее заявить о невиновности человека, которого она дважды осудила как предателя. Был опубликован совместный манифест, подписанный Патриотической лигой, Национальной антисемитской федерацией и Французской социалистической партией, призывающий французскую общественность “сорвать усилия оккультных сектантов, интернационалистов и финансовых держав”.²⁴⁸

В то же время антисемитские настроения вызывали аплодисменты публики во французских театрах, что было продемонстрировано в декабре 1903 года успехом в парижской гимназии спектакля “Возвращение Иерусалима” - пьесы, которая льстила чувствам публики, останавливаясь на знакомых моментах антисемитского кредо: клановости евреев, их готовности помочь своим единоверцам, *ихотсутствию патриотизма*; и оправдывала свои предрассудки, подчеркивая ту естественную несовместимость темпераментов, которая, как предполагается, обрекает еврея на гибель. Язычник к вечному отчуждению. Тем не менее, более мудрая часть французского народа в конце концов одержала победу. ♦ 1906, 12-13 июля ♦ Кассационный суд, высшая судебная инстанция Франции, после двухлетнего рассмотрения отменил вердикт военного трибунала Ренна, заявив, что никогда не было никаких оснований ни для одного из обвинений, выдвинутых против капитана Дрейфуса. Вслед за этим французское правительство представило в парламент законопроект, предусматривающий полную реабилитацию всех жертв заговора. Законопроект был принят подавляющим большинством голосов. Капитан Дрейфус был произведен в чин майора и награжден крестом Почетного

легиона, полковник . Пикар был произведен в бригадные генералы, останки Золя были перенесены в Пантеон, а в галерее Сената были установлены бюсты двух сенаторов, которые первыми выступили за невиновность Дрейфуса. Таким образом, Франция смыла пятно со своего национального характера, и драма, которая волновала мир в течение двенадцати лет, подошла к счастливому концу. Однако этот конец, каким бы удовлетворительным он ни был, следует рассматривать как победу справедливости в силу особых политических причин, а не как доказательство революции в общественном отношении к евреям или как гарантию от рецидива французского антисемитизма в будущем. “Еврейская опасность” - это один из тех злых духов, которые имеют обыкновение время от времени исчезать и вновь появляться, всегда со свежим лицом и в другой одежде, но всегда один и тот же.

Еврейский вопрос из Франции перешел во французскую колонию Алжир. В 1870 году был принят Закон, известный как Декрет Кремье, который *в массовом порядке предоставил избирательные права еврейским жителям колонии*. В течение двадцати пяти лет эта мера практически не вызвала протеста. Но в результате антиеврейской агитации в метрополии это внезапно стало предметом страстной борьбы на выборах и барьером, разделившим местных политиков на две противоположные партии: *иудаистов* и *антиджуифов*. Комиссия, назначенная для расследования этого внезапного отвращения, сообщила, что предполагаемыми причинами были “ростовщичество” и нежелание евреев ассимилироваться с французами. Ростовщичество, по признанию здравомыслящих французов, неизбежно в стране, все еще находящейся на алжирской стадии экономического развития. Более того, официальное расследование доказало, что не все евреи являются ростовщиками, и что не все ростовщики евреи; что на самом деле масса еврейских жителей Алжира очень бедна.²⁴⁹ Тем не менее, эти утверждения наглядно демонстрируют существенную древность современного антисемитизма.

Современная версия ненависти к евреям, что было вполне естественно, приветствовалась как в Румынии, так и в России. Обе страны все еще находятся в средневековье во многих отношениях; но иностранная доктрина национализма, скрывающая очень старый инстинкт под новым эвфемистическим названием, не представляла ничего несовместимого с местным фанатизмом. Экономические соображения, как уже говорилось, усилили ожесточение против евреев.

Италия и Греция отказались прислушаться к новому кредо нетерпимости. В этих странах мало евреев. Кроме того, и итальянцы, и греки, хотя и чутко привязаны к своим национальным идеалам, обладают слишком острым чувством меры, а у греков, во всяком случае, слишком развиты коммерческие способности, чтобы испытывать зависть к евреям.

Англия не преминула в этом, как и в прежние века, проследить, вяло и вяло, континентальную эволюцию чувства к евреям. В популярной литературе и искусстве еврей никогда не переставал фигурировать как объект насмешек и отвращения. Какому читателю Диккенса нужно напоминать об отвратительном мистере Феджине, наставнике малолетних преступников и мучителе бедного Оливера Твиста, или о портрете Крукшенка этого и других израильтян? Но эти приятные создания, как бы сильно они ни грешили против истины, были так же невинны в каком-либо преднамеренном намерении возбудить ненависть к евреям, как олицетворения зла у Шекспира и Марло в образах Шейлока и Барабаса. Налет злокачественного антисемитизма впервые безошибочно проявился в Англии во время Восточного кризиса 1876-1878 годов. Еврей был тогда премьер-министром, и этот еврей выступал против проболгарской политики

Либеральной партии. Для этой стороны конфликт между султаном и его христианскими подданными был тогда, как и до сих пор, конфликтом между Крестом и Полумесяцем, между Европой и Азией, между арианством и семитизмом. Какое значение имело для либеральных политиков то, что ислам, фактически, с тех пор, как его первое миссионерское рвение проявилось много веков назад в Азии и Африке, никогда не пытался и не хочет убить христианство? Какое значение для них имело то, что христианство с исторической точки зрения является семитским вероучением и в своей первоначальной восточной форме ближе к исламу, чем к продукту западного темперамента, который проходит под тем же названием? Какое значение для них имело то, что турки после пяти или шести столетий постоянных браков с женщинами покоренных рас, с этнографической точки зрения, стали более европейцами, чем болгары, которые по крови больше турки, чем современные турки? Какое им было дело до того, что турки вообще не семиты? Какое значение для противников еврея имело то, что доктрина целостности Османской империи была провозглашена до того, как Дизраэли окончил школу, и что его восточная политика возрождения Турции была политикой, разработанной такими же добрыми христианами, как и они сами, задолго до того, как Дизраэли стал властью в стране — такими людьми, как герцог Веллингтон и сэр Стратфорд Каннинг, — и продолженной современными дипломатами и государственными деятелями, такими как лорд Солсбери, сэр Генри Лейард и сэр Генри Эллиот? Это простые факты. Либеральная партия хотела широких принципов и благозвучного боевого клича. Дизраэли был противником амбиций России, а Дизраэли был евреем. Что может быть проще, чем связать эти две вещи? Враг России был врагом христианства, арианства, Европы. Если бы были возможны какие-либо сомнения, их можно было бы легко развеять ссылкой на романы Дизраэли. Там, как и везде, при случае и не при случае, Дизраэли проповедовал величие своей преследуемой расы с искренностью, мужеством и последовательностью, которые в глазах нейтрального исследователя составляют самую благородную черту его характера; в глазах политического оппонента - самое убедительное доказательство его еврейской враждебности христианству. Соответственно, мы находим, что м-р Гладстон в 1876 году доверял сочувствующему уху своего друга, герцога Аргайла, следующее философское размышление: “У меня есть сильное подозрение, что криптоиудаизм Диззи имел отношение к его политике: евреи Востока *люто* ненавидят христиан, которые не всегда хорошо с ними обращались”.²⁵⁰

В то же время другие политики выражали свое предубеждение против евреев и “еврейских целей” Дизраэли в различных книгах,²⁵¹ брошюрах, речах и статьях, а вскоре после этого, когда красноречивый язык навсегда умолк, и человек, подчинивший Европу своей воле, больше не мог защищаться, преподобные епископы постарались с энтузиазмом и проникательностью, достойными менее неблагородной задачи, проследить происхождение и развитие “лживости” великого государственного деятеля, его “политическая нечестность”, его “пренебрежение моралью в погоне за личными амбициями”, его “теологический и политический скептицизм”, его “ревность к духовному и интеллектуальному превосходству семитской расы” и остальные его добродетели, начиная с раннего домашнего образования под руководством его отца-еврея-скептика и матери - вульгарной еврейки, через его школьную жизнь, его ученичество в конторе адвоката, различные этапы его литературной и политической карьеры, вплоть до момента его смерти. Однако с видом благотворительного покровительства было указано, что это не лишено забавы, если принять во внимание относительную значимость автора и предмета критики, что “было бы сурово и несправедливо судить о нем по нашим обычным стандартам политической морали”, поскольку “мистер Дизраэли начал свою

общественную карьеру практически без каких-либо моральных или религиозных принципов любого рода”.²⁵² Автор повторил любимое объяснение неприятия Дизраэли восточной политики Гладстона, а именно, что оно возникло из-за того, что “политика "чемоданов и поклажи" грубо противоречила его заветным убеждениям в отношении ‘семитского принципа’”. Турки, действительно, - наивно замечает ученый богослов, - не принадлежат к семитской расе; но их теократическое государственное устройство является продуктом семитского мозга и, следовательно, было священным в глазах лорда Биконсфилда”.²⁵³ По мнению автора, самым дорогим идеалом Дизраэли, когда это не было его собственным превосходством, было превосходство еврейской нации, вся его карьера была смесью эгоизма и семитизма.

В то время как благородные теологи проводили эти интересные *посмертные* исследования характера поборника семитизма, ученые профессора проводили не менее интересные исследования характера антисемитизма. И в то время как первый осуждал этого представителя расы как человека, сделавшего “самовозвеличивание единственной целью своей жизни”, второй пытался оправдать поведение своих врагов на основании еврейского “трайбализма”, “материализма”, “оппортунизма”, “космополитизма” и других пороков, заканчивающихся ин - измом.²⁵⁴

Поскольку эти обвинения все еще выдвигаются против евреев их врагами в Англии, возможно, было бы не лишним ответить на некоторые из них раз и навсегда. Никому, у кого на книжной полке стоит биографический словарь, не нужно объяснять, что еврейский народ, далекий от того, чтобы специализироваться на материальных целях, никогда не уклонялся от причитающейся ему доли в мировой интеллектуальной работе, хотя ему редко предоставлялась причитающаяся ему доля мирового признания. Куда бы мы ни посмотрели, в науке, искусстве, музыке, философии, литературе, политике, мы везде находим еврея, щедро вносящего свой вклад в общий фонд человеческих знаний. От Высшей критики, которая была начата евреем в третьем веке, и сравнительной филологии, также зародившейся евреем в девятом, через философские работы Спинозы в семнадцатом и Мендельсона в восемнадцатом, вплоть до психологических трудов Штайнталя, умершего в 1892 году, — и это лишь несколько наиболее известных имен — мы находим доказательства, которые говорят сами за себя и полностью опровергают клевету о том, что евреи - раса простых стяжателей. В Темные века условия, в которых был обречен жить Израиль, отнюдь не благоприятствовали развитию духовных качеств. Средневековая Европа, как правило, не допускала более трех точек доступа к деятельности на иврите. Еврей мог стать только торговцем, финансистом или врачом, и во всех этих трех профессиях он достиг отличия, на которое давало ему право его превосходство. Обладающий богатым воображением от природы, космополит по необходимости, мыслитель и лингвист по образованию, со всеми своими способностями, обостренными преследованиями, и всеми своими страстями, обузданными невзгодами, еврей не мог не заявить о себе среди своих ограниченных и невежественных современников. Соответственно, мы находим средневековых евреев выдающимися в медицине, коммерции и финансах. Что касается медицины, то уже было сказано достаточно. Что касается коммерции, превосходство евреев никогда не оспаривалось. Их финансовое превосходство также признано. Но не часто вспоминают, что евреи, чтобы облегчить передачу своего богатства в условиях насилия и вымогательств средневековья, были первыми, кто изобрел замечательную систему бумажных денег — изобретение, которое, как утверждает историк Элисон, если бы оно было сделано раньше, могло бы предотвратить

падение Западной Римской империи. Но, помимо хрематистических занятий, даже в средние века евреи, которым преследования и социальная изоляция не позволяли надолго привязать себя к какой-либо конкретной стране и которые были вынуждены вести кочевой образ жизни, использовали свои возможности путешествовать не только с целью торговли, но и для передачи знаний. Таким образом, сознательно или нет, средневековый еврей стал великим посредником, с помощью которого знания передавались из страны в страну. В Испании, до того как священная война против расы лишила ее условий, необходимых для развития ее гения, мы видели евреев, отличившихся в литературе, схоластической философии, науке и дипломатии. После своего изгнания испанские изгнанники во многом повлияли на культуру стран, по которым они распространились; Барух Спиноза был лишь величайшей звездой в великом созвездии. Даже в Англии, куда мало кому из этих беженцев удалось проникнуть, мы находим их духовное влияние в переводе Библии короля Якова, который во многих местах носит следы комментариев Дэвида Кимчи.²⁵⁵

Место Израиля в средневековом мире с равной справедливостью и красноречием было описано Лекки: “В то время как окружающие их люди пресмыкались во тьме одурманенного невежества; в то время как жонглирование чудесами и лживые реликвии были темами, на которые распространялась почти вся Европа; в то время как интеллект христианского мира, поработанный бесчисленными преследованиями, погрузился в смертельное оцепенение, в котором были оставлены всякая любовь к исследованию и всякий поиск истины, евреи все еще шли по пути знания, накапливая знания и стимулируя прогресс с той же энергией”. непоколебимое постоянство, которое они проявляли в своей вере. Они были самыми искусными врачами, самыми способными финансистами и одними из самых глубоких философов; хотя они уступали современникам лишь в развитии естественных наук, они также были главными толкователями арабских знаний в Западной Европе”.²⁵⁶

В современной Европе мы также видели, насколько разнообразной и полезной стала деятельность евреев после их эмансипации не только в финансовых ведомствах. Перед лицом этих фактов невыразимо нелепыми кажутся проповедь антисемита о “евреекогелет-типа”, который “преследует выгоду неразделенной душой, тогда как душа христианина или идеалиста разделена”, и его спокойное, самодостаточное заявление о том, что “большая часть лучшего христианского и идеалистического интеллекта полностью отдана целям, совершенно отличным от выгоды или власти”. Это замечание, конечно, справедливо в той мере, в какой речь идет о двух “типах”. Но, если автор не имеет в виду поразительное утверждение, что при прочих равных условиях один тип характерен для евреев, а другой - для христиан, — что обычный еврей рождается материалистом, а обычный христианин - идеалистом, - его утверждение бессмысленно. Это становится хуже, чем бессмысленно, когда он продолжает подчеркивать “компактную организацию” евреев в отличие от “рыхлой структуры” христианского общества и провозглашать, что “в этом отношении нееврей, вместо того чтобы честно стартовать, становится инвалидом в гонке”.²⁵⁷ Единственный логический вывод, который можно сделать из этих предпосылок, состоит в том, что баланс должен быть восстановлен путем угнетения еврея. Но автор уклоняется от такого вывода. Средневековые и континентальные антисемиты были более последовательными и смелыми.

Таков был генезис английского антисемитизма. Однако основная масса общественности практически не обратила внимания на эти высказывания. Английский народ недостаточно умен, чтобы поддаваться влиянию литературных теорий. Его медлительность в отбрасывании старых ошибок является гарантией от опрометчивого принятия новых. Но когда недовольство преподносится ему в более осязаемой форме практического и вредного факта, тогда английский народ начинает задумываться.

Преследование евреев в России, Румынии, Венгрии и Германии угрожало наводнить Англию толпой беженцев, более трудолюбивых, чем английские рабочие, более бережливых и гораздо более умеренных. Следствием этого стало бы падение заработной платы. Опасность была слишком практической, чтобы ее игнорировать; к счастью, как для английского рабочего, так и для еврея, ее временно предотвратили еврейские благотворительные ассоциации, которые направили эмиграцию в более безопасные русла. Но, хотя непосредственная причина для тревоги исчезла, антиеврейские настроения остались; и их подпитывал приток новых толп из Восточной Европы в более поздний период. И снова Попечительский совет, Русско-еврейский комитет и другие организации приложили все усилия, чтобы ни в коем случае не допустить, чтобы иммигранты стали обузой для британского налогоплательщика. С этой целью были приняты меры, чтобы те жертвы угнетения, которые остались в Англии, могли без промедления зарабатывать себе на хлеб той отраслью, для которой они могли быть лучше всего приспособлены; но везде, где это было возможно, для них находили пристанище в странах, менее населенных, чем Англия, и более подходящих для колонизации. В то же время посредством заявлений, адресованных еврейским властям и опубликованных в еврейских газетах за рубежом, относительно перегруженности британского рынка труда, были предприняты усилия, чтобы остановить волну дальнейшей иммиграции.²⁵⁸ Но эти усилия оказались не совсем успешными. Так что нескончаемый круговорот предрассудков и банальности, прерванный на некоторое время, снова возобновил свое древнее течение. Как в начале девятнадцатого века, так и сейчас, в начале двадцатого, наши библиотеки постепенно пополняются томами изысканной скучности. Мы призваны снова вступить в старую битву. Враг предстает под разными знаменами; но все легионы, хотя и не знают этого, сражаются за одно и то же дело. И, хотя их разнообразие велико, ни один из баннеров не является новым.

Первым выходит наш старинный друг, богослов, с Библией в руках, с таким же отважным сердцем, как всегда, и таким же громким голосом. Он достойный потомок святого Доминика, хотя, возможно, он пришел бы в ужас, если бы ему об этом сказали. Но история жестока, и свидетельства прошлого остаются неизгладимыми. Какой изучающий историю может не уловить нотку фамильярности в красноречии нашего современного миссионера?

“Иисус есть Путь”: говорит проповедник, “Хотя у евреев есть закон, они не могут прийти к Богу, потому что Иисус есть Путь. Хотя у них есть Ветхий Завет, они не знают истины, потому что Иисус есть *the* Истина и Жизнь!” и после нескольких предложений, богатых ударениями, пылом и заглавными буквами, следует старый-престарый вывод: “усыновления и истинной духовной жизни нет там, где Христос не зажег ее. Израиль, в его нынешнем состоянии, Израиль без Христа, показывает это всему миру. Несмотря на огромную активность и энергию религиозной жизни евреев, у них нет — мы говорим это с великой скорбью — на самом деле никакой жизни — все, что у них есть, является плотским — и это объясняет тот феномен, что они не принесли большой духовной пользы миру со времени пришествия Христа. Только во Христе Израиль снова будет жить и станет благословением для мира”.²⁵⁹

Так говорит сторонник обращения. Его надежда на будущее так же велика, как и его забвение прошлого. “Великий Бог, ” сообщает он нам с трогательной уверенностью, “ в Своем провидении сейчас быстро готовит путь к окончательному и единственно возможному решению”. Ах, мой добрый друг, для христианина очень естественно верить, что “истинной духовной жизни нет там, где Христос не зажег ее”, очень приятно с презрением указывать пальцем на “Израиль без Христа”, очень хорошо пророчествовать, что “только во Христе Израиль снова будет жить и станет благословением для мира”. Но как нам убедить Израиль в том, что это так? Эта древняя нация, которая, бросив вызов натиску веков, прожила так долго, так много видела, так много страдала и так много пережила, может ли она поддаться нашим устаревшим аргументам? Или вы бы посоветовали нам еще раз предложить еврею выбирать между крещением и костром? Этот аргумент также был опробован и признан неадекватным. Обращайте евреев! С таким же успехом вы могли бы попытаться преобразовать Пирамиды.

Пока апостол. Следующим идет патриот - изучающий статистику, печальный и, что касается религиозных предубеждений, вполне трезвый. Тонем замогильной торжественности он предупреждает нас, что, если Англия хочет избежать участи Континента, а именно, “когда евреи станут сильнее, богаче и значительно многочисленнее; с соответствующей уверенностью в том, что пресса будет захвачена”ими“, а национальная жизнь будет подавлена заменой материальных целей теми, которые, какими бы ошибочными они ни были, сформировали бескорыстные и имперские цели англичан, создавших Империю” — если мы хотим предотвратить эти ужасные бедствия, Англия должна “отказаться от своей светской практики самодовольного принятия о каждом человеческом существе, решившем поселиться на этих берегах. Если ничего не предпринять для сдерживания зла, неизбежно последует вспышка против расы, “представители которой всегда находятся в изгнании и являются чужаками на земле, которую они усыновили”.²⁶⁰

Апелляция к Империи вполне современна, хотя, если бы автор имел хоть какое-то разумное представление о своем собственном деле, он мог бы понять, что империализм - это самое последнее, что в мире ему следовало бы призывать к поддержке своего узкого национализма: эти две вещи различаются так же сильно, как автор отличается от Юлия Цезаря. Если бы Британская империя была ограничена англичанами, она вскоре перестала бы быть империей. Столь же новизной является интерпретация нашей экспансии как результат бескорыстного рвения к чьему—то благу - автор не указывает, чьему именно. Но конкретное обвинение, выдвинутое против еврейской расы как таковой, “представители которой всегда находятся в изгнании и чужие в стране своего усыновления”, вряд ли достойно оригинальности автора.

Пророк возражает против евреев как не принесших “большой духовной пользы миру”. Трудно оспорить это утверждение, потому что невозможно понять особое значение, которое пророк придает слову “духовный”. Его позиция неопровержима. Патриот, однако, осуждает евреев как сторонников “материальных целей” и тем самым обвиняет себя либо в грубом невежестве, либо в преднамеренном искажении фактов. То, чем мир мысли обязан евреям, уже было описано со всей полнотой подробностей, которые, вероятно, покажутся излишними большинству образованных людей. Что касается утверждения о том, что еврей все еще считает себя изгнанником и чужаком в чужой стране, мы предлагаем разобраться с ним, когда перейдем к рассмотрению отношения евреев к сионистскому движению. Здесь достаточно указать на то, что термин “еврей” слишком широк, чтобы оправдывать какое-либо радикальное обобщение. Есть евреи и иудейки, точно так же, как есть христиане и христиане. История убедительно

доказывает, что еврей в прошлом сохранял большую часть своей клановости там, где его наиболее жестоко угнетали. Что касается современного иудаизма, то со времен Моисея Мендельсона в нем начался распад, который делает всеобъемлющее и уверенное высказывание возможным только для тех, кто считает предрассудки адекватной заменой знанию. Но в таком универсальном заявлении нет необходимости. Если мы хотим получить ответ на вопрос: “Может ли еврей быть патриотом?” нам достаточно взглянуть на историю современной Европы. Разве евреи не сражались вместе с немцами против французов во времена Наполеона, с венграми против австрийцев в 1848 году, с австрийцами против пруссаков в 1866 году, с немцами против французов и французы против немцев в 1870 году, с румынами против турок в 1877 году? Или может ли человек выразить свою преданность своей стране более недвусмысленным образом, чем умирая за нее? Если, конечно, вероломный еврей, даже умирая, не руководствуется каким-то скрытым мотивом.

Но почему мы должны заглядывать дальше дома? В 1831 году Маколей писал: “Если евреи не относились к Англии как к детям, то это потому, что она относилась к ним как мачеха”. Англия перестала относиться к евреям как к мачехе. Насколько изменение отношения Англии к евреям повлияло на отношение евреев к Англии? В воскресенье, 28 декабря 1902 года, лорд Робертс присутствовал на специальной службе в Центральной синагоге на Грейт-Портленд-стрит, посвященной еврейским военным служащим регулярных и вспомогательных войск, павшим в Южной Африке, сражаясь за Англию. День был выбран удачно, поскольку в один и тот же день проводится ежегодное празднование в память о воинских подвигах Маккавеев — совпадение, которое практически опровергает догматическое обобщение о том, что “сердце человека не может принадлежать двум нациям”, и которое показывает, что английский еврей, во всяком случае, может быть как евреем, так и англичанином: он может лелеять идеалы прошлого и в то же время жить в реалиях настоящего. Солдаты, в память о которых проводилась церемония, составляли часть вооруженных сил, насчитывающих более 1200 офицеров и рядовых, которые приняли достойное участие в войне. Это число приобретает новое значение, если учесть, что общее еврейское население Великобритании в тот год не превышало 180 000²⁶¹ человек и что у нас каждый солдат - доброволец. Еврей сделал для матери-англичанки столько же, сколько любой из ее сыновей-христиан: он отдал свою жизнь, защищая ее дело. Более того, чтобы вступить в армию, еврей обязательно должен пожертвовать чем-то помимо жизни — чем-то, что он считает выше жизни, - частью своей религии, и особенно церемониальными обрядами, такими как диетические законы и суббота. Но выдающиеся английские раввины, такие как покойный Симеон Сингер, утверждали, что долг перед Англией оправдывает и даже освящает эту жертву.

И это самое недвусмысленное доказательство патриотизма не было единичным случаем. В течение последних десяти лет Праздник посвящения ассоциировался с празднованием мужчин, проходящих службу в Регулярных и вспомогательных войсках. 13 декабря 1903 года преподобный Фрэнсис Л. Коэн, чьей инициативе обязан этот обычай, открыл второе десятилетие этих торжеств в синагоге Нью-Вест-Энд в присутствии 38 офицеров и 167 рядовых, а также ряда новых офицеров-евреев, включая генерал-майора и генеральшу. Проповедник подробно остановился на том, с какой быстротой британские евреи откликнулись на призыв во время последней войны. Он упомянул 127 евреев, которые тогда “отдали свои жизни за флаг, который все они чтит и любили”, и объявил, что в качестве свидетельства “гордости и радости, с которыми евреи приветствуют свою привилегию добровольно нести бремя защиты своей общей страны”, они стремились вручить трофей, “за который из года в год будут соревноваться

на большом ежегодном собрании Национальной стрелковой ассоциации, такой, который мог бы побудить других их сограждан совершенствоваться в военном применении этого оружия, которое в любой момент может снова потребоваться для защиты неприкосновенности территорий их Суверена”.²⁶² Истина заключается в том, что религия давно перестала быть главной силой в составе наций. На современном этапе мирового развития симпатия к своим единоверцам не исключает лояльности к своей стране, так же как лояльность к своей стране не исключает ненависти к своим единоверцам в других странах.

Продолжающиеся притеснения и преследования в Восточной Европе не прекращают поток эмиграции. Как и следовало ожидать, огромное количество преследуемой расы обратилось к Англии как к единственной европейской стране, где свободе еще не угрожала серьезная угроза из-за возрождения нетерпимости. Но прием, который они встретили в этом святилище свободы, не был единодушным. “Инопланетное вторжение”, как его называют, вызвало значительную тревогу и опасения в определенных кругах. Меланхолический патриот сообщает нам в более недавней и популярной публикации,²⁶³ что это угроза для нации, что “британское право убежища до сих пор было столь же выгодно Империи, как и иммигрантам”, но что “сегодня все иначе”. Нас призывают пересмотреть нашу позицию и спросить себя, правы ли мы, “разрешая свободный ввоз мусора из зарубежных городов, который загрязняет нашу английскую жизнь, повышает арендную плату и снижает уровень существования”. Наконец, нам советуют закрыть наши двери перед “нежелательными пришельцами”. Поставленный таким образом вопрос допускает только один ответ. Если эти пришельцы нежелательны, мы не должны желать их. Никто не стал бы придирается к нашим советникам, если бы не то, что под маской движения за исключение “нежелательных” личностей, похоже, в некоторых кругах скрывается регрессивная враждебность по отношению к еврейской расе в целом или желание разжечь такую враждебность. Меланхолический патриот как нельзя кстати напоминает нам, что “иностранцы, которые поселяются в Англии, почти полностью принадлежат к еврейской расе, и поэтому невозможно обсуждать вопрос иностранной иммиграции, не затрагивая еврейский вопрос”. Таким образом, сбросив маску, он переходит к откровенному и неприкрытому антисемитизму:

“Особенность этой расы в том, что они отказываются от ассимиляции путем смешанных браков, наравне с русскими в России, с арабами в Тунисе или с англичанами в Англии, так же жестко, как их предки отказывались от смешанных браков с язычниками во дни Неемии”. Вопрос, представленный в этой форме, интересен тем, что он не нов. Уже было показано, что отчужденность еврея была основной причиной его страданий. Если бы евреи не образовали “особый народ”, они не стали бы дойными коровами и козлами отпущения для народов на протяжении веков. Но также можно показать, что в наши дни это лишь частично верно в странах, которые действительно приняли евреев. Подсчитано, что в Англии заключается гораздо больше браков между евреями и христианами, чем между протестантами и католиками. По еврейским законам брак между евреем и новообращенным является совершенно законным. Таким образом, в конце концов, барьер связан скорее с религией, чем с расой. Естественно, склонность к таким смешанным бракам не преобладала бы ни с одной из сторон, за исключением сравнительно редких случаев. И все же остается странным тот факт, что такие смешанные браки по меньшей мере столь же распространены как в низших, так и в высших классах еврейского общества.

Кроме того, хотя клановость расы в прошлом объясняет ее преследования, оправдывает ли это ее? Является ли это аргументом, который современный государственный деятель в свободной

стране должен принять в качестве оправдания исключения? Более того, если евреи действительно такие черные, какими их рисует автор, не довольно ли непатриотично с его стороны желать, чтобы они вступали в смешанные браки с нами и таким образом ухитрялись “загрязнять нашу английскую жизнь” гораздо эффективнее, чем они смогут это делать, если будут продолжать оставаться обособленным народом? Однако последовательность в рассуждениях, как уже отмечалось, не является сильной стороной антисемита.

Оракул приводит нам семь причин — мистических и зловещих, — почему “иммиграция беднейших евреев из России и Польши является национальным злом”.

1. “Они снижают уровень комфорта англичанина и чрезмерно увлекаются ростовщичеством”.
2. Конкуренция вредна для англичанина, потому что она заключается “не в том, чтобы определять выживание наиболее приспособленных, а в том, чтобы определять выживание наиболее приспособленных к существованию на селедке и куске черного хлеба”.
3. “Они с удовольствием придерживаются диеты, которой недостаточно для питания англосаксов, питающихся мясом”.
4. “Их привычка жаться друг к другу в условиях неприличной грязи исключает возможность решения жилищного вопроса и сводит на нет наши муниципальные санитарные законы”.
5. “Они снижают заработную плату неквалифицированных женщин и чернорабочих”.
6. “Они повышают арендную плату”.
7. “Они увеличивают площадь потоотделительной системы”.

Ответ на обвинение в ростовщичестве был дан опытом и экономической наукой давным-давно. Но патриот вносит в дискуссию совершенно новый элемент, когда он описывает еврейских иммигрантов как нищих и, на одном дыхании, как ростовщиков. Он не снисходит до объяснения, как люди, которых, как он позже утверждает, вынуждает покинуть свои дома нужда, и которых привлекает в Лондон “магнетизм” еврейских благотворительных организаций, как эти нищие без гроша в кармане могут “использовать ростовку как средство к существованию”. Если они нищие, они не могут быть ростовщиками, а если они ростовщики, они не могут быть нищими. Умирать с голоду и давать займы одновременно - это подвиг, на который вряд ли способен даже еврей.

Что касается потоотделения и санитарии, то это вопросы, для решения которых законодательство, если оно того стоит, должно иметь возможность разработать гораздо менее радикальные средства, чем те, которые предлагает статистический патриотизм. Остальные причины, если исключить их повторяемость и свести к их логическим измерениям, сводятся к следующему: нам не нужен еврей, потому что он может работать больше, чем мы, за меньшую зарплату, чем мы, и может жить более экономно, чем мы. Другими словами, потому что для борьбы за существование он лучше подготовлен, чем мы. Он слишком грозный соперник.

Но и по этому пункту враги еврея фатально расходятся во мнениях. Другой автор называет парадоксальным объяснение успеха еврейского иммигранта более низким уровнем жизни и

большей трудоспособностью. “Это все равно, - говорит он, - как если бы кто-то утверждал, что из двух машин та, что похуже, выполняет больше всего работы и требует меньше топлива”. Он ищет и находит истинную причину вытеснения английского ремесленника не в “предполагаемой бережливости приезжего иностранца” или в “его готовности делать больше за свои деньги”, а в “еврейской системе помощи бедным на улице”... что делает соперничество и успешную конкуренцию невозможными”. В качестве примера он приводит тот факт, что бедные дети, посещающие Бесплатную еврейскую школу на Белл-лейн, частично получают питание и одежду от благотворительной еврейской семьи. Автор, хотя и явно возмущается даже конкуренцией в филантропии как чем-то чудовищным и нечестным, все же достаточно милосерден, чтобы признать, что “это может быть хорошо, может быть плохо; справедливо или несправедливо по отношению к другим школам”.²⁶⁴ Можно было бы подумать, что школы - это магазины, соревнующиеся друг с другом в том, кто из них привлечет наибольшее количество клиентов, а не бескорыстные учреждения для образования общества. Более того, можно было бы подумать, что один только приведенный факт должен подвигнуть добрых христиан к подражанию еврейскому сопернику и благодарности ему за пример благотворительности, который он им подает, вместо того, чтобы превращать сам этот пример в новый упрек и приводить его в качестве причины для исключения его из страны. Наконец, можно было бы подумать, что вместо того, чтобы поносить еврея за то, что он помогает своим менее удачливым единоверцам, истинного патриота можно было бы побудить, в чистом соперничестве, помочь своим собственным. Но на самом деле происходит вот что. Мы говорим еврею: “Мы позволяем нашим безработным голодать, а вы нет. Это несправедливо по отношению к нашим бедным безработным”. Поистине, этика антисемитизма столь же прекрасна, как и его логика.

Тот же самый узколобый страх перед инопланетным конкурентом в настоящее время проявляется в Южной Африке. На встрече в Кейптауне 23 сентября. 23 февраля 1904 года выступавшие начали с осуждения индийцев как азиатов, но вскоре они распространили свои возражения на евреев, греков и итальянцев. Евреев обвиняли в том, что они работают по воскресеньям, греков - в том, что их магазины открываются позже, чем у местных жителей, итальянцев - в том, что они отправляют большие суммы денег (свои с трудом заработанные сбережения) из Колонии по домам. Писатель, комментирующий этот отчет, резонно замечает: “Против глупости такого рода аргументы тщетны”.²⁶⁵ И его мнение разделяет большинство здравомыслящих людей в Англии. И все же многие из этих людей, вероятно, будут готовы одобрить исключение еврейского иммигранта, не видя, что то, что справедливо осуждается как глупая нетерпимость в одной стране, вряд ли может быть оправдано как просвещенная государственная мудрость в другой.

Было время, когда бережливость, крайняя бережливость, жизненный успех и клановость были причинами ненависти англичанина к конкуренту-шотландцу, когда последний после распада Союза начал эмигрировать на Юг. Этих пришельцев, как и евреев, обвиняли в том, что они “сбиваются в стадо” и живут на мизер, им завидовали за то, что они преуспевают в мире, и их осуждали за то, что они подталкивают друг друга. Шумиха утихла, и ни одному трезвому англичанину наших дней не пришло бы в голову возродить ее. Фанатичные патриоты тех дней советовали исключить шотландцев из списка “нежелательных” и имели немало последователей среди людей, которые, сами потерпев неудачу в жизни, не могли простить иностранцу его успеха. “Но, - как уместно спрашивает автор статьи на эту тему, - было бы хорошо для Англии, даже с чисто коммерческой точки зрения, если бы шотландский виски был

запрещен законом? Разве ее дети не пожинали плоды трудов тех, кому их предки хотели запретить управлять страной?”²⁶⁶

Однако перед подобными соображениями наш современный патриот благородно неуязвим. В своем националистическом энтузиазме он вскоре забывает даже о своих семи доводах, какими бы слабыми и противоречивыми они ни были. Еврейский миллионер ему так же ненавистен, как еврейский нищий. Он описывает евреев как расу, одаренную неукротимой хитростью и экстраординарной способностью “молниеносно улавливать точный момент, чтобы загнать рынок в угол”, как “могущественную, исключительную и нетерпимую расу” экспертов “по размещению компаний”, как адептов “в искусстве вводить общественность в заблуждение раздуванием никчемных ценных бумаг с искусственной и искрометной ценностью”, как племя, “неоправданному экономическому господству” которого способствовал — о вы, тени короля Иоанна и Торквемады — “мягкий дух христианства!”

Чтобы перейти от смехотворно возвышенного к в высшей степени смехотворному: “Еврейское влияние при дворе настолько бросается в глаза, что является предметом непрестанных сетований со стороны чистокровных англичан”. Конечно, конец Британской империи не может быть очень отдаленным, когда король отправляется в Ньюмаркет “в сопровождении финансиста-еврея”, “является гостем финансиста-еврея” и когда, что самое ужасное, “в опубликованных списках приглашенных на званый ужин в первый вечер все были финансистами—евреями или его родственниками, за исключением адъютанта короля и португальского министра” - последний если не еврей, то иностранец!

Далее “Патриот” предупреждает нас тоном, неотразимо напоминающим Льюиса Кэрролла: “Пришло время открыто заявить об этом инопланетном влиянии. Впереди опасность.... Ходят отвратительные слухи о том, что богатые члены еврейской общины возложили на короля Англии неоправданные обязательства. Если это правда, то долг народа Англии - выволить своего Суверена из пут модернизированной версии Исаака Йоркского. Если это неправда, то тем меньше причин для того, чтобы евреи занимали слишком видное положение при Дворе. Ни один искренне любящий свою страну человек не может без тревоги созерцать постепенное исчезновение старых семей и господство умных семитов, которые относятся к тому, что осталось от английского общества, как к копейщикам и вождям-капитанам. Эффективность британской нации требует преобладания в ней англосаксонского, а не семитского элемента. Пришло время ограничить иммиграцию потенциальных ростовщиков из Восточной Европы”. Иеремиада завершается поистине зловещим напоминанием: “В 1290 году евреи были изгнаны из Англии”.

Континентальный антисемитизм не может показать ничего превосходящего эти стенания нашего “чистокровного” “англосакса”. В них мы видим все наследственные черты ненависти к евреям, преувеличенной замкнутым недоверием ко всему иностранному и провинциальным отсутствием чувства меры или юмора. Однако этот манифест, несмотря на его ограниченность, является прекрасным образцом литературы, достаточно распространенной на Континенте, хотя все еще редкой на этих отсталых островах. Те, кто интересуется этим предметом, найдут в немецких антисемитских брошюрах и в русских панславистских газетах прототипы всех аргументов, настроений и внутренних противоречий, бледными копиями которых являются воплощенные в этом мрачном произведении. Но эта брошюра - нечто большее, чем литературный курьез. Подобно пресловутой соломинке, которая сама по себе не имеет

значения, но заслуживает внимания как указывающая направление течения, этот продукт провинциального мышления достоин некоторого внимания как примета времени. Уже нашлись англичане, достаточно нелиберальные, чтобы не замечать всех положительных сторон в характере бедных еврейских иммигрантов — их неумолимого трудолюбия, трезвости и самопожертвования — и высмеивать, в высшей степени безвкусно, трогательную набожность, которая побуждает этих несчастных странников искать утешения в своих страданиях в молитве и в изучении Книги, которая была единственным источником утешения для миллионов их соплеменников на протяжении последних двадцати веков и для миллионов наших соотечественников более половины этого времени.²⁶⁷

С другой точки зрения, брошюра также является документом, даже более ценным, поскольку более откровенным, чем было бы менее грубое исполнение. Это дефисное обозначение связи между чистым антисемитизмом — пока что незначительной проблемой в Англии — и другой тенденцией, совершенно иной по происхождению, гораздо более широко распространенной и разделяемой людьми, которые в других отношениях имеют мало общего с провинциальными патриотами. Это тенденция к реакции, одним симптомом которой является агитация против пришельцев, а другим — призывы к защите; и то, и другое указывает на смену настроений в пользу политических идеалов, модных до правления королевы Виктории.

До девятнадцатого века Англия была, по сути, страной тори. Немногие правила многими, и их правление основывалось на предположении — несомненно, в значительной степени оправданном в те дни, — что многие не годились для того, чтобы править самостоятельно. Место в Палате общин было практически семейной реликвией; покровительство наполняло Церковь, а фаворитизм контролировал армию и флот. Вся английская общественная жизнь — гражданская, религиозная и военная — находилась под властью олигархии, и честная конкуренция была чем-то неизвестным. Это было царство Защиты в самом широком смысле этого термина. Затем наступило пробуждение масс — пробуждение, первый признак которого уже проявился в передаче почтения литератора от знатного покровителя широкой публике, — и постепенно латаргическое согласие с указами аристократического Провидения сменилось здоровым недовольством. Плодом этой глубокой и медленной эволюции стала серия реформ, которые, передав общественному мнению власть, ранее принадлежавшую привилегированному классу, превратили Англию из чистой аристократии в умеренную разновидность демократии. Прогнившие районы были сметены с лица земли, и благодаря устранению религиозных ограничений английский парламент и английские университеты стали по-настоящему представительными учреждениями. Наряду с этими изменениями появилось требование свободной конкуренции в другой сфере — торговле, — и результатом этой агитации стала отмена Хлебных законов. В каждой сфере жизни индивид требовал и, частично, получал свободу инициативы и действий. *Принцип невмешательства* стал девизом викторианской эпохи, а свободный международный обмен товарами обещал наконец реализовать идеалы международной дружбы и взаимности, которые проповедовал восемнадцатый век, но оказался неспособным реализовать на практике.

Похоже, сейчас мы вступаем в новую главу нашей истории. Похоже, что либеральное течение, которое до сих пор несло нацию, израсходовало свои силы, а встречное течение заявляет о себе. Палата общин по-прежнему является собранием народных представителей, но она утратила большую часть своей власти в добрых или злых целях и большую часть уважения, которое ей когда-то оказывали. *Невмешательство* упоминается только для того, чтобы

подвергнуться насмешкам, принцип свободной конкуренции открыто подвергается нападкам, интернационализм клеймится как космополитизм и апеллирует к человечности как доказательство болезненной сентиментальности; в то время как защита уверенно отстаивается в торговле и промышленности. Как произошла эта перемена в настроениях? Одну из ее причин можно найти в росте имперской идеи. История всех наций показывает, что национальная экспансия, хотя и часто достигаемая индивидуальной предприимчивостью, может поддерживаться только организованными усилиями, концентрацией власти в нескольких руках и пропорциональным ограничением индивидуальной свободы. Демократия и Империя никогда не процветали вместе. Чтобы одна могла процветать, другая должна погибнуть. По этой причине мы считаем, что истинный демократ обязательно является тем, кого сейчас у нас называют Маленьким англичанином; истинный империалист также обязательно является диктатором. Антидемократическая реакция в Англии была неизбежна отчасти из-за экспансии самой Великой Британии, а отчасти из-за развития других стран по империалистическому и деспотическому пути. Ибо сейчас для Англии менее, чем когда-либо, возможно развиваться без влияния примера ее соседей. И примером, который подают эти соседи, как было показано, является узкий и воинствующий национализм в их отношениях с иностранцами, а в отношении внутренних вопросов - деспотизм и централизация. Но рост этой неизбежной реакции в Англии был ускорен другими, более специфическими причинами.

В течение поколения после установления Свободной торговли Англия наслаждалась беспрецедентным процветанием — неоспоримым торговым и промышленным превосходством. Британский флаг господствовал над морями, по которым британские флоты перевозили продукты британского труда во все концы света, а британский путешественник за границей становился непопулярным и смешным, покровительствуя Монблану и надменно взирая свысока на всех, кому не посчастливилось родиться британцами. Это были гордые дни, когда лорд Пальмерстон описывал Пруссию как страну “проклятых профессоров”, а Мэтью Арнольд написал свою притчу о молодом англичанине и расстроенной детской коляске.

Но этот неоспоримый суверенитет не мог длиться вечно. Европа оправилась от разрушительного катаклизма, который оставил невредимой только Англию. Груды руин, которыми наполеоновские войны усеяли Континент, были заменены новыми зданиями. Молодые государства возникли из пепла старых, и новая жизнь прогнала тени смерти. Все эти обновленные страны, однажды приведя свои дома в сравнительный порядок, начали искать возможности для экспансии за границу. Германия с поразительной быстротой доказала, что она может производить не только “профессоров-докторантов”; Франция - то же самое; не говоря уже о таких небольших странах, как Бельгия, Голландия, Дания и Швейцария. По другую сторону Атлантики Американская Республика также оправилась от испытаний Гражданской войны с новой силой, которая вскоре проявилась в коммерческой и промышленной деятельности. Результатом этой совершенно естественной революции стало то, что Англия оказалась низведенной из автократической хозяйки мировой торговли до положения одной из многих конкурентов. Мы с удивлением и тревогой увидели, что больше не являемся образцами для подражания и источником отчаяния для других. Затем наше олимпийское самодовольство уступило место нервной тревоге, а на смену нашей высокомерной самодостаточности пришел серьезный скептицизм в отношении титулов, на которых зиждилась наша прежняя оценка самих себя. Мы перестали хвастаться нашим собственным “беспрецедентным прогрессом” и стали все более внимательно наблюдать за прогрессом, достигнутым другими. Мы приобрели привычку спрашивать себя, как получилось, что монополия, которую мы по глупости считали

своим неотъемлемым правом по рождению, ускользает из наших рук; откуда взялось такое быстрое развитие стран, которые до последнего полувека находились в коммерческом и промышленном зачаточном состоянии; как получилось, что нации, которые до вчерашнего дня довольствовались рабским копированием нас или пассивным восхищением нами, сегодня так успешно соперничают с нами? Это исследование привело к открытию, что прогресс иностранца был обусловлен более высоким интеллектом, лучшим образованием, большей приспособляемостью и другими преимуществами аналогичного характера. Мы пришли к выводу, что, если мы не заставим себя приложить все усилия, мы останемся позади в гонке. Это убеждение уже нашло самое похвальное выражение в серьезных усилиях, предпринимаемых во всех частях Англии по пересмотру и совершенствованию наших коммерческих и промышленных методов и с помощью специального образования подготовить нас к борьбе в новых условиях. До сих пор наша потеря монополии была скрытым благом, поскольку пробудила тот дух мужского соперничества, для которого бесспорное превосходство фатально. Но, к сожалению, то же самое сознание нашего изменившегося положения по отношению к остальному миру пробудило и дух совершенно иного рода. Многие из нас — слишком умные, чтобы игнорировать изменившееся положение вещей, недостаточно умные, чтобы распознать истинную причину перемен, — пришли к выводу, что наши конкуренты обязаны своим успехом тем самым финансовым и административным ограничениям, которые мы отбросили как устаревшие, и что, если мы хотим спастись от окончательного поражения, мы должны перенять их устаревшие системы. Свобода, говорят они, означает анархию, а победа возможна только при помощи дисциплины, организации, централизации. Индивидуализм враждебен эффективности. Демократический идеал устарел. В то же время культ гуманизма был вытеснен культом национализма.

Как мог бы предвидеть любой, кто наблюдал за ходом событий с некоторым пониманием их значения, крик о защите сопровождался требованием исключить иностранных иммигрантов. Последовательность была логичной и неизбежной. Если нам выгодно исключать продукты иностранного труда с помощью запретительных пошлин, то точно так же нам выгодно исключать иностранного рабочего. Эти две вещи, независимо от того, рассматриваются ли они с экономической точки зрения, политической или психологической, неразрывно связаны. Они оба являются одним выражением двойственных тенденций к деспотизму и национализму - контролю над личностью и враждебности к иностранцам — реакции против свободной конкуренции, с одной стороны, и против интернационализма, с другой. Вялые или неразумные сторонники одной политики могут выступать против другой. Но то, что эти два требования являются лишь двумя проявлениями одного и того же принципа, доказывается тем фактом, что в своей самой бескомпромиссной форме их защищают одни и те же защитники. На собрании членов клуба в Ист-Энде, на котором покойный министр внутренних дел выступил 7 декабря 1903 года, резолюция, одобряющая новую торговую политику, была внесена г-ном Д. Дж. Морганом, членом парламента, и поддержана майором Эвансом Гордоном, членом парламента, оба видные поборники борьбы с инопланетянами. Автор-протекционист, пишущий на тему иностранной иммиграции в Англию, завершает свое исследование проблемы следующими поучительными замечаниями: “Сильные соперники, лишённые сентиментальности и способности очаровываться волшебными словами — такими, как слово ‘свободный’, — стремятся вытеснить нас с наших позиций. Нам пора отказаться от нашей давней роли филантропа среди наций и так организовать наши социальные и экономические дела, чтобы мы получали как можно больше преимуществ, а иностранные государства - как

можно меньше. И одна из этих вещей, которую необходимо изменить, - это свободный въезд иностранцев в Англию”.²⁶⁸

По мере того как число иностранных иммигрантов и число безработных среди местного населения неуклонно увеличивалось, протест против первых неуклонно набирал объем и силу и, наконец, вылился в определенную кампанию, которая, как и следовало ожидать, исходя из характера дела, включала в свои ряды не только друзей своей страны, но и врагов всех остальных; не только агрессивных протекционистов, но и философских ревизионистов; не только защитников британских рабочих, но и противников евреев.

Первая авторитетная тревога об инопланетной опасности прозвучала в январе 1902 года, когда мистер Бальфур в ходе дебатов по поводу Тронной речи указал, что из-за принятия Америкой более суровых мер против иммиграции иностранцев Англия будет принимать еще больше иммигрантов, чем раньше. Вскоре после этого была назначена Королевская комиссия для расследования этого дела, и после сорока девяти публичных заседаний, на которых были заслушаны показания ста семидесяти пяти свидетелей, она пришла к выводу, что, хотя “не было доказано, что имеет место какое-либо серьезное прямое перемещение квалифицированной английской рабочей силы”, “непрерывный поток вновь прибывших создает избыток на рынке неквалифицированной рабочей силы”.²⁶⁹ Пять из семи членов комиссии рекомендовали исключить определенные категории иммигрантов, которые были признаны “нежелательными” либо из-за их характера, либо из-за оценили экономическое положение округов, в которых они поселились в большом количестве, и выразили надежду, что законодательный орган примет меры по их рекомендации.

Оба возражения — моральное и экономическое - были предвидены за пределами Комиссии. Однажды лондонский магистрат, приговаривая иностранного вора к шести месяцам каторжных работ, воспользовался случаем, заявив, что “этот случай в полной мере продемонстрировал, насколько желательным и необходимым было пресечь нежелательное вторжение иностранных преступников. В настоящее время, ” сказал он, “ отбросы иностранных государств беспрестанно стекались в гостеприимную Англию и в течение нескольких дней были вовлечены в совершение всевозможных правонарушений. Чем скорее парламент примет законы, запрещающие высадку этих нежелательных лиц, тем лучше ”.²⁷⁰ Подобные случаи, а также случаи гораздо менее серьезные, сопровождаемые аналогичными комментариями со стороны судей, стали обычным явлением. Иностранцы стали настолько непопулярны, что требовалось их исключение, поскольку некоторые из них время от времени загораживали своими тележками проезжие части, тем самым отнимая драгоценное время полицейских судов и нарушая невозмутимость столичных констеблей. Однажды, например, русский парень предстал перед городским судом по вызову в суд за создание препятствий с помощью тележки с фруктами. Сэр Генри Найт, мировой судья, наложил на нарушителя штраф в размере двух шиллингов и, обладая замечательным чувством меры, улучшил ситуацию следующим образом: “Мы должны остановить сваливание на нас ответственности за этих людей. Это отвратительно!”²⁷¹

16 февраля 1903 года была сформирована Ассоциация иммиграционной реформы с целью просвещения общественности в целом и законодателей в частности по вопросу об иностранцах посредством брошюр, широко распространенных среди членов парламента и других спикеров, а также среди организаций рабочего класса. В щедро предоставленной таким образом

информации подчеркивалась связь иностранных иммигрантов с преступностью и пороками, описывались экономические бедствия, возникающие в результате притока иностранцев, лишенных ресурсов, и их конкуренции с местными рабочими, и с особой подробностью рассказывалось о перенаселенности некоторых районов Восточного Лондона и последующем вытеснении местного рабочего населения захватчиками. Ближе к концу того же года (7 декабря 1903 г.) г-н Эйкерс-Дуглас, министр внутренних дел, обращаясь к членам лондонского клуба в Ист-Энде, под бурные аплодисменты рассуждал о “высылке нежелательных иностранцев”, приводя статистические данные, показывающие, как быстро росло их число и как вместе с ними росли жалобы на перенаселенность, преступность и конкуренцию, и в заключение заверил, что правительство серьезно рассматривает возможность принятия строгих мер для своевременного пресечения этого зла. Несколько месяцев спустя (29 марта 1904 г.) министр внутренних дел выполнил свое обещание, представив законопроект, “предусматривающий иммиграцию иностранцев и другие сопутствующие вопросы”.²⁷²

Представляя этот законопроект, г-н Эйкерс-Дуглас приложил все усилия, чтобы убедить Палату представителей в том, что предлагаемые меры направлены не против иностранцев как таковых, а против иностранцев как нежелательных лиц, и затем приступил к описанию уже упомянутых пороков, которые Законопроект призван устранить. Сэр Чарльз Дилке протестовал против этой меры на том основании, что большинство иностранцев, прибывших в эту страну и которые пострадают от Законопроекта, были беспомощными жертвами политических и религиозных преследований. Он подтвердил, что местные торговцы не имеют претензий к иностранным рабочим, потому что они смогли приспособиться к сравнительно небольшому числу последних, сделав из них хороших членов профсоюза. Он оспорил цифры, приведенные министром внутренних дел, утверждая, опираясь на данные переписи населения и собственный отчет Королевской комиссии, что количество иностранцев в этой стране в целом было всего лишь каплей в море и бесконечно меньше, чем количество иностранцев, проживающих почти в любой другой цивилизованной стране — фактически, из Соединенного Королевства эмигрировало гораздо больше обездоленных британцев, чем обездоленных иностранцев прибыло в него. Затем спикер отметил, что Законопроект будет использован для исключения из Англии людей, которых впоследствии нам было бы стыдно исключить. Эта мера, сказал он, если бы она была введена в действие во времена Парижской коммуны, несомненно, исключила бы многих из самых выдающихся изгнанников, которые прибыли сюда в состоянии голода и чье возвращение впоследствии было встречено Францией со всеми проявлениями благодарности этой стране за то, что она их содержала — таких людей, как Далу, один из величайших скульпторов современности, таких как братья Реклю, и многих величайших ученых, которым мы с гордостью оказали гостеприимство, или таких людей, как принц Петр Кропоткин, который прибыл в Англию, лишенный российским правительством всего своего имущества и был арестован. приветствуемый народом этой страны. Российские евреи, против которых выдвигались самые серьезные обвинения, населяли Степни и некоторые районы Ист-Энда, а некоторые были в Манчестере и Лидсе. Из них около 20 000 были заняты в пошивочной промышленности, около 3500 - в столярном деле и около 3000 - в торговле обувью. Таковы были все люди, против которых была направлена эта агитация. Выступающий видел сломленных заключенных из “черты оседлости”, отправленных по политическим мотивам через Сибирь. Эти люди не были такими опасными личностями, какими их представляли, каким бы жалким ни было их состояние, когда они попали сюда. Их происхождение не уступало нашему; и он считал,

что их происхождение, когда с течением лет оно смешивалось с нашим, скорее улучшало, чем ухудшало британскую расу.

Затем было дано разрешение внести законопроект, который был зачитан в первый раз. Месяц спустя (25 апреля 1904 г.) законопроект был вынесен на второе чтение в Палате общин и вызвал длительные и оживленные дебаты, которые продолжались на дневных и вечерних заседаниях. В ходе дебатов эта мера обсуждалась во всех ее аспектах, подвергалась яростным нападкам со стороны одной стороны и столь же яростной защите со стороны другой. Сэр Чарльз Дилк снова был первым в схватке. Он внес поправку, “согласно которой эта Палата, считая, что вред, связанный с дешевой иностранной рабочей силой, лучше всего может быть устранен с помощью законодательства о предотвращении потоотделения, желает убедиться, прежде чем согласиться с законопроектом об иностранцах, что в предлагаемой мере в достаточной степени учитывается сохранение принципа предоставления убежища жертвам преследований”. Эту поправку инициатор поддержал красноречивой речью, в которой, еще раз ознакомившись со статистикой министра внутренних дел и еще раз напомнив Палате представителей, что иммигранты, против которых была направлена эта мера, были жертвами преследований за свою религию — люди, чьи друзья были сожжены заживо и изгнаны из своих домов до смерти, — наконец, выразил свое убеждение, что за этой мерой, не в Палате представителей, конечно, но в стране, были разжигаемы антиеврейские чувства, предупредив членов Консервативной партии, участвовавших в этой агитации, что они породили дьявола, которого им будет очень трудно победить. лежать.

Это заявление, естественно, вызвало множество противоречий; но спикер в ответ справедливо заявил, что этот факт очевиден всем читателям газет, поддержавших законопроект.

За ним последовали другие ораторы-либералы, некоторые из которых называли законопроект примером законодательства, вызывающего панику, а другие - частично вызванным агитацией, направленной против евреев. Среди последних был мистер Тревелиан, который отметил, что мера была направлена почти в такой же степени на тех, кому удалось преуспеть, как и на тех, кто оказался в нищете, и что все свидетельства свидетельствуют о том, что большая часть этих инопланетян были трезвыми и трудолюбивыми людьми, которые в конечном итоге стали добропорядочными гражданами. Он утверждал, что среди многих людей за пределами Палаты представителей существовало откровенно антисемитское движение, которого он боялся и порицал, и что этот мелкий и злонамеренный шаг был сделан в том же направлении, в каком двигались правительства России и Румынии.

Долгие дебаты закончились разделением мнений, в ходе которых поправка была отклонена правительством большинством в 124 голоса, и законопроект был прочитан во второй раз. Но эта победа далеко не обеспечила его триумф. За пределами Палаты представителей мнения о достоинствах этой меры, ее масштабах и вероятных последствиях расходились не меньше, чем внутри, и соперничающие партии не жалели усилий, чтобы представить мотивы своих противников в наименее лестных тонах. Таким образом, в то время как сторонники законопроекта осудили оппозицию ему как “сеть, сконструированную с основной целью сбора голосов”,²⁷³ его противники высмеяли его как “попытку правительства удовлетворить небольшую, но шумную часть своих сторонников и приобрести небольшую популярность в избирательных округах, жестко обойдясь с рядом несчастных иностранцев, у которых нет голосов”.²⁷⁴

Английские евреи не остались равнодушными к новому бедствию, угрожавшему их страждущим братьям. Еще в мае 1903 года, когда Королевская комиссия все еще продолжала свои расследования, г-н Израэль Зангвилл на массовом собрании сионистов предсказал рекомендации Комиссии и выразил опасение, что исключение нежелательных иностранцев может оказаться только началом худших событий. “Евреи пришли в Англию вместе с Завоевателем, - сказал он, - но все их заслуги перед ним и его преемниками не предотвратили их изгнания два с четвертью столетия спустя. Он не хотел быть паникером, но никто, кто был пойман в толпе мафиозных хулиганов, не мог сомневаться в возможности антиеврейских беспорядков даже в Лондоне”.²⁷⁵ И когда год спустя предсказание спикера относительно результатов работы Комиссии сбылось, он снова, на другом собрании сионистов, сказал, что Англия “подхватывает эпидемию, которая повсюду бушует против евреев”.²⁷⁶ Об этом заявлении было доложено мистеру Бальфуру, который ответил, что “он считает это совершенно неправдой, потому что это не соответствует действительности”. “заявляя, что "законопроект об иностранцах разработан для защиты страны не от евреев, а от нежелательных иностранцев, совершенно независимо от их национальности или вероисповедания. Я бы расценил рост любых антисемитских настроений в этой стране как самое серьезное национальное несчастье”.²⁷⁷ В письме в "Таймс" мистер Зангвилл повторил свое утверждение и, оправдывая самого мистера Бальфура за антисемитизм, настаивал на том, что законопроект об иностранцах был инспирирован антисемитами - заявление, которое он еще раз решительно повторил в ходе интервью представителю газеты.²⁷⁸

Негодование не ограничивалось только евреями. Выступая на ежегодном собрании Общества британских евреев в Эксетер-Холле, преподобный Питер Томсон заявил, что еврей был скорее благословением для Ист-Энда, чем чем-либо иным, и, как лучшее свидетельство этого, он процитировал председателя пивоваренной компании Лондонского сити, который посетовал на снижение дивидендов из-за иммиграции евреев в район, где располагались их публичные дома, заключив, что сам он не одобряет законопроект об иностранцах.²⁷⁹

Несколько дней спустя (19 мая) депутация еврейской общины обратилась за интервью к парламентскому заместителю министра внутренних дел и через лорда Ротшильда, который представил ее, обратила внимание на положения законопроекта, которые будут жестко и несправедливо давить на многочисленных еврейских иммигрантов в этой стране, указав, что расследования Королевской комиссии доказали, что приход иностранцев был не источником неудобств, а выгодой для Англии, что прирост населения иностранцев был незначительным по сравнению с населением Америки, и что в Законопроекте не предусмотрено механизма для исключения действительно нежелательных иммигрантов. , такой, какой существовал в Америке, но предлагал установить в этой стране отвратительную систему полицейского вмешательства и шпионажа. Депутация также предложила от имени еврейской общины заключить договор, согласно которому признанные еврейскими иммигрантами обязательства не должны стать общественным обвинением в течение первых двух лет их проживания, и помочь властям в исключении преступников, которые могут быть еврейского вероисповедания.

Заместитель министра поблагодарил делегацию за очень умеренный тон, в котором они изложили свое дело, отверг любое намерение правительства поощрять антисемитские настроения в Англии, сказал, что все, начиная с премьер-министра, признают долг Англии перед евреями, признают, что те представители расы, которые приехали сюда, были здоровыми

и законопослушными, но, по его утверждению, Законопроект направлен на исключение больных, плохих людей и обездоленных.

Однако эти заверения не успокоили евреев. Многие из них продолжали опасаться; некоторые даже начали рассматривать изгнание как вполне вероятную возможность в будущем. Этот страх нашел свое выражение в литературе. В романе²⁸⁰, опубликованном в то время, когда судьба пришельцев висела на волоске, евреев изгоняет из Англии злой министр внутренних дел, а затем возвращает обратно, потому что “Англия не может *не* обходиться без еврейских денег и еврейских мозгов”. Изгнание, конечно, едва ли более убедительно, чем причина, приведенная для восстановления. Сама авторша в предисловии описывает свою книгу как “историю о невозможном”, но она считает, что “предупреждение — даже в форме вымысла — может оказаться неуместным”. Опасность может быть воображаемой, а предупреждение довольно преждевременным; тем не менее, книга свидетельствует о подлинном чувстве тревоги. Такая книга не могла быть написана поколение назад.

Мистер Бальфур, без сомнения, был вполне искренен, отвергая любые антисемитские предубеждения со своей стороны и со стороны своих ближайших последователей. Идея о современном культурном английском джентльмене, движимом религиозной или расовой враждой, слишком гротескна, чтобы ее можно было принять всерьез хотя бы на мгновение, и она еще больше опровергается, если нужны были доказательства, попыткой, которую, как будет рассказано далее, консервативное правительство в истинно имперском духе предприняло, чтобы предоставить дом в британских владениях тем евреям, чье присутствие оно сочло нежелательным в Соединенном Королевстве. Еще одно доказательство того, что ненависть к евреям еще недостаточно сильна в этой стране, чтобы угрожать миру евреев, было представлено примерно в то же время одним из наших самых выдающихся прелатов, епископом Уэллдоном, который в проповеди, произнесенной в Вестминстерском аббатстве в Страстную пятницу 1904 года, призвал своих слушателей подражать примеру Христа и продемонстрировать свою веру на практике, сделав взнос в Фонд евреев Восточного Лондона: “Это было, - сказал он, - лучшей оплатой, которую они могли получить за распятие своего Господа и Наставника. Евреи поссорились с ним и приняли его смерть; мы предоставили им убежище и доброту, не сказав ни единого слова упрека. Они с благодарностью признали благородное гражданство евреев во всех частях света. Взамен они предложили им в эту годовщину Страстей Господних то, что было для христиан самыми святыми, дорогими примерами жизни и характера Распятого Искупителя”.²⁸¹ В следующем году епископ Степни выступил с обращением в связи со Страстной неделей и Страстной пятницей от имени Еврейского фонда Восточного Лондона. Мысли этого сезона, по его словам, были бы неполными, если бы в них не было места тем, “чей отказ от собственного Мессии был одной из величайших трагедий истории”. В приходах Восточного Лондона проживает более 100 000 евреев, и в некоторых приходах они составляют большинство населения. Следуя методу, предложенному некоторое время назад Верхней палатой конгресса, Лондонская епархия относится к евреям Ист-Энда как к соседям и прихожанам, и благодаря такту и терпению работников фонда “барьер предрассудков, воздвигнутый долгими годами преследований со стороны христиан, быстро устраняется”.²⁸² Пока такие настроения преобладают в Англии, евреям не нужно опасаться за свои свободы.

Однако то, что опасения евреев и всех друзей свободы не совсем необоснованны, что сэр Чарльз Дилке и те, кто согласен с ним в подозрении, что антисемитские предрассудки не так редки в Королевстве в целом, как среди высших слоев общества, не являются жертвами ипохондрического страха перед призраками, было продемонстрировано с прискорбной своевременностью событием, которое даже умеренный пессимист не может не рассматривать как грубую и практичную версию символа веры, который в других местах проповедуется в более утонченной форме. В то время как мистер Эйкерс-Дуглас в Вестминстере вносил последние штрихи в свой рецепт от жалоб на пришельцев, жители Лимерика на самом деле пробовали средства более радикального и домашнего характера.

До сих пор евреи бросались в глаза в Ирландии главным образом своим отсутствием. За исключением Дублина и Белфаста, остров знал еврея только понаслышке, и его имя было для обычного ирландца тем же, чем оно было для англичанина во времена Гауэра и Чосера, — символом мерзкой абстракции. В 1871 году в Корке было всего шесть евреев, двое в Лимерике и один в Уотерфорде. Но в последние годы преследования на Континенте вынудили некоторых из их жертв искать убежища в Ирландии, как и в Англии, хотя и в гораздо меньшей степени. Увеличение численности евреев, каким бы незначительным оно ни было, оказалось достаточным, чтобы вызвать чувство тревоги и подозрительности среди невежественных масс как в городах, так и на открытой местности. Ремесленники, торговцы, пахари и священнослужители — все начали с завистью смотреть на умных, бережливых и неверующих пришельцев из-за моря. Особенно это касалось Лимерика, где недавно возникла небольшая колония из тридцати пяти еврейских семей, которую Главный государственный секретарь Ирландии охарактеризовал как “хорошо организованную часть общины, занятую по большей части мелкими ремеслами и зависящую в своих средствах к существованию от доброй воли своих клиентов”.²⁸³

Однако, какой бы маленькой ни была эта колония, вскоре она привлекла к себе внимание. Католические обитатели этого великого центра живописного и сонного упадка были недовольны сравнительным успехом своих бодрствующих соседей. Враждебность распространилась из города на соседние деревни. Ирландский крестьянин, широко известный своей расточительностью и отсутствием какого-либо представления о природе сделки, был готов купить у еврейского разносчика его товары и решительно не желал за них платить. Товары обычно продавались в рассрочку, и это создавало в воображении человека приятную иллюзию, которая, однако, была грубо разрушена, когда наступил день расплаты. Тогда крестьянин понял, что товар не был бесплатным подарком, и горько возмутился тем, что его заставили расплачиваться с долгом. Защитник ирландских крестьян заявил, что более трех четвертей процессов по гражданским делам на квартальных сессиях на острове были процессами евреев против таких бесхитростных должников за просроченные платежи за приобретенные товары.²⁸⁴ Было показано, что это заявление является романтическим преувеличением в необычайно амбициозных масштабах. Проще говоря, из 1387 гражданских векселей, внесенных в графство и город Лимерик в течение 1903 года, только 31 был выпущен евреями, в то время как на пасхальных сессиях 1904 года из общего числа 320 гражданских векселей только восемь принадлежали евреям.²⁸⁵ Тем не менее, вполне возможно, что часто стремление разносчика получить свои деньги, вступавшее в столкновение с нежеланием крестьянина расставаться со своими, приводило к натянутым отношениям между двумя сторонами. В сложившихся обстоятельствах было совершенно естественно, что еврей был обвинен в “ростовщичестве и вымогательстве”. Ирландские патриоты видели в этом новом угнетателе

своих ни в чем не повинных соотечественников своего рода приверженца иностранных завоевателей. Бедную Ирландию описывали как тушу, чьи кости были обглоданы русскими и польскими шакалами из того, что оставили на них нормандский лев и англосаксонский волк, и с большим эффектом цитировали Байрона:

Итак, когда лев заканчивает свою трапезу,

Следующим крадется волк, последним - грязный шакал,²⁸⁶

Ненависть к кредитору вскоре распространилась и на его кредо. Милезийские патриоты, действительно, решительно отвергли обвинение в религиозной нетерпимости, заявив, как и русские до них, что враждебность по отношению к евреям была “просто финансовой, а не религиозной”,²⁸⁷ и, кажется, нет причин сомневаться в том, что экономические трудности в Ирландии, как и в России и в других местах, внесли свою обычную долю во враждебность, которая проистекает из многих источников. Но утверждение о том, что предубеждение было вызвано “просто” финансовыми причинами, полностью опровергается фактами. Они показывают, что католическое духовенство было крайне возмущено скромным достатком неверующих, и таким образом было заготовлено некоторое количество горючего материала, который ждал только искры для взрыва. Эта искра была зажжена в начале 1904 года отцом Кригом, святым монахом ордена редемптористов, вдохновленным религиозным рвением и доверчивостью, редкими в наши дни, и одаренным великим красноречием того рода, которое когда-то подстрекало толпы Европы к бесчинствам. Как и многие другие средневековые святые, этот священник был движим чистейшими побуждениями — благочестием и патриотизмом — проповедовать крестовый поход против тех, кого его неискушенная совесть учила его считать врагами своего народа и своего Бога: “Было бы безумием для человека лелеять в своей груди гадюку, которая в любой момент может убить своего благодетеля ядовитым укусом. Так что для народа безумно позволять злу расти в своей среде, которое в конечном итоге приведет его к гибели”. Так начал проповедник, а затем приступил к анафеме евреев как ростовщиков, поработивших народ, как грешников, отвергнувших Иисуса, как светских гонителей христианства, как чудовищ, которые “убили святого Стефана, первого мученика, и святого апостола Иакова, и с тех пор, при каждом удобном случае, не колеблясь проливали христианскую кровь, и это даже самым подлым и жестоким образом, как в случае со святым мучеником Сен-Симоном, которого, хотя он был всего лишь ребенком, они схватили и распяли из ненависти и ненависти”. насмешка над Господом нашим Иисусом Христом. В наши дни они не осмеливаются похищать и убивать христианских детей, но они без колебаний подвергнут их более длительному и еще более жестокому мученичеству, срывая с них одежду и вырывая зубы изо рта”.²⁸⁸

Наделив еврея самым дьявольским характером, какой только можно вообразить, и приписав ему беды католической церкви во Франции, проповедник в заключение призвал свою паству не иметь дел с людьми, которых проклял Бог. В результате этой жестокой проповеди ни один еврей или еврейка не могли выйти за границу, не подвергнувшись оскорблению или нападению, и, когда увещевания священника достигли открытой местности, там также, как и в городе Лимерик, евреи стали жертвами серии жестоких нападений, пока проповедник, встревоженный

собственным успехом, не призвал свою паству воздержаться от побивания неверующих камнями, но попытаться уморить их голодом. Добрые люди с готовностью подчинились. Они не только перестали иметь дело с еврейскими разносчиками, но, следуя наставлениям своего пастора, отказались даже платить им то, что были должны за товары, купленные в прошлом. И в то время как покупатели-католики избегали еврейских торговцев, торговцы-католики в некоторых случаях отказывались продавать евреям предметы первой необходимости. За исключением двух или трех семей, маленькая еврейская колония Лимерик была доведена до крайней нищеты. Люди, до сих пор находившиеся в благополучных условиях, были вынуждены продавать даже обстановку своих домов, чтобы купить еды, в то время как большинство из них были спасены от голодной смерти только благодаря милосердию некоторых джентльменов-протестантов, которые, однако, были вынуждены соблюдать строжайшую секретность при оказании помощи из страха навлечь на себя благочестивый гнев монахов-редемптористов и шести тысяч братьев Братства Святого Семейства, фанатизм которых пророк продолжал разжигать своими историческими вымыслами. Такое положение вещей сохранялось до тех пор, пока общественное мнение в Англии не было возбуждено, правительство не было вынуждено принять адекватные меры для защиты евреев от насилия, и филантропы не поспешили им на помощь. Таково было положение евреев в части Ирландии в благодатный 1904 год.

Тем временем не благословленный Законопроект, благополучно пройдя через бурные дебаты во втором чтении, потерпел кораблекрушение в относительно спокойной гавани Большого комитета. Каждый из его пунктов подвергался суровой критике, пока от эссе законодательства, столь тщательно разработанного министром внутренних дел, ничего не осталось. Эта катастрофа была объяснена сторонниками этой меры “тактикой обструкции, к которой прибегли ее противники”.²⁸⁹ Более философским объяснением провала законопроекта, и, вероятно, столь же далеким от истины, было бы то, что правительство, уступив настойчивости некоторых своих сторонников, пообещало принять меру, которую оно не имело ни полномочий, ни большого желания видеть принятой. Как бы то ни было, возможно, мало кто сожалел о провале попытки изгнать из этой страны всех иностранцев без разбора, только по той причине, что они бедны и преследуемы, вступая таким образом в сговор с теми самыми правительствами, поведение которых мы осуждаем, и безвозмездно отказываясь от тех традиций свободы, терпимости и гостеприимства, которые, вероятно, в оценке будущих веков будут стоять намного выше, чем очень многие вещи, которые мы сейчас ценим как наши главные права на уважение мира.

Эти чувства, естественно, будут с насмешкой восприняты людьми, которые, подкрепленные обильными статистическими данными, хвастаются здоровым иммунитетом к “сентиментальности”, исповедуют поистине примитивное презрение к абстрактным идеям и гордятся своей эмансипацией от “способности очаровываться волшебными словами, такими как слово ”свободный“”.²⁹⁰ Сильные духом люди этого типа признаются, что “они не могут видеть, какую пользу приносит обществу приход таких иммигрантов, которые, возможно, могут компенсировать ущерб, нанесенный нашему собственному народу трудолюбивым трудом”. класс”.²⁹¹ Здравомыслящие представители этой школы считают препятствие с корзиной фруктов со стороны бедного парня преступлением, достаточно серьезным, чтобы оправдать исключение, и это тоже, в то время как они осуждают политику румынского правительства как “направленную на подавление, изгнание и политическое истребление евреев”.²⁹² Статистический ум смотрит на вещи по—своему, и он способен различить принципиальную разницу между “изгнанием” и “исключением”, которая слишком тонка для простого

непрофессионала. Поэтому неудивительно, что статистики должны были продолжить свою самопровозглашенную миссию по просвещению мира о чудовищах жизни иностранных иммигрантов. Ассоциация иммиграционной реформы сразу после провала Законопроекта объявила о своей решимости “продолжать и, по возможности, расширить свою работу” и обратилась к общественности с просьбой о выделении средств.²⁹³ Журналы по-прежнему были заполнены статьями на ту же печальную тему, а ежедневная газета тщательно фиксировала под постоянным заголовком “Наши иностранцы изо дня в день” все случаи, какими бы несерьезными они ни были, которые, как правило, в значительной степени облегчали преступную деятельность иностранцев. Члены парламента сочли своим долгом осудить перед своими избирателями Радикальную партию, которая своим “самым настойчивым препятствованием” вынудила правительство отозвать законопроект, и попросить их потребовать его повторного внесения.²⁹⁴ Короче говоря, не жалели усилий, чтобы повлиять на это могущественное собрание бездумных догматиков, известное как читающая публика, и направить ту чудовищную машину, которая, приводимая в движение предрассудками и подпитываемая газетными заметками, составляет то, что мы цинично называем общественным мнением.

Правительство также великодушно пообещало, как устами своих членов, так и в Тронной речи, что оппозиции будет предоставлена скорейшая возможность изменить свои манеры в отношении этого вопроса. Естественно. Ибо, согласно данным Комиссии по торговле отчетами об иммиграции иностранцев, число иностранцев, прибывших в Соединенное Королевство в течение двенадцати месяцев, закончившихся 31 декабря 1904 года, не имело особых признаков снижения. Таким образом, было ясно, что законопроект об иностранцах не умер; но что та же самая мера или мера, задуманная в том же духе, будет, если какая-либо сила, до сих пор не обнаруженная, не устранил жалобу, снова представлена в парламент в какой-то будущий срок. И это то, что произошло на самом деле. 18 апреля 1905 года министр внутренних дел внес новый законопроект, который отличался от своего предшественника главным образом тем, что был лучше адаптирован к цели, для которой он предназначался. И все же, хотя аргументы, которыми она была подкреплена, и цель, на которую она была направлена, остались теми же, она встретила совершенно иной прием. Общественность тем временем была так успешно “просвещена”, и настроения в пользу законодательства об ограничении въезда иностранцев стали настолько сильными, что оппозиция, помня о своих партийных интересах, воздержалась от противодействия этой мере с той энергией, которую она проявила в предыдущем году, и законопроект через несколько месяцев стал законом. ♦ 1905 Август. 11 ♦ В таком случае, хорошо бы составить четкое представление о достоинствах и значении этой меры.

Закон об инопланетянах открыто направлен только против преступника, нищего, больного и проститутки. Пока что это мера, не вызывающая возражений в теории, какой бы невыполнимой она ни оказалась на практике. Лица, ответственные за выполнение ее положений, могут, если смогут, предотвратить прибытие этих действительно нежелательных иммигрантов. Никто не желает их. Но это касается только сути дела. Исключение таких иммигрантов не является средством правовой защиты отскопления людей и конкуренции, которые являются основными основаниями для подачи жалоб на иностранных иммигрантов. Основная масса из них - русские и польские евреи, и как класс они, по собственному признанию покойного правительства, не являются ни преступниками, ни нищими, ни больными, ни аморальными. Они не являются бременем для британского налогоплательщика. Они не заполняют ни британские рабочие дома, ни британские больницы. Следовательно, зло, на которое жалуются, может быть

исправлено не исключением нескольких плохих персонажей, а только отказом в предоставлении убежища на британской земле трудолюбивой и умеренной жертве российской или румынской тирании, которая, когда предоставляется такая возможность, в подавляющем большинстве случаев в течение нескольких лет превращается в ценного гражданина Великобритании. И этот Акт, соответственно, хотя и претендует на то, что направлен против нежелательных персонажей, не делает никакого различия между нежелательными и просто несчастными. Это правда, что он обеспечивает номинальную защиту политическим беженцам, но подчиненные чиновники, на чье усмотрение практически оставлен этот вопрос, уполномочены запрещать высадку мужчин и женщин, единственное преступление которых заключается в том, что, привыкнув к скромной жизни, они готовы соглашаться на заработную плату, от которой отказываются английские рабочие мужчины и женщины. Является ли это достаточной причиной для оправдания исключения? Это реальный спорный вопрос, честно поставленный. Разговоры о преступниках, нищих и проститутках - это всего лишь лицемерная попытка облечь эгоистичный экономический вопрос в подобие морали. Не их пороки, а их добродетели делают еврейских иммигрантов действительно нежелательными. Верно ли это? Несколько лет назад ответить на этот вопрос было бы достаточно просто. Но теперь, когда весь принцип свободной конкуренции пересматривается, ответ, который большинство англичан будут склонны дать на него, должен в конечном счете зависеть от их решения относительно этого принципа.

Насколько справедливо этот Поступок можно рассматривать как симптом антисемитских настроений? Не может быть никаких сомнений в том, что его авторы и многие из его сторонников, сами полностью свободные от религиозных или расовых предрассудков, задумывали его просто как средство правовой защиты от экономической жалобы. Но какими бы ни были намерения покойного правительства, и действовало ли оно в этом вопросе как лидер или последователь, оно фактически снабдило противников иностранцев и антисемитов, явных или тайных, тем самым оружием, которого они хотели, что они показали своим горячим участием в движении, которое, если и не диктовало меры, то, безусловно, помогало в его производстве. Опять же, было бы несправедливо и не соответствует действительности обвинять всех или даже основную массу агитаторов против пришельцев в антисемитизме. Подавляющее большинство из них не питали и не питают особых предубеждений против евреев как таковых, и если они и преподают массам какой-либо урок, так это беспристрастно ненавидеть и презирать всех иностранцев. Но поскольку подавляющее большинство этих иностранцев, приезжающих в Англию, являются евреями, невозможно отделать анти-иностранную кампанию от антиеврейской. На Континенте ненавистников еврея по расовому или религиозному признаку немного по сравнению с теми, кто преследует его из благих побуждений, экономических и социальных. И все же мы клеймим их всех как антисемитов, в основном справедливо, хотя и несколько расплывчато; ибо различия в мотивах не имеют большого практического значения, когда они приводят к согласию в действиях. В Англии также немногочисленные враги евреев признали во врагах нежелательного иностранца естественных союзников, и эти две силы, как бы сильно они ни различались по своему происхождению, сливаются в практический антисемитизм — коалицию, которая нашла, как мы видели, общее средство выражения в брошюре провинциального патриота. Других признаков антисемитизма, в строгом смысле этого термина, не хватает; самым зловещим из них до сих пор было дело в Лимерике. Конечно, значение этих случаев легко переоценить. Не так-то просто их не заметить.

Еще более зловещим, чем эти конкретные случаи, является медленное формирование на Британских островах атмосферы, благоприятной для распространения любой нелиберальной эпидемии, микробы которой могут случайно вырасти дома или быть завезены из-за границы. Узкий национализм с каждым днем становится все более агрессивным, все более беспринципным и все более не стыдящимся самого себя. Общественное мнение с каждым днем демонстрирует все большую готовность пожертвовать притязаниями человека ради притязаний англичанина — это называется патриотизмом - и притязаниями права ради притязаний политики — это называется империализмом. Патриотизм - благородное чувство, а империализм - благородный идеал. Но благороднее патриотизма или империализма справедливость и свобода. С ними любовь к родине и любовь к Империи - это вещи, ради которых человек вполне может быть доволен жизнью и счастлив умереть. Без них они всего лишь красивые маски для вещей, настоящие имена которых - преклонение перед самим собой, преклонение перед шкурой, обожествление грубой силы, низменная жажда завоеваний за границей, которая рано или поздно приводит к рабству дома; замена малого и локального великим и вечным. Это постепенное приближение к тому стандарту поведения, который превратил Германию из высшей школы гуманистической культуры в казарму и который угрожает превратить Англию из школы политической свободы в лавку. Бухгалтерская книга - достаточно респектабельная книга, но безразличная замена морального кодекса. И мы, кажется, гордимся тем, что цитируем бухгалтерскую книгу и высмеиваем моральный кодекс.

Вся полемика в парламенте и прессе по вопросу об иностранцах является иллюстрацией такого отношения. Напрасно вы будете искать среди противоречивых аргументов какое-либо ясное понимание задеванного принципа. Те же политики и публицисты, которые осуждали покойное правительство за попытки исключить нежелательного иностранца из Англии, осудили его также за то, что оно не исключило нежелательного иностранца из Южной Африки. Ту же клевету, от которой они защищали еврея, они сами распространили бы на китайца, и хотя они апеллировали к идеалу свободы, чтобы заклеить попытки правительства защитить уроженца Англии от конкуренции, они предавали анафеме это правительство за то, что оно не защитило уроженца Южной Африки от аналогичной конкуренции; возражая не столько против условий, при которых ввозился желтый человек, сколько против цвета его кожи. Даже самые либеральные из наших общественных деятелей склонны использовать термины “белый человек” или “инопланетянин” таким образом, который показывает, что они далеки от того, чтобы быть защищенными от предрассудков, которые они осуждают в других. Пожалуй, никогда еще так болезненно не демонстрировалось зловещее отсутствие последовательных принципов в британской государственной политике. Две политические партии, лишенные какой-либо искренней веры в принципы, которые они исповедуют, готовы в один прекрасный день отрицать то, что они могут защищать в следующий, и в любой момент обменяться вероучениями ради сиюминутной выгоды. При таком состоянии национального характера и политической морали антисемитизм нашел бы слишком благоприятную почву. Настоящий автор, после тщательного изучения всей истории современного движения против евреев, не может не согласиться с теми, кто утверждает, что семена антисемитизма уже есть среди нас. Эти семена, возможно, все еще лежат слишком глубоко, чтобы прорасти, но есть достаточные основания опасаться, что в Англии, как и на Континенте, любая случайность может рано или поздно приблизить их к поверхности и дать им жизнь. День, когда это может произойти, будет черным днем не только для евреев.

Значение антисемитизма в том виде, в каком он преобладает за границей, можно прочесть в свете его результатов. Ты узнаешь их по их действиям. Но действия антисемитов, какими бы прискорбными они ни были, менее прискорбны, чем социальные условия, которые они иллюстрируют. Антисемитизм - движение регрессивное в двояком смысле. Регрессивный в той мере, в какой он показывает, что течение европейского гуманизма течет вспять, и регрессивный в той мере, в какой он фактически остановил постепенную и добровольную ассимиляцию евреев. Это воскрешение средневекового монстра нетерпимости со свежим лицом, и его последствия аналогичны тем, которые сопровождали средневековые преследования.

Среди худших евреев это вернуло к жизни класс вульгарных отступников, который исчез с освобождением потомков по расовой линии тех ренегатов, которые в Темные века отравляли стрелы преследований, которые клеветали на свою собственную расу, оскверняли гнездо, в котором они были вскормлены, поносили своего собственного Бога и относились к своим собственным братьям с презрением, которого никто не заслуживал больше, чем они сами. Таким примером возврата к типу, который, как наивно полагали, вымер, является редактор хорошо известного французского журнала, никто более незавидно не отличился в кампании против Дрейфуса, чем он. Он был лишь одним из многих евреев, которые, стыдясь своей презираемой расы, стремятся скрыть вину своего происхождения, вступая в ряды ее самых яростных врагов, и которые своим чрезмерным рвением выдают то, что они хотели бы скрыть. Читатели "Современной истории" М. Анатоля Франса, вероятно, помнят изысканные портреты еврейских антисемитов, таких как мадам де Бонмон - "une dame catholique, mais d'origine juive", — ее брата Вальштейна, М. Вормс—Клавлена, префекта, и, прежде всего, жену префекта, которая воспитывала свою дочь в католическом монастыре и которая "является хранительницей великолепных часовен и шедевров Сен-Порш, где подают блюда местной кухни". вульгарные пuffy".

Среди лучших евреев это вызвало реакцию против идеалов, установленных учением Мендельсона. Это вызвало призыв вернуться к ортодоксальности, к ограниченности, к исключительности. Израиль в наши дни, по сути, является религиозным братством; антисемитизм вынуждает его снова стать нацией. Даже те евреи, которые во времена процветания могли бы захотеть покинуть синагогу, в дни невзгод возвращаются в нее из чувства рыцарства. Преследования укрепляют чувство братства, и либеральные инстинкты личности приносятся в жертву обществу, как в былые времена. Но, если сепаратизм губителен для самих евреев, вряд ли это благо для человечества в целом. С другой точки зрения, нееврейской, антисемитизм - не меньшее зло. Дизраэли однажды сказал, что "Провидение пошлет народам удачу или несчастье в зависимости от того, хорошо или плохо они поступили с евреями".²⁹⁵ Будет обнаружено, что это высказывание, если снять с него квазиапокалиптическую оболочку, скрывает в себе великую истину. Ненависть к евреям всегда была в изобилии, когда бы и где бы ни царило варварство. Уровень антисемитизма в стране, как правило, был пропорционален уровню фанатизма, умственной развращенности и моральной черствости, которые он содержал. То, что так много людей сейчас готовы выступать в защиту антисемитизма, свидетельствует о ненадежном и поверхностном характере нашей цивилизации.

Я уже говорил, что рассматриваю антисемитизм как доказательство и иллюстрацию тенденции поворачивать стрелку на циферблате вспять. Это совпадение, возможно, не совсем лишнее значения, что эпоха, ставшая свидетелем возрождения ненависти к евреям, является также эпохой возрождения средневековья в других аспектах — искусстве, литературе и религии. Шаг

от романтизма к латинизму очень короток. Действительно, эти две вещи можно рассматривать лишь как два различных проявления одной ментальной предрасположенности: предрасположенности к средневековой интерпретации жизни и ее проблем. Еще более значимыми являются предпринимаемые в наши дни попытки обелить великих тиранов прошлого, чьи принципы, разум и опыт научили нас ненавидеть. Самое знаменательное обстоятельство из всех, что апологеты инквизиции, которых сарказмы восемнадцатого века заставили замолчать, а пушки Наполеона внушили притворную терпимость, за последние тридцать лет снова воспрянули духом и осмелились злоупотреблять свободой слова, которой они обязаны триумфу рационализма, проповедуя дело мракобесия. Ученые иезуиты и бенедиктинцы во многих частях Европы с 1875 года не только публично признавали и защищали мерзости Святой Канцелярии, но и фактически выражали нескрываемое желание восстановить ее власть поджаривать каждого, кто осмеливается думать самостоятельно.²⁹⁶ То, что они могут добиться успеха, - это страх, который не смогли бы лелеять даже самые фантастические пессимисты. Но само их существование само по себе является серьезным препятствием для слишком оптимистичного оптимизма.

ГЛАВА XXIV СИОНИЗМ

Преследование евреев в России, их притеснение в Румынии и возрождение старого предубеждения против них в Западной Европе в последней четверти девятнадцатого века, как уже указывалось, остановили постепенную денационализацию иудаизма, начавшуюся во второй половине восемнадцатого века под влиянием идей Мендельсона, и по мере того, как они усиливали враждебность между евреями и неевреями, они имели тенденцию укреплять узы симпатии между евреями, рассеянными в различных частях света. Под благотворным влиянием преследований еврейский патриотизм снова вспыхнул ярким пламенем. Это чувство нашло практическое выражение во многих движениях, созданных для оказания помощи и спасения страдающей расы. Одно движение подобного рода, вызванное антиеврейской агитацией в России и возобновлением кровавого дела против евреев Ближнего Востока в пятидесятых годах, привело к рождению общества, целью которого является защита интересов евреев в странах, где они подвергаются опасности, защита их от преследований, содействие их материальному благополучию и поощрение их интеллектуального развития. Это *Всемирный израильский альянс*, основанный в Париже в 1860 году. Его средства поступают от тысяч подписчиков по всему миру, а его работа продолжается филиалами во многих странах. Образовательная деятельность *Альянса* особенно направлена на Ближний Восток и побережье Северной Африки — Болгарию, Турцию в Европе и Азии, Персию, Египет, Триполи, Тунис, Алжир, Марокко. Вовсех этих странах оно содержит многочисленные школы на ежегодные расходы, которые в 1903 году составляли 1 200 000 франков. В связи с *Альянсом* в 1871 году в Лондоне была основана Англо-еврейская ассоциация, а в Вене - *Израильский альянс*, основной целью которого является возвышение евреев Галиции. В основном через эти общества отстаивалось дело румынских евреев в 1872 году и члены Берлинского конгресса в 1878 году были вынуждены предпринять уже описанные неэффективные шаги для улучшения положения евреев в Румынии и Сербии. На первом месте среди этих и многих других организаций по

оказанию помощи еврейским жертвам преследований стоит гигантский фонд барона Хирша в размере 9 000 000 фунтов стерлингов на обустройство эмигрантов в новых странах.

Но все эти усилия можно охарактеризовать только как паллиативы. Они направлены просто на временное облегчение страданий Израиля; они не пытаются предложить радикальное средство от зла. Единственные средства, на которые история указывает как на достойные этого названия, - это либо ассимиляция евреев в различных странах с неевреями, среди которых они живут, либо отделение отпоследних, как географическое, так и политическое. Первая альтернатива, как мы видели, время от времени появлялась на некотором расстоянии от частичной реализации, достигнув своего максимального приближения в годы, последовавшие за эмансипацией расы под влиянием широких принципов гуманизма, которые царили во второй половине восемнадцатого и начале девятнадцатого века. Перерос Бы когда-нибудь этот подход во всеобщее поглощение евреев - это спекулятивный вопрос, который допускает больше ответов, чем один. Факт, представляющий большую ценность для историка, заключается в том, что такое развитие событий было остановлено реакцией, уже описанной под названием антисемитизма. Следовательно, другое средство защиты все больше и больше выдвигается на первый план под именем сионизма.

Это движение сочетает в себе две цели: практическую и сентиментальную. Его практическая цель состоит в том, чтобы обеспечить решение еврейской проблемы путем географического и политического отделения евреев от язычников. Его сентиментальная цель - удовлетворить традиционную привязанность евреев к земле своего происхождения. Ни в одной из двух своих целей движение, в его современном аспекте, не может претендовать на оригинальность. Попытки восстановить Еврейское государство в той или иной форме неоднократно предпринимались в прошлом. В середине шестнадцатого века — в эпоху гетто — один еврей предложил Тверию в качестве резиденции нового еврейского государства. В середине семнадцатого — в эпоху Саббатаи Зеби - были выдвинуты еще три схемы подобного рода: одна предусматривала поселение евреев в Голландской Вест-Индии, другая - их эмиграцию в Голландскую Гвиану, а третья рекомендовала Французскую Гвиану. В середине восемнадцатого века снова предлагалась Южная Америка, а в середине девятнадцатого - Северная Америка. Но ни одно из этих предложений не вызвало никакого энтузиазма у евреев. Напротив, ортодоксальные евреи — а таковыми являются большинство восточноевропейских евреев — во главе со своими раввинами яростно сопротивлялись последнему предложению об эмиграции в Америку, сделанному их более продвинутыми братьями на Западе; и план погиб, не родившись.

Сионистское движение, с другой стороны, отличается от всех предыдущих движений, за исключением первого, поскольку оно стремится заручиться поддержкой как сердца, так и главы Израиля. Выбирая Палестину в качестве будущего дома расы, лидеры движения стремились удовлетворить страстное желание, силу которого легко преувеличить, но невозможно игнорировать. Если и есть в еврейской истории событие, оказавшее длительное влияние на судьбу нации, то это разрушение Иерусалима и последующее рассеяние. Если и есть какое-то чувство, которое связывало ветви еврейской семьи воедино на протяжении веков сильнее, чем любое другое, так это надежда на окончательное восстановление. В течение полутора тысяч лет дети Израиля скитались по земле, оскорбляемые, угнетаемые, преследуемые, без страны, без дома, почти без места для отдыха, чужие во всех царствах, в которых они разбивали свою палатку. Но, несмотря на изгнание с родины и вдали от могил своих предков, подавляющее большинство из них сохранили, несмотря на все испытания и искушения, свои традиции,

обычаи и свою веру в неприкосновенности. Без надежды на восстановление такое постоянство было бы невозможным и бессмысленным.

Разрушение Сиона бросало тень на душу еврейского народа на протяжении всего средневековья, и траур по нему является самой живописной, самой трогательной и самой заметной чертой их общественной и семейной жизни. В синагогах, как и во многих частных домах, место на стене всегда оставляли неокрашенным, чтобы напомнить о национальном унижении. Евреи всех стран в знак скорби носили черное, за что их и прозвали “Плакальщицами Сиона”. В память о том же бедствии с свадебного венка были сняты золотые и серебряные украшения, а на свадьбах головы невесты и жениха посыпали пеплом. В Германии жених носил траурный капюшон, а невеста - белый саван. Средневековый застольный гимн, исполнявшийся после трапезы вечером в пятницу или утром в субботу, звучал следующим образом:

“Построй, о, перестрой Ты, Свой храм,

Наполни снова Сион, город Твой,

С восторгом отправимся ли мы туда,

Там можно спеть другие и новые песни,

Всемиловитый и Всесвятейший,

Хвала во веки веков”.

Подобные примеры можно привести со всех сторон — и все они показывают, что печальные воспоминания о прошлом и вера в окончательный триумф были двумя полюсами, между которыми вращалась духовная жизнь нации. Пророки, предсказывавшие рассеяние и плен сынов Израилевых, также предсказывали их репатриацию. “Вот, я соберу их из всех стран, куда я изгнал их в гневе моем, и в ярости моей, и в великом гневе; и я приведу их снова в это место, и я сделаю так, что они будут жить в безопасности”.²⁹⁷ Эта надежда была спасательным кругом, который позволял еврею плавать среди обломков стольких штормов на протяжении восемнадцати столетий. В ночь своего самого мрачного опустошения евреи не сводили глаз с Востока и говорили себе и друг другу: “Мужайтесь, этот день близок”. Привязанность к Вере и Отечеству - религиозным и национальным идеалам — это две неразрывно переплетенные нити той великой мессианской мечты, которая золотой нитью проходит через черную паутину еврейской истории. Святая Земля никогда не переставала рассматриваться как истинный дом расы. Бенджамин из Туделы, писавший примерно в середине XII века, свидетельствует о том упорстве, с которым многие еврейские общины Европы, которые он посетил в своем турне, цеплялись за веру в то, что им суждено быть освобожденными из плена и собраться вместе в свое время. Различные Мессии, о возвышении и падении которых рассказывалось на предыдущих страницах, никогда бы не достигли своей удивительной популярности, если бы не эта вера. Но даже в обычные времена умереть в Иерусалиме было горячим желанием каждого порядочного еврея, а некоторые стремились там жить. Это желание лелеяли поэты и мыслители Израиля. Мы видели, как в начале двенадцатого века Иегуда Халеви обращался к Сиону с выражением, полным нежности, как к своей “убитой горем возлюбленной” и, выполняя пожизненный обет, закончил свои дни среди ее руин. ♦1211 г.♦ Столетие спустя триста раввинов из Франции и Англии отправились в Палестину.

В 1267 году Нахманид, верный своему собственному учению, совершил паломничество в Иерусалим и обнаружил, что город из-за опустошений монголов превратился в груды развалин — опустошение, которое, как считалось, указывало на близкое приближение Мессии. Нахманид в письме своему сыну так описывает это печальное зрелище: “Велико одиночество и велики пустыни, и, если охарактеризовать это вкратце, чем священнее места, тем больше запустение. Иерусалим более пустынен, чем остальная часть страны: Иудея больше, чем Галилея. Но даже в таком разрушении это благословенная земля”. Далее он говорит, что среди двух тысяч жителей, до которых население Иерусалима сократилось из-за меча султана, он нашел только двух евреев, двух братьев, красильщиков по профессии, в доме которых Десять человек, кворум, необходимый для формирования конгрегации с целью богослужения, собирались в субботу, когда могли; ибо евреи и еврейки — “несчастный народ без занятий и торговли, паломники и нищие” — продолжали приезжать из Дамаска, Алеппо и из других частей, чтобы оплакать руины Сиона. Несмотря на все невзгоды, которые выпали на его долю, и несмотря на его тоску по друзьям и родственникам, которых престарелый пилигрим покинул без надежды когда-либо увидеть снова, Нахманид может заявить, что все эти потери он с избытком компенсирует “радостью провести день при твоих дворах, о Иерусалим, посетить руины Храма и поплакать над разрушенным Святилищем; где мне позволено гладить камни, нежить пыль и рыдать над твоими руинами. Я горько плакала, но в своих слезах находила радость. Я разорвал свои одежды, но это принесло мне облегчение”. Возвышенный оптимизм еврея не покидает его даже ввиду этого запустения: “Тот, кто счел нас достойными позволить нам увидеть Иерусалим в его запустении, он благословит нас снова увидеть его построенным и восстановленным, когда слава Господня вернется к нему ... ты, сын мой, вы все будете жить, чтобы увидеть спасение Иерусалима и утешение Сиона”.²⁹⁸

Примеру этого благородного старика последовали многие евреи Испании и Германии, как в его собственное, так и в последующие времена. По сей день паломничество в Иерусалим считается священной обязанностью, и многие тратят сбережения, накопленные за трудолюбивую жизнь, на покрытие расходов, связанных с последним посещением Отечества — “нашей собственной земли”. Подобно потерпевшим кораблекрушение морякам, долго барахтающимся на волнах, они год за годом стекаются со всех концов света в эту гавань покоя, печали и надежды. Накануне Пасхи можно увидеть престарелых евреев и еврейки из всех стран на земле, прислонившихся к мрачным руинам Храма — всего, что осталось от великолепия Израиля, — плачущих и причитающих о падении своей нации. Они целуют древние камни, орошают их своими слезами, и это место звенит от их пронзительных стенаний.

И все же, хотя многие приходят оплакивать поблекший блеск своей расы и счастливы умереть в Палестине, много ли найдется тех, кто хотел бы жить в ней? Это вопрос, на который разные евреи дали бы разные ответы. Можно утверждать, что стремление к Сиону - это романтическая мечта, которая может потерять большую часть своей романтики при реализации. Можно также показать, что еврейский народ редко процветал в изоляции; что узкое окружение не соответствует его темпераменту; и что еврей всегда инстинктивно предпочитал жизнь, более подходящую для свободного развития его дарований, то есть жизнь соперничества с иностранными нациями. Все это может быть в значительной степени правдой; но, тем не менее,

есть евреи, которые верят, что большая часть их расы или, по крайней мере, ее страдающая часть, при благоприятных условиях с радостью вернулась бы на землю своих предков. Той же веры придерживались несколько выдающихся христиан, британцев и американцев, которые в разное время оказывали свою поддержку движению за реабилитацию евреев — одни были движимы энтузиазмом по поводу Нового тысячелетия, другие - энтузиазмом по поводу британских интересов на Востоке. Среди последних можно упомянуть лорда Пальмерстона и лорда Солсбери, которые много лет назад поддерживали попытки добиться от султана уступки территории в Палестине с целью создания самоуправляемой еврейской колонии.²⁹⁹

Но в то время как основная часть расы пользовалась относительной терпимостью, мало кто из евреев был готов покинуть землю, на которой они были усыновлены, ради удовлетворения чисто сентиментальной тоски по своим далеким предкам. Только после возрождения преследований в их более яростных и кровавых формах сионистская утопия стала живой реальностью, а утверждение нееврейского национализма привело к соответствующему усилению еврейского национализма. Тогда евреи начали серьезно задумываться над проблемой будущего своей расы и снова стали искать убежище, где они могли бы беспрепятственно поклоняться своему Богу, развивать свои моральные и интеллектуальные склонности, не подверженные влиянию чуждого окружения, и заниматься своими повседневными занятиями, не стесненными юридическими ограничениями. Такое убежище можно было найти только в Палестине. Один из сторонников этой идеи суммировал причины, которые привели его к выбору Палестины, в следующих выражениях:

“В Европе и Америке иметь восточный гений или восточный нос считается преступлением; поэтому, во имя Бога, отпустите еврея туда, где его гений будет свободен, а его нос незамеченным”.³⁰⁰

Массовые убийства российских евреев в 1881 и 1882 годах совпали с публикацией различных планов спасения представителями преследуемой расы, которые нашли много сочувствующих за пределами России. Практическим плодом этой агитации стало рождение, среди других комитетов и обществ по всей России и Румынии, ассоциации под названием “Ховеви (Любители) Сиона”, программа которой заключалась в содействии расселению еврейских беженцев на Святой Земле с целью окончательного создания автономного еврейского государства. Таково было происхождение движения, ныне известного во всем мире под названием сионизм. С самого начала он встретил прием, который доказал, насколько искренним и широко распространенным было желание вернуться в Землю Обетованную. Писатель, обладающий достаточной квалификацией, чтобы говорить на эту тему, так описывает прием, оказанный этому предложению: “Оно завладело воображением масс и вызвало волну энтузиазма в пользу эмиграции в Палестину, силу и масштабы которой могут оценить только те, кто соприкасался с этим, как это сделал я”.³⁰¹

Однако только в 1896 году, когда доктор Теодор Герцль выступил с определенным планом, движение приобрело космополитическое значение и было поставлено на прочную практическую основу. Доктор Герцль был еврейским журналистом из Вены, родившимся в Буда-Пеште 2 мая 1860 года. Он был сыном зажиточного торговца и получил образование в Вене, куда его родители переехали вскоре после его рождения. Некоторое время практиковался в адвокатуре, впоследствии он оставил юриспруденцию ради литературы, сотрудничал с "Берлинер Тагеблатт" и другими журналами, а также написал несколько романов и пьес. В 1891

году он был назначен парижским корреспондентом венской Новой свободной прессы, и именно во время своего пребывания в Париже доктор Герцль, возмущенный вспышкой французского антисемитизма и встревоженный триумфом врагов евреев в Австрии, решил возглавить движение за спасение своих единоверцев. Даже если никакого практического результата достигнуто не будет, он чувствовал, что усилия не пропадут даром, поскольку они, во всяком случае, будут иметь тенденцию — по словам сионистской программы, принятой на первом конгрессе в Базеле в 1897 году, — способствовать “укреплению еврейского индивидуального достоинства и национального самосознания”.

Твердый в этом убеждении, молодой лидер изложил свой план в брошюре, которая появилась в 1896 году на трех основных европейских языках под названием "Еврейское государство: попытка современного решения еврейского вопроса". Согласно предложению доктора Герцля, государство должно было стать самоуправляющейся республикой, подчиняющейся Порте. С восприимчивостью христианможно было бы ознакомиться и избежать дипломатических осложнений, установив принцип широкой религиозной терпимости и исключив из-под еврейской юрисдикции сцены жизни и смерти Христа, а также святыни различных христианских общин в Палестине. План был встречен аплодисментами меньшинства в каждом квартале, и доктор Герцль нашел энтузиастов в обоих полушариях, готовых помочь делу своими ручками и кошельками. В Вене была основана сионистская газета (*Die Welt*), была организована новая сионистская ассоциация с многочисленными разветвлениями во всех частях еврейского мира, и менее чем за семь лет с момента своего основания движение насчитывало несколько сотен тысяч приверженцев. Ассоциация проводит ежегодные конгрессы в различных крупных европейских центрах с целью распространения идеи, обсуждения всех деталей, связанных с движением, и принятия решений о практических шагах, необходимых для его успеха.

Очевидно, что первым условием было согласие турецкого правительства на приобретение земли в Палестине на уже описанных условиях. С этой целью доктор Герцль нанес визит в киоск Йылдыз в мае 1901 года и еще раз в августе 1902 года. Последняя экспедиция была предпринята в ответ на телеграфное приглашение от самого султана, который выразил желание быть проинформированным о точной программе сионистов. Регулярно проводились совещания с высокопоставленными чиновниками как Дворца, так и Порты, и в конце концов доктор Герцль составил и представил Абдулу Хамиду подробное изложение своих взглядов, разъясняющее требования сионистов и формулирующее условия еврейского поселения в части Палестины и в других местах Малой Азии на основе хартии. Предложения были должным образом рассмотрены, и султан выразил свое глубокое сочувствие еврейскому народу, но уступки, на которые он был готов пойти ради еврейского поселения, не были сочтены лидерами сионистского движения адекватными, и переговоры не привели ни к какому определенному результату.³⁰²

Действительно, препятствий на пути к удовлетворительному соглашению на основе сионистской программы не мало. Турки, это правда, всегда проявляли по отношению к евреям такую степень терпимости, какую последние редко испытывали от рук христиан. Как мы видели, в пятнадцатом и шестнадцатом веках Турция была единственной страной, которая предлагала убежище еврейским беженцам с Запада. Религиозная симпатия может быть частично ответственна за эту терпимость, усиленную тем фактом, что евреи Турции, лишённые всех национальных устремлений, выделяются среди подданных султана своей лояльностью к османскому правлению и своей готовностью помочь Порте в подавлении христианского

восстания. Также было высказано предположение, что Абдул Хамид стремился, проявляя симпатию к евреям в целом и сионистам в частности, обеспечить их могущественное первенство на Западе против сонма врагов, которых массовые убийства армян создали для его Империи. Отсюда и отношение нынешнего султана к этой расе — отношение, которое по своей благожелательности сильно, если не странно, контрастирует с обращением, применяемым к его христианским подданным. В 1901 году Абдул Хамид назначил членов еврейской общины на важные посты в турецкой армии и присоединил еще двоих к своему личному окружению. В другом случае, когда христиане Востока выдвинули против евреев кровавое обвинение, он заставил местные власти предпринять шаги, чтобы доказать его беспочвенность и снять с евреев гнусное обвинение. И все же было бы трудно представить, что султан санкционирует создание нового государства в своей империи и, таким образом, добавит новую политическую проблему к списку, и без того достаточно длинному, из которого состоит современная история Турции. Более того, относительно возвращения евреев в Землю Обетованную существуют определенные старые пророчества, в исполнение которых нельзя ожидать, что ни один истинный мусульманин не внесет свой вклад. По обеим этим причинам, политической и религиозной, турецкое правительство в 1882 году, услышав, что евреи, бежавшие из России, обдумывают иммиграцию в Палестину, поспешило арестовать это движение.

Но, даже если бы султана удалось заставить, как надеялся доктор Герцль, “осознать преимущества, которые принесло бы его империи еврейское поселение на основе сионистской программы”, не следует забывать, что султан не единственный и даже не самый важный агент в этом вопросе. Палестина и Малая Азия в целом - это поле, за окончательную оккупацию которого борются большинство Великих держав Европы. Миссии полурелигиозного, полуполитического характера, представляющие несколько европейских национальностей и усердно поддерживаемые несколькими европейскими правительствами, уже давно работают на этой земле. Среди них можно упомянуть русских, французов, итальянцев и немцев. Россия, которая преследует евреев у себя дома, не испытала бы ни малейшего удовольствия от того, чтобы враждебное население, состоящее по большей части из ее собственных жертв, поселилось в провинции, к окончательному поглощению которой она стремится; тем более что это население, по всей вероятности, будет находиться под британским влиянием. Хотя по причинам, которые нетрудно понять, российским консулам в Палестине и Сирии поручено распространить на российских евреев в этих странах защиту, от которой последние очень часто с радостью отказались бы, российский министр финансов в 1902 году запретил продажу акций еврейского колониального фонда во владениях царя — шаг, который вызвал большое возмущение в рядах польских сионистов, наиболее глубоко затронутых запретом.³⁰³ Эта мера, поскольку она согласуется с хорошо известными планами России в Палестине, ставит под сомнение реальные интересы этой державы. отношение к сионизму слишком ясное, чтобы на него могли повлиять даже заверения российского правительства в благожелательном интересе к движению.³⁰⁴ Аналогичное противодействие, в незначительной степени, можно разумно ожидать со стороны соперничающих держав, особенно Германии, и это несмотря на обещания, которые германский император дал делегации сионистов, которые встречались с ним во время его визита в Палестину в 1898 году. И Россия, и Германия пользуются сильным влиянием при нынешнем султани, который слишком сильно боится одной державы и ценит дружбу другой, чтобы допустить какие-либо действия, рассчитанные на то, чтобы оскорбить ту или иную. Христиане Востока также являются силой, с которой нужно считаться, и они, не больше, чем христиане Запада, не вынесли бы, если бы святилище христианского мира попало в руки

“врагов Христа”. Экстерриториализация Иерусалима действительно была предложена сионистами. Но следует ли ожидать, что евреи когда-нибудь действительно смирятся с окончательным оставлением Сиона? Чем сильнее они становились в Палестине, тем меньше они были бы склонны допустить, чтобы древняя столица их нации оставалась в чьих-либо руках, кроме Израиля.

К этим внешним трудностям следует добавить отсутствие единодушия среди самих евреев. Хотя сионистское движение, несомненно, пользуется значительной популярностью, оно сталкивается с не менее значительным противодействием. Великие еврейские финансисты Запада, у которых, благодаря своему богатству, мало оснований жаловаться на преследования, до сих пор проявляли холодный скептицизм или даже презрение к этой идее. Не был более сердечным и прием среди высших духовных авторитетов Израиля. Обе эти категории придерживаются мнения, что план восстановления, даже если он окажется осуществимым, нежелателен. Культурного и преуспевающего еврея с Запада не прельщает перспектива обменять комфорт и элегантную роскошь цивилизованной жизни в европейском или американском городе на бесплодную безвестность азиатской провинции. Переселение Израиля в Палестину не имеет для него никакого очарования. Для него старые пророчества являются обременением, и их исполнение стало бы разочарованием. Для такого еврея ничто не могло быть более нецелесообразным или более смущающим, чем пришествие Мессии. Такое отношение хорошо иллюстрируется высказыванием, приписываемым члену самой богатой еврейской семьи в Европе: “Если бы когда-нибудь пришел Мессия, - как сообщается, сказал этот джентльмен, “я бы подал заявку на пост палестинского посла в Лондоне”. Менее изысканным, но не менее значимым был краткий ответ другого западного еврея на вопрос, поедет ли он в Палестину: “Pas si bête”.

Несмотря на это, когда Кир разрешил пленникам Вавилона вернуться в землю их отцов, многие предпочли остаться в богатой Месопотамии. Пожертвование нынешним комфортом в погоне за романтическим идеалом предполагает такую степень эмоционального накала и материальной нищеты, которую было бы неразумно, если не сказать немилосердно, требовать от целой нации. Но это противодействие или безразличие сионистским усилиям по репатриации не обязательно и не во всех случаях проистекает из мирских мотивов потакания своим желаниям. Это всего лишь одно проявление искреннего расхождения в чувствах, истоки которого уходят глубоко в прошлое еврейской расы или, можно сказать, в природу человека и которое может быть адекватно рассмотрено только в отдельной работе о современном иудаизме. Здесь достаточно описать его только в той мере, в какой это имеет отношение к непосредственно обсуждаемому предмету. Сионизм, хотя и с энтузиазмом приветствуемый евреями Востока, встретился на Западе с двумя группами противников, которые, хотя и разделены, как поляки, нашли общую точку зрения в своем противостоянии движению. Этими противниками являются крайние либералы и крайние ортодоксальные евреи Западной Европы и Америки — современные саддукеи и фарисеи. Один высмеивает движение как слишком идеалистическое, другой - как недостаточно идеалистичное. Презрение одного основано на здравом смысле, другого - на Библии. Один возражает против всех Мессий; другой отказывается следовать за кем-либо, кроме *the* Мессии. Одному доктор Герцль казался мечтателем, другому - прозаичным утилитаристом. Сентиментальная цель сионизма является оскорблением в глазах одного; другой осуждает его методы как отвратительно практичные. Они оба, отталкиваясь от диаметрально противоположных предпосылок, приходят к выводу, что движение является

отклоном назад в еврейской истории, агитацией, искусственной и излишней, которая “не имеет корней в прошлом и плодов, которые можно предложить в будущем”.

Идеалом либерального еврея является не отделение от уроженцев страны, которую он усыновил, а ассимиляция с ними. Он долгое время жил в условиях политической свободы. Перед ним открыты все карьеры; все выдающиеся объекты, к которым стремятся люди, находятся в пределах его досягаемости. Он горячий патриот. Политическая терпимость, которой он обязан своей свободой, сопровождается религиозной широтой или, может быть, скептицизмом, в котором он полностью участвует. Как и его сосед-христианин, он доволен тем, что живет настоящим. Он постепенно отказался от церемониального соблюдения Закона и веры в мессианское восстановление и пытается стереть все следы племенных различий. Вступая в смешанные браки и получая образование, он пытается идентифицировать себя со страной, гражданином которой он является. С точки зрения национальности он называет себя немцем, французом, итальянцем, англичанином или американцем. По вероисповеданию он может быть реформированным евреем, унитарием, теистом, атеистом или безмятежным агностиком. Такое отношение столь же понятно, сколь респектабельно чувство, из которого оно проистекает. Такой еврей чувствует, что он не может быть гражданином двух городов. Он должен выбирать; и в своем выборе он руководствуется самоанализом. Он чувствует, что страна его рождения имеет на него больше прав, чем страна его отдаленного происхождения; что у него больше общего со своими ближайшими соседями, чем с Патриархами и Пророками Азии.

К этой категории, очевидно, принадлежит анонимный автор книги, которую можно рассматривать как *капологию жизни либерального еврея*. Продемонстрировав, что среди современных евреев, строго говоря, нет ни расового, ни религиозного единства, автор продолжает объяснять, какой, по его мнению, должна быть позиция “современного западного еврея”:

“Такой еврей, получивший образование в английской, немецкой, французской или американской школе и университете, безусловно, внешне, манерами, характером, привычками, вкусами и идеями настолько отличается от еврея Турции, Египта или России, насколько это возможно. Люди, которым он соответствует во всех существенных чертах, - это жители его собственной страны, в которой он родился, вырос и жил.... Итак, что должен сказать о себе такой западный еврей, если он верен себе и если он признает истину во всех вопросах как высшее руководство человека? Ему придется сказать, что строгое расовое единство евреев сомнительно даже в отношении прошлого; а что касается настоящего, то ему придется полностью отрицать это”.³⁰⁵

Далее автор указывает, что в отношении своего морального и интеллектуального развития западный еврей подвергся тем же образовательным влияниям, что и его соотечественник-христианин и современник: иудаизму через Библию, эллинизму через эпоху Возрождения, католицизму, рыцарству, Реформации, Французской революции: “Наконец, прежде всего, он должен помнить о своем долге нравственному стандарту современности, той любви к человеку как таковому, которая не является результатом какого-либо одного из этих течений в отдельности, но является результатом действия их всех, и стандарту истины”. , усиленный современной наукой. Теперь, осознавая все это, он должен признать, что очень небольшая часть его морального и интеллектуального существования является еврейской в восточном смысле этого слова, и поэтому он не может быть снова ограничен законами, которые должны

управлять мышлением и жизнью еврея, изложенными в Талмуде и принятыми практикой набожного и наблюдательного еврея. Он говорит ложь и живет ею, если отрицает это словом или делом”.[306](#)

Возникает практический вопрос: “Признавая зло расовой исключительности, что должен делать такой современный западный еврей?” Ответ таков: “Он просто должен соответствовать своим убеждениям во всех деталях своей жизни. Он должен не только, как он когда-либо делал, полностью и добросовестно выполнять обязанности гражданина в стране, в которой он живет, но он должен каким-либо образом отказаться, насколько это касается расового вопроса, признавать отдельные притязания евреев в своей стране.... Он может по праву гордиться тем, что является потомком расы, которая не только древнейшая и чистейшая, но и на протяжении многих веков неуклонно следовала указаниям великой духовной идеи на благо человечества, точно так же, как норманн, саксонец или кельт в Великобритании могут, когда их к этому призывают, учитывать память о своем собственном расовом происхождении и испытывать удовлетворение от нее. Дальше этого он не должен идти. Он должен отвергать и избегать всех тех символов и обрядов, которые были установлены для обозначения отдельного, хотя и избранного народа. Его брак и выбор друзей должны основываться исключительно на тех соображениях внутренней близости, которые, вероятно, сделают такие союзы совершенными, насколько вообще могут быть совершенны человеческие поступки”.[307](#)

Совет такого еврея, если бы его спросили менее развитые братья из Восточной Европы, заключался бы не в том, чтобы увековечить ограниченность античности, а в том, чтобы участвовать в широком развитии современной цивилизации. Не возвращаться к политической и религиозной изоляции Палестины, а двигаться дальше вместе с политическим и религиозным прогрессом современной Европы и Америки: искать свет не на Востоке, а на Западе. Он относится к воспоминаниям об Израиле с безразличием, а к его устремлениям - с недоумением. Он с трудом может проникнуть в душу своего польского брата и понять его образ мыслей и чувств. Для него тоска по Сиону - непостижимая тайна, попытка удовлетворить ее - дикая и безнадежная авантюра. Если в Восточной Европе не будет евреев, он готов помочь им мигрировать в Западную Европу или в Америку; но с сионистской утопией он не может и не будет иметь ничего общего. Когда ему говорят, что Западная Европа красноречиво заявила о своей враждебности, и Америка может вскоре последовать ее примеру, он спокойно отвечает, что антисемитизм - это мимолетное облако; ветер, который поднял его над западным небом, рано или поздно развеет его.

Точно таких же взглядов придерживается культурное меньшинство русских и особенно польских евреев. Несмотря на сильные антисемитские настроения, проявляемые христианами-жителями этих стран, более продвинутые представители расы выступают решительно против сионизма и его сепаратистских тенденций, считая, что возрождение еврейских национальных чувств является временным увлечением из-за жестокого обращения с евреями и обречено на вымирание вместе с ним. Эти евреи также отказались от старых еврейских национальных идеалов, убежденные, что человек может часто посещать еврейскую синагогу, иметь семитский нос и при этом быть таким же хорошим польским или русским патриотом, как и любой другой. Они чувствуют, что тысячелетнее проживание в Польше окончательно отучило их от какой-либо сентиментальной привязанности к Палестине и что, родившись и воспитавшись на Севере, они физически непригодны для южного климата. Одним словом, они считают себя и телом, и душой детьми земли, на которой они жили и страдали столько веков.

В прямой оппозиции к этому типу евреев находится непримиримый и бескомпромиссный израильтянин — человек, который после двадцати веков проживания на Западе все еще упорно называет себя восточным, культивирует послушание устаревшим образам мышления и придерживается формул, устаревших и, в изменившихся обстоятельствах, немного абсурдных. Подобно сионисту из черты оседлости России, этот восточный еврей Запада готов воскликнуть вместе с Псалмопевцем: “Если я забуду тебя, о Иерусалим, пусть моя десница забудет свое коварство. Если я не помню тебя, пусть мой язык прильнет к небу моего рта; если я не предпочитаю Иерусалим своей главной радости”. Но, в отличие от русского сиониста, он отказывается поддерживать движение, целью которого является возвращение его в Иерусалим. Его желание - отличаться от язычников и в то же время оставаться среди них. Он цепляется за фарисейский идеал социальной изоляции, в то же время испытывая отвращение к географической и политической сегрегации. Он питает отвращение к доктрине ассимиляции либеральных евреев и высмеивает усилия сионистов по репатриации. Неужели героическая стойкость Израиля при всех его страданиях не приведет ни к чему, кроме расового вымирания в результате смешанных браков — того самого, что, если бы этому было позволено произойти двадцать веков назад, устранило бы эти страдания? Такая идея подразумевает отрицание божественной справедливости и низводит торжественную трагедию еврейской истории до уровня чего-то совершенно иного. Это также формирует отрицание того, что ортодоксальный еврей считает миссией Израиля на земле. Эта миссия, согласно ортодоксальному еврею Запада, заключается в поддержании в неприкосновенности монотеистической догмы среди народов мира. Чтобы выполнить эту миссию, Израиль должен оставаться сильно обособленным и в то же время рассеянным среди народов. Это аргумент, “что, возможно, Божьей волей и смыслом было то, что евреи должны оставаться тихим светом среди народов с целью указания на доктрину единства Бога” — аргумент, на который Кольридж ответил своим знаменитым возражением: “Религия евреев - это, действительно, свет; но это подобно свету светлячка, который не дает тепла и не освещает ничего, кроме самого себя”,³⁰⁸ и который современный еврейский писатель назвал “противоречивой выдумкой”.³⁰⁹ Возможно, это было бы правдой. более справедливо было бы назвать это несчастливой запоздалой мыслью.

Еврей такого типа может верить, а может и не верить в окончательное политическое восстановление своей расы; но если он верит в это, он считает, что оно должно быть осуществлено каким-то таинственным и чудесным промыслом Провидения, подобным тому, который, как ожидали фарисеи, приведет к обращению язычников. Он выступает против сионизма на том основании, что он дискредитирует Провидение, стремясь человеческими средствами осуществить то, что, согласно пророкам, должно быть особой задачей Бога. Его отношение - это отношение типичного азиата. Убежденный в тщетности личных действий, он верит в смутную безличную Силу, которая окутывает все вещи и направляет ход событий к неизбежному и predetermined концу.

Ярким примером такого взгляда на жизнь является недавняя публикация, явно авторитетная, хотя и анонимная. С одной стороны, автор осуждает либерализм западного еврея, а с другой - он осуждает сионизм доктора Герцля. Что касается первого, он говорит: “Чудесное сохранение евреев само по себе является аргументом в пользу их избрания. По всем законам и закономерностям истории они должны были быть уничтожены давным-давно, однако сегодня мы видим их во всех частях света, упорно сражающимися за ту цель, которую им поручено

достичь. Эта цель влечет за собой запрет на смешанные браки, который, несмотря на случайные нарушения, по-прежнему ревниво соблюдается подавляющим большинством евреев как важнейшее условие их выживания”.³¹⁰ Цель, о которой идет речь, уже объяснялась: “быть светом для народов”. Что касается сионизма, то позиция автора, мягко говоря, изложена очень решительно. Для этого движения и его лидера он прибегает к нескольким своим отборным сарказмам. Доктор Герцль - “этот грозный Моисей из пресс-клуба”; его обвиняют в том, что он “воспользовался ресурсами пророчества”; “Доктор Герцль с изобретательной наглостью представил свой план уклонения от миссии изгнанников и их долга перед землями своего рассеяния как исполнение древнего пророчества”. “Доктор Герцль и те, кто думает вместе с ним, являются предателями истории евреев”. Эти и подобные титулы в изобилии присваиваются человеку, виновному в отвратительном грехе, заключающемся в стремлении выволить своих единоверцев из дома рабства чисто человеческими средствами, не дожидаясь прямого вмешательства со стороны Божества или Европейского сообщества: “Восстановление евреями их прежней независимости, “ утверждает автор, - может произойти одним из двух способов. Это может быть согласованным действием правительств стран их рассеяния, разработанным как мера самозащиты от распространения евреев; или исполнением пророчества, когда еврейская миссия будет завершена.... Но план доктора Герцля сводит на нет духовный элемент в новом исходе еврейства. Он прибегнет к помощи руки Провидения. Восстановление, вместо того чтобы произойти в назначенный момент распределения, было бы перенесено в его середину как средство уклонения от своих обязательств. Этот план, являющийся пародией на иудаизм, столь же бесполезен, как и управление государством”.³¹¹

Многие евреи также, сочувствующие сионистской идее, избегают связывать себя с движением, которое для достижения своей цели обязательно должно заручиться благосклонностью Абдула Хамида. Они считают, что султан из-за его радикальных методов рассмотрения внутренних жалоб не пользуется популярностью за границей, и они, не без оснований, опасаются, что любые практические преимущества, которые движение могло бы извлечь из своих отношений с султаном, были бы более чем уравновешены потерей моральной поддержки христианских народов.

Наконец, даже среди собственных приверженцев доктора Герцля, людей, которые год за годом съезжались со всех концов света в Базель, привлеченные туда одним общим желанием, не царило той степени согласия, которая необходима для успеха любого предприятия такого масштаба, как сионистское движение. Работа этих конгрессов была описана евреем западной школы с живостью, которая не должна быть менее точной, поскольку продиктована искренним скептицизмом. “Там, ” говорит хронист, - у ворот, ведущих на игровую площадку более чем одного континента, сионисты ежегодно встречались, чтобы на многих языках спорить о целесообразности повторного создания Израиля среди народов; и здесь потомки Авраама показали себя уже не расой, а случайным сборищем народов: исключительно космополитичным и многоязычным множеством. Более того, их различия были подчеркнуты тем самым энтузиазмом, который свел их вместе. Сионизм английского биржевого маклера и французского бульварщика полностью отличается от священной надежды, которую это же слово обозначает для раввина Восточной Европы.... Молодой, актуальный немецкий студент в университетской клубной кепке, выглядевший так, словно вышел из ‘Старого Гейдельберга’, не скрывал своего презрения к раввину в габардине и с длинными кудрями. Для последних сигарета, которую студент хладнокровно затягивался в субботу, была осквернением; к нееврейским трапезам, которыми студент наслаждался ежедневно, относились с

благочестивым ужасом и негодованием. Не для этого другой приехал в Базель, и молчаливый делегат с печальными глазами, проделавший половину пути через Европу в том, что он считал священным паломничеством, вздохнул и подумал, что Израиль находится в большей темноте в центре своей новорожденной надежды, чем в несчастной стране преследований, где ему было позволено существовать. Он также не ожидал увидеть здесь открытое попрание священных предписаний Моисея, а также с энтузиазмом встреченных тех, кто совершил величайший из грехов - брак вне веры. Смешанные браки - это полная противоположность сионистскому идеалу, и здесь они пытались идти рука об руку. Вот язва, которая гложет надежду сынов Сиона. Еврейская раса всегда считалась неотделимой от религии иудаизма, и она всегда будет оставаться таковой. Но старая традиция 'Весь Израиль - братья' больше не годится для всего этого. Подобно христианину, еврей теперь сначала является членом страны, которая дала ему рождение или которую он усыновляет, а потом евреем".

Автор продолжает комментировать неизбежный результат такого разнообразия среди делегатов: расколы, заговоры и контрзаговоры друг против друга, фракции, интриги, личная неприязнь, беспорядки, Столпотворение.[312](#)

Это отсутствие единодушия, без сомнения, будет становиться все более и более заметным по мере того, как движение переходит от чисто теоретической стадии к практической. Давайте на мгновение представим себе возвращение Израиля в Палестину. Каждое сообщество иммигрантов, связанных языковыми узами, привычками и особыми домашними ассоциациями, будет жить в отдельном квартале. Они будут инстинктивно цепляться за свой родной язык и воспитывать на нем своих детей. Британские евреи будут презирать своих польских и румынских братьев как невежественных и, в свою очередь, будут презираемы ими как фальшивые евреи. Испаноязычные сефарды будут презирать ашкеназов, говорящих на идише, и будут презираемы ими. Все различия, социальные и национальные, которые лежат в основе религиозного единства Израиля, всплывут на поверхность. Чувство братского равенства будет вытеснено классовыми различиями, и, одним словом, свобода приведет к разрушению, которому препятствовало угнетение. Несмотря на то, что это так, разница между различными слоями еврейского населения Палестины заметна на каждом шагу. Существует, например, небольшая община, живущая в уединенной долине Северной Галилеи и впервые обнаруженная лордом Китченером в ходе его изыскательских работ в Палестине. Говорят, что это остатки древних обитателей. Они говорят на языке своих сирийских соседей — арабском диалекте, сохранившем многие элементы арамейского, — они обрабатывают землю так же, как и их соседи, и, хотя они скрупулезны в соблюдении своей религии и воздерживаются от смешанных браков с чужаками, они живут с ними в наилучших отношениях. С другой стороны, еврейские иммигранты не только отличаются одеждой, диалектом и образом жизни от этих коренных евреев, но и разделены между собой языковым барьером: испанские евреи совершенно неспособны понимать своих собратьев из Северной и Центральной Европы, хотя все они используют ивритские символы в письме; и по манерам испанские иммигранты, из-за их более длительного проживания в стране, более восточные, чем вновь прибывшие. Сефарды приняли восточную одежду и головные уборы и, помимо своего родного испанского языка, также говорят по-арабски. Русские и польские евреи одеты в длинные ниспадающие платья из шелка или ткани, а их головы покрыты меховыми шапками. Немецкие евреи поражают причудливостью длинных пальто и низкой посадкой, характерных для страны их происхождения. Никому из ашкеназов раввины не разрешают изучать арабский. Их домашняя жизнь похожа на жизнь западного *юдештадта*. Но все они отрачивают длинные локоны,

которые предписывает закон Левитов. Не менее заметна разница в их характерах: “Сефарды, - свидетельствует недавний путешественник, - терпимы, легки на подъем и общительны. Они зарабатывают себе на жизнь в основном физическим трудом, являются рыбаками в Тверии, носильщиками в Иерусалиме и Яффо. Ашкенази ограничивают свою деятельность уличным движением, избегают работы руками, являются жесткими сепаратистами, приверженцами соблюдения устного закона и консерваторами в своем иудаизме. Численность сефардов постоянна; ашкенази растут не по дням, а по часам. Они составляют волну еврейской иммиграции и выступают за развитие иудаизма в Палестине. В стране есть две другие группы евреев, незначительные по численности. Одна родом из Бухары, другая - из Йемена; последние очень бедны и придерживаются самых скромных призваний. Иерусалимские сапожники набираются из их рядов. Эти различные группы еврейского населения, единые по расе и вере, настолько сильно отличаются друг от друга, что их можно рассматривать как различные национальности”.³¹³ Наконец, следует добавить, что, помимо ортодоксальных евреев, в населении страны представлены как хасиды, так и караимы.

Разнообразие политических идеалов усилит разногласия, возникающие из-за социальных, сектантских и национальных различий. Следует опасаться, что в новом еврейском государстве старая вражда между фарисеями и саддукеями возродится в новом аспекте. Более продвинутые евреи с Запада будут стремиться управлять страной на основе западных, то есть светских, принципов. Раввины, за спиной которых стоит фанатичное население восточных, польских и румынских евреев, будут настаивать на установлении в больших масштабах того превосходства синагоги, которое составляло основу древнееврейского государства, и внутреннего устройства еврейских общин в изгнании. И раввины будут опираться на традиции расы. Еврейский катехизис ясно утверждает, что Закон Моисея действует лишь временно и что “всякий раз, когда евреи вернутся на свою землю и снова создадут государство, он будет иметь полную силу”. Синагога и государство, таким образом, повторяют борьбу, которую Церковь и государство вели в христианском мире на протяжении стольких веков. И, какая бы сторона ни победила, результат будет почти одинаково катастрофическим. Если раввинам удастся установить левитское правление, страна, по мнению высокого авторитета, “либо погибнет из-за внутреннего хаоса, либо настолько оскорбит современный политический дух, что вскоре будет уничтожена извне. Если бы оно было светским, это не было бы еврейским государством. Подавляющее большинство его нынешних сторонников отказались бы жить в нем, и в конечном итоге он был бы оставлен чужеземному населению, состоящему из иудеев-христиан и христианских миллениариев”.³¹⁴

Однако, какими бы серьезными ни были практические трудности, до тех пор, пока сохраняется антисемитизм, энтузиазм в отношении сионизма обязательно сохранится. Г-н Израэль Зангвилл, один из самых выдающихся борцов за правое дело в Англии, неоднократно излагал взгляды своих братьев-сионистов. В своем обращении к собранию в мае 1903 года он заявил, что “единственное решение еврейского вопроса можно было найти в юридически обеспеченном доме в Палестине”. Он указал на недавнюю резню евреев в Кишиневе как на доказательство того, “что вопрос как раз в том, где это было в Средние века”, и выразил свое убеждение, что “остальная Европа также имела тенденцию скатываться обратно в Темные века”. Отсюда возникает необходимость покинуть Европу. Ссылаясь на схему эмиграции барона Хирша, мистер Зангвилл сказал: “Барон Хирш оставил 2 000 000 фунтов стерлингов только на эмиграцию и 7 000 000 фунтов стерлингов в основном на эмиграцию. Его попечители сократили эмиграцию до минимума. Они отчаялись эмигрировать. Но то, что колонисты в

Аргентине и Канаде потерпели неудачу, было ли это причиной для отчаяния? Как они смели отчаиваться, пока не испытали единственную землю, к которой обращалось сердце еврея?”³¹⁵

В августе того же года в Базеле собрался сионистский конгресс, и было сообщено несколько интересных подробностей, касающихся прогресса движения. Было заявлено, что число членов возросло со 120 000 до 320 000, все из которых были непосредственно представлены на Конгрессе за счет так называемых выплат в шекелях. Отчет Комитета управления показал, что поступления за год составили 9886 фунтов стерлингов, что сионизм повсюду растет и что сионистский колониальный банк в Лондоне уже объявляет небольшие дивиденды.³¹⁶ Следует отметить, что этот банк был основан под названием Jewish Colonial Trust с капиталом в 2 000 000 фунтов стерлингов в акциях стоимостью 1 фунт стерлингов, более 350 000 фунтов стерлингов из которых были подписаны из числа более бедных евреев, в результате чего он может похвастаться не менее чем 135 000 акционерами. В дополнение к этому учреждению были созданы еще два еврейских национальных фонда, один из которых известен как счет в шекеле. В октябре того же года одесские газеты сообщили, что ряд лиц, действующих от имени 107 евреев, в основном из рабочего класса, предпринимали шаги для осуществления через Колониальный банк покупки огромного участка земли в Палестине с целью колонизации.³¹⁷ На сионистском конгрессе 1904 года было представлено около 2500 организаций в различных частях мира. Эти факты убедительно доказывают, что сионизм вызвал самый настоящий энтузиазм у значительной части еврейской расы, даже несмотря на то, что он вызвал столь же реальную оппозицию.

Тем временем еврейское население Палестины неуклонно и быстро увеличивалось за счет иммиграции, главным образом, беженцев-ашкеназов из Центральной и Северной Европы. В 1872 году в Святой Земле насчитывалось едва ли 10 000 евреев; к 1882 году их число возросло до 20 000; в 1890 году их было всего 25 000; в 1902 году их численность оценивалась в 60 000 человек, распределенных по различным городам Яффо, Иерусалима, Цфата, Тверии и другим. Во всех этих местах можно увидеть новые еврейские колонии, размещенные в аккуратных побеленных зданиях, которые тянутся рядами, похожими на бараки, — щедрость Ротшильдов или Монтефьоре. Помимо этих городских колоний, в Центральной Иудее, Самарии и Галилее есть многочисленные сельскохозяйственные поселения. Иммиграция, стимулируемая преследованиями, которым подвергается еврейская раса в Восточной Европе, и облегчаемая строительством железной дороги Яффо-Иерусалим, которая работает уже двенадцать лет, продолжается, частично под эгидой *Всемирного израильского альянса*. Это общество содержит множество школ для мальчиков и девочек, стремясь привнести французскую культуру и новый дух в древнее тело иудаизма, который, особенно в Тверии, всегда искал своего убежища и своей могилы. Помимо общего обучения, усердно поощряются занятия сельским хозяйством и садоводством. Из начальных школ наиболее многообещающие ученики направляются в Профессиональную школу Иерусалима или на Образцовую ферму Микве, основанную в 1870 году, откуда по окончании учебы ученики распределяются в еврейские колонии Палестины и Сирии в качестве главных садовников и руководителей сельского хозяйства, в то время как другие обучаются ремеслам, таким образом постепенно формируется население, как морально, так и материально подготовленное для работы всю жизнь в современных условиях. Говорят, что сельскохозяйственные колонии, разделенные на три группы — Палестину, Самарию и Галилею, — помогли закрепиться на земле примерно 5000 из

60 000 евреев страны. Другие центры такого же характера находятся в процессе формирования за Иорданом, в направлении горного хребта Ховран, где несколько лет назад были приобретены обширные участки земли, которые постепенно отвоевываются из песка, камней и болот упорством и неутомимой промышленностью еврейских колонистов.

Но, останавливаясь на этой светлой стороне сионистского движения — стороне просвещенного предпринимательства, — полезно отметить другую сторону, не столь многообещающую. Недавний путешественник, которого я уже цитировал, очень пессимистично описывает свои впечатления. Остается надеяться, что его заявления преувеличены, а пессимизм чрезмерен; но в интересах исторической правды мы чувствуем себя обязанными выслушать его рассказ: “Ашкенази, - говорит он нам, - преобладают настолько, что затмевают остальных. Если когда-нибудь и будет еврейское государство, то это будут ашкенази. Большая их часть расположена в Иерусалиме, а остальные - в Цфате, Тверии и Хевроне. Стадные по инстинкту, городские по привычке, они собираются вместе в городах, создавая новые гетто, подобные тем, которые они оставили в Европе. Часть из них поддерживает себя мелкой торговлей; остальные живут на Халуку, фонд, предоставляемый их богатыми единоверцами на Западе. В Иерусалиме это составляет 50 000 фунтов стерлингов ежегодно. Его цель состоит в том, чтобы дать возможность его получателям изучать Талмуд и заниматься религиозными упражнениями опосредованно для тех, кто его передает. Халука является плодотворным источником лени и лицемерия и передает чрезмерную власть в руки раввинов, которым поручено ее управление. Для тех, кто знает только евреев—торговцев из наших торговых центров, современных саддукеев, это открывает новый аспект расы - еврея, отказывающегося от всякой предприимчивости, довольствующегося жизнью в благочестивом нищенстве, его единственным занятием является соблюдение мелочей церемониального закона; еврея, который завязывает свою филактерию, носит длинные локоны, спущенные за уши в соответствии с предписанием левитов, и избегает носить в субботу носовой платок, за исключением браслета или шляпы. подвязка. Халука - ошибка и камень преткновения на пути сионизма. Превратить Палестину в огромную богадельню - это не способ заложить фундамент еврейского государства. Это привлекает толпы ленивых фанатиков, чья религия начинается и заканчивается внешними проявлениями, ярким примером "письма, которое убивает", чье фарисейское благочестие никак не влияет на их поведение в жизни. Это создало непродуктивную популяцию неэффективных людей, состоящую из наименее желательных представителей расы. Его пагубное действие очевидно, и лучшие из евреев сами осуждают его или советуют ограничить его для пожилых и немощных. Угнетающе двигаться среди толп дородных мужчин, ничего не вносящих в общее благо, надутых самодовольным фанатизмом и гордящихся своим бесполезным существованием. Предоставленный самому себе, еврей обходит землю стороной и остается в городе. Но западная филантропия потратила много денег и энергии, чтобы посадить его на землю, справедливо рассудив, что основы нации нельзя заложить, торгуя карандашами среди бедуинов, которым они не нужны.

Недалеко от Яффы был основан сельскохозяйственный колледж, но оказалось, что молодежь воспользовалась отличным общим образованием, которое он давал, не для того, чтобы обрабатывать землю, а для того, чтобы заниматься более приятными и прибыльными занятиями. Были основаны сельскохозяйственные колонии, и колонисты, в дополнение к бесплатной земле, семенам и инвентарю, были наделены м. Эдмундом де Ротшильдом по 3 франка в день на каждого мужчину, по 2 франка на каждую женщину и по 1 франку на каждого ребенка. Это позволило получателям сесть за стол переговоров и нанять арабов для выполнения этой работы, но было остановлено, к великому огорчению колонистов. Фактически, лучшие фермы

сегодня зависят от местного труда. Мотыга и мотыга вызывают отвращение у еврейских колонистов, которые все стремятся занять места в администрации. Финансовый результат не радует. Пожалуй, самым процветающим предприятием является винодельческое предприятие Ришон ле Сион. Виноделие - единственная отрасль, которой занимаются евреи. Они практикуют это индивидуально, в небольшом масштабе. К западному туристу в Хевроне неизменно обращается какой-нибудь израильтянин с завитушками, который предлагает ему свой "гутер Вейн", и его мысли возвращаются в детство и к той бробдингнагской виноградной грозди, которую шпионы привезли им из соседней долины Эшол. Отношение еврея к сельскому хозяйству не вызывает удивления. Его наследственные склонности против этого. Столетия городской жизни и городских занятий остались позади. Не привыкший ни к каким упражнениям, кроме умственных, слабого телосложения, непривычный к климату, можно ли ожидать, что это дитя гетто обратится к сильному загорелому крестьянину-иудею и будет соревноваться с ним на горящем склоне холма? Единственное исключение составляют болгарские евреи сефардского происхождения. Выносливые, крепкие, привыкшие к земледелию, они стали эффективными фермерами, а следующими за ними идут евреи из Румынии. Но при всех стимулах поселиться на земле, а также при всевозможных подпорках и пособиях евреев-земледельцев в Палестине насчитывается всего около 1000 человек из постоянно увеличивающегося населения. Этот факт знаменателен".³¹⁸

Еще один момент, заслуживающий серьезного рассмотрения, - это политическая ситуация, сложившаяся в результате еврейской иммиграции в Палестину. Колонисты, большинство из которых приезжают из России, являются яблоком раздора между конкурирующими иностранными пропагандистами в стране. Русские, как уже было замечено, убивая евреев в Бессарабии, добиваются их благосклонности в Сирии. Германский император, терпимо относясь к антисемитизму в Отечестве, заслужил благодарность сионистов своим дружелюбием по отношению к изгнанникам. Французы, благодаря образовательным усилиям *Израильского альянса*, ученики которого до сих пор набирались в основном из испанских евреев, стремятся превратить евреев Палестины, как и других частей Ближнего Востока, в апостолов галльского превосходства и в инструменты продвижения галльских интересов. Французские сторонники *Альянса* рассматривают сионистов как своих противников, и это по той причине, что, хотя миссия *Альянса*, как ее понимают французы, заключается в расширении влияния Республики и, следовательно, весьма отдаленно связана с религиозными и национальными устремлениями еврейского народа, именно на эти устремления сионисты делают наибольшее ударение.³¹⁹

Наконец, бедность Палестины является источником бесконечных трудностей, преодолеть которые можно только пропорциональным трудом. Мистер Зангвилл очень красноречиво описал эти условия в одной из своих речей: "Друзья мои," сказал он, "вы не можете купить Палестину. Если бы у вас было сто миллионов, вы могли бы купить только то место, где когда-то стояла Палестина. Саму Палестину вы должны воссоздать трудом, пока она снова не потечет молоком и медом. Страна хорошая. Но ей нужна отличная ирригационная система. Чтобы вернуться туда, не нужно чуда — уже треть населения составляют евреи. Если Сам Всевышний чудом привел всех нас в Палестину, что мы должны получить, кроме бесплатного проезда? В поте лица мы должны заслужить нашу Палестину. И, следовательно, день, когда мы получим

Палестину, если и будет самым радостным, то станет и самым ужасным днем нашего движения”.³²⁰

Именно рассмотрение различных препятствий, перечисленных выше, и других подобного характера в сочетании с настоятельной необходимостью найти дом для тех несчастных изгоев, чьему убежищу в Англии угрожала агитация против иностранцев, побудило доктора Герцля в июле 1903 года, действуя по предложению мистера Чемберлена,³²¹ предложить заключить соглашение между британским правительством и Еврейским колониальным фондом о создании еврейского поселения в Британской Восточной Африке. Британское правительство, стремясь найти выход из затруднения, связанного с “Инопланетным вторжением”, приветствовало это предложение, и лорд Лэнсдаун выразил готовность предоставить все возможности Комиссии, которая, как было предложено, должна быть направлена сионистами в Восточную Африку для проведения расследования. Если удастся найти подходящее место, министр иностранных дел заявил, что готов “одобрительно рассмотреть предложения о создании еврейской колонии на условиях, которые позволят ее членам соблюдать свои национальные обычаи. С этой целью он был бы готов обсудить детали схемы, включающей в качестве ее основных особенностей предоставление значительного участка земли, назначение еврейского чиновника главой местной администрации и разрешение колонии иметь полную свободу действий в отношении муниципального законодательства и управления религиозными и чисто бытовыми вопросами; такая местная автономия обуславливается правом правительства Его Величества осуществлять общий контроль”.³²² Этот проект был объявлен на одном из заседаний сионистского конгресса в Базеле в августе 1903 года, и предложение, представленное Конгрессу для было принято решение о назначении комитета, который должен был направить экспедицию в Восточную Африку для проведения расследования на месте. Но, хотя за него проголосовали 295 человек, против него выступило значительное меньшинство в 177 голосов, и российские делегаты в знак протеста покинули зал. На массовом собрании сионистов, состоявшемся в мае следующего года в Лондоне, г-н Израэль Зангвилл тепло высказался в поддержку этого предложения, призвав своих собратьев-сионистов воспользоваться предложением британского правительства. Но он добавил: “Еврейская колониационная ассоциация, единственная организация, которая должна была обеими руками приветствовать это предложение о территории, осталась в стороне”.³²³ Действительно, нельзя сказать, что этот новый отход сионизма вызвал всеобщее одобрение.

Противодействие этой схеме также не ограничилось платоническими протестами. В декабре следующего года доктор Макс Нордау, один из самых выдающихся литераторов среди последователей доктора Герцля, заявивший о себе на Базельском конгрессе в августе прошлого года в поддержку этого предложения, был обстрелян в Париже русским евреем, который на перекрестном допросе в магистрате признался, что, совершая это покушение на жизнь доктора Нордау, он целился во врага еврейской расы - сторонника плана, который предусматривал оставление сионистами Палестины как объекта движения.³²⁴ Инцидент стал болезненным доказательством нужды. согласия не только среди евреев в целом, не только среди сторонников различных движений, теоретически признающих необходимость эмиграции, но даже среди самих сторонников дела сионизма. Доктор Герцль, стремясь развеять неприязнь, вызванную его предполагаемым отказом от сионистской идеи, написал письмо сэру Фрэнсису Монтефиоре, президенту Английской сионистской федерации, отвергая любое желание увести движение от Святой Земли и направить его в Восточную Африку. Ничто, возразил он, не может быть дальше от истины. Он был убежден, что решение еврейской

проблемы может быть осуществлено только в этой стране, Палестине, с которой неизгладимо связаны исторические и сентиментальные предубеждения еврейского народа. Но поскольку британское правительство было достаточно великодушно, предложив территорию для автономного поселения, было бы невозможно и неразумно поступить иначе, чем тщательно рассмотреть это предложение.³²⁵

Облака неверного представления, на которые жаловался доктор Герцль, не были рассеяны этим заявлением. Если привязанность к Палестине должна быть центральной идеей сионизма, трудно понять, как ее реализации могло бы способствовать принятие Восточной Африки в качестве дома. Восточная Африка, как остроумно заметил проницательный дипломат, находится не в Палестине и не на пути к ней. Ее название не пробуждает в еврейском сердце никаких воспоминаний или надежд. Его земля не освящена храмами и гробницами Израиля. Его холмы и долины не населены духами древних мучеников и героев нации. Ни победы прошлого, ни пророческие видения будущего никоим образом не связаны с Восточной Африкой. В сложившихся обстоятельствах не стоит удивляться тому, что предложение, как признал доктор Герцль, не встретило энтузиазма, необходимого для успеха, и что самое сильное противодействие плану исходило от тех самых евреев из российской “черты оседлости”, которые больше всего нуждаются в убежище от преследований. Следует иметь в виду, что те самые евреи, которые наиболее сильно страдают от преследований, наиболее искренне и беззаветно привязаны к древним идеалам расы, и, отчасти по этой психологической причине, отчасти из-за своей менее продвинутой стадии развития, они были наименее способны оценить практические преимущества схемы — наименее склонны подчиняться диктату прозаической целесообразности. Они твердо верят, что рано или поздно прекрасной мечте суждено воплотиться в реальность; и, как все мечтатели, они ненавидят компромиссы.

Однако это предложение встретило противодействие не только в русском гетто. Сэр Чарльз Элиот, уполномоченный Ее величества по протекторату Восточная Африка, этого не одобрил. Отрицая все антисемитские чувства, он сказал, что его колебания возникли из-за сомнений относительно того, будет ли получен какой-либо положительный результат от этой схемы. Предлагаемая колония, указал он, не будет достаточно большой, чтобы существенно облегчить перенаселенное и страдающее еврейское население некоторых частей Восточной Европы, и он выразил опасение, что климат и сельскохозяйственная жизнь никоим образом не будут подходящими для израильтян. Более того, когда страна начала привлекать британских иммигрантов, которые проявили склонность расселяться по всей территории предполагаемой еврейской колонии, он счел, что этот план стал опасным, и осудил его исполнение. Сэр Чарльз заявил, что это было равносильно воспроизведению в Восточной Африке тех самых условий, которые вызвали столько бедствий в Восточной Европе: иными словами, существование компактной массы евреев, отличающихся по языку и обычаям от окружающего населения, которому они, вероятно, превосходят в деловых способностях, но уступают в боевой мощи. По его мнению, лучше всего откровенно признать, что такие условия никогда не могут существовать без угрозы общественному спокойствию.³²⁶

Сэр Гарри Джонстон также поначалу был против этой схемы, но частично под влиянием развития идеи в менее грубый план и открытия страны железной дорогой через Уганду, частично, возможно, из-за тесной связи между предложением и решением нашей собственной проблемы перенаселенности, он в конечном итоге превратился в горячего сторонника этого.³²⁷ Вскоре после этого в Восточную Африку была направлена Комиссия для

составления отчета о участке земли, предложенном британским правительством для предлагаемого сионистского поселения,³²⁸ - доказательство того, что официальная оппозиция была отброшена.

Но оппозиция со стороны евреев сохранялась, как показали комментарии еврейской прессы Америки о визите мистера Израэля Зангвилла в эту страну с целью заинтересовать американских евреев в проекте, его собственное “абсолютное и глубокое отвращение” к их холодной безответственности и, что еще более очевидно, создание Лондонской сионистской лиги. Президент этой ассоциации мистер Герберт Бентвич в своей инаугурационной речи, комментируя этот вопрос, сказал, что план британской Восточной Африки ни в малейшей степени не затронул сионизм; что это был простой несчастный случай в еврейской истории, которому сионисты не могли посвятить свою энергию; что предложение территории было сделано как практическое выражение сочувствия “теми, кто хотел исключить иностранного иммигранта из Великобритании, и как таковое было с благодарностью принято, но к нему никогда нельзя относиться серьезно”, и что сионисты надеялись не исправить, а положить конец бедствиям евреев; это, поскольку цель, ради которой лига была создана в Лондоне.³²⁹

Отчет Комиссии, опубликованный на английском и немецком языках, был частично неблагоприятным, а частично неубедительным; но даже если бы он был положительным, сомнительно, чтобы он получил одобрение. Во всяком случае, когда план был окончательно представлен сионистскому конгрессу в Базеле в конце июля 1905 года, он вызвал сцены беспрецедентного характера в истории сионизма. Конгресс разделился на “палестинцев”, которые выступали против любых еврейских национальных поселений за пределами Палестины, и на “территориалистов”, которые утверждали, что истинная цель сионизма - получить автономное поселение где угодно. Последняя партия, возглавляемая г-ном Зангвиллом, решительно поддержала предложение Великобритании; первая была столь же решительно против него. После бурного обсуждения план был отклонен, и подавляющим большинством голосов была принята резолюция, в которой Седьмой сионистский конгресс подтвердил принцип создания юридически защищенного дома для еврейского народа в Палестине, отвергая, как цель, так и средство, любую колониционную деятельность за пределами Палестины и прилегающих земель, и, поблагодарив британское правительство за его доброту, выразил надежду, что последнее продолжит помогать сионистам в их усилиях по достижению их истинной цели. Таким образом, этот эпизод в истории сионизма подошел к концу.

В то время как восточноафриканский план был предметом столь сильных разногласий как среди евреев, так и в других местах, лидер сионистов скончался. Доктор Герцль умер в Эдлахе, в Австрии, 3 июля 1904 года, лишенный счастья видеть выполненной миссию, которой он посвятил свою жизнь. Среди своих приверженцев он оставил репутацию пылкого апостола освобождения, вдохновленного идеалиста, Мессии, горящего желанием спасти свой народ от преследований и привести его обратно в Землю Обетованную. Но даже те, кто меньше всего склонен следовать его примеру, не могли не восхищаться в нем той целеустремленной преданностью идеалу и той непоколебимостью в его достижении, которые, независимо от того, увенчает успех их обладателя или нет, провозглашают великого человека. Среди массы его страдающих единоверцев притязания доктора Герцля на благодарность менее поддаются уточнению. Его личность произвела глубокое впечатление на их воображение, и его усилия воплотить в жизнь мечту восемнадцати веков, подкрепленные магией его красноречия и

изяществом манер, взволновали их сердца до самых глубин. Родители назвали своих детей в честь доктора Герцля, и его смерть вызвала всеобщую скорбь. Десять тысяч скорбящих, мужчин и женщин, сопровождали похороны на Венском кладбище, где останки вождя были преданы земле под причитания его последователей. Последниевпоследствии дали осязаемое доказательство своей благодарности, обеспечив осиротевшую семью своего лидера и решив увековечить его память таким образом, который был бы ему приятен. Мемориал должен принять форму леса из десяти тысяч оливковых деревьев, посаженных в каком-нибудь историческом месте Палестины, и будет известен как Герцлевский лес.

Было бы опрометчиво утверждать, что сионизм умер вместе с доктором Герцлем. Однако после его смерти движение претерпело определенную трансформацию. Хотя его восточноафриканский проект был отвергнут большинством партии, и хотя как те, кто поддерживал его, так и те, кто выступал против него, теперь убеждены в безнадежности зафрахтованного дома в Палестине, все же плана возвращения на Землю Обетованную по-прежнему с энтузиазмом придерживаются, особенно страдальцы русского гетто: с той лишь разницей, что репатриации больше ждут не от султана или европейских держав, а от индивидуальных усилий. Наряду с политической и дипломатической деятельностью за границей Конгресс 1905 года принял решение о практической работе в самой Палестине. Это примет форму общего изучения ресурсов страны и ее экономических возможностей, а также попыток улучшить ее административные условия. Другими словами, колонизацию Палестины следует поощрять, а ее автономию откладывать до тех пор, пока евреев не станет достаточно, чтобы достичь своей конечной цели. “Все равно проникните в Палестину. Колонизируйте, выкупайте землю, заселяйте ее, основывайте фабрики, стимулируйте торговлю; одним словом, восстановите Палестину, а потом посмотрим, что скажет султан”. Это совет, данный известным евреем своим единоверцам.³³⁰ Принесут ли эти усилия желаемые плоды или нет, - вопрос, по которому было бы более благоразумно высказать мнение после события. Столь же трудно предсказать исход “Еврейской территориальной организации” мистера Зангвилла, которая, во всяком случае, на данный момент, отказывается от Сиона и стремится основать еврейскую колонию в другом месте. Этот вариант сионистской программы вызвал симпатию многих из тех, кто стоял совершенно в стороне от плана Герцля. В то же время это вбило клин в сам сионизм.

Между тем, было бы бесполезно отрицать, что, рассматриваемый в целом, еврейский вопрос в настоящий момент находится практически там же, где он был в любое время на протяжении последних полутора тысяч лет. Несколько евреев решили эту проблему для себя, ассимилировавшись со своим окружением. Еще некоторые живут среди язычников в состоянии доброжелательного нейтралитета: внешне они едины с ними, но в глубине души отличаются друг от друга; добросовестно выполняют все гражданские обязанности и блестяще участвуют в интеллектуальной и политической жизни принявших их стран; однако, избегая смешанных браков, они подразумевают существование непреодолимого барьера между ними и теми, кому не посчастливилось быть потомками Авраама. Но основная часть расы по-прежнему остается народом странников, и их надежда на восстановление немногим больше, чем прекрасная, меланхолическая мечта. В настоящее время насчитывается более десяти миллионов евреев, рассеянных по всем четырем концам земли. Девять из этих миллионов проживают в Европе: две трети из них в России, Румынии и Польше. В средние века преследования на Западе гнали их на Восток. В последнее время преследования на Востоке повернули волну на Запад. Израилю нет

покая. Если прошлое и настоящее являются какими-либо ориентирами относительно будущего, то можно с уверенностью предсказать, что еще много веков мир будет продолжать наблюдать уникальное и скорбное зрелище великого народа, скитающегося взад и вперед по дорогам земли в поисках дома.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ ПЛОТНОСТЬ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

Лондон: Macmillan & Co. Ltd.

СНОСКИ

1 Старейшим греческим автором, в произведениях которого встречается этот термин, является оратор Исей, процветавший в 364 году до н.э.; самым ранним латинским писателем является Плавт, умерший в 184 году до н.э. Конечно, это слово, хотя и очень хороший иврит, возможно, было завезено в Европу финикийцами. Но только смелый человек попытался бы провести различие между еврейскими и финикийскими купцами в это время суток.

2I. Масс. xiii. 51.

3C другой стороны, известный представитель палестинской автономии Аббаху (ок. 279-320 гг. н.э.) был известным другом греческого языка. Он учил этому своих дочерей как “украшению”. Об Аббаху было сказано, что он был живой иллюстрацией Экклезиаста vii. 18 “Хорошо, что ты ухватился за *это* (*то есть* Еврейский закон), но также и за *то* (*то есть* языческую культуру), не отводи руки твоей: ибо боящийся Бога выйдет из них всех”. Эллинизм мог иногда взывать к разуму еврея, хотя никогда не волновал его сердце. Ср. стр. 39 ниже.

4Hdt. i. 1-5.

5Джастин Март. Наберите. i.–vii.

6Я имею в виду то, что мне кажется характерным для иудаизма в более ранние периоды, когда он соприкасался с эллинизмом и конфликтовал с ним. В своем последующем развитии фарисейство (которое постепенно поглотило весь еврейский народ) избегало чрезмерного аскетизма и делало упор на радость жизни. “Радостное служение” стало лейтмотивом иудаизма и еврейской жизни в Средние века, как это было лейтмотивом многих фарисеев в первые века христианской эры. Ессеи, хотя и играли очень важную роль в истории первобытного христианства, оказали меньшее влияние на основное развитие раввинского иудаизма.

7Бк. i. глава vi. 5-7.

8Мак. xiv.–xv.

9Про Л. Флакко, 28. Все упоминания о евреях и иудаизме в греческой и латинской литературе были тщательно собраны и истолкованы Т. Райнахом в его "Текстах об отношениях греков и римлян по иудаизму" (Париж, 1895).

10Светоний, Юлий, 84 года.

11удостоверений личности. Augustus, 93.

12 Suetonius, Tiberius, 36.

13Тацит, "История", т. 9.

14Светоний, Клавдий, 25. Ср. Деяния, XVIII. 2.

15Сб. i. 9, 69 и др.

16Ант. 18. 3 (4).

17Сб., т. 184.

18 КЖПО. Augustin., Civ. D. 6, 11.

19Сб. xiv. 96-99 и др.

20Исайя iii. 26.

21 Deuter. vii. 3; Nehem. xiii. 25.

22Ювеналий, сб. xiv. 97.

23 Tacitus, Hist. v. 9.

24История, т. 4.

25Hist. v. 8.

26/b. 5. Ср. Июль. Сб. xiv. 103-4.

27 Annales, xv. 44.

28Июля. Сб. iii. 12–14.

29История. i. 1.

30, Однако, справедливо будет добавить, что еврейские летописи ничего не знают об этих зверствах, и, как справедливо замечает М. Райнах, приведенные выше подробности (в отношении которых Дион Кассий является нашим единственным авторитетом) “вдохновляют на воспоминания”. Числа жертв, о которых сообщил Дион, сами по себе достаточны, чтобы поставить под сомнение эту историю.

31X. Грец, История евреев, англ. тр. том ii. стр. 405.

32Моммзен, История Рима, англ. тр. том iv. стр. 642.

33Только что. Март. Набрать номер. xvii.

34Кн. vi. 27.

35 Этот отчет о горячем отклике евреев на призыв Юлиана, основанный на авторитете христианских авторов, еврейский историк Грец называет “чисто вымышленным” (“История евреев”, английский сборник, том ii, стр. 606). Во всяком случае, это похоже на вымысел, который несет на себе более четкий отпечаток правдоподобия, чем многие “исторические” документы, относящиеся к этому периоду.

36То, что сожженный таким образом "Аман" был всего лишь изображением, теперь ясно показано оригинальным Геоническим ответом на этот вопрос, обнаруженным в Каирской Генизе и опубликованным в *Jewish Quarterly Review*, xvi. стр. 651 fol.

37Точная дата "Тура" оспаривается. Вероятно, это заняло тринадцать лет между 1160 и 1173 годами.

38 Маршрут Бенджамина из Туделы, стр. 24 (ред. Ашер). Недавно в *Jewish Quarterly Review* появилось новое критическое издание (М. Н. Адлера). Отрывок из текста см. *там же*. xvi. 730.

39X. Грец, История евреев, том iii. стр. 31.

40X. Грец, История евреев, том iii. стр. 38.

41Что касается правовых отношений между евреями и различными средневековыми государствами, см. Книгу Дж. Э. Шерера "О судьбах евреев в Миттелальтере" (1901), работу, к сожалению, оставшуюся незавершенной из-за смерти автора.

42Джозеф Джейкобс, "Бог Израиля" в девятнадцатом веке, сентябрь 1879г.

43Дж. Э. Сэндис, История классической науки, стр. 539 след.

44X. Грец, История евреев, том iii. стр. 349. За некоторыми прекрасными переводами стихотворений Иегуды Халеви читатель может обратиться к книге миссис Х. Лукас "Еврейский год" (Macmillan, 1898) и к книге миссис Р. Н. Саламан "Песни изгнания" (Macmillan, 1905). Философский диалог Иегуды Халеви "Хазария" недавно был переведен на английский доктором Х. Хиршфельдом (Routledge, 1905).

45Джозеф Джейкобс, "Бог Израиля", Девятнадцатый век, сентябрь 1879 года. Руководство было переведено на английский язык доктором М. Фридлендером (1885; новое издание, Рутледж, 1904).

46X. Грец, История евреев, том iii. стр. 509.

47О Маймониде читайте в книге Д. Йеллина и И. Абрахамса на эту тему в серии "Достойные евреи", том I. (Macmillan, 1903).

48 Vogelstein and Rieger, Geschichte der Juden in Rom, i, pp. 136 fol. В целом, к этой работе следует обратиться для выяснения всех точек соприкосновения папства и иудаизма в средние века.

49Ибн Верга, Шебет Иегуда (ред. Винер), стр. 50.

50Авиньонских статуты, цитируемых Израэлем Абрахамсом, Еврейская жизнь в средние века, стр. 408.

51Говорят, что в первом веке нашей эры Аристо из Пеллы был автором попытки доказать с помощью Пророков, что Иисус был Мессией. Иустин Мученик последовал по его пути, и аргументы последнего писателя впоследствии вновь появляются в трудах Тертуллиана и других Отцов Церкви. Смотрите издание S. Justini Dialogus У. Троллопа, стр. 4.

52 Знаменитая сатира Гейне "Диспут" хорошо характеризует тщетность этих публичных споров; "der Jude wird verbrannt" - мрачное резюме Лессинга в "Натане дер Вайзе". См. также Schechter, Studies in Judaism, стр. 125 след.

53Лорд Керзон, "Проблемы Дальнего Востока", стр. 298.

54Израэль Абрахамс, Еврейская жизнь в средние века, стр. 407.

55Лорд Керзон, "Проблемы Дальнего Востока", стр. 303.

56Инферно, xi. 49-50.

57 Deuter. xxiii. 19.

58Пс. xv. 1, 5.

59Коран (тр. Сейла), глава ii.

60Представитель 555 Е.

61Закона, 742 г.

62Пол. i. 3, 23.

63Пятая проповедь.

64Мы слышим, например, что в начале XIII века процент был установлен законом в размере 12 с половиной процентов. в Вероне, в то время как в Модене к концу того же столетия этот показатель, по-видимому, достигал 20 процентов. Генуэзская республика сто лет спустя, несмотря на коммерческое процветание Италии, выплачивала от 7 до 10 процентов. своим кредиторам. Гораздо более тяжелыми были условия денежного рынка во Франции и Англии. Встречаются случаи, когда евреев было 50%, и существует эдикт Филиппа Августа, ограничивающий число евреев во Франции 48 процентами. В начале четырнадцатого века указ Филиппа Красивого допускал 20 процентов. после первого года кредита, в Англии при Генрихе III. зарегистрированы случаи в 10% случаев. в течение двух месяцев.

65 Печально известная легенда о Хью Линкольнском относится хронистом Мэтью Пэрисом к 1255 году. О плодовитом характере монашеского воображения на эту тему свидетельствуют дополнительные факты, полученные в результате исследований Тирвитта: “В первые четыре месяца действия Acta Sanctorum Болландуса я нахожу следующие имена детей, канонизированных как убитые евреями:

- XXV. Март. Willielmus Norvicensis, 1144;
Richardus, Parisiis, 1179;
XVII. Апрель. Rudolphus, Bernae, 1287;
Wernerus, Wesaliae, anno eodem;
Albertus, Poloniae, 1598.

Я полагаю, что оставшиеся восемь месяцев дадут по меньшей мере еще столько же”.
Цитируется доктором У. В. Скитом, Чосер, Вступление, стр. xxiii.

66 Современный историк патетически заявляет, что в 1248 году “ни один иностранец, не говоря уже об англичанине, не мог смотреть на английскую монету сухими глазами и с не разбитым сердцем”. Генрих III. выпустил новую монету; но прошло совсем немного времени, прежде чем она достигла состояния старой. В Англии наказанием за преступление была потеря жизни или конечностей.

67 У. Каннингем, Рост английской промышленности и торговли, стр. 187.

68 Недавно был обнаружен оригинал хартии об изгнании; по милостивой иронии истории, она была найдена в Лестере в то время, когда еврей трижды был мэром города.

69 См. выше, стр. 98.

70 Алами, цитируется Х. Грецем, "История евреев", том iv. стр. 220.

71 История инквизиции Испании, автор Х. К. Ли (Macmillan, Тома I., II. и III. , 1906), представляет собой монументальный труд на эту тему.

72 Apologia pro vita sua, p. 29.

73 Эта привязанность евреев к странам, с которыми они долгое время отождествляли себя, повторяется и в наши дни. Еврейские эмиграционные объединения постоянно сталкиваются с нежеланием очень многих российских евреев оторваться от России.

74 На самом деле, Селестина В. вряд ли заслуживает такого приговора. Не трусость, а врожденное смирение, сознание соблазнов власти, физическая слабость и стремление отшельника к спокойствию побудили папу уйти в отставку после пяти месяцев и восьми дней понтификата. До сих пор комментаторы соглашались применять приведенный выше отрывок к Селестине V., но недавнее мнение отвергает традиционную интерпретацию. Как бы то ни было, нас беспокоит то, что Данте порицает апапу римского.

75 See Berliner, Persönliche Beziehungen zwischen Christen und Juden. Следует также сослаться на "Geschichte der Juden" того же автора в Рим.

76 Парадизо, xii.

77 Praef. ad Librum de Serm. Лат., цитируется Тирвиттом в книге доктора У. В. Скита "Чосер", Вступление, стр. xxiii.

78См. выше, стр. 170.

79Хороший рассказ о римском гетто можно найти в книге Э. Родоканачи "Святой Съез и изгнанники: Гетто в Риме" (Париж, 1891).

80Браунинг в "Дне Святого Креста" изобразил фарсовую гротескность этих попыток обращения так же беспощадно, как Гейне высмеивал принудительные споры. Ср. выше, стр. 98н.

81Дневник, 23 марта 1646 г.

82И. Абрахамс, Еврейская жизнь в средние века, стр. 409-410.

83С. Шехтер, Исследования по иудаизму, стр. 15.

84Перевод Уильяма Хэзлитта, глава 857.

85Глава 853.

86Глава 852.

87Глава 700.

88Глава 859.

89Глава 852.

90Глава 864.

91Там же.

92Х. Грец, История евреев, том iv. стр. 502.

93Глава 857.

94Глава 864.

95Глава 866.

96Глава 852.

97Там же.

98Там же.

99Там же.

100Глава 856.

101Глава 861.

102Глава 864.

103Глава 852.

104Глава 855.

105Глава 867.

106Глава 862.

107Глава 858.

108Глава 852.

109Глава 854.

110Глава 860.

111Глава 854.

112Глава 855.

113Глава 854.

114Глава 861.

115Глава 865.

116Глава 869.

117Гл. 355. О Мартин, Мартин! А как же "обрезание сердца", не говоря уже о христианском милосердии? Но это было в 1541 году.

118Глава 861.

119Глава 865.

120Глава 866.

121 Von den Juden und Ihren Luegen (1544) is the title of one of these pamphlets. См. Х. Грец, История евреев, том iv. стр. 583 след.

122Историю гамбургских евреев см. в книге М. Грюнвальда "Гамбургский немецкий юден", 1904.

123 О Пфефферкорне и Рейхлине см. Две статьи С. А. Хирша в Сборнике эссе (Macmillan, 1905).

124См. выше, стр. 175.

125Возможно, наиболее ясную и беспристрастную оценку места Спинозы в мире мысли, доступную английскому читателю, можно найти в книге сэра Фредерика Поллока "Спиноза: его жизнь и философия". Эта работа также содержит в приложении перепечатку английского перевода (1706 г.) голландской биографии Спинозы, сделанного его другом, лютеранским священником Йоханнесом Колерусом, опубликованного в 1705 году. Последней биографией Спинозы, основанной на новых материалах, является книга Дж. Фрейденделя "Спиноза, Жизнь и невод, Эрстер Банд, Жизнь Спинозы" (Штутгарт, 1904).

126Исповедь Амантиса, bk. vii.

127См. выше, стр. 199.

128 Именно некоторыми из этих немецких рудокопов, которых торговцы-авантюристы Корнуолла привлекли к эксплуатации корнуолльских рудников в соответствии с хартией, выданной королевой Елизаветой, “лозоходческий жезл” (*Schlagruthe*, или удочка для поиска полезных ископаемых) был завезен в Англию с целью обнаружения минеральных жил. Профессор У. Ф. Барретт, “Поиски воды”, в “Таймс”, 21 января 1905г.

129Эссе Об Узурии.

130Венецианский купец, Акт i. Часть 3.

131И. Абрахамс, Еврейская жизнь в средние века, стр. 251.

132С. Р. Гардинер, История Содружества и протектората, том ii. стр. 30, № 3.

133См. выше, стр. 148.

134“Зритель”, № 213, 3 ноября 1711г.

135/b. № 495, 27 сентября 1712 г.

136Цитируется в книге Х. Греца “История евреев”, т. v., стр. 359.

137Т. Карлайл, История Фридриха Великого, bk. xvi. глава vii.

138 Этот порядок был отменен Законом об отделении, обнародованным 9 декабря 1905 года, когда Республика решила “не признавать, не выплачивать зарплату и не субсидировать какие-либо формы богослужения”. Евреи разделили последствия этого Закона с протестантами и католиками Франции, и, подобно первым из этих христианских конфессий, и в отличие от последних, с готовностью приняли изменение.

139 За чашками чая, стр. 193 след.

140Дж. Г. Локхарт, “Жизнь сэра У. Скотта”, глава xlv.

141 Говорят, что оригиналом “Ребекки Скотта” был реальный человек — Ребекка Гратц из Филадельфии. Вашингтон Ирвинг, знавший мисс Гратц, представил ее Скотту. Она родилась в 1781 году и умерла в 1869 году. Ее утверждение о том, что она была “оригиналом Ребекки в “Айвенго””, подтверждается в статье с таким названием в журнале *Century Magazine*, 1882, стр. 679.

142Дон Жуан, Песнь II. lxx. Справедливо будет добавить, что Скотт также, во время своего финансового кризиса, озлобленный жестоким обращением, которому он подвергся со стороны своих еврейских кредиторов, Абуда и Сына, в очень резких выражениях высказался о “бродячих евреях-биржевиках” в целом и Абудах в частности. Смотрите Дневник Скотта под датами 25 ноября 1825 г. и 9 октября 1826 г. в J. G. Lockhart, *Life of Sir W. Scott*, гл. lxxv. и lxxvi.

143Застольная беседа.

144Застольная беседа Лютера, гл. 852.

145Застольная беседа Кольриджа, 14 апреля 1830 г.

146См. выше, стр. 225.

147Примечание редактора от 30 мая 1830 г.

14814 августа 1833 года.

149Примечание редактора от 14 апреля 1830 г.

150Чарльз Лэмб, Эссе о несовершенных симпатиях.

151Дж. Морли, Жизнь У. Э. Гладстона, Том i. стр. 106, 375.

152См. ниже, стр. 378 след.

153 См. Еврейскую энциклопедию, *passim*.

154 Этот этап внутренней истории России с 1881 года хорошо описан в статье князя Кропоткина "Конституционная агитация в России", "Девятнадцатый век", январь 1905г.

155См. Меморандум Армянской патриархии, протестующий против указа о грабежах, изданного 12-25 июня 1903 г. в Армении, октябрь и ноябрь 1906 г.

156См. А. Вамбери, "Пробуждение татар", Девятнадцатый век, февраль 1905г.

157"Таймс", 8 октября 1904г.

158Согласно результатам переписи населения 1897 года, число неграмотных жителей в стране колеблется от 44,9 до 89,2%.

159Э. Ф. Г. Лоу, "Современное состояние России", "Двухнедельное обозрение", апрель 1882г.

160Отчет вице-консула Вагстаффа в книге Голдвина Смита "Евреи", девятнадцатый век, ноябрь 1882 г.

161См. выше, стр. 148. Ср. стр. 167.

162Ольга Новикова, "Движение трезвости в России", Девятнадцатый век, сентябрь 1882г. Ср. М. О. Менчикова, "Еврейская опасность в России", Ежемесячное обозрение, февраль 1904г.

163См. выше, стр. 329.

164 Голдвин Смит, *ibi* выше.

165Тамже.

166 Голдвин Смит, *ibi* выше.

167См. выше, стр. 154.

168Для получения полного отчета об этом и других аспектах внутренней политики России читателя отсылают к книге герра Вольфа фон Шербранда "Россия: ее сила и ее слабость", 1904.

169 Закон Е. Ф. Г., *ibi* выше.

170 Ольга Новикова, *ibi* выше.

- 171 Голдвин Смит, “Евреи”, Девятнадцатый век, ноябрь 1882г. Ср. Пьер Боткин, секретарь Российского представительства в Вашингтоне, “Голос России”, журнал "Сенчури", февраль 1893г.
- 172 Лоуренс Олифант, “Еврей и восточный вопрос”, Девятнадцатый век, август 1882г.
- 173 Пьер Боткин, секретарь Российского представительства в Вашингтоне, “Голос России”, в журнале “Сенчури”, февраль 1893 г. Ср. "Ответ" на это Джозефа Джейкобса, секретаря Русско-еврейского комитета, Лондон, в том же периодическом издании, июль 1893г.
- 174 В 1902-3 годах в Российской империи, согласно Статистической таблице в еврейском ежегоднике, проживало 5 189 401 еврей, что составляло 04,13 от общей численности населения (125 668 000 человек). Однако есть серьезные основания полагать, что их реальное количество значительно превышает эту цифру.
- 175 "Таймс", 14 июня 1905г.
- 176 Ближе к концу 1904 года в Совет империи был внесен законопроект, запрещающий продвижение по службе даже крещеных евреев. Но по причинам, которые будут объяснены в дальнейшем, оно было отозвано.— Газета "Восход", о которой сообщает Reuter в депеше, датированной Санкт-Петербургом, 23 декабря.
- 177 Х. Х. Манро в "Морнинг пост", 3 июня 1904г.
- 178 Заявление М. Де Плеве, "Стандард", 8 апреля 1904 г.
- 179 Телеграмма агентства Рейтер от Мельбурна, 4 июня 1903 г.
- 180 "Дейли Кроникл", 22 июня 1903г.
- 181 Телеграмма агентства Рейтер, датированная Берлином 30 мая 1903 г.
- 182 Эндрю Д. Уайт, “Воспоминания дипломата о России”, журнал "Сенчури Мэгэзин", ноябрь 1904г.
- 183 Князь Кропоткин, “Конституционная агитация в России”, Девятнадцатый век, январь 1905г.
- 184 Это были слова королевского обвинителя на процессе Кишинева, The Times, 25 декабря 1903 г.
- 185 "Таймс", 19 декабря 1903г.
- 186 Там же.
- 187 Телеграмма агентства Рейтер от Кишинева, 21 декабря 1903 г.
- 188 Телеграмма агентства Рейтер, датированная Санкт-Петербургом 17 декабря 1903 г.
- 189 М. О. Меньшиков, один из редакторов “Нового времени”, "Еврейская опасность в России", Ежемесячное обозрение, февраль 1904г.
- 190 Телеграмма агентства Рейтер, датированная Санкт-Петербургом 4 июня 1903 г.
- 191 Корреспондент "Стандард" в Киффе, датировано 18 декабря 1903 года.

- 192 Скудный отчет об этом происшествии появился в "Стандард" от 25 сентября 1903 г.
- 193 "Таймс", 21 декабря 1903г.
- 194 Туган-Барановский, "Антисемитизм в современной России", Ежемесячное обозрение, январь 1904г.
- 195 Некоторые весьма поучительные разоблачения, касающиеся организации этих санкционированных беспорядков, были сделаны во время недавнего судебного процесса в Санкт-Петербурге. Смотрите телеграмму агентства Рейтер из этого города от 26 октября 1906 года и отчет корреспондента Tribune за ту же дату.
- 196 См. телеграмму агентства Рейтер от 13 июня в Санкт-Петербурге и письмо мистера Люсьена Вольфа в "Таймс" от 14 июня 1904 г.
- 197 Эндрю Д. Уайт, "Воспоминания дипломата о России", журнал "Сенчури Мэгэзин", ноябрь 1904г.
- 198 The Standard, 1 августа 1904 г.
- 199 Люсьен Вольф, "М. Де Плеве и еврейский вопрос" в "Таймс", 6 февраля 1904г.
- 200 Телеграмма агентства Рейтер от 17 августа 1904 г.
- 201 Телеграмма агентства Рейтер, датированная Санкт-Петербургом 12 сентября 1904 г.
- 202 Телеграмма агентства Рейтер, датированная Каттовицем (Силезия) 12 сентября 1904 г.
- 203 Специальный уполномоченный газеты " Дейли Телеграф", 10 декабря 1904г.
- 204 Телеграмма агентства Рейтер, датированная Санкт-Петербургом 3 сентября 1904 г.
- 205 Телеграмма агентства Рейтер, датированная Нью-Йорком 10 января 1905 г.
- 206 Согласно результатам последней переписи населения (1899 г.), 78%. население старше 7 лет не умеет ни читать, ни писать.
- 207 См. выше, стр. 243.
- 208 Смотрите наиболее интересный очерк движения в "Исследованиях иудаизма" С. Шехтера, стр. 1, далее., статью того же автора на эту тему в "Nord und Süd", январь 1905 г., и S. Статья М. Дубнова в Еврейской энциклопедии, том vi. стр. 251 fol.
- 209 Х. Сазерленд Эдвардс, сэр Уильям Уайт: Его жизнь и переписка, стр. 84.
- 210 Там же. Смотрите также краткое изложение этого периода под заголовком "Евреи в Румынии" в "Стандард", 30 сентября 1902 г.
- 211 Дж. Морли, Жизнь У. Э. Гладстона, Том iii. стр. 475 (1891).
- 212 Эта история подробно изложена Гиббоном в книге "Упадок Римской империи", глава xxvi.
- 213 Будет достаточно одного примера. Крестьянское слово, обозначающее праздничное собрание, пишется *sedatorei* и произносится как *shezetoare*.

- 214 Александр А. Ландеско, в журнале "Сенчури", май 1906 г., стр. 160.
- 215 Венский корреспондент "Таймс", 10 июня 1902г.
- 216 Кармен Сильва, "Евреи в Румынии", журнал "Сенчури Мэгэзин", март 1906г.
- 217 Смотрите статистику численности населения в Еврейском ежегоднике за 1902-03 годы. Ср. Ежегодник государственного деятеля за 1906 год.
- 218 Репортаж из Бухареста, опубликованный в "Пестер Ллойд", см. "Стандард", 27 сентября 1902 г. Ср. статью "Клятва более иудаистская" в Еврейской энциклопедии, ix. стр. 367.
- 219 Венский корреспондент "Стандард", 19 сентября 1902г.
- 220 Телеграмма агентства Рейтер от Бухареста, 12 апреля 1902 г.
- 221 "Таймс", 10 июня 1902г.
- 222 Телеграмма агентства Рейтер, датированная Вашингтоном 17 сентября 1902 г.
- 223 "Стандард", 23 сентября 1902г.
- 224 Позиция различных держав подробно описана корреспондентами лондонской прессы в их соответствующих столицах. См. Standard, 20, 25, 26 сентября; Morning Post, 20 сентября; Daily Chronicle, 22 сентября и др.
- 225 "Дейли Кроникл", 29 сентября 1902г.
- 226 Кармен Сильва, "Евреи в Румынии", журнал "Сенчури", март 1906г.
- 227 Александр А. Ландеско, журнал "Сенчури", май 1906 г., стр. 160.
- 228 Венский корреспондент "Стандард", 26 сентября 1902г.
- 229 Исократ, Панегирик. 50.
- 230 В Германии из общей численности населения 56 500 000 человек насчитывается 587 000 евреев, из которых 376 000 проживают в Пруссии. В Австрии насчитывается 1 150 000 человек из общей численности населения в 26 000 000 человек, а в Венгрии - 850 000 человек из общей численности населения в 19 000 000 человек. Таким образом, процент евреев в Германии составляет 01.04, в Австрии 04.80, в Венгрии 04.43.—Еврейский ежегодник, 1902-03.
- 231 "Евреи в Германии", автор книги "Домашняя жизнь немцев", "Современное обозрение", январь 1881г.
- 232 Эрнест Шустер, "Антиеврейская агитация в Германии", "Двухнедельное обозрение", 1 марта 1881г.
- 233 Устава, процитированные Люсьеном Вольфом в "Антиеврейской агитации", Девятнадцатый век, февраль 1881г.
- 234 Ernest Schuster, *ubi supra*.
- 235 См. выше, стр. 307.

- 236 “Евреи в Германии”, автор книги “Домашняя жизнь немцев”, “Современное обозрение”, январь 1881 г. Об этих и подобных требованиях см. Также Эрнест Шустер, *ubi выше*.
- 237 Карл Блинд, “Конфликт в Германии”, Девятнадцатый век, февраль 1882г.
- 238 Венский корреспондент “Таймс” в письме от 11 ноября 1904 г.
- 239 “Таймс”, 22 октября 1904 г.
- 240 Телеграмма агентства Рейтер, датированная Веной, 11 июня 1906 г. Ср. “Скрытые силы в австрийской политике”, письмо “Скотуса Виатикуса” в the Spectator, 7 июля 1906г.
- 241 Венский корреспондент “Таймс”, 7 января 1907г.
- 242 Люсьен Вольф, “Антиеврейская агитация”, Девятнадцатый век, февраль 1881г.
- 243 Étude sur l’Ecclésiaste, pp. 91 fol.
- 244 См. Вопрос о единой нации? статья, прочитанная в Сорбонне 11 марта 1882 г. в журнале Discours et Conférences, стр. 277 fol.
- 245 См. Лекции и речи, прочитанные в 1883 году в Discours et Conférences, стр. 336, 374 и др.
- 246 См. “La France Juive” Эда Дрюмона, работу, которая, опубликованная в 1886 году, сразу возвела своего автора в ранг главнокомандующего антисемитскими силами во Франции.
- 247 86 885 человек при общей численности населения 38 595 000 человек, т.е. процент от 00,22, еврейский ежегодник, 1902-03.
- 248 The Standard, 7 декабря 1903 г.
- 249 Статистика, предоставленная Комиссии по Тлемсену, показывает, что из 6000 евреев только 10 владеют более чем 2000 фунтов стерлингов, а другая, предоставленная для Константина, показывает, что из 1024 еврейских избирателей только 10 владеют недвижимостью и 146 торговцами. Остальные влачат жалкое существование впроголодь.—Le Temps, Sept. 25, 1901.
- 250 Дж. Морли, Жизнь У. Э. Гладстона, том iv. стр. 552, 558.
- 251 Например. Сэр Дж. Г. Т. Синклер, “Защита России” (1877); Т. П. О’Коннор, “Лорд Биконсфилд: биография” (1878); и др.
- 252 Отдавая должное автору, следует добавить, что эта недоброжелательная и не соответствующая действительности карикатура была общей оценкой Дизраэли, которой придерживались все его политические оппоненты. За исключением лорда Эктона, все они согласились с герцогом Аргайллом в том, что Дизраэли был “фантастическим авантюристом” — человеком, который, не имея собственного мнения и традиций, с которыми можно было бы порывать, “был волен играть с предрассудками, которых он не разделял, и выражать страсти, которые не были его собственными, за исключением тех случаев, когда они были окрашены личной обидой”. См. Герцог Аргайлл: Автобиография и мемуары, том i, стр. 280.
- 253 Малкольм Макколл, “Лорд Биконсфилд”, “Современное обозрение”, июнь 1881г.

- 254Голдвин Смит, “Евреи”, Девятнадцатый век, ноябрь 1882 г. Автор повторяет все эти взгляды в почти идентичных выражениях в "Индепендент" от 21 июня 1906 года.
- 255Израэль Абрахамс, Еврейская жизнь в средние века, Введение.
- 256Возникновение и влияние духа рационализма в Европе, том ii. стр. 281.
- 257 Голдвин Смит, *ubi выше*.
- 258С. Сингер, “Русско-еврейский иммигрант”, в Английском иллюстрированном журнале, сентябрь 1891г.
- 259Дэвид Барон, Древние Священные писания и современный еврей, стр. 179, 1900.
- 260Арнольд Уайт, современный еврей, 1899 год.
- 261Ежегодник евреев за 1902 год.
- 262Отчет в "Стандард", 14 декабря 1903 г.
- 263Арнольда Уайта, За эффективность, 1902, цена 3d.
- 264“Расследование об инопланетянах: пропущенный пункт”, The Standard, 5 сентября 1903г.
- 265 "Пионер", 14 ноября 1904 г. Коммерческая зависть, усугубленная расовыми предрассудками, также лежит в основе антияпонской агитации, бушующей сейчас в Калифорнии.
- 266Чарльз Грант, "Современное обозрение", март 1881г.
- 267Смотрите статью под заголовком “Ист-Энд Хевра” в "Стандард" от 27 апреля и ответ на нее в номере от 1 мая 1903 года.
- 268Дж. Х. Скуллинг, “Иностранцы в Англии”, "Fortnightly Review", ноябрь 1904г. Г-н Чемберлен также в ходе дебатов по законопроекту об иностранцах (2 мая 1905 г.) откровенно признал, что поддерживает эту меру, поскольку она согласуется с его политикой защиты, и он очень логично остановился на идентичности принципа, лежащего в основе обеих программ.
- 269Доклад Комиссии, стр. 19, 20.
- 270"Дейли кроникл", 9 января 1903г.
- 271"Дейли кроникл", 17 февраля 1904г.
- 272Текст законопроекта см. в "Таймс" от 1 апреля 1904 г.
- 273The Standard, передовая статья, 26 апреля 1904г.
- 274Письмо мистера Уинстона Черчилля члену еврейской общины в Манчестере, 30 мая 1904г.
- 275"Дейли кроникл", 18 мая 1903г.
- 276"Дейли кроникл", 4 мая 1904г.
- 277Письмо мистера Бальфура от 9 мая 1904 г.

278"Дейли кроникл", 13 мая 1904г.

279Там же. 14 мая 1904 года.

280Современный исход. Вайолет Гуттенберг.

281Отчет в "Стандард", 2 апреля 1904г.

282Сообщение в "Таймс", 17 апреля 1905г.

283Заявление мистера Уиндхэма в Палате общин, 25 апреля 1904 г.

284"Милезианец", письмо в "Таймс", 4 апреля 1904г.

285Э. Б. Левин, письмо в "Таймс", 12 апреля 1904г.

286 "Милезианец", *ubi выше.*

287 "Милезианец", *ubi выше.*

288Смотрите "Таймс", 8 и 12 апреля 1904 года.

289The Standard, 8 августа 1904г.

290 Дж. Х. Скуллинг, "Иностранцы в Англии", "Двухнедельное обозрение", ноябрь 1904г.

291У. Эванс Гордон, "Экономическая сторона иммиграции иностранцев", Девятнадцатый век, февраль 1905г.

292У. Эванс Гордон, письмо в "Таймс", 22 марта 1904г.

293Письмо в "Стандард", 8 августа 1904г.

294Там же. 7 июля 1904 г.

295Дж. Морли, Жизнь У. Э. Гладстона, том iii. стр. 475.

296Список таких работ см. в статье "Инквизиция" в Британской энциклопедии.

297Иеремия xxxii. 37. Ср. Исая xi. 12 и т.д.

298С. Шехтер, Исследования по иудаизму, стр. 131-2.

299Исчерпывающий отчет об историческом развитии сионизма см. в книге Люсьена Вольфа "Сионизм" в Британской энциклопедии.

300 Для полного перечисления аргументов и настроений, которые побудили массу русских и румынских евреев в начале восьмидесятых предпочесть исход на Восток исходу на Запад, см. Лоуренса Олифанта, "Еврей и восточный вопрос", Девятнадцатый век, август 1882г.

301 Лоренс Олифант, *ubi выше.* С другой стороны, не следует забывать, что члены обществ "Ховеви Сион" составляли лишь очень малую долю от общего числа евреев мира.

302Еврейский мир, 15 августа 1902г.

- 303 Санкт-Петербургский корреспондент "Таймс", 14 октября 1902 г.
- 304 Смотрите высказывания покойного министра внутренних дел по этому поводу: Люсьен Вольф, "М. Де Плеве и еврейский вопрос" в "Таймс", 6 февраля 1904 г.
- 305 Еврейский вопрос, Гей и Берд, 1894, стр. 27.
- 306 С. 31-32.
- 307 С. 38.
- 308 Застольная беседа, 13 апреля 1830 г.
- 309 Люсьен Вольф, "Сионизм", Британская энциклопедия.
- 310 Аспекты еврейского вопроса. "Ежеквартальный обозреватель", 1902, стр. 76.
- 311 С. 16.
- 312 М. Дж. Ланда, "Гибель сионизма", в "Манчестер Гардиан", 10 января 1905 г.
- 313 "Возвращение в Палестину", The Statesman, 23 октября 1904 г.
- 314 Люсьен Вольф, статья о "сионизме" в Британской энциклопедии.
- 315 Сообщение в "Дейли Кроникл", 18 мая 1903 г.
- 316 Телеграмма агентства Рейтер, датированная Базелем, 24 августа 1903 г.
- 317 Телеграмма агентства Рейтер, датированная Санкт-Петербургом 12 октября 1903 г.
- 318 "Возвращение в Палестину", The Statesman, 23 октября 1904 г.
- 319 Об этом аспекте еврейского вопроса см. статью М. Анатоля Леруа-Болье в "Ревю де Мوند", 1 марта 1903 г.; и другую статью о французском языке на Востоке в "Иллюстрированном мире", 11 апреля 1903 г.
- 320 "Дейли Кроникл", 18 мая 1903 г.
- 321 Л. Дж. Гринберг, отчет о встрече "Друзей еврейской свободы", в "Таймс", 7 декабря 1904 г.
- 322 Сообщение датировано Министерством иностранных дел 14 августа 1903 г.
- 323 Отчет в "Стандард", 4 мая 1904 г.
- 324 Телеграмма агентства Рейтер, датированная Парижем, 21 декабря 1903 г.; парижский корреспондент "Таймс", под той же датой.
- 325 "Дейли Кроникл", 22 декабря 1903 г. Ср. Заявление мистера Л. Дж. Гринберга, "Таймс", 7 декабря 1904 г.
- 326 "Протекторат Восточной Африки", Девятнадцатый век, сентябрь 1904 г.; ср. его книгу под тем же названием (1905), стр. 177-8; 315.
- 327 См. "Таймс", 7 декабря 1904 г.

328 Телеграмма агентства Рейтер от 24 декабря 1904 г.

329 Отчет в "Таймс", 20 декабря 1904 г.

330 *Американский иврит*, цитируется в "*Литературном дайджесте*", 20 мая 1905 г.

ГЛАЗГО: НАПЕЧАТАНО В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ UNIVERSITY PRESS РОБЕРТОМ МАКЛЕХОЗ И КОМПАНИЕЙ LTD.

ПУБЛИКАЦИИ Еврейского исторического общества Англии

КАЛЕНДАРЬ УЧЕТНЫХ ЗАПИСЕЙ ЕВРЕЙСКОГО КАЗНАЧЕЙСТВА, ХРАНЯЩИЙСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ. Том I., Генрих III, 1218-1272 гг. н.э. Отредактировано Дж. М. Риггом из Lincoln's Inn, адвокатом. Super Royal 8vo, 16s.

ЕВРЕИ ВО МНОГИХ СТРАНАХ. Автор Элкан Натан Адлер. Иллюстрированный. Дополнительная корона 8vo, 5s. нетто.

Guardian.— "Полно любопытной информации.... Иллюстрации хороши и грамотно подобраны".

"ПЕСНИ ИЗГНАНИЯ" ЕВРЕЙСКИХ ПОЭТОВ. Перевод Нины Дэвис (миссис Р. Н. Саламан). Второе впечатление. Royal 16mo, 2s. 6d. net.

КНИГА ЭССЕ. С. А. Хирш, доктор философии, соредатор Греческой грамматики Роджера Бэкона и фрагмента его грамматики иврита. Дополнительная заводная головка 8vo, 7s. 6d. net.

Еврейская Летопись.— "Штраф объем—однозначно лучший, но выданный гг. Макмиллан за еврейское историческое общество".

ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ. Очерк философии истории. Автор С. М. Дубнов. По авторизованному немецкому переводу. Глобус 8vo, 2s. 6d. net.

Еврейский мир.— "В небольшой книге из 160 страниц, которую можно прочесть за два-три часа, достаточно пищи для размышлений, чтобы хватило на столько лет".

СЕРИЯ "ДОСТОЙНЫЕ ЕВРЕИ".

МАЙМОНИД. Дэвид Йеллин и Израэль Абрахамс. Иллюстрированный. Глобус 8vo, 2s. 6d. net.

Еврейская хроника.— "Образцовая биография".

РАШИ. Автор Морис Либер. Перевод с французского Адель Шольд. Глобус 8vo, 3s. 6d. net.

* * * * *

ПИСЬМО АРИСТЕЯ. Переведено на английский с введением и примечаниями Х. Сент-Дж. Теккереем, М.А. 8vo. Сшитый, 1с.

Еврейский мир.— "Надежный и научный".

МИССИЯ МЕНАССЕХА БЕН ИЗРАЭЛЯ ОЛИВЕРУ КРОМВЕЛЮ. Является перепечаткой брошюр, опубликованных Менассе Бен Израэлем с целью содействия реадмиссии евреев в Англию в 1649-1656 годах. Отредактировано, с введением и примечаниями, Люсьеном Вольфом, бывшим президентом и вице-президентом Еврейского исторического общества Англии. С портретом. Супер Роял 8во, 21с. нетто.

Еврейская хроника.— “Книга, заслуживающая самой высокой оценки”.

ЭТИКА ИУДАИЗМА. М. Лазарус, доктор философии. Перевод с немецкого Генриетты Шольд. В четырех частях. Часть I., Crown 8vo, 3s. 6d. net. Часть II., Crown 8vo, 3s. 6d. net.

Еврейская хроника.— “Заслуживает самого сердечного приема”.

ТРУДЫ ЕВРЕЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА Англии. Том IV. Заседания 1899-1901 гг. Super Royal 8vo, жесткие доски, 16 сек.

МАКМИЛЛАН И КОМПАНИЯ
НОВЫЕ И НЕДАВНИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ.

ЖИЗНЬ УИЛЬЯМА ЭВАРТА ГЛАДСТОНА. Джона Морли. С портретами. По 2 тома. 8в. 5с. нетто каждый.

ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ.

ЛОРД РЭНДОЛЬФ ЧЕРЧИЛЛЬ. Автор: Дistinguished Уинстон Спенсер Черчилль, член парламента С портретом и другими иллюстрациями. 8vo. 7s. 6d. net.

ЛЕКЦИИ По СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ. Лорд Эктон. Под редакцией Джона Невилла Фигиса, магистра медицины, и Реджинальда Вера Лоуренса, магистра медицины 8vo. 10s. net.

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ. В пяти томах. Герберт Пол. Тома. I и II. (с 1846 года до смерти Пальмерстона). Т.1. III. (с 1865 по 1876). Том. IV. (1875-1885). Том. V. (1885-1895). 8во. 8с. 6д. нетто каждый.

ИСТОРИЯ БРИТАНСКОЙ АРМИИ. 8в. Тома. I. и II. (к завершению семилетней войны). Том. III. (ко Второму Парижскому миру). С картами и планами. по 18 страниц в каждой. Том IV. (от падения Бастилии до Амьенского мира). В двух частях и отдельном томе Карт. 42s. net.

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ ИСПАНИИ. Генри Чарльз Ли, доктор права В 4-х томах. Тома I., II. и III. 8vo. 10s. 6d. нетто каждый.

ИСТОРИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ От КОМПРОМИССА 1850 ГОДА До ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ На ЮГЕ В 1877 ГОДУ. Джеймс Форд Роудс, доктор права, Литтл.Д. 8. Тома. I. и II., 24 с. Тома. III. к VII, по 12 страниц в каждой.

MACMILLAN AND CO., LIMITED, ЛОНДОН

Примечания переписчика

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда в оригинальной книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки; несбалансированные кавычки были исправлены, когда изменение было очевидным, и в противном случае оставлены несбалансированными.

В оригинальной книге примечания (все с датами) были на внешних полях и часто в середине абзаца. В этой электронной книге они расположены примерно в тех же местах, что и в оригинальной книге, но выше или встроены в абзацы, заштрихованы и иногда заключены в ♦ ромбы ♦, чтобы указать, что это побочные примечания.

Указатель не был проверен на правильность расположения в алфавитном порядке или ссылок на страницы. Между "Витте" и "Зангвиллом" нет записей, и в оригинальной книге нет пропущенных страниц.